Фюстель де-Куланжъ.

ГРАЖДАНСКАЯ ОБЩИНА ДРЕВНЯГО МІРА.

Переводъ съ французскаго **А. М.**

ПОДЪ РЕДАКЦІЕЙ

проф. **Д. Н. Кудрявскаго.**

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія **Б. М. Вольфа**. Невскій, 126.
1906.

ВВЕДЕНІЕ.

Необходимость изученія древнѣйшихъ вѣрованій народовъ для пониманія ихъ учрежденій.

Мы намѣрены указать въ предлагаемомъ сочиненіи тѣ начала и принципы, которыми управлялись греческое и римское общество. Греки и римляне объединены здѣсь, въ этомъ изслѣдованіи, потому, что эти два народа, составлявшіе двѣ вѣтви одной и той же расы, говорившіе нарѣчіями, которыя развились изъ одного и того же общаго языка, имѣли оба общія основы своихъ учрежденій и оба прошли рядъ сходныхъ между собой преобразованій.

Мы постараемся выяснить тѣ коренныя и существенныя различія, которыя дѣлаютъ совершенно непохожими другъ на друга древніе и новые народы. Наша система воспитанія, переносящая насъ съ дѣтства въ среду грековъ и римлянъ, пріучаетъ насъ безпрестанно сравнивать ихъ съ собой, судить объ ихъ исторіи по нашей и объяснять наши революціи ихъ переворотами. То, что мы получили отъ нихъ, и то, что они намъ завѣщали, заставляетъ насъ думать, что они были похожи на насъ; намъ трудно разсматривать ихъ, какъ народы чуждые намъ, и мы почти всегда видимъ въ нихъ самихъ себя. Это служитъ источникомъ многихъ заблужденій. Мы непремѣнно ошибемся по отношенію древнихъ народовъ, если станемъ ихъ разсматривать съ точки зрѣнія принциповъ и событій нашего времени.

Ошибки же въ этой области могутъ быть очень опасны. Представленія, созданныя о Греціи и Римѣ, не разъ волновали умы нашихъ поколѣній. Такъ какъ учрежденія древняго міра были плохо поняты, то явилась мысль, будто ихъ можно снова воскресить къ жизни среди насъ. Свобода у древнихъ была невѣрно понята, и эта ошибка подвергла опасности свободу народовъ новѣйшихъ. Послѣднія восемьдесятъ лѣтъ нашей исторіи ясно показали, что однимъ изъ большихъ препятствій на пути прогресса современнаго общества является привычка видѣть вѣчно передъ глазами древнихъ грековъ и римлянъ.

Чтобы знать правду объ этихъ древнихъ народахъ, нужно изучать ихъ, оставляя совершенно въ сторонѣ насъ такъ, какъ если бы они были намъ совершенно чужды, съ такимъ же безпристрастіемъ и полной свободой мысли, какъ стали бы мы изучать древнюю Индію или Аравію.

Изучая такимъ образомъ Грецію и Римъ, мы увидимъ, что характеръ ихъ является совершенно недоступнымъ подражанію. Ничто въ новѣйшее время непохоже на нихъ. Ничто въ будущемъ не можетъ стать на нихъ похожимъ. Мы постараемся выяснить, какіе принципы управляли этими обществами, и легко будетъ понять, что тѣ же принципы не могутъ болѣе управлять человѣчествомъ.

Но отчего же? Почему условія управленія людьми теперь не тѣ же, что были нѣкогда прежде? Великія перемѣны, которыя отъ времени до времени совершаются въ строѣ общества, не могутъ порождаться ни случаемъ, ни одною лишь силою. Причина, производящая ихъ, должна быть могущественна, и она должна непремѣнно корениться въ самомъ человѣкѣ. Если законы человѣческаго общежитія теперь не тѣ, что были нѣкогда въ древности, то причина здѣсь та, что въ самомъ человѣкѣ нѣчто измѣнилось. Одна часть нашего существа дѣйствительно измѣняется постоянно изъ вѣка въ вѣкъ; эта измѣняющаяся часть есть наше умственное развитіе. Оно всегда въ движеніи, почти всегда прогрессируетъ, и въ силу этого наши учрежденія и законы тоже подвержены измѣненіямъ. У человѣка въ настоящее время не тѣ идеи, которыя были двадцать пять вѣковъ тому назадъ, а потому онъ и не можетъ управляться такъ, какъ управлялся прежде.

Исторія Греціи и Рима является свидѣтельствомъ и примѣромъ той тѣсной связи, которая всегда существуетъ между понятіями человѣческаго разума и социальнымъ строемъ общества. Посмотримъ на учрежденія древнихъ народовъ, оставляя совершенно въ сторонѣ ихъ вѣрованія, и эти учрежденія покажутся вамъ странными, непонятными, необъяснимыми. Къ чему эти патриціи и плебеи, патроны и клиенты, эвпатриды и ѳеты, и откуда произошли неизгладимыя родовыя отличія, которыя мы видимъ между названными классами? Какой смыслъ въ учрежденіяхъ лакедемонянъ, которыя представляются намъ столь противоестественными? Какъ объяснить несправедливыя странности древняго частнаго права: въ Коринѳѣ и Ѳивахъ—запрещеніе продавать землю; въ Аѳинахъ и Римѣ—неравенство въ наслѣдованіи между братомъ и сестрой? Что именно разумѣли юристы подъ именемъ *агнаціи* и *рода*? Въ силу чего произошли всѣ эти перевороты въ правѣ и перевороты въ политикѣ? Что такое представлялъ собою тотъ совершенно особенный патріотизмъ, поглощавшій иногда всѣ естественныя чувства? Что понимали подъ именемъ свободы, о которой безпрестанно говорилось? Какъ случилось, что учрежденія, стоящія такъ далеко отъ нашего современнаго міропониманія, могли возникнуть и господствовать такъ долго? Какой высшій принципъ далъ имъ власть надъ человѣческими умами?

Но поставьте только рядомъ съ этими учрежденіями и законами—вѣрованія, и факты сразу станутъ ясными, объясненія явятся сами собой. Если, восходя къ первымъ

вѣкамъ существованія даннаго племени, т. е. къ тому времени, когда сложились его учрежденія, замѣтить, какія идеи сложились у него о человѣкѣ, о жизни, смерти, будущей жизни, о божественномъ началѣ, то сейчасъ же видна будетъ тѣсная связь между упомянутыми выше идеями и древними нормами частнаго права, между ритуаломъ, вытекающимъ изъ его вѣрованій, и политическими учрежденіями.

Сравненіе вѣрованій и законовъ показываетъ, что первобытная религія установила греческую и римскую семью, учредила бракъ и власть отца, обозначила степени родства и освятила право собственности и наслѣдованія. Та же самая религія, расширивъ и распространивъ семейную группу, установила болѣе крупную ассоціацію—общину, гдѣ и продолжала властвовать такъ же, какъ и въ семьѣ. Изъ нея вытекаютъ всѣ учрежденія точно такъ же, какъ и все частное право древнихъ. Отъ нея гражданская община получила свое руководящее начало, свои нормы, свои обычаи, свое управленіе. Но съ теченіемъ времени эти старинныя вѣрованія измѣнились или исчезли: а вмѣстѣ съ ними измѣнились и частное право и политическія учрежденія. Наступилъ рядъ переворотовъ, и соціальныя преобразованія всегда правильно слѣдовали за измѣненіями въ области умственнаго развитія.

Итакъ, прежде всего нужно изучать вѣрованія данныхъ народовъ. Особенно важно для насъ узнать наиболѣе древнія, такъ какъ учрежденія и вѣрованія, которыя мы находимъ въ цвѣтущія эпохи Греціи и Рима, есть лишь дальнѣйшее развитіе предшествовавшихъ вѣрованій и учрежденій, и корни ихъ нужно искать въ далекомъ прошедшемъ. Племена греческія и италійскія безконечно древнѣе Ромула и Гомера. Вѣрованія сложились, а учрежденія установились или подготовились въ эпоху болѣе древнюю, во времена незапамятныя.

Но есть ли у насъ надежда достигнуть познанія

этого отдаленнаго прошлаго? Кто скажетъ намъ, что думали люди за десять или пятнадцать вѣковъ до нашей эры? Можно ли уловить снова то, что такъ неуловимо и подвижно,—вѣрованія и взгляды? Мы знаемъ, что думали восточные арійцы тридцать пять вѣковъ тому назадъ; мы знаемъ это изъ гимновъ Ведъ, которые, безъ сомнѣнія, очень древни, изъ законовъ Ману, которые менѣе древни, но гдѣ попадаются мѣста, принадлежащія весьма отдаленной эпохѣ. Но гдѣ же гимны древнихъ эллиновъ? У нихъ были, какъ и у италійцевъ, древнія пѣсни, древнія священныя книги, но ничто изъ всего этого не дошло до насъ. Какое воспоминаніе можетъ сохраниться у насъ о поколѣніяхъ, не оставившихъ намъ никакихъ письменныхъ памятниковъ? По счастью, прошедшее никогда не умираетъ совершенно для человѣка. Человѣкъ можетъ его забыть, но онъ хранитъ его всегда въ самомъ себѣ, потому что таковымъ, каковъ онъ есть во всякую данную эпоху, онъ является продуктомъ и итогомъ всѣхъ предшествовавшихъ эпохъ. Если человѣкъ заглянетъ въ свою душу, то онъ можетъ найти тамъ и распознать эти различныя эпохи по тѣмъ отпечаткамъ, какіе каждая изъ нихъ оставила въ немъ.

Посмотримъ на грека временъ Перикла, на римлянина временъ Цицерона; они носятъ въ себѣ несомнѣнные отпечатки и ясные слѣды наиболѣе отдаленныхъ вѣковъ. У современника Цицерона (я говорю главнымъ образомъ о человѣкѣ изъ народа) воображеніе наполнено легендами; эти легенды дошли до него изъ глубокой древности и въ нихъ ясно виденъ характеръ всего строя мышленія тѣхъ временъ. Современникъ Цицерона говоритъ языкомъ, корни словъ котораго безконечно древни; этотъ языкъ, выражая мысли древнѣйшихъ вѣковъ, сложился сообразно духу того времени и сохранилъ этотъ отпечатокъ, который онъ и передаетъ изъ вѣка въ вѣкъ. Внутренній смыслъ какого-нибудь корня можетъ иногда вскрыть древнее воззрѣніе или древній

обычай. Идеи видоизмѣнились, и воспоминанія о нихъ исчезли, но остались слова—подлинные и непреложные свидѣтели исчезнувшихъ вѣрованій. Современникъ Цицерона совершаетъ извѣстные обряды при жертвоприношеніяхъ, при погребеніяхъ, при брачныхъ церемоніяхъ; эти обряды много древнѣе его самого, и доказательствомъ этому служитъ то, что они болѣе не соотвѣтствуютъ его вѣрованіямъ. Но посмотрите ближе на исполняемые имъ обряды, на извѣстныя, точно опредѣленныя слова, которыя онъ при этомъ произноситъ, и вы найдете въ нихъ отпечатокъ того, во что вѣровали люди пятнадцать или двадцать вѣковъ ранѣе.

КНИГА ПЕРВАЯ.

Древнія вѣрованія.

Глава I.

Вѣрованія, касающіяся души и смерти.

До послѣднихъ временъ Греціи и Рима мы находимъ въ средѣ простого народа рядъ мыслей и обычаевъ, происхожденіе которыхъ принадлежитъ несомнѣнно очень отдаленной эпохѣ, и по нимъ мы можемъ судить, какія понятія составилъ себѣ прежде всего человѣкъ о своей собственной природѣ, своей душѣ, о тайнѣ смерти.

Какъ бы далеко ни восходили мы къ началу исторіи индо-европейской расы, вѣтвями которой являются греческіе и италійскіе народы, нигдѣ не встрѣтимъ мы указаній на то, что среди этой расы существовала мысль, будто съ прекращеніемъ краткой земной жизни для человѣка все кончается. Самыя древнія поколѣнія, задолго еще до появленія философовъ, думали уже, что вслѣдъ за прекращеніемъ этой земной жизни наступаетъ иная, новая. Они смотрѣли на смерть не какъ на уничтоженіе бытія, а какъ на простое видоизмѣненіе жизни.

Но въ какихъ же мѣстахъ и какъ должна протекать эта вторая жизнь? Думали ли, что безсмертный духъ, однажды покинувъ тѣло, долженъ войти въ другое, чтобы его оживить? Нѣтъ, вѣра въ переселеніе душъ никогда не могла пустить корней въ умахъ народовъ греко-италійскихъ. И у

восточныхъ арійцевъ она тоже не является древнѣйшимъ вѣрованіемъ, такъ какъ гимны Ведъ противорѣчатъ ему. Полагали ли, что духъ восходитъ къ небесамъ, въ свѣтозарныя области? Тоже нѣтъ; мысль о томъ, что души входятъ въ небесное жилище, принадлежитъ сравнительно позднѣйшей эпохѣ на западѣ; небесное мѣстопребываніе считалось какъ награда для нѣкоторыхъ только великихъ людей и благодѣтелей человѣчества. Согласно самымъ древнѣйшимъ вѣрованіямъ грековъ и италійцевъ душа не уходила въ иной міръ во время своей второй жизни; она оставалась тутъ же вблизи людей и продолжала жить подъ землей.

Довольно долго господствовало даже вѣрованіе, что во время вторичнаго существованія душа остается соединенной съ тѣломъ. Рожденная вмѣстѣ съ нимъ, она не разставалась съ тѣломъ и по смерти и вмѣстѣ съ нимъ покоилась въ могилѣ.

Какъ бы ни были древни эти вѣрованія, у насъ есть достовѣрныя свидѣтельства о нихъ. Свидѣтельствами этими являются погребальные обряды, надолго пережившіе первобытныя вѣрованія; но несомнѣнно, что упомянутые обряды родились вмѣстѣ съ вѣрованіями и могутъ объяснить намъ ихъ значеніе.

Погребальные обряды ясно указываютъ на то, что, опуская тѣло въ могилу, думали, что вмѣстѣ съ этимъ хоронятъ и нѣчто живое. Вергилій, описывающій всегда такъ точно и тщательно религіозныя церемоніи, заканчиваетъ свой разсказъ о похоронахъ Полидора слѣдующими словами: „Мы заключаемъ душу въ могилу“. То же выраженіе встрѣчается у Овидія и Плинія Младшаго; это не значитъ, чтобы оно соотвѣтствовало тому представленію, которое было у названныхъ писателей о душѣ, но, обращаясь съ незапамятныхъ временъ въ языкѣ, выраженіе это свидѣтельствуетъ о древнихъ народныхъ вѣрованіяхъ.

Существовалъ обычай по окончаніи погребальной церемоніи трижды призывать душу умершаго, называя ее тѣмъ именемъ, какое онъ носилъ. Ей выражали пожеланія счастливой жизни подъ землей. Ей трижды говорили: „Будь счастлива“; и прибавляли; „Пусть земля тебѣ будетъ легка“.

До такой степени вѣрили, что человѣкъ будетъ продолжать жить подъ землей и что онъ сохранитъ и въ могилѣ чувство удовольствія и страданія! На гробницѣ писали, что здѣсь покоится человѣкъ,—выраженіе, которое пережило вѣрованія и, передаваясь изъ вѣка въ вѣкъ, дошло до насъ. Мы употребляемъ его еще и теперь, хотя никто нынѣ не думаетъ, будто безсмертное существо можетъ покоиться въ могилѣ. Въ древности же твердо вѣрили, что человѣкъ живетъ тамъ, а потому никогда не забывали зарыть вмѣстѣ съ нимъ тѣ вещи, въ которыхъ, какъ предполагалось, онъ могъ нуждаться: одежду, сосуды, оружіе. На могилу возливали вино, чтобы утолить его жажду, ставили пищу, чтобы утолить его голодъ. Убивали лошадей и рабовъ съ тѣмъ намѣреніемъ, чтобы эти существа, погребенныя вмѣстѣ съ умершимъ, служили ему въ могилѣ, какъ служили при жизни. Послѣ взятія Трои греки собираются въ обратный путь на родину; каждый изъ нихъ уводитъ съ собой прекрасную плѣнницу: Ахиллъ, лежащій подъ землей, требуетъ тоже свою плѣнницу, и ему отдаютъ Поликсену.

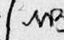
Одинъ стихъ Пиндара сохранилъ намъ любопытный остатокъ идей древнихъ поколѣній. Фриксъ долженъ былъ покинуть Грецію и бѣжалъ въ Колхиду. Въ этой странѣ онъ умеръ, но и мертвый все стремился вернуться въ Грецію. И вотъ онъ явился во снѣ Пеліасу, приказывая ему отправиться въ Колхиду и взять оттуда его, Фрикса, душу. Душа его, безъ сомнѣнія, тосковала по родной землѣ, семейной гробницѣ; но, прикованная къ тѣлеснымъ останкамъ, она не могла покинуть безъ нихъ Колхиду. Изъ этого первобытнаго вѣрованія возникла необходимость погребенія. Для того, чтобы душа была водворена въ подземномъ жилищѣ, приличествующемъ ей для посмертной жизни, необходимо было, чтобы и тѣло, съ которымъ она продолжала быть тѣсно связана, было покрыто землей. Душа, лишенная могилы, не имѣла своего жилища. Она была скиталицей. Напрасно жажда-

ла она покоя, къ которому должна была стремиться послѣ трудовъ и волненій этой жизни; она осуждена была вѣчно бродить, скитаться въ видѣ призрака, ларвы, никогда не останавливаясь, никогда не получая ни приношеній, ни пищи, которыя были ей необходимы. Несчастная, она становилась вскорѣ злотворной. Она мучила живыхъ, насылала на нихъ болѣзни, опустошала ихъ жатвы, пугала мрачными видѣньями, чтобы внушить имъ дать погребеніе ея тѣлу и ей самой. Отсюда возникло вѣрованіе въ привидѣнія, въ явленія мертвецовъ. Весь древній міръ былъ убѣжденъ, что безъ погребенія душа несчастна, страдаетъ, и что обрядъ погребенія дѣлаетъ ее на вѣки счастливой. Не ради того, чтобы выставить на видъ свою печаль, совершались погребальныя церемоніи,—онѣ совершались ради успокоенія и счастья усопшаго.

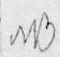
Обратимъ вниманіе, что одного преданія тѣла землѣ было недостаточно. Нужно было соблюсти традиціонные обряды и произнести установленныя формулы, молитвы. У Плавта мы находимъ исторію одного выходца изъ могилы; то была душа, принужденная скитаться, потому что ея тѣло было предано землѣ безъ соблюденія предписанныхъ обрядовъ. Светоній разсказываетъ, что тѣло Калигулы было предано землѣ безъ совершенія погребальнаго ритуала, оттого душа его стала скитаться по свѣту, являясь живымъ до тѣхъ поръ, пока, наконецъ, не рѣшились вырыть изъ земли его тѣло и предать его снова погребенію, согласно установленнымъ обрядамъ. Эти два примѣра показываютъ ясно, какое дѣйствіе приписывалось обрядамъ и установленнымъ формуламъ погребальныхъ церемоній. Такъ какъ безъ нихъ души, не зная покоя, скитались по землѣ и являлись живымъ, то, значитъ, благодаря имъ души эти водворялись и погребались въ могилахъ. И подобно тому, какъ у древнихъ были формулы-молитвы, имѣющія эту силу, у нихъ были другія, имѣющія силу противоположную, а именно—вызывать души умершихъ, заставлять ихъ выходить на минуту изъ могилы.

У древнихъ писателей можно видѣть, насколько мучилъ человѣка страхъ, что послѣ его смерти по отношенію къ нему не будетъ соблюденъ весь подобающій ритуалъ. Это являлось источникомъ мучительнаго безпокойства. Менѣе боялись смерти, чѣмъ лишенія погребальныхъ обрядовъ. Такъ какъ тутъ шло дѣло о вѣчномъ успокоеніи и вѣчномъ счастіи, мы не должны слишкомъ удивляться аѳинянамъ, казнившимъ своихъ полководцевъ послѣ одержанной ими на морѣ побѣды, за то, что они пренебрегли погребеніемъ умершихъ. Эти полководцы, ученики философовъ, быть можетъ, уже различали душу отъ тѣла, а такъ какъ они не думали, что участь одной зависитъ отъ участи другого, то имъ не представлялся особенно важнымъ вопросъ, гдѣ трупъ подвергнется своему разложенію, въ землѣ или въ водѣ. Они не захотѣли подвергать себя опасности, приближавшейся бури, изъ-за пустой обрядности: подобрать и похоронить въ землѣ умершихъ. Но толпа, которая даже въ Аѳинахъ продолжала твердо держаться старинныхъ вѣрованій, обвинила полководцевъ въ нечестіи и осудила ихъ на смерть. Они спасли Аѳины своей побѣдой, но своей небрежностью они погубили тысячи душъ. И родственники убитыхъ, думая о тѣхъ долгихъ мукахъ, которыя придется терпѣть этимъ душамъ, явились въ траурныхъ одеждахъ въ судилище, требуя мщенія.

Въ древнихъ государствахъ законъ поражалъ великихъ преступниковъ наиболѣе ужаснымъ наказаніемъ—лишеніемъ погребенія. Такимъ образомъ наказывалась сама душа и обрекалась почти на вѣчную муку.

Нужно замѣтить, что у древнихъ образовалось еще другое представленіе о мѣстопребываніи умершихъ. Они воображали себѣ область, тоже подземную, но несравненно болѣе обширную, чѣмъ могила; въ этой области жили вмѣстѣ всѣ души вдали отъ ихъ тѣлъ, и здѣсь между душами распредѣлялись наказанія и награды, сообразно тому, какую жизнь велъ человѣкъ на землѣ. Но тѣ погребальные обряды, о которыхъ мы только-что говорили, находятся въ очевидномъ разногласіи съ подобными вѣрованіями: несомнѣнное доказательство, что въ тѣ времена, когда сложились эти обряды, не существовало еще вѣры ни въ Тартаръ, ни въ Елисейскія поля.

Первобытныя представленія этихъ древнихъ поколѣній были таковы, что человѣческое существо продолжаетъ жить и въ могилѣ, что душа не отдѣляется отъ тѣла и по смерти остается прочно прикрѣпленной къ той части земли, гдѣ погребены останки. Человѣкъ не долженъ былъ отдавать никакого отчета въ своей предыдущей жизни. Разъ опущенный въ могилу, онъ не долженъ былъ ожидать болѣе ни наградъ, ни наказаній. Представленія, несомнѣнно, грубыя, но таковъ былъ младенческій періодъ понятія о загробной жизни.

Существо, жившее подъ землей, не было достаточно отрѣшено отъ человѣческой природы, чтобы не нуждаться въ пищѣ. А потому въ опредѣленные дни въ году на всякую могилу приносили съѣстное.

Овидій и Вергилій дали намъ описаніе этой церемоніи, которая сохранилась неизмѣнно до ихъ дней, хотя вѣрованія уже видоизмѣнились. Они разсказываютъ, что могила украшалась большими гирляндами изъ травъ и цвѣтовъ, на нее ставились кушанья, фрукты, соль, возливалось молоко, вино, иногда кровь жертвы.

Было бы весьма ошибочнымъ полагать, что подобныя могильныя пиршества совершались лишь какъ бы въ память усопшихъ. Пища, которую приносила семья, предназначалась дѣйствительно для умершаго и исключительно для него. Доказательствомъ этого служитъ тотъ фактъ, что молоко и вино выливались на землю могилы, а чтобы твердая пища могла дойти до мертваго, въ землѣ выкапывалось отверстіе; въ случаѣ же, если приносилась жертва, то она сжигалась вся цѣликомъ, чтобы никто изъ живыхъ не могъ ея отвѣдать; затѣмъ произносились опредѣленныя священныя слова, приглашавшія мертваго ѣсть и пить. Далѣе, если вся семья и присутствовала при этомъ пиршествѣ, то къ кушаньямъ никто не притрогивался; наконецъ, уходя, старались всегда оставить немного молока и хлѣба въ сосудахъ, и считалось великимъ нечестіемъ, если кто-нибудь изъ живыхъ притронется къ этому запасу, предназначенному удовлетворять нужды умершаго

Эти древнія вѣрованія жили очень долго, и отраженіе ихъ встрѣчается еще у великихъ писателей Греціи: „Я возливаю на землю могилы“, говоритъ Ифигенія у Эврипида, „молоко, медъ и вино: это приноситъ отраду умершимъ“. „Сынъ Пелея“, говоритъ Неоптолемъ, „прими это питье, угодное мертвымъ, приди и пей эту кровь“. Электра, возливая вино, говоритъ: „Питіе проникло въ землю, мой отецъ получилъ его“. Характерна просьба Ореста, обращенная къ умершему отцу: „О, отецъ мой, пока я живъ, ты будешь получать богатыя приношенія, но если я умру, ты не будешь имѣть своей части въ приношеніяхъ, которыми питаются умершіе“. Насмѣшки Лукіана надъ этими обычаями доказываютъ, что они существовали еще въ его время: „Люди воображаютъ“, говоритъ онъ, „что души умершихъ выходятъ изъ преисподней на обѣды, которые имъ приносятъ, что онѣ наслаждаются запахомъ мяса и пьютъ вино, вылитое на ихъ могилы. У грековъ передъ всякой могилой было устроено мѣсто, назначенное спеціально для закланія жертвы и для сжиганія ея мяса. У римской гробницы была своя *culina*, нѣчто вродѣ особой кухни для приготовленія пищи, предназначаемой исключительно для умершихъ. Плутархъ разсказываетъ, что послѣ битвы при Платеѣ убитые воины были похоронены на полѣ битвы, и платейцамъ было поручено справлять ежегодно похоронное пиршество для умершихъ. Вслѣдствіе этого ежегодно въ день годовщины большое шествіе, съ главными властями во главѣ, направлялось изъ города къ холму, подъ которымъ были погребены убитые. Имъ приносили въ даръ молоко, вино, оливковое масло, благовонія и закалывали жертву. Когда приношенія бывали уставлены на могилѣ, платейцы произносили священныя слова, которыми они призывали умершихъ придти и раздѣлить трапезу. Эта церемонія совершалась еще во времена Плутарха, которому удалось видѣть ее въ ея шестисотую годовщину. Лукіанъ поясняетъ намъ впослѣдствіи, изъ какихъ воззрѣній зародились эти обычаи. „Мертвые“, пишетъ онъ, „питаются кушаньями, которыя мы приносимъ на ихъ могилы, они пьютъ вино, которое мы выливаемъ тамъ.

на землю; слѣдовательно, умершій, которому ничего не приносятъ, осужденъ вѣчно голодать". Вотъ тѣ весьма древнія вѣрованія, которыя представляются намъ ложными и нелѣпыми; а между тѣмъ они властвовали надъ человѣкомъ въ продолженіе длиннаго ряда поколѣній. Они руководили душами, и скоро мы увидимъ, что они, кромѣ того, управляли и обществомъ, и что большая часть семейныхъ и общественныхъ учрежденій древности вытекаетъ изъ этого источника.

Глава II.

Культъ мертвыхъ.

Эти вѣрованія очень рано дали начало правиламъ поведенія. Такъ какъ мертвые нуждались въ пищѣ и питьѣ, то, слѣдовательно, живые обязаны были удовлетворять ихъ потребности. Забота о доставленіи пищи не была предоставлена произволу или измѣнчивымъ чувствамъ людей; она была обязательна. Такимъ образомъ возникла вся религія мертвыхъ, догматы которой могли исчезнуть довольно рано, но обряды которой существовали вплоть до полнаго торжества христіанства.

Мертвые считались существами священными. Древніе давали имъ самыя почтительныя названія, какія только могли найти, они называли ихъ добрыми, святыми, блаженными. Они питали къ нимъ все благоговѣніе, какое только можетъ быть у человѣка по отношенію къ божеству, которое онъ любитъ или котораго боится. Въ ихъ представленіи всякій умершій былъ богомъ.

Подобное обоготвореніе не являлось преимуществомъ только великихъ людей; между мертвыми различій не дѣлалось. Цицеронъ говоритъ: „Наши предки желали, чтобы люди, покинувшіе эту жизнь, были сопричислены къ сонму боговъ". Не было даже надобности быть для этого человѣкомъ добродѣтельнымъ; но онъ сохранялъ лишь въ своей загробной жизни всѣ

тѣ дурныя наклонности, которыя были у него въ теченіе его земной жизни.

Грекъ охотно давалъ своимъ умершимъ названія подземныхъ боговъ. У Эсхила сынъ такимъ образомъ призываетъ своего умершаго отца: „О ты, ставшій богомъ подъ землею". Эврипидъ говоритъ объ Альцестѣ: „Прохожій остановится у ея могилы и скажетъ: — она стала теперь блаженнымъ божествомъ". Римляне называли умершихъ богами Манами: „Воздайте должное богамъ Манамъ", говоритъ Цицеронъ, „это люди, покинувшіе жизнь, почитайте ихъ существами божественными".

Гробницы были храмами этихъ божествъ. Поэтому онѣ и носили на себѣ священную надпись: „Dis Manibus"—богамъ Манамъ, и по-гречески θεοῖς χθονίοις. Тамъ именно жилъ погребенный *Manesque sepulti*, говоритъ Вергилій. Передъ гробницей находился алтарь для жертвоприношеній, какъ передъ храмами боговъ.

Этотъ культъ мертвыхъ мы находимъ у эллиновъ, у сабинянъ, у латинянъ, у этрусковъ; онъ встрѣчается также у арійцевъ Индіи. Гимны Ригъ-Веды упоминаютъ о немъ. Книга законовъ Ману говоритъ о немъ, какъ о наиболѣе древнемъ, какой только имѣло человѣчество. Уже изъ этой книги видно, что идея переселенія душъ (метемпсихоза) явилась позднѣйшимъ наслоеніемъ надъ этими первобытными вѣрованіями, раньше даже, чѣмъ возникла религія Брамы, а въ то же время даже и при культѣ Брамы и господствѣ ученія о переселеніи душъ живая неискоренимая религія душъ умершихъ предковъ продолжаетъ существовать и вынуждаетъ издателя законовъ Ману считаться съ нею и внести ея предписанія въ священную книгу. Сохраненіе правилъ, относящихся къ такимъ древнимъ вѣрованіямъ, отнюдь не является особенностью этой удивительной книги, изданной, очевидно, въ эпоху господства совершенно противоположныхъ вѣрованій. Этотъ фактъ доказываетъ только, что если требуется много времени для того, чтобы измѣнились вѣрованія людей, то его требуется еще больше для того, чтобы измѣнились внѣшнія проявленія и правила, предписывавшіяся

нѣкогда этими вѣрованіями. Еще донынѣ, послѣ стольких вѣковъ и переворотовъ, индусы продолжаютъ приносить жертвы предкамъ. Эти идеи и обряды являются наиболѣе древнимъ достояніемъ индо-европейской расы и оказываются наиболѣе устойчивыми.

Культъ этотъ былъ одинаковъ въ Индіи, какъ и въ Греціи и въ Италіи. Индусъ долженъ былъ доставлять манамъ пищу, которая называлась шраддха. „Пусть хозяинъ дома принесетъ шраддху изъ риса, молока, кореньевъ, плодовъ, чтобы тѣмъ привлечь къ себѣ благоволеніе мановъ“. Индусъ вѣрилъ, что въ то время, когда онъ приносилъ яства для умершихъ, маны предковъ являлись, садились около него и принимали пищу, которую онъ имъ предлагалъ. Онъ вѣрилъ также, что эта трапеза доставляла умершимъ очень большое наслажденіе: „Когда шраддха совершена согласно священнымъ обрядамъ, предки того, кто ее приноситъ, испытываютъ полнѣйшее удовлетвореніе“.

Такимъ образомъ, восточные арійцы думали вначалѣ совершенно такъ же, какъ и западные, относительно таинственной судьбы человѣка послѣ смерти. Раньше, чѣмъ вѣрить въ переселеніе душъ, для чего уже требовалось полное различеніе души отъ тѣла, они вѣрили въ смутное и неопредѣленное бытіе человѣческаго существа, невидимаго, но въ то же время вещественнаго, которое требовало себѣ отъ смертныхъ пищи и питія.

Индусъ, какъ и грекъ, видѣлъ въ умершихъ существа божественныя, наслаждающіяся блаженнымъ существованіемъ. Но для ихъ счастья требовалось непремѣнное соблюденіе одного условія, а именно—живущіе должны были въ точности соблюдать установленныя имъ жертвоприношенія. Если умершему переставали приносить шраддху, то душа его покидала свое мирное жилище, начинала бродить по землѣ и мучить живыхъ. Такъ что, если маны были дѣйствительно богами, то лишь постольку, поскольку живые чествовали ихъ культомъ.

Точно такія же понятія были у грековъ и у римлянъ. Если мертвымъ переставали приносить могильныя жертвы, то

они тотчасъ же выходили изъ своихъ могилъ, становились блуждающими тѣнями, и стоны ихъ раздавались въ безмолвныя ночи. Они укоряли живущихъ въ ихъ нечестивомъ нерадѣніи, старались наказать ихъ, насылали на нихъ болѣзни или поражали землю безплодіемъ. Они, наконецъ, совершенно не давали живымъ покоя до тѣхъ поръ, пока тѣ не возстановляли могильныхъ приношеній. Жертвы, предложеніе пищи и возліянія вина заставляли души войти опять въ могилы, возвращали имъ покой, божественныя свойства, и полный миръ возстановлялся снова между ними и человѣкомъ.

Если покойникъ, къ которому относились небрежно, дѣлался существомъ, приносящимъ зло, то зато покойникъ, котораго чтили, являлся богомъ-покровителемъ. Онъ любилъ тѣхъ, которые приносили ему пищу. Чтобы охранять ихъ, онъ продолжалъ принимать участіе въ человѣческихъ дѣлахъ и показывалъ тутъ свое вліяніе. Хотя и мертвый, онъ умѣлъ быть дѣятельнымъ и сильнымъ. Къ нему обращались съ просьбами, у него просили поддержки и милости. Встрѣчая на пути гробницы, останавливались и говорили: „ты, ставшій богомъ подъ землей, будь ко мнѣ милостивъ“.

О степени могущества, какое приписывали мертвымъ древніе, можно судить по молитвѣ, съ которой Электра обращается къ манамъ своего отца: „Сжалься надо мною и надъ братомъ Орестомъ; верни его въ эту страну; услышь мою молитву, о мой отецъ, внемли моимъ желаніямъ, принимая эти возліянія“. Эти могущественныя божества даютъ не только матеріальныя блага, потому что Электра тутъ же добавляетъ: „Дай мнѣ сердце болѣе цѣломудренное, чѣмъ сердце моей матери, и руки болѣе чистыя“. Такъ же и индусъ проситъ у мановъ: „да возрастетъ въ его семьѣ число людей добродѣтельныхъ и да пошлется ему изобиліе благъ для подаянія“.

Эти человѣческія души, возводимыя послѣ смерти въ божества, были тѣмъ, что греки называли *демонами* или *героями*. Латины называли ихъ *Ларами*, *Манами*, *Геніями*. „Предки наши думали“, говоритъ Апулей, „что Маны, когда они бываютъ духами зла, должны были бы на-

зываться *Ларвами*, *Ларами* же называли ихъ тогда, когда они были благодѣтельными и милостивыми". Въ другомъ мѣстѣ читаемъ: „Геній и Ларъ это одно и то же существо, такъ думали наши предки"; и у Цицерона: „Тѣхъ, кого греки называютъ демонами, мы называемъ Ларами".

Эта религія мертвыхъ была, повидимому, наиболѣе древней у индо-европейской расы. Раньше, чѣмъ создать и обоготворить Индру и Зевса, человѣкъ обожалъ умершихъ; онъ испытывалъ передъ ними страхъ и обращался къ нимъ съ молитвами. Религіозное чувство, кажется, съ этого и началось. Быть можетъ, при видѣ смерти у человѣка впервые зародилась идея о сверхъестественномъ, явилось стремленіе надѣяться на нѣчто, находящееся по ту сторону видимаго. Смерть была первой тайной, представшей передъ человѣкомъ; она поставила его на путь другихъ тайнъ. Она вознесла его мысль отъ видимаго къ невидимому, отъ преходящаго къ вѣчному, отъ человѣческаго къ божественному.

Глава III.

Священный огонь.

Въ домѣ всякаго грека или римлянина находился алтарь, а на этомъ алтарѣ было постоянно немного пепла и горячихъ углей. И хозяину каждаго дома вмѣнялось въ священнѣйшую обязанность поддерживать день и ночь этотъ огонь. Горе было тому дому, гдѣ онъ угасалъ! Всякій вечеръ угли покрывались золой, чтобы воспрепятствовать имъ окончательно сгорѣть; утромъ, пробудясь, первой заботой было оживить этотъ огонь новымъ топливомъ, подложить въ него нѣсколько вѣтокъ. Огонь на алтарѣ переставалъ горѣть лишь тогда, когда погибала вся семья; угасшій очагъ, угасшая семья—эти выраженія были синонимами у древнихъ.

Очевидно, что обычай поддерживать неугасаемый огонь на алтарѣ относился къ какому-нибудь древнему вѣрованію. Правила и обряды, которые соблюдались въ этомъ отношеніи, показываютъ, что это былъ не пустой обычай. Не всякимъ деревомъ разрѣшалось поддерживать огонь; религія различала между породами деревьевъ тѣ изъ нихъ, которыя могли быть употребляемы для названной цѣли, и тѣ, употреблять которыя считалось нечестіемъ. Религія предписывала также, чтобы огонь оставался всегда чистымъ; въ буквальномъ смыслѣ это означало, что никакой грязной вещи нельзя бросать въ этотъ огонь; а въ переносномъ, что никакое преступное дѣяніе не должно было совершаться передъ лицомъ его. У римлянъ былъ въ году одинъ день—1-ое марта, когда всякая семья должна была погасить свой священный огонь, чтобы тотчасъ же возжечь новый. Но чтобы получить этотъ новый огонь, существовали извѣстные обряды, которые нужно было выполнять самымъ тщательнымъ образомъ. Особенно слѣдовало остерегаться употреблять въ дѣло кремень, ударяя по немъ желѣзомъ. Единственными дозволенными способами добыванія огня были—либо собираніе въ одну точку солнечныхъ лучей, либо добываніе искры огня при помощи тренія опредѣленнымъ образомъ двухъ кусковъ дерева одинъ о другой. Эти различныя правила доказываютъ достаточно ясно, что по понятіямъ древнихъ дѣло заключалось не въ томъ только, чтобы добыть или сохранить огонь, какъ полезный и пріятный элементъ; люди древности видѣли нѣчто другое въ огнѣ, горѣвшемъ на ихъ алтаряхъ.

Огонь этотъ являлся чѣмъ-то священнымъ, его обоготворяли, ему воздавали истинное поклоненіе; ему приносили въ жертву все, что могло считаться пріятнымъ богу: цвѣты, плоды, ароматы, вино. У него просили покровительства, его считали могущественнымъ; къ нему обращались съ горячими молитвами, прося о ниспосланіи того, чего вѣчно жаждетъ человѣчество,—здоровья, богатства, счастья. До насъ дошла въ орфеевскихъ гимнахъ одна изъ этихъ молитвъ; въ ней говорится слѣдующее: „Сдѣлай насъ всегда цвѣтущими, всегда счастливыми, о огонь, о ты, который вѣчно прекрасенъ, всегда юнъ, ты, который питаешь, ты, богатый, прими милостиво

наши приношенія и дай намъ за это счастье и столь пріятное для человѣка здоровье". Въ огнѣ, такимъ образомъ, видѣли благодѣтельнаго бога, который поддерживалъ жизнь человѣка, бога изобилія, который питалъ его своими дарами, бога сильнаго, который охранялъ домъ и семью. Въ случаѣ опасности близъ него искали убѣжища. Когда враги овладѣли дворцомъ Пріама, Гекуба увлекаетъ стараго царя къ алтарю. „Твое оружіе не защититъ тебя", говоритъ она, „но этотъ алтарь будетъ намъ всѣмъ охраной".

Посмотрите, что дѣлаетъ, умирая, Альцеста, когда она жертвуетъ своей жизнью для спасенія мужа. Она подходитъ къ алтарю и взываетъ къ нему въ такихъ выраженіяхъ: „О божество, владыко этого дома, въ послѣдній разъ преклоняюсь я передъ тобой, въ послѣдній разъ обращаюсь къ тебѣ съ молитвами, потому что я скоро сойду туда, гдѣ живутъ умершіе. Блюди моихъ дѣтей, у которыхъ не будетъ болѣе матери; дай моему сыну нѣжную жену, дай моей дочери благороднаго супруга. Дай, чтобы они не умерли преждевременно, какъ я; но пусть проведутъ они въ счастіи долгую жизнь". Огонь же и обогащалъ семью. Плавтъ въ одной изъ своихъ комедій изображаетъ его соразмѣряющимъ свои дары съ тѣмъ почитаніемъ, которое ему воздаютъ. Греки называли его богомъ изобилія, богатства, κτήσιος. Отецъ призывалъ его на своихъ дѣтей и просилъ дать имъ здоровья и всякихъ земныхъ благъ. Въ несчастіи человѣкъ роптaлъ на свой очагъ и обращался къ нему съ упреками, въ счастіи онъ воздавалъ ему благодарность. Воинъ, возвратившійся съ поля брани, благодарилъ его за избавленіе отъ опасностей. Эсхилъ изображаетъ намъ, какъ возвращается Агамемнонъ послѣ Троянской войны, счастливый, покрытый славою; но не Зевса идетъ онъ возблагодарить за это, не въ храмъ боговъ несетъ онъ свою радость и благодарность,—онъ спѣшитъ принести благодарственную жертву собственному очагу, огню, горящему на алтарѣ его дома. Человѣкъ никогда не выходилъ изъ своего дома, не помолившись передъ уходомъ очагу; по возвращеніи, раньше чѣмъ увидаться съ же-

ной, обнять дѣтей, онъ долженъ былъ преклониться съ молитвою передъ огнемъ, горящимъ на алтарѣ.

Огонь очага былъ, слѣдовательно, провидѣніемъ семьи. Культъ этотъ былъ очень простъ; первое и главнѣйшее правило заключалось въ томъ, что на алтарѣ должны были постоянно находиться горящіе уголья; если угасалъ огонь, то вмѣстѣ съ нимъ угасалъ и богъ. Въ опредѣленные часы дня на очагъ возлагались дрова и сухія травы; и богъ являлъ тогда свое бытіе въ яркомъ пламени. Ему приносились жертвы, но важнѣйшей сущностью всѣхъ жертвоприношеній было поддерживаніе и оживленіе священнаго огня, самое главное было питать и развивать существо бога. Вотъ почему прежде всего ему приносили въ жертву дерево, затѣмъ возливали воспламеняющееся вино Греціи, оливковое масло, ароматы, жиръ жертвенныхъ животныхъ. Богъ принималъ и пожиралъ эти жертвы; ублаготворенный и свѣтозарный, вздымался онъ вверхъ на алтарѣ, освѣщая своими лучами поклоняющихся ему. Въ этотъ именно моментъ нужно было обращаться къ нему съ молитвой, и молитвенный гимнъ выливался изъ сердца человѣка.

Принятіе пищи было дѣломъ религіознымъ по преимуществу. Самъ богъ занималъ тутъ первое мѣсто. Вѣдь онъ пекъ хлѣбъ и варилъ пищу, поэтому къ нему нужно было обращаться съ молитвой при началѣ и окончаніи ѣды. Раньше чѣмъ приступить къ ѣдѣ, на алтарь возлагали первые куски пищи, раньше чѣмъ начать пить, на алтарь возливали вино. Это была доля бога. Никто не сомнѣвался въ томъ, что онъ присутствуетъ здѣсь, ѣстъ и пьетъ; и въ самомъ дѣлѣ, развѣ не было для всѣхъ видимо, какъ возрастало его пламя, какъ бы питаемое предложенной пищей? Трапеза, такимъ образомъ, раздѣлялась между человѣкомъ и богомъ; это былъ священный обрядъ, при помощи котораго они входили во взаимное общеніе. Эти древнія вѣрованія исчезли изъ сознанія людей съ теченіемъ времени, но созданные ими обычаи, обряды, формы рѣчи существовали еще очень долго, и даже невѣрующій человѣкъ не могъ безъ нихъ обойтись. Горацій, Ови-

дій, Ювеналъ ужинали еще передъ своимъ очагомъ и совершали возліянія и молитвы.

Культъ священнаго огня не являлся исключительной особенностью народовъ Греціи и Италіи. Мы находимъ его и на Востокѣ. Законы Ману, въ той редакціи, въ которой они дошли до насъ, представляютъ намъ культъ Брамы уже окончательно сложившимся и клонящимся даже къ упадку, но тѣмъ не менѣе они сохранили слѣды и остатки другой болѣе древней религіи, религіи очага, которую культъ Брамы низвелъ на вторую степень, но уничтожить все-таки не могъ. У брамина свой очагъ, и онъ долженъ день и ночь поддерживать на немъ неугасимый огонь. Всякое утро и всякій вечеръ онъ даетъ ему въ пищу дерево; но, какъ и у грековъ, для этого могли употребляться только извѣстные опредѣленные сорта дерева, указанные религіей. Подобно тому какъ греки и италійцы приносили въ жертву огню вино, точно такъ же и индусъ возливаетъ перебродившій напитокъ, называемый сома. Принятіе пищи и здѣсь опять-таки является священнодѣйствіемъ, и обряды его тщательно описаны въ законахъ Ману. Къ огню обращались съ молитвами, какъ и въ Греціи; ему предлагали начатки всякой пищи: рисъ, масло, медъ. Сказано: „браминъ не долженъ вкушать рису отъ новой жатвы, пока не принесетъ сперва часть его въ жертву очагу. Потому что священный огонь алчетъ зерна; если же очагу не воздадутъ почитанія, то онъ погубитъ жизнь нерадиваго брамина“. Индусы, подобно грекамъ и римлянамъ, представляли себѣ, что боги алчутъ не только почестей и уваженія, но также и пищи и питія. Человѣкъ считалъ себя обязаннымъ утолять ихъ голодъ и жажду, если хотѣлъ избѣжать ихъ гнѣва.

У индусовъ божество огня называется часто *Agni*, Агни. Ригъ-Веды содержитъ большое количество посвященныхъ ему гимновъ. Въ одномъ изъ нихъ говорится: „О, Агни, ты жизнь, ты покровитель человѣка... За наши хваленья дай умоляющему тебя отцу семьи славу и богатство... Агни, ты мудрый защитникъ и отецъ; тебѣ обязаны мы жизнью, мы—твоя семья“. Такимъ образомъ, огонь очага у индусовъ, какъ и въ Греціи, есть сила охраняющая, оберегающая. У него испрашиваетъ человѣкъ изобилія: „сдѣлай землю всегда щедрой для насъ“. У него просятъ здоровья: „Дай мнѣ долго наслаждаться свѣтомъ и пусть я приближусь къ старости, какъ солнце къ своему закату“. У него же проситъ онъ и мудрости: „О, Агни, ты поставляешь на истинный путь человѣка, уклонившагося на пути неправые... Если мы совершимъ грѣхъ, если мы удалимся отъ тебя,—прости насъ“. Этотъ огонь очага былъ, какъ и въ Греціи, обязательно чистымъ; брамину было строго запрещено бросать въ него что-либо грязное и даже грѣть на немъ ноги. Какъ и въ Греціи, виновный человѣкъ не смѣлъ подходить къ своему очагу, раньше чѣмъ не очистится отъ вины.

Важнымъ доказательствомъ древности этихъ вѣрованій и обрядовъ является тотъ фактъ, что они встрѣчаются одновременно у народовъ, жившихъ по берегамъ Средиземнаго моря, и у племенъ полуострова Индостана. Безъ сомнѣнія, ни греки не заимствовали этой религіи у индусовъ, ни индусы у грековъ. Но греки, италійцы и индусы принадлежали къ одной и той же расѣ, ихъ предки въ весьма отдаленную эпоху жили вмѣстѣ въ центральной Азіи. Тамъ среди нихъ зародились прежде всего эти вѣрованія и возникли относящіеся къ нимъ обряды. Религія священнаго огня коренится въ эпохѣ весьма отдаленной и покрытой мракомъ, когда еще не существовало ни грековъ, ни италійцевъ, ни индусовъ, когда были только арійцы. Когда же племена отдѣлились другъ отъ друга, они унесли съ собою и этотъ культъ, одни на берега Ганга, другія на берега Средиземнаго моря. Племена, раздѣлившись, не имѣли болѣе сношеній другъ съ другомъ, и съ теченіемъ времени одни стали обожать Браму, другіе Зевса, третьи Януса; каждая группа создала себѣ собственныхъ боговъ, но всѣ они сохранили, какъ древнее наслѣдіе, первобытную религію, которая нѣкогда зародилась среди нихъ и которую они исповѣдывали въ общей колыбели ихъ расы.

Если бы существованіе этого культа у всѣхъ индо-евро-

пейскихъ народовъ не являлось достаточнымъ доказательствомъ его глубокой древности, то можно найти этому еще и другія доказательства въ религіозныхъ обрядахъ грековъ и римлянъ. При всѣхъ жертвоприношеніяхъ, даже тѣхъ, которыя совершались въ честь Зевса или Аѳины, къ очагу обращались съ первымъ молитвеннымъ воззваніемъ. Всякое моленіе какому бы то ни было богу должно было начинаться и оканчиваться молитвой къ очагу. Въ Олимпіи первое жертвоприношеніе отъ всей Греціи совершалось очагу, второе — Зевсу, подобно тому, какъ въ Римѣ прежде всего воздавалось поклоненіе Пестѣ, которая была не что иное какъ очагъ; Овидій говоритъ объ этомъ божествѣ, что оно занимаетъ первое мѣсто въ религіозныхъ обрядахъ людей. Точно такъ же и въ гимнахъ Ригъ-Ведъ мы читаемъ: „Раньше всѣхъ другихъ боговъ мы должны призывать Агни. Его достохвальное имя мы произнесемъ раньше именъ всѣхъ прочихъ безсмертныхъ. О Агни, какому бы богу мы ни воздавали почитаніе принесеніемъ жертвы, всесожженіе всегда относится къ тебѣ". Такимъ образомъ, достовѣрно извѣстно, что въ Римѣ во времена Овидія и въ Индіи во времена браминовъ огонь очага находился еще впереди всѣхъ прочихъ боговъ; хотя Юпитеръ и Брама пріобрѣли гораздо большее значеніе въ религіи, но память людей продолжала хранить сознаніе, что огонь очага на много предшествовалъ этимъ богамъ. Онъ занималъ въ теченіе многихъ вѣковъ первое мѣсто въ культѣ, и новые, хотя и болѣе значительные, боги не могли его вытѣснить съ этого мѣста.

Символы этой религіи видоизмѣнялись съ вѣками. Когда у народовъ Греціи и Италіи вошло въ привычку представлять себѣ боговъ какъ личности, придавать имъ человѣческій образъ и давать всякому изъ нихъ собственное имя, тогда и древній культъ очага подпалъ подъ вліяніе того общаго закона, которому человѣческій разумъ въ тѣ времена подчинялъ всякую религію. Алтарь священнаго огня получилъ свое воплощеніе и его назвали ἑστια, Vesta (Веста); имя было одно и то же на греческомъ и латинскомъ языкахъ, и слово это означало въ

сущности не что иное, какъ названіе алтаря на первобытномъ общемъ языкѣ. Путемъ довольно обычнымъ изъ имени нарицательнаго сдѣлали имя собственное. Мало-по-малу сложилась и легенда; самое божество стали представлять себѣ въ видѣ женщины, потому что слово, означающее алтарь, было женскаго рода. Дошли, наконецъ, и до изображенія богини въ видѣ статуи; но тѣмъ не менѣе никогда не могъ изгладиться слѣдъ первобытнаго вѣрованія, по которому это божество было просто огнемъ, горѣвшимъ на алтарѣ; самъ Овидій принужденъ сознаться, что Веста не что иное, какъ „живое пламя".

Если мы сопоставимъ культъ священнаго огня съ культомъ умершихъ, о которомъ мы только-что говорили, то между обоими обнаружится тѣсная связь.

Замѣтимъ прежде всего, что огонь, поддерживаемый на алтарѣ, не былъ въ представленіи людей вещественнымъ по своей природѣ. Въ немъ видѣли не чисто физическую стихію, которая грѣетъ или сжигаетъ, видоизмѣняетъ тѣла, плавитъ металлы и дѣлается могущественнымъ орудіемъ человѣческаго производства. Огонь алтаря былъ по природѣ нѣчто совершенно другое. Это огонь чистый, онъ могъ быть полученъ только при помощи извѣстныхъ обрядовъ, и поддерживать его разрѣшалось только опредѣленными сортами дерева. Это огонь цѣломудренный; совокупленіе половъ должно быть удалено отъ него. У него просятъ не только богатства и здоровья, у него испрашивается также чистота сердца, умѣренность, мудрость. „Сдѣлай насъ богатыми и цвѣтущими", говорится въ одномъ изъ орфеевскихъ гимновъ, „сдѣлай насъ также мудрыми и цѣломудренными". Огонь очага есть, слѣдовательно, нѣчто вродѣ нравственнаго существа. Правда, онъ свѣтитъ, согрѣваетъ и варитъ священную пищу, но въ то же время у него есть мысль, сознаніе; онъ создаетъ обязанности и блюдетъ за ихъ исполненіемъ. Его можно было бы назвать человѣкомъ, потому что у него, какъ у человѣка, двойственная природа: физически—онъ свѣтитъ, движется, живетъ, приноситъ изобиліе, готовитъ кушанья, питаетъ тѣло; нравственно—онъ чувствуетъ и любитъ, онъ даетъ человѣку нравственную чистоту, онъ

управляетъ добромъ и красотой, питаетъ душу. Можно сказать, что онъ поддерживаетъ человѣческую жизнь въ двойномъ ряду своихъ проявленій. Онъ является одновременно источникомъ богатства, здоровья и добродѣтели. Это поистинѣ богъ человѣческой природы. Позже, когда этотъ культъ былъ отодвинутъ на второй планъ Брамой и Зевсомъ, огонь очага остался тѣмъ, что было для человѣка наиболѣе доступнымъ, понятнымъ въ божественномъ: онъ сталъ посредникомъ между человѣкомъ и богами физической природы; на него была возложена обязанность возносить къ небесамъ молитвы и жертвы людей и приносить имъ свыше божескія милости. Еще позднѣе, когда изъ миѳа о священномъ огнѣ создалась великая Веста, Веста стала богиней-дѣвственницею; она не являла собою въ мірѣ ни плодородія, ни могущества; она была порядкомъ, но не строгимъ, отвлеченнымъ порядкомъ, математическимъ закономъ, не повелительной и роковою ἀνάγκη (необходимость), которую человѣчество подмѣтило съ раннихъ поръ среди явленій природы. Веста представляла порядокъ нравственный. Ее представляли себѣ чѣмъ-то вродѣ міровой души, которая приводитъ въ гармонію движенія различныхъ міровъ, подобно тому, какъ человѣческая душа управляетъ нашими органами.

Здѣсь сквозитъ, такимъ образомъ, мысль первобытныхъ поколѣній. Основа этого культа лежитъ внѣ физической природы и находится въ томъ таинственномъ мірѣ, который составляетъ человѣка.

Сказанное приводитъ насъ къ культу мертвыхъ. Оба культа одинаково древни и оба были столь тѣсно связаны, что вѣра первобытныхъ народовъ сдѣлала изъ нихъ одну религію. Очагъ, демоны, герои, боги, Лары — все это было перемѣшано. Изъ двухъ отрывковъ Плавта и Колумелы видно, что въ повседневной рѣчи говорили безразлично—очагъ или домашній Ларъ, изъ отрывка же Цицерона видно, что не было различія ни между очагомъ и Пенатами, ни между Пенатами и богами Ларами. У Сервія мы читаемъ: „Подъ очагомъ древніе разумѣли боговъ Ларовъ; иначе развѣ могъ бы Вергилій ставить безразлично то очагъ вмѣсто Пенатовъ, то Пенатовъ вмѣсто очага". Въ одномъ знаменитомъ мѣстѣ „Энеиды" Гекторъ говоритъ Энею, что онъ передастъ ему троянскихъ Пенатовъ и передастъ ему огонь очага. Въ другомъ мѣстѣ Эней, призывая тѣхъ же самыхъ боговъ, называетъ ихъ одновременно Пенатами, Ларами и Вестой.

А мы уже видѣли, что тѣ, кого древніе звали Ларами и Героями, были не что иное, какъ души умершихъ, которымъ человѣкъ приписывалъ сверхчеловѣческое могущество и божественность. Воспоминаніе о какомъ-либо изъ этихъ священныхъ мертвецовъ было всегда связано съ очагомъ. Поклоняясь одному, нельзя было забыть другого. Оба они были соединены въ почитаніи людей и въ ихъ молитвахъ. Потомки, говоря объ очагѣ, охотно упоминали при этомъ имя предка: „Покинь это мѣсто,—говоритъ Орестъ Еленѣ,—и подойди выслушать мои слова къ древнему очагу Пелопса"! Также и Эней, говоря объ очагѣ, который онъ перевозилъ съ собою черезъ моря, называетъ его именемъ Лара Ассарака, какъ бы видя въ этомъ очагѣ душу своего предка.

Грамматикъ Сервій, обладавшій весьма большими знаніями по части греческихъ и римскихъ древностей (въ его время онѣ изучались гораздо больше, чѣмъ во времена Цицерона), говоритъ, что въ глубокой древности существовалъ обычай погребать умершихъ въ домахъ, и затѣмъ добавляетъ: „Вслѣдствіе этого обычая въ домахъ именно и воздавалось поклоненіе Ларамъ и Пенатамъ". Эта фраза ясно возстановляетъ древнее соотношеніе между культомъ мертвыхъ и очагомъ. Можно, слѣдовательно, думать, что домашній очагъ былъ вначалѣ лишь символомъ культа мертвыхъ, что подъ камнемъ этого очага покоился какой-либо предокъ, и огонь возженъ былъ въ его честь: огонь этотъ какъ будто поддерживалъ его жизнь или представлялъ собою его вѣчно бодрствующую душу.

Это не болѣе какъ догадка, и у насъ нѣтъ достаточныхъ данныхъ для ея подтвержденія. Одно лишь достовѣрно—это что древнія племена той расы, изъ которой вышли греки и римляне, исповѣдывали культъ мертвыхъ и очага, древнюю

религію, взявшую своихъ боговъ не изъ физической природы, но изнутри самого человѣка, предметомъ поклоненія которой было существо невидимое, находящееся въ насъ, сила духовная и разумная, которая оживляетъ наше тѣло и управляетъ имъ.

Не всегда одинаково сильна была могущественная власть этой религіи надъ человѣческой душой; она ослабѣваетъ мало-по-малу, но не исчезаетъ совершенно. Современница первыхъ вѣковъ арійской расы, она укоренилась такъ глубоко и сильно въ ея нѣдрахъ, что блестящая религія греческаго Олимпа была не въ силахъ искоренить ее, и для этого должно было явиться христіанство.

Мы скоро увидимъ, какое могущественное вліяніе оказала эта религія на домашнія и общественныя учрежденія древнихъ. Она возникла и установилась въ ту отдаленную эпоху, когда индо-европейская раса вырабатывала свои учрежденія, и она опредѣлила путь, по которому затѣмъ пошли народы.

Глава IV.

Домашняя религія.

Мы не должны думать, что эта древняя религія была похожа на тѣ, которыя возникли позже на болѣе высокихъ ступеняхъ человѣческой культуры. Многіе вѣка человѣческой исторіи показали, что человѣчество можетъ принять какое-либо религіозное ученіе только при наличности двухъ условій: первое— ученіе это должно возвѣщать единаго бога, второе—оно должно обращаться ко всѣмъ людямъ, всѣмъ быть доступнымъ, не отвергать ни одного класса, ни одного народа. Первобытная же религія не выполняла ни одного изъ этихъ условій. Она не только не давала людямъ поклоненія единому богу, но и сами ея боги не принимали поклоненія отъ всѣхъ людей. Они не являлись богами всего человѣческаго рода; они не были похожи на Браму, который былъ по крайней мѣрѣ богомъ цѣлой большой касты, ни на всеэллинскаго Зевса, который

являлся богомъ цѣлой націи. Въ этой первобытной религіи всякій богъ могъ чтиться только въ одной семьѣ. Религія была исключительно и чисто семейная, домашняя.

Нужно уяснить себѣ вполнѣ этотъ важный пунктъ, иначе трудно будетъ понять весьма тѣсную связь, образовавшуюся между древними вѣрованіями и строемъ греческой и римской семьи.

Культъ мертвыхъ никоимъ образомъ не походилъ на то почитаніе, которое христіане воздаютъ святымъ. Однимъ изъ первыхъ правилъ этого культа было то, что всякая семья могла воздавать поклоненіе исключительно только мертвецамъ, родственнымъ ей по крови. Только лишь ближайшій родственникъ покойнаго могъ совершить погребеніе согласно требованіямъ религіи. Что же касается могильной трапезы, которая совершалась потомъ въ опредѣленные сроки, то присутствовать при ней имѣла право лишь семья умершаго, всякій посторонній строго исключался. Вѣрили, что покойникъ принимаетъ приношенія только изъ рукъ родственниковъ и желаетъ поклоненія только отъ своихъ потомковъ. Присутствіе человѣка посторонняго, не члена семьи, тревожило покой мановъ. Поэтому законъ воспрещалъ постороннимъ приближаться къ могилѣ. Коснуться ногою могилы, хотя бы нечаянно, считалось поступкомъ нечестивымъ, за который нужно было умилостивлять покойника и очищаться самому. Многозначительно то слово, которымъ древніе обозначали культъ мертвыхъ; греки называли это πατριάζειν, латины *parentare*. Это значитъ, что молитвы и приношенія воздавались каждымъ человѣкомъ только своимъ отцамъ. Культъ мертвыхъ былъ въ сущности культомъ предковъ. Лукіанъ, осмѣивая взгляды простонародья, объясняетъ намъ ихъ въ то же время совершенно ясно; онъ говоритъ: „Покойникъ, не оставившій послѣ себя сына, не получаетъ приношеній и обреченъ поэтому на постоянное голоданіе“.

Въ Индіи, какъ и въ Греціи, приношенія мертвому могли дѣлаться только его прямыми потомками. Законъ индусовъ, какъ и законъ аѳинянъ, запрещалъ допускать къ могильной

трапезѣ посторонняго, хотя бы то былъ даже другъ. До такой степени было необходимо, чтобы приношенія умершимъ совершались ихъ кровными потомками, а не посторонними, что существовало даже предположеніе, будто маны въ мѣстѣ своего пребыванія часто высказываютъ слѣдующее пожеланіе: „Пусть родятся чередой изъ нашего поколѣнія сыновья, которые во всѣ времена будутъ совершать намъ приношенія изъ риса, варенаго въ молокѣ, меду и растопленнаго масла!“

Изъ этого слѣдовало, что въ Греціи и въ Римѣ, какъ и въ Индіи, на сынѣ лежалъ долгъ совершать возліянія и приносить жертвы манамъ своего отца и всѣхъ своихъ предковъ. Пренебречь этимъ долгомъ считалось наибольшимъ и самымъ тяжкимъ нечестіемъ, какое только могъ совершить человѣкъ, такъ какъ перерывъ этого культа вредилъ цѣлому ряду умершихъ предковъ и уничтожалъ ихъ блаженство. Такое нерадѣніе было настоящимъ отцеубійствомъ, повтореннымъ столько разъ, сколько было въ семьѣ предковъ.

Если же, наоборотъ, жертвы приносились всегда съ полнымъ соблюденіемъ установленнаго ритуала, если пища всегда въ назначенные дни приносилась на могилу,—тогда предокъ становился богомъ-покровителемъ. Враждебный всѣмъ, кто только не былъ изъ его семьи, его потомкомъ, отталкивая ихъ отъ своей могилы, поражая болѣзнями, если они только приближались, къ своимъ онъ былъ добръ и готовъ всегда придти на помощь.

Между живыми и мертвыми каждой семьи происходилъ постоянный обмѣнъ взаимныхъ услугъ. Предокъ получалъ отъ своихъ потомковъ рядъ погребальныхъ приношеній, т.-е. единственныхъ наслажденій, которыя были доступны ему въ его загробной жизни; потомокъ получалъ отъ предка помощь и силу, въ которыхъ онъ нуждался въ этой земной жизни. Живые не могли обойтись безъ умершихъ, умершіе—безъ живыхъ. Такимъ образомъ, между всѣми поколѣніями одной и той же семьи устанавливалась могучая связь, которая дѣлала ихъ однимъ, на вѣки нераздѣлимымъ цѣлымъ.

Каждая семья имѣла общую усыпальницу, куда одинъ

вслѣдъ за другимъ сходили на покой ея умершіе и здѣсь покоились они всегда вмѣстѣ. Въ семейной усыпальницѣ могли погребаться только кровные родственники, и ни одинъ человѣкъ изъ посторонней семьи не могъ здѣсь лежать. Здѣсь справлялись религіозные обряды и годовщины; каждая семья вѣрила, что здѣсь она видитъ своихъ священныхъ предковъ. Во времена очень древнія могила находилась даже внутри владѣній семьи, посреди жилища и недалеко отъ двери, „затѣмъ“, говоритъ античный человѣкъ, „чтобы сыновья, входя и выходя изъ своего дома, всякій разъ встрѣчали своихъ отцовъ и обращались къ нимъ всякій разъ съ молитвеннымъ призываніемъ“. Такимъ образомъ, предокъ всегда продолжалъ жить среди своихъ, всегда невидимо присутствовалъ и послѣ смерти все же оставался членомъ семьи, ея отцомъ. Безсмертный, блаженный, божественный, онъ принималъ участіе въ дѣлахъ оставшихся на землѣ смертныхъ. Онъ зналъ нужды живыхъ и поддерживалъ ихъ въ минуты безсилія. А тотъ, кто жилъ еще, кто трудился, кто, по древнему выраженію, не выполнилъ еще своего существованія, тотъ имѣлъ всегда близъ себя руководителей и помощниковъ: это были его отцы. Среди затрудненій онъ призывалъ ихъ древнюю мудрость, въ горестяхъ онъ просилъ у нихъ утѣшенія, въ опасности—поддержки, совершивъ грѣхъ—прощенія.

Конечно, намъ, въ настоящее время, крайне трудно понять, какъ могъ человѣкъ поклоняться своему отцу или своему предку. Намъ представляется совершенно противнымъ религіи дѣлать изъ человѣка—бога. Намъ почти такъ же трудно понять древнія вѣрованія людей, какъ было бы имъ трудно представить себѣ наши. Но примемъ во вниманіе, что у древнихъ не было идеи творенья; отъ этого для нихъ таинство рожденія было тѣмъ же, чѣмъ теперь для насъ можетъ быть таинство творенья. Родоначальникъ казался имъ существомъ божественнымъ, и они поклонялись своему предку. Такое чувство должно было, безусловно, быть вполнѣ естественнымъ и чрезвычайно сильнымъ, потому что оно является основой религіи при началѣ почти всѣхъ человѣческихъ обществъ; мы нахо-

димъ его у китайцевъ такъ же, какъ и у древнихъ готовъ и скиθовъ, у народовъ Африки такъ же, какъ и у народовъ Новаго Свѣта.

Священный огонь, который былъ такъ тѣсно связанъ съ культомъ мертвыхъ, отличался тѣмъ существеннымъ свойствомъ, что принадлежалъ какъ собственность только одной отдѣльной семьѣ. Онъ представлялъ собою предковъ, былъ провидѣніемъ семьи и не имѣлъ ничего общаго съ огнемъ другой сосѣдней семьи, который, въ свою очередь, являлся провидѣніемъ для нея. Каждый очагъ покровительствовалъ своимъ.

Вся эта религія заключалась въ нѣдрахъ дома. Не было публичнаго отправленія религіозныхъ обрядовъ; наоборотъ, всѣ религіозныя церемоніи совершались только въ тѣсномъ кругу семьи. Очагъ никогда не помѣщался внѣ дома, ни даже у наружной двери, гдѣ посторонній могъ его слишкомъ легко видѣть. Греки помѣщали его всегда въ оградѣ, защищавшей огонь отъ соприкосновенія и даже отъ взоровъ постороннихъ. Римляне скрывали его во внутренней части дома. Всѣ эти боги, Очагъ, Лары, Маны—назывались богами сокровенными или богами внутренними. Для всѣхъ обрядовъ этой религіи требовалась тайна, *sacrificia occulta*, говоритъ Цицеронъ; если религіозная церемонія бывала замѣчена постороннимъ, то отъ одного его взгляда она считалась нарушенной и оскверненной.

Для этой домашней религіи не существовало ни единообразныхъ правилъ, ни общаго ритуала. Каждая семья пользовалась въ этой области полнѣйшей независимостью. Никакая внѣшняя сила не имѣла права устанавливать его культъ или вѣрованья. Отецъ былъ единственнымъ жрецомъ и, какъ жрецъ, онъ не зналъ никакой іерархіи. Понтифексъ въ Римѣ или Архонтъ въ Аθинахъ могли наблюдать, совершаетъ ли отецъ семьи всѣ религіозные обряды, но они не имѣли права предписывать ему ни малѣйшаго въ нихъ измѣненія. Suo quisque ritu sacrificium faciat—таково было абсолютное правило. У всякой семьи были свои религіозные обряды, ей одной принадлежащіе, свои особенные молитвы и гимны. Отецъ,

единственный истолкователь своей религіи и единственный верховный жрецъ своей семьи, имѣлъ власть обучать ей, и онъ могъ обучать ей только своего сына. Обряды, слова молитвы, гимны, составлявшіе существенную часть домашней религіи,—все это было родовымъ наслѣдіемъ, священной собственностью семьи, и собственностью этою ни съ кѣмъ нельзя было дѣлиться, строго воспрещалось открывать что-либо изъ этого постороннимъ. Такъ было и въ Индіи: „я силенъ противъ моихъ враговъ,—говоритъ браминъ,—гимнами, которые достались мнѣ отъ моей семьи и которые отецъ мой мнѣ передалъ“.

Такимъ образомъ, религіозными центрами были не храмы, а жилища: всякій домъ имѣлъ своихъ боговъ; всякій богъ покровительствовалъ только одной семьѣ и былъ богомъ только въ одномъ домѣ. Нѣтъ достаточнаго основанія предполагать, будто религія такого рода могла быть открыта людямъ могучимъ воображеніемъ одного изъ нихъ или могла быть внушена кастою жрецовъ. Она зародилась самопроизвольно въ умахъ людей, и колыбелью ея была семья; всякая семья создала себѣ своихъ боговъ.

Такая религія могла распространяться лишь съ размноженіемъ семьи. Отецъ, давая жизнь сыну, передавалъ ему въ то же время свою вѣру, свой культъ, право поддерживать священный огонь, совершать погребальныя приношенія, произносить установленныя молитвы. Рожденіе устанавливало таинственную связь между рождающимся къ жизни ребенкомъ и богами семьи. Сами боги были его семьей, θεοὶ ἐγγενεῖς; это была его кровь, θεοὶ σύναιμοι. Ребенокъ, рождаясь, приносилъ уже съ собой свое право поклоняться имъ и приносить жертвы; точно такъ же, какъ позднѣе, когда смерть дѣлала его самого божествомъ, живые должны были его сопричислить къ сонму тѣхъ же боговъ семьи.

Здѣсь нужно обратить вниманіе на ту особенность, что домашняя религія распространялась только отъ мужчины къ мужчинѣ; это зависѣло, безъ сомнѣнія, отъ существовавшаго у людей представленія о зарожденіи. То вѣрованіе древнѣй-

шихъ вѣковъ, которое мы встрѣчаемъ въ Ведахъ и слѣды котораго видны во всемъ греческомъ и римскомъ правѣ, состоитъ въ томъ, что производительная сила, по мнѣнію древнихъ, принадлежала исключительно только отцу. Одинъ лишь отецъ обладалъ таинственнымъ началомъ бытія и могъ передать искру жизни. Изъ этого взгляда, какъ слѣдствіе, вытекало то правило, что домашній культъ переходилъ всегда отъ мужчины къ мужчинѣ, и женщина могла принимать въ немъ участіе только черезъ посредство отца или мужа, и, наконецъ, послѣ смерти женщина не имѣла равной части съ мужчиной въ культѣ и могильныхъ приношеніяхъ. Отсюда произошли и другія весьма важныя послѣдствія, которыя мы увидимъ ниже, въ частномъ правѣ и въ самомъ строѣ семьи.

КНИГА ВТОРАЯ.

Семья.

Глава I.

Религія была основнымъ началомъ древней семьи.

Если мы перенесемся мыслью въ древнія времена въ среду жившихъ тогда поколѣній, то увидимъ во всякомъ домѣ алтарь, а вокругъ этого алтаря собравшуюся семью. Семья собиралась каждое утро вокругъ очага, чтобы принести ему свои первыя молитвы, каждый вечеръ, чтобы призвать его въ послѣдній разъ передъ сномъ. Въ теченіе дня всѣ члены семьи собираются еще разъ вокругъ очага для обѣда, который и вкушаютъ благочестиво послѣ молитвы и возлияній. При всѣхъ этихъ религіозныхъ обрядахъ поются хоромъ гимны, унаслѣдованные отъ отцовъ.

Внѣ дома, тутъ же совсѣмъ близко, въ сосѣднемъ полѣ находится семейная могила, это - второе жилище той же самой семьи. Здѣсь покоятся вмѣстѣ нѣсколько поколѣній предковъ; смерть не разлучила ихъ; вмѣстѣ живутъ они въ этомъ второмъ загробномъ бытіи и продолжаютъ составлять одну нераздѣльную семью.

Лишь небольшое разстояніе, какихъ - нибудь нѣсколько шаговъ, отдѣляетъ домъ отъ семейной могилы, отдѣляетъ живыхъ членовъ семьи отъ членовъ умершихъ. Въ извѣстные дни, которые для всякаго опредѣлялись его домашней религіей, живые собираются вблизи своихъ предковъ. Они приносятъ имъ могильныя жертвы, возливаютъ молоко и вино,

возлагаютъ на могилу хлѣбъ, фрукты или сожигаютъ на ней жертву. Взамѣнъ этихъ приношеній они испрашиваютъ себѣ у предковъ покровительство, называютъ своими богам и и просятъ ниспослать полямъ плодородіе, дому процвѣтаніе и сердцамъ добродѣтель.

Рожденіе не являлось единственнымъ основнымъ началомъ древней семьи. Это доказывается тѣмъ фактомъ, что сестра не имѣла тѣхъ же правъ, что братъ, затѣмъ отдѣлившійся сынъ или выданная замужъ дочь совершенно переставали быть членами семьи; наконецъ, въ подтвержденіе сказаннаго, есть еще нѣсколько очень важныхъ постановленій въ греческихъ и римскихъ законахъ, которыя мы будемъ имѣть случай разсмотрѣть ниже.

Точно такъ же основнымъ началомъ семьи не является и естественное чувство привязанности, потому что ни греческое, ни римское право совершенно не считаются съ этимъ чувствомъ; оно можетъ существовать въ глубинѣ сердца, но оно ничто въ правѣ. Отецъ можетъ очень любить свою дочь, но онъ не имѣетъ права завѣщать ей свое имущество. Законы о наслѣдованіи, т.-е. тѣ изъ нихъ, которые являются наиболѣе вѣрными выразителями понятій древнихъ народовъ о семьѣ, стоятъ въ рѣзкомъ противорѣчіи то съ порядкомъ рожденія, то съ естественнымъ чувствомъ привязанности.

Историки римскаго права, усмотрѣвъ чрезвычайно вѣрно, что ни рожденіе, ни привязанность не составляютъ базиса римской семьи, думали, что основаніе это лежитъ въ отеческой и супружеской власти И они создаютъ изъ этой власти нѣчто вродѣ первичнаго установленія, но они не объясняютъ намъ, какимъ же путемъ, въ силу чего эта власть образовалась, если не предположить тутъ перевѣса въ физической силѣ мужа надъ женой и отца надъ дѣтьми; но помѣстить такимъ образомъ силу въ основаніи права было бы грубой ошибкой. Къ тому же мы увидимъ далѣе, что сама родительская и супружеская власть далеко не была первопричиной; она сама является слѣдствіемъ, она вытекаетъ изъ

религіи и устанавливается ею, значитъ ясно—она не могла быть принципомъ, создавшимъ семью.

То, что соединяетъ членовъ древней семьи, есть нѣчто болѣе могущественное, чѣмъ рожденіе, чѣмъ чувство, чѣмъ физическая сила, это—религія очага и предковъ. Она дѣлаетъ семью однимъ тѣломъ и въ этой жизни и въ будущей, загробной. Древняя семья является обществомъ характера болѣе религіознаго, чѣмъ естественнаго; и мы увидимъ ниже, что женщина причислялась къ семьѣ лишь постольку, поскольку священный обрядъ брака посвящалъ ее въ культъ; и сынъ переставалъ считаться членомъ семьи, если онъ отказывался отъ культа или выдѣлялся; усыновленный, наоборотъ, дѣлался истиннымъ сыномъ, потому что, хотя его и не связывали съ семьей, усыновившей его, узы крови, зато соединяло нѣчто болѣе важное—общность культа; наслѣдникъ, который отказывался принять культъ наслѣдователя, терялъ право наслѣдства; и, наконецъ, самое родство и права на наслѣдованіе устанавливались не въ силу рожденія, а въ силу тѣхъ правъ, которыя данное лицо имѣло на участіе въ культѣ, какъ права эти были установлены религіей. Не религія, безъ сомнѣнія, создала семью, но она безусловно дала ей основные законы, установленія и потому строй древней семьи совершенно иной, чѣмъ онъ былъ бы въ томъ случаѣ, когда бы въ его основаніе легли и образовали его только естественныя чувства.

На древне-греческомъ языкѣ существовало одно очень многозначительное слово для обозначенія семьи; говорили ἐπίστιον; буквально это значитъ *то, что находится при очагѣ*. Семья это была та группа лицъ, которой религія позволяла обращаться съ молитвой къ тому же очагу и приносить могильныя жертвы однимъ и тѣмъ же предкамъ.

Глава II.

Бракъ.

Первымъ учрежденіемъ, которое установила домашняя религія, былъ, по всей вѣроятности, бракъ.

Нужно замѣтить, что религія очага и предковъ, передававшаяся отъ мужчины къ мужчинѣ, не принадлежала тѣмъ не менѣе исключительно мужскому полу: женщина тоже принимала участіе въ культѣ. До замужества, какъ дочь, она присутствуетъ при совершеніи религіозныхъ обрядовъ отцомъ, а выйдя замужъ—при совершеніи ихъ мужемъ.

Уже по одному этому можно предугадать, каковъ былъ существенный характеръ брачнаго союза у древнихъ. Двѣ семьи живутъ рядомъ, бокъ-о-бокъ, но у каждой изъ нихъ свои различные боги. Въ одной молодая дѣвушка съ дѣтства принимаетъ участіе въ религіи своего отца. Она молится своему очагу, всякій день совершаетъ она ему возліянія, въ дни праздниковъ украшаетъ его цвѣтами и гирляндами, у него испрашиваетъ она покровительство, его благодаритъ за благодѣянія. Очагъ отцовъ—ея богъ. И когда юноша, сынъ сосѣдней семьи, проситъ ее себѣ въ жены, то для дѣвушки тутъ идетъ дѣло о предметѣ болѣе важномъ, чѣмъ перейти изъ одного дома въ другой. Вопросъ тутъ въ томъ, чтобы покинуть очагъ отцовъ и со дня замужества молиться очагу своего мужа. Дѣло идетъ о томъ, чтобы перемѣнить религію, исполнять другіе обряды, произносить другія молитвы. Дѣло идетъ о томъ, чтобы покинуть бога своего дѣтства и идти во власть другого невѣдомаго ей бога. Она не можетъ надѣяться на то, чтобы остаться вѣрной одному, почитая въ то же время другого, такъ какъ въ этой религіи было непреложнымъ закономъ, что одно и то же лицо не могло молиться ни двумъ очагамъ, ни двумъ разнымъ группамъ предковъ. „Со времени брака", говоритъ одинъ древній, „женщина не имѣетъ болѣе ничего общаго съ домашней религіей своихъ отцовъ: она приноситъ жертвы очагу мужа".

Бракъ является, такимъ образомъ, актомъ чрезвычайной важности для всякой дѣвушки и не менѣе важнымъ для ея будущаго мужа; вѣдь религія требуетъ, чтобы только человѣкъ, рожденный у очага, имѣлъ право служить ему; онъ же хочетъ привести къ своему очагу женщину постороннюю. Съ ней вмѣстѣ будетъ онъ исполнять таинственные обряды своего культа, ей откроетъ онъ ритуалъ и скажетъ слова молитвъ—все, что составляетъ родовое наслѣдіе его семьи. Это наслѣдіе есть самое драгоцѣнное, чѣмъ оно обладаетъ,—эти боги, эти обряды, эти гимны, полученные имъ отъ отцовъ, они охраняютъ его въ жизни, они даютъ ему богатства, счастье, добродѣтель. И вотъ вмѣсто того, чтобы хранить для себя эту благодѣтельную силу, какъ хранитъ дикарь своего идола или свой амулетъ, онъ собирается допустить постороннюю женщину раздѣлить съ нимъ эту силу.

Проникая въ представленія древнихъ, мы видимъ, насколько важенъ былъ для нихъ брачный союзъ и насколько необходимо было тутъ вмѣшательство религіи. Для того, чтобы дѣвушка могла служить иному, новому очагу, а не очагу своихъ предковъ, необходимъ былъ священный обрядъ, который бы давалъ ей на это право. Нужно было нѣчто вродѣ посвященія или усыновленія для того, чтобы она могла стать жрицей очага, съ которымъ ее не связывало рожденіе.

Бракъ и былъ тѣмъ священнымъ обрядомъ, который долженъ былъ произвести это великое дѣйствіе. У латинскихъ и греческихъ писателей было въ обычаѣ для того, чтобы выразить понятіе *брака*, употреблять слово, обозначающее религіозное дѣйствіе. Поллуксъ, жившій во времена Антониновъ и владѣвшій древней литературой, которой мы болѣе не имѣемъ, говоритъ, что въ древности вмѣсто того, чтобы обозначать бракъ его особымъ именемъ (γάμος), его обозначали просто словомъ τέλος, что значило—священный обрядъ, какъ будто бракъ въ тѣ древнія времена былъ обрядомъ священнымъ по преимуществу.

Но религія, освящавшая бракъ, не была религіей Юпитера, Юноны или другихъ боговъ Олимпа; обрядъ совершался не

въ храмѣ; онъ совершался дома, въ семьѣ, и богъ дома, семьи царилъ тутъ. Правда, когда религія небесныхъ боговъ получила перевѣсъ, стала преобладать, то невольно стали призываться и они въ брачныхъ молитвахъ: вошло даже въ обычай, предварительно передъ свадьбой, посѣщать храмы и приносить въ нихъ жертвы богамъ,—это называлось приготовленіями къ браку. Но главная и самая существенная часть обряда должна была совершаться всегда передъ домашнимъ очагомъ.

У грековъ церемонія брака состояла, такъ сказать, изъ трехъ дѣйствій. Первое происходило передъ очагомъ отца, ἐγγύησις; третье—передъ очагомъ мужа, τέλος, второе составляло переходъ отъ одного очага къ другому, πομπή.

1) Въ родительскомъ домѣ, въ присутствіи жениха, отецъ, окруженный обыкновенно всей семьей, приноситъ жертву. По окончаніи жертвоприношенія онъ объявляетъ, произнося священную формулу, что отдаетъ дочь свою въ жены такому-то. Это объявленіе положительно необходимо для брака, потому что дѣвушка не могла бы идти тотчасъ же поклоняться очагу мужа, если бы отецъ не отрѣшилъ ее предварительно отъ очага отцовъ. Для того, чтобы вступить въ новую религію, она должна быть освобождена отъ всѣхъ узъ, отъ всякой связи со своей прежней религіей.

2) Дѣвушка переводится въ домъ мужа. Иногда ее ведетъ самъ мужъ. Въ нѣкоторыхъ городахъ обязанность приводить невѣсту въ домъ жениха лежала на особыхъ лицахъ, имѣвшихъ жреческій характеръ, которыя назывались вѣстниками.

Невѣсту сажали обыкновенно на колесницу, лицо ея закрывали покрываломъ и на голову надѣвали вѣнокъ. Вѣнки, какъ намъ придется часто видѣть, употреблялись обычно при всѣхъ религіозныхъ церемоніяхъ. Платье невѣсты—всегда бѣлое. Одежды бѣлаго цвѣта надѣвались при всѣхъ религіозныхъ священнодѣйствіяхъ. Впереди невѣсты несутъ факелъ: это брачный факелъ. Во все время пути вокругъ нея поется священный гимъ съ припѣвомъ ὦ ὑμὴν ὦ ὑμέναιε. Гимнъ этотъ назывался *гименеемъ*, и значеніе этой священной пѣсни было такъ велико, что ея именемъ стала называться вся брачная церемонія.

Дѣвушка не входитъ сама въ свое новое жилище. Нужно, чтобы мужъ сдѣлалъ видъ, будто онъ беретъ силой, похищаетъ ее, она же должна немного покричать, а окружающія ее женщины представить, будто онѣ ее защищаютъ. Зачѣмъ этотъ обрядъ? Является ли онъ символомъ стыдливости? Это мало вѣроятно,—моментъ для стыдливости еще не насталъ; потому что первое, что должно совершиться въ этотъ домѣ,—это религіозная церемонія. Нѣтъ ли тутъ скорѣе желанія показать, подчеркнуть, что женщина, которая будетъ приносить жертвы очагу, сама по себѣ не имѣетъ на это никакого права и приближается къ нему не по своей волѣ, и что поэтому хозяинъ дома и божества вводитъ ее туда дѣйствіемъ своей власти, насильно? Какъ бы тамъ ни было, но послѣ притворной борьбы мужъ беретъ ее на руки и вноситъ въ дверь, тщательно стараясь, чтобы она не коснулась ногою порога.

Все предшествующее есть лишь приготовленіе, прелюдія. Самое священнодѣйствіе начнется въ домѣ.

3) Подходятъ къ очагу, и новобрачная становится передъ лицо домашняго бога; ее кропятъ очистительной водой; она прикасается къ священному огню. Произносятся молитвы. Затѣмъ новобрачные дѣлятъ между собою и съѣдаютъ пирогъ, хлѣбъ и нѣсколько плодовъ.

Эта небольшая трапеза, которая начинается и оканчивается молитвами и возліяніями, это раздѣленіе пищи передъ лицомъ очага соединяетъ супруговъ во взаимное религіозное общеніе и въ общеніе съ домашними богами.

Римскій бракъ весьма походилъ на греческій и состоялъ точно такъ же, какъ и тотъ, изъ трехъ частей: traditio, deductio in domum, confarreatio.

1. Дѣвушка покидаетъ очагъ отцовъ. Такъ какъ она связана съ этимъ очагомъ не по личному своему праву, но единственно черезъ посредство отца семьи, то только отцовская

власть и можетъ отрѣшить ее отъ очага. Такимъ образомъ, traditio есть необходимая формальность.

2. Дѣвушку приводятъ къ дому жениха. Какъ и въ Греціи, на ней надѣто покрывало, и голова украшена вѣнкомъ; впереди шествія такъ же несутъ брачный факелъ. Кругомъ нея поютъ древній религіозный гимнъ. Слова гимна быть можетъ, измѣнились съ теченіемъ времени соотвѣтственно измѣненіямъ въ вѣрованіяхъ и въ языкѣ, но священный припѣвъ продолжаетъ существовать, его ничто не можетъ измѣнить; припѣвомъ этимъ было слово Talassie, смыслъ его для римлянъ временъ Горація былъ такъ же непонятенъ, какъ для грековъ было непонятно слово ὑμέναιε, составлявшее, по всей вѣроятности, священный и ненарушимый остатокъ древней формулы.

Шествіе останавливалось передъ домомъ мужа. Здѣсь дѣвушкѣ подавали огонь и воду. Огонь—это эмблема домашняго божества; вода—это вода очищенія, которая служитъ семьѣ при всѣхъ религіозныхъ священнодѣйствіяхъ. Чтобы дѣвушку ввести въ домъ, нужно, какъ и въ Греціи, изобразить ея насильственное похищеніе. Женихъ долженъ взять ее на руки и перенести ее черезъ порогъ, такъ чтобы ея ноги его не коснулись.

3. Новобрачная приводится къ очагу, туда, гдѣ находятся пенаты, гдѣ собраны вокругъ священнаго огня всѣ домашніе боги, всѣ изображенія предковъ. Супруги, какъ и въ Греціи, приносятъ вмѣстѣ жертву, совершаютъ возліянія, произносятъ молитвы и съѣдаютъ пополамъ пирогъ изъ пшеничной муки (panis farreus).

Вкушеніе хлѣба среди произнесенія молитвъ въ присутствіи и передъ лицомъ семейнаго божества и есть тотъ обрядъ, силой котораго образуется священный союзъ двухъ супруговъ. Съ этой минуты они оба соединены въ одномъ и томъ же культѣ. У жены теперь тѣ же боги, тѣ же обряды, тѣ же молитвы, тѣ же праздники, что и у мужа. Отсюда произошло то древнее опредѣленіе брака, которое сохранили намъ юристы: *Nuptiae sunt divini juris et humani communicatio* (бракъ есть общеніе божескаго и человѣческаго права). И другое опредѣленіе: *Uxor socia humanae rei atque divinae* (жена сообщница въ человѣческомъ и божескомъ). Это значитъ, что жена вошла въ религію мужа, стала участницей этой религіи, та самая жена, которую, какъ говоритъ Платонъ, сами боги ввели въ домъ.

Женщина, вступившая такимъ образомъ въ бракъ, имѣетъ еще и свой культъ мертвыхъ; но уже не своимъ предкамъ приноситъ она теперь могильныя жертвы, на это она болѣе не имѣетъ права: бракъ отрѣшилъ ее окончательно отъ семьи ея отца и уничтожилъ всѣ ея религіозныя сношенія съ родной семьей. Теперь она приноситъ жертвы предкамъ своего мужа; она принадлежитъ уже къ ихъ семьѣ; - они стали ея предками. Бракъ сдѣлался для нея вторымъ рожденіемъ; съ этого времени она дочь своего мужа, filiae loco (вмѣсто дочери), какъ говорятъ юристы. Нельзя принадлежать ни къ двумъ семьямъ, ни къ двумъ домашнимъ религіямъ, и жена принадлежитъ всецѣло семьѣ и религіи своего мужа. Послѣдствія этого закона мы увидимъ въ правѣ наслѣдованія.

Учрежденіе священнаго брака должно быть такъ же древне среди индо-европейской расы, какъ и домашняя религія, потому что одно немыслимо безъ другого. Религія эта научила людей, что брачный союзъ есть нѣчто иное, чѣмъ отношеніе двухъ половъ и мимолетная страсть; она соединила супруговъ могучими узами одного и того же культа, однихъ и тѣхъ же вѣрованій. Сверхъ того церемонія брака была такъ торжественна и порождала столь важныя послѣдствія, что нечего удивляться, если люди того времени считали ее возможной и дозволенной только для одной женщины во всякомъ домѣ. Такого рода религія не могла допустить полигаміи (многоженства).

Понятно также, что подобный союзъ былъ нерасторжимъ, и разводъ являлся почти невозможнымъ. Римское право легко дозволяло расторгать бракъ, заключенный черезъ *coemptio* или черезъ *usus*; но расторженіе религіознаго брака было крайне трудно. Для подобнаго разрыва нужно было испол-

нить новый священный обрядъ, ибо одна лишь религія могла расторгнуть то, что она соединила. Дѣйствіе confarreatio могло быть уничтожено только силою diffarreatio. Супруги, желавшіе развестись, появлялись въ послѣдній разъ передъ общимъ домашнимъ очагомъ; жрецъ и свидѣтели присутствовали тутъ же. Супругамъ такъ же, какъ и въ день брака, подавали пирогъ изъ пшеничной муки. Но, вѣроятно, вмѣсто того, чтобы раздѣлить его между собою, они его отталкивали. Потомъ вмѣсто молитвъ они произносили слова „строгія, странныя, ужасныя, полныя ненависти“, нѣчто вродѣ проклятія, въ силу котораго жена отрекалась отъ культа и боговъ своего мужа. Съ этой минуты религіозныя узы были порваны; прекращалась общность культа, а съ ней по полному праву и всякое другое общеніе,—бракъ былъ расторгнутъ.

Глава III.

Непрерывность семьи; запрещеніе безбрачія; расторженіе брака въ случаѣ неплодія. Неравенство между сыномъ и дочерью.

Вѣрованія, относящіяся къ мертвымъ, и воздаваемый имъ культъ опредѣлили собой строй древней семьи и дали ей большую часть ея постановленій и законовъ.

Выше мы видѣли, что человѣкъ послѣ смерти считался существомъ божественнымъ и блаженнымъ, но это при томъ лишь условіи, чтобы живые приносили ему постоянно установленныя могильныя жертвы. Если эти приношенія прекращались, то мертвому наносился этимъ ущербъ, и онъ упадалъ до степени несчастнаго, творящаго зло демона. Въ то время, когда древнія племена начали создавать себѣ представленія о будущей жизни; они еще не помышляли ни о наградахъ, ни о наказаніяхъ, они думали, что счастье умершаго не зависитъ отъ его поведенія при жизни, но считали, что оно стоитъ въ тѣснѣйшей зависимости отъ отношенія къ нему его живыхъ

потомковъ. Поэтому-то каждый отецъ ожидалъ отъ своего потомства ряда могильныхъ приношеній, которыя должны были обезпечить его манамъ покой и блаженство.

Этотъ взглядъ былъ основнымъ принципомъ семейнаго права у древнихъ. Отсюда вытекалъ тотъ законъ, что всякая семья должна была продолжаться во вѣки. Для мертвыхъ было необходимо, чтобы потомство ихъ не угасало. Въ могилѣ, гдѣ они продолжали жить, только объ этомъ одномъ они и безпокоились. Ихъ единственной мыслью, какъ и единственнымъ интересомъ, было, чтобы на землѣ всегда существовалъ человѣкъ, мужчина ихъ крови, для принесенія имъ могильныхъ жертвъ. И индусъ вѣрилъ, что мертвые повторяли безпрестанно: „Пусть родятся всегда въ нашемъ потомствѣ сыновья, которые будутъ приносить намъ въ жертву рисъ, молоко и медъ“. Индусъ говорилъ еще и слѣдующее: „Если семья угасаетъ, то отъ этого гибнетъ религія этой семьи; предки, лишенные приношеній пищи, попадаютъ въ жилище несчастныхъ“.

То же самое довольно долго думали и народы Греціи и Италіи. Если въ оставленныхъ ими письменныхъ памятникахъ мы и не находимъ такого яснаго выраженія ихъ вѣрованій, какое мы находимъ въ старыхъ книгахъ Востока, то ихъ законы засвидѣтельствуютъ достаточно опредѣленно о ихъ первобытныхъ вѣрованіяхъ. Въ Аѳинахъ законъ возлагалъ на главное должностное лицо въ городѣ обязанность наблюдать, чтобы ни одна семья не угасала. Точно такъ же римскій законъ слѣдилъ внимательно, чтобы не прекращался ни одинъ домашній культъ. Въ рѣчи одного аѳинскаго оратора мы читаемъ: „Нѣтъ человѣка, который бы, зная, что онъ долженъ умереть, заботился столь мало о себѣ самомъ, что забудетъ бы оставить свою семью безъ потомковъ; ибо въ такомъ случаѣ не осталось бы никого, кто воздавалъ бы ему подобающее мертвымъ служеніе“. Такимъ образомъ, всякій былъ заинтересованъ весьма сильно въ томъ, чтобы оставить послѣ себя сына, убѣжденный, что тутъ идетъ дѣло о его блаженномъ безсмертіи. Это являлось также долгомъ и по отношенію къ предкамъ, такъ какъ ихъ счастье длилось только

до тѣхъ поръ, пока не прекращалась семья. Законы Ману называютъ старшаго сына „тѣмъ, который рожденъ для выполненія долга".

Мы касаемся здѣсь одной изъ самыхъ замѣчательныхъ характеристическихъ чертъ древней семьи. Религія, на почвѣ которой она создалась, властно требуетъ, чтобы семья не прекращалась. Угасшая семья—это умершій культъ. Нужно представить себѣ эти семьи въ тѣ времена, когда вѣрованія еще не измѣнились. У каждой изъ нихъ есть своя религія, свои боги, драгоцѣнный законъ, который она должна блюсти. Величайшее несчастье, которое страшитъ благочестивую семью,—есть прекращеніе рода, такъ какъ въ такомъ случаѣ должна была бы исчезнуть и религія, угасъ бы очагъ, и весь рядъ умершихъ предковъ впалъ бы въ забвеніе и вѣчное несчастіе. И вотъ великая задача человѣческой жизни есть продолженіе рода для продолженія культа.

Въ силу подобныхъ взглядовъ безбрачіе должно было являться одновременно и большимъ нечестіемъ и личнымъ несчастіемъ, потому что отказавшійся отъ брака подвергалъ опасности блаженство мановъ своей семьи; несчастіемъ — потому, что онъ самъ лишался впослѣдствіи культа мертвыхъ и не могъ уже, послѣ смерти, познать того, „что составляетъ блаженство мановъ". Это было нѣчто вродѣ вѣчной муки для него и для его предковъ.

Можно легко допустить, что за отсутствіемъ законовъ достаточно было долгое время однихъ религіозныхъ вѣрованій, чтобы воспрепятствовать безбрачію. Но кромѣ того, кажется, когда появились законы, то они объявили безбрачіе дѣломъ дурнымъ и достойнымъ наказанія. Діонисій Галикарнасскій, изслѣдовавшій древніе законы Рима, говоритъ, что ему встрѣтилось одно старинное постановленіе, обязывавшее молодыхъ людей жениться.

Трактатъ Цицерона о „законахъ", воспроизводящій почти всегда подъ философской формой древніе законы Рима, содержитъ въ себѣ одинъ законъ, воспрещающій безбрачіе. Въ Спартѣ законы Ликурга подвергали строгому наказанію человѣка, не желающаго жениться. Извѣстно изъ разсказовъ, что когда безбрачіе перестало воспрещаться закономъ, то запрещеніе это долго еще жило въ обычаяхъ. Изъ одного мѣста у Поллукса можно заключить, что во многихъ греческихъ городахъ законъ наказывалъ безбрачіе, какъ преступленіе; это вполнѣ соотвѣтствовало вѣрованіямъ: человѣкъ не принадлежалъ себѣ, онъ принадлежалъ семьѣ; онъ былъ звеномъ въ цѣпи, и цѣпь эта не должна была обрываться на немъ. Онъ не случайно былъ рожденъ, его произвели на свѣтъ для продолженія культа, и онъ не имѣлъ права уйти изъ жизни, не удостовѣрившись, что культъ этотъ будетъ продолжаться и послѣ него.

Но родить сына было еще недостаточно. Сынъ, которому предстояло продолжать домашнюю религію, долженъ былъ явиться плодомъ религіознаго брака. Незаконнорожденный, побочный сынъ, то, что греки называли νοθός а латины *spurius*, не могъ исполнять той роли, которая возлагалась религіей на сына. Въ самомъ дѣлѣ, узы крови сами по себѣ еще не составляли семьи; для этого нужны были еще узы культа. Поэтому и сынъ, рожденный отъ женщины, не присоединенной къ культу мужа обрядами брака, не могъ и самъ участвовать въ культѣ. Онъ не имѣлъ права совершать могильныя приношенія и не могъ быть продолжателемъ семьи. Далѣе мы увидимъ, что на томъ же самомъ основаніи онъ не имѣлъ правъ и на наслѣдство.

Итакъ, бракъ былъ обязателенъ, но цѣлью его не являлось удовольствіе, его главной задачей не былъ союзъ двухъ людей, которые чувствовали влеченіе другъ къ другу и желали соединиться, чтобы дѣлить вмѣстѣ и радость и горе. Цѣлью брака въ глазахъ религіи и закона было соединеніе двухъ существъ въ одномъ домашнемъ культѣ для того, чтобы они породили третье, способное продолжать этотъ культъ. Сказанное прекрасно видно изъ священной формулы, которая произносилась при обрядѣ брака: Ducere uxorem liberorum quaerendorum causa (брать жену ради пріобрѣтенія дѣтей), говорили

римляне; παίδων ἐπ'ἀρότα γνησίων (ради посѣва родныхъ дѣтей) говорили греки.

Такъ какъ бракъ заключался только для продолженія рода, то считалось вполнѣ справедливымъ расторгнуть его при неплодіи жены. Разводъ въ подобныхъ случаяхъ являлся всегда правомъ у древнихъ, возможно даже, что онъ былъ обязанностью. Въ Индіи законъ предписывалъ „замѣнить безплодную жену другою по истеченіи восьми лѣтъ“. У насъ нѣтъ никакихъ письменныхъ свидѣтельствъ о томъ, существовали ли подобныя постановленія также въ Греціи и въ Римѣ. Геродотъ, однако, упоминаетъ о двухъ спартанскихъ царяхъ, которые были принуждены развестись со своими женами изъ-за ихъ неплодія. Что же касается Рима, то достаточно извѣстна исторія Карвилія Руга, разводъ котораго упоминается впервые въ римскихъ лѣтописяхъ: „Карвилій Руга,—говоритъ Авлъ-Геллій,—человѣкъ весьма знатный, разошелся со своей женой по разводу, потому что онъ не могъ имѣть отъ нея дѣтей. Онъ нѣжно любилъ ее и былъ весьма доволенъ ея поведеніемъ, но онъ принесъ свою любовь въ жертву святости клятвы, потому что онъ поклялся (въ формулѣ при совершеніи брачнаго обряда), что беретъ ее себѣ въ жены для того, чтобы имѣть отъ нея дѣтей“.

Религія учила, что семья не должна прекращаться, и всякое чувство любви, всякое естественное право должны были отступить передъ этимъ абсолютнымъ требованіемъ. Если бракъ былъ безплоденъ по винѣ мужа, семья всетаки должна продолжаться; въ такомъ случаѣ братъ или родственникъ мужа долженъ былъ его замѣнить, и жена должна была отдаться этому человѣку. Рожденный отъ него ребенокъ считался сыномъ мужа и продолжалъ его культъ. Таковы были законы древнихъ индусовъ; мы находимъ подобныя же постановленія и въ законахъ Аѳинъ и Спарты. Такова была власть этой религіи! Настолько религіозный долгъ шелъ впереди всего остального!

Съ тѣмъ большимъ основаніемъ законодательство предписывало бездѣтной вдовѣ бракъ съ ближайшимъ родственникомъ

ея мужа. Родившійся отъ этого брака сынъ считался сыномъ покойнаго.

Рожденіе дочери не выполняло цѣли брака. Дѣйствительно, дочь не могла быть продолжательницею культа по той причинѣ, что въ день своего замужества она отрекалась отъ своей семьи, отъ культа отца, и входила въ семью и религію своего мужа. Семья, какъ культъ, могла продолжаться только черезъ мужское потомство; фактъ весьма важный, послѣдствія котораго мы увидимъ ниже.

Сынъ былъ, слѣдовательно, необходимъ, его ждали, его требовала семья, предки, очагъ. „Имъ“ (сыномъ), говорятъ древніе законы индусовъ, „отецъ, уплачиваетъ долгъ манамъ своихъ предковъ и обезпечиваетъ самому себѣ безсмертіе“. И въ глазахъ грековъ сынъ былъ тоже не менѣе драгоцѣненъ, потому что современемъ онъ долженъ былъ приносить жертвы, совершать могильныя приношенія и сохранять своимъ культомъ домашнюю религію. Вотъ почему древній Эсхилъ называетъ сына спасителемъ очага отцовъ

Появленіе сына въ семьѣ ознаменовывалось религіознымъ обрядомъ. Прежде всего его долженъ былъ принять отецъ; онъ, какъ глава семьи, пожизненный блюститель очага и представитель предковъ, долженъ былъ заявить, принадлежитъ ли новорожденный членъ къ семьѣ. Рожденіе являлось лишь физической связью, заявленіе отца создавало связь нравственную и религіозную. Эта формальность была одинаково необходима и въ Римѣ, и въ Греціи, и въ Индіи.

Кромѣ того для сына нужно было, подобно тому, какъ выше мы видѣли это для жены, нѣчто вродѣ посвященія. Оно совершалось вскорѣ послѣ рожденія, въ Римѣ на девятый, въ Греціи на десятый и въ Индіи на одиннадцатый или двѣнадцатый день. Въ этотъ день отецъ собиралъ всю семью, призывалъ свидѣтелей и приносилъ жертву своему очагу. Ребенка представляли домашнимъ богамъ; женщина держала его на рукахъ и обѣгала вмѣстѣ съ нимъ нѣсколько разъ вокругъ священнаго огня. Цѣль этой церемоніи была двоякая: во-первыхъ, чистить ребенка, т.-е. снять съ него

ту нечистоту, которая лежала на немъ, по мнѣнію древнихъ, вслѣдствіе одного уже факта пребыванія въ утробѣ матери, во-вторыхъ—посвятить его въ домашній культъ. Начиная съ этой минуты, ребенокъ какъ бы былъ принятъ въ священную общину, въ маленькую церковь, которая называлась семьей. Онъ исповѣдовалъ ея религію, исполнялъ ея обряды, имѣлъ право произносить молитвы; онъ почиталъ ея предковъ и современемъ долженъ былъ самъ сдѣлаться чтимымъ предкомъ.

Глава IV.

Усыновленіе и выходъ изъ семьи.

Необходимость продолжать безпрерывно домашній культъ служила основаніемъ права усыновленія у древнихъ. Та же самая религія, которая обязывала мужчину жениться, которая расторгала бракъ въ случаѣ неплодія жены, которая замѣняла мужа родственникомъ въ случаѣ его неспособности или преждевременной смерти, представляла семьѣ еще одно последнее средство для избѣжанія страшнаго несчастія, какимъ являлось прекращеніе рода; средствомъ этимъ было право усыновленія.

„Тотъ, кому природа не дала сына, можетъ усыновить себѣ таковаго, дабы могильныя церемоніи не прекращались“, такъ говоритъ древній законодатель индусовъ. У насъ сохранилась любопытная рѣчь одного аѳинскаго оратора въ процессѣ, въ которомъ оспаривалась у одного усыновленнаго законность его усыновленія. Защитникъ показываетъ намъ прежде всего, какими мотивами руководились при усыновленіи посторонняго: „Менеклъ“, говоритъ онъ, „не хотѣлъ умереть бездѣтнымъ; онъ стремился оставить послѣ себя кого-нибудь, кто бы его похоронилъ и затѣмъ совершалъ бы обряды погребальнаго культа“. Далѣе защитникъ указываетъ, что произойдетъ, если судебный трибуналъ признаетъ усыновленіе недѣйствительнымъ, что произойдетъ не съ усыновленнымъ, а

съ тѣмъ, кто его усыновилъ; Менеклъ умеръ, но главную роль играютъ все же интересы Менекла. „Если вы признаете несуществующимъ мое усыновленіе, то вы сдѣлаете то, что Менеклъ умеръ, не оставивъ сына послѣ себя, и вслѣдствіе этого никто не будетъ приносить въ честь его жертвъ, никто не совершитъ могильныхъ приношеній, и Менеклъ останется безъ культа“.

Усыновить себѣ сына—это значило заботиться о непрерывномъ существованіи домашней религіи, о благоденствіи очага, о продолженіи могильныхъ приношеній, о спокойствіи мановъ предковъ. Весь смыслъ существованія этого института (усыновленія) заключался въ необходимости устранить возможность исчезновенія семьи, смерти культа, отсюда слѣдовало, что усыновлять имѣлъ право лишь тотъ, у кого не было собственныхъ сыновей. Законъ индусовъ точенъ въ этомъ отношеніи. Не менѣе его точенъ и законъ аѳинскій. Вся защитительная рѣчь Демосѳена противъ Леохара служитъ тому доказательствомъ. Что же касается римскаго права, то здѣсь мы не имѣемъ ни одного прямого свидѣтельства, которое доказывало бы то же самое; мы знаемъ только, что во времена Гая одинъ и тотъ же человѣкъ могъ имѣть сыновей по крови и по усыновленію. Впрочемъ, кажется, что этотъ пунктъ не былъ еще принятъ въ правѣ во времена Цицерона, такъ какъ въ одной изъ своихъ рѣчей ораторъ выражается такимъ образомъ: „На какомъ правѣ основывается усыновленіе? Не долженъ ли усыновитель совершить его лишь въ томъ возрастѣ, когда дѣтей болѣе не возможно имѣть, и не долженъ ли онъ былъ принять предварительно всѣ мѣры къ тому, чтобы имѣть собственныхъ дѣтей? Усыновлять—это значитъ требовать отъ религіи и закона того, чего нельзя было получить отъ природы“. Цицеронъ нападаетъ на усыновленіе Клавдія на томъ основаніи, что усыновившій его человѣкъ имѣетъ уже сына, и Цицеронъ восклицаетъ, что подобное усыновленіе противно религіи.

Усыновляя кого-нибудь, нужно было прежде всего посвятить его въ свой культъ, „ввести его въ свою домашнюю ре-

лигію, приблизить къ своимъ пенатамъ“. Поэтому усыновленіе совершалось при помощи религіознаго обряда, очень похожаго, повидимому, на тотъ, который совершался при рожденіи сына. Въ силу этого обряда новый членъ допускался къ очагу и присоединялся къ религіи. Боги, священные предметы, ритуалъ, молитвы—все становилось у него общимъ съ его пріемнымъ отцомъ; о немъ говорили, что онъ in sacra transit, перешелъ въ культъ своей новой семьи.

Этимъ же самымъ онъ отрекался отъ культа прежней семьи. Дѣйствительно, мы видѣли, что по древнимъ вѣрованіямъ человѣкъ не могъ приносить жертвы двумъ очагамъ и чтить два ряда предковъ; и какъ только онъ былъ принятъ въ новый домъ, отчій домъ становился ему чужимъ. Онъ не имѣлъ болѣе ничего общаго съ тѣмъ очагомъ, у котораго онъ родился; онъ не могъ совершать болѣе могильныхъ приношеній своимъ предкамъ. Узы рожденія были уничтожены, новыя узы, узы культа, имѣли теперь главное значеніе.

Человѣкъ становился настолько чуждымъ своей прежней семьѣ, что въ случаѣ его смерти его родной отецъ не имѣлъ права устроить ему погребеніе и сопровождать до могилы его останки. Усыновленный человѣкъ не имѣлъ болѣе права возвратиться въ свою прежнюю семью, и лишь только въ томъ случаѣ законъ дозволялъ это ему, если, имѣя сына, онъ оставлялъ его вмѣсто себя въ усыновившей его семьѣ. Считалось, что такъ какъ продолженіе семьи обезпечено, то онъ можетъ изъ нея выйти. Но въ такомъ случаѣ онъ порывалъ всякую связь со своимъ собственнымъ сыномъ.

Усыновленію соотвѣтствовалъ, какъ его дополненіе, выходъ изъ семьи Для того, чтобы человѣкъ могъ войти въ новую семью, необходимо было, чтобы онъ имѣлъ возможность выйти изъ прежней, т.-е. чтобы онъ былъ освобожденъ отъ ея религіи. Главнымъ слѣдствіемъ выхода изъ семьи было отреченіе отъ культа родной семьи, въ которой человѣкъ родился. Знаменательно названіе, которымъ римляне обозначали этотъ актъ *sacrorum detestatio*. Выдѣленный сынъ не былъ болѣе ни по религіи, ни по праву членомъ семьи.

Глава V.

Родство. Что называли римляне агнаціей.

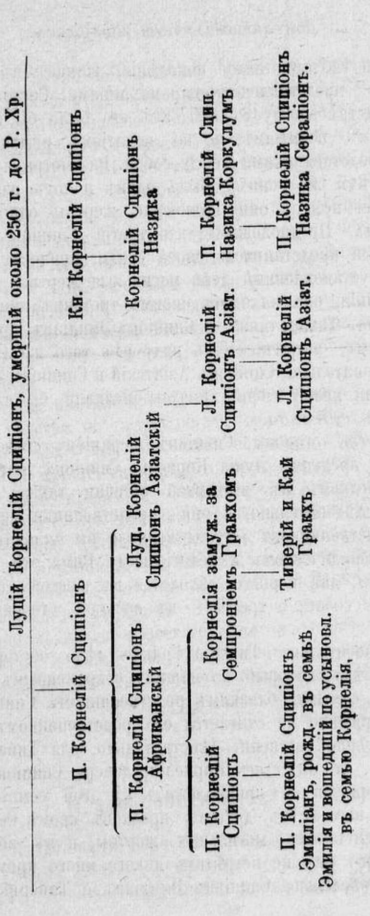
Платонъ говоритъ, что родство это есть общность тѣхъ же самыхъ домашнихъ боговъ. Два брата, говоритъ еще Плутархъ, это два человѣка, на которыхъ лежитъ долгъ приносить тѣ же самыя жертвы, чтить тѣхъ же отеческихъ боговъ и быть по смерти погребенными въ одной общей могилѣ. Когда Демосѳенъ хочетъ доказать, что два человѣка родственники между собой, то онъ указываетъ на тотъ фактъ, что они оба исповѣдуютъ одинъ и тотъ же культъ и приносятъ жертвы одной и той же могилѣ. Въ самомъ дѣлѣ, родство устанавливала домашняя религія. Два человѣка могли считать себя родственниками, если у нихъ были одни и тѣ же боги, одинъ и тотъ же очагъ, если они приносили общія могильныя жертвы

Ранѣе мы говорили, что право приносить жертвы очагу передавалось только отъ мужчины къ мужчинѣ, и что культъ мертвыхъ относился только къ предкамъ по мужской линіи. Изъ этого религіознаго правила слѣдовало, что родства по женской линіи, черезъ женщинъ, не существовало По мнѣнію древнихъ, женщина не передавала ни жизни, ни культа. Сынъ получалъ все отъ отца. Къ тому же нельзя было принадлежать къ двумъ семьямъ или молиться двумъ очагамъ, и у сына не было поэтому ни другой религіи, ни другой семьи кромѣ отцовской. Какимъ образомъ могъ бы онъ имѣть еще семью съ материнской стороны? Его мать сама, въ тотъ день, когда были совершены священные обряды брака, всецѣло отреклась отъ собственной семьи; съ этого времени она стала приносить могильныя жертвы предкамъ своего мужа, какъ бы ставши ихъ дочерью, и не приносила болѣе жертвъ своимъ кровнымъ предкамъ, потому что она болѣе не признавалась ихъ потомкомъ. У нея не оставалось болѣе ни религіозныхъ, ни правовыхъ связей съ семьей, въ которой она родилась. Съ тѣмъ большимъ основаніемъ у ея сына не было ничего общаго съ этой семьей.

Принципомъ родства не былъ матеріальный актъ рожде-

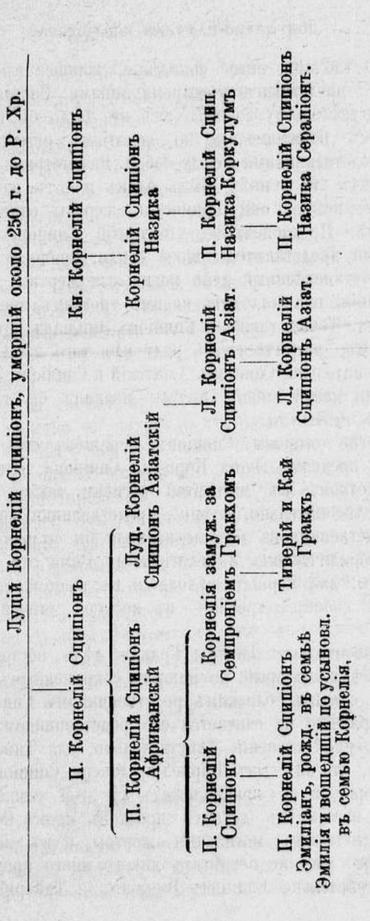
нія, имъ былъ—культъ. Это съ полной ясностью видно въ Индіи. Тамъ глава семьи дважды въ мѣсяцъ приноситъ могильныя жертвы; онъ приноситъ одинъ пирогъ въ жертву манамъ своего отца, другой—манамъ своего дѣда, третій—прадѣда, но все только со стороны отца, никогда не приноситъ онъ жертвъ своимъ предкамъ со стороны матери. Восходя все дальше, но всегда по мужской линіи, онъ совершаетъ приношенія предкамъ четвертой, пятой и шестой степени. Но этимъ послѣднимъ приношенія совершаются болѣе легкія: простое возліяніе воды и нѣсколько зеренъ рису. Таковы могильныя жертвы, и совершеніемъ этихъ обрядовъ обусловливается родство. Если два человѣка, приносящіе порознь могильныя жертвы, могутъ въ восходящемъ ряду предковъ найти одного общаго для нихъ обоихъ, то эти два человѣка—родственники. Они называютъ другъ друга *саманодата*, если общій предокъ изъ тѣхъ, кому совершаются возліянія водой, и *сапинда*, если онъ изъ тѣхъ, кому приносится въ жертву пирогъ. Считая по нашему, родство *сапинда* простирается до седьмой степени, а родство *саманодата* до четырнадцатой. И въ томъ и другомъ случаѣ родство узнается по тому признаку, что два или нѣсколько человѣкъ приносятъ жертву одному и тому же предку; и этотъ порядокъ, очевидно, исключаетъ родство по женской линіи.

То же самое было и на западѣ. Много спорили о томъ, что такое понимали римскіе юристы подъ именемъ агнаціи. Вопросъ разрѣшается легко, какъ только мы сопоставимъ агнацію съ домашней религіей. Подобно тому какъ религія могла передаваться только отъ мужчины къ мужчинѣ, точно также, по свидѣтельству древнихъ юристовъ, два человѣка могли быть агнатами между собой только въ томъ случаѣ, если, восходя всегда по мужской линіи, можно было найти общаго предка. Законъ агнаціи былъ, слѣдовательно, тотъ же, что и законъ культа; мы видимъ явное соотношеніе между обоими. Агнація была не что иное, какъ родство въ томъ видѣ, какъ его установила въ началѣ религія. Чтобы представить эту истину болѣе очевидно, приведемъ здѣсь родословную таблицу римской семьи:

нія, имъ былъ—культъ. Это съ полной ясностью видно въ Индіи. Тамъ глава семьи дважды въ мѣсяцъ приноситъ могильныя жертвы; онъ приноситъ одинъ пирогъ въ жертву манамъ своего отца, другой—манамъ своего дѣда, третій—прадѣда, но все только со стороны отца, никогда не приноситъ онъ жертвъ своимъ предкамъ со стороны матери. Восходя все дальше, но всегда по мужской линіи, онъ совершаетъ приношенія предкамъ четвертой, пятой и шестой степени. Но этимъ послѣднимъ приношенія совершаются болѣе легкія: простое возліяніе воды и нѣсколько зеренъ рису. Таковы могильныя жертвы, и совершеніемъ этихъ обрядовъ обусловливается родство. Если два человѣка, приносящіе порознь могильныя жертвы, могутъ въ восходящемъ ряду предковъ найти одного общаго для нихъ обоихъ, то эти два человѣка—родственники. Они называютъ другъ друга *саманодата*, если общій предокъ изъ тѣхъ, кому совершаются возліянія водой, и *сапинда*, если онъ изъ тѣхъ, кому приносится въ жертву пирогъ. Считая по нашему, родство *сапинда* простирается до седьмой степени, а родство *саманодата* до четырнадцатой. И въ томъ и другомъ случаѣ родство узнается по тому признаку, что два или нѣсколько человѣкъ приносятъ жертву одному и тому же предку; и этотъ порядокъ, очевидно, исключаетъ родство по женской линіи.

То же самое было и на западѣ. Много спорили о томъ, что такое понимали римскіе юристы подъ именемъ агнаціи. Вопросъ разрѣшается легко, какъ только мы сопоставимъ агнацію съ домашней религіей. Подобно тому какъ религія могла передаваться только отъ мужчины къ мужчинѣ, точно также, по свидѣтельству древнихъ юристовъ, два человѣка могли быть агнатами между собой только въ томъ случаѣ, если, восходя всегда по мужской линіи, можно было найти общаго предка. Законъ агнаціи былъ, слѣдовательно, тотъ же, что и законъ культа; мы видимъ явное соотношеніе между обоими. Агнація была не что иное, какъ родство въ томъ видѣ, какъ его установила въ началѣ религія. Чтобы представить эту истину болѣе очевидно, приведемъ здѣсь родословную таблицу римской семьи:

Въ этой таблицѣ пятое поколѣніе, жившее въ 140 году до Рож. Хр., представлено четырьмя лицами. Состояли ли они всѣ въ родствѣ между собой? Такъ это было бы по нашимъ современнымъ понятіямъ, но по понятіямъ римлянъ они не всѣ были родственниками между собой. Разсмотримъ, въ самомъ дѣлѣ, у всѣхъ ли у нихъ былъ одинъ и тотъ же домашній культъ, т.-е. всѣ ли они приносили жертвы однимъ и тѣмъ же предкамъ. Предположимъ, что третій Сципіонъ Азіатскій, единственный представитель своей семьи, приноситъ въ опредѣленный, установленный день могильныя жертвы; восходя по мужской линіи, онъ находитъ своимъ третьимъ предкомъ Публія Сципіона. Точно также и Сципіонъ Эмиліанъ, принося жертвы предкамъ, встрѣчаетъ въ ряду ихъ того же Публія Сципіона. Слѣдовательно, Сципіонъ Азіатскій и Сципіонъ Эмиліанъ— родственники между собой; индусы назвали бы такихъ родственниковъ *сапинда*.

Съ другой стороны, Сципіонъ Серапіонъ имѣетъ своимъ четвертымъ предкомъ Луція Корнелія Сципіона, который приходится предкомъ въ четвертой степени также и Сципіону Эмиліану, слѣдовательно, и они — родственники между собой. Такихъ родственниковъ индусы назвали бы *саманадата*. На языкѣ же юридическомъ и религіозномъ Рима эти три Сципіона—агнаты; два первыхъ находятся въ шестой степени родства между собой, а третій — въ восьмой степени съ ними обоими.

Но относительно Тиверія Гракха дѣло обстоитъ иначе. Этотъ человѣкъ, который, по нашимъ современнымъ понятіямъ, являлся бы самымъ близкимъ родственникомъ Сципиона Эмиліана, совершенно не считается его родственникомъ даже въ самой отдаленной степени. Дѣйствительно, для Тиверія Гракха безразлично, что онъ сынъ Корнеліи, дочери Сципіона; ни онъ, ни сама Корнелія не принадлежатъ къ этой семьѣ по своей религіи. У него нѣтъ другихъ предковъ кромѣ Семпроніевъ; имъ приноситъ онъ могильныя жертвы, и въ восходящемъ ряду предковъ онъ не встрѣтитъ никого иного кромѣ Семпроніевъ. Слѣдовательно, Сципіонъ Эмиліанъ и Тиверій Гракхъ—

не агнаты. Узъ крови недостаточно для того, чтобы установить родство, для этого нужны еще узы культа.

Изъ сказаннаго понятно, почему въ глазахъ римскаго закона два единокровныхъ брата—агнаты между собой, а два единоутробныхъ—нѣтъ. Нельзя сказать также, чтобы происхожденіе по мужской линіи являлось непреложнымъ принципомъ, на которомъ зиждилось бы родство Не по рожденію, а по общности культа узнавали настоящихъ агнатовъ. Дѣйствительно, сынъ, выдѣленный изъ семьи и отрѣшенный вслѣдствіе этого отъ домашняго культа,—не былъ болѣе агнатомъ своего отца; посторонній же человѣкъ, усыновленный, т.-е. принятый въ культъ, становился агнатомъ усыновителя, а также и всей его семьи. Настолько, въ сущности, установительницей родства являлась религія.

Безъ сомнѣнія, настало время для Индіи и Греціи, какъ и для Рима, когда родство по культу не считалось болѣе единственно признаваемымъ. По мѣрѣ того, какъ ослабѣвала эта древняя религія, голосъ крови начиналъ говорить громче, и родство по рожденію было признано закономъ. Это родство, совершенно независящее отъ домашней религіи, римляне назвали *cognatio*, когнація. Читая произведенія юристовъ, начиная съ Цицерона и до Юстиніана, мы видимъ, какъ эти двѣ системы родства соперничаютъ другъ съ другомъ и оспариваютъ одна у другой господство въ правѣ Но во времена Двѣнадцати Таблицъ единственнымъ родствомъ, которое было извѣстно, была — агнація, и она одна давала право на наслѣдованіе. Ниже мы увидимъ, что то же самое было и въ Греціи.

Глава VI.

Право собственности.

Право собственности является тѣмъ древнимъ институтомъ, о которомъ мы не должны судить на основаніи современныхъ представленій. Древніе основывали право собственности на

началахъ, чуждыхъ современнымъ понятіямъ, и результатомъ этого является тотъ фактъ, что законы, которыми ограждалась собственность, весьма чувствительно разнятся отъ нашихъ.

Извѣстно, что существуютъ племена, которыя такъ и не дошли до установленія у себя частной собственности; другія достигли этого лишь послѣ долгихъ и тяжкихъ усилій. Въ самомъ дѣлѣ, въ только-что нарождающемся обществѣ является задачей далеко не легкой опредѣлить, имѣетъ ли право отдѣльное лицо присвоить себѣ часть земли и установить между собою и этимъ участкомъ такую тѣсную связь, чтобы онъ могъ сказать: эта земля моя, эта земля есть какъ часть меня. Татары понимаютъ право собственности, когда дѣло идетъ о стадахъ, и не постигаютъ его болѣе, когда дѣло касается земли. У древнихъ германцевъ, по свидѣтельству нѣкоторыхъ писателей, земля не принадлежала никому. Каждый годъ племя назначало каждому изъ своихъ членовъ участокъ для обработки, а на слѣдующій годъ участки мѣнялись. Германцы были собственниками жатвы, но не земли. Такъ обстоитъ дѣло еще и теперь у части семитическихъ племенъ и у нѣкоторыхъ славянскихъ народовъ.

Что касается народовъ Греціи и Италіи, то у нихъ, наоборотъ, принципъ частной собственности знали и проводили уже съ самыхъ древнѣйшихъ временъ. Не осталось ни одного историческаго воспоминанія о той эпохѣ, когда земля являлась общей собственностью; и ничего похожаго на ежегодное дѣленіе полей, извѣстное намъ у германцевъ, мы здѣсь не находимъ. Но зато мы здѣсь встрѣчаемъ одно весьма замѣчательное явленіе. Въ то время какъ племена, не дающія своимъ членамъ права личной собственности на землю, давали имъ это право по крайней мѣрѣ на плоды ихъ трудовъ, т.-е. на жатву, у грековъ было наоборотъ: въ нѣкоторыхъ городахъ граждане были обязаны складывать вмѣстѣ все собранное съ полей или большую часть собраннаго, и запасы эти должны были потреблять сообща. Отдѣльное лицо не было полнымъ, абсолютнымъ хозяиномъ собраннаго имъ хлѣба, но въ то же время, по странному противорѣчію, оно имѣло право полной

собственности на землю. Земля принадлежала ему болѣе, чѣмъ жатва. У грековъ, какъ кажется, право собственности развивалось путемъ совершенно противуположнымъ тому, который представляется естественнымъ. Оно не было приложено сначала къ жатвѣ, а потомъ уже къ почвѣ; порядокъ тутъ былъ обратный.

Три учрежденія находимъ мы основанными и прочно установленными уже въ самыя древнѣйшія времена среди греческихъ и италійскихъ обществъ: домашняя религія, семья и право собственности; эти три учрежденія уже при самомъ своемъ возникновеніи стояли въ явной взаимной связи и, казалось, были неотдѣлимы другъ отъ друга.

Идея о правѣ частной собственности заключалась уже въ самой религіи. У каждой семьи былъ свой очагъ и свои предки. Этимъ богамъ могла поклоняться только данная семья, ей только они покровительствовали, они были ея собственностью.

И вотъ между этими-то богами и землей люди древнихъ временъ усматривали таинственное соотношеніе. Возьмемъ прежде всего очагъ: этотъ алтарь являлся символомъ осѣдлой жизни; самое его названіе указываетъ на то. Онъ долженъ быть поставленъ на землѣ и, разъ поставленный, онъ не могъ болѣе мѣнять своего мѣста. Богъ семьи желаетъ имѣть постоянное жилище. Физически—трудно было перенести камень, на которомъ свѣтило божество, съ точки зрѣнія религіозной это было еще труднѣе; человѣку дозволялось сдвинуть его только въ томъ случаѣ, если его принуждала къ тому крайняя необходимость: если его изгонялъ врагъ или земля, на которой онъ жилъ, не могла его пропитать. Устанавливался очагъ съ той мыслью и надеждой, что онъ будетъ вѣчно стоять на томъ же самомъ мѣстѣ. Божество водворялось здѣсь не на одинъ день и даже не на время цѣлой человѣческой жизни, но на все время, пока будетъ существовать семья и пока останется въ живыхъ хоть кто-нибудь изъ ея членовъ, чтобы поддерживать его пламя жертвами. Такимъ образомъ, очагъ становился обладателемъ земли, онъ обращаетъ эту часть земли въ свою, она становится его собственностью.

И семья, которая по долгу и по законамъ религіи группировалась всегда кругомъ своего алтаря, прикрѣпляется прочно къ землѣ, какъ и самый алтарь. Идея о постоянномъ мѣстѣ пребыванія возникаетъ совершенно естественно, сама собой. Семья связана съ очагомъ, очагъ съ землей; отсюда вытекаетъ тѣсная связь между извѣстной частью земли и семьей. Здѣсь должно быть ея постоянное жилище, и у нея не должно быть даже мысли о томъ, чтобы покинуть его, развѣ, что къ этому ее принудитъ непреоборимая сила. Семья, какъ и очагъ, всегда будетъ занимать это мѣсто, оно ей принадлежитъ, оно — ея собственность, собственность не одного отдѣльнаго человѣка, но цѣлой семьи, различные члены которой, одинъ за другимъ, должны здѣсь родиться и умереть.

Прослѣдимъ идеи древнихъ. Два очага представляли собою два различныхъ божества, которыя никогда не могутъ ни соединиться, ни смѣшаться; это настолько вѣрно, что даже бракъ между двумя семьями не устанавливаетъ связи между ихъ богами. Очагъ долженъ быть изолированнымъ, т.-е. совершенно отдѣленнымъ отъ всего, что не онъ. Посторонній не долженъ приближаться къ нему въ то время, когда совершаются священные обряды культа, не долженъ даже глядѣть на него; потому и боги эти назывались богами сокровенными, μύχιοι, или богами внутренними, *Penates*. Для точнаго исполненія этого религіознаго правила нужно было, чтобы кругомъ очага на извѣстномъ разстояніи существовала ограда, безразлично будетъ ли то простая изгородь, деревянный заборъ или каменная стѣна. Какова бы она ни была, она указывала границу, отдѣляющую область одного очага отъ области другого. Эта ограда почиталась священной. Переступить черезъ нее было нечестіемъ. Самъ богъ блюдетъ ее и охраняетъ, оттого и богу этому присвоенъ эпитетъ ἑρκεῖος (оградный). Эта ограда, проведенная и охраняемая религіей, является вѣрнѣйшимъ символомъ, самымъ неоспоримымъ знакомъ права собственности.

Перенесемся въ первобытныя времена арійской расы. Священная ограда, которую греки называли ἕρκος и латины *herctum*, заключала въ себѣ довольно обширное пространство,

гдѣ находился домъ семьи, ея стада, небольшое поле, которое она обрабатывала. По срединѣ возвышался очагъ-покровитель. Перейдемъ къ слѣдующимъ позднѣйшимъ вѣкамъ: народы, распространяясь, дошли до Греціи и Италіи и стали строить себѣ тамъ города; дома стали ближе другъ къ другу, но тѣмъ не менѣе они не смежны; священная ограда еще существуетъ, но въ минимальныхъ размѣрахъ; она является теперь въ видѣ небольшой стѣны, канавы, борозды или просто полосы земли въ нѣсколько футовъ шириной. Во всякомъ случаѣ сосѣдніе дома не должны соприкасаться между собою, смежность считалась невозможной, одна и та же стѣна не могла быть общей для двухъ домовъ, такъ какъ въ такомъ случаѣ исчезла бы священная ограда домашнихъ боговъ. Въ Римѣ законъ опредѣлялъ два съ половиною фута свободнаго пространства, которое должно было раздѣлять два дома; это пространство посвящалось „оградному божеству“.

Слѣдствіемъ этихъ религіозныхъ постановленій явилось то, что у древнихъ не могла никогда установиться общинная жизнь. Фаланстеры были совершенно неизвѣстны древнему міру; даже самъ Пиѳагоръ не смогъ установить учрежденій, противъ которыхъ шла домашняя религія людей. Ни въ какую эпоху исторической жизни древнихъ мы не находимъ у нихъ ничего похожаго на то общинное владѣніе въ деревняхъ, которое было вообще распространено во Франціи въ двѣнадцатомъ вѣкѣ. Такъ какъ каждая семья имѣла своихъ боговъ и свой культъ, то она должна была имѣть и свой особый участокъ земли, свое изолированное владѣніе, свою собственность.

Греки говорили, что очагъ научилъ людей строить дома. Дѣйствительно, у человѣка, прикрѣпленнаго религіей къ одному мѣсту, которое онъ считалъ своимъ долгомъ никогда не покидать, должна была очень скоро явиться мысль возвести на этомъ мѣстѣ прочное строеніе. Палатка удобна для араба, для татарина—кибитка, но для семьи, у которой есть домашній очагъ, требуется постоянное жилище. За хижиной, построенной изъ глины или дерева, скоро послѣдовали дома изъ камня. Строилось въ разсчетѣ не на одну человѣческую жизнь, стро-

илось для семьи, поколѣнія которой должны были смѣнять другъ друга въ томъ же самомъ жилищѣ.

Домъ помѣщался всегда внутри священной ограды. У грековъ четырехугольное пространство, находившееся внутри ограды, дѣлилось на двѣ части: первая часть была—дворъ, домъ занималъ вторую часть. Очагъ помѣщался посреди огороженнаго мѣста и находился, такимъ образомъ, въ глубинѣ двора и близъ входа въ домъ. Въ Римѣ расположеніе было иное, но принципъ оставался тотъ же. Очагъ помѣщался въ серединѣ огороженнаго мѣста, но строенія воздвигались кругомъ него съ четырехъ сторонъ, заключая его, такимъ образомъ, внутри маленькаго двора.

Мысль, внушившая эту систему постройки, видна совершенно ясно: стѣны возвышались кругомъ очага, чтобы отдѣлить его отъ внѣшняго міра, защитить, и вполнѣ можно сказать, какъ говорили греки, что религія научила строить дома. Госпожей и собственницей этого дома была семья, домашнее божество обезпечивало ей ея права. Домъ освящался постояннымъ пребываніемъ боговъ, онъ былъ храмомъ, хранящимъ ихъ. „Что есть болѣе священнаго," говорилъ Цицеронъ, „чѣмъ жилище каждаго человѣка? Тамъ находится алтарь, тамъ горитъ священный огонь, тамъ святыни и религія". Проникнуть въ домъ съ дурнымъ намѣреньемъ было святотатствомъ. Домашній кровъ былъ неприкосновененъ По римскому повѣрію домашній богъ отгонялъ вора и отстранялъ врага.

Перейдемъ къ другимъ предметамъ культа, къ могиламъ, и мы увидимъ, что съ ними соединялись тѣ же самыя идеи. Могила имѣла великое значеніе въ религіи древнихъ, потому что, съ одной стороны, былъ обязателенъ культъ предковъ, а съ другой—главные обряды этого культа должны были совершаться на томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ покоились предки. И у каждой семьи было общее мѣсто погребенія, семейная могила, куда одинъ за другимъ сходили по-очереди на покой ея члены. Для семейной могилы, какъ и для очага, былъ одинъ и тотъ же законъ: не разрѣшалось соединять членовъ двухъ различныхъ семей въ одной могилѣ, какъ нельзя было соединять

два различные очага въ одномъ домѣ. Считалось одинаковымъ нечестіемъ похоронить умершаго внѣ его семейной могилы или же опустить въ эту могилу трупъ посторонняго человѣка. Домашняя религія и при жизни и послѣ смерти отдѣляла каждую семью отъ всѣхъ прочихъ и строго устраняла всякое подобіе общности. Подобно тому, какъ дома не должны быть смежными между собой, точно также и могилы не должны соприкасаться, и у каждой изъ нихъ, какъ и у дома, было нѣчто вродѣ отдѣляющей ее ограды

Насколько ясно выражается во всемъ этомъ характеръ частной собственности! Мертвые—это боги, которые принадлежатъ какъ собственность семьѣ, и она одна имѣетъ право имъ молиться. Эти мертвецы взяли въ свое владѣніе землю, они живутъ подъ маленькой насыпью, и никто, если только онъ не членъ ихъ же семьи, не можетъ и помышлять о томъ, чтобы сообщаться съ ними. Притомъ никто также не имѣетъ права лишить ихъ земли, которую они занимаютъ: могилу у древнихъ нельзя было никогда ни разрушить, ни перенести; это воспрещалось самыми строгими законами. И вотъ уже часть земли становится во имя религіи предметомъ постоянной собственности каждой семьи. Семья присвоила себѣ эту землю, погребая на ней своихъ мертвецовъ; она навсегда основала здѣсь свое пребываніе. Живой отпрыскъ этой семьи можетъ сказать вполнѣ законно: эта земля—моя. Она настолько принадлежала ему, что была отъ него неотдѣлима, онъ не имѣлъ права отказаться отъ нея. Земля, на которой покоятся мертвые, неотъемлема и неотчуждаема. Римскій законъ требуетъ, чтобы въ томъ случаѣ, когда семья продаетъ поле, на которомъ находится могила, она всетаки оставалась собственницей этой могилы и имѣла бы право на вѣчныя времена проходить черезъ это поле, чтобы совершать обряды своего культа.

По древнему обычаю мертвые не погребались ни на кладбищѣ, ни вблизи дорогъ, а на полѣ каждой семьи. Этотъ древній обычай засвидѣтельствованъ закономъ Солона и нѣсколькими отрывками изъ Плутарха. Изъ одной защитительной рѣчи Демосѳена видно, что еще въ его время всякая

семья хоронила своихъ мертвецовъ на своемъ полѣ; и при покупкѣ владѣній въ Аттикѣ тамъ находили могилы прежнихъ владѣльцевъ. То же самое обыкновеніе засвидѣтельствовано относительно Италіи законами Двѣнадцати таблицъ, трудами двухъ юристовъ и, наконецъ, слѣдующей фразой Сикула Флакка: „Въ древности существовало два способа помѣщать могилу: одни помѣщали ее на краю поля, другіе посрединѣ".

Понятно, что въ силу этого обычая идея собственности легко распространилась отъ маленькаго холма, подъ которымъ покоились мертвые, на все поле, которое окружало этотъ холмъ. Въ книгѣ Катона Старшаго можно прочесть молитву италійскаго земледѣльца, въ которой онъ проситъ мановъ блюсти его поле, охранять его отъ воровъ и послать хорошую жатву. Такимъ образомъ, души умершихъ простирали свое покровительство и вмѣстѣ съ тѣмъ право собственности до предѣловъ владѣнія; благодаря имъ семья стала единственною госпожею поля. Погребеніе установило неразрывную связь семьи съ землею—т.-е. собственность.

Въ большинствѣ первобытныхъ обществъ религія основываетъ право собственности. Въ Библіи Господь говоритъ Аврааму: „Азъ есмь Богъ, изведый тя отъ страны Халдейскія, яко дати тебѣ землю сію наслѣдовати", а затѣмъ Моисею: „Я введу васъ въ землю, на нюже простроxъ руку мою, дати Аврааму, Исааку и Іакову; и дамъ ю вамъ въ наслѣдіе". Такимъ образомъ, Господь, первоначальный обладатель по праву творенія, передаетъ человѣку право собственности на часть земли. Нѣчто аналогичное было и у древнихъ греко-италійскихъ народовъ. Только не религія устанавливаетъ это право можетъ быть потому, что въ тѣ времена ея еще не существовало. Боги, даровавшіе каждой семьѣ право на землю, были богами домашними, это—очагъ и маны. Первобытная религія, царившая въ душахъ людей, установила у нихъ также и право собственности.

Ясно, что частная собственность была тѣмъ учрежденіемъ, безъ котораго не могла обойтись домашняя религія. Эта религія требовала изолированности жилища и изолированности

могилы, слѣдовательно, общинная жизнь была невозможна. Та же религія повелѣвала, чтобы очагъ былъ навсегда прикрѣпленъ къ землѣ, чтобы могила не могла быть ни разрушена, ни перемѣщена. Устраните недвижимую собственность, и очагъ будетъ переноситься съ мѣста на мѣсто, семьи перемѣшаются между собой, мертвые будутъ заброшены и лишены культа. Непоколебимый очагъ и постоянное мѣсто погребенія—вотъ тѣ начала, въ силу которыхъ семья стала собственницей земли. Земля была какъ бы пропитана и проникнута религіей очага и предковъ. Такимъ путемъ древній человѣкъ былъ освобожденъ отъ разрѣшенія слишкомъ трудныхъ задачъ. Безъ спора, безъ труда, безъ тѣни колебанія онъ сразу подошелъ въ силу однихъ только своихъ религіозныхъ вѣрованій къ понятію о правѣ собственности, о томъ правѣ, которое является источникомъ всякой цивилизаціи, потому что въ силу его заботится человѣкъ объ улучшеніи земли и самъ становится лучше.

Не законы ограждали на первыхъ порахъ право собственности, его ограждала религія. Всякое владѣніе находилось вблизи домашняго божества, которое и охраняло его. Каждое поле, какъ и каждый домъ (какъ мы видѣли это выше), должно было окружаться оградой, отдѣлявшей его отъ владѣній сосѣднихъ семей. Оградой этой была не каменная стѣна, а просто полоса земли въ нѣсколько футовъ шириною, которую нельзя было воздѣлывать, до которой никогда не долженъ былъ касаться плугъ. Это пространство было священнымъ: римскій законъ объявляетъ его неотчуждаемымъ; оно принадлежало религіи. Въ извѣстные опредѣленные дни мѣсяца и года отецъ семьи обходилъ кругомъ свое поле, слѣдуя по этой полосѣ; онъ гналъ передъ собой назначенныхъ въ жертву животныхъ, пѣлъ гимны и затѣмъ приносилъ жертвы. Этимъ обрядомъ онъ надѣялся привлечь благоволеніе своихъ боговъ на свое поле и свой домъ. Обходя поле съ обрядами своего домашняго культа, онъ подчеркивалъ свое право собственности на это поле. Дорога, по которой шли жертвенныя животныя и гдѣ пѣлись гимны, была ненарушимой границей его владѣній.

На этой чертѣ, въ нѣкоторомъ разстояніи другъ отъ друга, человѣкъ помѣщалъ нѣсколько большихъ камней или нѣсколько древесныхъ стволовъ, которые назывались *Термами*. О томъ, что такое представляли изъ себя эти межевые знаки и какія понятія были связаны съ ними у древнихъ, можно судить по тѣмъ обычаямъ, какіе соблюдались благочестивыми людьми при ихъ водруженіи на землѣ. „Вотъ какъ", говоритъ Сикулъ Флаккъ, „дѣлали наши предки: они начинали съ того, что выкапывали небольшую яму, ставили Терма на краю ея и украшали его гирляндами изъ травъ и цвѣтовъ. Затѣмъ приносили жертву; крови закланной жертвы они давали стекать въ яму; туда же бросали они горящіе уголья (зажженные, по всей вѣроятности, на священномъ огнѣ очага), зерна хлѣба, пироги, плоды, немного вина и меду. Когда все это сгорало въ ямѣ, то на теплую еще золу ставили камень или деревянный обрубокъ". Ясно видно, что цѣлью всѣхъ этихъ обрядовъ было создать изъ Терма нѣчто вродѣ священнаго представителя домашняго культа. Чтобы сохранить за нимъ священный характеръ, надъ нимъ ежегодно возобновлялись религіозныя церемоніи съ возліяніями и чтеніемъ молитвъ. Водруженный на землѣ Термъ—это какъ бы домашнее божество, вкоренившееся въ землю для того, чтобы показать, что земля эта на вѣчныя времена составляетъ собственность семьи. Позже, съ помощью поэзіи, Термъ обратился въ отдѣльнаго личнаго бога.

Обычай Термовъ или священныхъ межевыхъ знаковъ вокругъ полей былъ, кажется, всеобщимъ у индо-европейской расы. Онъ существовалъ у индусовъ во времена глубочайшей древности, и священные обряды установленія границъ имѣли у нихъ очень много общаго съ тѣми, которые Сикулъ Флаккъ описываетъ въ Италіи. Раньше, чѣмъ въ Римѣ, мы находимъ Термы у сабинянъ и также у этрусковъ; эллины тоже имѣли священные пограничные знаки, которые назывались ὅροι, θεοὶ ὅροι.

Разъ Термъ былъ поставленъ съ соблюденіемъ всѣхъ религіозныхъ обрядовъ, то не было той силы въ мірѣ, которая

могла бы его перемѣстить. Онъ долженъ былъ на вѣчныя времена оставаться на томъ же мѣстѣ. Этотъ религіозный принципъ выразился въ Римѣ въ слѣдующей легендѣ: Юпитеръ, желавшій очистить мѣсто для своего храма на Капитолійскомъ холмѣ, не могъ удалить оттуда бога Терма, лишить его его владѣній. Это древнее повѣствованіе показываетъ, насколько собственность считалась священной, потому что несдвигаемый съ мѣста Термъ есть не что иное, какъ ненарушимое право собственности.

Термъ въ самомъ дѣлѣ стерегъ границы полей и охранялъ ихъ. Сосѣдъ не смѣлъ подходить къ нимъ слишкомъ близко, „потому что тогда", какъ говоритъ Овидій, „богъ, чувствуя толчокъ отъ плужника и заступа, кричалъ: „Остановись, это мое поле, а вонъ тамъ—твое". Чтобы завладѣть полемъ какой-либо семьи, нужно было опрокинуть или перемѣстить межевой знакъ, а знакомъ этимъ былъ богъ. Это было страшное святотатство, и сурово было за него наказаніе; древній римскій законъ гласилъ: „Если кто коснулся Терма плужникомъ своего плуга, то пусть и человѣкъ, и быки будутъ обречены подземнымъ богамъ". Это означало, что и человѣкъ и быки должны быть принесены въ жертву искупленія. Законъ этрусковъ, говоря отъ имени религіи, выражается такъ: „Кто прикоснется къ межевому знаку или перемѣститъ его, будетъ осужденъ богами; его домъ погибнетъ, и его родъ угаснетъ; его земля не произведетъ болѣе плодовъ; градъ, ржа, засуха истребятъ его жатвы; члены виновнаго будутъ покрыты язвами и впадутъ въ истощеніе".

У насъ нѣтъ подлиннаго текста аѳинскихъ законовъ по тому же предмету; у насъ сохранилось отъ нихъ лишь три слова, означающія: „Не переступай межи". Но Платонъ дополняетъ, повидимому, мысль законодателя, когда говоритъ: „Нашимъ первымъ закономъ должно быть слѣдующее: пусть никто не коснется межи, отдѣляющей его поле отъ поля сосѣда, потому что она должна быть ненарушима. Пусть никто не осмѣливается пошатнуть камень, отдѣляющій дружбу отъ

непріязни, камень, который обязались клятвенно сохранять на его мѣстѣ".

Изъ всѣхъ этихъ вѣрованій, изъ всѣхъ обрядовъ и законовъ ясно вытекаетъ, что именно домашняя религія научила человѣка присвоить себѣ землю въ собственность и обезпечила ему право на владѣніе ею.

Не трудно понять, что возникшее и установленное такимъ образомъ право собственности было гораздо болѣе полнымъ и абсолютнымъ въ своихъ проявленіяхъ, чѣмъ могло бы быть въ нашихъ современныхъ обществахъ, гдѣ право собственности основывается на совершенно иныхъ началахъ. Собственность была настолько неотдѣлима отъ домашней религіи, что семья одинаково не могла отказаться какъ отъ одной, такъ и отъ другой. Домъ и поле были какъ бы воплощены въ семьѣ, и она не могла ни лишиться ихъ, ни отказаться отъ владѣнія ими. Платонъ въ своемъ трактатѣ о законахъ, запрещая владѣльцу продавать свое поле, не дѣлалъ никакихъ попытокъ внести что-либо новое; онъ лишь приводилъ на память старый законъ. Все заставляетъ насъ предполагать, что въ древнія времена собственность была неотчуждаема. Хорошо извѣстно, что въ Спартѣ формально запрещалось продавать землю. То же запрещеніе существовало и въ законахъ Лакровъ и Левкады. Фидонъ Коринѳскій, законодатель девятаго вѣка, предписывалъ, чтобы число семей и принадлежащихъ имъ въ собственность участковъ оставалось неизмѣннымъ. Законъ же этотъ могъ быть исполнимъ только въ такомъ случаѣ, если семьи не имѣли права продавать своихъ земельныхъ участковъ, ни даже дѣлить ихъ между своими членами. Законъ Солона, явившійся позднѣе закона Фидона Коринѳскаго на семь или восемь поколѣній, не запрещаетъ болѣе продавать свою собственность, но продавшій подвергался тяжкому наказанію: онъ лишался правъ гражданина. Наконецъ, Аристотель говоритъ вообще, что во многихъ городахъ древніе законы запрещали продажу земли.

Мы не должны удивляться подобнымъ законамъ. Постройте право собственности на правѣ труда, и человѣкъ будетъ

властенъ отказаться отъ нея; постройте ее на основѣ религіи, и онъ не сможетъ болѣе этого сдѣлать; связь болѣе сильная, чѣмъ его воля, будетъ соединять его въ послѣднемъ случаѣ съ землей. Къ тому же поле, гдѣ находится могила, гдѣ живутъ священные предки и гдѣ семья должна совершать вѣчно обряды своего культа, не является собственностью одного только человѣка, это собственность цѣлой семьи. Право собственности на землю устанавливаетъ не отдѣльное, живущее въ данное время лицо, а домашній богъ. Отдѣльное лицо имѣетъ ее какъ бы на храненіи; она принадлежитъ тѣмъ, кто уже умеръ, и тѣмъ, кто еще долженъ родиться; она составляетъ одно цѣлое съ семьей и не можетъ быть отъ нея отдѣлена Отдѣлить одно отъ другого это значитъ нарушить культъ и оскорбить религію. У индусовъ, у которыхъ право собственности было основано тоже на культѣ, собственность была неотчуждаема.

Римскіе законы намъ извѣстны лишь со времени Двѣнадцати Таблицъ; ясно, что въ эту эпоху продажа земли уже разрѣшалась. Но есть основаніе думать, что въ первыя времена послѣ основанія Рима и до основанія Рима въ Италіи земля была точно такъ же неотчуждаема, какъ и въ Греціи. Хотя не осталось никакихъ свидѣтельствъ объ этомъ древнемъ законѣ, но можно всетаки различить тѣ смягчающія постановленія. которыя внесены были въ него мало-по-малу. Законъ Двѣнадцати Таблицъ, оставляя за могилой характеръ неотчуждаемости, освободилъ отъ этого правила поле. Позже было разрѣшено дѣлить собственность при наличности нѣсколькихъ братьевъ, но подъ тѣмъ лишь условіемъ, чтобы были совершены новыя религіозныя церемоніи; одна только религія могла раздѣлить то, что она уже признала навсегда недѣлимымъ. Наконецъ, б ло разрѣшено продавать и владѣнія, но для этого требовалось исполненіе извѣстныхъ религіозныхъ правилъ. Такая продажа могла совершиться лишь въ присутствіи libripens'а (вѣсовщика) съ соблюденіемъ всѣхъ символическихъ обрядовъ *манципаціи* („рукобитіе"). Нѣчто подобное мы видимъ и въ Греціи: продажа дома или участка

земли сопровождалась принесеніемъ жертвы богамъ. Всякій переходъ недвижимой собственности изъ однѣхъ рукъ въ другія требовалъ, какъ кажется, религіознаго освященія такого акта.

Если человѣкъ не имѣлъ права или могъ лишь съ большимъ трудомъ отказаться отъ владѣнія землею, то тѣмъ съ бо́льшимъ основаніемъ его нельзя было лишить этой земли помимо его воли. Экспропріація въ видахъ общественной пользы была неизвѣстна древнимъ. Конфискація допускалась только въ случаѣ приговора объ изгнаніи, т.-е. когда человѣкъ, лишенный званія гражданина, не могъ болѣе осуществлять свои права на землю въ предѣлахъ изгнавшаго его государства. Лишеніе собственности за долги точно также никогда не встрѣчается въ правѣ древнихъ государствъ. Законъ Двѣнадцати Таблицъ безусловно не щадитъ должника, но онъ все же не допускаетъ конфискаціи его собственности въ пользу кредитора. Человѣкъ отвѣчалъ за свои долги лично, но не его земля, потому что земля неотдѣлима отъ семьи. Легче взять человѣка въ рабство, чѣмъ отнять у него право собственности, принадлежащее болѣе семьѣ, чѣмъ ему лично. Должникъ отдавался въ руки заимодавца; земля тоже нѣкоторымъ образомъ слѣдовала за нимъ въ рабство. Господинъ, употреблявшій въ свою пользу физическія силы человѣка, ставшаго его рабомъ, пользовался въ то же время и продуктами его земли, но онъ все же не дѣлался собственникомъ этой земли. Такъ высоко и неприкосновенно было право собственности.

Глава VII.

Право наслѣдованія.

1. *Характеръ и принципъ права собственности у древнихъ.*

Такъ какъ право собственности было установлено ради совершенія обрядовъ наслѣдственнаго культа, то оно не могло прекратиться со смертью одного отдѣльнаго человѣка. Человѣкъ умираетъ, но культъ остается, очагъ не долженъ угаснуть, и могила не должна быть заброшена. Домашняя религія продолжаетъ существовать непрерывно, и вмѣстѣ съ ней должно существовать и право собственности.

Двѣ вещи тѣсно связаны между собой въ вѣрованіяхъ и въ законахъ древнихъ: культъ семьи и собственность этой семьи. Поэтому постановленіе, что нельзя пріобрѣсти собственности безъ культа, ни культа безъ собственности, является въ греческомъ и римскомъ законодательствѣ правиломъ, не имѣющимъ исключенія. „Религія предписываетъ“, говоритъ Цицеронъ, „чтобы имущество и культъ каждой семьи были нераздѣльны и чтобы забота о жертвоприношеніяхъ выпадала на долю того, кому достается наслѣдство“. А вотъ въ какихъ выраженіяхъ отстаиваетъ въ Аѳинахъ нѣкій истецъ доставшееся ему наслѣдство: „Размыслите хорошенько, судьи, и скажите, кто изъ насъ—я или мой противникъ—долженъ наслѣдовать имущество Филоктемона и совершать жертвы на его могилѣ“. Можно ли выразить болѣе ясно, что забота о культѣ неотдѣлима отъ собственности? То же самое и въ Индіи: „Человѣкъ, который наслѣдуетъ, кто бы онъ ни былъ, обязанъ совершать приношенія на могилѣ“.

Изъ этого принципа вытекаютъ всѣ законы о правѣ наслѣдованія у древнихъ. Первый изъ этихъ законовъ тотъ, что, подобно тому, какъ домашняя религія передается по наслѣдству отъ мужчины къ мужчинѣ (мы познакомились съ этимъ выше), точно также передается и собственность. Сынъ есть по природѣ и по долгу продолжатель культа, онъ же является и наслѣдникомъ имущества. Въ этомъ заключается основное правило наслѣдованія; оно не есть результатъ простого договора между людьми, оно вытекаетъ изъ ихъ вѣрованій, изъ ихъ религіи, изъ всего того, что наиболѣе властно надъ ихъ душой. Не личная воля отца дѣлала сына наслѣдникомъ. Отцу нѣтъ надобности дѣлать завѣщаніе, сынъ наслѣдуетъ въ силу своего полнаго права—„ipso jure heres existit“ (по самому праву является наслѣдникомъ)—говоритъ юристъ. Онъ есть необходимый наслѣдникъ, heres necessarius. Ему

не предоставляется ни принимать наслѣдство, ни отказываться отъ него. Продолженіе права собственности, какъ и продолженіе культа, является для него настолько же обязанностью, насколько и правомъ. Хочетъ онъ того или нѣтъ,— наслѣдство выпадаетъ на его долю, каково бы оно ни было, даже со всѣми лежащими на немъ обязательствами и долгами. Отреченіе отъ наслѣдства или принятіе его съ отвѣтственностью, не превышающей его стоимости, не допускалось для сына по греческому праву и было внесено лишь довольно поздно въ право римское.

На юридическомъ языкѣ Рима сынъ назывался heres suus, какъ если бы хотѣли сказать heres sui ipsius. И дѣйствительно, онъ наслѣдуетъ только отъ самого себя. Между отцомъ и имъ нѣтъ ни дара, ни завѣщанія, ни передачи собственности; есть просто продолженіе: morte parentis continuatur dominium. Еще при жизни отца сынъ является совладѣтелемъ поля и дома, vivo quoque patre dominus existimatur.

Чтобы составить себѣ вѣрное понятіе о наслѣдованіи у древнихъ, нужно отказаться отъ мысли, будто у нихъ имущество переходило изъ рукъ въ руки. Владѣніе было неподвижно, какъ очагъ и могила, съ которыми оно было связано. Переходилъ къ владѣнію человѣкъ; онъ, по мѣрѣ того, какъ семья развивалась въ своихъ поколѣніяхъ, являлся въ свой урочный часъ продолжать культъ и заботиться объ имуществѣ.

2. *Наслѣдуетъ сынъ, а не дочь.*

Въ этомъ пунктѣ древніе законы кажутся на первый взглядъ странными и несправедливыми. Невольно удивляешься, видя, что по римскому праву дочь не наслѣдуетъ отцу, если она замужемъ, а по греческому она не наслѣдуетъ ему ни въ какомъ случаѣ. Что же касается до участія въ наслѣдствѣ родственниковъ въ боковыхъ линіяхъ, то тутъ законъ кажется сначала еще болѣе противоестественнымъ и несправедливымъ. Но дѣло въ томъ, что всѣ эти законы вытекаютъ не изъ логики или разума, не изъ чувства справедливости, но изъ религіозныхъ вѣрованій, господствовавшихъ среди людей.

Для культа существуетъ тотъ законъ, что онъ передается отъ мужчины къ мужчинѣ, и наслѣдство должно было идти въ томъ же порядкѣ, какъ и культъ. Дочь не правоспособна продолжать религію отца, потому что, выходя замужъ, она отрекается отъ религіи отцовъ, чтобы принять религію мужа; слѣдовательно, она не имѣетъ никакого права и на наслѣдство. Въ томъ случаѣ, если бы какой-нибудь отецъ оставилъ все свое имущество дочери, то собственность оказалась бы отдѣленной отъ культа, что совершенно не допускалось. Дочь не могла исполнять даже первѣйшей обязанности наслѣдника —совершать могильныя приношенія предкамъ, потому что она приносила жертвы предкамъ своего мужа. И религія запрещала ей наслѣдовать отцу.

Таковъ основной принципъ наслѣдованія у древнихъ; и оно одинаково важно и для законодателей Индіи, и для законодателей Греціи и Рима. У всѣхъ трехъ народовъ одни и тѣ же законы, и не потому, чтобы они заимствовали ихъ другъ отъ друга, но потому, что они создали ихъ на основаніи однихъ и тѣхъ же вѣрованій.

„Послѣ смерти отца", говоритъ кодексъ Ману, „пусть братья раздѣлятъ между собой наслѣдство"; и законодатель прибавляетъ совѣтъ братьямъ, чтобы они одѣлили приданымъ сестеръ; это подтверждаетъ лишь, что сестры сами по себѣ не имѣли права на участіе въ отцовскомъ наслѣдствѣ.

То же самое и въ Аѳинахъ Аттическіе ораторы въ своихъ судебныхъ рѣчахъ указываютъ намъ не разъ на то, что дочери не участвовали въ наслѣдствѣ. Самъ Демосѳенъ является примѣромъ приложенія этого правила, такъ какъ у него была сестра, и въ то же время, какъ мы знаемъ изъ его собственныхъ словъ, онъ былъ единственнымъ наслѣдникомъ всего отцовскаго имущества; отецъ отдѣлилъ лишь седьмую часть въ приданое дочери.

Что касается первоначальныхъ постановленій римскаго права,

то они намъ мало извѣстны; у насъ нѣтъ въ рукахъ никакого текста древнихъ законовъ, касавшихся права наслѣдованія дочерью; у насъ нѣтъ никакихъ документовъ, аналогичныхъ аѳинскимъ судебнымъ рѣчамъ; мы принуждены отыскивать слабые слѣды первобытнаго права въ правѣ значительно позднѣйшемъ и сильно уже отъ него отличающемся. Гай и Юстиніановы Институціи напоминаютъ еще, что дочь лишь въ томъ случаѣ считается въ числѣ естественныхъ наслѣдниковъ, если въ моментъ смерти отца она находилась подъ его властью; слѣдовательно, если она была въ то время уже замужемъ съ соблюденіемъ всѣхъ религіозныхъ обрядовъ, то правъ на наслѣдство она болѣе не имѣетъ; значитъ, если предположить, что ранѣе замужества она имѣла право на раздѣленіе наслѣдства съ братомъ, то она обязательно лишалась этого права, какъ только confarreatio отдѣляло ее отъ отцовской семьи и соединяло съ семьей мужа. Правда, незамужнюю дочь законъ формально не лишалъ права на участіе въ наслѣдствѣ, но нужно еще спросить, могла ли она быть на практикѣ дѣйствительной наслѣдницей. Не нужно забывать, что дѣвушка находилась подъ вѣчной опекой брата или его родственниковъ-агнатовъ, что она находилась подъ этой опекой всю жизнь, и что самая опека была установлена древнимъ правомъ въ интересахъ имущества, въ цѣляхъ его сохраненія въ семьѣ, а не въ интересахъ дочери, и что, наконецъ, дѣвушка ни въ какомъ возрастѣ не имѣла права ни выйти замужъ, ни перемѣнить семью безъ разрѣшенія на то своего опекуна. Эти вполнѣ доказанные факты позволяютъ думать, что существовалъ, если не въ законѣ, то на практикѣ и въ обычаяхъ, цѣлый рядъ затрудненій, препятствовавшихъ тому, чтобы дочь была такой же полной собственницей своей части отцовскаго имущества, какъ и сынъ. У насъ нѣтъ доказательствъ, чтобы дочь исключалась изъ наслѣдованія, но мы знаемъ достовѣрно, что замужняя дочь не наслѣдовала отцу, а незамужняя никогда не имѣла права распологать самостоятельно своей частью наслѣдства. Если она и была наслѣдницей, то только временной, на извѣстныхъ усло-

віяхъ и почти только въ формѣ права пользованія; она не имѣла права ни завѣщать, ни отчуждать безъ согласія на то того брата или тѣхъ родственниковъ-агнатовъ, которые послѣ ея смерти должны были явиться наслѣдниками ея имущества, а при жизни являлись его блюстителями.

Мы должны сдѣлать еще одно замѣчаніе: Институціи Юстиніана приводятъ старинное положеніе, вышедшее тогда уже изъ употребленія, которое предписывало, чтобы наслѣдство переходило всегда по мужской линіи; какъ остатокъ этого правила является, безъ сомнѣнія, тотъ фактъ, что по гражданскому праву женщина никогда не могла быть утверждена наслѣдницей. И чѣмъ далѣе восходимъ мы отъ эпохи Юстиніана къ эпохамъ болѣе древнимъ, тѣмъ ближе подходимъ мы къ закону, запрещавшему женщинамъ наслѣдованіе. Во времена Цицерона отецъ, оставлявшій послѣ себя сына и дочь, имѣлъ право завѣщать своей дочери только третью часть состоянія; если же у него была только единственная дочь, то все же она не могла получить болѣе половины. Нужно замѣтить еще и слѣдующее: для того, чтобы дочь получила третью часть или половину отцовскаго имущества, отецъ долженъ былъ составить завѣщаніе въ ея пользу, лично же дочь ни на что права не имѣла. Наконецъ, за полтора вѣка до Цицерона, Катонъ, желая возстановить древніе обычаи, провелъ законъ Воконія, запрещавшій: 1) назначать наслѣдницей женщину, хотя бы то была единственная дочь, замужняя или незамужняя; 2) завѣщать женщинамъ болѣе половины отцовскаго наслѣдства. Законъ Воконія только возобновлялъ наиболѣе древніе законы,—такъ какъ нельзя предположить, чтобы онъ былъ принятъ современниками Сципіона, если бы онъ не опирался на древнія, почитавшіяся еще правила. Законъ этотъ стремился къ тому, чтобы возстановить нарушенное временемъ. Но самое любопытное въ законѣ Воконія это то, что онъ совершенно не упоминаетъ о наслѣдованіи ab intestato (безъ завѣщанія). Такое молчаніе отнюдь не можетъ значить, чтобы въ подобныхъ случаяхъ дочь являлась законной наслѣдницей: невозможно допустить, чтобы законъ запрещалъ дочери наслѣ-

дованіе по завѣщанію отца, если она являлась полноправной наслѣдницей безъ этого завѣщанія. Это умолчаніе означаетъ скорѣе, что законодателю нечего было говорить о предметѣ наслѣдованія ab intestato (безъ завѣщанія), потому что на этотъ счетъ древнія правила были еще въ полной силѣ.

Такимъ образомъ, хотя и нельзя утверждать, чтобы дочь была совершенно исключена изъ наслѣдованія, тѣмъ не менѣе вполнѣ достовѣрно, что древніе римскіе, такъ же какъ и греческіе, законы ставили дочь гораздо ниже сына въ этомъ отношеніи, и подобный взглядъ былъ естественнымъ и неизбѣжнымъ слѣдствіемъ тѣхъ религіозныхъ принциповъ, которые глубоко запечатлѣлись въ понятіяхъ людей.

Правда, люди уже очень рано нашли возможность обойти этотъ законъ и примирить религіозное предписаніе, запрещавшее дочери наслѣдовать, съ естественнымъ чувствомъ отца, желавшаго дать ей возможность пользоваться его состояніемъ. Это особенно поразительно въ греческомъ правѣ.

Аѳинское законодательство стремилось совершенно ясно къ тому, чтобы дочь, не имѣя сама правъ на наслѣдованіе, вышла, по крайней мѣрѣ, замужъ за наслѣдника. Если, напримѣръ, покойный оставлялъ сына и дочь, то законъ разрѣшалъ бракъ между братомъ и сестрой, при условіи, что они не были дѣтьми одной матери. Братъ, единственный наслѣдникъ, могъ по своему выбору—жениться на сестрѣ или дать ей приданое.

Если у отца была единственная дочь, то онъ могъ усыновить себѣ сына и выдать за него замужъ свою дочь. Онъ могъ также назначить себѣ по завѣщанію наслѣдника, который долженъ былъ жениться на его дочери.

Если отецъ единственной дочери умиралъ, не усыновивъ никого и не оставивъ завѣщанія, то древній законъ предписывалъ, чтобы наслѣдникомъ ему былъ его ближайшій родственникъ, но наслѣдникъ этотъ былъ обязанъ жениться на его дочери. Въ силу этого правила бракъ между дядей и племянницей не только разрѣшался, но даже требовался закономъ. Болѣе того, если дочь была уже замужемъ, то она

должна была оставить своего мужа, чтобы выйти замужъ за наслѣдника своего отца. Наслѣдникъ этотъ могъ быть самъ уже женатъ, въ такомъ случаѣ онъ долженъ былъ развестись съ женой, чтобы жениться на дочери наслѣдодателя. Мы видимъ здѣсь, насколько древнее право, сообразуясь вполнѣ съ религіей, шло въ разрѣзъ съ природой.

Необходимость удовлетворить требованіямъ религіи, соединенная съ желаніемъ спасти интересы единственной дочери, заставила найти еще одинъ выходъ. Въ этомъ отношеніи удивительно сходятся между собой право аѳинское и право индійское. Въ *Законахъ Ману* мы читаемъ: „Тотъ, у кого нѣтъ дѣтей мужского пола, можетъ возложить на свою дочь обязанность дать ему сына, который станетъ его сыномъ и будетъ исполнять въ его честь погребальные обряды“. Но для этого отецъ долженъ заранѣе предупредить того, кому онъ отдаетъ въ жены свою дочь, произнося слѣдующую установленную формулу. „Я отдаю тебѣ украшенную драгоцѣнностями дочь мою, у которой нѣтъ брата; сынъ, который у нея родится, будетъ моимъ сыномъ и онъ совершитъ мое погребеніе“. Тотъ же обычай существовалъ и въ Аѳинахъ: отецъ могъ продолжить свое потомство черезъ дочь, отдавая ее въ жены съ этимъ именно условіемъ. Сынъ, родившійся отъ такого брака, считался сыномъ отца жены, слѣдовалъ его культу, присутствовалъ при совершеніи религіозныхъ обрядовъ и, позже, заботился о его могилѣ. Въ индусскомъ правѣ этотъ ребенокъ наслѣдовалъ своему дѣду, какъ если бы онъ былъ его сыномъ; совершенно то же самое было и въ Аѳинахъ. Если отецъ выдавалъ замужъ свою дочь на тѣхъ условіяхъ, какъ мы это говорили выше, то наслѣдовала ему не дочь, не зять, *но сынъ дочери*. Какъ только этотъ послѣдній достигалъ совершеннолѣтія, онъ вступалъ во владѣніе наслѣдствомъ своего дѣда съ материнской стороны, хотя бы его мать и отецъ были еще живы.

Эти странныя послабленія со стороны религіи и закона подтверждаютъ высказанное нами ранѣе правило, а именно: единственная дочь считалась какъ бы посредницей, черезъ ко-

торую могла продолжиться семья. Она не наслѣдовала сама лично, но черезъ нее передавался культъ и наслѣдство.

3. О наслѣдованіи въ боковой линіи.

Если человѣкъ умиралъ бездѣтнымъ, то, чтобы рѣшить, кто долженъ былъ наслѣдовать его имущество, нужно было только узнать, кто является продолжателемъ его культа.

Домашняя религія передавалась родственникамъ по крови отъ мужчины къ мужчинѣ. Происхожденіе по мужской линіи отъ общаго предка одно устанавливало между двумя лицами религіозную связь, позволявшую одному продолжать культъ другого. То, что называли родствомъ, было, какъ мы видѣли это выше, не что иное, какъ выраженіе подобной религіозной связи. Люди считались родственниками между собой, потому что у нихъ былъ тотъ же культъ, одинъ и тотъ же первоначальный очагъ, тѣ же предки. Но рожденіе отъ одной матери не дѣлало еще родственниками; религія не признавала родства черезъ женщинъ. Дѣти двухъ сестеръ или сестры и брата не были ничѣмъ связаны между собой и не принадлежали ни къ одной и той же домашней религіи, ни къ одной и той же семьѣ.

Эти начала руководили порядкомъ наслѣдованія. Если человѣкъ потерялъ и сына и дочь и оставлялъ послѣ себя только внуковъ, то наслѣдовалъ сынъ его сына, но не сынъ дочери. Въ случаѣ отсутствія потомства ему наслѣдовалъ братъ, но не сестра, сынъ брата, но не сынъ сестры. Если не было ни братьевъ, ни племянниковъ, то нужно было прослѣдить, восходя, рядъ предковъ покойника по мужской линіи, пока не находилась вѣтвь, отдѣлившаяся отъ семьи черезъ мужчину; потомъ, нисходя по этой линіи отъ мужчины къ мужчинѣ, находили кого-нибудь изъ ея живыхъ членовъ, и этотъ-то послѣдній и былъ наслѣдникомъ.

Законы эти были одинаково въ силѣ у индусовъ, у грековъ и у римлянъ. Въ Индіи „наслѣдство принадлежитъ самому близкому *сапинда*, если же нѣтъ *сапинда*, то *самонодака*“.

А мы уже видѣли, что родство, выражаемое этими двумя словами, было родство религіозное или родство черезъ мужчинъ и соотвѣтствовало римской агнаціи.

А вотъ аѳинскій законъ: „Если человѣкъ умеръ, не оставивъ дѣтей, то наслѣдникомъ будетъ братъ покойнаго, если только онъ его единокровный братъ; если же брата нѣтъ, то наслѣдуетъ сынъ брата: *потому что наслѣдство переходитъ всегда къ мужчинамъ и къ потомкамъ мужчинъ*“. Этотъ древній законъ цитировался еще во времена Демосѳена, хотя къ этому времени онъ былъ уже видоизмѣненъ, къ тому же въ законъ начинало уже вводиться родство черезъ женщинъ.

Законы Двѣнадцати Таблицъ постановили также, что если кто умретъ, не оставивъ *своего наслѣдника*, то наслѣдство принадлежитъ ближайшему агнату. А мы уже видѣли, что агнація черезъ женщинъ не распространялась. Древнее римское право обозначало очень точно, что племянникъ-наслѣдникъ наслѣдовалъ отъ patruus, т.-е. отъ брата своего отца, но не могъ наслѣдовать отъ avunculus, т.-е. отъ брата своей матери. Возвращаясь къ представленной нами выше таблицѣ семьи Сципіона, мы увидимъ, что Сципіонъ Эмиліанъ умеръ бездѣтнымъ, но наслѣдство его не могло перейти ни къ его теткѣ Корнеліи, ни къ Каю Гракху, который по нашимъ теперешнимъ понятіямъ приходился бы ему двоюроднымъ братомъ; оно должно было перейти къ Сципіону Азіатскому, который по древнему праву являлся его ближайшимъ родственникомъ.

Во времена Юстиніана законодатель не понималъ уже болѣе этихъ древнихъ постановленій; они казались ему несправедливыми, и онъ упрекаетъ въ исключительной строгости законы Двѣнадцати Таблицъ, „которые давали всегда преимущество мужскому потомству и исключали изъ наслѣдованія тѣхъ, кто былъ соединенъ съ умершимъ только черезъ женщинъ“. Право, если угодно, несправедливое, потому что оно не считалось съ природою, но право удивительно логичное, потому что, отправляясь отъ того принципа, что наслѣ-

дованіе связано съ культомъ, оно отстраняло отъ него всѣхъ тѣхъ, кому религія не давала полномочія продолжать этотъ культъ.

4. Послѣдствія эмансипаціи и усыновленія.

Раньше мы говорили о томъ, что и эмансипація (выходъ изъ семьи), и усыновленіе влекли за собою для человѣка перемѣну культа. Первое—эмансипація,—отрѣшало его отъ отцовскаго культа; второе—усыновленіе—посвящало его въ культъ новой семьи. И здѣсь древнее право принаравливается къ религіознымъ постановленіямъ. Сынъ, отрѣшенный эмансипацiей отъ культа отцовъ, устраняется также и отъ наслѣдства. Наоборотъ, посторонній человѣкъ, который былъ присоединенъ къ культу семьи усыновленіемъ, становился сыномъ, продолжалъ культъ и наслѣдовалъ имущество. И въ томъ, и въ другомъ случаѣ древнее право считалось болѣе съ религіозными узами, чѣмъ съ узами родства.

Подобно тому какъ по правиламъ религіи одинъ и тотъ же человѣкъ не могъ соблюдать двухъ домашнихъ культовъ, точно такъ же онъ не могъ наслѣдовать и двумъ семьямъ. Поэтому пріемный сынъ, который наслѣдовалъ въ семьѣ усыновителя, не могъ болѣе наслѣдовать въ своей родной семьѣ. Аѳинское право было весьма точно въ этомъ вопросѣ. Въ судебныхъ рѣчахъ аѳинскихъ ораторовъ передъ нами часто являются люди, которые, будучи усыновлены одной семьей, желали кромѣ того наслѣдовать и въ той, въ которой они родились. Но законъ противился такому намѣренію. Усыновленный человѣкъ могъ наслѣдовать отъ своей родной семьи только въ томъ случаѣ, если онъ входилъ въ нее снова; войти же въ нее онъ могъ не иначе, какъ отрекшись отъ семьи, его усыновившей; но выйти изъ послѣдней онъ могъ только при двухъ условіяхъ: первое—онъ долженъ былъ отказаться отъ наслѣдственнаго имущества этой семьи; второе—дабы домашній культъ, ради котораго онъ былъ усыновленъ, не прекратился за его выходомъ, онъ долженъ былъ оставить въ

этой семьѣ вмѣсто себя своего сына, какъ замѣстителя. Этотъ сынъ заботится о продолженіи культа и вступаетъ во владѣніе имуществомъ; отецъ же можетъ въ такомъ случаѣ возвратиться въ свою родную семью и наслѣдовать въ ней. Но этотъ отецъ и оставленный имъ въ усыновившей его семьѣ сынъ не могутъ болѣе наслѣдовать одинъ послѣ другого; они не принадлежатъ болѣе къ одной семьѣ, они не родственники между собой.

Ясно видно, какая мысль была у древняго законодателя, когда онъ устанавливалъ эти подробныя правила. Онъ считалъ невозможнымъ, чтобы два наслѣдства переходили къ одному и тому же лицу, такъ какъ одинъ человѣкъ не могъ служить двумъ культамъ.

5. Завѣщаніе первоначально не было извѣстно.

Право завѣщать, т.-е. распоряжаться послѣ смерти своимъ имуществомъ и передавать его по желанію другому лицу, помимо естественнаго наслѣдника, стояло въ противорѣчіи съ религіозными вѣрованіями, составлявшими основу права собственности и права наслѣдованія. Собственность была неотдѣлима отъ культа; культъ же былъ наслѣдственнымъ; можно ли было думать при подобныхъ условіяхъ о завѣщаніи? Къ тому же собственность принадлежала не отдѣльному лицу, а семьѣ, потому что человѣкъ пріобрѣталъ ее не по праву труда, а въ силу домашняго культа. Связанная съ семьей, она передавалась отъ умершихъ къ живымъ не по волѣ или выбору умершихъ, но въ силу высшихъ законовъ, установленныхъ религіей.

Древнее право индусовъ не знаетъ завѣщанія. Аѳинское право до Солона запрещало его самымъ положительнымъ образомъ; и самъ Солонъ разрѣшилъ его только для тѣхъ, кто не имѣлъ дѣтей. Завѣщаніе было долго неизвѣстно или запрещалось въ Спартѣ и было допущено только послѣ Пелопонесской войны. Сохранилось воспоминаніе о тѣхъ временахъ,

когда совершенно то же самое было въ Коринѳѣ и въ Ѳивахъ. Безъ сомнѣнія, что право завѣщать свое имущество по своей волѣ не признавалось вначалѣ естественнымъ правомъ; неизмѣннымъ принципомъ древнихъ временъ было то, что собственность должна оставаться въ семьѣ, съ которой ее связывала религія.

Въ трактатѣ о законахъ, который въ своей большей части есть не что иное, какъ толкованіе на аѳинскіе законы, Платонъ объясняетъ очень ясно мысль древнихъ законодателей. Онъ предполагаетъ, что человѣкъ на смертномъ одрѣ требуетъ себѣ права составить завѣщаніе и восклицаетъ: „О боги, не жестоко ли, что я не могу распорядиться своимъ имуществомъ, какъ хочу, и передать его кому мнѣ угодно, оставляя одному больше, другому меньше, судя по степени привязанности, какую я отъ нихъ видѣлъ?“ Но законодатель отвѣчаетъ этому человѣку: „Тебѣ ли рѣшать подобныя дѣла, когда ты не можешь разсчитывать прожить болѣе дня, когда ты только на время являешься сюда? Ты не господинъ ни себя самого, ни своего имущества; и ты и твое имущество принадлежатъ семьѣ, т.-е. твоимъ предкамъ и твоему потомству“.

Древнее римское право представляется намъ чрезвычайно темнымъ, темнымъ оно было уже и для Цицерона. Все то, что намъ извѣстно, не восходитъ ранѣе законовъ Двѣнадцати Таблицъ, которыя, безъ сомнѣнія, не являются первоначальными законами Рима, и отъ которыхъ намъ осталось къ тому же лишь нѣсколько отрывковъ. Этотъ кодексъ разрѣшаетъ дѣлать завѣщанія; но отрывокъ, который мы имѣемъ по этому предмету, слишкомъ коротокъ и, очевидно, слишкомъ неполонъ для того, чтобы мы могли думать, будто знаемъ истинныя постановленія законодателя по этому вопросу. Мы знаемъ, что давалось право завѣщать, но не знаемъ, какими оговорками и условіями оно было обставлено. Ранѣе Двѣнадцати Таблицъ у насъ нѣтъ въ рукахъ ни одного закона, запрещающаго или разрѣшающаго завѣщаніе. Но въ языкѣ сохранилось воспоминаніе о томъ времени, когда это право не было извѣстно: сынъ называется—*собственный и необходимый наслѣдникъ*. Это выраженіе, которое употребляли еще Гай и Юстиніанъ, хотя оно болѣе не соотвѣтствовало законодательству ихъ времени, перешло, безъ всякаго сомнѣнія, отъ тѣхъ давнихъ временъ, когда сынъ не могъ ни быть лишенъ наслѣдства, ни самъ отказаться отъ него. Такимъ образомъ, отецъ не имѣлъ права свободно располагать своимъ состояніемъ. Завѣщаніе хотя и было извѣстно, но было обставлено большими трудностями. Прежде всего завѣщатель не могъ сохранить тайны своего завѣщанія при жизни. Человѣкъ, который лишалъ свою семью наслѣдства и нарушалъ тѣмъ законъ, установленный религіей, долженъ былъ дѣлать это явно передъ всѣми и испытать на себѣ при жизни всѣ послѣдствія этого поступка. Но это еще не все: воля завѣщателя должна была получить еще утвержденіе отъ высшей власти, т.-е. отъ народа, собраннаго по куріямъ подъ предсѣдательствомъ верховнаго жреца. Не надо думать, что это была лишь пустая формальность, особенно въ первые вѣка. Эти комиціи по куріямъ были самыми торжественными собраніями Рима, и было бы легкомысліемъ говорить, что народъ собирался подъ предсѣдательствомъ своего религіознаго главы, чтобы быть только свидѣтелемъ при чтеніи завѣщанія. Можно предположить, что народъ подавалъ тутъ свой голосъ, и если подумаемъ, то это являлось даже необходимымъ. Въ самомъ дѣлѣ, существовалъ общій законъ, строго установлявшій порядокъ наслѣдованія; для того, чтобы этотъ порядокъ былъ измѣненъ въ отдѣльномъ частномъ случаѣ, нуженъ былъ новый законъ. Этимъ исключительнымъ закономъ было завѣщаніе. Право завѣщать не было вполнѣ признано за человѣкомъ и не могло быть признано до тѣхъ поръ, пока все общество оставалось подъ властью древней религіи. По вѣрованіямъ тѣхъ древнихъ временъ, человѣкъ живущій былъ не болѣе какъ временный представитель на нѣсколько лѣтъ существа постояннаго и безсмертнаго, какимъ являлась семья. И культъ, и собственность были у него лишь на храненіи; его право на нихъ прекращалось съ его жизнью.

6. *Нераздѣльность родового имѣнія въ древности.*

Нужно перенестись за предѣлы временъ, память о которыхъ сохранилась въ исторіи, перенестись къ тѣмъ отдаленнымъ вѣкамъ, когда сложились домашнія учрежденія и подготовлялись учрежденія общественныя. Никакого письменнаго памятника не осталось да и не могло остаться отъ той эпохи; но законы, которыми управлялись тогда люди, наложили до извѣстной степени свой отпечатокъ на право позднѣйшихъ вѣковъ.

Въ укладѣ жизни тѣхъ отдаленныхъ временъ мы можемъ разглядѣть одно учрежденіе, которое должно было господствовать очень долго, которое оказало значительное вліяніе на дальнѣйшій строй общества и безъ котораго самый этотъ строй былъ бы непонятенъ, это—нераздѣльность родового имѣнія и нѣчто вродѣ права старшинства въ связи съ этой нераздѣльностью.

Древняя религія установляла различіе между старшимъ и младшимъ сыномъ: „Старшій", говорили древніе арійцы, „былъ рожденъ для исполненія долга по отношенію къ предкамъ, другіе родились отъ любви". Въ силу этого превосходства по рожденію, старшій сынъ и по смерти отца пользовался преимуществомъ быть главой при совершеніи всѣхъ обрядовъ домашняго культа; онъ именно совершалъ могильныя приношенія и произносилъ установленныя молитвы, „потому что право произносить молитвы принадлежитъ тому изъ сыновей, который прежде всѣхъ родился". Старшій сынъ былъ, слѣдовательно, наслѣдникомъ гимновъ, продолжателемъ культа, религіознымъ главою семьи. Изъ этого вѣрованія вытекало постановленіе въ правѣ, что старшій сынъ одинъ долженъ наслѣдовать имущество. Такъ одинъ древній текстъ, включенный послѣднимъ собирателемъ законовъ Ману въ его кодексъ, гласитъ слѣдующее: „Старшій сынъ вступаетъ во владѣніе всѣмъ отцовскимъ наслѣдствомъ, остальные же братья живутъ подъ его властью, какъ жили они подъ властью отца.

Старшій сынъ воздаетъ долгъ предкамъ, а потому и долженъ все получать".

Греческое право исходило изъ тѣхъ же вѣрованій, что и индусское, поэтому неудивительно, что и тамъ мы находимъ вначалѣ право старшинства. Въ Спартѣ установленные первоначально на правахъ частной собственности земельные участки были недѣлимы, и младшій сынъ не имѣлъ въ нихъ своей доли. То же самое было во многихъ древнихъ законодательствахъ, которыя изучалъ Аристотель. Въ самомъ дѣлѣ, онъ сообщаетъ намъ, что въ Ѳивахъ законъ предписывалъ, чтобы число земельныхъ участковъ оставалось неизмѣннымъ, а это, разумѣется, исключаетъ возможность ихъ раздѣла между братьями. Древній законъ Коринѳа установлялъ, чтобы число семей было неизмѣнно, что является возможнымъ лишь при условіи права старшинства, которое препятствовало бы раздѣлу семей при каждомъ новомъ поколѣніи.

Нельзя ожидать, чтобы въ Аѳинахъ во времена Демосѳена такое старинное учрежденіе было въ силѣ, но и въ эту эпоху существуетъ еще то, что называется преимуществомъ старшинства. Оно состояло, кажется, въ томъ, что старшему принадлежалъ внѣ раздѣла отцовскій домъ,—значительное преимущество въ матеріальномъ отношеніи и еще болѣе значительное съ точки зрѣнія религіозной, такъ какъ въ отцовскомъ домѣ находился древній очагъ семьи. Въ то время какъ младшій сынъ, во времена Демосѳена, шелъ возжигать для себя новый очагъ, старшій—единственный истинный наслѣдникъ—оставался владѣть отчимъ очагомъ и могилою предковъ; онъ одинъ сохранялъ также за собою родовое имя семьи. Это было слѣдами того времени, когда все родовое имѣніе доставалось ему одному.

Можно замѣтить, что хотя несправедливость права старшинства и не поражала умы, стоявшіе всецѣло во власти религіи, тѣмъ не менѣе несправедливость эта смягчается нѣкоторыми обычаями древнихъ. Младшій сынъ усыновлялся иногда другой семьей и становился тамъ наслѣдникомъ; иногда онъ женился на единственной дочери, иногда же получалъ

участокъ земли, оставшійся послѣ какой-нибудь угасшей семьи. За отсутствіемъ всѣхъ этихъ средствъ младшіе сыновья отсылались въ колоніи.

Что же касается Рима, то тамъ мы не находимъ никакого закона касательно права старшинства. Но изъ этого еще не слѣдуетъ заключать, будто оно было неизвѣстно древнимъ италійцамъ. Оно могло исчезнуть, и самая память о немъ могла изгладиться. Но существованіе рода *gens*) среди римскихъ и сабинскихъ племенъ позволяетъ намъ думать, что въ очень давнія, неизвѣстныя намъ времена это право существовало и было въ полной силѣ, такъ какъ безъ него нельзя было бы объяснить и самое существованіе рода. Какимъ образомъ одинъ родъ могъ дойти до того, чтобы содержать въ себѣ нѣсколько тысячъ свободныхъ людей, своихъ членовъ, какъ родъ Клавдіевъ, или нѣсколько сотъ воиновъ-патриціевъ, какъ родъ Фабіевъ, еслибы право старшинства не поддерживало его единства въ теченіе длиннаго ряда поколѣній и не преумножало бы его изъ вѣка въ вѣкъ, мѣшая его распаденію? Древнее право старшинства доказывается тутъ своими слѣдствіями и, такъ сказать, своими дѣлами.

Нужно уяснить себѣ хорошенько, что право старшинства не было ограбленіемъ младшихъ въ пользу старшихъ. Кодексъ Ману объясняетъ смыслъ его, говоря: „Пусть старшій братъ относится съ любовью къ своимъ младшимъ братьямъ, какъ отецъ къ сыновьямъ, и пусть они въ свою очередь уважаютъ его какъ отца“. По понятіямъ древнихъ вѣковъ право старшинства предполагало всегда общинную жизнь. Оно было по существу не что иное, какъ пользованіе имуществомъ сообща всѣми братьями подъ верховнымъ главенствомъ старшаго. Право это представляло собою недѣлимость родового имущества вмѣстѣ съ недѣлимостью семьи. Можно думать, что именно въ этомъ смыслѣ оно являлось дѣйствующимъ въ самомъ древнѣйшемъ римскомъ правѣ или, по крайней мѣрѣ, въ его обычаяхъ и что оно явилось источникомъ римскаго рода.

Глава VIII.

Власть въ семьѣ.

1. *Принципъ и характеръ отцовской власти у древнихъ.*

Не гражданская община, не государство дало семьѣ ея законы. Если бы гражданская община установила право собственности; то оно было бы, по всей вѣроятности, не такимъ, какимъ мы его видѣли. Не въ ея интересахъ была неотчуждаемость земли и недѣлимость родового владѣнія, и потому она установила бы право собственности и право наслѣдованія на другихъ началахъ. Законъ, позволяющій отцу продать и даже убить сына, тотъ законъ, который мы находимъ какъ въ Греціи, такъ и въ Римѣ, не былъ изобрѣтенъ гражданской общиной. Гражданская община сказала бы скорѣе отцу: „Ни жизнь, ни свобода твоей жены и ребенка тебѣ не принадлежатъ,—я беру ихъ подъ свою защиту даже противъ тебя; не тебѣ судить ихъ и убивать, даже если они совершили проступокъ: я буду ихъ единственнымъ судьей“. Но гражданская община не говоритъ такъ, очевидно, она не можетъ такъ говорить. Частное право существовало раньше ея. Когда она начала издавать свои законы, то право это уже установилось, живое, укоренившееся въ правахъ, могущественное, благодаря всеобщему признанію. Гражданская община приняла его, не будучи въ силахъ поступить иначе и лишь постепенно съ теченіемъ времени осмѣливаясь его измѣнять. Древнее право не есть созданіе какого-либо законодателя; оно было, наоборотъ, навязано законодателю. Оно родилось въ семьѣ. Самобытно и вполнѣ сложившимся вышло оно изъ создавшихъ его древнихъ началъ. Оно вытекло изъ религіозныхъ вѣрованій, которыя были всеобщими въ первые вѣка данныхъ народовъ, и безгранично властвовало надъ ихъ умами и волей.

Семья состояла изъ отца, матери, дѣтей и рабовъ. Какъ бы ни была мала эта группа,—она нуждалась въ порядкѣ.

Кому же должна принадлежать верховная власть? Отцу? Нѣтъ. Во всякомъ домѣ есть нѣчто, стоящее выше даже отца,—это домашняя религія, это богъ, котораго греки называли очагъ—владыка, ἑστία δέσποινα, а латины называли *Lar familiae Pater*. Это внутреннее божество или, что то же, вѣрованія, живущія въ душѣ человѣка, вотъ самая непререкаемая власть; она опредѣлила каждому его положеніе въ семьѣ.

Отецъ занимаетъ первое мѣсто близъ очага; онъ возжигаетъ его и поддерживаетъ; онъ его верховный жрецъ. Во всѣхъ религіозныхъ священнодѣйствіяхъ онъ исполняетъ самыя высшія обязанности: онъ закалываетъ жертву, его уста произносятъ формулу молитвы, которая должна привлечь благоволеніе боговъ на него и его семью; имъ увѣковѣчиваются семья и культъ; онъ одинъ представляетъ собою весь рядъ потомковъ; на немъ держится домашній культъ, и онъ почти что можетъ сказать, подобно индусу: Я самъ—богъ. Когда же придетъ смерть, то онъ станетъ божественнымъ существомъ, и потомки будутъ ему молиться.

Женѣ религія не предоставляла такого же высокаго положенія. Правда, и она принимала участіе въ религіозныхъ священнодѣйствіяхъ, но она не госпожа очага. Религія не досталась ей по рожденію; только бракъ посвятилъ ее въ эту религію; отъ мужа научилась она тѣмъ молитвамъ, которыя произноситъ; она не представляетъ въ себѣ домашнихъ предковъ, потому что не происходитъ отъ нихъ, и современемъ, когда ее опустятъ въ могилу, она не сдѣлается предкомъ, и ей не будутъ воздавать особаго почитанія. По смерти, какъ и при жизни, она считается только частью своего мужа.

Право греческое, право римское и право индусское—всѣ они, основывающіяся на этихъ вѣрованіяхъ, единогласно считаютъ женщину какъ бы вѣчно малолѣтней. У нея никогда не можетъ быть собственнаго очага, она никогда не можетъ быть главою культа. Въ Римѣ ей дается званіе *mater familias*, но она теряетъ его, какъ только умираетъ ея мужъ. Не имѣя собственнаго, принадлежащаго лично ей очага, она не обладаетъ ничѣмъ, что бы давало ей власть

въ семьѣ. Она никогда не повелѣваетъ; даже никогда не свободна и не госпожа самой себѣ, sui juris. Она всегда находится у чего-нибудь очага, всегда повторяетъ молитвы за другимъ; для всѣхъ актовъ религіозной жизни ей нуженъ глава, для всѣхъ актовъ гражданской жизни—опекунъ.

Законъ Ману гласитъ: „Женщина въ дѣтствѣ зависитъ отъ отца, въ молодости отъ мужа, когда же мужъ умеръ,—то отъ сыновей; а если нѣтъ сыновей, то отъ близкихъ родственниковъ своего мужа; потому что женщина не должна никогда распоряжаться собою по своему усмотрѣнію". То же говорятъ и законы греческій и римскій. Дѣвушкой она подвластна отцу при его жизни, а послѣ его смерти—братьямъ или ихъ агнатамъ; выйдя замужъ, она подъ опекой мужа; послѣ смерти мужа она не возвращается въ свою семью, такъ какъ она навсегда отреклась отъ нея въ силу священныхъ обрядовъ брака, и вдовой она подчинена опекѣ агнатовъ своего мужа, т.-е. своихъ собственныхъ сыновей, если они у нея есть, или же за отсутствіемъ сыновей—ближайшимъ родственникамъ. Власть мужа надъ нею такъ велика, что онъ можетъ передъ смертью назначить ей опекуна и даже выбрать другого мужа.

Чтобы обозначить власть мужа надъ женой, у римлянъ было одно очень древнее выраженіе, сохраненное намъ юристами, это—слово *manus*. Найти его первоначальный смыслъ теперь не легко. Коментаторы объясняютъ его какъ выраженіе, обозначающее физическую силу; какъ будто бы жена была отдана во власть грубой силы мужа. Они, по всей видимости, ошибаются. Власть мужа надъ женой совершенно не вытекала изъ перевѣса въ физической силѣ перваго. Она являлась слѣдствіемъ, какъ и все древнее право, тѣхъ религіозныхъ вѣрованій, которыя ставили мужчину выше женщины. Доказательствомъ этому служитъ то, что женщина, вступившая въ бракъ не по священнымъ обрядамъ религіи и въ силу этого не пріобщенная къ культу, не была подчинена власти мужа. Бракъ создавалъ подчиненіе и въ то же время достоинство

женщины. До такой степени вѣрно, что не право сильнаго создало семью!

Перейдемъ къ ребенку. Здѣсь уже природа говоритъ достаточно громко сама за себя; она требуетъ, чтобы у ребенка былъ покровитель, руководитель и наставникъ, и религія идетъ тутъ рука объ руку съ природой; она говоритъ, что отецъ долженъ быть главою культа, сынъ же долженъ только помогать ему въ отправленіи священныхъ обязанностей. Но природа требуетъ подчиненія лишь въ теченіе извѣстнаго ряда лѣтъ, религія же требуетъ большаго. Природа даетъ сыну совершеннолѣтіе, религія этого не допускаетъ. По древнимъ принципамъ, очагъ недѣлимъ, недѣлима подобно ему и собственность: братья не дѣлятся по смерти отца; тѣмъ болѣе они не могутъ отдѣлиться отъ него при его жизни. По строгому первобытному праву сыновья были связаны съ очагомъ отца и вслѣдствіе этого подчинены его власти; пока онъ живъ,—они несовершеннолѣтніе.

Понятно, что это правило могло существовать, только пока домашняя религія была въ полной силѣ. Это безконечное подчиненіе сына отцу исчезло очень рано въ аѳинскомъ правѣ. Въ Римѣ древній законъ соблюдался строжайшимъ образомъ: сынъ никогда не могъ имѣть отдѣльнаго очага при жизни отца, даже женатый; даже имѣя собственныхъ дѣтей, онъ всегда оставался во власти своего отца.

Впрочемъ, отцовская власть, какъ и власть мужа, была построена на началахъ домашняго культа и обусловливалась имъ. Сынъ, рожденный отъ наложницы, не былъ подвластенъ отцу; между нимъ и отцомъ не существовало религіозной общности, значитъ не было ничего, что давало бы одному власть и повелѣвало бы другому повиноваться. Отцовство само по себѣ не давало никакой власти отцу.

Благодаря домашней религіи семья была маленькимъ организованнымъ цѣлымъ, небольшимъ обществомъ, имѣвшимъ своего главу и руководителя. Ничто въ современномъ обществѣ не даетъ намъ понятія объ этой отцовской власти. Въ тѣ древнія времена отецъ былъ не только сильнымъ человѣкомъ,

который покровительствовалъ, защищалъ, имѣлъ власть заставить себѣ повиноваться: онъ былъ жрецомъ, наслѣдникомъ очага, продолжателемъ рода предковъ, родоначальникомъ потомства, хранителемъ таинственныхъ обрядовъ культа и тайныхъ священныхъ формулъ молитвъ. Въ немъ заключается вся религія.

Любопытно и поучительно даже имя, которымъ его называютъ: *pater*. Слово это одинаково въ греческомъ, латинскомъ и санскритскомъ языкахъ; изъ чего можно уже заключить, что слово это происходитъ еще отъ тѣхъ временъ, когда предки эллиновъ, италійцевъ и индусовъ жили вмѣстѣ въ центральной Азіи. Каковъ былъ смыслъ этого слова, и какое понятіе представляло оно человѣческому уму? Это мы можемъ узнать, такъ какъ въ формулахъ религіознаго языка сохранилось его первоначальное значеніе, точно также и въ языкѣ юридическомъ. Когда древніе, призывая Юпитера, называли его *pater hominum Deorumque*, „отецъ людей и боговъ“, они не хотѣли сказать этимъ, что Юпитеръ былъ отцомъ боговъ и людей, потому что они никогда не считали его за таковаго и, наоборотъ, думали даже, что родъ человѣческій существовалъ еще и до него. То же названіе *pater* давали они Нептуну, Аполлону, Вакху, Вулкану, Плутону, которыхъ люди, конечно, не считали своими отцами; такъ же какъ и названіе *mater* прилагалось къ Минервѣ, Діанѣ, Вестѣ, а эти три богини считались дѣвственницами. Такъ же точно на юридическомъ языкѣ титулъ *pater familias* могъ даваться человѣку, у котораго не было дѣтей, который не былъ женатъ и не достигъ даже еще возраста, когда можно жениться. Идея о родителѣ, слѣдовательно, не связывалась съ этимъ словомъ. Въ древнемъ языкѣ было другое слово, обозначающее именно родителя; столь же древнее, какъ и слово *pater*, оно подобно ему встрѣчается въ языкахъ—греческомъ, римскомъ и индійскомъ (джинатаръ, γεννήτωρ, genitor). Слово *pater* имѣло другой смыслъ. Въ религіозномъ языкѣ оно примѣнялось ко всѣмъ богамъ, на языкѣ права—ко всякому человѣку, независимому отъ другого, который имѣлъ власть надъ

семьей и имуществомъ—*pater familias*. Поэты показываютъ намъ, что оно употреблялось по отношенію ко всѣмъ тѣмъ, кому желали воздать почетъ. Рабы и кліенты называли такъ своего господина. Оно было синонимомъ словъ—rex, ἄναξ, βασιλεύς (царь) и содержало въ себѣ не понятіе родительства, но понятіе могущества, власти, достоинства и величія.

Фактъ, что подобное слово прилагалось къ отцу семьи и стало современемъ даже его нарицательнымъ именемъ, безъ сомнѣнія очень знаменателенъ и важенъ для всякаго, кто пожелаетъ изучить древнія учрежденія. Достаточно одной исторіи этого слова, чтобы дать намъ понятіе о той власти, какою пользовался долгое время въ семьѣ отецъ и о томъ чувствѣ благоговѣйнаго уваженія, которое оказывалось ему, какъ верховному жрецу и владыкѣ.

2. Перечень правъ, входившихъ въ составъ отцовской власти.

Законы греческіе и римскіе признавали за отцомъ ту безграничную власть, какою облекла его въ началѣ религія. Тѣ многочисленные и разнообразные законы, которые давали ему эту власть, мы можетъ раздѣлить на три категоріи сообразно тому, будемъ ли мы разсматривать отца семейства какъ религіознаго главу, какъ господина имущества или какъ судью.

I. Отецъ есть верховный глава домашней религіи; онъ выполняетъ всѣ обряды культа согласно тому, какъ онъ ихъ понимаетъ или, скорѣе, какъ онъ научился имъ у своего отца. Никто въ семьѣ не оспариваетъ его священническаго первенства. Само государство и его верховные жрецы не могутъ ничего измѣнить въ его культѣ Какъ жрецъ очага, онъ не знаетъ надъ собой высшей власти.

Въ качествѣ религіознаго главы онъ является отвѣтственнымъ за непрерывность культа и, какъ слѣдствіе этого, за непрерывность семьи. Все, что касается этой непрерывности, что является его главной заботой и его первѣйшимъ долгомъ—все это зависитъ только отъ него одного. Отсюда вытекаетъ цѣлый рядъ правъ:

Право признавать или отвергать ребенка при его рожденіи. Это право было предоставлено отцу закономъ греческимъ, такъ же, какъ и римскимъ. Какъ бы жестоко оно ни было, оно не противорѣчитъ основнымъ началамъ, на которыхъ зиждится древняя семья. Происхожденіе, даже установленное, не достаточно еще для того, чтобы войти въ священный кругъ семьи; для этого нужно еще согласіе главы и посвященіе въ культъ. Пока ребенокъ не присоединенъ къ домашней религіи, онъ—ничто для своего отца.

Право развестись съ женой въ случаѣ ея неплодія, потому что семья не должна прекращаться;—въ случаѣ ея прелюбодѣянія, потому что семья и потомство должны быть чистыми отъ всякой сторонней примѣси.

Право выдавать замужъ дочь, т.-е. уступить другому свою власть надъ ней. Право женить сына, такъ какъ отъ брака сына зависитъ непрерывность семьи.

Право эмансипаціи, т.-е. право выдѣлить сына изъ семьи и культа. Право усыновлять, т.-е. право ввести посторонняго въ домашнюю религію.

Право назначать, умирая, опекуна своей женѣ и дѣтямъ.

Нужно замѣтить, что всѣ эти права предоставлялись только одному отцу. Никто другой изъ членовъ семьи ихъ не имѣлъ. Жена не имѣла права на разводъ, по крайней мѣрѣ въ древнее время. Будучи даже вдовой, она не имѣла права ни выдѣлять изъ семьи, ни усыновлять. Она не была никогда опекунщей даже своихъ собственныхъ дѣтей. Въ случаѣ развода дѣти оставались у отца, даже дочери. Жена никогда не имѣла власти надъ своими дѣтьми. При замужествѣ ея дочери у нея не спрашивалось согласія.

II. Выше мы видѣли, что собственность понималась первоначально не какъ право личное, а какъ право семьи Имущество принадлежало, какъ говоритъ совершенно опредѣленно Платонъ и какъ говорятъ косвенно всѣ древніе законодатели, предкамъ и потомкамъ. Собственность эта по природѣ своей

недѣлима. Во всякой семьѣ можетъ быть только одинъ собственникъ—это сама семья, и только одинъ, кто пользуется собственностью, это—отецъ. Принципъ этотъ объясняетъ намъ нѣкоторыя положенія древняго права.

Такъ какъ собственность не могла дѣлиться и находилась всецѣло въ рукахъ отца, то ни жена, ни сынъ не имѣли ничего собственнаго. Право самостоятельнаго владѣнія своимъ приданымъ было тогда еще неизвѣстно и не могло бы быть проведено на практикѣ. Приданое жены принадлежало безъ остатка мужу, который пользовался надъ этимъ приданымъ не только правомъ управителя, но и собственника. Все, что жена могла пріобрѣсти во время своего супружества, доставалось мужу. Даже овдовѣвъ, она не получала обратно своего приданаго.

Сынъ находился въ тѣхъ же условіяхъ, что и жена; онъ не владѣлъ ничѣмъ. Никакой даръ, сдѣланный имъ, не считался дѣйствительнымъ и законнымъ на томъ основаніи, что онъ не имѣлъ ничего собственнаго. Онъ не могъ ничего пріобрѣтать: плоды его труда, доходы съ торговли—все принадлежало отцу. Если въ его пользу не сдѣлано постороннимъ лицомъ завѣщаніе, то наслѣдство получалъ не онъ, а его отецъ. Это объясняетъ тѣ статьи римскаго права, въ которыхъ запрещались всякія сдѣлки по продажѣ между отцомъ и сыномъ. Если бы отецъ продалъ что-либо сыну, то значитъ, что онъ продалъ бы это самому себѣ, потому что все, что пріобрѣталъ сынъ, принадлежало отцу.

Мы находимъ въ римскомъ правѣ, а также и въ аѳинскомъ, что отецъ имѣлъ право продать своего сына. Такъ какъ отецъ могъ распоряжаться всей собственностью, находящейся въ семьѣ, сынъ же могъ разсматриваться самъ какъ собственность, потому что его рабочая сила и трудъ являлись источникомъ дохода,—значитъ отецъ могъ, по своему выбору, или оставить у себя это орудіе труда, или уступить его другому. Уступить его—это и было то, что называлось продать сына. Имѣющіеся у насъ тексты римскаго права не разъясняютъ намъ вполнѣ, каковъ былъ по существу характеръ этихъ договоровъ о продажѣ и какія оговорки могъ онъ въ себѣ содержать. Представляется вѣроятнымъ, что проданный такимъ образомъ сынъ не становился вполнѣ рабомъ покупателя. Отецъ могъ включать въ условіе, чтобы сынъ былъ потомъ проданъ ему обратно. Въ такомъ случаѣ онъ сохранялъ надъ нимъ власть и, взявъ его обратно, могъ снова продать его. Законъ Двѣнадцати Таблицъ разрѣшаетъ подобную операцію до трехъ разъ, но заявляетъ, что послѣ такой тройной продажи сынъ освобождается, наконецъ, отъ отцовской власти. По этому можно судить, до какой степени была по древнему праву неограниченна власть отца.

III. Плутархъ сообщаетъ намъ, что женщина не могла являться въ Римѣ передъ судомъ даже въ качествѣ свидѣтельницы. Въ произведеніяхъ юриста Гайа читаемъ: „Надо знать, что нельзя ничего юридически уступать лицамъ подвластнымъ, т.-е. женѣ, сыну, рабу. Изъ того, что эти лица не могли имѣть ничего въ собственномъ владѣніи, заключили, довольно основательно, что они не имѣли права точно также и требовать что-нибудь по суду. Если твой сынъ, состоящій подъ твоею властью, совершилъ преступленіе, то ты привлекаешься къ отвѣтственности. Проступокъ, совершенный сыномъ противъ отца, не влечетъ за собой судебнаго разбирательства“. Изъ всего этого ясно слѣдуетъ, что жена и сынъ не могли быть ни истцами, ни отвѣтчиками, ни обвиняемыми, ни свидѣтелями. Изо всей семьи одинъ только отецъ могъ появляться передъ судилищемъ гражданской общины; только для него одного существовало общественное правосудіе. Зато онъ же отвѣчалъ и за преступленія, совершенныя его домашними.

Если государство не оказывало правосудія женѣ и сыну, то это потому, что правосудіе это оказывалось имъ дома. Судьей ихъ былъ отецъ, глава семьи, который, какъ бы съ судейскаго мѣста, судилъ властью мужа и отца, именемъ семьи, передъ лицомъ домашнихъ боговъ.

Титъ Ливій разсказываетъ, что сенатъ, желая искоренить въ Римѣ вакханаліи, объявилъ смертную казнь всѣмъ, кто

будетъ принимать въ нихъ участіе. Это постановленіе было легко исполнимо по отношенію къ гражданамъ; что же касается женщинъ, которыя являлись не менѣе виновными, то тутъ представилось серьезное затрудненіе: женщины не были подсудны государству, одна лишь семья имѣла право ихъ судить. И сенатъ, въ уваженіе къ этому древнему принципу, предоставилъ мужьямъ и отцамъ произносить смертный приговоръ противъ женщинъ.

Право суда, какимъ пользовался глава семьи въ своемъ домѣ, было полное и безапелляціонное. Онъ могъ присуждать къ смерти подобно судьѣ гражданской общины. Никакая власть не имѣла права измѣнять его приговоры. „Мужъ“, говоритъ Катонъ Старшій, „судья своей жены; власть его безгранична; онъ можетъ все, что онъ хочетъ. Если она совершила какой-нибудь проступокъ—онъ наказываетъ ее; если она выпила вина, онъ осуждаетъ, порицаетъ ее; если она вступила въ связь съ другимъ человѣкомъ—онъ убиваетъ ее“. То же право имѣлъ онъ и по отношенію къ дѣтямъ. Валерій Максимъ упоминаетъ нѣкоего Атилія, который убилъ свою дочь, виновную въ нарушеніи цѣломудрія, и всѣмъ извѣстенъ отецъ, умертвившій своего сына за участіе въ заговорѣ Катилины.

Факты такого рода многочисленны въ римской исторіи. Но все же было бы ошибочно предполагать, что отецъ имѣлъ неограниченное право убивать жену и дѣтей. Онъ былъ ихъ судьей; если онъ наказывалъ ихъ смертью, то лишь въ силу своего права отправлять правосудіе. Такъ какъ отецъ семьи одинъ только подчиненъ суду гражданской общины, государства, то у жены и сына не было другого судьи кромѣ него. Въ нѣдрахъ своего семейства онъ былъ единственный судья.

Нужно еще замѣтить, что отцовская власть не была силой произвола, самовластіемъ, какова она была бы, если бы исходила изъ права сильнаго. Принципомъ ея были вѣрованія, жившія въ глубинѣ человѣческой души, и границы ея опредѣлялись тѣми же вѣрованіями. Отецъ, напримѣръ, имѣлъ право исключить сына изъ семьи, но онъ хорошо зналъ, что этимъ онъ подвергалъ семью опасности прекратиться, а мановъ

своихъ предковъ опасности впасть въ вѣчное забвеніе. Онъ могъ усыновить посторонняго, но религія запрещала ему это сдѣлать, если у него былъ сынъ. Онъ былъ единственнымъ собственникомъ имущества, но онъ не имѣлъ права, по крайней мѣрѣ вначалѣ, отчуждать его. Онъ могъ развестись съ женой, но для этого онъ долженъ былъ рѣшиться порвать тѣ религіозныя узы, которыя установлены бракомъ. Такимъ образомъ, религія возлагала на отца столько же обязанностей, сколько она давала ему и правъ. Такова была долгое время древняя семья. Тѣхъ вѣрованій, которыя жили въ умахъ людей, было достаточно, чтобы создать ея правильный строй, дать ей порядокъ, управленіе, правосудіе и установить во всѣхъ подробностяхъ право собственности, не прибѣгая для этого къ праву силы или къ могуществу общественной власти.

Глава IX.

Древняя мораль семьи.

Исторія изучаетъ не одни только матеріальные факты и учрежденія; истиннымъ предметомъ ея изученія является человѣческая душа; исторія стремится знать, во что вѣровала, что думала, что чувствовала эта душа въ различныя эпохи человѣческаго рода.

Въ началѣ этой книги мы показали, какимъ образомъ изъ вѣрованій произошли домашнія учрежденія и частное право. Теперь намъ остается узнать, какъ дѣйствовали эти вѣрованія на нравственныя понятія первобытнаго общества. Не предполагая, чтобы эта древняя религія создала нравственныя чувства въ сердцѣ людей, можно все же думать по меньшей мѣрѣ, что она слилась съ ними, чтобы ихъ укрѣпить, дать имъ большую власть, обезпечить имъ господство въ правѣ и руководительство въ поведеніи человѣка,—иногда, чтобы ихъ измѣнить.

Религія первыхъ вѣковъ была исключительно домашняя;

такова же была и мораль. Религія не говорила человѣку, указывая на другого человѣка: вотъ твой братъ. Она говорила ему: вотъ чужой; онъ не можетъ принимать участія въ религіозныхъ священнодѣйствіяхъ у твоего очага; онъ не можетъ приближаться къ могиламъ твоей семьи; у него иные боги, не тѣ, что у тебя; онъ не можетъ слиться съ тобой въ общей молитвѣ; твои боги отвергаютъ его поколѣніе и смотрятъ на него, какъ на врага,—значитъ, онъ и твой врагъ.

Въ религіи очага человѣкъ никогда не молитъ боговъ за другихъ людей, онъ призываетъ божество только ради себя и своихъ. Сохранилась одна греческая пословица, остатокъ и воспоминаніе о древней обособленности человѣка въ молитвѣ. Во времена Плутарха эгоисту еще говорили: ты служишь очагу; это значило: ты удаляешься отъ своихъ согражданъ, у тебя нѣтъ друзей, твои ближніе для тебя ничто, ты живешь только для себя и своихъ. Эта пословица указываетъ на тѣ времена, когда вся религія была сосредоточена вокругъ очага и кругозоръ нравственныхъ чувствъ и привязанностей не переходилъ за тѣсный кругъ семьи.

Совершенно естественно, что идея нравственности, какъ и идея религіи, имѣла свое начало и свое развитіе. Богъ первобытныхъ поколѣній этой расы былъ очень малымъ; постепенно люди сдѣлали его болѣе великимъ. Также и мораль. Въ началѣ очень узкая и несовершенная, она незамѣтно расширилась и постепенно дошла до провозглашенія обязательнаго долга любви ко всѣмъ людямъ. Ея точкой отправленія была семья; и подъ вліяніемъ вѣрованій домашней религіи впервые предстало предъ человѣкомъ сознаніе обязанностей.

Представимъ себѣ религію очага и могилы въ эпоху ея наибольшаго процвѣтанія. Человѣкъ видитъ тутъ же, близъ себя божество; оно присутствуетъ, какъ сама совѣсть, при всѣхъ его малѣйшихъ дѣйствіяхъ. Человѣкъ, немощное существо, всегда на глазахъ не покидающаго его свидѣтеля. Онъ не чувствуетъ себя никогда одинокимъ; близъ него, въ его домѣ, на его полѣ у него есть покровители, чтобы поддержать его въ его житейскихъ трудахъ, есть судьи, чтобы наказать за

дурные поступки. „Лары“, говорятъ римляне, „божества грозныя; на нихъ лежитъ обязанность наказывать смертныхъ и наблюдать за всѣмъ, что происходитъ внутри дома“.—„Пенаты“, говорятъ они еще, „боги, дающіе намъ жизнь; они питаютъ наше тѣло и руководятъ нашей душой“.

Очагу любили придавать эпитетъ непорочнаго и вѣрили, что онъ повелѣваетъ людямъ хранить чистоту. Никакое дѣйствіе физически или нравственно нечистое не должно было совершаться передъ его лицомъ. Отсюда вышли, повидимому, первыя понятія о грѣхѣ, наказаніи, искупленіи. Человѣкъ, чувствующій за собой вину, не смѣетъ болѣе приближаться къ собственному очагу. Его собственный богъ отталкиваетъ его. Виновный въ пролитіи крови не смѣетъ болѣе приносить жертвы, совершать возлянія, произносить молитвы, учавствовать въ священной трапезѣ. Богъ строгъ настолько, что онъ не принимаетъ никакихъ оправданій, онъ не различаетъ между невольнымъ убійствомъ и умышленнымъ преступленіемъ. Рука, запятнанная кровью, не можетъ болѣе прикасаться къ священнымъ предметамъ. Чтобы человѣкъ могъ снова занять свое мѣсто въ культѣ и возвратиться къ обладанію своимъ богомъ, нужно, по меньшей мѣрѣ, чтобы онъ очистился силою искупительныхъ обрядовъ. Религія эта знаетъ и милосердіе: у нея есть обряды, чтобы смыть душевную нечистоту; при всей своей узости и грубости она умѣетъ утѣшить человѣка даже въ самыхъ его грѣхахъ.

Если она не знаетъ долга любви къ ближнему, то она по меньшей мѣрѣ указываетъ человѣку съ поразительной ясностью его обязанности къ семьѣ. Она дѣлаетъ бракъ обязательнымъ. Безбрачіе есть преступленіе въ глазахъ религіи, которая ставитъ продолженіе семьи какъ первый и самый священный долгъ. Но союзъ, который она предписываетъ, можетъ быть совершенъ только въ присутствіи домашнихъ боговъ; это религіозный священный, нерасторжимый союзъ между мужемъ и женой. И пусть человѣкъ не думаетъ, что онъ можетъ обойти религіозные обряды и сдѣлать изъ брака простой договоръ по взаимному соглашенію, какъ это было въ

концѣ греческаго и римскаго обществъ. Древняя религія запрещаетъ ему что-либо подобное, и осмѣлься онъ пойти противъ ея предписаній—религія накажетъ его. Сынъ его, родившійся отъ такого союза, будетъ считаться незаконнымъ, т.-е. существомъ, не имѣющимъ мѣста у очага. Онъ не имѣетъ права совершать ни одного религіознаго дѣйствія, онъ не имѣетъ права молиться.

Та же самая религія тщательно блюдетъ чистоту семьи. Самый большой грѣхъ въ ея глазахъ, который можетъ быть совершенъ,—это прелюбодѣяніе, потому что первое правило культа заключается въ томъ, что онъ переходитъ отъ отца къ сыну, прелюбодѣяніе же нарушило бы порядокъ рожденія. Другое правило гласитъ, что въ семейной могилѣ могутъ погребаться только члены семьи. Значитъ, сынъ, рожденный отъ прелюбодѣянія,—чужой, а ему между тѣмъ предстоитъ быть погребеннымъ въ семейной могилѣ. Всѣ религіозные принципы нарушены, культъ оскверненъ, очагъ сталъ нечистымъ, и всякое приношеніе могиламъ предковъ становится нечестіемъ. Болѣе того, прелюбодѣяніе разрываетъ рядъ потомковъ; семья, безъ вѣдома даже живыхъ людей—угасла, и нѣтъ болѣе божественнаго счастья для предковъ. Поэтому индусы и говорили: „Сынъ, рожденный отъ прелюбодѣянія, уничтожаетъ въ этой жизни и въ будущей жертвы, приносимыя манамъ“.

Вотъ почему законы Греціи и Рима давали отцу право не признавать родившагося ребенка. Вотъ почему они такъ строги, такъ неумолимы въ отношеніи прелюбодѣянія. Въ Аѳинахъ мужу позволялось убить виновнаго. Въ Римѣ мужъ, судья жены, имѣлъ право осудить ее на смерть. Законы религіи были настолько строги, что мужъ не имѣлъ даже права совершенно простить жену; онъ обязанъ былъ, по меньшей мѣрѣ, развестись съ ней.

Вотъ первые установленные и освященные законы домашней нравственности. Помимо естественнаго чувства религія властно говоритъ мужу и женѣ, что они соединены на вѣки, и что изъ этого союза вытекаютъ строгія обязанности, забвеніе которыхъ повлечетъ за собой самыя тяжкія послѣдствія въ этой

жизни и въ будущей. Отсюда произошелъ строгій и священный характеръ брачнаго союза у древнихъ и та чистота семьи, которая такъ долго сохранялась.

Домашняя нравственность предписывала еще и другія обязанности: она приказывала женѣ повиноваться мужу, а мужу говорила, что его долгъ повелѣвать. Она учила ихъ обоихъ уважать другъ друга. У жены есть свои права, потому что и она имѣетъ свое мѣсто у очага, на ея обязанности лежитъ забота, чтобы онъ не угасъ; она главнымъ образомъ должна блюсти, чтобы онъ оставался чистымъ. Она взываетъ къ нему въ молитвахъ, она приноситъ ему жертвы. И у нея есть также свое священное служеніе. Безъ жены домашній культъ неполонъ и недостаточенъ; для грека большое несчастье „имѣть очагъ безъ супруги“. У римлянъ присутствіе женщины при жертвоприношеніи было настолько необходимо, что овдовѣвшій жрецъ терялъ свой священническій санъ.

Можно думать, что этому участію въ домашнемъ священнослуженіи обязана мать семейства тѣмъ почетомъ, какимъ ее никогда не переставало окружать греческое и римское общество. Отсюда и то почетное названіе, которое жена должна носить въ семьѣ наравнѣ съ мужемъ: латины говорили *pater familias* и *mater familias*, греки οἰκοδεσπότης и οἰκοδέσποινα, индусы, грихапати, грихапатни. Отсюда произошла также формула, произносимая женщиной въ Римѣ при вступленіи въ бракъ: *Ubi tu Caius, ego Caia*,—формула, говорящая намъ, что если въ домѣ и не было равенства власти, то было по крайней мѣрѣ равенство въ достоинствѣ.

Что касается сына, то мы видѣли, что онъ настолько подвластенъ отцу, что тотъ можетъ его и продать, и осудить на смерть. Но этотъ сынъ тоже занимаетъ свое мѣсто въ культѣ: онъ исполняетъ извѣстныя обязанности при религіозныхъ церемоніяхъ; его присутствіе въ нѣкоторые дни настолько необходимо, что римлянинъ, у котораго не было сына, принужденъ былъ усыновлять кого-нибудь фиктивно на эти дни ради исполненія религіознаго ритуала. И посмотрите только, какую могучую связь установила религія между отцомъ и

сыномъ! Люди вѣрятъ, что въ могилѣ будетъ другая жизнь, блаженная и спокойная, если только будутъ тщательно наблюдаться могильныя жертвоприношенія. Такимъ образомъ, отецъ убѣжденъ, что его судьба послѣ смерти зависитъ отъ той заботливости, съ какой будетъ относиться сынъ къ его могилѣ; и сынъ, со своей стороны, убѣжденъ, что умершій отецъ сдѣлается богомъ, которому онъ, сынъ, долженъ будетъ молиться.

Легко угадать, сколько взаимной любви и уваженія вносили эти вѣрованія въ семью. Древніе называли семейныя добродѣтели благочестіемъ; повиновеніе сына отцу, любовь, которую онъ питалъ къ матери, это было благочестіе—*pietas ergo parentes*; привязанность отца къ ребенку, материнская нѣжность—тоже было благочестіе, *pietas ergo liberos*. Въ семьѣ все было божественно. Чувство долга, естественная привязанность, религіозная идея—все это сливалось вмѣстѣ, составляя одно цѣлое и выражаясь однимъ словомъ.

Быть можетъ, покажется очень страннымъ считать привязанность къ дому въ числѣ добродѣтелей, но такъ оно было въ древности. Чувство это было глубоко и могущественно въ душѣ древнихъ. Взгляните на Анхиза, который при видѣ объятой пламенемъ Трои тѣмъ не менѣе не хочетъ оставить своего древняго жилища. Возьмите Улисса, которому предлагаютъ всѣ сокровища, даже безсмертіе, и который стремится лишь къ одному, чтобы увидать вновь огонь своего очага. Гораздо позднѣе Цицеронъ, уже не поэтъ, а государственный человѣкъ, говоритъ: „Здѣсь моя религія, здѣсь мое племя, здѣсь слѣды моихъ отцовъ; неизъяснимое очарованіе наполняетъ здѣсь мое сердце и чувства“. Нужно перенестись мыслью въ среду этихъ древнихъ поколѣній, чтобы понять, насколько это чувство, ослабѣвшее уже во времена Цицерона, было могуче и живо. Для насъ домъ только жилище, кровля; мы легко покидаемъ его и забываемъ; если же мы и привязываемся къ нему, то лишь въ силу привычки и воспоминаній, потому что для насъ онъ не имѣетъ никакой связи съ религіей; нашъ Богъ—есть Богъ вселенной, и мы всюду его находимъ. Иначе было у древнихъ; внутри своего дома находили

они свое главное божество, свое провидѣніе, которое оберегало ихъ лично, выслушивало ихъ мольбы, исполняло ихъ желанія. Внѣ своего жилища человѣкъ не ощущалъ болѣе бога; богъ сосѣда былъ божество враждебное. И въ тѣ времена человѣкъ любилъ свой домъ, какъ любитъ онъ теперь свою церковь.

Такимъ образомъ, вѣрованія первобытныхъ вѣковъ оказали вліяніе на развитіе нравственныхъ понятій этой части человѣчества. Боги этой религіи предписывали чистоту и запрещали проливать кровь. Если понятіе о справедливости и не родилось изъ этихъ вѣрованій, то оно было, по меньшей мѣрѣ, подкрѣплено ими. Эти боги принадлежали всѣмъ членамъ одной и той же семьи вмѣстѣ; семья была такимъ образомъ, скрѣплена могучими узами, и члены ея научились любить и уважать другъ друга. Боги эти жили внутри каждаго дома, и человѣкъ любилъ свой домъ, свое постоянное и прочное жилище, доставшееся ему отъ предковъ, которое онъ долженъ былъ передать по наслѣдству, какъ святыню, своимъ дѣтямъ.

Древняя мораль, руководимая этими вѣрованіями, не знала чувства любви къ ближнимъ, но зато она научила по крайней мѣрѣ семейнымъ добродѣтелямъ. Обособленіе семьи стало у этой расы началомъ развитія понятій о нравственности. Въ семьѣ явились впервые обязанности ясныя, точныя, непреложныя, но замкнутыя въ тѣсномъ кругу. И мы должны помнить въ дальнѣйшемъ изложеніи объ узкомъ характерѣ первобытной морали, потому что гражданское общество, основанное позже на тѣхъ же самыхъ началахъ, усвоило себѣ тотъ же характеръ, чѣмъ и объясняются многія странныя черты древней государственной жизни.

Глава X.

Родъ въ Римѣ и въ Греціи.

У римскихъ юристовъ и у греческихъ писателей мы находимъ слѣды одного древняго учрежденія, имѣвшаго, повидимому, большую силу и значеніе въ первыя времена греческихъ

и италійскихъ обществъ, которое затѣмъ, ослабѣвая постепенно, оставило лишь едва замѣтные слѣды въ послѣднюю эпоху ихъ исторической жизни. Мы говоримъ здѣсь о томъ, что латины называли *gens* (родъ), а греки γένος.

Много спорили о природѣ и строеніи *gens'а*. Быть можетъ, будетъ не лишнимъ объяснить сначала, въ чемъ состояла тутъ трудность задачи. *Gens*, какъ мы увидимъ ниже, представлялъ изъ себя нѣчто цѣлое, и устройство его было вполнѣ аристократическимъ; благодаря его внутренней организаціи римскіе патриціи и аѳинскіе эвпатриды сохраняли такъ долго свои особыя привилегіи. Но какъ только народная партія взяла перевѣсъ, она не замедлила обрушиться всѣми силами на это старинное учрежденіе. Если бы она оказалась въ силахъ уничтожить его совершенно, то у насъ не осталось бы о немъ, по всей вѣроятности, ни малѣйшаго воспоминанія. Но учрежденіе это оказалось удивительно живуче; сверхъ того, слишкомъ глубоко укоренилось оно въ нравахъ,—вотъ почему и не удалось заставить его совершенно исчезнуть. Удовольствовались тѣмъ, что видоизмѣнили его, отняли у него все, что составляло его сущность, и жить продолжали лишь внѣшнія формы, которыя не стѣсняли ни въ чемъ новый порядокъ вещей. Такъ въ Римѣ плебеи вздумали образовать *gentes* (роды) въ подражаніе патриціямъ; въ Аѳинахъ устроили попытку уничтожить γένη (роды), слить ихъ между собой и создать по ихъ образцу *демы*. Намъ предстоитъ еще объяснить эти явленія, когда будемъ говорить о революціяхъ. Пока же только замѣтимъ, что тѣ глубокія измѣненія, какія демократія внесла въ строй *gens'а*, были такого рода, что легко могли бы ввести въ заблужденіе всякаго, кто захотѣлъ бы познакомиться съ его первоначальнымъ устройствомъ. Въ сущности всѣ дошедшія до насъ о немъ свѣдѣнія относятся къ той эпохѣ, когда *gens* былъ уже измѣненъ, и показываютъ намъ лишь то, что осталось отъ него и продолжало существовать послѣ совершившихся переворотовъ.

Представимъ себѣ, что черезъ двадцать вѣковъ всѣ свѣдѣнія о среднихъ вѣкахъ погибли бы, не осталось бы ни одного историческаго документа о томъ, что предшествовало революціи 1789 г., и пусть бы историкъ тѣхъ временъ захотѣлъ представить себѣ предшествовавшія ей учрежденія. Единственнымъ свидѣтельствомъ, которое было бы у него въ рукахъ, являлось бы для него дворянство девятнадцатаго вѣка, т.-е. нѣчто совершенно отличное отъ того, чѣмъ было дворянство феодальное. Но историкъ этотъ понялъ бы, что въ промежуткѣ долженъ былъ совершиться крупный переворотъ, и заключилъ бы съ полнымъ правомъ, что и это учрежденіе, какъ и всѣ другія, должно было видоизмѣниться. То дворянство, которое предстало бы передъ нимъ въ письменныхъ памятникахъ, было бы для него не болѣе, какъ тѣнь или очень неясное изображеніе другого дворянства, несравненно болѣе могущественнаго. Затѣмъ, изучая внимательно незначительные остатки древнихъ памятниковъ, нѣкоторыя уцѣлѣвшія въ языкѣ выраженія, кой-какіе термины, проскользнувшіе въ законѣ, смутныя воспоминанія, безплодныя сожалѣнія, — онъ, быть можетъ, угадалъ бы коечто изъ феодальнаго режима и ему удалось бы составить себѣ не очень далекое отъ понятіе о средневѣковыхъ учрежденіяхъ, не очень далекое отъ истины. Трудность была бы безспорно большая. Не менѣе велика она и для современнаго историка, желающаго изучать древній *gens*, такъ какъ у него нѣтъ въ рукахъ иныхъ свѣдѣній, кромѣ тѣхъ, которыя относятся къ эпохѣ, когда *gens* былъ не болѣе какъ тѣнь самого себя.

Мы начнемъ съ разбора всего того, что сообщаютъ намъ древніе писатели о *gens'ѣ*, т.-е. съ разбора того, что еще оставалось отъ него въ эпоху, когда онъ былъ уже сильно видоизмѣненъ. Затѣмъ съ помощью этихъ остатковъ мы постараемся возстановить себѣ истинный строй древняго *gens'а*.

1. Что сообщаютъ намъ древніе писатели о родѣ (gens).

Если мы заглянемъ въ римскую исторію временъ пуническихъ войнъ, то встрѣтимъ трехъ лицъ: Клавдія Пульхера, Клавдія Нерона и Клавдія Центона. Всѣ три принадлежали къ одному и тому же роду *(gens)* Клавдіевъ.

Демосѳенъ въ одной изъ своихъ судебныхъ рѣчей приводитъ семерыхъ свидѣтелей, удостовѣряющихъ, что всѣ они происходятъ изъ одного и того же рода — γένος, — именно, изъ рода Бритидовъ. Замѣчательно въ этомъ примѣрѣ то, что эти семь человѣкъ, упомянутые всѣ, какъ члены одного и того же рода, γένος, были записаны въ шести различныхъ демахъ; это показываетъ, что γένος не соотвѣтствовалъ демамъ и не былъ, подобно имъ, простымъ административнымъ дѣленіемъ.

Итакъ, первый достовѣрно извѣстный фактъ есть тотъ, что и въ Римѣ, и въ Аѳинахъ существовали *gentes (роды)*. Можно было бы привести соотвѣтствующіе примѣры также и относительно другихъ городовъ Греціи и Италіи и отсюда заключить, что учрежденіе это было, судя по всѣмъ видимостямъ, широко распространеннымъ, всеобщимъ у древнихъ народовъ.

Каждый *gens* имѣлъ свой особый культъ. Въ Греціи узнавали членовъ одного и того же *рода* „потому, что они приносили общія жертвы съ очень давнихъ временъ". Плутархъ упоминаетъ мѣсто для жертвоприношеній *рода* Ликомедовъ, а Эсхинъ говоритъ объ алтарѣ *рода* Бутадовъ.

Въ Римѣ тоже каждый *gens* долженъ былъ исполнять свои религіозные обряды; день, мѣсто и весь ритуалъ — все это было установлено его особой, ему принадлежащей религіей. Капитолій осажденъ галлами; одинъ изъ Фабіевъ выходитъ изъ него, пробирается черезъ ряды враговъ, облаченный въ священныя одежды и со священными предметами въ рукахъ; онъ идетъ принести жертву на алтарь своего *рода* (gens), находящійся на Квириналѣ. Во время второй пунической войны другой Фабій, тотъ, котораго называли щитомъ Рима, отражаетъ наступленіе Ганнибала; безъ сомнѣнія, его присутствіе при войскѣ чрезвычайно важно для всей республики; тѣмъ не менѣе онъ оставляетъ войско подъ начальствомъ неосторожнаго Минуція: насталъ день жертвоприношенія его *рода (gens)*, и онъ долженъ спѣшить въ Римъ исполнить священный обрядъ.

Культъ долженъ былъ длиться изъ поколѣнія въ поколѣніе; оставить послѣ себя сыновей для его продолженія — является долгомъ. Личный врагъ Цицерона, Клавдій, покинулъ свой *gens* (родъ), чтобы войти въ плебейскую семью; Цицеронъ говоритъ ему: „Зачѣмъ подвергаешь ты опасности религію рода Клавдіевъ угаснуть по твоей винѣ?"

Боги *рода* (Dii gentiles) покровительствуютъ только своему роду и только отъ него желаютъ себѣ поклоненія. Ни одинъ посторонній человѣкъ не можетъ быть допущенъ къ участію въ религіозныхъ церемоніяхъ. Существуетъ вѣрованіе, что если чужой человѣкъ участвуетъ въ жертвѣ или даже только присутствуетъ при жертвоприношеніи, то боги *рода* будутъ тѣмъ оскорблены, а всѣ члены *рода* совершатъ такимъ поступкомъ великое нечестіе.

Подобно тому, какъ у всякаго *рода (gens)* былъ свой культъ и свои религіозныя празднества, у него была также и общая могила. Въ одной изъ рѣчей Демосѳена мы читаемъ: „Человѣкъ этотъ, потерявъ своихъ дѣтей, похоронилъ ихъ въ могилѣ отцовъ своихъ, въ могилѣ общей для всѣхъ членовъ его *рода*". Далѣе въ той же рѣчи онъ указываетъ, что въ этой могилѣ не можетъ быть погребенъ ни одинъ посторонній. Въ другой своей рѣчи тотъ же ораторъ говоритъ о могилѣ, гдѣ родъ Буселидовъ погребаетъ своихъ членовъ и совершаетъ ежегодно могильныя жертвоприношенія: „это мѣсто погребенія есть довольно обширное поле, окруженное оградой по древнему обычаю".

То же самое было и у римлянъ. Веллей говоритъ о могилѣ *рода* Квинтиліевъ, а Светоній сообщаетъ намъ, что могила *рода* Клавдіевъ находилась на склонѣ Капитолійскаго холма.

Древнее римское право считаетъ членовъ одного *рода* правоспособными наслѣдниками другъ послѣ друга. Двѣнадцать Таблицъ гласятъ, что въ случаѣ отсутствія сына и агната *gentilis* (членъ того рода) является естественнымъ наслѣдникомъ. Въ этомъ законодательствѣ *gentilis* ближе когната, т.-е. болѣе близокъ, чѣмъ родственникъ по женской линіи.

Члены одного *рода* (gens) весьма тѣсно связаны другъ

съ другомъ. Соединенные въ совершеніи однихъ и тѣхъ же священныхъ обрядовъ, они взаимно помогаютъ другъ другу и во всѣхъ случаяхъ жизни. Весь *родъ* отвѣчаетъ за долги одного изъ своихъ членовъ; онъ выкупаетъ плѣннаго; платитъ штрафъ за обвиненнаго. Если одинъ изъ его членовъ вступаетъ въ общественную должность, всѣ члены дѣлаютъ складчину, чтобы платить расходы, которые влечетъ за собой исполненіе всякой должности.

Обвиняемый является на судъ въ сопровожденіи всѣхъ членовъ *рода;* это является знакомъ солидарности, круговой поруки, какую устанавливаетъ законъ между отдѣльнымъ человѣкомъ и тѣмъ цѣлымъ, часть котораго онъ составляетъ. Вести тяжбу съ кѣмъ-нибудь изъ своего рода или даже свидѣтельствовать противъ него въ судѣ противно религіи. Одинъ изъ Клавдіевъ, личность вліятельная, былъ личнымъ врагомъ Аппія Клавдія децемвира; когда же этотъ послѣдній былъ привлеченъ къ суду и ему угрожала смерть, то Клавдій явился защищать его; онъ умолялъ народъ за него, предупредивъ, однако, что дѣлаетъ это „по долгу, а не по личной привязанности".

Если одинъ членъ рода не могъ привлекать другого къ суду государства, гражданской общины, то онъ могъ искать зато правосудія внутри самаго рода. Дѣйствительно, у каждаго рода былъ свой глава, который являлся одновременно судьей, священникомъ и военачальникомъ. Извѣстно, что когда сабинская семья Клавдіевъ переселилась въ Римъ, то три тысячи человѣкъ, составлявшихъ ее, были подчинены одному начальнику. Позже, когда Фабіи одни предприняли войну противъ вейентинцевъ, мы видимъ, что этотъ родъ имѣетъ своего главу, который говоритъ отъ его имени передъ сенатомъ, который предводительствуетъ имъ на войнѣ.

Въ Греціи тоже каждый *родъ* имѣлъ своего начальника; въ этомъ удостовѣряютъ насъ древнія надписи; изъ нихъ мы видимъ также, что подобный начальникъ носилъ обычно званіе архонта. Наконецъ, и въ Римѣ, и въ Греціи одинаково родъ имѣлъ свои собранія; онъ выносилъ на нихъ свои

постановленія, которымъ обязаны были повиноваться всѣ члены, съ которыми должно было считаться даже государство.

Такова общая картина обычаевъ и законовъ, которые мы находимъ въ силѣ въ ту эпоху, когда родъ былъ уже ослабленъ и почти искаженъ. Передъ нами остатки древняго учрежденія.

2. *Разборъ нѣкоторыхъ мнѣній о томъ, что такое римскій gens.*

Нѣсколько объясненій было предложено по этому вопросу, служащему уже давно предметомъ спора между учеными. Одни говорили, что *gens* (родъ) есть не что иное, какъ сходство именъ; по мнѣнію другихъ, *gens* есть лишь выраженіе тѣхъ отношеній, которыя существуютъ между семьей, пользующейся патронатомъ, и семьями кліентовъ. Въ каждомъ изъ этихъ мнѣній содержится часть истины, но ни одно не отвѣчаетъ на весь тотъ рядъ фактовъ, законовъ и обычаевъ, которые мы перечислили.

По другой теоріи слово *gens* означаетъ нѣчто вродѣ искусственнаго родства; *gens* это политическое сообщество нѣсколькихъ семей, чуждыхъ по происхожденію другъ другу, но между которыми государство, за отсутствіемъ кровной связи, установило фиктивное родство по договору.

Но здѣсь сразу является возраженіе. Если *gens* есть лишь искусственный союзъ, то какъ объяснить, что члены его имѣютъ право наслѣдовать одинъ послѣ другого? Почему *gentilis* предпочитается когнату? Выше мы разсматривали законъ о наслѣдованіи и говорили о томъ, какую тѣсную и необходимую связь установила религія между правомъ наслѣдованія и родствомъ по мужской линіи. Возможно ли предположить, чтобы древній законъ уклонился отъ названнаго принципа до такой степени, чтобы предоставить право наслѣдованія *gentiles*, если послѣдніе были другъ для друга чужими людьми?

Самымъ существеннымъ и вполнѣ доказаннымъ признакомъ

рода является то, что онъ, подобно семьѣ, имѣетъ свой собственный культъ. Если же мы захотимъ узнать, какому богу поклоняется каждый *родъ*, то увидимъ, что это всегда обоготворяемый предокъ, и алтарь, на которомъ *родъ* приноситъ ему свои жертвы, есть могила этого предка. Въ Аѳинахъ Эвмолпиды поклоняются Эвмолпу, родоначальнику этого рода; Фиталиды молятся герою Фиталу; Бутады чтутъ Бута; Буселиды — Бусела; Лакіады — Лакія; Аминандриды — Кекропса. Въ Римѣ Клавдіи происходятъ отъ Клауза; Цециліи почитаютъ главой своего племени героя Цекула; Кальпурніи поклоняются Кальпусу; Юліи—Юлу и Клеліи—Клелу.

Правда, позволительно думать, что многія изъ этихъ родословныхъ были изобрѣтены позже, но нужно также признать, что для подобнаго подлога не было бы побудительной причины, если бы среди подлинныхъ родовъ не существовало постояннаго обычая признавать общаго предка и воздавать ему поклоненіе. Ложь всегда стремится подражать истинѣ.

Къ тому же совершить подобный подлогъ было совсѣмъ не такъ легло, какъ это можетъ намъ казаться.

Культъ вовсе не былъ пустой формальностью для вида. Однимъ изъ самыхъ строжайшихъ постановленій религіи было то, что почитать и поклоняться, какъ предку, можно только тому, отъ кого человѣкъ дѣйствительно происходитъ; совершать же подобный культъ по отношенію посторонняго было большимъ нечестіемъ. Если родъ чтилъ общаго предка, то онъ дѣйствительно вѣрилъ, что происходитъ отъ него. Создать поддѣльную могилу, фиктивныя годичныя торжества и могильныя приношенія—это значило бы внести ложь въ то, что было наиболѣе священнаго, значило бы издѣватъся надъ религіей. Подобныя выдумки возможны были во времена Цезаря, когда древняя религія потеряла уже свое вліяніе; но если мы перенесемся въ тѣ времена, когда эти вѣрованія были въ полной силѣ, то совершенно невозможно представить себѣ нѣсколько семей, соединенныхъ для общаго обмана, которыя сказали бы: сдѣлаемъ видъ, будто у насъ есть одинъ общій предокъ, воздвигнемъ ему могилу, будемъ приносить могильныя жертвы, и

наши потомки будутъ поклоняться ему во всѣ времена. Подобная мысль не могла явиться тамъ, гдѣ она была бы отвергнута, какъ грѣховная.

При рѣшеніи трудныхъ задачъ, представляемыхъ намъ часто исторіей, полезно бываетъ обращаться къ языку и здѣсь, въ его выраженіяхъ, искать тѣхъ разъясненій, которыя языкъ можетъ дать. Смыслъ учрежденія объясняется иногда словомъ, которымъ обозначается это учрежденіе. Такъ слово *gens* значитъ совершенно то же, что и слово *genus*; ихъ значеніе до такой степени тождественно, что ихъ можно употреблять одно вмѣсто другого и говорить безразлично— *gens Fabia* и *genus Fabium*; оба соотвѣтствуютъ глаголу *gignere* (рождать) и существительному *genitor* (родитель), совершенно такъ же, какъ γένος соотвѣтствуетъ γεννᾶν и γονεύς.

Всѣ эти слова заключаютъ въ себѣ понятіе происхожденія. Греки обозначали членовъ γένος словомъ ὁμογάλακτες, которое значитъ—*вскормленный тѣмъ же молокомъ*.

Теперь сравнимъ со всѣми этими словами другія слова, которыя мы привыкли переводить словомъ—семья; латинское *familia* и греческое οἶκος. Ни то, ни другое не содержитъ въ себѣ понятія рожденія или родства. Истинное значеніе слова *familia*—есть собственность; оно означаетъ поле, домъ, деньги, рабовъ; вотъ почему Двѣнадцать Таблицъ, говоря о наслѣдникахъ, выражаются: *familiam nancitor* пусть возьметъ наслѣдіе. Что же касается слова οἶκος, то тутъ ясно, что оно не представляетъ уму никакого иного понятія, кромѣ собственности или жилища. Тѣмъ не менѣе эти слова мы переводимъ обыкновенно словомъ семья. Возможно ли допустить, чтобы выраженія, истинный смыслъ которыхъ означаетъ жилище или собственность, могли часто употребляться для обозначенія семьи, въ то время какъ другія слова, означающія по самому своему внутреннему смыслу происхожденіе, рожденіе, отцовство, не обозначали никогда ничего иного, какъ лишь искусственный союзъ? Это безусловно не соотвѣтствовало бы ясности и точности древнихъ языковъ. Внѣ всякаго со-

мнѣнія, что греки и римляне придавали слову *gens* и γένος— смыслъ общаго происхожденія. Идея эта могла изгладиться изъ памяти, когда произошли измѣненія въ самомъ родѣ, но слово это осталось, какъ свидѣтельство о ней.

Объясненіе, которое представляетъ *gens* какъ искусственный союзъ, имѣетъ противъ себя: 1) древнее законодательство, дающее родичамъ (gentiles) право наслѣдованія; 2) религіозныя вѣрованія, допускающія общность культа лишь тамъ, гдѣ есть общность происхожденія; 3) выраженія, существующія въ языкѣ и удостовѣряющія общность происхожденія членовъ рода. Другая ошибка этой теоріи въ томъ, что она предполагаетъ, будто человѣческое общество могло начаться съ договора и искусственнаго построенія, чего историческая наука отнюдь не можетъ признать за истину.

3. *Gens—это семья, сохранившая свою первоначальную организацію и свое единство.*

Все указываетъ намъ, что родъ былъ связанъ общностью происхожденія. Обратимся снова къ языку: имена родовъ, какъ въ Греціи, такъ и въ Римѣ, имѣютъ всегда тѣ обычныя формы, какія существовали для именъ отчествъ. Клавдій обозначаетъ—сынъ Клауса и Будатъ—сынъ Бута.

Тѣ, кто думаетъ видѣть въ родѣ искусственный союзъ, исходятъ изъ ошибочнаго положенія: они предполагаютъ, что родъ заключалъ въ себѣ всегда нѣсколько семей съ различными именами, и любятъ приводить въ примѣръ родъ Корнеліевъ, который, дѣйствительно, заключалъ въ себѣ Сципіоновъ, Лентуловъ, Коссовъ и Суллъ. Но это было далеко не всегда. Родъ Марціевъ состоялъ, повидимому, всегда изъ одной линіи; точно также мы видимъ долгое время только одну линію и въ родѣ Лукреціевъ и въ родѣ Квинтиліевъ. Трудно было бы точно указать, изъ какихъ семей образовался родъ Фабіевъ, такъ какъ всѣ извѣстные въ исторіи Фабіи совершенно ясно принадлежатъ къ одной и той же вѣтви; всѣ они носили

сначала прозваніе Вибулановъ, затѣмъ они замѣнили его прозваніемъ Амбуетовъ и позже именемъ Максима и de Dorso.

Извѣстно, что въ Римѣ существовалъ обычай, чтобы каждый патрицій имѣлъ по три имени. Такъ, напримѣръ, назывался Публій Корнелій Сципіонъ. Не безполезно будетъ узнать, какое изъ этихъ трехъ именъ считалось настоящимъ. Публій это только *praenomen*—имя, которое *ставилось вначалѣ*; Сципіонъ было *agnomen—добавочное* имя. Настоящее же имя—*nomen*—было Корнелій; имя это было въ то же время именемъ всего рода. Если бы у насъ были только эти свѣдѣнія о древнемъ родѣ, намъ было бы достаточно ихъ, чтобы сказать утвердительно: Корнеліи существовали раньше Сципіоновъ и отвергнуть высказываемое часто мнѣніе, будто семья Сципіоновъ соединилась съ другими семьями, чтобы образовать родъ Корнеліевъ.

И мы дѣйствительно видимъ изъ исторіи, что родъ Корнеліевъ былъ долгое время нераздѣльнымъ, и всѣ его члены равно носили прозвище (*cognomen*) *Maluginensis* и *Cossus*. Только во времена диктатуры Камилла одна изъ его вѣтвей приняла прозвище Сципіона; немого позже другая вѣтвь приняла прозвище Руфа, которое она впослѣдствіи замѣнила именемъ Суллы. Лентулы появляются лишь въ эпоху самнитскихъ войнъ. Цетеги лишь во вторую пуническую войну. То же самое и относительно рода Клавдіевъ. Клавдіи остаются долгое время соединенными въ одну единственную семью, и всѣ они носятъ прозвища Сабиновъ или Регильскихъ, указывающія на ихъ происхожденіе. И въ продолженіе семи поколѣній мы не видимъ ни одной вѣтви, которая бы отдѣлилась отъ этой многочисленной семьи, и только въ восьмомъ поколѣніи, т.-е. во времена первой пунической войны, отдѣляются три вѣтви и принимаютъ каждая особое прозвище, которыя становятся ихъ наслѣдственными именами: Клавдіи, Пульхеры; родъ ихъ продолжается въ теченіе двухъ вѣковъ: Клавдіи Центоны, ихъ родъ скоро угасаетъ, и Клавдіи Нероны, родъ которыхъ продолжается до временъ имперіи.

Изъ всего сказаннаго видно, что родъ не былъ союзомъ

семей, онъ былъ—сама семья; онъ могъ заключать въ себѣ безразлично одну линію или же многочисленныя вѣтви, тѣмъ не менѣе родъ оставался всегда одной семьей.

Легко отдать себѣ, впрочемъ, отчетъ въ строеніи и природѣ древняго рода, если обратиться снова къ тѣмъ древнимъ учрежденіямъ и вѣрованіямъ, которыя мы разбирали выше. Тогда станетъ понятнымъ, что родъ вытекаетъ совершенно естественно изъ домашней религіи и частнаго права древнихъ вѣковъ. Что, въ самомъ дѣлѣ, предписывала древняя религія? Она предписывала, чтобы предокъ, т.-е. человѣкъ, который былъ первымъ погребенъ въ могилѣ, почитался вѣчно какъ божество, чтобы его потомки, собираясь каждый годъ близъ того священнаго мѣста, гдѣ онъ покоился, совершали могильное приношеніе ему. Вѣчно возженный очагъ, вѣчно чтимая могила—вотъ тотъ центръ, вокругъ котораго протекаетъ жизнь всѣхъ поколѣній; вотъ та сила, которая группируетъ и связываетъ вмѣстѣ всѣ отрасли семьи, какъ бы онѣ ни были многочисленны. А что говоритъ намъ частное право первобытныхъ вѣковъ? Разсматривая, что представляла изъ себя древняя семейная власть, мы видимъ, что сыновья не отдѣляются отъ отца. Изучая законы перехода отцовскаго наслѣдства, мы установили, что, благодаря принципу нераздѣльности владѣнія, младшіе братья не отдѣлялись отъ старшаго. Очагъ, могила, отцовское имущество—все это было вначалѣ недѣлимо. Какъ слѣдствіе этого—была недѣлима и семья. Время не раздѣляло ее на отдѣльныхъ членовъ, эта недѣлимая семья, развивавшаяся на протяженіи вѣковъ и передававшая изъ вѣка въ вѣкъ свой культъ и свое имя, и представляла въ дѣйствительности древній родъ. Родъ это была семья, но семья, сохранившая ту связь, которую предписываетъ ей религія, и достигшая всего того развитія, какое допускало для нея древнее частное право.

Признавъ эту истину, мы ясно поймемъ все, что древніе писатели говорятъ о родѣ—*gens*. Тѣсная солидарность, которую мы только-что видѣли между всѣми ея членами, не будетъ насъ болѣе удивлять: они родственники по рожденію.

Обряды, которые они совершаютъ сообща,—не фикція, культъ этотъ перешелъ къ нимъ по наслѣдству. Они всѣ—члены одной семьи, а потому у нихъ и общее мѣсто погребенія. На томъ же самомъ основаніи законъ Двѣнадцати Таблицъ объявляетъ ихъ наслѣдниками другъ послѣ друга. Такъ какъ у нихъ у всѣхъ было вначалѣ недѣлимое родовое наслѣдіе, то стало обычаемъ, даже необходимостью, чтобы весь родъ отвѣчалъ за долги своего отдѣльнаго члена, платилъ бы выкупъ за плѣннаго и штрафъ за приговореннаго къ нему судомъ. Всѣ эти правила возникли сами собой въ то время, когда родъ сохранялъ еще свое единство, и не могли исчезнуть совершенно и тогда, когда онъ разбился на отдѣльныя вѣтви. Отъ древняго священнаго единства семьи надолго остались слѣды въ ежегодныхъ жертвоприношеніяхъ, на которыя собирались отовсюду ея разсѣянные члены; въ законѣ за ними признавалось право взаимнаго наслѣдованія, а обычаи повелѣвали имъ помогать другъ другу.

Было вполнѣ естественно, чтобы члены одного и того же рода носили одно и то же имя; такъ оно и было въ дѣйствительности. Обычай носить отеческое имя идетъ изъ глубокой древности и находится въ очевидной связи съ древней религіей. Единство рожденія и культа обозначалось единствомъ имени. Каждый родъ передавалъ изъ поколѣнія въ поколѣніе имя предка и продолжалъ его съ тою же заботливостью, какъ и его культъ. То, что римляне называли *nomen*, было собственно тѣмъ именемъ предка, которое должны были носить всѣ потомки, всѣ члены рода. Наступало время, когда каждая вѣтвь становилась въ извѣстномъ отношеніи самостоятельной и, чтобы обозначить свою личную обособленность, принимала прозвище—*cognomen*. А такъ какъ каждый человѣкъ долженъ различаться еще своимъ особымъ наименованіемъ, то у всякаго было еще личное имя—*agnomen*, какъ Кай или Квинтъ. Но настоящимъ именемъ оставалось имя рода, оно носилось оффиціально; оно было священнымъ; оно, восходя къ первому извѣстному родоначальнику-предку, должно было существовать такъ же долго, какъ семья и какъ ея

боги. Такъ же точно было и въ Греціи; римляне и эллины похожи въ этомъ отношеніи другъ на друга. Каждый грекъ, по меньшей мѣрѣ, если онъ принадлежалъ къ древней и правильно сложившейся семьѣ, носилъ три имени, какъ и римскій патрицій. Одно изъ этихъ именъ было его собственное, другое было имя его отца, а такъ какъ оба эти имени обыкновенно чередовались между собой, то оба они вмѣстѣ равнялись наслѣдственному *cognomen*, которое обозначало въ Римѣ вѣтвь рода, наконецъ, третье было именемъ цѣлаго рода. Такъ, говорилось, Мильтіадъ сынъ Кимоновъ Лакіадъ и въ слѣдующемъ поколѣніи—Кимонъ сынъ Мильтіадовъ Лакіадъ, Κίμων Μιλτιάδου Λακιάδης. Лакіады составляли γένος, какъ Корнеліи—*gens*. То же было и относительно Бутадовъ, Фиталидовъ, Бритидовъ, Аминандридовъ, которые всѣ составляли отдѣльные *роды*. Замѣтимъ, что Пиндаръ не воздаетъ никогда хвалы своимъ героямъ, не упомянувъ при этомъ имени ихъ γένος (рода). Имя это оканчивалось у грековъ обыкновенно на ιδης или αδης и имѣло, такимъ образомъ, форму прилагательнаго, точно такъ же какъ и у римлянъ имя рода оканчивалось неизмѣнно на *ius*. Тѣмъ не менѣе оно было настоящимъ именемъ; въ обыденной рѣчи человѣка можно было назвать его личнымъ именемъ, но на оффиціальномъ языкѣ, на языкѣ политики или религіи нужно было придать человѣку его полное наименованіе, въ особенности же не забыть имя рода (γένος). Достойно вниманія, что исторія имени у древнихъ шла совершенно инымъ порядкомъ, чѣмъ въ христіанскихъ обществахъ. Въ средніе вѣка до двѣнадцатаго вѣка истиннымъ именемъ было имя, данное при крещеніи, или имя личное, собственное. Имена же отеческія появились много позже, какъ и прозвища и имена земель.

Совершенно обратное было у древнихъ. Если присмотрѣться, то эта разница коренится въ разницѣ двухъ религій. Для древней домашней религіи семья была настоящимъ цѣльнымъ тѣломъ, истиннымъ живымъ существомъ, индивидъ же являлся лишь его неотдѣлимымъ членомъ; такимъ образомъ, отеческое имя было первое по времени и главное по значенію. Новая

религія, наоборотъ, признавала за индивидомъ его собственную, ему принадлежащую жизнь, полную свободу, личную независимость и не противилась его обособленности отъ семьи: поэтому и имя, даваемое при крещеніи, было надолго первымъ и единственнымъ именемъ.

4. *Расширеніе семьи; рабство и кліентела.*

Все, что мы знаемъ о семьѣ, ея домашней религіи, созданныхъ ею богахъ, законахъ, которые она установила, правѣ старшинства, на которомъ она основала свое единство, о ея развитіи изъ вѣка въ вѣкъ до образованія рода, ея правосудіи, ея священнослуженіи, ея внутреннемъ управленіи,—все это невольно переноситъ нашу мысль къ тѣмъ древнимъ вѣкамъ, когда семья была еще независима отъ всякой высшей власти и когда не существовало еще государства.

Взгляните на домашнюю религію, на боговъ, которые принадлежали одной только семьѣ исключительно и простирали свою покровительственную силу лишь до ограды дома; на культъ, который былъ тайнымъ; на религію, которая не желала распространенія; на древнія понятія о нравственности, которыя предписывали обособленность семьи, и вамъ станетъ совершенно яснымъ, что такого рода вѣрованія могли возникнуть лишь въ эпоху, когда большія общества еще не сложились. Если религіозное чувство могло удовлетворяться столь узкимъ пониманіемъ божества, то причина здѣсь та, что сообщество людей было въ тѣ времена соотвѣтственно такъ же узко. Время, когда человѣкъ вѣровалъ только въ домашнихъ боговъ, было временемъ, когда существовала только семья. Правда, что вѣрованія эти могли существовать потомъ очень долго, даже въ тѣ времена, когда сложилось уже государство и націи. Человѣкъ не легко освобождается отъ понятій, которыя однажды овладѣли имъ. Его вѣрованія могли существовать все-таки даже и тогда, когда они стояли уже въ противорѣчіи съ соціальнымъ строемъ. Что можетъ быть въ самомъ дѣлѣ болѣе противорѣчиваго, какъ жить въ граждан-

скомъ обществѣ и имѣть каждой семьѣ своихъ отдѣльныхъ, особыхъ боговъ? Но ясно, что подобное противорѣчіе существовало не всегда и что въ ту эпоху, когда эти вѣрованія сложились въ умахъ людей и сдѣлались достаточно могущественными, чтобы создать религію,—они вполнѣ отвѣчали тому соціальному строю, среди котораго жили люди. Слѣдовательно, единственный соціальный строй, соотвѣтствующій этимъ вѣрованіямъ, тотъ, когда семья живетъ независимо и обособленно.

Арійская раса жила, повидимому, долго въ такомъ состояніи. Гимны Веды свидѣтельствуютъ объ этомъ относительно той вѣтви, отъ которой произошли индусы. Древнія вѣрованія и частное право доказываютъ то же самое относительно тѣхъ вѣтвей арійской расы, отъ которыхъ произошли греки и римляне.

Если сравнить политическія учрежденія восточныхъ арійцевъ съ учрежденіями арійцевъ западныхъ, то между ними нельзя найти почти никакого сходства. Если же, напротивъ, сравнить домашнія учрежденія этихъ различныхъ народовъ, то мы увидимъ, что семья была построена на одинаковыхъ началахъ какъ въ Греціи, такъ и въ Индіи; и эти начала, какъ мы доказали выше, были настолько своеобразны по характеру, что приписать ихъ сходство дѣйствію случая рѣшительно невозможно. Наконецъ, не только упомянутыя учрежденія представляютъ аналогіи, но и слова, обозначающія ихъ, часто тѣ же самыя на различныхъ языкахъ, на которыхъ говорила эта раса отъ береговъ Ганга и до Тибра. Отсюда можно вывести двойное заключеніе. во-первыхъ, что возникновеніе домашнихъ учрежденій этой расы предшествуетъ той эпохѣ, когда произошло раздѣленіе ея различныхъ вѣтвей, вовторыхъ, что возникновеніе учрежденій политическихъ произошло, напротивъ, послѣ этого раздѣленія. Первыя были установлены еще въ тѣ времена, когда раса жила въ своей древней колыбели въ центральной Азіи; вторыя образовались мало-по-малу въ различныхъ странахъ, куда приходили племена на пути своего переселенія.

Можно, слѣдовательно, предвидѣть тотъ долгій періодъ времени, въ теченіе котораго люди не знали иной формы общежитія, кромѣ семьи. Въ тѣ времена создалась домашняя религія, которая не могла бы родиться въ обществѣ, построенномъ на иныхъ началахъ, и которая должна была являться долгое время даже препятствіемъ на пути соціальнаго развитія. Въ тѣ же времена создалось и древнее частное право, которое позже оказалось въ противорѣчіи съ интересами нѣсколько болѣе расширившагося общества, но которое гармонировало прекраснѣйшимъ образомъ съ тѣмъ общественнымъ строемъ, среди котораго оно родилось.

Станемъ же мысленно среди тѣхъ древнихъ поколѣній, воспоминаніе о которыхъ не могло совершенно исчезнуть и которыя завѣщали послѣдующимъ поколѣніямъ свои вѣрованія и законы. У каждой семьи есть своя религія, свои боги, свое священнослуженіе. Религіозная обособленность является для нея закономъ; культъ ея тайный; и семьи, даже по смерти, даже въ той загробной жизни, которая за ними слѣдуетъ, не смѣшиваются между собой; каждая изъ нихъ продолжаетъ жить особо въ своей могилѣ, откуда строго исключается всякій посторонній. У каждой семьи есть также своя собственность, т.-е. своя часть земли, которая неразрывно соединена съ ней религіей; ея боги-Термы сторожатъ ограду этой земли, ея маны пекутся о ней. Обособленность и разобщенность этихъ владѣній настолько обязательна, что два владѣнія не могутъ соприкасаться другъ съ другомъ, и между ними должна быть оставлена нейтральная полоса земли, и полоса эта неприкосновенна. Наконецъ, у каждой семьи есть свой глава, подобно царю у народа. У нея есть свои законы, они, безъ сомнѣнія, не писанные, но религіозныя вѣрованія начертали ихъ въ сердцѣ каждаго человѣка. У нея есть свой внутренній судъ, надъ которымъ нѣтъ другого высшаго, куда можно было бы апеллировать. Все, что человѣку безусловно необходимо для его физической и духовной жизни,—все это имѣется въ семьѣ. Ему ничего не нужно извнѣ: семья есть организованное государство, общество самодовлѣющее.

Но семья древнихъ вѣковъ не представляла собою тѣхъ

скромныхъ размѣровъ, какъ семья современная. Въ большихъ обществахъ семья распадается и уменьшается, но при отсутствіи всякаго другого общества она распространяется, развивается, разростается, не раздѣляясь. Нѣсколько младшихъ линій группируются вокругъ одной старшей, вокругъ одного очага, вокругъ общей могилы.

Въ составъ этой древней семьи входилъ еще одинъ элементъ. Взаимная нужда, которую чувствуетъ богатый въ бѣдномъ и бѣдный въ богатомъ, создала прислугу. Но въ такомъ патріархальномъ быту слуга и рабъ—одно и то же. Вѣдь, въ самомъ дѣлѣ, вполнѣ понятно, что принципъ свободной службы, по желанію, службы, которая можетъ прекратиться по волѣ служащаго, несовмѣстимъ съ общественнымъ строемъ, въ которомъ семья живетъ обособленно. Домашняя религія къ тому же не разрѣшаетъ принимать въ семью посторонняго. Поэтому должно быть какое-нибудь средство, въ силу котораго слуга сталъ бы членомъ и составною частью семьи. Это достигается особымъ обрядомъ вродѣ посвященія вновь прибывшаго въ домашній культъ.

Любопытный обычай существовалъ долгое время въ аѳинскихъ домахъ; онъ показываетъ намъ, какимъ образомъ рабъ входилъ въ семью. Раба подводили къ очагу; его ставили передъ лицомъ домашняго бога, возливали ему на голову воду очищенія и затѣмъ вмѣстѣ съ семьей онъ вкушалъ хлѣбъ и плоды. Это обозначало, безъ сомнѣнія, что вновь пришедшій, чужой еще наканунѣ, станетъ съ этого времени членомъ семьи и будетъ имѣть ея религію. Поэтому рабъ присутствовалъ при молитвахъ и участвовалъ въ празднествахъ. Очагъ покровительствовалъ ему; религія боговъ Ларовъ принадлежала ему такъ же, какъ его господину. Вотъ почему и раба надлежало хоронить на мѣстѣ общаго погребенія семьи.

Но тѣмъ самымъ, что слуга пріобрѣталъ культъ и право молиться, онъ терялъ свою свободу. Религія была удерживающей его цѣпью; онъ былъ связанъ съ семьей на всю свою жизнь и даже послѣ смерти навѣки.

Господинъ могъ поднять его изъ низкаго состоянія и об-

ращаться съ нимъ, какъ съ человѣкомъ свободнымъ, но слуга вслѣдствіе этого не покидалъ семью. Такъ какъ онъ былъ связанъ съ нею культомъ, то и не могъ оставить ее, не совершивъ нечестиваго поступка. Подъ именемъ *отпущенника* или *кліента* онъ продолжалъ признавать власть главы или патрона и не переставалъ нести извѣстныя обязанности въ отношеніи его. Онъ вступалъ въ бракъ только съ разрѣшенія патрона, и дѣти, рождавшіяся у него, продолжали повиноваться этому патрону.

Такимъ образомъ въ нѣдрахъ одной большой семьи складывалось извѣстное количество маленькихъ подчиненныхъ семей. Римляне приписываютъ установленіе кліентелы Ромулу, какъ будто подобное учрежденіе могло быть дѣломъ одного человѣка. Кліентела много древнѣе Ромула; кромѣ того она существовала повсюду и въ Греціи точно такъ же, какъ и въ Италіи. Не гражданская община основала и установила это учрежденіе, наоборотъ, она, какъ мы увидимъ далѣе, мало-по-малу сокращала его и разрушала. Кліентела есть установленіе домашняго права, она существовала въ семьѣ раньше, чѣмъ образовались государства.

Не слѣдуетъ судить о кліентахъ древнихъ временъ по тѣмъ кліентамъ, какихъ мы видимъ во времена Горація. Ясно, что кліентъ былъ долгое время слугой, прикрѣпленнымъ къ своему господину; но у него было нѣчто, дававшее ему достоинство, именно: онъ принималъ участіе въ культѣ и былъ пріобщенъ къ религіи семьи. У него былъ тотъ же очагъ, тѣ же праздники, тѣ же sacra, какъ и у его патрона. Въ Римѣ, въ знакъ этой религіозной общности, онъ носилъ имя семьи. Онъ считался какъ бы ея членомъ по усыновленію. Отсюда тѣсная связь и взаимныя обязанности между патрономъ и кліентомъ. Послушаемъ, что говоритъ древній римскій законъ: „Если патронъ сдѣлалъ зло своему кліенту, то пусть онъ будетъ проклятъ, sacer esto, смертью да умретъ". Патронъ долженъ помогать кліенту всѣми зависящими отъ него средствами, всѣми силами, какія у него въ распоряженіи; своей молитвой, какъ жрецъ, своимъ копьемъ, какъ воинъ, своими

законами, какъ судья. Позже, когда кліентъ призывался на судъ государства, патронъ долженъ былъ его защищать; онъ долженъ былъ открыть ему даже таинственныя формулы закона, которыя помогли бы кліенту выиграть его дѣло. На судѣ можно свидѣтельствовать противъ когната, но нельзя свидѣтельствовать противъ кліента, и обязанности по отношенію кліента ставились всегда выше обязанностей по отношенію когната. Почему же? Да потому, что когнатъ, связанный только по женской линіи, не родственникъ и не можетъ участвовать въ семейной религіи; кліентъ же, напротивъ, имѣетъ съ ней общность культа, и потому, несмотря на свое болѣе низкое и подчиненное положеніе, онъ настоящій родственникъ, такъ какъ родство это состоитъ, по выраженію Платона, въ поклоненіи однимъ и тѣмъ же домашнимъ богамъ.

Связь кліента съ патрономъ есть связь священная, установленная религіей, связь, которую ничто не можетъ разрушить. Ставъ однажды кліентомъ семьи, нельзя болѣе отъ нея отдѣлиться. Кліентела тѣхъ первобытныхъ временъ не есть добровольное и временное отношеніе между двумя людьми, она наслѣдственна и переходитъ по долгу отъ отца къ сыну.

Изъ всего сказаннаго видно, что семья древнѣйшихъ временъ со своей старшей линіей, младшими линіями, слугами и кліентами могла составлять довольно многочисленную группу людей. Семья благодаря своей религіи, которая поддерживала ея единство, благодаря частному праву, которое создало ея недѣлимость, благодаря законамъ кліентства, которые удерживали ея слугъ, образовала съ теченіемъ времени обширное общество, имѣвшее своего наслѣдственнаго главу. Изъ неограниченнаго количества подобныхъ обществъ состояла, повидимому, въ теченіе длиннаго ряда вѣковъ арійская раса. Тысячи подобныхъ маленькихъ человѣческихъ группъ жили обособленно, мало имѣя сношеній другъ съ другомъ, совершенно чуждыя одна другой, безъ всякой религіозной или политической связи между собой, имѣя каждая свое земельное владѣніе, свое внутреннее управленіе, своихъ боговъ.

КНИГА ТРЕТЬЯ.

Гражданская община.

Глава I.

Фратрія и курія; триба.

До сихъ поръ мы не приводили и не могли приводить никакихъ хронологическихъ указаній. Въ исторіи древнихъ обществъ эпохи легче отличаются преемственной смѣной идей и учрежденій, чѣмъ годами.

Изученіе древнихъ законовъ частнаго права дало намъ возможность провидѣть за предѣлами временъ, называемыхъ историческими, періодъ вѣковъ, когда семья была единственною формою общежитія. Семья тѣхъ временъ могла заключать въ своемъ обширномъ кругу по нѣсколько тысячъ человѣкъ. Но въ этихъ предѣлахъ форма человѣческаго общежитія была еще слишкомъ узка какъ въ смыслѣ удовлетворенія нуждъ матеріальныхъ, такъ какъ трудно было семьѣ обходиться собственными силами во всѣхъ случаяхъ жизни, такъ и въ смыслѣ удовлетворенія нравственныхъ, духовныхъ потребностей нашей природы, потому что мы видѣли, какъ недостаточно было въ этомъ маленькомъ міркѣ понятіе о божествѣ и какъ несовершенны были понятія о нравственности.

Малые размѣры первобытнаго общества соотвѣтствовали вполнѣ тому узкому пониманію божества, какое составило себѣ это общество. У каждой семьи были свои боги, и человѣкъ способенъ былъ представлять себѣ только домашнихъ боговъ

и только имъ поклоняться. Но боги эти не могли удовлетворять его домъ, они были слишкомъ ниже того уровня, какого способенъ достигнуть человѣческій разумъ. Если для него требовалось еще много вѣковъ, чтобы дойти до представленія о Богѣ, какъ о существѣ единомъ, несравненномъ, безконечномъ, то онъ могъ, по крайней мѣрѣ, приближаться къ этому идеалу незамѣтно, расширяя изъ вѣка въ вѣкъ свое понятіе о божествѣ и раздвигая понемногу горизонтъ, линія котораго отдѣляла для него Божественное Существо отъ предметовъ внѣшняго міра.

Такимъ образомъ, и религіозная идея и человѣческое общество росли одновременно.

Древняя религія запрещала двумъ семьямъ смѣшиваться или сливаться воедино. Но было вполнѣ возможно, совершенно не поступаясь своей домашней религіей, соединиться нѣсколькимъ семьямъ для отправленія новаго, общаго имъ всѣмъ культа. Это именно и произошло. Извѣстное количество семей образовывали группы, которыя назывались по-гречески фратріи и по-латыни куріи. Существовала ли между семьями одной и той же группы связь по рожденію? Этого нельзя сказать утвердительно, но достовѣрно одно, что этому новому общественному союзу соотвѣтствовало и расширеніе религіозныхъ понятій. Въ тотъ моментъ, когда семьи соединились въ группу, у нихъ появилось представленіе о нѣкомъ божествѣ, стоявшемъ выше ихъ домашнихъ боговъ; о томъ божествѣ, которое было обще имъ всѣмъ и всѣхъ ихъ вмѣстѣ, всю группу, охраняло своимъ попеченіемъ. Этому божеству воздвигли они алтарь, зажгли священный огонь и установили культъ.

Не было ни одной ни куріи, ни фратріи, которая бы не имѣла своего алтаря и своего бога покровителя. Религіозные обряды носили въ нихъ тотъ же характеръ, что и въ семьѣ. Они состояли главнымъ образомъ въ общей трапезѣ; пища приготовлялась на самомъ алтарѣ и была въ силу этого священной; вкушали ее читая молитвы; божество присутствовало тутъ же и получало свою долю пищи и питія.

Эти религіозныя трапезы курій существовали еще долго въ Римѣ; о нихъ упоминаетъ Цицеронъ, ихъ описываетъ Овидій. Еще во времена Августа онѣ сохраняли всѣ свои древнія формы. „Я видѣлъ въ этихъ священныхъ училищахъ", говоритъ одинъ историкъ той эпохи, „трапезу, уготованную передъ лицомъ божества; столы были деревянные, по обычаю предковъ, и сосуды были глиняные. Пища состояла изъ хлѣба, печеній изъ пшеничной муки и плодовъ. Я видѣлъ, какъ совершались возліянія; они не лились изъ золотыхъ или серебряныхъ чашъ, но изъ глиняныхъ сосудовъ; и я удивлялся людямъ нашихъ дней, которые оставались столь вѣрными обрядамъ и обычаямъ отцовъ". Въ Аѳинахъ въ дни праздниковъ, вродѣ Анатурій и Ѳоргелій, каждая фратрія собиралась вокругъ своего алтаря, совершалось жертвоприношеніе, мясо зажаривалось на священномъ огнѣ и раздѣлялось между всѣми членами фратріи, причемъ слѣдили очень строго, чтобы въ священной трапезѣ не принялъ участія кто-либо изъ постороннихъ.

Есть обычаи, сохранившіеся до послѣднихъ временъ греческой исторіи, которые бросаютъ нѣкоторый свѣтъ на характеръ древнихъ фратрій. Такъ, напримѣръ, мы видимъ, что во времена Демосѳена, для того, чтобы стать членомъ фратріи, нужно было родиться отъ законнаго брака въ одной изъ семей, составлявшихъ фратрію, потому что религія фратріи, такъ же, какъ и религія семьи, передавалась только по крови. Молодого аѳинянина представлялъ фратріи его отецъ и клялся въ томъ, что это дѣйствительно его сынъ. Принятіе во фратрію носило религіозный характеръ. Фратрія приносила жертву и на алтарѣ жарила ея мясо; всѣ члены фратріи присутствовали при этомъ; если они отвергали принятіе вновь прибывшаго, на что имѣли право въ томъ случаѣ, когда возникало сомнѣніе въ его законномъ рожденіи, то мясо жертвы должны были снять съ алтаря. Если же они этого не дѣлали, если они раздѣляли со вновь прибывшимъ изжаренное жертвенное мясо, то это значило, что юноша съ этого времени принятъ и становится навсегда членомъ союза. Подобные обряды объясняются тѣми понятіями, которыя имѣлись у древ-

нихъ: они вѣрили, что всякая пища, приготовленная на алтарѣ и раздѣленная между людьми, устанавливаетъ между ними нерасторжимую священную связь, которая можетъ прекратиться только вмѣстѣ съ жизнью.

У каждой фратріи или куріи былъ свой глава, куріонъ или фратріархъ; его главной обязанностью было руководить жертвоприношеніями. Быть можетъ, его полномочія были вначалѣ и обширнѣе; фратрія имѣла свои собранія, обсуждала дѣла и выносила свои постановленія. И въ ней такъ же, какъ и въ семьѣ, было божество, былъ культъ, было священнослуженіе, правосудіе, управленіе; это было небольшое общество, устроенное вполнѣ по образцу семьи.

Союзъ продолжалъ естественно разростаться и далѣе по тому же типу: нѣсколько курій или фратрій сгруппировывались вмѣстѣ и образовывали трибу.

Эта новая группа опять-таки имѣла свою религію; у каждой трибы былъ свой алтарь и покровительствовавшее ей божество.

Богъ трибы былъ по природѣ тѣмъ же, что и богъ фратріи или семьи. Это былъ обоготворенный человѣкъ, *герой*. По его имени называлась и триба; вотъ почему греки называли его *героемъ епонимомъ*. Ему былъ посвященъ годовой праздникъ. Самой главной частью религіозной церемоніи была трапеза, въ которой принимала участіе вся триба.

Триба, подобно фратріи, имѣла свои собранія и выносила постановленія, которымъ обязаны были подчиняться всѣ ея члены. У нея было свое судилище и право суда надъ своими членами; у нея былъ свой глава *tribunus*, φυλοβασιλεύς. Изъ того, что дошло до насъ отъ учрежденій трибы, мы можемъ заключить, что она складывалась вначалѣ для того, чтобы стать союзомъ независимымъ и какъ бы не имѣющимъ надъ собой никакой высшей общественной власти.

Глава II.

Новыя религіозныя вѣрованія.

1. *Боги физической природы.*

Прежде чѣмъ перейти отъ образованія трибы къ возникновенію гражданской общины-государства, мы должны упомянуть объ одномъ важномъ факторѣ интеллектуальной жизни древнихъ народовъ.

Изслѣдуя древнѣйшія вѣрованія, мы нашли религію, предметомъ которой былъ культъ предковъ и главнымъ символомъ очагъ. Религія эта образовала семью и установила первые законы. Но у арійской расы во всѣхъ ея развѣтвленіяхъ была еще и другая религія, и главными лицами этой религіи были Зевсъ, Гера, Аѳина, Юнона—боги эллинскаго Олимпа и римскаго Капитолія.

Изъ этихъ двухъ религій первая взяла своихъ боговъ изъ человѣческой души, вторая изъ окружающей физической природы. Если чувство живой силы и внутренняго сознанія внушило человѣку первую идею о божествѣ, то зрѣлище окружавшей и подавлявшей его безпредѣльности дало новое направленіе его религіозному чувству.

Первобытный человѣкъ находился постоянно лицомъ къ лицу съ природой; привычки цивилизованной жизни не скрывали еще отъ него эту природу; ея красота восхищала его взоры, величіе ея ослѣпляло его. Онъ наслаждался дневнымъ свѣтомъ, онъ боялся ночной темноты; когда же онъ видѣлъ, что снова возвращается „священное сіяніе небесъ", то испытывалъ чувство благодарности. Жизнь его была въ рукахъ природы: онъ ожидалъ благодатныхъ тучъ, отъ которыхъ зависѣла его жатва; онъ страшился бури, которая могла разрушить труды и надежды цѣлаго года. Онъ чувствовалъ каждую минуту свою слабость и могущество окружающихъ его силъ. Онъ постоянно испытывалъ смѣшанное чувство благоговѣнія, любви и ужаса передъ этой мощной природой.

Чувство это не повело его тотчасъ же къ созданію представленія объ единомъ Богѣ, управляющемъ вселенной, потому что у человѣка не было еще представленія о вселенной. Онъ не зналъ еще, что земля и солнце и небесныя свѣтила—все это лишь части одного и того же цѣлаго; ему не приходило въ голову, что всѣ онѣ могутъ управляться Единымъ Существомъ.

При первомъ взглядѣ на внѣшній міръ онъ показался человѣку чѣмъ-то вродѣ нестройнаго сборища враждебныхъ и борющихся между собою силъ. Такъ какъ онъ судилъ о предметахъ внѣшней природы по самому себѣ, себя же чувствовалъ свободной личностью, то и во всякой частицѣ природы—въ землѣ, деревѣ, облакѣ, рѣчной водѣ, солнцѣ—всюду онъ видѣлъ такихъ же, похожихъ на себя личностей. Онъ приписывалъ имъ мысль, волю, свободный выборъ образа дѣйствій; чувствуя ихъ могущество, находясь въ ихъ власти, онъ призналъ свою отъ нихъ зависимость; онъ молился и поклонялся имъ, онъ сдѣлалъ изъ нихъ себѣ боговъ.

Такимъ образомъ, религіозная идея явилась у этой расы въ двухъ различныхъ видахъ. Съ одной стороны, человѣкъ присвоилъ божественность принципу невидимому—разуму, тому, что онъ провидѣлъ въ своей душѣ, что считалъ въ себѣ священнымъ; съ другой стороны, онъ приложилъ свое понятіе божественнаго къ предметамъ внѣшнимъ, которые онъ созерцалъ, любилъ или же которыхъ боялся, къ физическимъ силамъ, бывшимъ господами его счастья и жизни.

Эти два ряда вѣрованій дали начало двумъ религіямъ, которыя существовали такъ же долго, какъ существовали греческое и римское общество. Религіи эти не враждовали другъ съ другомъ, онѣ мирно уживались рядомъ, раздѣляя власть надъ человѣкомъ; но онѣ также никогда и не смѣшивались. У нихъ всегда были совершенно различные догматы, часто противорѣчащіе другъ другу, различные обряды и церемоніи. Культъ боговъ Олимпа и культъ героевъ и мановъ никогда не имѣли между собою ничего общаго. Которая изъ этихъ двухъ религій была первой по времени—трудно сказать; нельзя

точно также утверждать и того, что одна изъ нихъ предшествовала другой. Достовѣрно лишь то, что одна изъ нихъ, именно религія мертвыхъ, возникнувъ въ очень отдаленную эпоху, осталась неизмѣнной въ своихъ религіозныхъ обрядахъ, тогда какъ ея догматы постепенно исчезли; другая же—религія физической природы—является болѣе прогрессивной: она развивается изъ вѣка въ вѣкъ, измѣняя понемногу свои легенды и догматы и безпрестанно увеличивая свою власть надъ человѣкомъ.

2. Связь религіи природы съ развитіемъ человѣческаго общества.

Можно думать, что первые зачатки религіи природы очень древни, быть можетъ они настолько же древни, какъ и культъ предковъ, но такъ какъ религія эта отвѣчала понятіямъ болѣе общимъ и порядка болѣе высокаго, то для нея понадобилось больше времени, чтобы вылиться въ опредѣленное ученіе. Вполнѣ доказано, что она не возникла въ одинъ день и не вышла готовой изъ головы какого-либо человѣка. При началѣ этой религіи мы не видимъ ни пророка, ни сословія жрецовъ. Она родилась въ различныхъ умахъ дѣйствіемъ ихъ естественной силы.

Всякій создалъ ее по-своему. Между всѣми этими богами, возникшими въ различныхъ умахъ, было сходство, потому что образованіе идей у человѣка шло приблизительно одинаковымъ путемъ, но въ то же время было и большое разнообразіе, такъ какъ всякій умъ создавалъ себѣ собственныхъ боговъ. Отсюда получился тотъ результатъ, что религія эта была долгое время смутной и неопредѣленной, а боги ея безчисленными.

Но количество объектовъ, подходящихъ для обоготворенія, было невелико: оплодотворяющее солнце, питающая земля, туча, то благодѣтельная, то губительная,—вотъ главныя силы, изъ которыхъ можно было создать себѣ боговъ. Но каждый изъ названныхъ предметовъ далъ начало тысячамъ божествъ, потому что одна и та же сила, разсматриваемая съ различныхъ точекъ зрѣнія, получила отъ людей различныя наименованія.

Солнце, напримѣръ, въ одномъ мѣстѣ называлось Геракломъ (славнымъ), въ другомъ Фебомъ (сверкающимъ), въ третьемъ Аполлономъ (прогоняющимъ тьму или зло); одинъ назвалъ его существомъ возвышеннымъ (Гиперіонъ), другой—помощь дающимъ (Алексикакосъ); и въ концѣ концовъ группы людей, давшихъ различныя названія блестящему свѣтилу, не понимали, что у всѣхъ у нихъ одинъ и тотъ же богъ.

Каждый человѣкъ въ сущности поклонялся лишь ограниченному числу божествъ, но боги одного не были богами другого. Имена, правда, могли быть похожи между собою; множество людей, каждый въ отдѣльности могъ назвать своего бога Аполлономъ или Геракломъ, потому что эти слова принадлежали обыденной рѣчи и были лишь прилагательными, обозначавшими божественное существо по одному изъ его наиболѣе существенныхъ признаковъ; но различныя группы людей не могли предполагать, чтобы подъ этими различными именами скрывалось одно и то же божество. Насчитывалось тысячи различныхъ Юпитеровъ; было множество Минервъ, Діанъ, Юнонъ, которыя очень мало походили другъ на друга. Каждое изъ этихъ представленій создавалось свободной работой ума и было въ нѣкоторомъ родѣ его собственностью; отсюда произошло, что боги эти были долгое время независимы одинъ отъ другого, а у каждаго изъ нихъ были свои собственныя легенды и свой культъ.

Такъ какъ первое появленіе этихъ вѣрованій принадлежитъ эпохѣ, когда господствовалъ еще семейный бытъ, то и названные боги имѣли вначалѣ, подобно демонамъ, героямъ и ларамъ, характеръ домашнихъ божествъ. Каждая семья создала себѣ своихъ боговъ и хранила ихъ для себя, какъ покровителей, милости которыхъ она не хотѣла дѣлить съ посторонними. Мысль эта часто встрѣчается въ гимнахъ Веды; она существовала, безъ сомнѣнія, и въ умахъ западныхъ арійцевъ, такъ какъ ясные слѣды этого остались въ ихъ религіи. По мѣрѣ того, какъ семья обоготворяла какую-нибудь силу природы и создавала изъ нея личнаго бога, она присоединяла этого бога къ своему очагу, включала въ число пенатовъ и

прибавляла въ честь его нѣсколько словъ къ формулѣ молитвы. Вотъ почему у древнихъ часто попадаются выраженія вродѣ слѣдующаго: „боги, возсѣдающіе у моего очага, Юпитеръ моего очага, Аполлонъ моихъ отцовъ!" „Заклинаю тебя", говоритъ Текмесса Аяксу, „именемъ Юпитера, возсѣдающаго у твоего очага". Волшебница Медея говоритъ у Эврипида: „Клянусь Гекатой, моей владычицей богиней, которую я чту и которая пребываетъ въ святилищѣ моего очага". Когда Виргилій описываетъ, что было самаго древняго въ религіи Рима, онъ указываетъ на Геркулеса, пріобщеннаго къ очагу Эвандра и чтимаго имъ, какъ домашнее божество.

Отсюда же проистекаютъ и тысячи мелкихъ культовъ, между которыми никогда не могло установиться единство; отсюда и та борьба боговъ, которою полонъ политеизмъ и которая явилась олицетвореніемъ борьбы отдѣльныхъ семей, общинъ, городовъ; отсюда же и то безчисленное множество боговъ и богинь, изъ которыхъ, безъ сомнѣнія, намъ извѣстна только меньшая часть, потому что многіе изъ нихъ погибли, не оставивъ даже памяти о своемъ имени; или семьи, поклонявшіяся имъ, угасли, или города, посвятившіе имъ культъ, были разрушены.

Прошло много времени раньше, чѣмъ боги эти вышли изъ нѣдръ семьи, которая ихъ создала и смотрѣла на нихъ, какъ на отцовское наслѣдіе; извѣстно, что среди нихъ многіе такъ никогда и не освободились отъ этихъ домашнихъ узъ. Деметра Элевзинская осталась частнымъ божествомъ семьи Эвмольпидовъ; Аѳина, богиня аѳинскаго акрополя, принадлежала семьѣ Бутадовъ. У римскихъ Потиціевъ былъ семейнымъ богомъ Геркулесъ и у Науціевъ—Минерва.

Есть большое вѣроятіе, что культъ Венеры долго сохранялся исключительно въ семьѣ Юліевъ и что эта богиня не имѣла общественнаго служенія въ Римѣ.

Съ теченіемъ времени произошло слѣдующее: когда божество какой-нибудь семьи пріобрѣтало очень большое вліяніе и представлялось очень могущественнымъ соотвѣтственно процвѣтанію поклонявшихся ему, то вся община хотѣла сдѣ-

лать это божество своимъ и воздавать ему общественный
культъ, дабы пріобрѣсть его благоволѣніе. Это именно и про-
изошло съ Деметрой Эвмолпидовъ, Аѳиной Бутадовъ, Герку-
лесомъ Потиціевъ. Но если семья соглашалась подѣлиться, та-
кимъ образомъ, своимъ богомъ, то она оставляла за собою,
по меньшей мѣрѣ, право священства. Можно замѣтить, что
санъ жреца каждаго бога былъ долгое время наслѣдственнымъ
и не могъ выходить изъ данной семьи. Это остатокъ того вре-
мени, когда само божество было собственностью этой семьи, только
ей покровительствовало, только отъ нея принимало служеніе.

Вполнѣ справедливо будетъ сказать, что и эта вторая ре-
лигія вначалѣ соотвѣтствовала соціальному строю людей. Ко-
лыбелью ея была семья, и она долго оставалась въ этихъ
узкихъ рамкахъ; но она больше, чѣмъ культъ мертвыхъ, подходила
къ будущему поступательному движенію человѣческаго обще-
ства. Въ самомъ дѣлѣ, предки, герои, маны—все это боги,
которые по самой своей сущности могли быть предметомъ
поклоненія только для небольшого числа людей и которые уста-
навливали между семьями навѣки непереступаемыя границы.
Религія боговъ природы была значительно шире. Никакой
строгій законъ не препятствовалъ распространенію ихъ культа,
и самая ихъ сокровенная природа не требовала поклоненія
только одной данной семьи и не отталкивала постороннихъ.
Люди должны были совершенно незамѣтно дойти до того по-
ниманія, что Юпитеръ одной семьи былъ, въ сущности, тѣмъ
же существомъ или понятіемъ, какъ и Юпитеръ другой, чего
никогда нельзя было допустить по отношенію къ двумъ Ла-
рамъ, двумъ предкамъ или двумъ очагамъ.

Прибавимъ еще, что новая религія принесла съ собою и
другія нравственныя понятія. Она не ограничивалась тѣмъ,
что указывала человѣку его семейныя обязанности. Юпитеръ
былъ богомъ гостепріимства, и во имя его приходили стран-
ники, просящіе, „почтенные бѣдняки", тѣ, съ кѣмъ надлежало
обходиться, какъ съ братьями. Всѣ эти боги принимали часто
человѣческій обликъ и являлись смертнымъ. Иногда они дѣ-
лали это, чтобы помочь имъ въ борьбѣ, принять участіе въ

ихъ битвахъ, часто также, чтобы внушить имъ согласіе и на-
учить взаимопомощи.

По мѣрѣ того, какъ развивалась эта вторая религія, дол-
жно было увеличиваться въ ростѣ и общество. Совершенно
очевидно, что эта слабая вначалѣ религія затѣмъ чрезвы-
чайно расширилась. Вначалѣ она какъ будто укрывалась въ
семьѣ подъ покровительствомъ домашняго очага. Новый богъ
получилъ тамъ маленькое мѣстечко, тѣсную *cella*, въ виду и
вблизи чтимаго алтаря, чтобы частица почитанія, воздаваемаго
людьми очагу, досталась и на его долю. Но мало-по-малу богъ
пріобрѣтаетъ все болѣе власти надъ душой человѣка, и онъ
отказывается отъ покровительства, покидаетъ домашній очагъ;
онъ получаетъ собственное жилище, собственныя жертвоприно-
шенія. Жилище это (ναός, отъ слова ναίω обитать) было по-
строено собственно по образцу древнихъ святилищъ; оно на-
ходилось, какъ и раньше *cella*, противъ очага; *cella*, расши-
ренная, украшенная, стала храмомъ. Очагъ остался при входѣ
въ домъ божества, но по сравненію съ этимъ домомъ онъ
сталъ казаться очень маленькимъ. Онъ, бывшій вначалѣ глав-
ной сущностью, сталъ теперь дополненіемъ. Онъ пересталъ
быть богомъ и снизошелъ до степени алтаря бога, орудія для
жертвоприношеній. Онъ долженъ былъ сжигать мясо жертвы и
возносить приношеніе вмѣстѣ въ молитвою человѣка къ ве-
личавому божеству, статуя котораго царила въ храмѣ.

Когда мы видимъ, какъ создаются эти храмы и какъ ра-
скрываютъ они свои двери передъ толпами молящихся, мы мо-
жемъ быть увѣрены, что и понятія людей и общественная
жизнь давно уже расширились и разрослись.

Глава III.

Образуется гражданская община.

Триба, какъ и фратрія и семья, сложилась съ тѣмъ, чтобы
стать независимымъ цѣлымъ, такъ какъ и у нея былъ свой
особый культъ, изъ котораго исключался всякій посторонній.

Разъ составленная, она не могла болѣе принять ни одной новой семьи. Тѣмъ болѣе двѣ трибы не могли слиться вмѣстѣ: этому противилась религія. Но подобно тому, какъ нѣсколько фратрій соединились въ одну трибу, могли соединиться вмѣстѣ и нѣсколько трибъ, съ условіемъ, чтобы уважался культъ каждой изъ нихъ. Въ тотъ день, когда былъ заключенъ этотъ союзъ, возникла гражданская община.

Совершенно не важно найти причину, побудившую нѣсколько трибъ соединиться вмѣстѣ. Иногда такой союзъ былъ добровольнымъ, иногда онъ былъ вынужденъ превосходной силой другой трибы или могучей волей одного человѣка. Достовѣрно во всякомъ случаѣ то, что связывающимъ элементомъ ассоціаціи былъ опять-таки культъ. Трибы, соединяясь вмѣстѣ для того, чтобы образовать гражданскую общину, всегда восжигали священный огонь и создавали общую религію.

Такимъ образомъ, человѣческое общество арійской расы росло не на подобіе круга, который, расширяясь, захватываетъ постепенно все болѣе и болѣе широкую площадь; здѣсь, наоборотъ, небольшія группы, сформировавшіяся задолго передъ тѣмъ, соединяются другъ съ другомъ. Нѣсколько семей составили фратрію, нѣсколько фратрій—трибу, нѣсколько трибъ—гражданскую общину. Семья, фратрія, триба, гражданская община—все это общества вполнѣ сходныя между собой, возникшія одно изъ другого въ силу цѣлаго ряда союзовъ.

Нужно еще замѣтить, что по мѣрѣ того, какъ соединялись вмѣстѣ эти различныя группы, ни одна изъ нихъ все же не теряла своей индивидуальности и своей независимости. Пусть нѣсколько семей соединились для образованія фратріи, но строй каждой изъ нихъ оставался тотъ же, что и въ эпоху ея обособленности; ничто въ ней не измѣнилось: ни ея культъ, ни священнослуженіе, ни ея право собственности, ни право внутренняго семейнаго суда. Далѣе соединились куріи, но каждая изъ нихъ сохранила свой культъ, свои собранія, свои праздники, своего главу. Отъ трибы перешли къ гражданской общинѣ, но трибы изъ-за этого не распались, и каждая изъ нихъ продолжала составлять цѣлое почти такъ же, какъ еслибы

гражданская община не существовала. Въ религіи существовало множество мелкихъ культовъ, надъ которыми возвышался общій культъ; въ политикѣ продолжалъ существовать цѣлый рядъ мелкихъ правительствъ, а надъ ними возвысилось одно общее для всѣхъ. Гражданская община была федераціей. Вотъ почему она была обязана, по крайней мѣрѣ въ теченіе нѣскольких вѣковъ, уважать религіозную и гражданскую независимость трибъ, курій и семей и не имѣла сначала права вмѣшиваться въ частныя дѣла каждаго изъ этихъ маленькихъ обществъ. Ей незачѣмъ было заглядывать внутрь семьи, она не являлась судьей того, что въ семьѣ происходитъ, она предоставляла отцу право и обязанность судить жену, сына, кліента. Вотъ почему частное право, установившееся въ эпоху семейной обособленности, могло такъ долго существовать въ гражданской общинѣ и измѣнилось лишь весьма поздно.

Такъ складывалась гражданская община, и объ этомъ свидѣтельствуютъ сохранявшіеся еще долго обычаи. Если мы посмотримъ на войско гражданской общины въ первое время ея возникновенія, то увидимъ, что оно раздѣлялось на трибы, куріи и семьи, „такъ, чтобы,—говоритъ одинъ древній,—воинъ въ битвѣ имѣлъ своимъ сосѣдомъ того, съ кѣмъ въ мирное время онъ совершаетъ вмѣстѣ возліянія и приноситъ жертвы на одномъ и томъ же алтарѣ". Если мы взглянемъ на народныя собранія въ первые вѣка послѣ основанія Рима, то увидимъ, что голоса подаются по куріямъ и родамъ. Если мы обратимся къ культу, то найдемъ въ Римѣ шесть весталокъ, по двѣ на каждую трибу. Въ Аѳинахъ архонтъ совершалъ большую часть жертвоприношеній отъ имени всей гражданской общины, но, кромѣ того, существовали различныя церемоніи, которыя должны были совершаться сообща главами трибъ.

Гражданская община, такимъ образомъ, не являлась собраніемъ отдѣльныхъ лицъ, она была федераціей нѣсколькихъ группъ, возникшихъ раньше нея и продолжавшихъ въ ней существовать. Изъ рѣчей аттическихъ ораторовъ мы видимъ, что каждый аѳинянинъ являлся заразъ членомъ четырехъ различныхъ общественныхъ группъ: онъ членъ семьи, членъ

фратріи, трибы и, наконецъ, членъ гражданской общины. Онъ не вступаетъ одновременно во всѣ четыре, какъ, напримѣръ, французъ, который съ момента своего рожденія принадлежитъ одновременно семьѣ, общинѣ, департаменту и отечеству. Фратрія и триба не являются административнымъ дѣленіемъ; человѣкъ вступаетъ въ эти четыре общества въ различныя эпохи своей жизни; онъ, нѣкоторымъ образомъ, восходитъ отъ одной къ другой. Ребенокъ принимается, прежде всего, въ семью посредствомъ религіознаго обряда, который совершается надъ нимъ черезъ десять дней послѣ его рожденія. Нѣсколько лѣтъ спустя онъ вступаетъ во фратрію въ силу новаго религіознаго обряда, который мы описывали выше. Наконецъ, въ возрастѣ отъ шестнадцати до восемнадцати лѣтъ, онъ является для поступленія въ гражданскую общину. Въ этотъ день, передъ лицомъ алтаря, на которомъ дымится жертвенное мясо, онъ произноситъ клятву, въ которой обязуется, между прочимъ, всегда чтить религію государства — гражданской общины. Съ этого дня онъ посвящается въ общественный культъ и становится гражданиномъ. Взгляните на молодого аѳинянина, который поднимается со ступени на ступень, отъ культа къ культу и передъ вами будетъ образъ той постепенности, черезъ которую прошло нѣкогда человѣческое общество. Тотъ путь, который онъ долженъ сдѣлать, есть путь, по которому шло нѣкогда общество.

Примѣръ сдѣлаетъ намъ эту истину болѣе очевидной. У насъ осталось достаточно преданій и воспоминаній относительно аѳинской древности, чтобы мы могли достаточно ясно видѣть, какъ сложилась въ Аѳинахъ гражданская община. „Въ началѣ,— говоритъ Плутархъ,—Аттика была раздѣлена на роды. Нѣкоторые роды этой первобытной эпохи, какъ, напримѣръ, Эвмольпиды, Кекропиды, Гефореи, Фиталиды, Лакіады, продолжали существовать и въ слѣдующіе вѣка. Аѳинская община тогда еще не существовала, но каждый родъ, окруженный своими младшими отраслями и кліентами, занималъ извѣстную область и жилъ въ ней совершенно независимо. У каждаго была своя собственная религія: Эвмольпиды, жившіе въ Элевзисѣ, поклонялись Деметрѣ; Кекропиды, обитавшіе на скалѣ, гдѣ построены были позже Аѳины, имѣли своми богами-покровителями Посейдона и Аѳину. Совсѣмъ рядомъ, на маленькомъ холмѣ Ареопага, покровителемъ былъ Аресъ; въ Мараѳонѣ богомъ былъ Геркулесъ, въ Празіяхъ Аполлонъ, другой Аполлонъ былъ богомъ въ Фліяхъ; Діоскуры были въ Кефаліяхъ, и такъ далѣе во всѣхъ прочихъ областяхъ.

Каждая семья, подобно тому, какъ имѣла своего бога и свой алтарь, имѣла также и своего главу. Когда Павзаній посѣтилъ Аттику, то нашелъ въ маленькихъ мѣстечкахъ древнія преданія, которыя продолжали существовать вмѣстѣ съ культомъ; эти именно преданія и повѣдали ему, что у каждаго мѣстечка былъ нѣкогда свой царь, до того еще времени, когда Кекропсъ царствовалъ въ Аѳинахъ. Не было ли это воспоминаніемъ о тѣхъ отдаленныхъ временахъ, когда огромныя патріархальныя семьи, подобно кланамъ кельтовъ, имѣли каждая своего наслѣдственнаго главу, являвшагося одновременно и жрецомъ и судьей? Сотня маленькихъ обществъ жила, такимъ образомъ, въ странѣ совершенно изолированно другъ отъ друга, не зная ни религіозной, ни политической связи между собой, имѣя каждая свою территорію, воюя часто другъ съ другомъ и живя до такой степени обособленно одна отъ другой, что даже бракъ между членами различныхъ семей не всегда былъ возможенъ.

Но необходимость или чувство сблизили ихъ постепенно. Незамѣтно они стали соединяться въ группы по четыре, по шесть семей. Такъ въ преданіяхъ мы находимъ свѣдѣнія о томъ, что четыре мѣстечка Мараѳонской равнины соединились, чтобы поклоняться сообща Аполлону Дельфійскому; жители Пирея, Фалера и двухъ сосѣднихъ областей соединились со своей стороны и построили храмъ Геркулесу. Съ теченіемъ времени эта сотня маленькихъ государствъ сократилась до двадцати союзовъ. Перемѣну, вслѣдствіе которой населеніе Аттики перешло отъ патріархальнаго семейнаго строя къ болѣе обширному общественному строю, преданіе приписываетъ трудамъ Кекропса; понимать это нужно такимъ образомъ, что

перемѣна эта завершилась лишь въ эпоху его царствованія, которое относили къ шестнадцатому вѣку до нашей эры. Мы видимъ, впрочемъ, что Кекропсъ царствовалъ надъ однимъ изъ двѣнадцати союзовъ, надъ тѣмъ, который сдѣлался позже Аѳинами; одиннадцать другихъ союзовъ оставались вполнѣ независимыми; у каждаго былъ свой богъ-покровитель, свой алтарь, свой священный огонь и свой глава.

Прошло нѣсколько поколѣній за то время, пока група Кекропидовъ пріобрѣла незамѣтно выдающееся значеніе. Отъ этого времени осталось воспоминаніе о кровавой борьбѣ, которую они выдержали противъ Элевзинскихъ Эвмольпидовъ и въ результатѣ которой послѣдніе должны были подчиниться, сохранивъ за собой единственное право наслѣдственнаго священства при своемъ божествѣ. Можно предполагать, что были и другія войны и другія завоеванія, воспоминаній о которыхъ не сохранилось. Скала Кекропса, на которой развился мало-по-малу культъ Аѳины и которой усвоено было, наконецъ, имя ея главнаго божества, пріобрѣла верховную власть надъ одиннадцатью прочими государствами. Тогда появился Тезей, наслѣдникъ Кекропидовъ. Всѣ преданія утверждаютъ единогласно, что онъ соединилъ двѣнадцать группъ въ одну общину. Ему дѣйствительно удалось заставить всю Аттику принять культъ Аѳины Паллады, такъ что съ тѣхъ поръ вся страна стала совершать общія панаѳинейскія жертвоприношенія. До него у каждаго мѣстечка былъ свой священный огонь и свой пританей, онъ же стремился къ тому, чтобы аѳинскій пританей сдѣлался религіознымъ центромъ всей Аттики. Съ тѣхъ поръ аѳинское единство было установлено. Въ религіозномъ отношеніи каждая область сохраняла свой древній культъ, но всѣ онѣ приняли въ то же время еще и одинъ общій; въ политическомъ отношеніи каждая изъ нихъ сохраняла своего главу, своихъ судей, свое право народныхъ собраній, но выше этихъ мѣстныхъ управленій стояло центральное управленіе гражданской общины.

Изъ этихъ столь точныхъ преданій и воспоминаній, которыя такъ свято хранились Аѳинами, вытекаютъ, какъ намъ

кажется, двѣ одинаково очевидныя истины: первая, что гражданская община была союзомъ группъ, сложившихся раньше нея; вторая, что общество развивалось лишь по мѣрѣ того, какъ расширялись и религіозныя вѣрованія. Трудно сказать, былъ ли религіозный прогрессъ причиной прогресса социальнаго, но достовѣрно, что они оба возникли одновременно и въ замѣчательномъ соотвѣтствіи.

Нужно принять во вниманіе ту чрезвычайную трудность, какая представлялась первобытнымъ народамъ при основаніи правильныхъ обществъ. Не легко установить общественную связь между людьми настолько различными, до такой степени свободными, столь непостоянными. Чтобы дать имъ общіе законы, установить власть, внушить повиновеніе, заставить страсти подчиниться разуму, индивидуальный разумъ—разуму общественному,—требуется, безъ сомнѣнія, нѣчто болѣе сильное, чѣмъ сила физическая, нѣчто болѣе чтимое, чѣмъ выгода, болѣе надежное, чѣмъ философскія теоріи, болѣе ненарушимое, чѣмъ договоръ,—нѣчто, что находилось бы одинаково въ глубинѣ всѣхъ сердецъ и имѣло бы надъ всѣми ими власть

Это нѣчто есть вѣрованіе. Нѣтъ ничего болѣе властнаго надъ душой человѣка. Вѣрованіе есть произведеніе нашего духа, но мы не властны измѣнить его свободно по нашему желанію. Оно наше созданіе, но мы этого не знаемъ. Оно человѣчно, а мы считаемъ его божественнымъ. Оно дѣйствіе нашей силы и оно сильнѣе насъ. Оно въ насъ самихъ, оно никогда не покидаетъ насъ, говоритъ съ нами всякую минуту. Если оно велитъ намъ повиноваться, — мы повинуемся; если оно предписываетъ намъ обязанности, — мы имъ подчиняемся. Человѣкъ можетъ покорить природу, но онъ подвластенъ своей мысли.

И вотъ древнія вѣрованія приказывали человѣку чтить предка; культъ предковъ собралъ семью вокругъ одного алтаря. Отсюда вышла первая религія, первыя молитвы, первое понятіе долга, первыя понятія о нравственности; отсюда произошло также и установленіе собственности, опредѣленіе порядка наслѣдованія, отсюда, наконецъ, все частное право, всѣ законы домашней

организаціи. Далѣе, съ ростомъ вѣрованій росли и формы общественной жизни. По мѣрѣ того, какъ люди начинали чувствовать, что у нихъ есть общіе боги, они начали соединяться въ болѣе обширныя группы. Тѣ же нормы, найденныя и установленныя въ семьѣ, приложены были позже и къ фратріи, трибѣ, къ гражданской общинѣ.

Окинемъ взглядомъ путь, пройденный людьми. Вначалѣ семья живетъ обособленно, и человѣкъ знаетъ лишь домашнихъ боговъ, θεοὶ πατρῷοι, *dii gentiles*. Выше семьи образуется фратрія со своимъ богомъ θεὸς φράτριος, *Iuno curialis*. Затѣмъ идетъ триба и богъ трибы θεὸς φύλιος. Наконецъ, является гражданская община и понятіе о богѣ, провидѣніе котораго хранитъ всю общину, θεὸς πολιεύς, *penates publici*. Іерархія вѣрованій—іерархія общественныхъ союзовъ. Религія у древнихъ была вдохновительницей и организаторомъ общества.

Индусскіе, греческіе и этрусскіе миѳы разсказываютъ, что боги открыли людямъ законы общежитія. Въ этой легендарной формѣ заключается истина. Соціальные законы были дѣломъ боговъ, но сами эти могущественные и благодѣтельные боги есть не что иное, какъ человѣческія вѣрованія.

Таково было происхожденіе государства у древнихъ. Изслѣдованіе это было необходимо, чтобы мы могли составить себѣ тотчасъ же понятіе о природѣ учрежденій гражданской общины. Но здѣсь мы должны сдѣлать оговорку. Если первыя гражданскія общины образовались путемъ союзовъ ранѣе установившихся маленькихъ общественныхъ группъ, то нельзя сказать того же обо всѣхъ извѣстныхъ намъ гражданскихъ общинахъ, что всѣ онѣ образовались тѣмъ же путемъ. Разъ общественная организація была найдена, то не представлялось надобности начинать сызнова каждому городу тотъ же длинный и трудный путь. Порядокъ могъ быть часто даже совершенно обратнымъ. Когда какой-нибудь предводитель выходилъ изъ города уже сложившагося и шелъ основывать другой, то онъ уводилъ съ собой обыкновенно только небольшое количество своихъ согражданъ и къ нимъ присоединялъ много посторонняго народу, людей, вышедшихъ изъ различныхъ мѣстъ, принадлежащихъ иногда даже къ различнымъ расамъ. Но новое государство глава этотъ устраивалъ всегда по образцу того, изъ котораго онъ вышелъ. Онъ дѣлилъ, слѣдовательно, свой народъ на трибы и фратріи. Каждая изъ этихъ маленькихъ общественныхъ группъ имѣла свой алтарь, свои жертвоприношенія, свои праздники; каждая придумывала себѣ даже древняго героя, котораго чтила культомъ и въ происхожденіе отъ котораго начинала современемъ вѣрить.

Случалось часто и такъ, что люди какой-нибудь страны жили, не имѣя ни законовъ, ни порядка; было ли это потому, что общественная организація не смогла тамъ установиться, или же она была искажена и разрушена, какъ въ Аркадіи, какъ въ Киренѣ и Ѳуріяхъ,—но всегда, въ такихъ случаяхъ, законодатель, желавшій установить правильный порядокъ среди этихъ людей, начиналъ съ того, что дѣлилъ ихъ на трибы и фратріи, какъ будто кромѣ этого не существовало иного типа общественной организаціи. Въ каждой изъ названныхъ группъ онъ установлялъ героя-эпонима, учреждалъ жертвоприношенія, вводилъ преданія. Такимъ путемъ начинали всѣ, кто желалъ основать правильное общество. Такъ поступаетъ и самъ Платонъ, когда онъ представляетъ себѣ образцовое государство.

Глава IV.

Городъ.

Гражданская община и городъ не были синонимами у древнихъ. Гражданская община была религіозный и политическій союзъ семей и трибъ; городъ же былъ мѣстомъ собраній, мѣстомъ жительства и, главнымъ образомъ, святилищемъ цѣлаго союза.

Нельзя судить о древнихъ городахъ по тѣмъ городамъ, какіе мы видимъ теперь. Строится нѣсколько домовъ, это деревня, поселокъ; незамѣтно число домовъ увеличивается,—изъ деревни образуется городъ; наконецъ, мы окружаемъ его, если

есть мѣсто, рвомъ или стѣной. Городъ у древнихъ не выросталъ постепенно вслѣдствіе постепеннаго медленнаго роста количества людей и построекъ. Городъ основывался сразу, весь цѣликомъ въ одинъ день.

Но гражданская община должна была сложиться раньше, и это являлось дѣломъ наиболѣе долгимъ и труднымъ. Разъ только семьи, фратріи и трибы рѣшали соединиться и имѣть общій культъ, тотчасъ же основывался и городъ, чтобы стать святилищемъ этого общаго культа. Поэтому основаніе города было всегда актомъ религіознымъ.

Для перваго примѣра мы возьмемъ самый Римъ, вопреки тому недовѣрію, съ какимъ относятся къ его древнѣйшей исторіи. Повторяютъ весьма часто, что Ромулъ былъ предводителемъ шайки искателей приключеній, что онъ создалъ себѣ народъ, призывая къ себѣ бродягъ и воровъ, и эти люди, собранные безъ всякаго выбора, построили наудачу нѣсколько хижинъ, чтобы хранить въ нихъ свою добычу. Но древніе писатели представляютъ намъ факты совершенно иначе, и намъ кажется, что для тѣхъ кто желаетъ познакомиться съ древностью, должно быть первымъ правиломъ—опираться на свидѣтельства, идущія изъ древнихъ временъ. Писатели говорятъ, дѣйствительно, объ убѣжищѣ, т.-е. о священной оградѣ, куда Ромулъ принималъ всѣхъ приходящихъ къ нему, въ чемъ онъ только слѣдовалъ примѣру другихъ основателей городовъ. Но убѣжище это не было городомъ и открыто оно было лишь послѣ полнаго основанія и построенія города. Это былъ придатокъ къ Риму, но не самъ Римъ; убѣжище не составляло даже части города Ромула, такъ какъ было выстроено на склонѣ Капитолійскаго холма, тогда какъ городъ занималъ вершину Палатинскаго. Важно различать ясно двойной составъ римскаго народонаселенія. Въ убѣжищѣ находились авантюристы, у которыхъ не было ни роду, ни племени, на Палатинскомъ холмѣ—люди, пришедшіе изъ Альбы, т.-е. люди, уже сорганизовавшіеся въ общество, раздѣленные на роды и куріи, имѣвшіе уже свой домашній культъ и свои законы. Убѣжище это нѣчто вродѣ слободы, предмѣстья, гдѣ хижины

строятся случайно, безъ всякаго порядка; на Палатинскомъ же холмѣ возвышается священный религіозный городъ.

Древность изобилуетъ свѣдѣніями о способѣ основанія этого города. Мы находимъ ихъ у Діонисія Галикарнасскаго, почерпнувшаго эти свѣдѣнія у авторовъ болѣе древнихъ; у Плутарха, въ Фастахъ Овидія, у Тацита, у Катона Старшаго, который взялъ ихъ изъ древнихъ лѣтописей, и еще у двухъ писателей, которые должны внушать намъ особое довѣріе: ученый Варронъ и ученый Веррій Флаккъ, сохраненный для насъ отчасти Фестомъ; оба они весьма свѣдущи въ римскихъ древностяхъ, оба правдивы, ни въ коемъ случаѣ не легковѣрны, и оба знаютъ очень хорошо пріемы исторической критики. Всѣ эти писатели сообщаютъ намъ воспоминанія о религіозной церемоніи, ознаменовавшей собою основаніе Рима, и мы не вправѣ отвергать такое большое количество свидѣтельствъ.

Мы нерѣдко встрѣчаемъ у древнихъ поражающіе насъ факты, но развѣ это основаніе—считать всѣ эти факты просто баснями, особенно же, если эти факты, не согласные съ нашими понятіями, вполнѣ гармонируютъ съ понятіями древнихъ? Въ ихъ частной жизни мы видимъ религію, которая руководила всѣми ихъ поступками, мы видимъ далѣе, что эта религія соединила ихъ въ общество; что же удивительнаго будетъ послѣ сказаннаго нами въ томъ, что и основаніе города тоже являлось актомъ священнымъ, и что Ромулъ долженъ былъ самъ совершать обряды, соблюдавшіеся повсюду?

Первой заботой основателя являлся выборъ мѣста для новаго города. Выборъ этотъ—дѣло весьма важное; вѣрили, что судьба народа зависитъ отъ него; поэтому онъ и предоставлялся всегда на рѣшеніе боговъ. Если бы Ромулъ былъ грекомъ, онъ вопросилъ бы Дельфійскій оракулъ; если бы онъ былъ самнитомъ,—то пошелъ бы по слѣдамъ священнаго животнаго—волка или дятла. Но Ромулъ—латинъ, сосѣдъ этрусковъ, посвященный въ науку гаданій, и онъ проситъ боговъ открыть ему ихъ волю по полету птицъ. Боги указываютъ ему на Палатинскій холмъ.

Вотъ наступилъ, наконецъ, день основанія. Ромулъ принесъ прежде всего жертву богамъ; затѣмъ вокругъ него собрались всѣ его сотоварищи; они развели костеръ изъ хвороста, и каждый изъ нихъ перескочилъ черезъ огонь. Этотъ обрядъ объясняется тѣмъ, что весь народъ долженъ быть чистымъ для предстоящаго священнодѣйствія, а древніе вѣрили, что, прыгая черезъ священный огонь, они очищаются отъ всякой нравственной и физической нечистоты.

Когда эта предварительная церемонія приготовила народъ къ послѣдующему великому акту основанія, то Ромулъ выкопалъ небольшую круглую яму и бросилъ въ нее землю, принесенную съ собою изъ Альбы. Затѣмъ каждый изъ его товарищей подходилъ къ ямѣ въ свою очередь и бросалъ въ нее немного земли, принесенной съ собою съ родины. Это весьма замѣчательный обрядъ; важно отмѣтить ту идею древнихъ, которая лежала въ его основаніи. Прежде чѣмъ придти на Палатинскій холмъ, люди эти жили въ Альбѣ или въ какомъ-либо изъ другихъ сосѣднихъ городовъ. Тамъ находился ихъ очагъ, тамъ жили и были погребены ихъ отцы; а религія запрещала покидать мѣсто, гдѣ стоялъ очагъ, гдѣ покоились божественные предки. Поэтому для того, чтобы уйти оттуда, не совершивъ нечестія, каждый изъ этихъ людей долженъ былъ прибѣгнуть къ фикціи, долженъ былъ унести съ собою подъ видомъ горсти земли—священную землю, гдѣ были погребены предки, ту землю, съ которой были связаны маны этихъ предковъ; только унося съ собою свою землю и своихъ предковъ, человѣкъ могъ переселиться. Этотъ обрядъ необходимо было совершить, чтобы каждый могъ сказать, указывая на новое мѣсто поселенія: это также земля отцовъ моихъ, *terra patrum, patria;* здѣсь мое отечество, потому что здѣсь маны моей семьи.

Яма, въ которую бросалъ, такимъ образомъ, каждый понемногу земли, называлась *mundus;* слово же это на древнемъ религіозномъ языкѣ обозначало обитель, область мановъ. Отсюда именно, по повѣріямъ, души умершихъ уходили трижды въ годъ, жаждая увидѣть хоть на минуту дневной свѣтъ.

Развѣ въ этихъ легендахъ не высказываются дѣйствительныя идеи древнихъ людей? Бросая въ яму горсть земли, взятой съ родныхъ полей, они думали заключить здѣсь же, вмѣстѣ съ тѣмъ, и души предковъ. Этимъ душамъ, собраннымъ здѣсь, долженъ былъ воздаваться вѣчный культъ, а онѣ должны были блюсти своихъ потомковъ. На этомъ именно мѣстѣ Ромулъ поставилъ алтарь и зажегъ священный огонь. Это и былъ очагъ гражданской общины.

Вокругъ этого очага долженъ былъ подняться городъ, какъ поднимался домъ вокругъ домашняго очага. Ромулъ провелъ черту, обозначающую ограду—городскую стѣну. И здѣсь самыя мельчайшія подробности были опредѣлены ритуаломъ. Основатель города долженъ былъ проводить борозду мѣднымъ сошникомъ, а плугъ его должны были тащить бѣлый быкъ и бѣлая корова. Ромулъ съ покрываломъ на головѣ, въ священническихъ одеждахъ, самъ держалъ ручки плуга и направлялъ его съ пѣніемъ молитвъ. Товарищи его шли сзади, соблюдая благоговѣйное молчаніе. По мѣрѣ того, какъ плужникъ поднималъ пласты земли, ихъ тщательно откладывали во-внутрь ограды, чтобы ни одна частица священной земли не осталась во-внѣ, со стороны чужихъ.

Эта ограда, черта, проводимая религіей, неприкосновенна. Ни посторонній, ни гражданинъ не имѣютъ права переступить ее. Перепрыгнуть черезъ эту черту есть большой грѣхъ. Римское преданіе разсказываетъ, что братъ основателя совершилъ это святотатство и поплатился за него жизнью.

Но для того, чтобы можно было входить въ городъ и выходить изъ него, черта въ нѣсколькихъ мѣстахъ прерывалась, тутъ Ромулъ поднималъ плугъ и несъ его. Перерывы эти назывались *portae*; здѣсь были городскія ворота

На этой чертѣ, или нѣсколько позади, впослѣдствіи возводились стѣны, онѣ считались тоже священными. Никто не смѣлъ прикоснуться къ нимъ, даже для того, чтобы ихъ исправить, безъ разрѣшенія верховнаго жреца. По обѣ стороны этой стѣны нѣкоторое пространство земли посвящалось религіи,

оно называлось *pomoerium*, этой земли нельзя было ни пахать, ни возводить на ней построекъ.

Такова была, судя по многочисленнымъ древнимъ свидѣтельствамъ, церемонія основанія Рима. Если кто спроситъ, какъ могло сохраниться воспоминаніе объ ней вплоть до писателей, отъ которыхъ мы почерпнули эти свѣдѣнія, то дѣло здѣсь въ томъ, что церемоніи эти ежегодно возобновлялись въ народной памяти годовымъ праздникомъ, который назывался днемъ рожденія Рима. Этотъ праздникъ соблюдался изъ года въ годъ во всѣ древнія времена, и народъ римскій празднуетъ его даже донынѣ и въ то же самое число—21 апрѣля, какъ и нѣкогда. Такъ на пути безпрерывныхъ перемѣнъ люди остаются вѣрны своимъ древнимъ обычаямъ!

Было бы неосновательнымъ предположить, что подобные обряды были впервые изобрѣтены Ромуломъ. Наоборотъ, вполнѣ вѣроятно, что раньше Рима многіе другіе города были основаны такимъ же точно образомъ. Варронъ говоритъ, что этотъ ритуалъ былъ общепринятымъ въ Лаціумѣ и Этруріи. Катонъ старшій, изучавшій лѣтописи всѣхъ народовъ Италіи для своей книги „Origines“, сообщаетъ намъ, что аналогичные обряды совершались всѣми основателями городовъ. У этрусковъ были книги обрядовъ, и тамъ значился полный ритуалъ этой церемоніи.

Подобно италійцамъ, и греки вѣрили, что мѣсто для города должно быть избрано и указано человѣку божествомъ. Такъ что, когда они собирались основывать новый городъ, то спрашивали совѣта у Дельфійскаго оракула. Геродотъ указываетъ какъ на нечестіе или безуміе на поступокъ спартанца Доріея, который дерзнулъ строить городъ, „не спросивъ совѣта у оракула и не исполнивъ ни одного изъ предписанныхъ обрядовъ“, и благочестивый историкъ не удивляется, что городъ, построенный такимъ образомъ, вопреки правиламъ, просуществовалъ всего только три года. Ѳукидидъ, вспоминая день основанія Спарты, говоритъ о священныхъ пѣсняхъ и жертвоприношеніяхъ, которыя были принесены по этому случаю. Тотъ же историкъ сообщаетъ намъ, что у аѳинянъ были свои обряды,

которые они всегда строго соблюдали при основаніи колоній. Въ одной изъ комедій Аристофана можно видѣть довольно точное изображеніе происходившей въ такихъ случаяхъ церемоніи. Изображая комическое основаніе города Птицъ, поэтъ имѣлъ, безъ сомнѣнія, въ виду обычаи, которые соблюдались людьми при основаніи ихъ городовъ: вотъ почему онъ вывелъ на сцену жреца, зажигающаго огонь на очагѣ и призывающаго боговъ, поэта, поющаго гимны, и прорицателя, дающаго предсказанія.

Павзаній путешествовалъ по Греціи во времена Адріана. Прибывъ въ Мессенію, онъ разспрашивалъ жрецовъ объ основаніи города Мессены и передалъ намъ ихъ разсказъ. Событіе было не слишкомъ давнее: происходило оно во времена Эпаминонда. За три столѣтія до этого мессенцы были изгнаны изъ своей страны и жили разсѣянными среди другихъ грековъ, лишенные отечества, но охраняя съ благочестивымъ усердіемъ свои обычаи и народную вѣру. Ѳивяне хотѣли возвратить ихъ въ Пелопонесъ, чтобы помѣстить подъ бокомъ у Спарты врага, но самое трудное оказалось склонить къ этому самихъ мессенцевъ. Эпаминондъ, имѣя дѣло съ суевѣрными людьми, счелъ нужнымъ пустить въ ходъ предсказаніе оракула, предвѣщавшее народу возвращеніе въ его древнее отечество. Чудесныя знаменія указали, что народные боги мессенцевъ, покинувшіе ихъ въ то время, когда мессенцы были покорены, теперь стали къ нимъ снова благоволить. Тогда этотъ робкій народъ рѣшился возвратиться въ Пелопонесъ, слѣдуя за войскомъ ѳивянъ. Теперь предстояло рѣшить, гдѣ будетъ построенъ новый городъ, такъ какъ нечего было и думать о томъ, чтобы возвратиться снова въ древніе города страны: всѣ эти города были осквернены завоеваніемъ. Чтобы избрать мѣсто для основанія города на этотъ разъ, не оказалось въ распоряженіи обычнаго средства—совѣта Дельфійскаго оракула, такъ какъ Пиѳія была на сторонѣ Спарты. По счастью, у боговъ были и другія средства открыть людямъ свою волю: одинъ изъ мессенскихъ жрецовъ имѣлъ вѣщій сонъ: ему явился во снѣ одинъ изъ боговъ его народа и сказалъ, что онъ хочетъ

поселиться на горѣ Итомѣ и звалъ туда же за собой народъ. Такимъ образомъ, мѣсто для новаго города было указано; оставалось узнать только, какіе обряды требовались для его основанія, но мессенцы ихъ забыли; принять же обряды ѳивянъ или какого-либо другого народа они не могли, а потому совершенно не знали, какъ имъ строить городъ. Но тутъ, весьма кстати, приснился сонъ другому мессенцу: боги повелѣли ему отправиться на гору Итому, найти тамъ тисъ рядомъ съ миртой и копать землю въ этомъ мѣстѣ. Онъ повиновался и откопалъ урну, а въ ней оказались оловянные листочки, на которыхъ былъ начертанъ полный ритуалъ священной церемоніи. Жрецы тотчасъ же сняли съ нихъ копію и записали въ свои книги. По этому поводу распространилось вѣрованіе, будто урна была зарыта на этомъ мѣстѣ однимъ изъ мессенскихъ царей ранѣе завоеванія страны.

Какъ только ритуалъ былъ добытъ, приступили къ самому основанію. Прежде всего жрецы принесли жертву, призывая древнихъ боговъ Мессеніи—Діоскуровъ, Юпитера Итомскаго, древнихъ героевъ, извѣстныхъ и почитаемыхъ предковъ. Всѣ эти покровители страны покинули ее, очевидно, въ тотъ день, по вѣрованіямъ древнихъ, когда врагъ сталъ господиномъ въ странѣ; теперь ихъ заклинали вернуться. Произносились священныя молитвы, сила которыхъ должна была заставить боговъ поселиться въ новомъ городѣ вмѣстѣ съ гражданами. Это было главное. Самымъ важнымъ и существеннымъ для этихъ людей являлось водворить боговъ вмѣстѣ съ собою, и можно думать, что это именно и было единственной цѣлью всей религіозной церемоніи. Совершенно такъ же, какъ сотоварищи Ромула выкопали яму, надѣясь сложить туда мановъ своихъ предковъ, точно такъ же и современники Эпаминонда призывали своихъ героевъ, божественныхъ предковъ и боговъ страны. Они вѣрили, что заклинаніями и ритуаломъ они привяжутъ ихъ къ землѣ, на которой должны были поселиться сами, и заключатъ ихъ во-внутрь намѣченной ими ограды. Поэтому они имъ говорили: „Пойдемте съ нами, о, божественныя существа! И будемъ жить вмѣстѣ въ этомъ городѣ“.

Первый день былъ употребленъ на жертвоприношенія и на молитвы. На другой день была намѣчена городская черта при пѣніи религіозныхъ гимновъ всѣмъ народомъ.

Сначала кажется удивительнымъ, когда узнаешь отъ древнихъ авторовъ, что не было города, даже самаго древняго, который не претендовалъ бы на то, что знаетъ своего основателя и день своего основанія; но происходитъ это потому, что воспоминанія о священныхъ обрядахъ, сопровождавшихъ это основаніе, не могли исчезнуть изъ народной памяти: всякій годъ справлялась годовщина, совершались жертвоприношенія. Аѳины такъ же, какъ и Римъ, праздновали день своего рожденія.

Случалось часто, что въ городѣ, уже построенномъ, селились поселенцы или завоеватели. Имъ незачѣмъ было строить собственные дома, потому что ничто не препятствовало имъ занимать дома побѣжденныхъ. Но они должны были исполнить священный обрядъ основанія, т.-е. воздвигнуть собственный очагъ и помѣстить въ новомъ жилищѣ своихъ народныхъ боговъ. Вотъ почему мы находимъ у Ѳукидида и Геродота, что дорійцы основали Спарту, а іонійцы Милетъ, хотя и тѣ и другіе нашли названные города не только уже построенными, но и очень древними.

Обычаи эти указываютъ очень ясно, чѣмъ былъ въ представленіи древнихъ городъ. Окруженный священной оградой, разстилаясь кругомъ алтаря, онъ былъ священнымъ жилищемъ, вмѣщающимъ боговъ и людей гражданской общины. Титъ Ливій говоритъ о Римѣ: „Въ этомъ городѣ нѣтъ мѣста, которое не было бы запечатлѣно религіей и занято какимъ-нибудь божествомъ... Боги обитаютъ въ немъ“. То, что Титъ Ливій говоритъ о Римѣ, могъ сказать каждый человѣкъ о своемъ собственномъ городѣ, потому что, если только городъ былъ основанъ согласно религіознымъ обрядамъ, то онъ принималъ въ свою ограду боговъ-покровителей, которые будто вростали въ его почву, чтобы никогда уже ея не покидать. Каждый городъ былъ святилищемъ; каждый городъ можно было назвать святымъ.

Такъ какъ боги были навѣки связаны съ городомъ, то и народъ не долженъ былъ никогда покидать того мѣста, гдѣ основались его боги. Въ этомъ отношеніи было взаимное обязательство, нѣчто вродѣ договора между богами и людьми. Плебейскіе трибуны сказали однажды, что Римъ, опустошенный галлами, есть не болѣе какъ груда развалинъ, тогда какъ въ пяти миляхъ оттуда существуетъ вполнѣ отстроенный прекрасный большой городъ, расположенный въ прекрасной мѣстности и лишенный жителей съ тѣхъ поръ, какъ римляне его завоевали; что надо поэтому покинуть разрушенный Римъ и переселиться въ Веіи, но благочестивый Камиллъ возразилъ имъ: „Нашъ городъ основанъ по обрядамъ религіи, сами боги назначили это мѣсто и поселились здѣсь съ нашими отцами. Какъ бы онъ ни былъ разрушенъ, онъ все еще обитель нашихъ народныхъ боговъ". И римляне остались въ Римѣ.

Совершенно естественно, что съ городомъ, который боги воздвигали и продолжали наполнять своимъ присутствіемъ, соединялось нѣчто священное и божественное. Извѣстно, что римскія легенды обѣщали Риму вѣчность, и у каждаго города были подобныя же легенды. Всѣ города строились для того, чтобы существовать вѣчно.

Глава V.

Культъ основателя; легенда объ Энеѣ.

Основателемъ города являлся человѣкъ, совершившій священные обряды, безъ которыхъ не могъ быть ни одинъ городъ. Основатель воздвигъ очагъ, на которомъ долженъ былъ вѣчно горѣть священный огонь; онъ своими молитвами и обрядами призвалъ боговъ и поселилъ ихъ навсегда въ новомъ городѣ.

Поэтому понятно, какое почитаніе воздавалось этой священной личности. При его жизни люди видѣли въ немъ создателя культа и отца города, послѣ смерти онъ становился общимъ предкомъ для всѣхъ послѣдующихъ поколѣній; онъ былъ для города тѣмъ же, чѣмъ первый предокъ, родоначальникъ, для семьи—родовой Ларъ. Память о немъ хранилась во вѣки, какъ огонь на очагѣ, который онъ зажегъ. Ему былъ посвященъ культъ, онъ считался богомъ, и народъ поклонялся ему, какъ своему провидѣнію. Каждый годъ на его могилѣ возобновлялись празднества и жертвоприношенія.

Всѣмъ извѣстно, что Ромулъ былъ сопричисленъ къ сонму боговъ, что у него былъ свой храмъ и свои жрецы. Сенаторы могли умертвить его, но не могли лишить культа, на который онъ имѣлъ право, какъ основатель.

И каждый городъ обожалъ точно такъ же того, кто его основалъ; Кекропсъ и Тезей, которыхъ считали, обоихъ послѣдовательно, основателями Аѳинъ, имѣли тамъ свои храмы; Абера приносила жертвы своему основателю Тимесію, Ѳера боготворила Ѳероса; Тенедосъ—Тенеда; Делосъ—Анія; Кирена—Батта; Милетъ—Нелея; Амфиполисъ—Гагнона. Во времена Пизистрата нѣкій Мильтіадъ основалъ колонію въ Херсонесѣ Ѳракійскомъ; эта колонія установила ему послѣ смерти культъ „по принятому обычаю". Гіеронъ Сиракузскій, основатель города Этны, пользовался тамъ впослѣдствіи „культомъ основателей".

Самымъ дорогимъ для города было всегда воспоминаніе объ его основателѣ. Когда Павзаній посѣтилъ Грецію во второмъ вѣкѣ до нашей эры, то каждый городъ могъ назвать ему имя своего основателя, сообщить его родословную и важнѣйшія событія его жизни. Ни имя это, ни эти событія не могли изгладиться изъ памяти народа, потому что они составляли часть религіи, и священныя церемоніи напоминали ихъ ежегодно.

Сохранилась память о множествѣ греческихъ поэмъ, содержаніемъ которыхъ являлось основаніе города. Филохоръ воспѣлъ основаніе Саламина, Іонъ—основаніе Хіоса, Кривонъ—основаніе Сиракузъ, Зопиръ—Милета; Аполлоній, Гермогенъ, Гелланикъ, Діоклъ писали разсказы или поэмы на тотъ же сюжетъ. Быть можетъ, не было ни одного города, не

имѣвшаго собственной поэмы или, по крайней мѣрѣ, гимна, воспѣвавшаго священный актъ его возникновенія.

Между всѣми этими древними поэмами, темой которыхъ являлось священное основаніе города, одна сохранилась, потому что если по содержанію она была дорога одному городу, то красоты ея сдѣлали ее драгоцѣнной для всѣхъ народовъ и вѣковъ. Извѣстно, что Эней основалъ Лавиніумъ, откуда вышли жители Альбы и римляне, и что вслѣдствіе этого онъ считался какъ бы самымъ первымъ основателемъ Рима. О немъ сложился цѣлый рядъ легендъ и преданій, которыя мы находимъ записанными уже въ стихахъ стараго Невія и въ разсказахъ Катона Старшаго. Виргилій взялъ этотъ сюжетъ и написалъ національную поэму римской гражданской общины.

Содержаніемъ *Энеиды* является прибытіе Энея или, вѣрнѣе, перенесеніе имъ боговъ Трои въ Италію. Поэтъ воспѣваетъ героя, переплывшаго моря, чтобы основать городъ и перенести своихъ боговъ въ Лаціумъ,

Dum conderet urbem
Inferretque Deos Latio.

Объ Энеѣ нельзя судить съ точки зрѣнія нашихъ современныхъ понятій. Высказываются иногда нареканія, что въ Энеѣ не видно смѣлости, отваги, страсти. Постоянно повторяемый эпитетъ „благочестивый"—утомляетъ. Изумляешься невольно, видя, какъ этотъ воинъ вопрошаетъ самымъ тщательнымъ и заботливымъ образомъ своихъ Пенатовъ, призываетъ по всякому случаю какое-нибудь божество, воздѣваетъ руки къ небу въ ту минуту, когда нужно сражаться, носится, ведомый оракуломъ, по всѣмъ морямъ и проливаетъ слезы при видѣ опасности; его упрекаютъ еще также въ холодности по отношенію къ Дидонѣ, обвиняютъ его сердце въ безчувствіи:

Nullis ille movetus
Fletibus, aut voces ullas tractabilis audit.

Но дѣло здѣсь идетъ не о войнѣ, не о героѣ романа. Поэтъ хочетъ показать намъ жреца. Эней глава культа, лицо священное, божественный основатель, призванный спасти Пенаты родного города:

Sum pius Aeneas raptos qui ex hoste Penates
Classe veho mecum.

Его главнымъ качествомъ должно быть благочестіе, и эпитетъ, который поэтъ чаще всего къ нему прилагаетъ, является для него наиболѣе подходящимъ. Добродѣтелью его должна быть холодная и возвышенная безличность, дѣлающая изъ него не человѣка, но орудіе боговъ. Зачѣмъ искать въ немъ страстей? Онъ не имѣетъ права имѣть ихъ или же онъ долженъ побѣдить ихъ въ самой глубинѣ своего сердца:

Multa gemens multoque animum lobefactus amore
Jussa tamen Divum insequitur.

Уже у Гомера Эней является существомъ священнымъ; онъ великій жрецъ, котораго народъ „благоговѣйно чтилъ наравнѣ съ богомъ" и котораго Юпитеръ предпочиталъ Гектору. У Виргилія онъ—стражъ и спаситель троянскихъ боговъ. Въ ту ночь, когда свершилась гибель города, Гекторъ является ему во снѣ: „Троя", говоритъ онъ ему, „ввѣряетъ тебѣ своихъ боговъ; ищи новаго города". И въ то же время онъ передаетъ ему священные предметы, статуетки боговъ-покровителей и огонь очага, который не долженъ угаснуть. Сонъ этотъ не есть украшеніе, придуманное фантазіей поэта. Напротивъ того, онъ есть основаніе всей поэмы, потому что, вслѣдствіе этого сна, Эней становится хранителемъ боговъ гражданской общины, и ему открывается его священная миссія.

Городъ Троя погибъ, но не погибла троянская гражданская община; благодаря Энею, очагъ не угасъ, и у боговъ остался ихъ культъ. Гражданская община и боги бѣжали вмѣ-

стѣ съ Энеемъ, они скитались по морямъ, ища убѣжища, гдѣ можно было бы пристать:

Considere Teucros
Errantesque Deos agitataque numina Trojae.

Эней ищетъ хотя бы самаго маленькаго, но опредѣленнаго жилища для отчихъ боговъ:

Dis sedem exiguam patriis.

Но выборъ этого жилища, съ которымъ будетъ навсегда связана судьба всей гражданской общины, не зависитъ отъ людей, онъ принадлежитъ богамъ. Эней совѣтуется съ прорицателями и вопрошаетъ оракулы. Онъ не намѣчаетъ самъ ни своей дороги, ни своей цѣли,—онъ отдается вполнѣ на волю боговъ:

Italiam non sponte sequor.

Онъ желалъ бы остановиться во Ѳракіи, на Критѣ, въ Сициліи, въ Карѳагенѣ у Дидоны: *fata obstant*. Между нимъ и его желаніемъ покоя, между нимъ и его любовью постоянно становится рѣшеніе боговъ, ниспосланное откровеніе, *fata*.

Не надо впадать въ заблужденіе: истиннымъ героемъ поэмы является не Эней: герои ея — троянскіе боги, тѣ самые боги, которые должны стать когда-нибудь богами Рима. Содержаніе *Энеиды*—борьба римскихъ боговъ съ богами враждебными имъ; всевозможнаго рода препятствія пытаются ихъ остановить:

Tanta molis erat romanam condere gentem!

Буря едва не поглотила ихъ, едва не поработила ихъ любовь женщины; но они торжествуютъ надо всѣмъ и достигаютъ намѣченной цѣли:

Fata viam inveniunt.

Вотъ что именно должно было возбуждать особый интересъ римлянъ. Въ этой поэмѣ они видѣли себя, своего основателя, свой родной городъ, свои учрежденія, свои вѣрованія, свое владычество, потому что безъ этихъ боговъ не существовала бы и римская гражданская община.

Глава VI.

Боги гражданской общины.

Не надо упускать изъ виду, что въ древнія времена связующимъ элементомъ всякаго общества былъ культъ. Подобно тому, какъ домашній алтарь собиралъ вокругъ себя членовъ одной семьи, точно такъ же и гражданская община была собраніемъ лицъ, имѣвшихъ общихъ боговъ-покровителей и исполнявшихъ религіозныя священнодѣйствія у одного общаго алтаря.

Этотъ алтарь гражданской общины находился въ особо устроенной оградѣ строенія, которое греки называли пританеемъ, а римляне—храмомъ Весты.

Въ городѣ не было ничего болѣе священнаго, чѣмъ этотъ алтарь, на которомъ поддерживался постоянно священный огонь. Правда, что въ Греціи это исключительное благоговѣніе ослабѣло очень рано: воображеніе грековъ было увлечено въ сторону болѣе прекрасныхъ храмовъ, болѣе роскошныхъ легендъ и величественныхъ статуй. Но въ Римѣ оно никогда не ослабѣвало. Римляне не переставали вѣрить, что судьба города была связана съ очагомъ, изображающимъ ихъ боговъ. Почтеніе, какимъ римляне окружали весталокъ, доказывало важность ихъ священнослуженія. Если консулъ встрѣчалъ на пути своемъ весталку, онъ приказывалъ преклонить передъ ней свои связки. Но зато, если которая-нибудь весталка допускала угаснуть священный огонь или оскверняла культъ нарушенія обѣта цѣломудрія, то городъ считалъ, что за такой

грѣхъ ему угрожаетъ потеря боговъ, мстилъ весталкѣ, зарывая ее живою въ землю.

Однажды храмъ Весты едва не погибъ отъ пожара окружавшихъ его домовъ; весь Римъ былъ въ тревогѣ, чувствуя, что всей его будущности угрожаетъ опасность. Когда же опасность миновала, то сенатъ приказалъ консулу розыскать виновниковъ пожара, и консулъ немедленно выставилъ обвиненіе противъ нѣсколькихъ жителей Капуи, находившихся тогда въ Римѣ. Не то, чтобы у него были улики противъ нихъ, но онъ разсуждалъ такъ: „Пожаръ угрожалъ нашему очагу; этотъ пожаръ, который долженъ былъ разрушить наше величіе и помѣшать исполниться нашему назначенію, могъ быть зажженъ только рукою нашихъ жесточайшихъ враговъ. А у насъ нѣтъ враговъ болѣе ожесточенныхъ, чѣмъ жители Капуи. Этотъ городъ, союзникъ Аннибала въ настоящее время, онъ стремится занять наше мѣсто и стать столицею Италіи. Поэтому именно эти люди хотѣли нарушить нашъ храмъ Весты, нашъ вѣчный очагъ, залогъ и гарантію нашего будущаго величія“. Такимъ образомъ, консулъ подъ вліяніемъ своихъ религіозныхъ идей полагалъ, что враги Рима не могутъ найти болѣе вѣрнаго средства покорить его, какъ только разрушить его очагъ. Здѣсь мы видимъ вѣрованія древнихъ: общественный очагъ былъ святилищемъ всей гражданской общины; онъ создалъ ее и онъ же ее сохранялъ.

Подобно тому, какъ культъ домашняго очага былъ тайнымъ, и одна только семья имѣла право принимать въ немъ участіе, точно такъ же и культъ общественнаго очага былъ скрытъ отъ постороннихъ. Никто, кромѣ гражданъ, не имѣлъ права присутствовать при жертвоприношеніяхъ. Одинъ взглядъ посторонняго человѣка осквернялъ религіозное священнодѣйствіе.

У каждой гражданской общины были свои боги, принадлежащіе только ей одной; боги эти были такими же по природѣ, какъ и божества первобытной семейной религіи; такъ же, какъ и тѣ, назывались они Ларами, Пенатами, Геніями, Демонами, героями; подъ всѣми этими именами скрывались

души людей, возведенныхъ по смерти на степень боговъ. Мы видѣли, что у индо-европейской расы человѣкъ прежде всего сталъ воздавать культъ той невидимой и безсмертной силѣ, которую онъ чувствовалъ въ себѣ самомъ. Эти геніи или герои были по большей части предками народа. Тѣла умершихъ погребались или въ самомъ городѣ, или на принадлежащей ему землѣ, а такъ какъ, согласно указаннымъ нами выше вѣрованіямъ, душа не покидала тѣла, то вслѣдствіе этого и божественные мертвецы были привязаны къ той землѣ, въ нѣдрахъ которой покоились ихъ останки. Изъ глубины своихъ могилъ блюли они общину, они оберегали страну и были, въ нѣкоторомъ родѣ, ея вождями и владыками. Это выраженіе—вожди страны—примѣненное къ мертвымъ, встрѣчается въ одномъ предсказаніи, съ которымъ Пиѳія обращается къ Солону: „Чти культомъ вождей страны, тѣхъ, которые обитаютъ подъ землей“. Подобныя понятія проистекали изъ вѣры въ громадное могущество, приписываемое древними душѣ человѣка по смерти. Каждый человѣкъ, оказавшій гражданской общинѣ большую услугу, начиная съ ея основателя и до того, кто даровалъ ей побѣду или улучшилъ ея законы, становился богомъ этой общины.

Не являлось даже надобности быть великимъ человѣкомъ или благодѣтелемъ общества; достаточно было поразить чѣмъ-нибудь воображеніе своихъ современниковъ, стать предметомъ преданія, чтобы сдѣлаться героемъ, т.-е. могущественнымъ мертвецомъ, чье покровительство было желательно, чей гнѣвъ страшенъ. Ѳиванцы въ продолженіе шести столѣтій приносили жертвы Этеоклу и Полинику. Жители Аканѳа воздавали почитаніе нѣкоему персу, умершему у нихъ во время нашествія Ксеркса. Ипполитъ почитался богомъ въ Трезенахъ. Пирръ, сынъ Ахилла, былъ богомъ въ Дельфахъ единственно потому, что онъ тамъ умеръ и былъ похороненъ. Кротонъ воздавалъ почести одному герою на томъ единственномъ основаніи, что онъ былъ наиболѣе красивый человѣкъ во всемъ городѣ. Аѳины поклонялись, какъ богу-покровителю, Эврисѳею, несмотря на то, что онъ былъ аргивянинъ; Эврипидъ объясняетъ намъ происхож-

деніе этого культа, выводя на сцену Эврисѳея передъ его кончиной: Эврисѳей говоритъ аѳинянамъ: „Погребите меня въ Аттикѣ, я буду къ вамъ благосклоненъ и изъ нѣдръ земли я буду покровителемъ вашей страны“. Вся трагедія „Эдипъ въ Колоннѣ“ основана на этихъ вѣрованіяхъ: Креонъ и Тезей, т.-е. Ѳивы и Аѳины, оспариваютъ другъ у друга тѣло человѣка, который долженъ умереть и стать богомъ; Эдипъ, согласно легендѣ, высказывается въ пользу Аѳинъ и самъ указываетъ то мѣсто, гдѣ желаетъ быть погребеннымъ; „Умершій, я не буду безполезнымъ жителемъ этой страны“,—говоритъ онъ,—„я буду защищать васъ противъ вашихъ враговъ; я буду для васъ оплотомъ болѣе сильнымъ, чѣмъ милліоны воиновъ; тѣло мое, покоящееся подъ землей, будетъ упиваться кровью ѳиванскихъ воиновъ“.

Мертвые, кто бы они ни были, являлись покровителями страны, подъ условіемъ, чтобы имъ воздавали почести. „Жители Мегары спрашивали однажды Дельфійскій оракулъ, что можетъ дать счастіе ихъ городу; богъ отвѣчалъ, чтобы они совѣщались всегда съ возможно большимъ числомъ людей, и городъ будетъ наслаждаться благополучіемъ; мегаряне поняли, что этими словами богъ указывалъ на мертвыхъ, которые, дѣйствительно, многочисленнѣе живыхъ; и вслѣдствіе этого они построили зданіе для совѣщаній на самомъ мѣстѣ погребенія своихъ героевъ“. Для гражданской общины было большимъ счастьемъ обладать сколько-нибудь значительными покойниками. Мантинея говоритъ съ гордостью объ останкахъ Аркада; Ѳивы—о прахѣ Геріона; Мессены—Аристомена. Чтобы добыть драгоцѣнные останки, иногда прибѣгали къ хитрости. Геродотъ разсказываетъ, съ помощью какого обмана спартанцы похитили останки Ореста. И дѣйствительно, кости эти, съ которыми была связана душа героя, даровали немедленно спартанцамъ побѣду. Какъ только Аѳины достигли могущества, первое, на что они его употребили, было то, чтобы овладѣть прахомъ Тезея, погребеннаго на островѣ Скиросѣ; затѣмъ они воздвигли ему въ городѣ храмъ, чтобы увеличить число своихъ боговъ-покровителей.

Кромѣ этихъ героевъ и геніевъ, у людей были еще боги

другого рода, какъ-то: Юпитеръ, Юнона, Минерва, къ которымъ влекло ихъ мысли созерцаніе природы... Но мы видимъ, что эти созданія человѣческаго ума носили долго характеръ домашнихъ или мѣстныхъ боговъ; и представленіе о нихъ не было вначалѣ представленіемъ о богахъ-охранителяхъ всего человѣческаго рода.

Такимъ образомъ, было въ обычаѣ, что каждая гражданская община, не считая своихъ героевъ, имѣла еще Юпитера, Минерву, или какое-нибудь другое божество, которое она пріобщала къ своимъ первымъ пенатамъ и къ своему очагу. Въ Греціи и въ Италіи было цѣлое множество божествъ поліадъ (городскихъ). У каждаго города были боги, обитавшіе въ немъ.

Имена многихъ изъ этихъ божествъ забыты; случайно сохранилось воспоминаніе о богѣ Сатрапесѣ, принадлежавшемъ городу Элидѣ, и о богинѣ Дендимендѣ въ Ѳивахъ, о Сотейрѣ въ Эгіонѣ, о Вритомартидѣ на Critѣ, о Гивлеѣ въ Гивлѣ. Имена Зевса, Аѳины, Геры, Юпитера, Минервы, Нептуна намъ болѣе извѣстны, и мы знаемъ, что они чаще прилагались къ божествамъ поліадамъ. Но изъ того, что два города давали своимъ богамъ одно и то же имя, не будемъ еще дѣлать вывода, что они и поклонялись одному богу; въ Аѳинахъ была Аѳина, и другая Аѳина была въ Спартѣ; это были двѣ богини. У многихъ городовъ Юпитеръ былъ божествомъ города, и было столько же Юпитеровъ, сколько было городовъ. Въ сказаніи о троянской войнѣ мы видимъ Палладу, которая сражается на сторонѣ грековъ, и въ то же время у троянцевъ есть другая Паллада, имѣющая культъ и покровительствующая своимъ почитателямъ. Можно ли сказать, что это одно и то же божество, являющееся въ обоихъ войскахъ? Понятно нѣтъ, потому что древніе не придавали своимъ богамъ свойства вездѣсущности. У городовъ Аргоса и Самоса была у каждаго Гера поліада, но эта была не одна и та же богиня, потому что въ обоихъ городахъ она являлась съ различными атрибутами. Въ Римѣ была Юнона, и въ городѣ Веіяхъ, въ пяти миляхъ оттуда, была другая Юнона; онѣ настолько мало тожественны, что мы

видимъ, какъ диктаторъ Камиллъ, осаждающій Веіи, обращается къ богинѣ враговъ своихъ, заклиная ее покинуть городъ этрусковъ и перейти въ его лагерь. Овладѣвъ городомъ, онъ беретъ статую богини, вполнѣ убѣжденный, что вмѣстѣ съ тѣмъ онъ беретъ и самую богиню, и набожно переноситъ ее въ Римъ. Съ тѣхъ поръ у Рима стало двѣ Юноны покровительницы. То же самое повторилось, спустя нѣсколько лѣтъ, съ Юпитеромъ, котораго другой диктаторъ принесъ изъ Пренеста, въ то время, когда у Рима у самого ихъ было уже три или четыре.

Городъ, имѣвшій собственное божество, не желалъ, чтобы это божество покровительствовало постороннимъ, и не позволялъ поэтому имъ поклоняться ему. Большую часть времени входъ въ храмъ былъ доступенъ только для гражданъ. Одни аргивяне только имѣли право входить въ храмъ Геры Аргосской; чтобы проникнуть въ храмъ Аѳины Аѳинской, нужно было быть аѳиняниномъ.

Римляне, поклонявшіеся у себя двумъ Юнонамъ, не могли входить въ храмъ третьей Юноны, находившійся въ маленькомъ городкѣ Лавиніумѣ.

Нужно признать, что древніе, за исключеніемъ нѣкоторыхъ рѣдкихъ и избранныхъ умовъ, никогда не представляли себѣ Бога, какъ существо единственное, правящее вселенной. Каждый изъ ихъ многочисленныхъ боговъ имѣлъ свой опредѣленный кругъ дѣятельности,—у одного была въ вѣдѣніи семья, у другого триба, у третьяго гражданская община. Вотъ тотъ міръ, которымъ удовлетворялась дѣятельность каждаго изъ нихъ. Что же касается до Бога всего человѣчества, то его могли предугадывать нѣкоторые философы, и Элевсинскія таинства давали возможность провидѣть это наиболѣе развитымъ изъ числа посвящаемыхъ. Въ продолженіе долгаго времени человѣкъ понималъ божество только какъ силу, которая сохраняетъ его лично, и каждый человѣкъ или каждая группа людей желала имѣть своихъ боговъ. Еще и понынѣ среди потомковъ этихъ грековъ мы видимъ неразвитыхъ крестьянъ, которые горячо молятся святымъ, но сомнительно, чтобы они имѣли понятіе о Богѣ. Каждый изъ нихъ желаетъ имѣть среди этихъ святыхъ своего особаго покровителя, своего спеціальнаго заступника. Въ Неаполѣ каждый кварталъ имѣетъ свою мадонну; лацароне преклоняетъ съ молитвой колѣна передъ своей мадонной и оскорбляетъ мадонну сосѣдней улицы; можно нерѣдко видѣть, какъ два факини (носильщика) ссорятся между собой и даже дерутся на ножахъ изъ-за достоинствъ своихъ мадоннъ. Въ настоящее время это является исключеніемъ и встрѣчается только среди нѣкоторыхъ народовъ и среди нѣкоторыхъ классовъ общества, у древнихъ же это было общимъ правиломъ.

У каждой гражданской общины было свое сословіе жрецовъ, независимыхъ ни отъ какой посторонней власти. Между жрецами двухъ общинъ не было никакой связи, никакихъ сношеній, никакого общенія ученій или обрядовъ. Если человѣкъ переходилъ изъ одного города въ другой, то онъ находилъ тамъ другихъ боговъ, другіе догматы, другіе обряды. У древнихъ были книги обрядовъ, но книги одного города не были похожи на книги другого. Каждая гражданская община имѣла свои сборники молитвъ и обрядовъ, хранимые въ глубокой тайнѣ. Открыть ихъ постороннему значило нанести ущербъ религіи и подвергнуть опасности свою судьбу. Поэтому религія была вполнѣ мѣстная, чисто гражданская, принимая это слово въ томъ смыслѣ, какъ оно употреблялось у древнихъ, т.-е. особая для каждой гражданской общины.

Человѣкъ зналъ вообще только боговъ своего города, только ихъ почиталъ и имъ поклонялся. Каждый могъ сказать то, что говоритъ въ трагедіи Эсхила одинъ чужестранецъ аргивянамъ: „я не боюсь боговъ вашей страны и я имъ ничѣмъ не обязанъ.“

Каждый народъ ожидалъ себѣ благополучія отъ своихъ боговъ. Ихъ призывали въ опасности и имъ говорили: „Боги этого города, не допустите, чтобы онъ былъ разрушенъ вмѣстѣ съ нашими домами и нашими очагами... О, ты, живущій такъ долго на нашей землѣ, неужели ты ей измѣнишь? О, вы всѣ, стражи нашихъ стѣнъ, не предайте ихъ въ руки врага“. И для того, чтобы обезпечить себѣ ихъ покровительство, люди

устанавливали своимъ богамъ культъ. Боги алчны и требуютъ приношенiй,—имъ давали ихъ въ изобилiи, но съ условiемъ, чтобы они заботились о благополучiи города. Не будемъ забывать, что идея чисто нравственнаго культа, поклоненiя въ духѣ, появилась не очень давно среди человѣчества. Въ древности культъ состоялъ въ томъ, чтобы питать бога, давать ему все, мясо, хлѣбъ, вино, благовонiя, одежды и драгоцѣнности, танцы и музыку. Но взамѣнъ отъ него требовались благодѣянiя и услуги. Такъ въ *Илiадѣ* Хризъ говоритъ своему богу: „Уже давно сжигаю я передъ тобою чудныхъ быковъ, внемли же нынѣ моимъ мольбамъ и пошли стрѣлы на моихъ враговъ".

Въ другомъ мѣстѣ троянки призываютъ свою богиню; они приносятъ ей прекрасныя одежды и обѣщаютъ принести въ жертву двѣнадцать тельцовъ, „если она спасетъ Илiонъ". Тутъ всегда есть договоръ между богами и людьми: благочестiе однихъ не безкорыстно, и другiе не даютъ ничего даромъ. У Эсхила ѳивяне обращаются къ своимъ божествамъ полiадамъ и говорятъ имъ: „Будьте нашей защитой; наши выгоды совпадаютъ: если городъ будетъ процвѣтать, то онъ будетъ чтить своихъ боговъ. Покажите, что вы любите вашъ городъ; подумайте о культѣ, который воздается вамъ народомъ, и вспомните великолѣпныя жертвы, принесенныя вамъ".

Эта мысль встрѣчается сотни разъ у древнихъ; Ѳеогнидъ говоритъ, что Аполлонъ спасъ Мегару отъ нападенiя персовъ „затѣмъ, чтобы его городъ приносилъ ему ежегодно пышныя гекатомбы".

Вслѣдствiе этого городъ и не позволялъ постороннимъ приносить жертвы своимъ городскимъ божествамъ, ни даже входить въ ихъ храмы. Чтобы божества заботились только о своемъ городѣ, надо было, чтобы только этотъ городъ хранилъ ихъ культъ. Поэтому, такъ какъ ихъ почитали только въ данномъ городѣ, то, если боги желали продолженiя жертвоприношенiй и гетакомбъ, которыя были такъ милы ихъ сердцу, они должны были защищать городъ, чтобы онъ существовалъ вѣчно, должны были сдѣлать его богатымъ и могущественнымъ.

Обыкновенно боги и въ самомъ дѣлѣ много трудились на пользу города; посмотрите, какъ Юнона у Виргилiя „трудится и старается", чтобы ея Карѳагенъ сталъ современемъ владыкой мiра. И каждый изъ боговъ, подобно Юнонѣ Виргилiя, принималъ къ сердцу интересы своей гражданской общины. У боговъ были тѣ же интересы, что и у людей, ихъ согражданъ. Во время войны они шли въ битву вмѣстѣ съ ними. У Эврипида мы видимъ человѣка, который говоритъ въ виду приближающейся битвы: „Боги, сражающiеся на нашей сторонѣ, не менѣе сильны, чѣмъ тѣ, которые стоятъ на сторонѣ нашихъ враговъ".

Никогда эгинцы не выступали въ походъ, не взявъ съ собою статуй своихъ народныхъ героевъ Эакидовъ. Спартанцы брали съ собою во всѣхъ своихъ военныхъ предпрiятiяхъ Тандаридовъ. Въ сраженiяхъ боги и граждане поддерживали взаимно другъ друга, и если была одержана побѣда, то значитъ всѣ исполнили свой долгъ; если же, наоборотъ, войско терпѣло пораженiе, то за неудачу обрушивались на боговъ: ихъ упрекали въ томъ, что они плохо исполнили свой долгъ защитниковъ города; иногда доходило до того, что бросали камнями въ ихъ храмы и опрокидывали ихъ алтари.

Если городъ былъ побѣжденъ, то вѣрили, что и боги побѣждены вмѣстѣ съ нимъ. Если городъ бывалъ взятъ, то и сами боги его были плѣнены.

Въ послѣднемъ пунктѣ, правда, мнѣнiя были неопредѣленны и разнообразны. Многiе были убѣждены, что городъ не могъ быть взятъ, пока въ немъ обитали боги; если городъ падалъ,—это значило, что боги, раньше того, его покинули. Когда Эней видитъ грековъ властителями Трои, онъ восклицаетъ, что боги города ушли, оставивъ пустынными свои храмы и свои алтари.

У Эсхила хоръ ѳиванокъ высказываетъ ту же мысль, когда, при видѣ приближающагося непрiятеля, заклинаетъ боговъ не покидать города.

Въ силу этого мнѣнія раньше, чѣмъ взять городъ, нужно было заставить боговъ уйти изъ него. Римляне употребляли для этого извѣстныя заклинанія, существующія въ ихъ ритуалѣ и сохранившіяся для насъ у Макробія: „Ты, о, величайшій, ты, подъ чьимъ покровительствомъ находится этотъ городъ и этотъ народъ, покинь его храмы и священныя мѣста и, удалившись отъ нихъ, приди въ Римъ ко мнѣ и къ моимъ согражданамъ. Пусть нашъ городъ, наши храмы, наши священныя мѣста станутъ тебѣ пріятнѣе и дороже; прими насъ подъ свое покровительство. Если ты это сдѣлаешь, я воздвигну храмъ въ честь тебя“. И древніе были убѣждены въ существованіи столь дѣйствительныхъ и могущественныхъ заклинаній, что если ихъ произнести совершенно точно, не измѣняя ни одного слова, то богъ не сможетъ болѣе устоять противъ просьбы человѣка. Призываемый такимъ образомъ богъ переходилъ на сторону врага, и городъ бывалъ взятъ.

Въ Греціи мы находимъ тѣ же понятія и сходные обычаи. Еще во времена Ѳукидида, когда осаждали городъ, то обращались къ богамъ съ просьбой, чтобы они дозволили его взять. Часто вмѣсто того, чтобы употреблять заклинанія, долженствующія привлечь бога, греки предпочитали ловко похитить его статую. Всѣмъ извѣстна легенда объ Улиссѣ, похищающемъ Палладу у троянцевъ. Въ другую эпоху эгинцы, желая начать войну съ Эпидавромъ, начали съ того, что похитили двѣ статуи боговъ-покровителей города и перенесли ихъ къ себѣ.

Геродотъ разсказываетъ, что аѳиняне задумали войну съ эгинцами, но предпріятіе было рискованно, потому что у Эгины былъ очень могущественный и исключительно вѣрный ей герой покровитель Эакъ. По зрѣломъ размышленіи аѳиняне отложили на тридцать лѣтъ исполненіе этого проекта и въ то же время воздвигли у себя храмъ въ честь того же Эака и установили ему культъ. Они были убѣждены, что если культъ будетъ продолжаться безъ перерыва въ продолженіе тридцати лѣтъ, то богъ не будетъ принадлежать болѣе эгинцамъ, но перейдетъ къ аѳинянамъ. Имъ казалось, что не можетъ богъ,

въ самомъ дѣлѣ, принимать въ теченіе столькаго времени тучныя жертвоприношенія и не чувствовать себя обязаннымъ передъ тѣми, кто ихъ ему приносилъ. Поэтому Эакъ принужденъ будетъ покинуть въ концѣ концовъ эгинцевъ и даровать побѣду аѳинянамъ.

У Плутарха есть слѣдующій разсказъ. Солонъ хотѣлъ, чтобы Аѳины овладѣли небольшимъ островомъ Саламиномъ, который принадлежалъ тогда мегарянамъ. Онъ вопросилъ оракулъ; оракулъ отвѣтилъ: „если ты хочешь завоевать островъ, то долженъ пріобрѣсть благоволеніе героевъ-покровителей, которые на немъ обитаютъ“. Солонъ повиновался; отъ имени Аѳинъ онъ принесъ жертвы двумъ главнымъ Саламинскимъ героямъ. Герои не устояли передъ дарами; они перешли на сторону аѳинянъ, и островъ, лишенный своихъ покровителей, былъ завоеванъ.

Если во время войны осаждающіе стремились овладѣть богами города, то осажденные, съ своей стороны, старались ихъ всѣми силами удержать. Иногда бога прикрѣпляли цѣпями, чтобы помѣшать ему уйти. Иногда его прятали отъ взоровъ всѣхъ, чтобы врагъ не могъ его найти. Или же заклинанію, силою котораго непріятель пытался сманить къ себѣ бога, противупоставлялось другое заклинаніе, которое имѣло власть его удержать. Римляне изобрѣли средство, которое казалось имъ самымъ вѣрнымъ: они держали въ тайнѣ имя главнаго и наиболѣе могущественнаго изъ своихъ боговъ-покровителей; они думали, что такъ какъ враги никогда не смогутъ назвать этого бога по имени, то онъ никогда и не перейдетъ на ихъ сторону, а потому и Римъ никогда не будетъ взятъ.

Изъ всего сказаннаго видно, какое странное понятіе было у древнихъ о богахъ. Долго не являлось у нихъ представленія о божествѣ, какъ о высочайшей власти. У каждой семьи была своя домашняя религія, у каждой гражданской общины своя національная религія. Городъ былъ какъ бы маленькая замкнутая церковь, имѣвшая своихъ боговъ, свои догматы, свой культъ. Вѣрованія эти кажутся намъ грубыми, но они были вѣрованія народа наиболѣе развитаго и духовно ода-

реннаго въ тѣ времена, и они оказали такое могущественное вліяніе на грековъ и римлянъ, что большая часть ихъ законовъ, учрежденій и исторіи вышла оттуда.

Глава VII.

Религія гражданской общины.

1. *Общественные столы.*

Выше мы видѣли, что главнымъ обрядомъ домашняго культа была трапеза, которая называлась жертвоприношеніемъ. Вкушать пищу, приготовленную на алтарѣ, вотъ, по всей видимости, та первая форма, которую придалъ человѣкъ религіозному акту. Потребность установить общеніе между собою и божествомъ удовлетворялась этой трапезой, на которую призывалось это божество и гдѣ оно получало свою долю.

Главной церемоніей культа гражданской общины была тоже подобнаго рода трапеза; ее должны были совершать вмѣстѣ всѣ граждане въ честь своихъ боговъ-покровителей. Обычай общественныхъ столовъ былъ всеобщій въ Греціи; вѣрили, что благосостояніе города, гражданской общины зависитъ отъ его исполненія.

Одиссея даетъ намъ описаніе одной изъ такихъ священныхъ трапезъ: девять длинныхъ столовъ поставлены для народа Пилоса; за каждымъ изъ нихъ сидитъ пятьсотъ гражданъ, и каждая группа приноситъ по девяти быковъ въ жертву богамъ. Трапеза эта называлась трапезою боговъ; она начиналась и оканчивалась возліяніями и молитвами. Древній обычай общественныхъ столовъ упоминается также въ самыхъ старинныхъ аѳинскихъ преданіяхъ; разсказываютъ, что Орестъ, убійца своей матери, прибылъ въ Аѳины въ тотъ моментъ, когда вся гражданская община, собравшись вокругъ своего царя, готовилась приступить къ священнодѣйствію. Общіе столы встрѣчаются еще и во времена Ксенофонта; въ извѣ-

стные дни года городъ приносилъ многочисленныя жертвы, и народъ дѣлилъ между собою ихъ мясо. Тѣ же самые обычаи существовали повсюду.

Кромѣ этихъ огромныхъ пиршествъ, на которыя собирались всѣ граждане и которыя могли имѣть мѣсто только во время торжественныхъ праздниковъ, религія предписывала ежедневное совершеніе священной трапезы. Для этой цѣли гражданская община избирала нѣсколько человѣкъ, которые и должны были отъ ея имени вкушать сообща пищу въ оградѣ пританея, передъ лицомъ очага и боговъ покровителей. Греки были убѣждены, что если бы подобная трапеза была пропущена одинъ только день, то всему государству угрожала бы опасность потерять благоволеніе боговъ.

У аѳинянъ по жребію выбирались лица, которыя должны были участвовать въ общественныхъ обѣдахъ, и законъ строго наказывалъ тѣхъ, кто отказывался исполнять этотъ долгъ. Граждане, садившіеся за священный столъ, принимали тотчасъ же характеръ жрецовъ; ихъ называли ***паразитами*** (сотрапезниками); слово это, ставшее впослѣдствіи презрительной кличкой, было вначалѣ священнымъ наименованіемъ.

Во времена Демосѳена паразиты уже исчезли, но пританы обязаны были вкушать вмѣстѣ въ пританеѣ. Во всѣхъ городахъ существовало помѣщеніе, предназначенное для общихъ обѣдовъ.

По тѣмъ обычаямъ, которые соблюдались во время этихъ обѣдовъ, въ нихъ ясно видна религіозная церемонія. У каждаго участника на головѣ былъ вѣнокъ; таковъ былъ дѣйствительно древній обычай надѣвать каждый разъ при совершеніи торжественныхъ религіозныхъ актовъ вѣнокъ изъ листьевъ или цвѣтовъ: „Чѣмъ болѣе украшенъ человѣкъ цвѣтами", говорилось, „тѣмъ болѣе онъ увѣренъ, что понравится богамъ; но если ты приносишь жертву безъ вѣнка на головѣ, то боги отъ тебя отвернутся".—„Вѣнокъ", говорилось еще, „вѣстникъ счастливаго предсказанія, которое молитва посылаетъ передъ собою къ богамъ". На томъ же основаніи всѣ сотрапезники были въ бѣлыхъ одеждахъ: бѣлый цвѣтъ былъ

священнымъ у древнихъ; онъ былъ тѣмъ цвѣтомъ, который нравился богамъ.

Обѣдъ начинался неизмѣнно молитвою и возліяніями; пѣлись гимны. Родъ кушаній и сортъ вина, которыя должны были подаваться, опредѣлялся ритуаломъ каждой гражданской общины. Уклониться въ чемъ бы то ни было отъ обычаевъ предковъ, подать новое кушанье или измѣнить ритмъ священныхъ гимновъ было большимъ нечестіемъ, за которое отвѣтствовала вся гражданская община передъ своими богами. Религія опредѣляла даже, какіе сосуды должны были употребляться какъ для приготовленія пищи, такъ и за столомъ. Въ одномъ городѣ хлѣбъ нужно было класть въ мѣдныя корзины, въ другомъ слѣдовало употреблять только глиняные сосуды. Даже самая форма хлѣбовъ была неизмѣнно опредѣлена. Эти древнія религіозныя правила не переставали строго соблюдаться, и священныя трапезы навсегда сохранили свою первобытную простоту. Вѣрованія, нравы, соціальный строй—все измѣнилось; трапезы же остались неизмѣнны, потому что греки были всегда строгими исполнителями своей національной религіи.

Не лишнее будетъ добавить, что сотрапезники, удовлетворивъ религіознымъ требованіямъ вкушеніемъ установленной пищи, могли непосредственно вслѣдъ за этимъ приступить къ другому обѣду, болѣе роскошному и болѣе отвѣчающему ихъ вкусамъ. Это было довольно обычно въ Спартѣ.

Обычай общественныхъ столовъ былъ настолько же распространенъ въ Италіи, какъ и въ Греціи. Аристотель говорилъ, что въ древности онъ существовалъ у народовъ, называвшихся энотрами, осками и авзонами. Вергилій упоминаетъ его дважды въ своей Энеидѣ; престарѣлый Латинъ принималъ пословъ Энея не въ своемъ жилищѣ, но въ храмѣ, освященномъ религіей предковъ; тамъ происходятъ священныя пиршества послѣ закланія жертвы; тамъ всѣ родоначальники возсѣдаютъ вмѣстѣ за длинными столами. Далѣе, когда Эней является къ Эвандру, то онъ застаетъ его празднующимъ жертвоприношеніе. Царь находится среди своего народа; всѣ украшены вѣнками изъ цвѣтовъ, всѣ сидятъ за однимъ столомъ и поютъ хвалебный гимнъ божеству своей общины.

Этотъ обычай былъ увѣковѣченъ въ Римѣ. Тамъ существовало всегда зданіе, гдѣ представители курій совершали общую трапезу. Сенатъ въ извѣстные дни совершалъ общую трапезу въ Капитоліи. Въ великіе праздники столы устанавливались на улицѣ, и весь народъ садился за нихъ. Въ началѣ верховные жрецы распоряжались этими праздниками, но впослѣдствіи эта обязанность была передана спеціальнымъ жрецамъ, называвшимся *epulones*.

Эти древніе обычаи даютъ намъ понятіе о той тѣсной связи, которая существовала между членами одной гражданской общины. Сообщество людей было религіей; символомъ этой религіи была общественная трапеза. Нужно только представить себѣ одно изъ маленькихъ первобытныхъ обществъ, собравшееся цѣликомъ, по крайней мѣрѣ въ лицѣ главныхъ представителей семействъ, за однимъ столомъ, всѣ въ бѣлыхъ одеждахъ, съ вѣнками на головѣ; всѣ совершаютъ вмѣстѣ возліянія, читаютъ тѣ же молитвы, поютъ тѣ же гимны, ѣдятъ ту же пищу, приготовленную на одномъ и томъ же алтарѣ; среди нихъ присутствуютъ предки, боги-покровители раздѣляютъ ихъ трапезу. Отсюда вытекаетъ глубокое внутреннее единеніе членовъ гражданской общины. Наступитъ ли война, люди вспомнятъ, по выраженію одного древняго, что „нельзя покидать своего товарища—сосѣда, съ которымъ приносилъ однѣ и тѣ же жертвы, совершалъ тѣ же возліянія, съ кѣмъ раздѣлялъ священную трапезу“. Этихъ людей связывало дѣйствительно нѣчто, что сильнѣе выгоды, договора, привычки; ихъ связывало священное общеніе, которое совершалось благочестиво передъ лицомъ боговъ всей общины.

2. Праздники и календарь.

Во всѣ времена и во всѣхъ обществахъ человѣкъ стремился чествовать боговъ праздниками; онъ установилъ извѣстные дни, въ которые религіозное чувство должно исключи-

тельно царить въ его душѣ, не развлекаемой земными мыслями и трудами. Изъ числа дней, которые были ему суждены, онъ удѣлялъ часть богамъ.

Каждый городъ былъ основанъ съ соблюденіемъ священныхъ обрядовъ, которые имѣли, по мнѣнію древнихъ, силу поселить внутри его черты народныхъ боговъ. Сила этихъ обрядовъ должна была возобновляться ежегодно новыми религіозными церемоніями; такое торжество называлось днемъ рожденія, и всѣ граждане должны были его праздновать.

Все, что было священнымъ, давало мѣсто праздникамъ. Существовалъ праздникъ городской ограды, *amborbalia*, праздникъ областныхъ границъ, *amborvalia*. Въ этотъ день граждане торжественнымъ шествіемъ, въ бѣлыхъ одеждахъ съ вѣнками на головахъ обходили кругомъ города или кругомъ области съ пѣніемъ молитвъ; во главѣ шли жрецы, ведущіе жертвенныхъ животныхъ, которыхъ приносили въ концѣ церемоніи въ жертву.

Далѣе наступалъ праздникъ въ честь основателя. Затѣмъ каждый изъ героевъ гражданской общины, каждая душа, которую люди призывали, какъ бога покровителя, требовала своего культа. Подобный культъ былъ у Ромула, у Сервія Туллія и у многихъ другихъ, вплоть до кормилицы Ромула и матери Эвандра. У аѳинянъ были точно также праздники Кекропса, Эврисѳея и Тезея, кромѣ того они праздновали каждаго героя страны—воспитателя Тезея и Эврисѳея и Андрогея и множество другихъ.

Въ Греціи, какъ и въ Италіи, всякій актъ жизни земледѣльца сопровождался жертвоприношеніями, а работы совершались съ пѣніемъ священныхъ гимновъ. Въ Римѣ жрецы назначали ежегодно день, когда долженъ былъ начаться сборъ винограда, и день, когда разрѣшалось начинать новое вино. Все было установлено религіей; религія даже приказывала подрѣзать виноградникъ, потому что, говорила она людямъ, нечестиво совершать богамъ возліянія вина изъ неподрѣзаннаго виноградника.

У каждой гражданской общины были праздники въ честь

каждаго божества, которое она принимала какъ своего бога-покровителя; боговъ же такихъ бывало часто очень много. По мѣрѣ того, какъ въ гражданской общинѣ вводился культъ новаго божества, надо было найти какой-нибудь день въ году, чтобы посвятить его этому новому богу. Главное отличіе праздниковъ состояло въ томъ, что запрещалось работать; дни эти нужно было проводить обязательно въ веселіи, въ пѣніи, въ общественныхъ играхъ. Религія добавляла: остерегайтесь въ эти дни вредить другъ другу.

Календарь былъ не что иное какъ послѣдовательность религіозныхъ праздниковъ. Поэтому онъ и устанавливался жрецами. Въ Римѣ его долгое время не записывали; въ первый день мѣсяца главный жрецъ, послѣ совершенія жертвоприношенія, созывалъ народъ и объявлялъ, какіе праздники приходились въ теченіе мѣсяца. Это созываніе носило имя *calatio*, откуда произошло и самое названіе даннаго дня—*calendae*.

Календарь не устанавливался ни по движенію луны, ни по видимому движенію солнца; его устанавливали таинственные законы религіи, которые были извѣстны лишь однимъ жрецамъ. И иногда религія приказывала сократить годъ, въ другой разъ удлинить его. Можно составить себѣ понятіе о первобытномъ календарѣ, если мы припомнимъ, что у альбанцевъ май имѣлъ 22 дня, а въ мартѣ ихъ было тридцать шесть.

Понятно, что календарь одного города не могъ ни въ чемъ походить на календарь другого; такъ какъ религія у городовъ была неодинаковая, то и праздники, какъ и боги, были у нихъ различны. Годъ былъ неодинаковой длины въ разныхъ городахъ, мѣсяцы назывались различно; въ Аѳинахъ они назывались не такъ, какъ въ Ѳивахъ, а въ Римѣ совершенно иначе, чѣмъ въ Лавиніумѣ. Происходило это потому, что названіе мѣсяца принималось обыкновенно отъ главнаго праздника, который приходился въ этомъ мѣсяцѣ; праздники же были не одни и тѣ же повсюду. Гражданскія общины не входили между собою въ соглашеніе, чтобы начинать годъ въ одно и то же время или чтобы начинать вести счетъ годамъ, начиная съ одной и той же эпохи. Въ Греціи Олимпійскія

игры сдѣлались въ концѣ концовъ общимъ лѣтосчисленіемъ, что не мѣшало, однако, имѣть каждому городу свой особый годъ. Каждый городъ въ Италіи велъ свое лѣтосчисленіе начиная со дня своего основанія.

3. Перепись и религіозное очищеніе.

Между наиболѣе важными религіозными обрядами гражданской общины былъ одинъ, называвшійся очищеніемъ. Въ Аѳинахъ оно совершалось ежегодно; въ Римѣ только разъ въ четыре года. Весь соблюдаемый при этомъ ритуалъ, какъ и самое названіе, указываетъ, что церемонія эта должна была имѣть силу заглаживать всѣ грѣхи, совершенные гражданами противъ культа. Въ самомъ дѣлѣ, эта столь сложная религія была источникомъ постояннаго страха для древнихъ; такъ какъ вѣра и чистота намѣреній значили мало, и вся религія состояла изъ мелочнаго исполненія безчисленныхъ предписаній, то человѣкъ долженъ былъ вѣчно опасаться, что онъ былъ въ чемъ-нибудь небреженъ, что-нибудь пропустилъ, совершилъ какую-нибудь ошибку. Онъ никогда не могъ быть увѣренъ, что надъ нимъ не тяготѣетъ гнѣвъ или месть какого-нибудь бога. Поэтому для успокоенія человѣческаго сердца нужна была искупительная жертва. Должностное лицо, на обязанности котораго лежало приносить ее (въ Римѣ это былъ цензоръ, раньше цензора — консулъ, а еще раньше — царь), прежде всего удостовѣрялось при помощи гаданій въ томъ, что боги примутъ весь обрядъ благосклонно. Затѣмъ исполнитель обряда созывалъ народъ черезъ посредство особыхъ вѣстниковъ, которые употребляли для такихъ случаевъ особую священную формулу. Всѣ граждане собирались въ назначенный день внѣ городскихъ стѣнъ; тамъ при глубокомъ молчаніи должностное лицо, совершающее обрядъ, обходило трижды все собраніе, гоня передъ собою трехъ жертвенныхъ животныхъ: барана, свинью и быка; соединеніе этихъ трехъ животныхъ составляло у грековъ, какъ и у римлянъ, искупительную жертву. Жрецы и прислужницы сопровождали шествіе; когда третій кругъ былъ совершенъ, должностное лицо произносило священныя молитвы и совершало жертвоприношеніе. Съ этой минуты всякая скверна очищалась, всякій грѣхъ противъ культа былъ заглаженъ, и гражданская община находилась въ мирѣ со своими богами.

Для выполненія такого важнаго акта необходимо было соблюденіе двухъ условій: первое, чтобы ни одинъ посторонній не проникъ въ среду гражданъ, такъ какъ это нарушило бы и уничтожило все значеніе религіозной церемоніи; второе, чтобы при совершеніи обряда присутствовали всѣ граждане, безъ чего на гражданской общинѣ могла остаться какая-нибудь нечистота. Поэтому упомянутой церемоніи должна была предшествовать перепись народа. Въ Римѣ и въ Аѳинахъ подсчетъ совершался чрезвычайно тщательно; очень вѣроятно, что въ священной молитвѣ упоминалось и число гражданъ, подобно тому какъ оно вносилось впослѣдствіи въ отчетъ, составляемый цензоромъ о совершенномъ обрядѣ.

Человѣкъ, не внесшій себя въ списки, наказывался тѣмъ, что терялъ право гражданства. Строгость такая легко объяснима. Человѣкъ, который не принялъ участія въ религіозномъ актѣ, надъ которымъ не былъ совершенъ обрядъ очищенія, за котораго не были произнесены молитвы, не было совершено жертвоприношенія,—не могъ оставаться болѣе членомъ гражданской общины. Передъ лицомъ бога, присутствовавшаго при этомъ обрядѣ,—онъ не былъ болѣе гражданиномъ.

О важности всего священнодѣйствія можно судить по той чрезвычайной власти, которая присваивалась лицу, его совершавшему. Цензоръ раньше, чѣмъ приступить къ жертвоприношенію, разставлялъ народъ въ извѣстномъ порядкѣ: здѣсь сенаторы, тамъ всадники, далѣе трибы. Полновластный распорядитель на этотъ день, онъ указывалъ каждому человѣку его мѣсто въ различныхъ категоріяхъ. Затѣмъ, когда весь народъ былъ размѣщенъ по его указаніямъ, онъ приступалъ уже къ самому священнодѣйствію. Послѣдствіемъ было то, что, начиная съ этого дня и до слѣдующаго дня очищенія, каждый человѣкъ сохранялъ въ гражданской общинѣ то мѣсто, которое указалъ ему въ этотъ день цензоръ. Онъ былъ сенаторомъ, если на-

ходился тогда между сенаторами, всадникомъ, если былъ между всадниками. Простой гражданинъ составлялъ часть трибы, въ ряды которой его въ тотъ день помѣстили. Если же цензоръ отказывался допустить кого-либо къ участію въ религіозной церемоніи, то онъ переставалъ быть гражданиномъ. Такимъ образомъ, мѣсто, которое занималъ каждый въ религіозномъ священнодѣйствіи, гдѣ видѣли его боги, онъ продолжалъ занимать всѣ четыре года въ гражданской общинѣ. Отсюда и вытекала громадная власть цензора.

При этой церемоніи присутствовали только граждане, но ихъ жены, дѣти, рабы, имущество движимое и недвижимое—все это нѣкоторымъ образомъ очищалось въ лицѣ главы семьи; вотъ почему передъ жертвоприношеніемъ каждый долженъ былъ передать цензору списокъ находящихся въ его власти лицъ и вещей.

Очищеніе совершалось во времена Августа съ той же тщательностью и соблюденіемъ всѣхъ обрядовъ, какъ и во времена самой глубокой древности. Жрецы продолжали считать его актомъ религіознымъ, государственные люди видѣли въ немъ превосходную административную мѣру.

4. Религія въ народныхъ собраніяхъ, въ сенатѣ, въ войскѣ; тріумфъ.

Не было ни одного акта общественной жизни, въ которомъ боги не принимали бы участія. А такъ какъ люди находились подъ властью того вѣрованія, что боги являются по-очереди—то самыми лучшими покровителями, то наиболѣе жестокими врагами, то человѣкъ не дерзалъ никогда дѣйствовать, не убѣдившись предварительно, что боги къ нему благосклонны.

Народъ сходился на собранія только въ тѣ дни, когда это разрѣшалось религіей. Припоминалось, что въ такой-то день съ городомъ случилось несчастіе; это произошло, безъ сомнѣнія, отъ того, что въ этотъ день боги были разгнѣваны или отсутствовали; безъ сомнѣнія, и каждый годъ въ этотъ день должно быть то же самое по причинамъ неизвѣстнымъ для

смертнаго. Этотъ день былъ, слѣдовательно, навсегда несчастнымъ; въ этотъ день не собирались народныя собранія, не было суда,—общественная жизнь прекращалась.

Въ Римѣ раньше, чѣмъ открыть собраніе, авгуры должны были удостовѣрить, что боги благосклонны. Собраніе начиналось молитвой, которую произносилъ авгуръ, а консулъ повторялъ за нимъ.

То же самое было и въ Аѳинахъ: собраніе начиналось всегда религіознымъ актомъ. Жрецы приносили жертвы, затѣмъ очерчивался большой кругъ возліяніемъ на землю очистительной воды, и уже въ этомъ священномъ кругу собирались граждане. Прежде чѣмъ какой-либо ораторъ всходилъ на кафедру, произносилась передъ безмолвнымъ народомъ молитва. Справлялись также съ предзнаменованіями, и если на небѣ показывался какой-нибудь дурной знакъ, то собраніе сейчасъ же расходилось.

Трибуна была священнымъ мѣстомъ, ораторъ всходилъ на нее не иначе, какъ увѣнчанный вѣнкомъ, и въ теченіе долгаго времени обычай требовалъ, чтобы онъ начиналъ свою рѣчь обращеніемъ къ богамъ.

Мѣстомъ собранія римскаго сената былъ всегда храмъ. Если бы собраніе происходило въ другомъ мѣстѣ, а не въ этомъ священномъ зданіи, то всѣ принятыя имъ постановленія считались бы не дѣйствительными, т. к. боги при нихъ не присутствовали. Прежде чѣмъ приступить къ обсужденію вопросовъ, предсѣдатель совершалъ жертвоприношеніе и произносилъ молитву. Въ залѣ собраній находился алтарь, на которомъ каждый сенаторъ, входя, совершалъ возліяніе, призывая боговъ.

Аѳинскій сенатъ походилъ въ этомъ отношеніи на римскій. Въ залѣ собраній былъ также алтарь, очагъ. При началѣ всякаго засѣданія совершались священнодѣйствія, каждый сенаторъ, входя, приближался къ алтарю и произносилъ молитву.

Правосудіе отправлялось какъ въ Римѣ, такъ и въ Аѳинахъ только въ тѣ дни, на которые указывала религія, какъ

на подходящіе. Въ Аѳинахъ засѣданія судилища происходили близъ алтаря и начинались жертвоприношеніемъ. Во времена Гомера судьи собирались „въ священномъ кругу“.

Фестъ говоритъ, что въ этрусскомъ сборникѣ религіозныхъ обрядовъ были указанія на то, какъ надо основывать городъ, освящать храмы, распредѣлять куріи и трибы въ народныхъ собраніяхъ, устанавливать войска къ битвѣ. Все это было отмѣчено въ сборникѣ обрядовъ, потому что все это касалось религіи.

Во время войны религія была по меньшей мѣрѣ столь же могущественна, какъ во время мира. Въ италійскихъ городахъ были коллегіи жрецовъ, называвшихся феціалами, которые, какъ и греческіе вѣстники, были руководителями при всѣхъ священныхъ церемоніяхъ, возникавшихъ по поводу международныхъ отношеній. Такой феціалъ съ покрываломъ изъ шерстяной матеріи на головѣ, какъ того требовали обряды, призвавъ бога въ свидѣтели, объявлялъ въ словахъ священной формулы войну. Въ то же время консулъ въ священныхъ одеждахъ жреца торжественно открывалъ двери храма наиболѣе древняго и почитаемаго въ Италіи божества—бога Януса. Прежде чѣмъ выступить въ походъ, полководецъ произносилъ передъ собравшимся войскомъ молитвы и приносилъ жертву. Совершенно такъ же было и въ Спартѣ, и въ Аѳинахъ.

Войско въ походѣ представляло собою подобіе гражданской общины; его религія была съ нимъ неразлучна. Греки брали съ собою статуи своихъ боговъ; каждое греческое и римское войско имѣло при себѣ очагъ, на которомъ день и ночь поддерживался неугасимый священный огонь. Авгуры и пулларіи (гадатели по клеванію зеренъ цыплятами) сопровождали римскую армію, и при всякой греческой арміи былъ прорицатель.

Взглянемъ на римское войско въ ту минуту, когда оно готовится къ битвѣ. Консулъ приказываетъ привести жертву и поражаетъ ее сѣкирой; жертва падаетъ: ея внутренности должны указать волю боговъ. Гадатель изслѣдуетъ ихъ, и если предсказанія благопріятны, то консулъ даетъ знакъ къ

битвѣ. Самыя удачныя распоряженія, самыя счастливыя обстоятельства ничего не помогутъ, если боги не разрѣшили битвы. Основой военнаго искусства римлянъ было—никогда не ставить себя въ такое положеніе, чтобы быть вынужденными принять битву поневолѣ и вопреки рѣшенію боговъ. Вотъ почему они дѣлали ежедневно изъ своего лагеря нѣчто вродѣ крѣпости.

Посмотримъ теперь на греческую армію и возьмемъ для примѣра битву при Платеѣ. Спартанцы построились въ ряды каждый на своемъ мѣстѣ; у всѣхъ у нихъ на головахъ вѣнки, флейтщики играютъ священные гимны. Царь немного позади рядовъ войска закалываетъ жертву, но внутренности ея не даютъ счастливыхъ предзнаменованій, и надо снова начинать жертвоприношеніе. Вторая, третья, четвертая жертва заклана поочереди. Въ это время приближается персидская конница и осыпаетъ спартанцевъ стрѣлами, многіе убиты; но спартанцы стоятъ неподвижно, у ногъ ихъ щиты, они даже не защищаются противъ непріятеля. Они ждутъ знака боговъ. Наконецъ, жертва даетъ счастливыя предзнаменованія: тогда спартанцы поднимаютъ щиты, берутъ въ руки мечи, идутъ въ бой и побѣждаютъ.

Послѣ каждой побѣды совершалось жертвоприношеніе; вотъ начало тріумфа, столь извѣстнаго у римлянъ и не менѣе обычнаго у грековъ. Тріумфъ явился какъ слѣдствіе того вѣрованія, которое приписывало побѣду богамъ гражданской общины. Передъ сраженіемъ войско обращалось къ нимъ съ молитвою вродѣ той, которую мы читаемъ у Эсхила: „Боги, обитатели и владыки нашей земли, если наше войско будетъ счастливо, если нашъ городъ будетъ спасенъ, то я обѣщаю вамъ оросить ваши алтари кровью овецъ, принести вамъ въ жертву быковъ и поставить въ вашихъ священныхъ храмахъ трофеи, завоеванные оружіемъ. Въ силу этого обѣщанія побѣдитель долженъ былъ принести жертву. Войско возвращалось въ городъ для совершенія ея; торжественнымъ шествіемъ шло оно къ храму съ пѣніемъ священнаго гимна, θρίαμβος.

Въ Римѣ церемонія была приблизительно та же. Войско

направлялось процессіей къ главному храму въ городѣ; во главѣ шествія шли жрецы и вели жертвенныхъ животныхъ. По прибытіи въ храмъ полководецъ приносилъ богамъ жертвы. Во время пути всѣ воины шли украшенные вѣнками, какъ подобало при совершеніи религіознаго обряда, и съ пѣніемъ священныхъ гимновъ, какъ и въ Греціи. Правда, настало время, когда солдаты не постѣснялись замѣнить гимны казарменными пѣснями или остротами на своего предводителя. Но они сохранили, по крайней мѣрѣ, обычай повторять отъ времени до времени древній припѣвъ—*Jo triumphe*. Отъ этого священнаго припѣва получила свое названіе и вся церемонія.

Итакъ, во время мира, равно какъ и во время войны, религія входила во всѣ проявленія человѣческой жизни; она присутствовала всюду, она окружала человѣка со всѣхъ сторонъ. Душа, тѣло, жизнь частная, жизнь общественная, обѣды, праздники, народныя собранія, суды, сраженія—все это было подвластно религіи гражданской общины. Она руководила всѣми дѣйствіями человѣка, распоряжалась всякой минутой его жизни, опредѣляла всѣ его привычки. Она управляла человѣкомъ съ такой безграничной властью, что не оставляла ничего находящагося внѣ ея.

Предположить, что древняя религія была обманомъ, комедіей, такъ сказать,—значитъ имѣть превратное понятіе о природѣ человѣка. Монтескье утверждаетъ, что римляне создали свой культъ только для того, чтобы держать народъ въ уздѣ. Религія никогда не вытекала изъ такого источника, и всякая религія, которая доходила до того, что держалась только ради общественной пользы, не могла долго существовать. Монтескье говоритъ еще, что римляне подчинили религію государству. Противуположное—вѣрнѣе; нельзя прочесть нѣсколькихъ страницъ Тита Ливія, чтобы не поразиться той полнѣйшей зависимостью, въ какой находились люди отъ своихъ боговъ. Ни римляне, ни греки не знали тѣхъ печальныхъ столкновеній между церковью и государствомъ, которыя были такъ обычны въ другихъ обществахъ. Но это было единственно потому, что въ Римѣ, какъ и въ Спартѣ и въ Аѳинахъ, государство было

подчинено религіи. Это не значитъ, чтобы тамъ существовало когда-нибудь сословіе жрецовъ, подчинившихъ все своему владычеству. Древнее государство подчинялось не жрецамъ своимъ, оно подчинялось своей религіи. И государство, и религія были такъ всецѣло слиты вмѣстѣ, что не только невозможна была мысль о ихъ столкновеніи, но ихъ невозможно было даже различить одно отъ другого.

Глава VIII.

Сборники обрядовъ и лѣтописи.

Древняя религія ни по своей сущности, ни по своимъ свойствамъ не возвышала человѣческій разумъ до понятія объ абсолютномъ, не открывала жадному уму свѣтозарнаго пути, въ концѣ котораго онъ могъ бы провидѣть Бога. Религія эта была плохо связаннымъ цѣлымъ, состоящимъ изъ мелкихъ обычаевъ, мелочныхъ обрядовъ. Тутъ нечего было доискиваться смысла, не о чемъ было думать, не въ чемъ было отдавать себѣ отчетъ. Слово религія не означало того, что означаетъ оно теперь для насъ; мы понимаемъ подъ этимъ словомъ собраніе догматовъ, ученіе о Богѣ, символъ вѣры въ таинственное, находящееся въ насъ и кругомъ насъ; это же самое слово означало у древнихъ ритуалъ, церемоніи, обряды внѣшняго культа. Ученіе значило мало; обряды—вотъ что являлось важнымъ, они были обязательны и безусловно необходимы. Религія была связью матеріальной, цѣпью, которая держала человѣка въ рабствѣ. Человѣкъ самъ создалъ ее, и она имъ управляла. Онъ боялся ея и не дерзалъ ни разсуждать, ни изслѣдовать, ни глядѣть ей прямо въ лицо. Боги, герои, мертвецы—требовали отъ него матеріальнаго культа, и онъ уплачивалъ имъ свой долгъ, чтобы пріобрѣсти себѣ въ нихъ друзей, и еще болѣе затѣмъ, чтобы не сдѣлать себѣ изъ нихъ враговъ.

Ихъ дружба? Человѣкъ мало на нее разсчитывалъ. Это были боги завистливые, раздражительные, безъ привязанностей, безъ благоволенія, вступающіе охотно въ борьбу съ человѣкомъ. Ни боги не любили человѣка, ни человѣкъ не любилъ своихъ боговъ. Онъ вѣрилъ въ ихъ существованіе, но иногда онъ желалъ бы даже, чтобы они не существовали; онъ страшился даже своихъ домашнихъ и національныхъ боговъ; онъ боялся измѣны съ ихъ стороны; онъ вѣчно тревожился, какъ бы не навлечь на себя ненависть этихъ невидимыхъ существъ. Всю свою жизнь онъ былъ занятъ тѣмъ, чтобы ихъ умиротворять, *paces deorum quaerere*, говоритъ поэтъ. Но чѣмъ удовлетворить ихъ? Гдѣ средство убѣдиться, что они удовлетворены, а главное, что человѣкъ имѣетъ ихъ на своей сторонѣ? Это средство надѣялись найти въ употребленіи извѣстныхъ священныхъ формулъ. Такая-то молитва, составленная изъ такихъ-то словъ, имѣла желаемый успѣхъ; значитъ, безъ сомнѣнія, она была услышана богомъ, она подѣйствовала на него, она имѣла силу, быть можетъ, она была могущественнѣе его, такъ какъ онъ не смогъ ей противиться. И таинственныя священныя слова молитвы бережно сохранялись. Послѣ отца ихъ повторялъ сынъ. Какъ только люди научились писать, они были записаны. Во всякой семьѣ была книга, заключавшая въ себѣ всѣ священныя молитвы, которыя употреблялись предками и силѣ которыхъ уступали боги. Это было оружіе, которое человѣкъ употреблялъ противъ непостоянства своихъ боговъ. Но только нельзя было измѣнять въ нихъ ни одного слова, ни одного слога, особенно же ритма, которымъ они пѣлись; такъ какъ въ такомъ случаѣ молитва потеряла бы свою силу, и боги были бы свободны.

Но одной формулы было недостаточно: кромѣ этого были еще религіозные обряды, мельчайшія подробности которыхъ были строго опредѣлены и неизмѣнны. Малѣйшій жестъ того, кто совершалъ жертвоприношеніе, мельчайшія части его одѣянія—все было точно установлено. Обращаясь къ одному богу, нужно было покрывать голову, обращаясь къ другому—наоборотъ, открывать ее; для третьяго—пола тоги должна быть перекинута

черезъ плечо. При нѣкоторыхъ священнодѣйствіяхъ требовалось быть босикомъ. Были молитвы, которыя имѣли силу лишь въ томъ случаѣ, если человѣкъ, произнеся ихъ, быстро поворачивался кругомъ себя слѣва направо. Родъ жертвеннаго животнаго, цвѣтъ его шерсти, способъ закланія, форма ножа, сортъ дерева, которое нужно было употреблять для жаренія жертвеннаго мяса,—все это было установлено религіей для каждаго бога, для каждой семьи, для каждой гражданской общины. Напрасно стало бы самое пылкое сердце приносить богамъ тучныя жертвы, если былъ упущенъ хотя одинъ изъ безчисленныхъ обрядовъ,—все жертвоприношеніе обращалось въ ничто. Малѣйшая погрѣшность дѣлала изъ священнодѣйствія—актъ нечестивый. Самое незначительное нарушеніе оскверняло и потрясало отечественную религію и обращало боговъ-покровителей въ жестокихъ враговъ. Вотъ почему такъ строго отнеслись Аѳины къ жрецу, измѣнившему что-то въ древнихъ обрядахъ; вотъ почему и римскій сенатъ лишалъ своихъ консуловъ и диктаторовъ сана, если они совершали какую-нибудь ошибку при жертвоприношеніи.

Всѣ эти формулы и обряды были унаслѣдованы отъ предковъ, испытавшихъ ихъ силу, и нововведенія тутъ были ненужны. Нужно было положиться на то, что дѣлали предки, и высшее благочестіе состояло въ томъ, чтобы поступать такъ, какъ они. То, что вѣрованія мѣнялись,—значило мало: они могли свободно видоизмѣняться на протяженіи вѣковъ и принимать тысячи разнообразныхъ формъ по волѣ мышленія мудрецовъ или въ силу народной фантазіи. Но самымъ важнымъ являлось—сохранить священныя формулы молитвъ и заклинаній отъ забвенія и обряды отъ малѣйшихъ измѣненій. Поэтому у каждаго города была книга, въ которой все это тщательно хранилось.

Обычай имѣть священныя книги былъ повсемѣстный у грековъ, у римлянъ, у этрусковъ. Иногда ритуалъ записывался на деревянныхъ дощечкахъ, иногда на холстѣ; въ Аѳинахъ обряды были вырѣзаны на мѣдныхъ доскахъ или на каменныхъ столбахъ, чтобы записи не могли погибнуть. Въ Римѣ

были свои книги понтифексовъ, свои книги авгуровъ, книга обрядовъ и сборникъ Indigitamenta. Не существовало города, у котораго не было бы собраній древнихъ гимновъ въ честь его боговъ; несмотря на то, что вмѣстѣ съ нравами и вѣрованіями мѣнялся и языкъ, слова и ритмъ оставались неизмѣнны, и во время празднествъ продолжали пѣть по прежнему тѣ же гимны, не понимая ихъ смысла.

Эти книги и пѣснопѣнія, записанныя жрецами, хранились ими съ величайшею тщательностью. Ихъ никогда не показывали постороннимъ. Открыть обрядъ или священную формулу—значило измѣнить религіи своей гражданской общины и предать своихъ боговъ врагамъ. Для большей безопасности ихъ скрывали даже отъ гражданъ, и одни только жрецы могли ихъ изучать. Въ представленіи этихъ народовъ все, что было древне, было священно и достойно почтенія. Когда римлянинъ хотѣлъ сказать, что данный предметъ ему дорогъ, онъ говорилъ: это древнее для меня. Подобное же выраженіе было и у грековъ. Города очень дорожили своимъ прошлымъ, потому что въ немъ находили они всю основу и всѣ правила своей религіи; и воспоминанія старины были имъ необходимы, потому что на воспоминаніяхъ и легендахъ былъ построенъ весь ихъ культъ. Поэтому исторія имѣла для древнихъ гораздо болѣе важное значеніе, чѣмъ имѣетъ она теперь для насъ. Исторія существовала уже много раньше Геродота и Ѳукидида, писанная или неписанная, простое преданіе или книга—она была современницею возникновенія гражданской общины. Не было города, хотя бы самаго маленькаго и ничтожнаго, который не сохранялъ бы съ величайшею заботливостью воспоминаніе обо всемъ, что въ немъ происходило. Это не было тщеславіе, но религіозное требованіе. Городъ не считалъ себя въ правѣ забыть что-либо, потому что все въ его исторіи было соединено съ его культомъ.

Дѣйствительно, исторія начиналась актомъ основанія и сообщала о священномъ имени основателя. Она продолжалась легендами о богахъ гражданской общины, о герояхъ покровителяхъ. Она указывала время, начало, основаніе каждаго

культа, объясняла темные обряды. Въ ней хранились повѣствованія о чудесахъ, которыя были совершены богами страны и въ которыхъ они проявляли свое могущество, благость или же гнѣвъ; въ ней описывались обряды, силою которыхъ жрецамъ удалось отклонить дурное предзнаменованіе или утишить гнѣвъ боговъ; въ ней же описывалось, какія болѣзни поражали городъ и какими священными заклинаніями исцѣлялись отъ этихъ болѣзней, въ какой день былъ освященъ такой-то храмъ и по какому случаю былъ установленъ праздникъ или жертвоприношеніе. Въ нее вписывались всѣ событія, которыя имѣли отношеніе къ религіи: побѣды, доказывавшія присутствіе боговъ, при которыхъ часто даже видѣли, какъ сражались сами боги; пораженія, доказывавшія ихъ гнѣвъ, ради котораго понадобилось установить искупительныя жертвоприношенія. Все это описывалось въ назиданіе и благочестивое поученіе потомкамъ. И вся исторія была вещественнымъ доказательствомъ существованія народныхъ боговъ, потому что всѣ тѣ событія, которыя въ ней описывались, были видимою формою, подъ которою боги изъ вѣка въ вѣкъ открывались людямъ. Между этими событіями многія послужили поводомъ установленія годичныхъ празднествъ, жертвоприношеній и священныхъ дней. Исторія гражданской общины сообщала гражданину все, во что онъ долженъ былъ вѣрить и чему онъ долженъ былъ поклоняться.

Поэтому и исторія эта писалась жрецами. У Рима были свои лѣтописи понтифексовъ; подобныя же лѣтописи были и у жрецовъ сабинскихъ, самнитскихъ и этрусскихъ. У грековъ сохранилось воспоминаніе о книгахъ или священныхъ лѣтописяхъ Аѳинъ, Спарты, Дельфъ, Наксоса и Тарента. Когда Павзаній, во времена Адріана, путешествовалъ по Греціи, то жрецы каждаго города разсказывали ему древнюю исторію данной мѣстности; они не изобрѣтали ея, они ее вычитали въ своихъ лѣтописяхъ.

Это была чисто мѣстная исторія. Она начиналась съ основанія города, потому что все, что этому предшествовало, не интересовало совершенно гражданскую общину; поэтому

древніе и были въ такомъ полномъ невѣдѣніи о происхожденіи своего племени. Исторія содержала въ себѣ только тѣ событія, въ которыхъ гражданская община принимала участіе, и совершенно не интересовалась остальнымъ міромъ. У каждой гражданской общины была своя собственная исторія, какъ и своя религія и свой календарь.

Можно думать, что эти городскія лѣтописи были очень сухи и очень странны по существу и по формѣ. Онѣ были не произведеніемъ искусства, но произведеніемъ религіи. Позже явились писатели, разсказчики, вродѣ Геродота, мыслители, какъ Ѳукидидъ. Тогда исторія вышла изъ рукъ жрецовъ и подверглась преобразованію. Къ несчастью, эти прекрасныя, блестящія повѣствованія заставляютъ насъ сожалѣть о древнихъ городскихъ книгахъ и обо всемъ, что онѣ могли бы сообщить намъ о внутренней жизни и вѣрованіяхъ древнихъ. Всѣ эти безцѣнные документы, которые хранились, повидимому, въ тайнѣ и никогда не выходили за предѣлы святилища, съ которыхъ никогда не снимались копіи и которые читались лишь одними жрецами,—всѣ они погибли, и у насъ осталось о нихъ лишь слабое воспоминаніе.

Правда, воспоминаніе это очень цѣнно для насъ. Безъ него мы, быть можетъ, сочли бы себя въ правѣ отвергнуть все, что сообщаютъ намъ Греція и Римъ о своей древности, всѣ эти разсказы, которые кажутся намъ мало вѣроятными, потому что они далеки отъ нашихъ привычекъ, отъ нашего образа мыслей и дѣйствія, и мы могли бы принять ихъ за произведеніе человѣческой фантазіи. Но оставшееся у насъ воспоминаніе о древнихъ лѣтописяхъ показываетъ намъ, по крайней мѣрѣ, то благоговѣйное почтеніе, которое древніе питали къ своей исторіи. Мы знаемъ, что по мѣрѣ того, какъ шли событія, они складывались набожно въ эту сокровищницу. Въ этихъ книгахъ каждая страница была современницей того событія, о которомъ она сообщала. Исказить или поддѣлать эти документы было физически невозможно, потому что жрецы хранили ихъ, а религія была главнѣйшимъ образомъ заинтересована въ томъ, чтобы они оставались неповрежденными. Не легко было даже главному жрецу, по мѣрѣ того какъ онъ строчка за строчкой писалъ свою лѣтопись, внести туда завѣдомо невѣрный фактъ. Ибо вѣрили, что всякое событіе идетъ отъ боговъ, что всякое событіе открываетъ ихъ волю и служитъ для послѣдующихъ поколѣній источникомъ благочестивыхъ воспоминаній и даже священнодѣйствій; всякое событіе, совершившееся въ гражданской общинѣ, тотчасъ же становилось частью религіи будущаго. При такихъ вѣрованіяхъ вполнѣ понятно, что было много невольныхъ ошибокъ, какъ слѣдствіе большой довѣрчивости, особой любви къ чудесному, вѣры въ народныхъ боговъ; но намѣренная ложь тутъ немыслима; потому что это было бы грѣхомъ, нечестіемъ: это осквернило бы святость лѣтописей и исказило бы религію. Значитъ, мы можемъ вѣрить, что если не все въ этихъ старинныхъ книгахъ было достовѣрно, то, по крайней мѣрѣ, не было ничего такого, во что самъ жрецъ не вѣрилъ бы, какъ въ истину. Для историка же, стремящагося проникнуть во тьму этихъ древнихъ временъ, является важнымъ мотивомъ довѣрія то убѣжденіе, что если ему и придется имѣть дѣло съ заблужденіями, то онъ не столкнется съ намѣреннымъ обманомъ. И самыя эти заблужденія могутъ быть для него полезны, являясь современными тѣмъ древнимъ вѣкамъ, которые онъ изучаетъ; они могутъ открыть ему—если не подробности событій, то по крайней мѣрѣ искреннія вѣрованія людей.

Наряду съ лѣтописями, документами письменными и достовѣрными, существовало еще устное преданіе, жившее среди гражданъ общины,—не такое смутное и безразличное, какъ наши преданія, но близкое, дорогое городамъ; оно не измѣнялось по прихоти воображенія, да его и нельзя было измѣнять, ибо оно составляло часть культа и слагалось изъ разсказовъ и пѣснопѣній, которыя ежегодно повторялись во время религіозныхъ празднествъ. Эти неизмѣняемые священные гимны увѣковѣчивали воспоминаніе и оживляли постоянно преданіе.

Нельзя, конечно, думать, чтобы эти преданія были точны какъ лѣтописи. Желаніе восхвалить боговъ могло быть силь-

нѣе любви къ правдѣ; но, во всякомъ случаѣ, онѣ должны были, по меньшей мѣрѣ, отражать въ себѣ лѣтописи и находиться, обыкновенно въ согласіи съ ними, потому что жрецы, составлявшіе и читавшіе лѣтописи, были и устроителями тѣхъ празднествъ, гдѣ пѣлись эти древнія сказанія.

Но наступило время, когда древнія лѣтописи были обнародованы; Римъ опубликовалъ, наконецъ, свои лѣтописи; стали извѣстны и лѣтописи другихъ городовъ; греческіе жрецы, не стѣсняясь, стали разсказывать содержаніе своихъ историческихъ памятниковъ.

Стали изслѣдовать и изучать эти древніе источники. Образовалась школа ученыхъ, начиная съ Варрона и Веррія Флакса и до Авла-Геллія и Макробія. Свѣтъ пролился на всю древнюю исторію. Нѣкоторыя ошибки, вкравшіяся въ преданія и повторяемыя прежними историками, были исправлены. Узнали, напримѣръ, что Порсена взялъ Римъ и что галламъ дали выкупъ золотомъ. Наступило время исторической критики; но весьма значителенъ тотъ фактъ, что эта критика, восходившая къ источникамъ и изучавшая лѣтописи, не нашла въ нихъ ничего, что дало бы ей право отвергнуть всю совокупность историческихъ фактовъ, переданную намъ Геродотомъ и Титомъ Ливіемъ.

Глава IX.

Управленіе гражданской общины. Царь.

1. *Религіозная власть царя.*

Не надо думать, будто гражданская община, при своемъ возникновеніи, обсуждала образъ правленія, который ей предстояло ввести у себя, разсматривала законы, вырабатывала учрежденія. Нѣтъ, не такимъ путемъ складывались законы и устанавливались учрежденія. Политическія учрежденія гражданской общины родились вмѣстѣ съ нею самой и въ одинъ и тотъ же день. Каждый членъ гражданской общины носилъ ихъ въ самомъ себѣ, потому что они коренились въ зародышѣ въ вѣрованіяхъ и религіи каждаго человѣка.

Религія требовала, чтобы очагъ имѣлъ всегда своего верховнаго жреца; она не допускала раздѣленія жреческой власти. И очагъ имѣлъ своего верховнаго жреца въ лицѣ отца семьи; очагъ куріи имѣлъ своего куріона или фратріарха; у каждой трибы былъ тоже свой религіозный глава, котораго аѳиняне называли царемъ трибы. Религія гражданской общины должна была тоже имѣть своего верховнаго религіознаго главу.

И жрецъ общественнаго очага носилъ имя царя. Иногда ему присваивались и другія наименованія; такъ какъ онъ былъ прежде всего жрецомъ пританея, то греки называли его часто пританомъ; иногда они называли его архонтомъ. Подъ этими различными именами — царя, притана, архонта — мы должны видѣть, главнымъ образомъ, главу религіознаго культа; онъ поддерживаетъ очагъ, онъ совершаетъ жертвоприношенія, произноситъ молитвы, распоряжается религіозными трапезами. Очевидно, что древніе цари Италіи и Греціи были постольку же жрецами, поскольку и царями. У Аристотеля мы читаемъ: „Забота объ общественныхъ жертвоприношеніяхъ отъ лица гражданской общины принадлежитъ по религіозному обычаю не особымъ жрецамъ, но людямъ, получившимъ свой санъ отъ очага, которыхъ называютъ въ одномъ мѣстѣ — царями, въ другомъ—пританами, а въ третьемъ—архонтами. Такъ говоритъ Аристотель, человѣкъ, который лучше всего зналъ устройство греческихъ гражданскихъ общинъ. Мѣсто это указываетъ совершенно опредѣленно прежде всего на то, что приведенныя выше три слова: царь, пританъ и архонтъ были долгое время синонимами; это до такой степени вѣрно, что нѣкій древній историкъ, Хоронъ Ламисакскій, написавъ книгу о Лакедемонскихъ царяхъ, далъ ей заглавіе: „*Архонты и пританы лакедемонянъ*“. Затѣмъ онъ еще доказываетъ, что лицо, называвшееся безразлично однимъ изъ этихъ трехъ именъ или даже, быть можетъ, всѣми тремя заразъ, было жрецомъ гражданской общины, и что культъ общественнаго очага былъ источникомъ его достоинства и власти.

Этотъ жреческій характеръ первобытной царской власти ясно указывается древними писателями. У Эсхила дочери Даная обращаются къ царю Аргоса со слѣдующими словами: „Ты верховный пританъ, и ты блюдешь очагъ этой страны“. У Эврипида Орестъ, убійца своей матери, говоритъ Менелаю: „Справедливо, чтобы я, сынъ Агамемнона, царствовалъ въ Аргосѣ“; и Менелай ему отвѣчаетъ: „Въ правѣ ли ты, убійца, касаться сосудовъ съ водой очищенія, нужныхъ для жертвоприношеній? Въ правѣ ли ты закалывать жертвы“?

Главной обязанностью царя было, слѣдовательно, исполненіе религіозныхъ обрядовъ. Одинъ древній царь Сикіона былъ свергнутъ потому, что осквернилъ свои руки убійствомъ и вслѣдствіе этого не имѣлъ болѣе права совершать жертвоприношенія. Потерявъ право быть жрецомъ, онъ не могъ болѣе сохранять свою царскую власть.

Гомеръ и Виргилій изображаютъ намъ царей, занятыхъ постоянно исполненіемъ священныхъ церемоній. Отъ Демосѳена мы знаемъ, что древніе цари Аттики лично совершали всѣ жертвоприношенія, которыя предписывались религіей гражданской общины, и Ксенофонтъ сообщаетъ намъ, что цари Спарты были религіозными вождями лакедемонянъ. Этрусскіе лукумоны были одновременно правителями, военачальниками и верховными жрецами.

Совершенно такое же положеніе занимали и римскіе цари. Преданіе изображаетъ ихъ всегда жрецами. Первымъ царемъ былъ Ромулъ, „свѣдующій въ наукѣ гаданій“, и онъ основалъ городъ по всѣмъ правиламъ религіозныхъ обрядовъ. Вторымъ царемъ былъ Нума; „онъ исполнялъ“, говоритъ Титъ Ливій, „большую часть жреческихъ обязанностей, но онъ предвидѣлъ, что его преемники, занятые часто веденіемъ войнъ, не будутъ въ состояніи соблюдать священныя жертвоприношенія, и потому учредилъ должности жрецовъ-фламиновъ, которые замѣняли бы царей въ случаѣ ихъ отсутствія изъ Рима. Такимъ образомъ, римское священство всецѣло вытекало изъ первобытной царской власти.

Эти цари-жрецы возводились на царство съ религіозными обрядами. Новый царь, приведенный на вершину Капитолійскаго холма, садился на каменное сѣдалище лицомъ къ югу. По лѣвую его сторону садился авгуръ съ головой, покрытой священными повязками, держа въ рукѣ свой авгурскій жезлъ. Онъ мысленно проводилъ на небѣ нѣкоторыя черты, произносилъ молитву и, положивъ руку на голову царя, молилъ боговъ указать ему знаменіемъ, что этотъ вождь народа имъ угоденъ. Затѣмъ, какъ только молнія или полетъ птицъ обнаруживали одобреніе боговъ,—новый царь вступалъ въ обладаніе своей властью. Титъ Ливій описываетъ обрядъ, совершенный при воцареніи Нумы; Діонисій утверждаетъ, что подобные обряды имѣли мѣсто при воцареніи каждаго новаго царя, а позже при возведеніи въ консульское достоинство, и прибавляетъ, что они совершались еще и въ его время. Подобный обычай имѣлъ свое основаніе: такъ какъ царь долженъ былъ стать высшимъ религіозной главою, и отъ его молитвъ и жертвоприношеній должно было зависѣть благополучіе всей гражданской общины, то, понятно, что община имѣла право удостовѣриться предварительно, угоденъ ли этотъ царь богамъ.

Древніе не сообщаютъ намъ, какимъ образомъ возводились въ свой санъ спартанскіе цари, но, во всякомъ случаѣ, они говорятъ намъ, что при этомъ совершались религіозныя церемоніи. И даже по тѣмъ стариннымъ обычаямъ, которые продолжали существовать до конца исторіи Спарты, видно, что гражданская община желала быть вполнѣ увѣрена, что ея цари угодны богамъ. Ради этого она сама вопрошала боговъ, прося у нихъ „знаменія“, σημεῖον. Вотъ каково было это знаменіе по сообщенію Плутарха: „Каждые девять лѣтъ эфоры выбирали очень свѣтлую, но не лунную ночь и садились въ глубокомъ молчаніи, устремивъ глаза къ небу. Если они видѣли звѣзду, пролетавшую съ одного края до другого, то это указывало, что ихъ цари виновны въ какомъ-нибудь грѣхѣ противъ боговъ. И тогда они отрѣшали ихъ отъ царствованія до тѣхъ поръ, пока Дельфійскій оракулъ не снималъ съ нихъ этой опалы“.

Подобно тому, какъ въ семьѣ власть была нераздѣльна со священствомъ, и отецъ, въ качествѣ главы домашняго культа, былъ въ то же время судьею и властелиномъ, такъ же и верховный жрецъ гражданской общины былъ политическимъ ея главою. Алтарь, по выраженію Аристотеля, далъ ему санъ и достоинство. Это смѣшеніе священства и политической власти не должно отнюдь удивлять насъ. Мы находимъ его при началѣ почти всѣхъ обществъ; быть можетъ, это потому, что въ эпоху младенчества народовъ только одна религія могла внушить имъ къ себѣ повиновеніе; или же въ самой нашей природѣ лежитъ потребность не подчиняться никогда иной власти кромѣ власти нравственной идеи.

Мы говорили уже, насколько религія гражданской общины вмѣшивалась во всѣ проявленія жизни. Человѣкъ чувствовалъ ежеминутно свою зависимость отъ боговъ и, слѣдовательно, отъ жреца, который стоялъ посредникомъ между нимъ и богами. Жрецъ этотъ заботился о священномъ огнѣ, и его ежедневный культъ, какъ говоритъ Пиндаръ, спасалъ каждый день гражданскую общину. Онъ зналъ священныя формулы молитвъ, которымъ боги не могли противиться, и въ минуту битвы онъ же закалывалъ жертву и призывалъ на войско покровительство боговъ. Совершенно естественно, что человѣкъ съ такою властью принимается и признается главою. Изъ того, что религія вмѣшивалась въ управленіе, правосудіе и войну, слѣдовало съ полною необходимостью, что жрецъ былъ одновременно правителемъ, судьей и военачальникомъ „Спартанскіе цари“, говоритъ Аристотель, „имѣютъ троякую сферу дѣятельности: они совершаютъ жертвоприношенія, предводительствуютъ на войнѣ и отправляютъ правосудіе“. Діонисій Галикарнасскій говоритъ въ тѣхъ же выраженіяхъ по поводу римскихъ царей.

Основные законы такого монархическаго строя были очень просты, и незачѣмъ было ихъ долго выискивать; они вытекали прямо изъ правилъ самаго культа. Основатель, поставившій священный очагъ, былъ естественно первымъ жрецомъ. Наслѣдованіе было въ началѣ неизмѣннымъ правиломъ для передачи культа; былъ ли это семейный очагъ или очагъ гражданской

общины, религія одинаково требовала, чтобы забота о немъ переходила отъ отца къ сыну. Жреческое достоинство было, такимъ образомъ, наслѣдственнымъ, а вмѣстѣ съ нимъ и власть.

Одна очень извѣстная черта исторіи Греціи указываетъ съ поразительной ясностью, что царская власть и достоинство принадлежали вначалѣ тому, кто воздвигалъ очагъ гражданской общины. Извѣстно, что населеніе іонійскихъ колоній не состояло изъ аѳинянъ; это была пестрая смѣсь пелазговъ, эолянъ, абантовъ и кадмейцевъ. Тѣмъ не менѣе, очаги новыхъ гражданскихъ общинъ были поставлены всѣ членами религіозной семьи Кодра. Отсюда произошло, что эти поселенцы вмѣсто того, чтобы имѣть вождей изъ членовъ своего племени: пелазги—пелазга, абанты—абанта и эолійцы—эолійца, передали царское достоинство во всѣхъ своихъ двѣнадцати городахъ Кодридамъ.

Безусловно, не силой пріобрѣли эти лица свою власть, такъ какъ они были почти единственные аѳиняне среди этихъ многочисленныхъ и разнообразныхъ поселенцевъ. Но вслѣдствіе того, что они воздвигли очаги гражданскихъ общинъ, имъ же принадлежало право и поддерживать ихъ. Царская власть и достоинство были уступлены имъ безъ всякаго спора и остались наслѣдственными въ ихъ семьѣ. Баттъ основалъ Кирену въ Африкѣ: Баттіады долго владѣли тамъ царскимъ саномъ. Протисъ основалъ Марсель: Протіады были наслѣдственными жрецами отъ отца къ сыну и пользовались тамъ большими преимуществами.

Слѣдовательно, не физическая сила создавала вождей и царей древнихъ гражданскихъ общинъ; и потому было бы совершенно неправильно говорить, будто первый, ставшій царемъ, былъ счастливый воинъ. Власть проистекала, какъ это совершенно опредѣленно говоритъ Аристотель, изъ культа очага. Религія создала царя гражданской общины такъ же, какъ она создала главу семьи въ домѣ. Вѣрованіе безспорное и безусловно повелительное говорило, что наслѣдственный жрецъ очага есть хранитель святынь и стражъ боговъ. Какъ

можно было колебаться въ вопросѣ о повиновеніи подобному человѣку? Царь былъ священной личностью; βασιλεῖς ἱεροί, говоритъ Пиндаръ. Въ немъ видѣли хотя не совсѣмъ Бога, но тѣмъ не менѣе „человѣка наиболѣе могущественнаго, чтобы успокоить гнѣвъ боговъ", человѣка, безъ помощи котораго ни одна молитва не имѣла силы, ни одна жертва не могла быть принята богами.

Эта царская власть, наполовину религіозная и наполовину политическая, установилась во всѣхъ городахъ, съ самаго ихъ возникновенія, безъ усилій со стороны царей, безъ сопротивленія со стороны подданныхъ. Мы не видимъ при началѣ древнихъ обществъ тѣхъ колебаній и той борьбы, которая знаменуетъ собою происхожденіе современныхъ обществъ. Извѣстно, сколько потребовалось времени послѣ паденія Римской Имперіи, чтобы найти, наконецъ, порядокъ и нормы правильнаго общежитія. Европа видѣла, какъ въ теченіе цѣлыхъ вѣковъ боролись между собою совершенно противуположные принципы за власть надъ народами, а народы отвергали подчасъ всякую общественную организацію.

Подобнаго зрѣлища мы не видимъ ни въ древней Греціи, ни въ древней Италіи; ихъ исторія не начинается со столкновеній, а перевороты являются лишь въ концѣ ея. Общество складывалось у этихъ народовъ въ теченіе долгаго времени, медленно, постепенно переходя отъ семьи къ трибѣ и отъ трибы къ гражданской общинѣ—безъ потрясеній, безъ борьбы. Царская власть установилась совершенно естественно: сначала въ семьѣ, а затѣмъ, позже, въ гражданской общинѣ. Она не была придумана честолюбіемъ нѣсколькихъ лицъ, она родилась изъ необходимости, которая была всѣмъ очевидна. И власть эта, въ теченіе многихъ и долгихъ вѣковъ, была вполнѣ мирная, она была окружена почетомъ, пользовалась повиновеніемъ. Цари не нуждались во внѣшней силѣ, у нихъ не было въ распоряженіи ни арміи, ни финансовъ; но власть ихъ, поддерживаемая вѣрованіями, царившими надъ душой ихъ народа, была свята и неприкосновенна.

Позже царская власть была уничтожена во всѣхъ городахъ переворотомъ, о которомъ мы будемъ говорить въ другомъ мѣстѣ. Но падая, она не оставила въ сердцѣ людей никакой ненависти по себѣ; ея никогда не коснулось то презрѣніе, смѣшанное со злобой, которое бываетъ обыкновенно удѣломъ низверженнаго величія. Хотя царская власть и пала, но къ памяти ея у людей остались любовь и уваженіе. Въ Греціи мы встрѣчаемъ даже нѣчто совсѣмъ необычное въ исторіи: въ городахъ, гдѣ не угасъ еще царскій родъ, онъ не только не изгонялся, но даже тѣ самые люди, которые лишили его власти, продолжали воздавать ему почести. Въ Эфесѣ, въ Марсели, въ Киренѣ царскій родъ, лишенный своей власти, продолжалъ жить, окруженный почетомъ у народа, и даже сохранялъ за собою титулъ и внѣшніе знаки царскаго достоинства.

Народы установили республиканскій образъ правленія, но имя царя не сдѣлалось отъ этого оскорбительной кличкой; оно осталось почетнымъ названіемъ. Говорятъ обыкновенно, что слово это вызывало презрѣніе и ненависть; странное заблужденіе! Римляне примѣняли его къ богамъ въ своихъ молитвахъ. И если узурпаторы не смѣли никогда присвоить себѣ этого титула, то не потому, чтобы онъ возбуждалъ ненависть, а потому, что онъ былъ священенъ.

Въ Греціи множество разъ возстановлялась въ городахъ монархія, но новые монархи никогда не считали себя вправѣ называться царями, и они довольствовались названіемъ тирановъ. Не тѣ или иныя нравственныя качества правителя создавали различіе между этими двумя словами, не то, чтобы доброму государю присваивался титулъ—царя, а злого называли бы тираномъ: религія, главнымъ образомъ, вносила различіе между тѣмъ и другимъ наименованіемъ. Первобытные цари исполняли обязанности жрецовъ и власть свою получали отъ очага; тираны позднѣйшей эпохи были только политическими вождями государства и обязаны были своею властью только силѣ или избранію.

Глава X.

Магистратъ.

Соединеніе политической власти и обязанностей жреца въ одномъ и томъ же лицѣ не прекратилось съ уничтоженіемъ царской власти. Переворотъ, установившій республиканскій образъ правленія, не раздѣлилъ обязанностей, смѣшеніе которыхъ считалось вполнѣ естественнымъ и было въ то время основнымъ закономъ человѣческаго общежитія. Лицо, замѣнившее царя, было, какъ и онъ, жрецомъ и въ то же самое время политическимъ главою.

Иногда такое избираемое ежегодно лицо продолжало носить священный титулъ царя. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ сохраненное за нимъ имя притана указывало на его главнѣйшія обязанности. Въ другихъ городахъ преобладало званіе архонта. Въ Ѳивахъ, напримѣръ, первое должностное лицо называлось этимъ именемъ; на то, что Плутархъ сообщаетъ намъ объ его обязанностяхъ, указываетъ, что онѣ мало чѣмъ отличались отъ обязанностей жреца. Этотъ архонтъ обязанъ былъ во все время исполненія своей должности носить на головѣ вѣнокъ, какъ подобало жрецу; религія запрещала ему отпускать волосы и носить при себѣ что-либо желѣзное; такого рода предписаніе сближаетъ его нѣсколько съ римскими фламинами. Городъ Платея имѣлъ тоже архонта, и религія этой гражданской общины повелѣвала, чтобы онъ во все время исполненія своихъ обязанностей носилъ бѣлое одѣяніе, т.-е. одѣяніе священнаго цвѣта.

Аѳинскіе архонты въ день своего вступленія въ должность всходили въ Акрополь съ миртовымъ вѣнкомъ на головѣ и тамъ приносили жертву божеству города. И они должны были также носить на головѣ, по обычаю, во все время отправленія своихъ обязанностей вѣнокъ изъ листьевъ. А достовѣрно извѣстно, что вѣнокъ, который сдѣлался съ теченіемъ времени и остался навсегда эмблемою власти, былъ въ то время только религіозною эмблемою, лишь внѣшнимъ знакомъ, сопровождавшимъ молитву и жертвоприношеніе. Среди этихъ девяти архонтовъ—тотъ, котораго называли царемъ, былъ по преимуществу религіознымъ главою; но и у каждаго изъ его товарищей были свои религіозныя обязанности, свои жертвоприношенія, которыя онъ долженъ былъ совершать богамъ.

У грековъ было общее выраженіе, которымъ они обозначали должностныхъ лицъ гражданской общины; они говорили οἱ ἐν τέλει, что буквально означаетъ: тѣ, которые должны совершать жертвоприношенія богамъ; это древнее выраженіе указываетъ на первоначальное понятіе о должностныхъ лицахъ. Пиндаръ говоритъ о нихъ, что приносимыми жертвами они обезпечиваютъ благосостояніе гражданской общины.

Въ Римѣ первымъ дѣломъ вновь избраннаго консула было принесеніе жертвы на форумѣ. На городскую площадь пригоняли жертвенныхъ животныхъ; послѣ того, какъ верховный жрецъ объявлялъ ихъ годными для принесенія въ жертву, консулъ собственноручно закалывалъ ихъ, въ то время какъ глашатай призывалъ народъ къ благоговѣйному молчанію, и флейтщикъ игралъ священную мелодію. Нѣсколько дней спустя консулъ отправлялся въ Лавиніумъ, откуда вышли римскіе пенаты, и тамъ приносилъ еще нѣсколько жертвъ.

Если разсмотрѣть нѣсколько внимательнѣе характеръ магистрата у древнихъ, то видно будетъ, какъ мало онъ похожъ на руководителей государствъ въ современныхъ обществахъ. Священнослуженіе, отправленіе правосудія, начальствованіе надъ войскомъ—всѣ эти обязанности соединялись въ одномъ лицѣ. Онъ—представитель гражданской общины, которая есть, по крайней мѣрѣ, настолько же религіозный союзъ, какъ и политическій; въ его рукахъ птицегаданія, обряды, молитвы, покровительство боговъ. Консулъ есть нѣчто большее, чѣмъ просто человѣкъ: онъ посредникъ между человѣкомъ и божествомъ; съ его судьбой связана судьба общества; онъ какъ бы геній-покровитель гражданской общины. Смерть консула—несчастіе для республики. Когда консулъ Клавдій Неронъ покидаетъ свое войско и стремительно мчится на помощь своему товарищу, то Титъ Ливій разсказываетъ намъ, въ какой

страшной тревогѣ находится весь Римъ, какъ онъ безпокоится объ участи войска, потому что лишенная своего военачальника армiя была въ то же время лишена и небеснаго покровительства; вмѣстѣ съ консуломъ ее покинули ауспицiи, т.-е. религiя боговъ.

Другiя гражданскiя должности Рима, которыя какъ бы постепенно выдѣлились изъ консульскихъ обязанностей, соединяли въ себѣ, подобно консульству, жреческiя и политическiя обязанности. Цензоръ въ извѣстные дни, съ вѣнкомъ на головѣ, приносилъ жертву отъ лица гражданской общины и собственноручно закалывалъ жертвенное животное. Преторы, курильные эдилы распоряжались религiозными празднествами. Не было ни одной общественной должности, съ которой не была бы соединена какая-нибудь религiозная обязанность, ибо, по мысли древнихъ, всякая власть должна быть хоть отчасти религiозной. Одни только плебейскiе трибуны не приносили никакихъ жертвъ, но ихъ зато и не считали настоящими членами магистратуры. Мы увидимъ далѣе, что власть ихъ была совершенно особаго рода.

Священный характеръ, присущiй должностному лицу, особенно ясно сказывался въ способѣ его избранiя. Въ глазахъ древнихъ одобренiе людьми и избранiе ими было еще недостаточно для утвержденiя главы гражданской общины. Пока существовала первобытная царская власть, казалось вполнѣ естественнымъ, чтобы глава общины указывался самимъ рожденiемъ въ силу того религiознаго закона, который повелѣвалъ, чтобы сынъ наслѣдовалъ отцу во всемъ его священствѣ. Рожденiе, повидимому, открывало достаточно ясно волю боговъ. Когда соцiальные перевороты уничтожили повсюду царскую власть, то люди, повидимому, изыскивали такой способъ избранiя, который, замѣнивъ собою рожденiе, былъ бы угоденъ богамъ. Аѳиняне, какъ и многiе другiе греческiе народы, не нашли лучшаго способа, какъ жребiй. Очень важно составить себѣ правильное понятiе объ этомъ прiемѣ, за который падало столько обвиненiй на аѳинскую демократiю, и для этого нужно вникнуть въ строй мыслей древнихъ. Для нихъ жребiй не былъ

простой случайностью, онъ былъ откровенiемъ божественной воли. Подобно тому, какъ къ жребiю прибѣгали въ храмахъ, чтобы вывѣдать небесныя тайны, точно такъ же обращались къ нему и для выбора должностныхъ лицъ.

Всѣ были убѣждены въ томъ, что боги указываютъ на достойнѣйшаго, давая выпасть жребiю на его имя. Платонъ поясняетъ эту мысль древнихъ, говоря: „Про человѣка, котораго жребiй указалъ, мы скажемъ, что онъ угоденъ богамъ, и найдемъ вполнѣ справедливымъ, что онъ управляетъ. Относительно всѣхъ должностей, которыя касаются священныхъ предметовъ, предоставляя божеству выборъ лицъ ему угодныхъ, мы полагаемся на жребiй“. И гражданская община также вѣрила, что она получаетъ своихъ должностныхъ лицъ изъ рукъ божества.

По существу, лишь въ различныхъ формахъ то же самое происходило и въ Римѣ. Назначенiе консула не должно было исходить отъ людей. Воля или произволъ народа не были той силой, которая могла создать избранiе должностного лица. Вотъ какимъ образомъ избирались консулы: должностное лицо, исправляющее свои обязанности, т.-е. человѣкъ, облеченный уже священнымъ характеромъ и могущiй по предзнаменованiямъ угадывать волю боговъ, указывалъ среди присутственныхъ дней тотъ, въ который должно было послѣдовать назначенiе консула. Въ ночь, наканунѣ этого дня, онъ бодрствовалъ и проводилъ ее подъ открытымъ небомъ, наблюдая знаменiя, посылаемыя богами въ то время, когда онъ произносилъ мысленно имена кандидатовъ. Если предзнаменованiя были благопрiятны, это значило, что кандидаты угодны богамъ. На другой день народъ собирался на Марсовомъ полѣ, и то самое лицо, которое въ ночь вопрошало боговъ, руководило теперь собранiемъ. Оно произносило громкимъ голосомъ имена кандидатовъ, относительно которыхъ ему даны были знаменiя. Если среди лицъ, домогавшихся консульства, былъ кто-либо, для кого предзнаменованiя были неблагопрiятны, то предсѣдатель опускалъ его имя. Народъ голосовалъ только за тѣхъ, чьи имена были названы. Если предсѣдатель называлъ только двухъ

кандидатовъ, то народъ голосовалъ по необходимости за нихъ; если трехъ, — то предоставлялся между ними выборъ. Но народное собраніе никогда и ни въ какомъ случаѣ не имѣло права подавать свой голосъ за лицъ, не указанныхъ предсѣдателемъ, потому что лишь для названныхъ имъ были посланы богами благопріятныя знаменія, лишь за ними было обезпечено согласіе боговъ.

Этотъ способъ избранія, тщательно соблюдавшійся въ первыя времена республики, объясняетъ нѣкоторыя черты римской исторіи, кажущіяся на первый взглядъ странными. Мы видѣли, напримѣръ, довольно часто, что народъ хочетъ почти единогласно возвести въ консульское достоинство какихъ-нибудь двухъ лицъ и все-таки не можетъ этого сдѣлать; причина та, что относительно ихъ предсѣдатель или совсѣмъ не получилъ никакихъ предзнаменованій, или предзнаменованія были неблагопріятны. Иногда же, наоборотъ, мы видимъ, что народъ назначаетъ консулами двухъ ему ненавистныхъ людей; это потому, что предсѣдатель назвалъ только эти два имени. Приходилось подавать голоса обязательно за нихъ, такъ какъ голосованіе не выражалось только словами „да" или „нѣтъ", но на избирательной дощечкѣ нужно было писать имена кандидатовъ; вписывать же не разрѣшалось никого иного, кромѣ лицъ, названныхъ предсѣдателемъ. Народъ, которому предлагали ненавистныхъ кандидатовъ, могъ, понятно, выразить свой гнѣвъ, удалившись, не подавая голоса, но въ оградѣ всегда оставалось достаточное количество гражданъ, чтобы произвести выборы.

Поэтому видно, насколько велика была власть предсѣдателя комицій, и насъ не удивляетъ болѣе обычное выраженіе *creat consules*, которое прилагалось не къ народу, но къ предсѣдателю комицій. О немъ, дѣйствительно, скорѣе, чѣмъ о народѣ, можно было сказать, что онъ создаетъ консуловъ, потому что онъ именно открывалъ волю боговъ. И если онъ самъ и не создавалъ консуловъ, то, по меньшей мѣрѣ, боги дѣлали это черезъ его посредство. Власть народа не шла далѣе

утвержденія этого выбора или, самое большее, далѣе выбора изъ трехъ или четырехъ кандидатовъ.

Этотъ способъ выборовъ былъ, внѣ всякаго сомнѣнія, очень выгоденъ для римской аристократіи, но было бы неправильно видѣть въ немъ лишь одну изобрѣтенную хитрость. Подобная хитрость была немыслима въ вѣка, когда народъ вѣрилъ въ свою религію. Съ политической точки зрѣнія — она была ненужна въ первыя времена республики, такъ какъ патриціи и безъ того имѣли большинство голосовъ на выборахъ. Она могла даже обратиться противъ нихъ самихъ, облекая одно лицо столь сильною властью. Единственное объясненіе, которое можно дать этому обычаю или, вѣрнѣе, этому обряду избранія, состоитъ въ томъ, что всѣ вѣрили совершенно искренно въ то, что выборъ должностного лица принадлежитъ не людямъ, но богамъ. Человѣкъ, которому предстояло распоряжаться религіей и судьбою гражданской общины, долженъ быть указанъ свыше.

Первое правило для избранія должностного лица было, по словамъ Цицерона, „чтобы онъ былъ назначенъ согласно обрядамъ". Если, нѣсколько мѣсяцевъ спустя, сенату доносили, что нѣкоторые обряды были упущены или плохо исполнены, то онъ приказывалъ консуламъ сложить съ себя званіе, и они повиновались. Примѣры очень многочисленны; и если по отношенію двухъ или трехъ изъ нихъ позволительно думать, что сенатъ радъ былъ избавиться отъ неспособнаго или злонамѣреннаго консула, то по большей части въ его рѣшеніяхъ нельзя видѣть другихъ причинъ кромѣ религіозныхъ опасеній.

Правда, когда жребій въ Аѳинахъ или ауспиціи въ Римѣ указывали на архонта или на консула, то происходило еще нѣчто вродѣ испытанія достоинствъ вновь избраннаго. Но самое это испытаніе показываетъ намъ, чего требовала гражданская община отъ своихъ должностныхъ лицъ: она не искала человѣка наиболѣе храбраго на войнѣ или наиболѣе способнаго или справедливаго во время мира, но человѣка наиболѣе любимаго богами. Дѣйствительно, аѳинскій сенатъ спрашивалъ у вновь избраннаго, имѣетъ ли онъ домашняго бога, состоитъ ли онъ членомъ фратріи, есть ли у него

семейная могила и исполняетъ ли онъ свои обязанности по отношенію къ усопшимъ. Зачѣмъ эти вопросы? Затѣмъ, что человѣкъ, не имѣвшій семейнаго культа, не могъ принимать участія и въ культѣ народномъ и не былъ правоспособенъ совершать жертвоприношенія отъ лица гражданской общины. Тотъ, кто относился съ небреженіемъ къ своимъ умершимъ, подвергался ихъ грозному гнѣву, и невидимые враги преслѣдовали его. А потому со стороны гражданской общины было бы дерзостью ввѣрить такому человѣку свою судьбу. Она требовала еще, чтобы новое должностное лицо происходило, по выраженію Платона, „изъ незапятнанной семьи". Поэтому, если кто-нибудь изъ его предковъ былъ виновенъ въ проступкѣ, оскорбившемъ религію, его домашній очагъ былъ навѣки оскверненъ, и всѣ потомки навѣки ненавистны богамъ. Таковы были главные вопросы, предлагавшіеся тому, кто долженъ былъ избираться на общественную должность. Ни его характеръ, ни его умственныя качества никого, повидимому, не интересовали: старались убѣдиться главнымъ образомъ лишь въ томъ, способенъ ли онъ исполнять обязанности жреца, и не пострадаетъ ли религія гражданской общины въ его рукахъ.

Такого рода испытанія были, кажется, въ обычаѣ и въ Римѣ. Правда, у насъ нѣтъ никакихъ свѣдѣній о томъ, какіе именно вопросы предлагались консулу, но тѣмъ не менѣе мы знаемъ, что такого рода испытанія совершалъ верховный жрецъ, и имѣемъ полное право предположить, что оно касалось только религіозной правоспособности новаго кандидата.

Глава XI.

Законъ.

У грековъ и римлянъ, какъ и у индусовъ, законъ былъ въ началѣ частью религіи. Древніе кодексы гражданскихъ общинъ были собраніемъ ритуаловъ, обрядовыхъ предписаній, молитвъ и вмѣстѣ съ этимъ законодательныхъ постановленій. Законы о частной собственности, законы о наслѣдованіи были

разсѣяны среди правилъ, касающихся жертвоприношеній, погребенія и культа мертвыхъ.

То, что осталось у насъ отъ древнихъ законовъ Рима, называвшихся царскими законами, относится настолько же къ культу, какъ и къ правиламъ гражданской жизни. Одинъ изъ нихъ запрещалъ виновной женѣ приближаться къ алтарю; другой запрещалъ употребленіе извѣстныхъ кушаній при священныхъ обѣдахъ; третій указывалъ, какую религіозную церемонію долженъ совершить побѣдитель при возвращеніи въ городъ. Законы Двѣнадцати Таблицъ, хотя и болѣе поздняго происхожденія, содержали, тѣмъ не менѣе, еще мельчайшія предписанія относительно религіозныхъ обрядовъ погребенія. Трудъ Солона былъ одновременно сводомъ законовъ, постановленій государственнаго строя и религіозныхъ предписаній. Тамъ былъ обозначенъ и порядокъ жертвоприношенія, и цѣна жертвенныхъ животныхъ, равно какъ и обряды бракосочетанія и культа мертвыхъ.

Цицеронъ въ своемъ трактатѣ „О законахъ" намѣчаетъ планъ законодательства, и планъ этотъ не вполнѣ плодъ его творчества. Онъ подражаетъ по существу, какъ и по формѣ, своего кодекса древнимъ законодателямъ. Вотъ первый законъ, который онъ вписываетъ: „Пусть никто не приблизится къ богамъ иначе, какъ съ чистыми руками;—пусть всякій блюдетъ храмы отцовъ и жилище домашнихъ Ларовъ;—пусть жрецы употребляютъ во время священныхъ трапезъ лишь дозволенныя явства;—пусть воздается богамъ манамъ должный имъ культъ". Римскій философъ, безъ сомнѣнія, мало интересовался этой древней религіей ларовъ и мановъ, но онъ писалъ свой трактатъ въ общихъ чертахъ по образцу древнихъ законодательныхъ сборниковъ, и ему казалось, что онъ долженъ внести въ него религіозныя правила культа. Въ Римѣ было вполнѣ признанной истиной, что нельзя быть хорошимъ верховнымъ жрецомъ, не зная законовъ, и обратно—нельзя знать хорошо права не зная религіозныхъ постановленій. Верховные жрецы являлись долгое время единственными юристами

Такъ какъ не было почти ни одного случая жизни, ко-

торый не имѣлъ бы отношенія къ религіи, то вслѣдствіе этого все было подчинено рѣшенію жрецовъ, и они являлись единственными компетентными судьями въ безчисленномъ количествѣ судебныхъ дѣлъ. Всѣ спорныя дѣла, касающіяся браковъ, развода, гражданскихъ и религіозныхъ правъ дѣтей,—подлежали ихъ суду. Они судили и за кровосмѣшеніе, и за безбрачіе Такъ какъ усыновленіе касалось религіи, то оно могло быть произведено только съ согласія верховнаго жреца. Составить завѣщаніе значило прервать тотъ порядокъ, который религія установила для наслѣдованія имущества и передачи культа, а потому завѣщаніе должно было въ началѣ представляться на утвержденіе верховнаго жреца. Такъ какъ границы всякой земельной собственности были обозначены религіей, то, если возникали пограничные споры между двумя сосѣдями, они должны были являться на судъ къ верховному жрецу или къ арвальскимъ братьямъ. Вотъ почему одни и тѣ же лица были и жрецами и юристами: право и религія составляли одно цѣлое.

Въ Аѳинахъ первый архонтъ и царь имѣли почти одни и тѣ же судебныя права, какъ и римскій верховный жрецъ. Обязанностью архонта было наблюдать, чтобы домашніе культы не прекращались, а царь, весьма походившій на римскаго верховнаго жреца, являлся верховнымъ руководителемъ религіи гражданской общины. Поэтому первый разбиралъ всѣ споры, касающіеся семейнаго права, а второй всѣ преступленія противъ религіи.

Способъ созданія древнихъ законовъ представляется совершенно яснымъ. Не люди изобрѣли ихъ. Солонъ, Ликургъ, Миносъ, Нума могли записать законы своихъ гражданскихъ общинъ, но они ихъ не создали. Если мы будемъ подразумѣвать подъ законодателемъ человѣка, который создаетъ собраніе законовъ силою своего генія и заставляетъ другихъ людей подчиняться имъ, то такого законодателя никогда не существовало у древнихъ. Народныя постановленія тоже не являлись источникомъ законовъ. Мысль, что количество поданныхъ голосовъ можетъ создать законъ, явилась очень поздно въ гра-

жданскихъ общинахъ и лишь послѣ того, какъ эти общины были дважды преобразованы переворотами. А до тѣхъ поръ законы являлись какъ нѣчто древнее, неизмѣнное, благоговѣйно почитаемое. Столь же древніе, какъ и гражданская община, они были *установлены* основателемъ общины одновременно съ тѣмъ, какъ онъ *установилъ* очагъ, *moresque viris et moenia ponit*. Онъ учредилъ ихъ одновременно съ учрежденіемъ религіи. Но все же нельзя сказать, что онъ ихъ самъ придумалъ. Кто же былъ ихъ истиннымъ создателемъ? Когда мы говорили объ организаціи семьи, о греческихъ и римскихъ законахъ, устанавливавшихъ право собственности и наслѣдованія, право завѣщанія, усыновленія, то мы замѣтили, до какой степени точно соотвѣтствовали эти законы вѣрованіямъ древнихъ поколѣній. Если сопоставить эти законы съ естественной справедливостью, то они часто окажутся въ противорѣчіи съ ней, и станетъ совершенно очевиднымъ, что не изъ понятій абсолютнаго права и не изъ чувства справедливости они почерпнуты. Но если мы сопоставимъ тѣ же законы съ культомъ мертвыхъ и культомъ очага, сравнимъ съ различными предписаніями этой первобытной религіи, то мы увидимъ, что они находятся въ полномъ взаимномъ соотвѣтствіи.

Человѣку не приходилось обращаться къ своей совѣсти и говорить: это справедливо, это несправедливо; древнее право возникло не такъ. Человѣкъ вѣровалъ, что священный очагъ въ силу религіознаго закона переходитъ отъ отца къ сыну; изъ этого слѣдовало, что и домъ является наслѣдственнымъ имуществомъ. Человѣкъ, похоронившій своего отца на своемъ полѣ, твердо вѣрилъ, что духъ умершаго навсегда овладѣлъ этимъ полемъ и требовалъ здѣсь себѣ вѣчнаго культа отъ потомства, изъ этого слѣдовало, что поле—владѣнье умершаго и мѣсто жертвоприношеній—становилось неотчуждаемой собственностью семьи. Религія говорила: сынъ есть продолжатель культа, а не дочь, и законъ вмѣстѣ съ религіей повелѣвалъ: наслѣдуетъ сынъ, дочь же не наслѣдуетъ; наслѣдуетъ племянникъ по мужской линіи, но не по женской. Вотъ какъ создался законъ: онъ явился самъ собою, его не надо было

изыскивать. Онъ являлся прямымъ и необходимымъ слѣдствіемъ вѣрованій, онъ былъ сама религія, приложенная къ взаимнымъ отношеніямъ людей между собой.

Древніе говорили, что законы свои они получили отъ боговъ. Жители Крита приписывали свои законы не Миносу, но Юпитеру; лакедемонцы вѣрили, что ихъ законодателемъ былъ не Ликургъ, а богъ Аполлонъ. Римляне говорили, что Нума писалъ свои законы подъ диктовку одного изъ самыхъ могущественныхъ божествъ древней Италіи—богини Эгеріи. Этруски получили свои законы отъ бога Талеса. Во всѣхъ этихъ преданіяхъ есть правда. Истиннымъ законодателемъ древнихъ былъ не человѣкъ; законодателемъ этимъ были религіозныя вѣрованія, которыя человѣкъ носилъ въ своей душѣ.

Законы долгое время оставались предметомъ священнымъ. Даже въ ту эпоху, когда было признано, что для созданія закона достаточно воли одного человѣка или общаго голосованія народа, даже и тогда къ религіи обращались за совѣтомъ или, по меньшей мѣрѣ, спрашивали ея согласія. Въ Римѣ единогласная подача голосовъ не считалась достаточной для созданія закона; требовалось сверхъ того, чтобы рѣшеніе народа было одобрено верховными жрецами, и чтобы авгуры удостовѣрили благосклонность боговъ къ предлагаемому закону. Однажды, когда плебейскіе трибуны хотѣли добиться отъ собранія трибъ принятія новаго закона, то одинъ патрицій сказалъ имъ: „какое право имѣете вы создавать новый законъ или касаться законовъ уже существующихъ? Вы, не обладающіе правомъ ауспицій, вы, не совершающіе въ вашихъ собраніяхъ религіозныхъ священнодѣйствій, что имѣете вы общаго съ религіей и всѣми священными предметами, среди которыхъ нужно считать и законы?"

Изъ сказаннаго будетъ вполнѣ понятно, какую привязанность и какое глубокое уваженіе сохраняли долгое время древніе къ своимъ законамъ. Не дѣло человѣческихъ рукъ видѣли они въ нихъ; происхожденіе этихъ законовъ было священно. И не пустой фразой являлись слова Платона, говорящаго, что повиноваться законамъ это значитъ повиноваться богамъ. Платонъ выражалъ только общую всѣмъ грекамъ мысль, когда въ „Критонѣ" выводитъ передъ нами Сократа, готоваго умереть, потому что законъ этого отъ него требуетъ. Еще раньше Сократа на Ѳермопильской скалѣ было написано: „Путникъ, возвѣсти Спартѣ, что мы пали здѣсь всѣ, вѣрные ея законамъ". Законъ у древнихъ былъ всегда священнымъ; во времена царей онъ былъ владыкою царей, во времена республикъ—онъ былъ царемъ народовъ. Неповиновеніе закону было святотатствомъ.

Въ принципѣ законъ былъ неизмѣненъ, потому что онъ былъ божественъ. Нужно замѣтить, что законы никогда не отмѣнялись; можно было издавать новые, но старые продолжали всегда существовать, какъ бы ни были они противорѣчивы другъ другу. Драконовы законы не были уничтожены законами Солона; ни царскіе законы—законами Двѣнадцати Таблицъ. Камень, на которомъ были вырѣзаны законы, былъ неприкосновененъ; самое большее, что наименѣе богобоязненные люди позволяли себѣ, это—повернуть его обратной стороной. Этотъ принципъ былъ главною причиною той большой запутанности, которую мы видимъ во всемъ древнемъ правѣ. Въ немъ были собраны различные законы различныхъ эпохъ всѣ вмѣстѣ, и всѣ они имѣли право на уваженіе. Въ одной изъ судебныхъ рѣчей Исея мы видимъ двухъ людей, оспаривающихъ другъ у друга наслѣдство; каждый изъ нихъ приводитъ въ свою пользу законъ; оба эти закона совершенно противорѣчатъ другъ другу и оба они одинаково священны. Такимъ же точно образомъ и собраніе законовъ Ману сохраняетъ старинный законъ о правѣ первородства и тутъ же рядомъ помѣщаетъ другой, требующій равнаго раздѣла имущества между братьями.

Древній законъ никогда не сопровождается указаніями на мотивы его изданія. Да и зачѣмъ? Онъ не обязанъ давать отчета; онъ существуетъ, потому что боги создали его. Законъ не вступаетъ въ объясненія; онъ является какъ повелительная сила; люди повинуются ему, потому что они въ него вѣрятъ.

Въ теченіе многихъ поколѣній законы не были записаны; они передавались отъ отца къ сыну вмѣстѣ съ вѣрованіями

и формулами молитвъ; они были священнымъ преданіемъ, которое увѣковѣчивалось близъ семейнаго очага или близъ очага гражданской общины.

Въ тотъ день, когда законы начали записывать, ихъ стали вносить въ священныя книги, въ книги обрядовъ среди молитвъ и правилъ священнодѣйствій. Варронъ цитируетъ одинъ древній законъ города Тускулума и добавляетъ, что онъ читалъ его въ священныхъ книгахъ этого города. Діонисій Галикарнасскій, разбиравшій подлинные документы, говоритъ, что въ Римѣ до эпохи децемвировъ немногіе изъ писанныхъ законовъ находились въ священныхъ книгахъ. Позже законы перестали записывать въ обрядовыхъ книгахъ, ихъ начали писать отдѣльно; но они продолжали находиться, по обычаю, въ храмѣ, и жрецы продолжали быть ихъ хранителями.

Писанные или неписанные законы эти были неизмѣнно выражены въ видѣ краткихъ изреченій и по формѣ ихъ можно сравнить со стихами книги Моисеевой или же со шлоками законовъ ману. Весьма вѣроятно даже, что слова закона имѣли ритмическій размѣръ. Аристотель говоритъ, что раньше того времени, какъ законы были записаны, они пѣлись. Воспоминаніе объ этомъ осталось въ языкѣ; римляне называли законы *carmina*, стихи; а греки говорили νόμοι—пѣсни.

Эти древніе стихи были неизмѣняемымъ текстомъ. Измѣнить въ нихъ хотя бы одну букву или перемѣстить хотя бы одно слово, нарушая такимъ образомъ ритмъ, это значило разрушить самый законъ, уничтожая ту священную форму, въ которой онъ явленъ людямъ. Законъ былъ подобенъ молитвѣ, которая только тогда была пріятна богамъ, когда слова ея оставались совершенно неизмѣнными, и которая становилась нечестивой, если хоть одно слово было въ ней измѣнено. Въ первобытномъ законѣ внѣшняя форма, буква—были все. Здѣсь нечего искать идеи или духа закона. Законъ имѣетъ цѣнность не по тому нравственному принципу, который въ немъ заключается, но по тѣмъ точнымъ словамъ, изъ которыхъ состоитъ его формула. Его сила заключается въ священныхъ выраженіяхъ, которыя его составляютъ.

У древнихъ и особенно въ Римѣ идея права была неразлучна съ употребленіемъ извѣстныхъ священныхъ словъ. Если, напримѣръ, нужно было заключить какое-нибудь обязательство, то одинъ долженъ былъ сказать: *Dari spondes?* и другой долженъ былъ отвѣтить: *Spondeo*. Если эти слова не были произнесены, то и договоръ не считался заключеннымъ. Напрасно заимодавецъ требовалъ уплаты своего долга, должникъ не считался его должникомъ, потому что сила, обязывающая человѣка въ древнемъ правѣ, не была совѣсть или чувство справедливости,—это была священная формула. Эта формула, произнесенная взаимно двумя людьми, устанавливала между ними правовую связь. Тамъ, гдѣ не было формулы, не существовало и права.

Странныя формы древняго судопроизводства не будутъ насъ болѣе удивлять, если мы подумаемъ, что римское право было религіей, законъ — священнымъ текстомъ, правосудіе — собраніемъ обрядовъ. Истецъ преслѣдовалъ по закону, *agit lege*. Выраженіемъ, формулой закона побѣждаетъ онъ своего противника; но ему нужна величайшая осторожность: чтобы имѣть законъ на своей сторонѣ, онъ долженъ точно знать тѣ выраженія, въ которыхъ онъ формулированъ, и произносить ихъ вполнѣ безошибочно. Если онъ употребитъ одно слово вмѣсто другого, то законъ болѣе для него не существуетъ, не можетъ его болѣе защищать. Гай разсказываетъ такого рода случай: у нѣкоего человѣка сосѣдъ вырубилъ его виноградникъ; фактъ былъ несомнѣнный; онъ произнесъ формулу закона, но въ законѣ говорится „деревья“, онъ же произнесъ „виноградникъ“ и поэтому проигралъ свой процессъ.

Однако, произнесенія точныхъ словъ закона было еще недостаточно, нужно было сопровождать ихъ еще внѣшними знаками, которые являлись какъ бы обрядами этой религіозной церемоніи, называвшейся договоромъ или судебнымъ процессомъ. Поэтому при всякой продажѣ нужно было употреблять кусокъ мѣди или вѣсы; при покупкѣ чего-нибудь—слѣдовало дотронуться до покупаемаго предмета рукой, *mancipatio*; если происходилъ споръ о какой-нибудь собственности—изо-

бражалась притворно борьба, *manum consertio*. Отсюда произошли формулы при отпущеніи на волю, при выдѣленіи изъ семьи, при отправленіи правосудія и всѣ внѣшнія дѣйствія, вся пантомима судопроизводства.

Такъ какъ законъ составлялъ часть религіи, то и онъ былъ облеченъ таинственнымъ характеромъ, какъ вся религія гражданской общины. Формулы закона хранились втайнѣ, какъ и формулы культа. Онѣ скрывались отъ чужеземцевъ и даже отъ плебеевъ. Происходило это не потому, чтобы патриціи разсчитывали, владѣя законами исключительно, извлекать изъ этого для себя большую пользу; но потому, что законы по своему происхожденію, по своей природѣ считались долго таинствомъ, въ которое нельзя было посвятить человѣка, не посвятивъ его предварительно въ національный и домашній культъ.

Религіозное происхожденіе древняго права объясняетъ намъ одну изъ главныхъ его особенностей. Религія была чисто *гражданская*, т.-е. особая для каждой гражданской общины; и вытекающее отсюда право могло быть тоже только *гражданскимъ*. Но важно выяснить смыслъ, какой это слово имѣло у древнихъ. Когда говорили *гражданское право*, *ius civile*, νόμοι πολιτικοί, то это означало, что не только каждая гражданская община имѣла свой кодексъ, какъ имѣетъ его въ наши дни каждое государство, но также что и законы каждой гражданской общины имѣютъ силу и дѣйствуютъ только между ея членами. Недостаточно было жить въ городѣ, чтобы находиться подъ властью законовъ и подъ ихъ покровительствомъ: нужно было еще быть гражданиномъ. Законъ не существовалъ для рабовъ, онъ не существовалъ также и для чужеземцевъ. Ниже мы увидимъ, что чужеземецъ, поселившійся въ городѣ, не могъ ни пріобрѣтать тамъ себѣ собственности, ни наслѣдовать, ни дѣлать завѣщанія, ни заключатать какого-нибудь договора, ни выступать передъ обычнымъ судилищемъ гражданъ. Въ Аѳинахъ, если онъ являлся заимодавцемъ гражданина, онъ не могъ преслѣдовать его по суду за долгъ; законъ не признавалъ силы за его договорами.

Такой порядокъ древняго права отличался полнѣйшей логичностью. Право родилось не изъ идеи справедливости, но изъ религіи, и было немыслимо внѣ ея. Для того, чтобы между двумя людьми явились правовыя отношенія, нужно, чтобы между ними были предварительно религіозныя отношенія, т.-е. чтобы у обоихъ у нихъ былъ культъ одного и того же очага и тѣ же самыя жертвоприношенія. Если между двумя людьми не было этой религіозной обязанности, то не могло быть, повидимому, и никакихъ правовыхъ отношеній. Ни рабъ, ни чужеземецъ не имѣли участія въ религіозномъ культѣ гражданской общины. Чужеземецъ и гражданинъ могли долгіе годы жить рядомъ другъ съ другомъ безъ того, чтобы явилась возможность установить между ними правовую связь. Право было только одною изъ сторонъ религіи. Разъ нѣтъ общей религіи, то нѣтъ и общаго права.

Глава XII.

Гражданинъ и чужеземецъ.

Гражданинъ узнавался по тому обстоятельству, что онъ принималъ участіе въ культѣ гражданской общины, и отъ этого участія онъ получалъ всѣ свои гражданскія и политическія права. Тотъ, кто отрекался отъ культа,—отрекался и отъ правъ.

Выше мы говорили о тѣхъ общественныхъ обѣдахъ, которые являлись главнымъ обрядомъ національнаго культа. Въ Спартѣ тотъ, кто не участвовалъ въ нихъ, хотя бы не по своей винѣ, переставалъ считаться въ числѣ гражданъ. Каждая гражданская община требовала, чтобы всѣ ея члены принимали участіе въ празднествахъ своего культа. Въ Римѣ обязательно было присутствовать при священной церемоніи очищенія, чтобы сохранить за собою политическія права гражданина. Человѣкъ, не присутствовавшій при этихъ обрядахъ, т.-е. не принимавшій участія въ общественной молитвѣ и

жертвоприношеніи, не считался болѣе гражданиномъ вплоть до слѣдующаго дня очищенія.

Если мы пожелаемъ охарактеризовать гражданина античнаго времени по его наиболѣе существеннымъ признакамъ, то мы должны будемъ сказать, что это человѣкъ, владѣющій религіей гражданской общины, чтущій тѣхъ же боговъ, что и она; человѣкъ, за котораго архонтъ или пританъ приносятъ ежедневныя жертвы; человѣкъ, имѣющій право приближаться къ алтарю, входить въ священный кругъ, гдѣ происходятъ народныя собранія; присутствовать на священныхъ празднествахъ, принимать участіе въ шествіяхъ, присоединяться къ пѣнію священныхъ гимновъ, участвовать въ священной трапезѣ, получать свою долю жертвеннаго мяса. Это человѣкъ, поклявшійся также, въ тотъ день, когда онъ былъ включенъ въ списокъ гражданъ, исполнять обряды священнаго культа боговъ и бороться за нихъ. Обратите вниманіе на термины языка: быть принятымъ въ число гражданъ выражалось по-гречески μετεῖναι τῶν ἱερῶν—принимать участіе въ священныхъ дѣлахъ.

Чужеземецъ есть, наоборотъ, человѣкъ, не имѣющій доступа къ культу, человѣкъ, которому боги гражданской общины не оказываютъ своего покровительства и который не имѣетъ даже права призывать ихъ, потому что національные боги желаютъ принимать и молитвы, и приношенія только отъ гражданъ; они отвергаютъ чужеземцевъ; чужеземцу запрещается входъ въ ихъ храмъ, и присутствіе его при религіозныхъ обрядахъ есть святотатство. Свидѣтельство объ этомъ древнемъ чувствѣ отвращенія къ чужимъ сохранилось для насъ въ одномъ изъ главныхъ обрядовъ римскаго культа: когда верховный жрецъ приносилъ жертву на открытомъ воздухѣ, то покрывало должно было окутывать его голову, потому что передъ священнымъ огнемъ, среди религіознаго священнодѣйствія національнымъ богамъ лицо чужеземца не должно попадаться на глаза верховному жрецу; этимъ были бы нарушены ауспиціи.

Священный предметъ, попадавшій на минуту въ руки чу-

жеземца, моментально бывалъ оскверненъ, и только лишь искупительные обряды могли возвратить ему его священныя свойства. Если непріятель овладѣвалъ городомъ, и затѣмъ граждане брали его обратно, то первымъ дѣломъ необходимо было очистить всѣ храмы, погасить и зажечь снова всѣ очаги; прикосновеніе чужеземца оскверняло ихъ.

Такимъ образомъ, религія установила между гражданиномъ и чужеземцемъ глубокое и неизгладимое различіе. Та же самая религія, пока была сильна ея власть надъ людьми, запрещала давать чужеземцу право гражданства. Во времена Геродота оно не было никому дано за исключеніемъ одного прорицателя, и то для этого понадобилось опредѣленное повелѣніе оракула. Аѳиняне давали его иногда, но съ какими предосторожностями! Требовалось прежде всего, чтобы собравшійся народъ согласился на принятіе чужеземца; но это одно не имѣло еще пока никакого значенія: требовалось, чтобы девять дней спустя новое народное собраніе высказалось вторично въ томъ же смыслѣ при тайной подачѣ голосовъ, и чтобы благопріятныхъ голосовъ было при этомъ по крайней мѣрѣ шесть тысячъ. Цифра эта покажется громадной, если подумать, что на аѳинскія народныя собранія рѣдко сходилось такое количество гражданъ. Наконецъ, еще первый попавшійся человѣкъ среди аѳинянъ могъ противупоставить нѣчто вродѣ *veto*, выступить передъ судомъ противъ этого рѣшенія, какъ противнаго древнимъ законамъ, и добиться его отмѣны. Не было ни одного общественнаго акта, который законодатель обставлялъ бы такими трудностями и предосторожностями, какъ актъ, дававшій чужеземцу права гражданства. Много меньше формальностей требовалось при объявленіи войны или при созданіи новаго закона. Почему же ставилось столько препятствій чужеземцу, желавшему стать гражданиномъ? Тутъ безусловно не могло быть боязни, что его голосъ нарушитъ равновѣсіе въ народныхъ собраніяхъ. Демосѳенъ объясняетъ намъ настоящіе мотивы, истинную мысль аѳинянъ: „Необходимо думать о богахъ и соблюдать чистоту жертвоприношеній". Исключить чужеземца, это значитъ „блюсти священные обря-

ды". Принять чужеземца въ среду гражданъ, это значитъ „дать ему часть въ религіи и въ жертвоприношеніяхъ". И вотъ народъ не чувствовалъ себя достаточно въ правѣ совершить подобный актъ; его тревожили религіозныя опасенія, такъ какъ онъ зналъ, что національные боги отвергаютъ чужихъ, и что поэтому, быть можетъ, даже самыя жертвоприношенія будутъ осквернены присутствіемъ вновь принятаго члена общины. Дарованіе правъ гражданства чужеземцу было истиннымъ нарушеніемъ основныхъ принциповъ національнаго культа; вотъ почему гражданская община въ началѣ своего существованія была такъ скупа относительно этого дара. Нужно ли добавлять еще, что человѣкъ, принятый съ такимъ трудомъ въ число гражданъ, не могъ быть ни архонтомъ, ни жрецомъ. Гражданская община разрѣшала ему присутствовать при совершеніи культа, но являться самому руководителемъ—это было бы ужъ слишкомъ.

Нельзя было сдѣлаться аѳинскимъ гражданиномъ, будучи уже гражданиномъ другого города; была полная религіозная невозможность быть одновременно гражданиномъ двухъ общинъ, какъ невозможно было,—мы это видѣли раньше,—быть членомъ двухъ семействъ. Нельзя было исповѣдывать заразъ двѣ религіи.

Участіе въ культѣ вело за собой и обладаніе извѣстными правами. Вслѣдствіе того, что гражданинъ имѣлъ право присутствовать при жертвоприношеніи, которымъ начиналось народное собраніе, онъ имѣлъ право и подавать свой голосъ на этомъ собраніи.

Вслѣдствіи того, что онъ имѣлъ право совершать жертвоприношенія отъ лица гражданской общины, онъ могъ бы также быть пританомъ или архонтомъ. Обладая религіей гражданской общины, онъ могъ призывать ея боговъ и совершать всѣ обряды, необходимые при судопроизводствѣ.

Чужеземецъ, наоборотъ, не принадлежа совершенно къ религіозной общинѣ, не имѣлъ и никакихъ правъ. Если онъ входилъ въ священный кругъ, очерченный жрецомъ для народнаго собранія, то наказывался за это смертью. Законъ

гражданской общины не существовалъ для него; если онъ совершалъ преступленіе, то съ нимъ поступали какъ и съ рабомъ и наказывали безъ суда; гражданская община совершенно не обязана была оказывать ему правосудіе. Когда же, наконецъ, почувствовалась необходимость оказывать правосудіе и чужеземцамъ, то для этого пришлось учредить спеціальное судилище. Въ Римѣ былъ особый преторъ для суда надъ иностранцами (*praetor peregrinus*). А въ Аѳинахъ судьею иностранцевъ былъ полемархъ, т.-е. то самое должностное лицо, на обязанности котораго лежали заботы о войнѣ и о всѣхъ сношеніяхъ съ непріятелемъ.

Ни въ Римѣ, ни въ Аѳинахъ чужеземецъ не могъ быть земельнымъ собственникомъ. Онъ не могъ вступать въ бракъ; по крайней мѣрѣ бракъ его считался незаконнымъ; дѣти, родившіяся отъ союза гражданина съ иностранкой, считались незаконными. Чужеземецъ не могъ заключать договора съ гражданиномъ; по крайней мѣрѣ законъ не признавалъ дѣйствительнымъ такой договоръ. Чужеземецъ не имѣлъ права въ началѣ заниматься торговлей. Римскій законъ запрещалъ ему наслѣдовать гражданину, и даже гражданинъ не имѣлъ права наслѣдовать послѣ чужеземца. Строгость этого принципа простиралась такъ далеко, что если отецъ получалъ право римскаго гражданства безъ того, чтобы его получалъ также и сынъ, родившійся раньше этого времени, то сынъ становился постороннимъ по отношенію къ своему отцу и не могъ уже ему наслѣдовать. Различіе между гражданиномъ и чужеземцемъ было сильнѣе, чѣмъ естественныя родственныя узы между отцомъ и сыномъ.

Съ перваго взгляда можетъ показаться, что люди поставили себѣ долгомъ установить цѣлую систему притѣсненій по отношенію къ иностранцамъ. Ничего подобнаго. И въ Аѳинахъ, и въ Римѣ ихъ принимали, наоборотъ, весьма радушно и покровительствовали имъ или ради коммерческой выгоды, или изъ разсчетовъ политическихъ. Но ни расположеніе къ иностранцамъ, ни выгода не могли, тѣмъ не менѣе, уничтожить древнихъ законовъ, установленныхъ религіей. Эта религія не позволяла чужеземцу дѣлаться земельнымъ собственникомъ,

потому что онъ не могъ быть участникомъ въ священной землѣ гражданской общины. Она не позволяла ни чужеземцу наслѣдовать гражданину, ни наоборотъ, потому что всякая передача имущества вела за собою и передачу культа, а исполненіе гражданиномъ чужого культа было совершенно такъ же невозможно, какъ и исполненіе чужеземцемъ культа гражданской общины.

Иностранца можно было принимать, заботиться о немъ, даже почитать, если онъ былъ богатъ или заслуживалъ почтенія, но нельзя было допускать его къ участію въ религіи или въ правѣ. Съ рабомъ поступали въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ лучше, чѣмъ съ нимъ: рабъ—членъ семьи, культъ которой онъ раздѣлялъ, былъ присоединенъ черезъ посредство своего господина къ гражданской общинѣ, и боги ея ему покровительствовали; поэтому римскій законъ говоритъ, что могила раба священна, но могила чужеземца священною не была.

Для того, чтобы иностранецъ могъ имѣть какое-нибудь значеніе въ глазахъ закона, чтобы онъ могъ заниматься торговлей, заключать договоры, безопасно владѣть своимъ имуществомъ, чтобы правосудіе гражданской общины могло дать ему дѣйствительную защиту,—онъ долженъ былъ сдѣлаться кліентомъ гражданина. И въ Римѣ, и въ Аѳинахъ требовалось, чтобы каждый иностранецъ избралъ себѣ патрона. Поступая въ ряды кліентовъ и становясь въ зависимость отъ гражданина, иностранецъ вступалъ посредствомъ этого въ связь съ гражданской общиной, начиналъ тогда пользоваться нѣкоторыми преимуществами гражданскаго права и пріобрѣталъ себѣ покровительство законовъ.

Древнія гражданскія общины наказываютъ большую часть проступковъ, совершенныхъ противъ себя, тѣмъ, что отнимаютъ право гражданства. Это наказаніе называлось ἀτιμία. Человѣкъ, наказанный такимъ образомъ, не могъ болѣе занимать общественной должности, не могъ ни участвовать въ отправленіи правосудія, ни говорить въ народныхъ собраніяхъ. Въ то же время онъ былъ устраненъ отъ участія въ религіи; приговоръ

гласилъ: „что онъ не смѣетъ болѣе входить ни въ одно изъ святилищъ гражданской общины, что онъ не имѣетъ болѣе права надѣвать вѣнокъ на голову въ тѣ дни, когда всѣ граждане украшаютъ себя вѣнками, и что онъ не имѣетъ права вступать въ священный кругъ, очерченный на площади очистительной водой и кровью жертвенныхъ животныхъ". Боги гражданской общины для него болѣе не существовали. Въ то же время онъ терялъ всѣ гражданскія права; онъ не могъ являться болѣе передъ судомъ даже въ качествѣ свидѣтеля; если онъ былъ оскорбленъ, онъ не смѣлъ жаловаться: „его можно было безнаказанно ударить"; законы гражданской общины не защищали его. Для него не существовало больше ни купли, ни продажи, ни какого бы то ни было договора. Онъ становился чужеземцемъ въ родномъ городѣ; у него все было отнято сразу: права политическія, права религіозныя, права гражданскія; вся совокупность этихъ правъ содержалась въ званіи гражданина и терялась вмѣстѣ съ потерей этого званія.

Глава XIII.

Патріотизмъ.—Изгнаніе.

Слово отечество означало у древнихъ землю отцовъ, *terra patria*. Отечествомъ каждаго человѣка была та часть земли, которую освятила его домашняя или національная религія, та земля, гдѣ были погребены останки его предковъ и гдѣ жили ихъ души. Малымъ отечествомъ было небольшое огороженное пространство земли, принадлежащее семьѣ, гдѣ находились могилы и очагъ; большимъ отечествомъ была гражданская община со своимъ пританеемъ, своими героями, священной оградой и всей территоріей, границы которой намѣтила религія. „Священная земля отечества", говорили греки. И это было не праздное слово: земля эта была дѣйствительно священна для людей, потому что здѣсь жили ихъ боги. Государство, гражданская община, отечество—эти слова не были отвлечен-

ными понятіями, какъ у нашихъ современниковъ, это было цѣлое, состоящее изъ мѣстныхъ боговъ, ежедневнаго культа и господствовавшихъ надъ душою вѣрованій.

Этимъ объясняется патріотизмъ древнихъ, то сильное чувство, которое было для нихъ высшею добродѣтелью и къ которому примыкали всѣ другія добродѣтели. Съ отечествомъ соединялось все, что могло быть самаго дорогого для человѣка. Въ немъ находилъ онъ свое благосостояніе, свою безопасность, свое право, свою вѣру, своего бога. Теряя его, онъ терялъ все. Было почти невозможно, чтобы частная выгода расходилась съ выгодой общественной. Платонъ говоритъ: „Отечество насъ рождаетъ, вскармливаетъ и воспитываетъ", а Софоклъ: „Отечество насъ сохраняетъ".

Такое отечество являлось для человѣка не только мѣстомъ жительства. Пусть онъ покинетъ эти святыя стѣны, переступитъ священныя границы области, и для него нѣтъ болѣе ни религіи, ни какого бы то ни было общественнаго союза. Всюду за предѣлами своего отечества онъ внѣ правильной жизни, внѣ закона; всюду за предѣлами отечества онъ лишенъ боговъ, лишенъ духовной жизни. Только въ своемъ отечествѣ онъ чувствуетъ въ себѣ достоинство человѣка и имѣетъ свои обязанности; только здѣсь онъ можетъ быть человѣческой личностью.

Отечество привязываетъ человѣка къ себѣ священными узами; любить его надо, какъ любятъ религію, повиноваться ему надо, какъ повинуются богу. „Нужно отдаться ему всецѣло, все вложить въ него, все посвятить ему". Любить его нужно въ славѣ и въ униженіи, въ процвѣтаніи и въ несчастіи; любить его и за благодѣянія и за суровость. Сократъ, осужденный отечествомъ несправедливо на смерть, любитъ его, тѣмъ не менѣе, такъ же сильно. Его нужно любить, какъ любилъ Авраамъ своего Господа, до готовности принести ему въ жертву собственнаго сына. Главное же, нужно умѣть умереть за отечество. Грекъ или римлянинъ не умираютъ изъ преданности къ одному человѣку или изъ чувства чести, но за отечество онъ отдаетъ свою жизнь, потому что нападеніе на

отечество есть нападеніе на религію; и здѣсь человѣкъ дѣйствительно борется за свои алтари, за свои очаги, pro aris et focis, потому что, если непріятель овладѣвалъ городомъ, то алтари его бывали низвергнуты, очаги погашены, могилы осквернены, боги истреблены, и культъ уничтоженъ. Любовь къ отечеству—это благочестіе древнихъ.

Обладаніе отечествомъ должно было считаться весьма драгоцѣннымъ, потому что древніе не придумали болѣе жестокаго наказанія, какъ лишить человѣка этого отечества. Обыкновеннымъ наказаніемъ за очень большія преступленія было изгнаніе.

Изгнаніе было не только запрещеніемъ пребывать въ городѣ и удаленіемъ за предѣлы отечества, оно было въ то же время и запрещеніемъ культа; оно заключало въ себѣ то, что современные народы называютъ отлученіемъ отъ церкви. Изгнать человѣка значило, по принятой у римлянъ формулѣ, отлучить его отъ огня и воды. Подъ огнемъ тутъ надо понимать огонь жертвоприношеній, а подъ водою—очистительную воду. Изгнаніе ставило человѣка, слѣдовательно, внѣ религіи. Въ Спартѣ также, если человѣкъ былъ лишенъ правъ гражданина, то его отлучали отъ огня. Аѳинскій поэтъ влагаетъ въ уста одного изъ своихъ дѣйствующихъ лицъ ужасную формулу, поражающую изгнанника: „Пусть онъ бѣжитъ", гласилъ приговоръ, „и пусть никогда не приблизится онъ къ храмамъ, пусть никто изъ гражданъ не заговоритъ съ нимъ и не приметъ его къ себѣ въ домъ; пусть никто не дозволитъ ему участвовать въ молитвахъ и жертвоприношеніяхъ, пусть никто не дастъ ему очистительной воды". Каждый домъ осквернялся отъ его присутствія. Человѣкъ, принявшій изгнанника, становился нечистымъ отъ соприкосновенія съ нимъ. „Тотъ, кто будетъ съ нимъ ѣсть или пить, или кто прикоснется къ нему", говорилось въ законѣ, „долженъ будетъ очиститься". Подъ гнетомъ этого отлученія изгнанникъ не могъ принимать участія ни въ какой религіозной церемоніи, для него не было болѣе ни культа, ни священныхъ обѣдовъ, ни молитвъ; онъ былъ лишенъ своей части въ религіозномъ наслѣдіи.

Надо принять во вниманіе, что для древнихъ богъ не былъ вездѣсущъ. Если у нихъ была какая-то смутная идея о божествѣ всей вселенной, то не это божество считали они своимъ провидѣніемъ, не къ нему обращались они съ молитвами. Богами каждаго человѣка были тѣ боги, которые жили въ его домѣ, въ его городѣ, въ его области. Изгнанникъ, оставляя за собою отечество, оставлялъ также и своихъ боговъ. Онъ не находилъ нигдѣ религіи, которая бы могла его утѣшить и взять подъ свою защиту; онъ не чувствовалъ болѣе попечительнаго провидѣнія надъ собою, у него было отнято счастье молитвы. Отъ него было удалено все, что могло удовлетворить потребностямъ его души.

Религія была тѣмъ источникомъ, изъ котораго вытекали права гражданскія и политическія; все это терялъ изгнанникъ, теряя свое отечество. Исключенный изъ культа гражданской общины, онъ лишался въ то же время также своего домашняго культа и долженъ былъ погасить свой очагъ. Онъ не имѣлъ болѣе права собственности на свое имущество, все его имущество и земля отбирались въ пользу боговъ или государства. Не имѣя болѣе культа, онъ не имѣлъ болѣе семьи; онъ переставалъ быть супругомъ и отцомъ. Его сыновья не находились болѣе подъ его властью; его жена не была болѣе его женой и могла выбрать себѣ немедленно другого супруга. Взгляните на Регула, попавшаго въ плѣнъ къ врагамъ; римскій законъ уподобляетъ его изгнаннику. Когда сенатъ спрашиваетъ его мнѣнія, онъ отказывается высказывать его, потому что изгнанникъ не можетъ быть болѣе сенаторомъ; когда жена и дѣти спѣшатъ къ нему, онъ отталкиваетъ ихъ объятія, потому что у изгнанника нѣтъ болѣе ни жены ни дѣтей.

Такимъ образомъ, изгнанникъ вмѣстѣ съ потерей религіи гражданской общины и правъ гражданина терялъ также и домашнюю религію и семью. У него не было болѣе ни очага, ни жены, ни дѣтей. Послѣ смерти, онъ не могъ быть погребенъ ни на землѣ гражданской общины, ни въ могилѣ своихъ предковъ, потому что онъ сдѣлался чужимъ.

Нѣтъ ничего удивительнаго, что древнія республики почти всегда допускали виновныхъ спасаться отъ смерти бѣгствомъ. Изгнаніе не представлялось казнью болѣе легкою, чѣмъ смерть. Римскіе юристы называли его самымъ тяжелымъ наказаніемъ.

Глава XIV.

О муниципальномъ духѣ.

То, что мы узнали до сихъ поръ о древнихъ учрежденіяхъ, особенно же о древнихъ вѣрованіяхъ, можетъ дать намъ понятіе о томъ глубокомъ различіи, какое существовало всегда между двумя гражданскими общинами. Пусть онѣ находились даже совсѣмъ близко, рядомъ другъ съ другомъ, все же онѣ составляли всегда два совершенно разныя общества, и между ними лежало нѣчто большее, чѣмъ разстояніе, раздѣляющее теперь два города, большее, чѣмъ границы, раздѣляющія два государства; у нихъ были разные боги, разные религіозные обряды, разныя молитвы. Участвовать въ культѣ гражданской общины было запрещено члену сосѣдней общины. Вѣрили, что боги отвергали поклоненіе всякаго, кто только не былъ ихъ согражданиномъ.

Правда, эти древнія вѣрованія постепенно съ теченіемъ времени смягчились и видоизмѣнились, но они были въ полной силѣ въ эпоху, когда складывались общества, и отпечатокъ этихъ вѣрованій остался на нихъ навсегда.

Легко понятны слѣдующія двѣ вещи: во-первыхъ, подобная собственная религія, присущая каждому городу въ отдѣльности, должна была установить сильный и почти непоколебимый строй; и въ самомъ дѣлѣ, поразительно, какъ долго существовалъ этотъ общественный строй, несмотря на свои недостатки и на всю возможность распаденія. Во-вторыхъ, эта самая религія должна была сдѣлать на многіе вѣка совершенно невозможнымъ установленіе другой соціальной формы, кромѣ гражданской общины.

Каждая гражданская община, въ силу требованія самой

религiи, должна была являться совершенно независимой. Каждая гражданская община должна была имѣть свои особые законы, такъ какъ у каждой была своя религiя, а законы проистекали изъ религiи. Каждая должна была имѣть свое высшее правосудiе, и не могло быть суда выше суда гражданской общины. Каждая должна была имѣть свои религiозныя празднества и свой календарь; мѣсяцы года не могли быть одни и тѣ же въ двухъ городахъ, такъ какъ у каждаго были свои особыя религiозныя священнодѣйствiя. У каждой гражданской общины были свои денежные знаки; вначалѣ монеты обозначались обыкновенно религiозными эмблемами. У каждой была своя мѣра и вѣсъ. Ничего общаго не допускалось между двумя общинами. Разграниченiе было такъ глубоко, что съ трудомъ можно было представить себѣ даже возможность брака между жителями двухъ различныхъ городовъ. Такой союзъ всегда казался страннымъ и долгое время считался даже незаконнымъ. Законодательство Рима и Аөинъ видимо противилось признать его. Почти повсюду дѣти, рожденныя отъ такого брака, считались въ числѣ незаконныхъ и были лишены правъ гражданства. Для того, чтобы бракъ между жителями двухъ городовъ былъ законнымъ, долженъ былъ необходимо существовать особый договоръ между этими городами (jus connubii, ἐπιγαμία).

Кругомъ территорiи каждой гражданской общины шла черта священныхъ границъ, это была граница ея нацiональной религiи и владѣнiй ея боговъ. По ту сторону границы царили иные боги и совершались обряды иного культа.

Наиболѣе яркой характерной чертой исторiи Грецiи и Италiи до римскаго завоеванiя является раздробленность, доведенная до крайнихъ предѣловъ, и духъ обособленности каждой гражданской общины. Грецiи никогда не удавалось образовать единаго государства; ни латинскiе, ни этрусскiе города, ни самнитскiя трибы никогда не могли сложиться въ плотное цѣлое. Неискоренимую раздробленность грековъ приписывали географическимъ свойствамъ ихъ страны и говорили, что горы, прорѣзывающiя страну во всѣхъ направленiяхъ, установили естественныя границы между различными областями;

но между Өивами и Платеей, между Аргосомъ и Спартой, между Сибарисомъ и Кротономъ горъ не было. Ихъ не было и между городами Лацiума, и между двумя городами Этрурiи. Физическiя свойства страны оказываютъ нѣкоторое влiянiе на исторiю народовъ, но влiянiе вѣрованiй несравненно болѣе могущественно. Нѣчто болѣе непроходимое, чѣмъ горы, лежало между областями Грецiи и Италiи; то были священныя границы, то было различiе культовъ; то была преграда, которую воздвигала гражданская община между своими богами и чужими. Она запрещала чужеземцу входить въ храмы своихъ городскихъ божествъ, она требовала, чтобы ея боги ненавидѣли чужеземцевъ и боролись противъ нихъ.

На этомъ основанiи древнiе не могли не только установить, но и вообразить себѣ иную организацiю, кромѣ гражданской общины. Ни греки, ни италiйцы, ни даже сами римляне очень долгое время не могли придти къ мысли, чтобы нѣсколько городовъ могли соединиться вмѣстѣ и жить на равныхъ правахъ подъ однимъ управленiемъ. Между двумя гражданскими общинами могъ быть союзъ, временное соглашенiе въ виду представляющейся выгоды или для избѣжанiя опасности; но это не было полнымъ соединенiемъ, потому что религiя дѣлала изъ каждаго города отдѣльное цѣлое, которое не могло входить въ составъ никакого другого. Обособленность была закономъ гражданской общины.

Какимъ же образомъ при тѣхъ вѣрованiяхъ и религiозныхъ обычаяхъ, которые мы видѣли, могли бы соединиться нѣсколько городовъ для образованiя одного государства? Человѣческая ассоцiацiя понималась и казалась правильной только въ томъ случаѣ, если она была основана на религiозномъ базисѣ. Символомъ этой ассоцiацiи должна была являться совершаемая сообща священная трапеза. Нѣсколько тысячъ гражданъ могли еще, пожалуй, въ крайности, собраться вокругъ одного пританея, читать вмѣстѣ молитвы и вкушать сообща священныя явства. Но попробуйте-ка, при подобныхъ обычаяхъ, сдѣлать одно государство изъ всей Грецiи! Какимъ образомъ можно совершать священные обѣды и всѣ тѣ рели-

гіозные обряды, при которыхъ обязательно должны присутствовать всѣ граждане? Гдѣ будетъ помѣщенъ пританей? Какъ совершать обрядъ годичнаго очищенія гражданъ? Что станется съ неприкосновенными границами, которыя отдѣляли нѣкогда навѣки область гражданской общины отъ всей прочей территоріи? Что станется съ мѣстнымъ культомъ, съ божествами города, съ героями каждой области? На землѣ Аѳинъ погребенъ герой Эдипъ, относящійся враждебно къ Ѳивамъ. Какъ же соединить вмѣстѣ въ одномъ культѣ и подъ однимъ управленіемъ религію Аѳинъ и религію Ѳивъ?

Когда эти вѣрованія ослабѣли (а ослабѣли они лишь весьма поздно въ умахъ народа), то ужъ не время было устанавливать новыя государственныя формы. Раздѣленность и обособленность были освящены уже привычкой, выгодой, укрѣплены застарѣлой злобой, воспоминаніями о прежней борьбѣ. Къ прежнему не было уже возврата.

Каждый городъ сильно дорожилъ своей *автономіей*, —такъ называлъ онъ совокупное цѣлое, подъ которымъ подразумѣвалось его право, его культъ, его управленіе—вся его независимость религіозная и политическая.

Легче было для одной гражданской общины подчинить себѣ другую, чѣмъ присоединить ее къ себѣ. Побѣдой можно было сдѣлать изъ всѣхъ жителей даннаго города такое же количество рабовъ, но она была безсильна сдѣлать ихъ согражданами побѣдителей. Слить двѣ гражданскія общины въ одно государство, слить народъ-побѣдитель съ народомъ побѣжденнымъ и объединить ихъ подъ однимъ управленіемъ—вотъ фактъ, который никогда не встрѣчается у древнихъ, за однимъ единственнымъ исключеніемъ, о которомъ мы будемъ говорить позже. Если Спарта завоевываетъ Мессену, то не затѣмъ, чтобы сдѣлать изъ мессенцевъ и спартанцевъ одинъ народъ; она изгоняетъ или обращаетъ въ рабство побѣжденныхъ и беретъ себѣ ихъ земли. Такъ же поступаютъ и Аѳины по отношенію къ Саламину, Эгинѣ, Мелосу.

Никому никогда не приходила въ голову мысль дать побѣжденнымъ возможность войти въ гражданскую общину побѣдителей. У гражданской общины были свои боги, свои гимны, свои праздники, свои законы, которые являлись для нея драгоцѣннымъ наслѣдіемъ предковъ; и она остерегалась дѣлиться ими съ побѣжденными. Она не имѣла даже права на это: могли ли допустить аѳиняне, чтобы жители Эгины входили въ храмъ Аѳины Паллады? чтобы они чтили культомъ Тезея? принимали участіе въ священныхъ обѣдахъ? чтобы они въ качествѣ пританов поддерживали священный огонь на общественномъ очагѣ? Религія запрещала это. И потому побѣжденный народъ острова Эгины не могъ образовать одного государства съ народомъ аѳинскимъ. Имѣя различныхъ боговъ, аѳиняне и эгиняне не могли имѣть ни одних и тѣхъ же законовъ, ни тѣхъ же самыхъ властей.

Но не могли ли аѳиняне, оставивъ, по крайней мѣрѣ, въ цѣлости завоеванный городъ, послать въ его стѣны своихъ властей для управленія? Подобный фактъ противорѣчилъ бы абсолютно принципамъ древнихъ: управлять гражданской общиной могъ только человѣкъ, бывшій ея членомъ. Въ самомъ дѣлѣ, должностное лицо, стоящее во главѣ гражданской общины, должно было являться религіознымъ главою, и его главною обязанностью было совершеніе жертвоприношеній отъ лица всей гражданской общины. Поэтому чужеземецъ, не имѣвшій права совершать жертвоприношенія, не могъ быть и правительственнымъ лицомъ. Не отправляя никакихъ религіозныхъ обязанностей, онъ не имѣлъ въ глазахъ людей и никакой законной власти.

Спарта пыталась ставить въ городахъ своихъ гармостовъ, но лица эти не были правителями; они не судили и не появлялись на народныхъ собраніяхъ. Не имѣя никакой законной связи съ населеніемъ городовъ, они не могли въ нихъ долго удержаться.

Въ результатѣ выходило, что каждому побѣдителю предоставлялось одно изъ двухъ: или разрушить завоеванный городъ и занять его территорію, или оставить ему его полную независимость; средняго не было. Или гражданская община переставала существовать, или она оставалась суверенным

государствомъ. Имѣя свой культъ, она должна была имѣть и свое управленіе; только лишаясь одного, она теряла другое, и тогда прекращалось самое ея существованіе.

Эта полная и безусловная независимость древней гражданской общины могла прекратиться только тогда, когда исчезли окончательно тѣ вѣрованія, на которыхъ она была основана; лишь послѣ того, какъ видоизмѣнились понятія и нѣсколько революцій пронеслось надъ античнымъ міромъ, только тогда могло появиться и осуществиться представленіе о болѣе обширномъ государствѣ, управляющемся другими законами. Но для этого люди должны были найти иные принципы и иную общественную связь, чѣмъ это было въ древніе вѣка.

Глава XV.

Отношенія между государствами; война; миръ; союзъ боговъ.

Религія, имѣвшая такую большую власть во внутренней жизни гражданской общины, вступала такъ же властно и во всѣ взаимныя отношенія гражданскихъ общинъ между собою. Это будетъ ясно видно, если прослѣдить, какъ люди тѣхъ древнихъ временъ вели войны между собой, какъ они заключали миръ, образовывали союзы.

Двѣ гражданскія общины—это были двѣ религіозныя ассоціаціи, имѣвшія различныхъ боговъ. Когда онѣ воевали между собою, то не только люди, но и боги принимали участіе въ этой борьбѣ. Не слѣдуетъ думать, что это лишь поэтическій вымыселъ. У древнихъ это было очень опредѣленное и чрезвычайно глубокое вѣрованіе, и, въ силу его, каждое войско брало съ собою въ походъ и своихъ боговъ. Древніе были твердо убѣждены, что боги принимаютъ участіе въ сраженіи; воины защищали боговъ, и боги защищали воиновъ. Сражаясь противъ непріятеля, каждый былъ убѣжденъ, что вмѣстѣ съ тѣмъ онъ сражается и противъ боговъ враждебной граж-

данской общины. Боги эти были чужими, ихъ разрѣшалось ненавидѣть, оскорблять, побивать, ихъ можно было брать въ плѣнъ.

Война поэтому имѣла странный видъ. Нужно представить себѣ только два небольшихъ войска, стоящихъ другъ противъ друга; въ серединѣ каждаго находятся статуи его боговъ, его алтарь, знамена—его священныя эмблемы, у каждаго свои оракулы, обѣщавшіе успѣхъ, свои авгуры и прорицатели, закрѣпляющіе за каждымъ вѣрную побѣду. Передъ битвой каждый воинъ думаетъ какъ одинъ грекъ у Эврипида: „Боги, сражающіеся на нашей сторонѣ, сильнѣе тѣхъ, которые сражаются на сторонѣ нашихъ враговъ“. Каждое войско призываетъ на своихъ враговъ проклятія вродѣ тѣхъ, формулу которыхъ сохранилъ для насъ Макробій: „О боги, распространите страхъ и ужасъ и зло среди нашихъ враговъ. Лишите людей этихъ и всякаго, кто живетъ среди ихъ полей и городовъ, свѣта солнечнаго; и пусть ихъ головы и тѣла, ихъ городъ и поля будутъ обречены вамъ“. Сказавъ это, обѣ арміи бросаются другъ на друга и дерутся съ тѣмъ дикимъ ожесточеніемъ, которое дается мыслью, что человѣкъ борется заодно со своими богами и противъ боговъ чуждыхъ. Для врага нѣтъ пощады; война неумолима; религія руководитъ войной и возбуждаетъ бойцовъ. Тутъ не можетъ быть никакого высшаго закона, умѣряющаго стремленіе къ убійству; разрѣшалось убивать плѣнныхъ, добивать раненыхъ.

Даже и за предѣлами поля битвы не является ни малѣйшаго представленія о какомъ бы то ни было долгѣ по отношенію къ врагу. Чужеземецъ не имѣетъ никакихъ правъ, тѣмъ болѣе онъ не можетъ ихъ имѣть, когда съ нимъ ведется война. По отношенію къ нему нечего различать, что справедливо и что несправедливо. Муцій Сцевола и всѣ римляне считали, что убить врага есть прекрасный поступокъ. Консулъ Марцій публично похвалялся, что обманулъ македонскаго царя. Павелъ Эмилій продалъ въ рабство сто тысячъ жителей Эпира, отдавшихся ему добровольно въ руки.

Лакедемонянинъ Фебидъ во время полнаго мира захва-

тилъ акрополь въ Ѳивахъ. Агезилая спросили о справедливости подобнаго поступка, и царь отвѣтилъ: „Разсмотрите только, полезенъ ли онъ, потому что всякое дѣйствiе, полезное для отечества, прекрасно“. Вотъ международное право древнихъ гражданскихъ общинъ. Другой спартанскiй царь, Клеоменъ, говорилъ, что всякое зло, какое только можно сдѣлать врагу, всегда справедливо въ глазахъ боговъ и людей.

Побѣдитель могъ воспользоваться плодами своей побѣды какъ ему было угодно. Никакiе ни божескiе, ни человѣческiе законы не сдерживали его мстительности или жадности. Въ тотъ день, когда Аѳины постановили, что всѣ жители Митилены безъ различiя пола и возраста должны быть истреблены, они не думали переступать границы своего права; когда же на другой день они отмѣнили это постановленiе и удовольствовались тѣмъ, что присудили къ смерти тысячу граждан и постановили конфискацiю всѣхъ земель, то аѳиняне сочли себя человѣколюбивыми и милостивыми. Послѣ взятiя Платеи всѣ мужчины были перебиты, а женщины проданы въ рабство, и никто не обвинилъ побѣдителей въ нарушенiи права.

Война велась не только противъ воиновъ, она велась противъ всего народа—мужчинъ, женщинъ, дѣтей, рабовъ; ее вели не только съ людьми, ее вели также съ полями и жатвой. Выжигали засѣянныя поля, вырубали деревья; жатва врага почти всегда посвящалась подземнымъ богамъ и вслѣдствiе этого сжигалась. Истреблялись стада; уничтожались даже посѣвы, которые могли принести плодъ въ слѣдующемъ году. Война могла стереть сразу съ лица земли цѣлый народъ, уничтожить его имя и обратить плодородную страну въ пустыню. Въ силу этого права войны Римъ распростеръ кругомъ себя пустыню; изъ страны Вольсковъ, гдѣ было двадцать три города, онъ сдѣлалъ Понтiйскiя болота; исчезли пятьдесятъ три города Лацiума; въ Самнiумѣ долго еще можно было узнать тѣ мѣста, гдѣ прошли римскiя войска, не столько по слѣдамъ, оставшимся отъ ихъ лагерей, сколько по той пустынѣ, которая царствовала кругомъ.

Когда побѣдитель не истреблялъ побѣжденныхъ, то онъ имѣлъ право уничтожить ихъ гражданскую общину, т.-е. разрушить религiозную и политическую ассоцiацiю; тогда культы прекращались, и боги впадали въ забвенiе. Разъ была низвергнута религiя гражданской общины, то съ ней вмѣстѣ исчезала и семейная религiя. Очаги угасали. Вмѣстѣ съ культомъ падали также и законы, гражданское право, семья, собственность—все, что опиралось на религiю.

Послушаемъ, что обязанъ сказать побѣжденный, которому дарують жизнь; его заставляютъ произнести слѣдующую формулу: „Я отдаю себя самого, мой городъ, мою землю, воды, которыя въ ней текутъ, моихъ боговъ Термовъ, мои храмы, мое движимое имущество, все, что принадлежитъ богамъ—все я отдаю римскому народу“. Съ этой минуты боги, храмы, дома, земли, личность побѣжденныхъ—все становилось собственностью побѣдителей. Ниже мы будемъ говорить о томъ, что происходило со всѣмъ этимъ подъ владычествомъ Рима.

Для заключенiя мирнаго договора требовалось религiозное священнодѣйствiе. Уже въ Илiадѣ мы видимъ „священныхъ вѣстниковъ, несущихъ приношенiя, назначенныя для клятвы богамъ, т.-е. агнцевъ и вино; полководецъ, положивъ руку на голову жертвеннаго животнаго, обращается къ богамъ съ молитвой и произноситъ имъ свои обѣщанiя; затѣмъ онъ приноситъ въ жертву агнцевъ, совершаетъ возлiянiя вина въ то время, какъ войско произноситъ слѣдующую формулу молитвы: „О безсмертные боги! Пусть подобно тому, какъ было поражено желѣзомъ это жертвенное животное, будетъ пораженъ первый, кто нарушитъ свою клятву“.

Совершенно одинаковые обряды соблюдались въ теченiе всей греческой исторiи. Еще во времена Ѳукидида мирные договоры заключались при помощи жертвоприношенiй. Вожди народа, положивъ руку на закланную жертву, произносили установленную формулу молитвы и давали обѣщанiе богамъ. Каждый народъ призывалъ своихъ собственныхъ боговъ и произносилъ присущiя ему формулы клятвы. Эта молитва и эта клятва, данная богамъ, устанавливали обязательства догова-

ривающихся сторонъ. Греки не говорили: подписать договоръ; они говорили: заклать клятвенную жертву, ὅρκια τέμνειν, или совершить возліяніе, σπένδεσθαι; и когда историкъ хочетъ назвать тѣхъ, кто на современномъ языкѣ называется лицами, подписавшими договоръ, то онъ говоритъ: „Вотъ имена тѣхъ, которые совершили возліяніе...“

Виргилій въ своемъ подробномъ и тщательномъ описаніи римскихъ обрядовъ и нравовъ не дале о уходитъ отъ Гомера, давая намъ картину заключенія договора: Посреди, между двумя войсками ставится очагъ и воздвигается алтарь общимъ для обѣихъ сторонъ божествамъ. Жрецъ, облаченный въ бѣлыя одежды, приводитъ жертву; оба полководца совершаютъ возліянія, призывая боговъ, и произносятъ свои обѣщанія; затѣмъ закалываютъ жертву и мясо ея возлагаютъ на огонь алтаря. Титъ Ливій говоритъ замѣчательно ясно объ этомъ пунктѣ римскаго общественнаго права: „Договоръ не могъ быть заключенъ безъ участія жрецовъ - феціаловъ и безъ исполненія священныхъ обрядовъ, потому что договоръ не есть простая сдѣлка, *sponsio*, какъ сдѣлка между людьми; договоръ заключается произнесеніемъ молитвы, *precatio*, въ которой испрашивается, чтобы народъ, не исполнившій тѣхъ условій, которыя онъ обѣщался исполнить, былъ пораженъ, какъ только-что закланное жрецомъ - феціаломъ животное“.

Только этотъ религіозный обрядъ давалъ международнымъ договорамъ священный и ненарушимый характеръ. Всѣмъ извѣстно, что произошло въ Кавдинскомъ ущельи. Все войско цѣликомъ, въ лицѣ своихъ представителей, своихъ консуловъ, квесторовъ, трибуновъ и центуріоновъ, заключило договоръ съ самнитами. Но при этомъ не были произнесены ни молитвы, ни слова обязательства по отношенію къ богамъ. Поэтому сенатъ счелъ себя вправѣ заявить, что договоръ не дѣйствителенъ. И уничтожая этотъ договоръ, никто—ни одинъ понтифексъ, ни одинъ патрицій—не подумалъ, что совершается недобросовѣстный поступокъ.

У древнихъ было твердое убѣжденіе, что человѣкъ имѣетъ обязанности только по отношенію къ своимъ богамъ. Вспомнимъ только слова нѣкоего грека, который былъ членомъ гражданской общины, обожавшей героя Алабанда; онъ обратился къ другому человѣку, изъ другого города, гдѣ поклонялись Геркулесу, и сказалъ ему: „Алабандъ—богъ, а Геркулесъ—не богъ“. При господствѣ подобныхъ вѣрованій было настоятельной необходимостью, чтобы при заключеніи мирнаго договора каждая гражданская община призывала собственныхъ боговъ во свидѣтели своихъ клятвъ. „Мы заключили договоръ и совершили возліянія“, говорятъ платейцы спартанцамъ, „вы призывали во свидѣтели боговъ вашихъ предковъ, мы—боговъ, обитающихъ въ нашей странѣ“.

Всегда старались, если только было возможно, призывать божества, общія обоимъ народамъ. Клялись тѣми богами, которые всѣмъ видимы: солнцемъ, освѣщающимъ все кругомъ, землею, дающею всѣмъ пропитаніе. Но боги каждой гражданской общины и ея герои-покровители были гораздо ближе сердцу людей, и обѣ договаривающіяся стороны должны были призывать именно ихъ во свидѣтели, если онѣ хотѣли связать другъ друга взаимными религіозными обязательствами.

Подобно тому, какъ во время войны боги присоединялись къ враждующимъ сторонамъ, точно такъ же и при заключеніи мира они должны были принимать участіе въ договорѣ. Слѣдовательно, заключалось условіе, что отнынѣ какъ между людьми, такъ и между богами двухъ гражданскихъ общинъ или двухъ городовъ устанавливается дружескій союзъ. Чтобы отмѣтить этотъ союзъ боговъ, иногда случалось, что два народа разрѣшали взаимно другъ другу присутствовать на своихъ священныхъ празднествахъ. Иногда же они разрѣшали взаимно другъ другу доступъ въ свои храмы и обмѣнивались религіозными обрядами. Римъ заключилъ однажды договоръ, что божество Ланувіума будетъ съ этихъ поръ покровительствовать римлянамъ, что они будутъ имѣть право обращаться къ нему съ молитвами и входить въ его храмъ. Часто каждая изъ двухъ договаривающихся сторонъ обязывалась воздавать почести божеству другой стороны. Такимъ образомъ, элейцы, заключивъ договоръ съ этолянами, начали, въ силу

этого договора, приносить ежегодныя жертвы героямъ своихъ союзниковъ. Иногда два города заключали условіе, что каждый изъ нихъ впишетъ имя другого въ свои молитвы.

Очень часто, вслѣдствіе заключеннаго союза, дѣлались въ статуяхъ или на медаляхъ изображенія божествъ обоихъ городовъ подающими другъ другу руки. У насъ есть такія медали, на которыхъ изображены вмѣстѣ Аполлонъ Милетскій и Геній Смирнскій, Паллада Сидонская и Артемида Пергейская, Аполлонъ Іерапольскій и Артемида Эфесская. Виргилій, говоря о союзѣ Ѳракіи съ троянцами, представляетъ пенатовъ обоихъ народовъ вступившими въ союзъ между собою.

Эти странные обычаи вполнѣ отвѣчали тому представленію, которое было у древнихъ объ ихъ богахъ. Такъ какъ у каждой гражданской общины были свои боги, то казалось совершенно естественнымъ, что они должны принимать участіе какъ въ сраженіяхъ, такъ и при заключеніи мирныхъ договоровъ. Война или миръ между двумя городами были войною или миромъ между двумя религіями. Международное право древнихъ было долго основано на этомъ принципѣ. Когда боги находились во враждѣ между собою, то шла жестокая безпощадная война; какъ только они становились друзьями, возникалъ союзъ и между людьми, и у нихъ появлялось чувство взаимныхъ обязанностей. Если можно было лишь предположить, что городскія божества двухъ гражданскихъ общинъ имѣютъ какое-нибудь основаніе вступить въ союзъ между собой—этого было достаточно, чтобы гражданскія общины стали союзниками. Первый городъ, съ которымъ Римъ заключилъ союзъ, былъ Цере въ Этруріи. Титъ Ливій сообщаетъ намъ, на какомъ основаніи это случилось: во время бѣдствій при нашествіи галловъ римскіе боги нашли убѣжище въ Цере, они жили въ этомъ городѣ, и тамъ имъ поклонялись; священныя узы гостепріимства связали, такимъ образомъ, римскихъ боговъ и этрусскую гражданскую общину. Съ этого времени религія не допускала вражды между этими двумя городами, они сдѣлались навсегда союзниками.

Глава XVI.

Федераціи и колоніи.

Нѣтъ сомнѣнія, что греческій умъ дѣлалъ усилія подняться надъ муниципальнымъ порядкомъ; уже очень рано нѣсколько гражданскихъ общинъ соединились и образовали нѣчто вродѣ федеративнаго союза, но и здѣсь религіозные обряды занимали, повидимому, еще очень значительное мѣсто. Подобно тому, какъ гражданская община имѣла свой очагъ въ пританеѣ, точно такъ же и соединенныя гражданскія общины имѣли свой общій очагъ. У гражданской общины были свои герои, свои городскія божества, свои праздники, и федеративный союзъ имѣлъ также свой храмъ, своего бога, свои обряды, свои годовщины, отмѣченныя благочестивыми трапезами и священными играми.

Группа изъ двѣнадцати іонійскихъ колоній въ Малой Азіи имѣла свой общій храмъ, называвшійся Паніоніонъ; онъ былъ посвященъ Посейдону Геликонскому; этого бога жители колоній чтили еще въ Пелопоннесѣ, до своего переселенія въ Малую Азію. Каждый годъ собирались они въ этомъ священномъ мѣстѣ и справляли здѣсь праздникъ *Паніоніонъ;* они приносили сообща жертвы и дѣлили между собою священныя явства".

Дорійскіе города въ Азіи имѣли свой общій храмъ на мысѣ Тріоніумѣ; храмъ этотъ былъ посвященъ богамъ Аполлону и Посейдону, и въ дни годичныхъ праздниковъ здѣсь праздновались тріонійскія игры.

Въ самой Греціи группа беотійскихъ гражданскихъ общинъ имѣла свой храмъ Аѳины Итонской, свои годовые праздники *Panboeotia*. Ахейскіе города приносили общія жертвы въ Эгіи и воздавали почести Деметрѣ Панахейской.

Слово амфиктіоніи было, повидимому, древнимъ выраженіемъ, обозначающимъ ассоціацію нѣсколькихъ гражданскихъ общинъ. Съ самыхъ первыхъ временъ Греціи существовало уже довольно большое количество амфиктіоній. Извѣстны амфиктіоніи Калаурійская, Делосская, также Өермопильская и Дельфійская. Островъ Калаурія былъ центромъ, соединяющимъ города: Герміону, Эпидавръ, Празіи, Навилію, Этну, Аөины, Орхоменъ; эти города совершали жертвоприношенія, въ которыхъ никто кромѣ нихъ не могъ участвовать. То же самое было и въ Делосѣ, куда со временъ очень глубокой древности сосѣдніе острова посылали своихъ представителей для празднованія торжества въ честь Аполлона жертвоприношеніями, хорами, играми.

Өермопильская амфиктіонія, болѣе извѣстная въ исторіи, была такого же рода, какъ и предыдущія. Образовавшаяся въ началѣ среди сосѣднихъ гражданскихъ общинъ, она имѣла свой храмъ Деметры, свои жертвоприношенія и годовой праздникъ.

Не было амфиктіоніи или федераціи безъ культа; „потому что“, говоритъ одинъ древній, „та же мысль, которая руководила основаніемъ городовъ, установила также и общія жертвоприношенія нѣсколькихъ гражданскихъ общинъ. Сосѣдство и взаимная нужда другъ въ другѣ—сблизили ихъ; они начали справлять вмѣстѣ религіозные праздники, устраивать общія собранія; узы дружбы родились изъ священныхъ обѣдовъ и возліяній, совершаемыхъ сообща“.

Гражданскія общины, входившія въ составъ федераціи, посылали въ дни, указанные религіей, нѣсколькихъ человѣкъ, которые облекались временно характеромъ жрецовъ и носили названія теоровъ, пилагоровъ или гіеромнемоновъ. Въ ихъ присутствіи совершались жертвоприношенія въ честь бога всего союза, и жертвенное мясо, зажаренное на алтарѣ, раздѣлялось между всѣми представителями гражданскихъ общинъ. Такія общія трапезы сопровождались гимнами, молитвами и играми; это было внѣшнимъ признакомъ и въ то же время узами ассоціаціи.

Если единство эллинской націи представлялось ясно уму грековъ, то это потому главнымъ образомъ, что у нихъ были общіе боги и общія священныя церемоніи, для совершенія которыхъ они всѣ собирались вмѣстѣ. На подобіе городскихъ божествъ, у нихъ былъ и Всеэллинскій Зевсъ. Игры олимпійскія, истмійскія, немейскія, пиөійскія—были великими религіозными торжествами, къ которымъ были, мало-по-малу, допущены всѣ греки. Каждый городъ посылалъ на эти празднества свое посольство для принятія участія въ жертвоприношеніяхъ. Греческій патріотизмъ зналъ долгое время только эту религіозную форму. Өукидидъ нѣсколько разъ упоминаетъ боговъ, общихъ всѣмъ эллинамъ, и когда Аристофанъ заклинаетъ своихъ соотечественниковъ оставить ихъ междуусобныя войны, то онъ имъ говоритъ: „Вы, орошающіе въ Олимпіи, Өермопилахъ и Дельфахъ алтари кровью жертвенныхъ животныхъ и очистительной водой, не раздирайте болѣе Греціи вашими взаимными раздорами, но соединитесь вмѣстѣ противъ варваровъ“.

Эти амфиктіоніи и федеративные союзы имѣли мало политическаго значенія. Было бы весьма не правильно представлять себѣ собранія пословъ въ Өермопилахъ, Паніоніи или Олимпіи, какъ нѣкій конгрессъ или федеративный сенатъ. Если этимъ посламъ и приходилось заниматься иногда матеріальными и политическими интересами союза, то это были исключительные случаи, и возникали они подъ давленіемъ особыхъ обстоятельствъ. Амфиктіоніи эти не препятствовали своимъ членамъ даже воевать другъ съ другомъ. Настоящія ихъ полномочія состояли не въ томъ, чтобы обсуждать интересы, но въ томъ, чтобы воздавать почитаніе богамъ, совершать религіозныя церемоніи и поддерживать священное перемиріе во время празднествъ; если же собраніе пословъ обращалось иногда въ судилище и налагало наказаніе на какой-нибудь изъ городовъ союза, то это бывало лишь въ тѣхъ случаяхъ, когда какой-нибудь городъ не исполнялъ своихъ религіозныхъ обязанностей или же завладѣвалъ какою-нибудь частью земель, посвященныхъ божеству.

Учрежденія, аналогичныя амфиктіоніямъ, царили во всей древней Италіи. Города Лаціума имѣли свои латинскія религіозныя празднества: ихъ представители собирались ежегодно въ святилищѣ Юпитера Лаціарскаго на Альбанской горѣ. Тутъ они приносили въ жертву бѣлаго быка и мясо его дѣлили на столько частей, сколько было гражданскихъ общинъ въ союзѣ. Двѣнадцать городовъ Этруріи имѣли также свой общій храмъ, свои годовые праздники, свои игры, которыми распоряжался верховный жрецъ.

Извѣстно, что ни греки, ни римляне не устраивали колонизацію такъ, какъ дѣлаютъ это теперь современные народы. Колонія не была принадлежностью того государства, изъ котораго она вышла, и не находилась отъ него ни въ какой зависимости. Она являлась, сама по себѣ, полнымъ и независимымъ государствомъ. Тѣмъ не менѣе, между нею и метрополіей существовала связь особаго рода, и причина этой связи лежала въ самомъ способѣ основанія колоніи.

Не надо, въ самомъ дѣлѣ, думать, что колонія основывалась случайно или по прихоти нѣкотораго количества переселенцевъ. Толпа искателей приключеній не могла никогда основать города и не имѣла права, по міровоззрѣнію древнихъ, основать гражданскую общину. Существовали правила, которымъ обязательно было подчиняться. Первымъ правиломъ было прежде всего обладаніе священнымъ огнемъ; второе—съ переселенцами долженъ былъ находиться человѣкъ, имѣющій право совершать обряды основанія. Все это испрашивали переселенцы у метрополіи. Они уносили съ собою огонь, зажженный отъ ея очага; они брали съ собою и основателя, который долженъ былъ принадлежать къ одной изъ священныхъ семей гражданской общины. Онъ и совершалъ основаніе города по тѣмъ же самымъ обрядамъ, которые были нѣкогда исполнены при основаніи его родного города. Огонь очага устанавливалъ навѣки религіозную связь и родство между двумя городами. Городъ, давшій священный огонь, назывался городомъ-матерью. Тотъ, который получилъ этотъ огонь, находился по отношенію къ первому въ положеніи дочери. Двѣ колоніи одного и того же города назывались, между собою, гражданскими общинами-сестрами.

У колоніи былъ тотъ же культъ, что и у метрополіи. У нея могли быть нѣкоторые ея собственные боги, но она должна была сохранять и почитать городскія божества того города, изъ котораго она вышла. Двѣнадцать іонійскихъ гражданскихъ общинъ, городовъ Малой Азіи, считавшіяся колоніями Аѳинъ не потому, чтобы онѣ состояли изъ аѳинянъ, но потому, что онѣ принесли съ собой священный огонь изъ аѳинскаго пританея и взяли съ собою и аѳинянъ основателей, соблюдали культъ аѳинскихъ божествъ, праздновали ихъ праздники и отправляли ежегодно въ Аѳины жертвы и посольства. Точно такъ же поступали колоніи Коринѳа и Наксоса. Точно такъ же и Римъ, колонія Альбы, а черезъ нее, слѣдовательно, и Лавиніума, совершалъ ежегодно жертвоприношеніе на Альбанской горѣ и посылалъ жертвенныхъ животныхъ въ Лавиніумъ, „гдѣ были его пенаты". У грековъ существовалъ даже обычай, чтобы колоніи получали своихъ главныхъ жрецовъ отъ метрополіи; жрецы эти должны были руководить культомъ колоніи и наблюдать за исполненіемъ обрядовъ.

Религіозная связь между колоніями и метрополіей оставалась очень могущественной вплоть до пятаго вѣка до нашей эры. Что же касается до политической связи, то древніе довольно долго не думали объ ея установленіи или созданіи.

Глава XVII.

Римлянинъ; аѳинянинъ.

Та же самая религія, которая основала общества и долго ими управляла, образовала также и душу человѣка и создала его характеръ. Своими догматами и обрядами она выработала въ грекѣ и римлянинѣ извѣстную манеру мыслить и дѣйствовать, извѣстныя привычки, отъ которыхъ онъ долгое время не могъ отрѣшиться. Религія показывала человѣку всюду бо-

говъ, боговъ маленькихъ, легко раздражающихся и зложелательныхъ. Она давила человѣка постояннымъ страхомъ возбудить этихъ боговъ чѣмъ-нибудь противъ себя и не давала ему никакой свободы дѣйствія.

Надо только видѣть, какое мѣсто занимала религія въ жизни римлянина. Его домъ для него то же, что для насъ храмъ; въ домѣ совершаетъ онъ обряды своего культа, въ домѣ живутъ его боги. Его очагъ это богъ; стѣны, двери, порогъ—все это боги, границы его поля тоже боги. Семейная могила — это алтарь, а умершіе предки — божественныя существа.

Каждое изъ его обычныхъ повседневныхъ дѣйствій есть обрядъ, весь его день принадлежитъ его религіи. Утромъ и вечеромъ обращается онъ съ молитвою къ своему очагу, къ своимъ пенатамъ, къ своимъ предкамъ; выходя изъ дому и входя въ него, онъ призываетъ ихъ въ молитвѣ. Принятіе пищи есть религіозный актъ, въ которомъ участвуютъ также и домашніе боги. Рожденіе, посвященіе въ культъ, облаченіе въ тогу—все это торжественные акты его культа.

Выходя изъ дому, онъ не можетъ сдѣлать почти ни шагу, не встрѣтивъ на пути своемъ священнаго предмета; ему встрѣчается то храмъ, то мѣсто, куда ударила нѣкогда молнія, то могила; иногда онъ долженъ сосредоточиться въ себѣ и произнести молитву, иногда онъ долженъ отвратить свой взоръ и закрыть лицо, чтобы избѣжать вида какого-нибудь зловѣщаго предмета.

Каждый день совершаетъ онъ жертвоприношенія въ своемъ домѣ, каждый мѣсяцъ въ своей куріи, нѣсколько разъ въ году въ своемъ родѣ или въ своей трибѣ. Кромѣ всѣхъ этихъ боговъ онъ долженъ чтить еще культомъ боговъ гражданской общины. Въ Римѣ болѣе боговъ, чѣмъ гражданъ.

Римлянинъ совершаетъ жертвоприношенія, чтобы возблагодарить боговъ, онъ совершаетъ другія еще болѣе многочисленныя жертвоприношенія, чтобы утишить ихъ гнѣвъ. Одинъ разъ онъ участвуетъ въ процессіи въ священной пляскѣ подъ звуки древняго гимна священной флейты; въ другой разъ онъ

управляетъ колесницами, на которыхъ лежатъ статуи боговъ, а то онъ справляетъ lectisternium: на улицѣ ставится столъ, уставленный яствами, а кругомъ него на ложахъ возлежатъ статуи боговъ, и каждый римлянинъ поклоняется имъ, проходя мимо съ вѣнкомъ на головѣ и лавровою вѣтвью въ рукахъ.

Существуетъ особый праздникъ посѣва, праздникъ жатвы, праздникъ подрѣзанія виноградниковъ. Раньше, чѣмъ выколосился хлѣбъ, римлянинъ совершаетъ болѣе десяти жертвоприношеній и призываетъ въ молитвѣ десятокъ особыхъ божествъ ради успѣха жатвы. Особенно много празднествъ въ честь умершихъ, потому что римлянинъ ихъ боится.

Онъ никогда не выходитъ изъ дому, не взглянувъ, нѣтъ ли гдѣ-нибудь птицы, предвѣщающей недоброе. Есть слова, которыя онъ не смѣетъ произносить во всю свою жизнь. Если у него является какое-нибудь желаніе, то онъ пишетъ его на дощечкѣ и кладетъ эту дощечку къ ногамъ статуи какого-нибудь бога.

Каждую минуту онъ вопрошаетъ боговъ и хочетъ знать ихъ волю. Всѣ свои рѣшенія онъ находитъ во внутренностяхъ жертвенныхъ животныхъ, въ полетѣ птицъ, въ предвѣщаніяхъ молніи. Извѣстіе о томъ, что гдѣ-нибудь выпалъ кровавый дождь или заговорилъ быкъ, волнуетъ его и приводитъ въ трепетъ; онъ не можетъ успокоиться, пока очистительная церемонія не примиритъ его съ богами.

Онъ выходитъ изъ дому не иначе, какъ дѣлая шагъ правою ногой. Волосы онъ стрижетъ только во время полнолунія. Онъ носитъ на себѣ амулеты. Противъ пожара онъ покрываетъ стѣны своего жилища магическими надписями. Онъ знаетъ заклинанія, чтобы не допустить до болѣзни, онъ знаетъ другія, чтобы исцѣлить отъ болѣзни; но только заклинанія эти нужно повторить двадцать семь разъ и каждый разъ отплевываться особымъ образомъ.

Онъ не обсуждаетъ дѣлъ въ сенатѣ, если жертвоприношенія не дали благопріятныхъ предзнаменованій. Онъ покидаетъ народное собраніе, услыхавъ пискъ мыши. Онъ отка-

зывается отъ своихъ намѣреній, принятыхъ самымъ твердымъ образомъ, если замѣтитъ дурное предвѣщаніе, или зловѣщее слово коснется его слуха. Онъ храбръ въ сраженіи, но при томъ условіи, что ауспиціи обезпечиваютъ ему побѣду.

Изображенный нами римлянинъ не человѣкъ изъ народа, со слабо развитымъ умомъ, котораго бѣдность и невѣжество держатъ въ путахъ предразсудковъ. Нѣтъ, мы говоримъ здѣсь о патриціи, человѣкѣ благородномъ, могущественномъ, богатомъ. Этотъ патрицій является по-очереди воиномъ, должностнымъ лицомъ, консуломъ, земледѣльцемъ, торговцемъ; но всегда и всюду онъ жрецъ, и помыслы его устремлены къ богамъ. Какъ бы мощно ни владѣли его душой—патріотизмъ, любовь къ славѣ, жажда богатства, но надо всѣмъ господствуетъ страхъ передъ богами. Горацій далъ самое вѣрное опредѣленіе римлянина: именно — страшась боговъ, онъ сталъ владыкою земли, Dis te minorem quod geris, imperas.

Говорили, что это была религія политики; но можемъ ли мы предположить, чтобы сенатъ, состоящій изъ трехсотъ членовъ, чтобы сословіе патриціевъ, насчитывающее въ своихъ рядахъ три тысячи человѣкъ, чтобы всѣ они могли сговориться съ такимъ единодушіемъ для обмана невѣжественнаго народа? И это въ теченіе вѣковъ. И можно ли думать, чтобы въ теченіе вѣковъ среди постояннаго союзничества, ярой борьбы, среди личной ненависти, никогда ни одинъ голосъ не поднялся бы, чтобы сказать: Все это ложь. Если бы какой-нибудь патрицій выдалъ тайну своей касты, если бы, обратившись къ плебеямъ, которые нетерпѣливо несли ярмо этой религіи, онъ избавилъ ихъ и освободилъ страну и отъ ауспицій и отъ жрецовъ, то человѣкъ этотъ пріобрѣлъ бы немедленно такое довѣріе и вліяніе, что сдѣлался бы владыкою государства. Можно ли думать, что если бы патриціи не вѣрили сами въ ту религію, которую они исповѣдывали и исполняли, искушеніе обнаружить тайну не было бы достаточно сильно, чтобы побудить къ этому хотя бы одного изъ нихъ? Глубоко ошибаются относительно человѣческой природы тѣ, кто думаетъ, что религія можетъ установиться въ силу согла-

шенія и поддерживаться обманомъ. Загляните въ Тита Ливія и сосчитайте, сколько разъ эта же религія стѣсняла самихъ патриціевъ, сколько разъ ставила она въ затруднительное положеніе сенатъ и мѣшала ему въ его дѣйствіяхъ, и затѣмъ скажите, была ли она изобрѣтена для удобства политическихъ дѣятелей. Только лишь во времена Цицерона начали думать, что религія полезна для управленія; но въ это время религія была уже мертва въ душахъ людей.

Возьмемъ для примѣра римлянина первыхъ вѣковъ; остановимся на одномъ изъ величайшихъ воиновъ того времени, на Камиллѣ, который былъ пять разъ диктаторомъ и побѣдилъ болѣе чѣмъ въ десяти сраженіяхъ. Чтобы судить о немъ вѣрно, нужно представить его себѣ настолько же жрецомъ, насколько и воиномъ. Онъ принадлежалъ къ роду Фуріевъ; его прозвище есть слово, обозначающее священническую обязанность. Ребенкомъ онъ носилъ претексту, указывающую на его званіе, и буллу, избавляющую отъ злой судьбы. Онъ росъ, присутствуя ежедневно при церемоніяхъ культа, онъ провелъ свою юность въ изученіи религіозныхъ обрядовъ. Правда, разразилась война, и жрецъ сталъ воиномъ; его видѣли, когда онъ, раненый въ бедро въ конномъ сраженіи, вырвалъ желѣзо изъ раны и продолжалъ сражаться. Послѣ нѣсколькихъ походовъ онъ возвысился до государственныхъ должностей. Какъ должностное лицо, онъ совершалъ общественныя жертвоприношенія, судилъ, предводительствовалъ войскомъ. Насталъ день, когда было рѣшено назначить его диктаторомъ. И вотъ соотвѣтствующее должностное лицо, удалившись, въ свѣтлую ночь вопрошалъ боговъ: думая постоянно о Камиллѣ, онъ произносилъ про себя его имя и, устремивъ глаза на небо, искалъ тамъ предзнаменованій. Боги послали только лишь счастливыя предзнаменованія; значитъ, Камиллъ имъ угоденъ, и онъ назначается диктаторомъ.

Теперь онъ главный начальникъ войскъ; онъ выступаетъ изъ города, но предварительно онъ совѣтуется съ ауспиціями и приноситъ множество жертвъ. Подъ его начальствомъ много низшихъ военачальниковъ, почти столько же жрецовъ, пон-

тифексъ, авгуры, гаруспики, пулларіи, виктимаріи, носитель очага.

Камиллу поручено закончить войну съ Веіями, которые осаждаются безуспѣшно вотъ уже девять лѣтъ. Веіи—этрусскій городъ, т.-е. городъ почти священный, и сражаться тутъ надо болѣе благочестіемъ, чѣмъ храбростью. Если въ теченіе девяти лѣтъ римляне терпятъ неудачу, то это потому, что этруски лучше ихъ знаютъ обряды, пріятные богамъ, и магическія формулы заклинаній, которыми пріобрѣтается ихъ благоволеніе. Но Римъ, въ свою очередь, раскрываетъ свои Сивиллины книги и ищетъ въ нихъ волю боговъ. Онъ замѣчаетъ, что его латинскіе праздники были осквернены нѣкоторымъ несоблюденіемъ внѣшней формы и возобновляетъ жертвоприношенія. Но этруски все еще продолжаютъ одерживать верхъ; остается одно послѣднее средство—захватить этрусскаго жреца и вывѣдать отъ него тайну боговъ. Одинъ изъ веіентинскихъ жрецовъ взятъ въ плѣнъ и приведенъ въ сенатъ. „Для того, чтобы Римъ побѣдилъ“, говоритъ онъ, „римляне должны непремѣнно понизить уровень альбанскаго озера, но при этомъ нужно очень остерегаться, чтобы вода не стекла въ море“. Римляне повинуются, они прокапываютъ безчисленное множество каналовъ и канавъ, и воды озера исчезаютъ въ поляхъ.

Въ этотъ именно моментъ Камиллъ избранъ диктаторомъ и отправляется къ войску, стоящему подъ Веіями. Онъ увѣренъ въ успѣхѣ, потому что всѣ предсказанія уже извѣстны, всѣ повелѣнія боговъ уже исполнены; къ тому же раньше чѣмъ покинуть Римъ, онъ обѣщалъ богамъ - покровителямъ празднества и жертвоприношенія. Но для того, чтобы побѣдить, онъ не пренебрегаетъ и чисто человѣческими средствами: онъ увеличиваетъ свое войско, усиливаетъ въ немъ дисциплину, велитъ прокопать подземный ходъ, чтобы проникнуть во-внутрь города. Наступаетъ день приступа; Камиллъ выходитъ изъ своей палатки, справляется съ ауспиціями и совершаетъ жертвоприношенія. Понтифексы и авгуры окружаютъ его; облаченный въ *paludamentum* (военный плащъ полководца), онъ обращается къ богамъ съ такими словами: „Подъ твоимъ предводительствомъ, о Аполлонъ, и наставляемый твоею волей я

иду, чтобы взять и разрушить городъ Веіи, и тебѣ я обѣщаю въ случаѣ побѣды посвятить десятую долю добычи“. Но имѣть боговъ на своей сторонѣ недостаточно: у непріятеля есть тоже могущественное божество, которое ему покровительствуетъ; и Камиллъ обращается къ нему, произнося слѣдующую молитву: „Царица Юнона, обитающая теперь въ Веіяхъ, умоляю тебя, иди съ нами—побѣдителями, послѣдуй за нами въ нашъ городъ, прими отъ насъ воздаяніе культа, и пусть нашъ городъ станетъ твоимъ городомъ“. Затѣмъ, послѣ того какъ принесены жертвы, прочтены молитвы, произнесены священныя заклинанія, послѣ того какъ римляне убѣдились, что боги за нихъ, и что ни одинъ богъ не защищаетъ болѣе врага, они идутъ на приступъ, и городъ взятъ.

Таковъ Камиллъ. Римскій полководецъ это—человѣкъ, умѣющій превосходно сражаться, владѣющій еще болѣе того умѣніемъ заставить повиноваться себѣ; но въ то же время это человѣкъ, твердо вѣрящій въ предсказанія, исполняющій ежедневно религіозные обряды и убѣжденный, что самое важное не храбрость, не даже дисциплина, но точное произнесеніе извѣстныхъ формулъ по всѣмъ правиламъ, предписаннымъ обрядами. Эти молитвы - формулы, обращенныя къ богамъ, склоняютъ ихъ и принуждаютъ почти всегда даровать произнесшему ихъ побѣду. Высшей наградой для подобнаго полководца является разрѣшеніе сената совершить тріумфальное жертвоприношеніе. Онъ всходитъ тогда на священную колесницу, запряженную четырьмя бѣлыми лошадьми, тѣми самыми, которыя въ день великой процессіи везутъ статую Юпитера; онъ облаченъ въ священныя одежды, тѣ самыя, въ которыя облекаютъ бога во дни празднествъ, голова его увѣнчана вѣнкомъ, въ правой рукѣ онъ держитъ лавровую вѣтвь, а въ лѣвой скипетръ изъ слоновой кости; все это точь-въ-точь атрибуты и одежды статуи Юпитера. Въ этомъ почти божественномъ величіи появляется онъ передъ своими согражданами и отправляется воздать поклоненіе истинному величію величайшаго изъ римскихъ божествъ. Онъ поднимается на Капитолій и, прибывъ къ храму Юпитера, совершаетъ тамъ жертвоприношеніе.

Не однимъ только римлянамъ было свойственно чувство страха передъ богами; оно царило точно такъ же и въ сердцѣ грека. Эти народы, получившіе свою первоначальную организацію отъ религіи, вскормленные и воспитанные ею, сохранили надолго печать своего первоначальнаго воспитанія. Извѣстна религіозная осторожность спартанцевъ, которые не выступали никогда въ походъ ранѣе полнолунія, которые совершали безпрестанныя жертвоприношенія, чтобы узнать, нужно ли имъ вступать въ битву. Спартанецъ отказывался отъ предпріятій, обдуманныхъ наилучшимъ образомъ и самыхъ необходимыхъ, потому что его испугало дурное предзнаменованіе. Аѳинянинъ отличается и отъ римлянина, и отъ спартанца тысячью чертъ ума и характера, но онъ похожъ на нихъ своимъ страхомъ передъ богами. Аѳинское войско никогда не выступитъ въ походъ ранѣе седьмого дня мѣсяца, а когда флоту предстоитъ выйти въ море, то весьма тщательно заботятся о томъ, чтобы вызолотить наново статуи Паллады.

Ксенофонтъ увѣряетъ, что у аѳинянъ болѣе религіозныхъ празднествъ, чѣмъ у какого-либо другого народа въ Греціи. „Сколько жертвъ, принесенныхъ богамъ“, говоритъ Аристофанъ, „Сколько храмовъ! Сколько статуй! Сколько священныхъ процессій! Во всякое время года мы видимъ религіозныя празднества и украшенныхъ вѣнками жертвенныхъ животныхъ“. „Мы“, говоритъ Платонъ, „приносимъ богамъ самыя многочисленныя жертвы и устраиваемъ въ ихъ честь самыя великолѣпныя и наиболѣе священныя процессіи“. Городъ Аѳины и его территорія покрыты большими и малыми храмами; есть храмы для совершенія культа гражданской общины, для совершенія культа трибы, для совершенія культа семьи. Каждый домъ есть самъ по себѣ тотъ же храмъ, и почти въ каждомъ полѣ есть священная могила.

Аѳинянинъ, котораго представляютъ себѣ такимъ непостояннымъ, такимъ измѣнчивымъ и вольнодумнымъ, питаетъ, наоборотъ, глубочайшее почтеніе къ древнимъ традиціямъ, къ древнему ритуалу. Его главная религія, та, которой онъ оказываетъ наиболѣе ревностную преданность,—есть религія пред-

ковъ и героевъ. Онъ чтитъ умершихъ, онъ ихъ боится. Одинъ изъ его законовъ требуетъ, чтобы онъ приносилъ имъ ежедневно въ жертву начатки своей жатвы, другой запрещаетъ произносить хотя бы одно слово, могущее возбудить ихъ гнѣвъ. Все, что касается древности, священно для аѳинянина; у него есть древніе сборники, гдѣ записаны его обряды, и онъ никогда не отступаетъ отъ нихъ. Если бы какой-нибудь жрецъ попробовалъ ввести въ культъ самое небольшое новшество, онъ былъ бы наказанъ за это смертью.

Постоянно, изъ вѣка въ вѣкъ соблюдались самые странные обряды. Одинъ разъ въ году аѳиняне совершали жертвоприношеніе въ честь Аріадны, а такъ какъ по преданію возлюбленная Тезея умерла во время родовъ, то требовалось подражать движеніямъ и крикамъ женщины, мучающейся родами. Аѳиняне справляли еще другой годовой праздникъ, называвшійся Осхофоріями и который былъ какъ бы пантомимой, изображеніемъ возвращенія Тезея въ Аттику. На этомъ праздникѣ жезлъ вѣстника украшался вѣнкомъ, потому что вѣстникъ Тезея украсилъ вѣнкомъ свой жезлъ, затѣмъ испускали извѣстный крикъ, полагая, что такъ именно кричалъ вѣстникъ Тезея, далѣе составлялась процессія, гдѣ каждый былъ одѣтъ въ такую одежду, какую носили обычно во времена Тезея. Былъ день, въ который аѳиняне обязаны были варить овощи въ треножномъ котлѣ особой формы; начало этого обряда терялось въ очень глубокой древности, смыслъ его былъ уже непонятенъ, но тѣмъ не менѣе аѳиняне повторяли его благочестиво каждый годъ.

У аѳинянъ, какъ и у римлянъ, есть тяжелые, несчастные дни; въ эти дни не совершаются браки, и не приступаютъ ни къ какимъ начинаніямъ; въ эти дни не бываетъ народныхъ собраній и не отправляется правосудіе. Восемнадцатый и девятнадцатый день каждаго мѣсяца посвященъ очищенію. День Плинтерій самый тяжелый и роковой изъ всѣхъ,—въ этотъ день статуя главнаго божества города завѣшивается покрываломъ. Въ день же Панаѳиней, наоборотъ, покрывало богини торжественно несутъ въ большой процессіи, и всѣ граждане безъ

различія возраста и состоянія должны участвовать въ этомъ шествіи. Аѳинянинъ приноситъ жертвы, испрашивая обильную жатву; онъ приноситъ ихъ, прося дождя или же возвращенія хорошей погоды; онъ приноситъ ихъ, чтобы излечиться отъ болѣзни, отогнать голодъ или моръ.

Въ Аѳинахъ есть свои собранія древнихъ предсказаній, подобно тому, какъ въ Римѣ есть Сивиллины книги, и городъ содержитъ въ пританеѣ людей, возвѣщающихъ ему будущее. На улицахъ на каждомъ шагу встрѣчаются прорицатели, жрецы, истолкователи сновъ. Аѳинянинъ вѣритъ въ предзнаменованія и примѣты: чиханіе или звонъ въ ушахъ останавливаютъ его въ его намѣреніи. Онъ никогда не пускается въ плаваніе, не вопросивъ напередъ ауспиціи. Раньше чѣмъ вступить въ бракъ, онъ не преминетъ посовѣтоваться съ предвѣщаніями по полету птицъ. Онъ вѣритъ въ магическія слова и если заболѣетъ, то надѣваетъ на шею амулеты. Народное собраніе расходится, если кто-либо заявитъ, что видѣлъ на небѣ зловѣщее знаменіе. Если жертвоприношеніе было нарушено сообщеніемъ дурного извѣстія, то его нужно начинать снова.

Аѳинянинъ начинаетъ всякій свой разговоръ пожеланіемъ благополучія. На трибунѣ ораторы любятъ начинать свою рѣчь обращеніемъ къ богамъ и героямъ, обитающимъ въ странѣ. Руководятъ народомъ, излагая передъ нимъ прорицанія. Ораторы, добивающіеся того, чтобы ихъ мнѣніе одержало верхъ, повторяютъ безпрестанно: „Такъ повелѣваетъ богиня".

Никій принадлежалъ къ знатной и богатой семьѣ. Совершенно еще въ юныхъ годахъ онъ ведетъ въ Делосъ, въ святилище, теорію, т.-е. жертвенныхъ животныхъ, и хоръ для воспѣванія хвалы богу въ то время, когда совершается жертвоприношеніе. Возвратясь въ Аѳины, онъ посвящаетъ богамъ часть своего имущества, воздвигаетъ статую богинѣ Аѳинѣ и храмъ богу Діонисію. Онъ дѣлается по-очереди то *гестіаторомъ* и устраиваетъ на свой счетъ обѣды своей трибы, то хорегомъ, и тогда онъ содержитъ хоръ для религіозныхъ празднествъ. Ни одного дня не проходитъ, чтобы онъ не совершилъ жертвоприношенія какому-нибудь богу. Въ его домѣ

при немъ постоянно находится прорицатель, который его никогда не покидаетъ, съ которымъ Никій постоянно совѣтуется объ общественныхъ, а равно и о своихъ личныхъ дѣлахъ. Назначенный полководцемъ, онъ руководитъ экспедиціей противъ Коринѳа; одержавъ побѣду, онъ возвращается уже въ Аѳины, какъ вдругъ узнаетъ, что двое изъ его убитыхъ воиновъ остались непогребенными на землѣ врага; религіозное безпокойство, чувство неисполненнаго по отношенію умершихъ долга овладѣваетъ имъ. Онъ останавливаетъ флотъ и посылаетъ вѣстниковъ къ коринѳянамъ и проситъ, чтобы они позволили похоронить эти два трупа. Нѣсколько времени спустя аѳиняне обсуждаютъ походъ въ Сицилію. Никій всходитъ на трибуну и заявляетъ, что его жрецы и его прорицатель сообщили о предзнаменованіяхъ, неблагопріятныхъ для экспедиціи. Правда, у Алкивіада есть другіе прорицатели, которые разъясняютъ предсказанія въ противоположномъ смыслѣ. Народъ находится въ нерѣшимости. Но тутъ подходятъ люди, прибывшіе изъ Египта; они вопрошали бога Амона, который начиналъ уже тогда пользоваться большимъ значеніемъ, и отъ него приносятъ они предсказаніе: аѳиняне овладѣютъ всѣми сиракузянами. Народъ тотчасъ же рѣшаетъ начинать войну.

Никій совершенно противъ своего желанія предводительствуетъ экспедиціей. Раньше чѣмъ отправиться въ плаваніе, онъ совершаетъ по обычаю жертвоприношенія. Онъ беретъ съ собою, какъ вообще каждый полководецъ, толпу жрецовъ, гадателей, жертвоприносителей, прорицателей, вѣстниковъ. Флотъ увозитъ съ собою свой очагъ; на каждомъ кораблѣ своя эмблема, изображающая какое-нибудь божество.

Но Никій мало надѣется на успѣхъ. Развѣ несчастный исходъ предпріятія не предвозвѣщенъ уже такъ многократно? Вороны повредили статую Паллады, какой-то человѣкъ изувѣчилъ себя на алтарѣ, а самое отплытіе произошло въ несчастные дни Плинтерій! Никій слишкомъ хорошо знаетъ, что эта война будетъ пагубна и для него и для отечества. И вотъ во время всего похода онъ боязливъ и крайне остороженъ. И онъ, котораго всѣ знаютъ, какъ храбраго и искуснаго пол-

ководца, почти ни разу не осмѣливается дать знакъ къ битвѣ.

Взять Сиракузы оказывается невозможнымъ, и послѣ жестокихъ потерь надо рѣшиться возвратиться назадъ въ Аѳины. Никій готовитъ флотъ къ обратному отплытію, море еще свободно. Но тутъ случается затменіе луны. Никій обращается за разъясненіемъ къ своему прорицателю, и тотъ сообщаетъ ему, что это дурной знакъ, и что нужно обождать трижды девять дней. Никій повинуется; все это время онъ проводитъ въ бездѣйствіи, принося множество жертвъ, чтобы умилостивить разгнѣванныхъ боговъ. Въ это время непріятель запираетъ ему выходъ изъ гавани и уничтожаетъ его флотъ. Не остается ничего болѣе, какъ возвращаться сухимъ путемъ— вещь совершенно невозможная; ни онъ и ни одинъ изъ его воиновъ не могутъ уйти отъ рукъ сиракузянъ.

Что же сказали аѳиняне, получивъ извѣстіе объ этомъ несчастіи? Они знали личную храбрость Никія и его удивительную стойкость. И имъ не пришло въ голову обвинять его за то, что онъ слѣдовалъ указаніямъ религіи. Они нашли, что его можно упрекнуть только въ одномъ, а именно въ томъ, что онъ взялъ съ собою невѣжественнаго прорицателя. Прорицатель этотъ ошибочно истолковалъ лунное затменіе; онъ долженъ былъ бы знать, что для войска, готовящагося къ отступленію, луна, скрывающая свой свѣтъ, есть признакъ благопріятный.

Глава XVIII.

Всемогущество государства; древніе не знали индивидуальной свободы.

Гражданская община была основана на религіи, ея построеніе было подобно церковной организаціи. Отсюда проистекала ея сила, отсюда проистекали также и ея всемогущество и неограниченное господство надъ своими членами. Въ обществѣ, основанномъ на подобномъ принципѣ, личная, индивидуальная свобода существовать не можетъ. Гражданинъ былъ подчиненъ во всемъ и безо всякаго исключенія гражданской общинѣ—государству; онъ принадлежалъ ему всецѣло. Религія породила государство, и государство поддерживало религію; они опирались взаимно другъ на друга, составляя одно цѣлое. Эти двѣ силы, соединенныя и слитыя вмѣстѣ, образовали почти сверхчеловѣческую мощь, которой были въ равной степени подчинены и душа, и тѣло человѣка.

Въ человѣкѣ не было ничего независимаго. Его тѣло принадлежало государству и было посвящено его защитѣ; въ Римѣ гражданинъ былъ обязанъ нести военную службу до сорока шести лѣтъ, въ Аѳинахъ и Спартѣ—всю жизнь. Имущество гражданъ было всегда въ полномъ распоряженіи государства; если гражданская община нуждалась въ деньгахъ, то она могла приказать женщинамъ отдать ей свои драгоцѣнности, кредиторамъ—уступить ей полученіе по домовымъ обязательствамъ; владѣльцамъ оливковыхъ садовъ—отдать ей даромъ все выработанное ими масло. Частная жизнь также не ускользала отъ этого всевластнаго государства. Многія изъ греческихъ гражданскихъ общинъ запрещали человѣку оставаться неженатымъ. Спарта наказывала не только тѣхъ, кто не женился совсѣмъ, но и тѣхъ, кто женился поздно. Въ Аѳинахъ государство имѣло право предписать трудъ, а въ Спартѣ—праздность. Тиранія государства простиралась до самыхъ мелкихъ вещей: въ Локрахъ законъ запрещалъ мужчинамъ пить чистое, не смѣшанное съ водою вино; въ Римѣ, Милетѣ и въ Марсели онъ запрещалъ это женщинамъ. Обыкновенно одежда устанавливалась неизмѣнно законами каждой гражданской общины: законодательство Спарты опредѣляло, какъ должны убирать голову женщины; законодательство Аѳинъ запрещало имъ брать съ собою въ дорогу болѣе трехъ одеждъ. Въ Родосѣ законъ запрещалъ брить бороду; въ Византіи онъ наказывалъ штрафомъ того, кто имѣлъ у себя бритву; въ Спартѣ, наоборотъ, законъ требовалъ, чтобы граждане брили усы.

Государство имѣло право не терпѣть въ своей средѣ

уродливыхъ или безобразныхъ гражданъ. Вслѣдствіе этого оно повелѣвало отцу, у котораго родится уродливый ребенокъ, убить его. Этотъ законъ находился въ древнихъ законодательныхъ сборникахъ Спарты и Рима. Мы не знаемъ, существовалъ ли онъ также и въ Аѳинахъ; намъ извѣстно только, что Аристотель и Платонъ вписали его въ свое идеальное законодательство.

Въ исторіи Спарты есть одна черта, которая весьма восхищала собою и Плутарха, и Руссо. Спарта только-что потерпѣла пораженіе при Левктрахъ, гдѣ погибло очень много ея гражданъ. При этомъ извѣстіи родственники убитыхъ должны были появляться публично съ радостными, веселыми лицами. Мать, знавшая, что ея сынъ избѣжалъ гибели и что она его вскорѣ увидитъ, выказывала печаль и плакала; наоборотъ, та мать, которая знала, что ея сынъ погибъ и что она не увидитъ его болѣе, выказывала радость и обходила храмы, благодаря боговъ. Каково было могущество государства, которое предписывало извращеніе естественныхъ чувствъ и находило въ отвѣтъ повиновеніе!

Государство не допускало, чтобы человѣкъ могъ оставаться равнодушнымъ къ его интересамъ; ни философъ, ни человѣкъ науки не имѣли права устраняться отъ государственной жизни. Для каждаго являлось обязательнымъ подавать свой голосъ въ народныхъ собраніяхъ и отправлять извѣстныя государственныя должности, когда до него доходила очередь. Въ тѣ времена, когда такъ обычны были раздоры партій, аѳинскій законъ не позволялъ гражданину оставаться безучастнымъ, нейтральнымъ; онъ долженъ былъ бороться за ту или иную партію; относительно же тѣхъ, кто желалъ оставаться въ сторонѣ отъ всякой дѣятельности и пребывать въ спокойствіи, законъ объявлялъ тяжелое наказаніе, а именно онъ лишалъ ихъ права гражданства.

Воспитаніе также было далеко не свободно у грековъ. Можно сказать, напротивъ, что не было области, гдѣ бы государство оберегало усиленнѣе свое владычество. Въ Спартѣ отецъ не имѣлъ никакого права на воспитаніе своего ребенка.

Въ Аѳинахъ законъ былъ, кажется, менѣе строгимъ, но гражданская община установила общее воспитаніе подъ руководствомъ своихъ избранныхъ наставниковъ. Аристофанъ въ весьма краснорѣчивомъ изображеніи представляетъ намъ аѳинскихъ дѣтей, отправляющихся въ школу; въ полномъ порядкѣ, распредѣленныя по кварталамъ, идутъ они сомкнутыми рядами въ дождь и въ снѣгъ и при блескѣ солнца; эти дѣти какъ будто уже сознаютъ, что они выполняютъ гражданскій долгъ. Государство желало само руководить всецѣло воспитаніемъ, и Платонъ указываетъ на мотивы подобнаго требованія: „Родители не должны имѣть свободнаго выбора въ вопросѣ, посылать ли своихъ дѣтей къ учителямъ, которыхъ избрало государство, или не посылать, потому что дѣти принадлежатъ болѣе гражданской общинѣ, чѣмъ своимъ родителямъ“. Государство смотрѣло на тѣло и душу каждаго гражданина какъ на свою собственность, поэтому оно и желало образовать и тѣло, и душу такимъ образомъ, чтобы извлечь для себя возможно больше пользы. Оно обучало гражданъ гимнастикѣ, потому что тѣло человѣческое служило оружіемъ для гражданской общины, и оружіе это должно было сдѣлаться настолько сильнымъ и настолько ловкимъ, насколько только это было возможно. Оно обучало гражданъ также пѣнію религіозныхъ гимновъ, священному пѣснопѣнію, потому что эти знанія были необходимы для правильнаго совершенія жертвоприношеній и правильнаго исполненія празднествъ гражданской общины.

За государствомъ признавалось право не допускать свободнаго преподаванія наряду съ преподаваніемъ государственнымъ. Въ Аѳинахъ былъ изданъ однажды законъ, запрещавшій обучать молодыхъ людей безъ разрѣшенія правительства, и другой, запрещавшій особо преподаваніе философіи.

Человѣкъ не могъ свободно избирать свои вѣрованія. Онъ долженъ былъ вѣрить и подчиняться религіи гражданской общины. Можно было ненавидѣть или презирать боговъ сосѣдней общины; что касается боговъ общаго, такъ сказать, міроваго характера, какъ Юпитеръ Небесный или Кибела или Юнона, то тутъ предоставлялась свобода вѣрить въ нихъ или

нѣтъ; но не слѣдовало и осмѣливаться сомнѣваться въ Аѳинѣ Поліадѣ, Эрехтеѣ или въ Кекропсѣ. Это было бы страшное нечестіе, это было бы одновременное покушеніе и на религію, и на государство, и за такой проступокъ государство наказало бы строго. Сократъ за преступленіе подобнаго рода былъ осужденъ на смерть. Свобода мнѣнія о религіи гражданской общины была совершенно неизвѣстна древнимъ. Обязательно было принаравливаться ко всѣмъ правиламъ культа, появляться во всѣхъ процессіяхъ, принимать участіе въ священной трапезѣ. Аѳинское законодательство налагало наказаніе на тѣхъ, кто уклонялся отъ празднованія національныхъ праздниковъ.

Итакъ, древніе не знали ни свободы частной жизни, ни свободы воспитанія, ни свободы религіозной. Человѣческая личность значила чрезвычайно мало по сравненію съ той священной, почти божественной властью, которая называлась отечествомъ или государствомъ. Государству принадлежало не только право суда, какъ въ нашихъ современныхъ государствахъ, по отношенію своихъ гражданъ; государство имѣло право подвергать наказанію и совершенно невиннаго человѣка по той единственной причинѣ, что тутъ могли быть затронуты интересы государства. Аристидъ не совершилъ безусловно никакого преступленія, и никто его въ этомъ даже и не подозрѣвалъ, но гражданская община имѣла право изгнать его изъ предѣловъ своей области въ силу того единственнаго мотива, что своими высокими качествами онъ пріобрѣлъ слишкомъ сильное вліяніе и могъ бы стать опаснымъ, если бы того захотѣлъ. Это называлось остракизмомъ; институтъ этотъ существовалъ не только въ Аѳинахъ, мы находимъ его и въ Аргосѣ, въ Мегарѣ, въ Сиракузахъ, а по словамъ Аристотеля, онъ существовалъ во всѣхъ гражданскихъ общинахъ Греціи, гдѣ господствовалъ демократическій образъ правленія. Остракизмъ, такимъ образомъ, не былъ наказаніемъ; это была предосторожность, которую принимала гражданская община противъ своего члена, если она подозрѣвала, что онъ могъ стать въ одинъ прекрасный день неудобнымъ для нея. Въ Аѳинахъ можно было обвинить и осудить человѣка за негражданскій

образъ мыслей, т.-е. за недостатокъ любви къ государству. Жизнь человѣка не была ничѣмъ ограждена съ того момента, какъ только вопросъ касался интересовъ гражданской общины. Въ Римѣ изданъ былъ законъ, разрѣшающій убить всякаго человѣка, который возымѣлъ бы намѣреніе стать царемъ. Извѣстное правило, что благо государства—есть высшій законъ, было формулировано древними. Считалось, что право, справедливость нравственность—все рѣшительно должно уступать передъ интересами отечества.

Среди всѣхъ человѣческихъ заблужденій однимъ изъ самыхъ большихъ является та идея, будто бы въ древнихъ гражданскихъ общинахъ человѣкъ пользовался свободой. Онъ не имѣлъ о ней даже и понятія. Онъ не думалъ, что можетъ существовать съ полнымъ правомъ наравнѣ съ гражданской общиной и ея богами. Вскорѣ мы увидимъ, что хотя образъ правленія измѣнялъ нѣсколько разъ свою форму, но природа государства оставалась почти одна и та же, и его абсолютная власть почти нисколько не уменьшалась. Форма правленія называлась по-очереди монархіей, аристократіей, демократіей, но ни одинъ изъ этихъ переворотовъ не далъ человѣку истинной свободы, свободы личной, индивидуальной. Обладать политическими правами, голосовать въ народныхъ собраніяхъ, назначать должностныхъ лицъ, имѣть право стать архонтомъ—вотъ это называлось свободой; но человѣкъ былъ отъ того не менѣе порабощенъ государствомъ. Древніе и особенно греки чрезвычайно преувеличивали значеніе и права общества; это происходило, безъ сомнѣнія, отъ того священнаго и религіознаго характера, какимъ были облечены общества при своемъ возникновеніи.

КНИГА ЧЕТВЕРТАЯ.

Перевороты.

Нельзя было вообразить себѣ ничего болѣе прочно построеннаго, чѣмъ семья древнихъ вѣковъ, которая содержала въ себѣ своихъ боговъ, свой культъ, своего жреца, свое управленіе. Нельзя представить себѣ ничего болѣе сильнаго, чѣмъ гражданская община, которая тоже заключала въ себѣ свою религію, своихъ боговъ-покровителей, свое независимое священство, жречество, которая повелѣвала какъ душой, такъ и тѣломъ человѣка, которая была безконечно могущественнѣе современнаго государства и соединяла въ себѣ двойную власть, раздѣляемую теперь, какъ мы видимъ, между государствомъ и церковью. Никогда не создавалось общества болѣе устойчиваго, чѣмъ эта гражданская община. Но и оно пережило, подобно всему человѣческому, рядъ переворотовъ.

Мы не можемъ опредѣлить, въ какую именно эпоху начались эти перевороты. Въ самомъ дѣлѣ, совершенно понятно, что время это не могло быть одинаковымъ для различныхъ гражданскихъ общинъ Греціи и Италіи. Достовѣрно одно, что, начиная съ седьмого вѣка до нашей эры, эта общественная организація начала почти повсюду подвергаться нападкамъ и критикѣ. Начиная съ этого времени, она держится только съ трудомъ и при помощи болѣе или менѣе удачнаго сочетанія его прежней стойкости съ уступками новому.

Такимъ образомъ, эта организація сохранялась въ теченіе нѣсколькихъ вѣковъ, пока, наконецъ, не исчезла.

Причины, приведшія ее къ гибели, можно свести къ двумъ основнымъ. Одна изъ нихъ—это та перемѣна, которая произошла съ теченіемъ времени въ понятіяхъ людей вслѣдствіе

естественнаго развитія человѣческаго ума; перемѣна эта, уничтоживъ и изгладивъ древнія вѣрованія, одновременно съ этимъ разрушила и соціальное зданіе, которое было создано этими вѣрованіями и единственно ими поддерживалось. Вторая причина—это существованіе цѣлаго класса людей, находившагося внѣ организаціи гражданской общины; классъ этотъ страдалъ отъ подобнаго порядка вещей, въ его интересахъ было разрушить эту организацію, и онъ вступилъ съ нею въ безпрерывную борьбу.

И какъ только ослабѣли вѣрованія, на которыхъ былъ основанъ этотъ соціальный строй, и одновременно съ этимъ интересы большинства оказались въ противорѣчіи съ нимъ, строй этотъ неминуемо долженъ былъ пасть. Ни одна гражданская община, ни одно государство не избѣжало этого закона преобразованія, ни Спарта, ни Аѳины; ему подвергся Римъ такъ же, какъ и Греція.

Подобно тому, какъ мы видѣли, что народы Греціи и Италіи имѣли въ началѣ одни и тѣ же вѣрованія и у нихъ развивался тотъ же рядъ учрежденій, мы увидимъ теперь, что всѣ эти государства прошли черезъ тотъ же рядъ одинаковыхъ переворотовъ.

Нужно изучить, какъ и почему удалились люди отъ этой организаціи, и удалились не затѣмъ, чтобы въ концѣ концовъ погибнуть, а наоборотъ, чтобы приблизиться къ лучшей и болѣе совершенной формѣ общественной организаціи: подъ видомъ безпорядка, нестроенія, иногда даже упадка, каждая изъ созданныхъ людьми перемѣнъ приближала ихъ къ цѣли, которой они еще сами не знали.

Глава I.

Патриціи и кліенты.

До сихъ поръ мы не говорили совсѣмъ о низшихъ классахъ, и намъ не приходилось о нихъ говорить. Вопросъ заключался въ томъ, чтобы дать описаніе первобытной организаціи гражданской общины; низшіе же классы не знали абсолютно ничего въ этой организаціи. Гражданская община сложилась такъ, какъ если бы ихъ совершенно не существовало; поэтому мы могли отложить изученіе ихъ до того времени, когда мы подойдемъ къ эпохѣ государственныхъ переворотовъ.

Древняя гражданская община, какъ и всякое человѣческое общество, представляла въ своей средѣ различные общественные слои, отличія и неравенства. Въ Аѳинахъ извѣстно первоначальное различіе между эвпатридами и тетами, въ Спартѣ мы видимъ классъ равныхъ и классъ низшихъ, въ Эвбеѣ—классъ всадниковъ и простой народъ. Исторія Рима полна борьбой между патриціями и плебеями; эту же борьбу встрѣчаемъ мы во всѣхъ гражданскихъ общинахъ—сабинскихъ, латинскихъ и этрусскихъ. Можно даже замѣтить, что чѣмъ дальше будемъ мы восходить къ древней исторіи Греціи и Рима, тѣмъ различія будутъ являться болѣе глубокими, и общественные классы рѣзче опредѣленными—вѣрное доказательство того, что общественное неравенство произошло не постепенно, въ теченіе долгаго времени, но что оно существовало уже въ началѣ, что оно современно самому возникновенію гражданской общины.

Важно найти, на какихъ принципахъ основывалось это различіе классовъ. Мы могли бы, такимъ образомъ, легче понять, въ силу какихъ идей и какихъ потребностей начинается борьба, чего требуютъ себѣ низшіе классы, и во имя какихъ принциповъ господствующіе классы защищаютъ свое владычество.

Выше мы видѣли, что гражданская община возникла изъ федераціи семей и трибъ. Но раньше еще чѣмъ образовалась

гражданская община, семья уже содержала въ своихъ нѣдрахъ эти классовыя различія. Дѣйствительно, мы видимъ, что семья не распадается на своихъ отдѣльныхъ членовъ; она была недѣлима, какъ недѣлима первобытная религія очага. Старшій сынъ имѣлъ одинъ право наслѣдовать отцу; онъ получалъ въ свои руки священнослуженіе, собственность, власть, и братья его становились по отношенію къ нему въ такое же положеніе, въ какомъ были раньше по отношенію къ отцу. Такъ шло изъ поколѣнія въ поколѣніе, отъ старшаго къ старшему передавалась власть, и въ семьѣ былъ всегда только одинъ глава; онъ распоряжался жертвоприношеніями, произносилъ молитвы, судилъ, управлялъ. Ему одному принадлежалъ въ началѣ титулъ отца—*pater*, потому что это слово обозначало власть, а не отцовство въ тѣсномъ смыслѣ, и могло прилагаться только къ главѣ семьи, рода. Его сыновья, братья, слуги—всѣ называли его такъ.

Вотъ первый принципъ неравенства во внутреннемъ строѣ самой семьи. Старшій сынъ пользовался преимуществомъ въ отношеніи культа, наслѣдованія, распоряженія всѣмъ. Послѣ смѣны нѣсколькихъ поколѣній въ каждой большой семьѣ образовались совершенно естественно младшія вѣтви, которыя въ силу религіозныхъ правилъ и привычки состояли въ подчиненномъ положеніи по отношенію къ старшимъ линіямъ. Младшія линіи жили подъ покровительствомъ старшей и повиновались ея власти.

Кромѣ того семья имѣетъ слугъ, которые не разстаются съ ней, которые прикрѣплены къ ней наслѣдственно и по отношенію къ которымъ *pater* или *патронъ* пользуется троякой властью, какъ господинъ, какъ правитель и какъ жрецъ. Слуги эти въ различныхъ мѣстностяхъ назывались различно, но наиболѣе извѣстныя названія это—кліенты и теты.

Вотъ еще одинъ низшій классъ. Кліентъ стоитъ ниже не только верховнаго главы семьи, но и младшихъ линій. Между ними и кліентомъ та разница, что членъ младшей линіи въ восходящемъ ряду своихъ предковъ всегда находитъ одного, который назывался *pater*, т.-е. былъ главою семьи, однимъ

изъ тѣхъ божественныхъ предковъ, которыхъ семья призываетъ въ своихъ молитвахъ; а такъ какъ онъ происходитъ отъ *pater*, то онъ называется *patricius*. Но сынъ кліента, наоборотъ, какъ бы далеко ни восходилъ въ своей родословной, можетъ встрѣтить только кліента или раба. Среди его предковъ нѣтъ носящаго титулъ *pater*. Отсюда происходитъ для него то состояніе подчиненности, изъ котораго ничто не можетъ его вывести.

Различіе между этими двумя классами общества весьма ясно въ томъ, что касается матеріальныхъ интересовъ. Собственность семьи принадлежала всегда цѣликомъ ея главѣ, который могъ пользоваться этой собственностью совмѣстно съ младшими линіями и даже кліентами. Но въ то время, когда младшая линія имѣетъ по крайней мѣрѣ предполагаемое право на собственность, въ томъ случаѣ, если старшая линія прекратится,—кліентъ никогда не можетъ сдѣлаться собственникомъ. Земля, которую онъ обрабатываетъ, находится у него лишь въ временномъ пользованіи, послѣ его смерти она возвращается снова къ патрону. Въ римскомъ правѣ позднѣйшихъ вѣковъ сохранились слѣды этого древнѣйшаго законодательства въ такъ называемомъ *jus applicationis*. Даже деньги кліента не принадлежатъ ему; настоящимъ ихъ собственникомъ является патронъ и онъ имѣетъ право взять ихъ на собственныя надобности. Въ силу этого древняго закона, римское право гласитъ, что кліентъ обязанъ дать приданое дочери патрона, онъ долженъ платить за своего патрона штрафъ, нести за него выкупъ и участвовать въ расходахъ, необходимыхъ при исполненіи общественныхъ должностей.

Въ религіи различія являются еще болѣе рѣзкими; только лишь потомокъ того, кто былъ *pater*, можетъ исполнять религіозныя церемоніи семейнаго культа. Кліентъ присутствуетъ при этомъ, за него приносится жертва, но самъ онъ не совершаетъ жертвоприношенія; между нимъ и домашнимъ божествомъ есть всегда посредникъ; кліентъ не можетъ даже замѣстить отсутствующее потомство. Если семья угаснетъ, то кліенты не являются продолжателями культа, они расходятся

тогда въ разныя стороны. Религія не есть для нихъ отцовское наслѣдіе; она не принадлежитъ имъ по крови, она не досталась имъ отъ собственныхъ предковъ. Эта религія заимствована ими, они могутъ ею пользоваться, но не владѣть какъ собственностью.

Вспомнимъ, что по мнѣнію древнихъ право имѣть бога и молиться ему было наслѣдственнымъ. Священныя преданія, обряды, священныя слова, могущественныя формулы заклинаній, которыя склоняли боговъ къ дѣйствію,—все это передавалось только съ кровью; и потому было совершенно естественнымъ, что въ каждой древней семьѣ только ея свободная и свободнорожденная часть, дѣйствительно происходящая отъ перваго родоначальника, одна обладала правомъ служенія богамъ. Патриціи и эвпатриды имѣли преимущество быть жрецами и имѣть собственную, имъ лично принадлежащую религію.

Такимъ образомъ, классовыя различія существовали раньше еще выхода общества изъ семейнаго строя; древняя домашняя религія установила эти различія. Когда позже образовалась гражданская община, то ничто не измѣнилось во внутреннемъ строѣ семьи. Мы указывали уже, что гражданская община не являлась въ началѣ ассоціацией отдѣльныхъ личностей, что это былъ союзъ трибъ, курій и семей, и что въ этомъ союзѣ каждая изъ составныхъ его частей продолжала оставаться тѣмъ же, чѣмъ была и раньше. Главы этихъ маленькихъ группъ соединялись вмѣстѣ, но каждый изъ нихъ оставался полновластнымъ господиномъ въ томъ маленькомъ обществѣ, главою котораго онъ уже былъ. Вотъ почему римское право оставляло долго за главою семьи, *pater*, абсолютную власть надъ членами семьи и неограниченное владычество вмѣстѣ съ правомъ суда надъ кліентами. Классовыя различія, родившись въ семьѣ, продолжали существовать и въ гражданской общинѣ.

Гражданская община въ первое время своего существованія была союзомъ главъ отдѣльныхъ семей. Есть свидѣтельства о тѣхъ временахъ, когда только они одни имѣли право быть гражданами. Слѣды этого правила можно видѣть въ древнемъ аѳинскомъ законѣ, гласившемъ, что для того, чтобы счи-

17*

таться гражданиномъ, нужно обладать домашнимъ божествомъ. Аристотель замѣчаетъ, „что въ древнія времена въ нѣкоторыхъ городахъ считалось правиломъ, что сынъ не былъ гражданиномъ при жизни своего отца, по смерти же отца только старшій сынъ пользовался политическими правами". Значитъ законъ не считалъ членами гражданской общины ни младшія отрасли, ни, съ тѣмъ большимъ основаніемъ, кліентовъ. И Аристотель, дѣйствительно, добавляетъ, что число настоящихъ гражданъ было въ то время очень немногочисленно.

Народное собраніе, обсуждавшее общественныя дѣла гражданской общины, состояло въ тѣ древнія времена только изъ главъ отдѣльныхъ семей, *patres*. Позволительно не повѣрить словамъ Цицерона, который говоритъ, что Ромулъ называлъ сенаторовъ *отцами*, чтобы обозначить тѣмъ отеческую любовь, которую они питали къ народу. Члены этого древняго сената совершенно естественно носили титулъ *pater*, такъ какъ они были главы родовъ. Одновременно съ тѣмъ какъ, собравшись вмѣстѣ, эти люди представляли собою гражданскую общину, каждый изъ нихъ въ отдѣльности оставался абсолютнымъ владыкою своего рода, который былъ какъ бы его небольшимъ царствомъ.

Мы видѣли съ самаго начала Рима также и другое народное собраніе, болѣе многочисленное, собраніе курій, но оно очень мало отличалось отъ собранія отцовъ, *patres*. И въ этомъ собраніи также главный элементъ представляли отцы, только здѣсь каждый отецъ, *pater*, являлся окруженный своей семьей; его сопровождали родственники, даже кліенты, и подобная свита указывала на его могущество. Но каждая семья владѣла на этихъ комиціяхъ только однимъ голосомъ. Можно предположить, что глава семьи спрашивалъ мнѣнія своихъ родственниковъ, быть можетъ даже кліентовъ, но совершенно ясно, что подавалъ голосъ именно онъ; къ тому же кліенту было запрещено закономъ держаться иного мнѣнія, чѣмъ его патронъ. Если кліенты были присоединены къ гражданской общинѣ, то лишь черезъ посредство своихъ патриціанскихъ главъ. Они принимали участіе въ общественномъ культѣ, являлись передъ судомъ, входили въ народныя собранія, но всегда лишь сопровождая своихъ патроновъ.

Не слѣдуетъ представлять себѣ гражданскую общину древнихъ вѣковъ, какъ собраніе людей, живущихъ въ перемежку въ предѣлахъ однѣхъ и тѣхъ же городскихъ стѣнъ. Городъ въ первыя времена совершенно не былъ мѣстомъ для жительства: онъ былъ святилищемъ, гдѣ пребывали боги общины, онъ былъ крѣпостью, которая ихъ защищала и которая освящалась сама ихъ присутствіемъ; онъ былъ центромъ союза, мѣстопребываніемъ царя и жрецовъ, мѣстомъ, гдѣ отправлялось правосудіе, но люди тамъ не жили. Люди еще въ теченіе многихъ поколѣній продолжали жить внѣ города, отдѣльными обособленными семьями разселившись по всей странѣ. Каждая изъ этихъ семей занимала отдѣльную область, гдѣ находилось ея домашнее святилище, и гдѣ она составляла нераздѣльную группу подъ властью отца, *pater*. Затѣмъ въ извѣстные дни, если того требовалъ интересъ всей гражданской общины и обязанности общественнаго культа, главы семействъ сходились въ городъ и собирались вокругъ царя, иногда для того, чтобы обсудить какіе-нибудь вопросы, иногда, чтобы присутствовать при жертвоприношеніи. Если дѣло шло о войнѣ, то каждый глава являлся въ сопровожденіи своей семьи и своихъ слугъ (*sua manus*); они группировались по фратріямъ или куріямъ и составляли войско гражданской общины подъ начальствомъ царя.

Глава II.

Плебеи.

Теперь нужно указать еще на другую составную часть народонаселенія, которая была поставлена даже ниже кліентовъ; слабая и ничтожная въ началѣ, она незамѣтно пріобрѣтаетъ достаточно силы, чтобы разбить древнюю соціальную организацію. Классъ этотъ, который въ Римѣ былъ многочисленнѣе, чѣмъ въ какой бы то ни было другой гражданской общинѣ,

таться гражданиномъ, нужно обладать домашнимъ божествомъ. Аристотель замѣчаетъ, „что въ древнія времена въ нѣкоторыхъ городахъ считалось правиломъ, что сынъ не былъ гражданиномъ при жизни своего отца, по смерти же отца только старшій сынъ пользовался политическими правами“. Значитъ законъ не считалъ членами гражданской общины ни младшія отрасли, ни, съ тѣмъ большимъ основаніемъ, кліентовъ. И Аристотель, дѣйствительно, добавляетъ, что число настоящихъ гражданъ было въ то время очень немногочисленно.

Народное собраніе, обсуждавшее общественныя дѣла гражданской общины, состояло въ тѣ древнія времена только изъ главъ отдѣльныхъ семей, *patres*. Позволительно не повѣрить словамъ Цицерона, который говоритъ, что Ромулъ называлъ сенаторовъ *отцами*, чтобы обозначить тѣмъ отеческую любовь, которую они питали къ народу. Члены этого древняго сената совершенно естественно носили титулъ *pater*, такъ какъ они были главы родовъ. Одновременно съ тѣмъ какъ, собравшись вмѣстѣ, эти люди представляли собою гражданскую общину, каждый изъ нихъ въ отдѣльности оставался абсолютнымъ владыкою своего рода, который былъ какъ бы его небольшимъ царствомъ.

Мы видѣли съ самаго начала Рима также и другое народное собраніе, болѣе многочисленное, собраніе курій, но оно очень мало отличалось отъ собранія отцовъ, *patres*. И въ этомъ собраніи также главный элементъ представляли отцы, только здѣсь каждый отецъ, *pater*, являлся окруженный своей семьей; его сопровождали родственники, даже кліенты, и подобная свита указывала на его могущество. Но каждая семья владѣла на этихъ комиціяхъ только однимъ голосомъ. Можно предположить, что глава семьи спрашивалъ мнѣнія своихъ родственниковъ, быть можетъ даже кліентовъ, но совершенно ясно, что подавалъ голосъ именно онъ; къ тому же кліенту было запрещено закономъ держаться иного мнѣнія, чѣмъ его патронъ. Если кліенты были присоединены къ гражданской общинѣ, то лишь черезъ посредство своихъ патриціанскихъ главъ. Они принимали участіе въ общественномъ культѣ, являлись передъ судомъ, входили въ народныя собранія, но всегда лишь сопровождая своихъ патроновъ.

Не слѣдуетъ представлять себѣ гражданскую общину древнихъ вѣковъ, какъ собраніе людей, живущихъ въ перемежку въ предѣлахъ однѣхъ и тѣхъ же городскихъ стѣнъ. Городъ въ первыя времена совершенно не былъ мѣстомъ для жительства: онъ былъ святилищемъ, гдѣ пребывали боги общины, онъ былъ крѣпостью, которая ихъ защищала и которая освящалась сама ихъ присутствіемъ; онъ былъ центромъ союза, мѣстопребываніемъ царя и жрецовъ, мѣстомъ, гдѣ отправлялось правосудіе, но люди тамъ не жили. Люди еще въ теченіе многихъ поколѣній продолжали жить внѣ города, отдѣльными обособленными семьями расселившись по всей странѣ. Каждая изъ этихъ семей занимала отдѣльную область, гдѣ находилось ея домашнее святилище, и гдѣ она составляла нераздѣльную группу подъ властью отца, *pater*. Затѣмъ въ извѣстные дни, если того требовалъ интересъ всей гражданской общины и обязанности общественнаго культа, главы семействъ сходились въ городъ и собирались вокругъ царя, иногда для того, чтобы обсудить какіе-нибудь вопросы, иногда, чтобы присутствовать при жертвоприношеніи. Если дѣло шло о войнѣ, то каждый глава являлся въ сопровожденіи своей семьи и своихъ слугъ (*sua manus*); они группировались по фратріямъ или куріямъ и составляли войско гражданской общины подъ начальствомъ царя.

Глава II.

Плебеи.

Теперь нужно указать еще на другую составную часть народонаселенія, которая была поставлена даже ниже кліентовъ; слабая и ничтожная въ началѣ, она незамѣтно пріобрѣтаетъ достаточно силы, чтобы разбить древнюю соціальную организацію. Классъ этотъ, который въ Римѣ былъ многочисленнѣе, чѣмъ въ какой бы то ни было другой гражданской общинѣ,

носилъ названіе плебеевъ. Надо знать происхожденіе и характеръ этого класса, чтобы понять ту роль, которую онъ сыгралъ въ исторіи семьи и гражданской общины древнихъ.

Плебеи не были кліентами; историки древняго міра не смѣшиваютъ этихъ двухъ классовъ. Титъ Ливій говоритъ въ одномъ мѣстѣ: „Плебеи не хотѣли принимать участія въ избраніи консуловъ, но консулы были все-таки избраны патриціями и ихъ кліентами". И въ другомъ мѣстѣ: „Плебеи жаловались, что патриціи имѣютъ слишкомъ много вліянія въ комиціяхъ благодаря голосамъ своихъ кліентовъ". У Діонисія Галикарнасскаго мы читаемъ: „Плебеи вышли изъ Рима и удалились на Священную гору, патриціи остались въ городѣ одни со своими кліентами". И далѣе: „Недовольные плебеи отказались вступать въ ряды войска; патриціи со своими кліентами взялись за оружіе и объявили имъ войну". Эти плебеи, совершенно отдѣленные отъ класса кліентовъ, не составляли, по крайней мѣрѣ въ первые вѣка, части того, что называлось римскимъ народомъ. Въ одной древней формулѣ молитвы, которая повторялась еще во времена пуническихъ войнъ, у боговъ испрашивалось благоволеніе „къ народу и плебеямъ". Слѣдовательно, плебеи не входили въ началѣ въ составъ народа, состоявшаго изъ патриціевъ и ихъ кліентовъ, плебеи оставались внѣ народа.

Древніе даютъ намъ мало свѣдѣній о томъ, какъ сложился этотъ классъ. Мы имѣемъ основаніе предположить, что онъ составился въ значительной степени изъ древнихъ завоеванныхъ и покоренныхъ народностей. Тѣмъ не менѣе мы удивлены, находя у Тацита, знавшаго древнія преданія, что патриціи попрекали плебеевъ не тѣмъ, что они происходятъ отъ покоренныхъ народовъ, но тѣмъ, что у нихъ нѣтъ ни религіи, ни даже семьи. Уже во времена Лицинія Столона подобный упрекъ являлся не заслуженнымъ, а современники Тита Ливія едва понимали его; смыслъ его восходитъ къ эпохѣ крайне древней и переноситъ насъ къ первымъ временамъ гражданской общины.

Въ самомъ дѣлѣ, уже въ самой природѣ древнихъ религіозныхъ вѣрованій мы замѣчаемъ много причинъ, которыя должны были вести за собою неизбѣжное образованіе низшихъ классовъ. Древняя религія не распространялась; родившись въ семьѣ, она оставалась замкнутой въ ней. Каждая семья должна была создать себѣ свои вѣрованія, своихъ боговъ, свой культъ. Но могло случиться, что нѣкоторыя семьи не обладали достаточной духовной мощью, чтобы создать себѣ свое собственное божество, установить культъ, придумать гимны и молитвенный ритмъ. Въ силу одного этого подобныя семьи стояли ниже тѣхъ, которыя имѣли собственную религію, и не могли входить въ сообщество съ ними. Случалось, безъ сомнѣнія, и такъ, что семьи, имѣвшія раньше домашній культъ, утрачивали его въ силу небрежности и забвенія обрядовъ или же вслѣдствіе одного ихъ тѣхъ преступленій или проступковъ, которые влекли за собою запрещеніе приближаться къ своему очагу и продолжать совершеніе культа. Случалось, наконецъ, и такъ, что кліенты, у которыхъ не было собственнаго культа, у которыхъ былъ только культъ ихъ патрона, бывали изгоняемы изъ семьи или покидали ее по собственному желанію, а это значило отказаться отъ религіи. Прибавимъ еще, что сынъ, рожденный отъ брака, совершеннаго безъ соблюденія религіозныхъ обрядовъ, считался незаконнорожденнымъ, какъ и сынъ, рожденный отъ прелюбодѣянія; одинаково ни для того, ни для другого не существовало домашней религіи. Всѣ эти люди, исключенные изъ семьи, поставленные внѣ культа, попадали въ классъ людей, не имѣющихъ очага. Существованіе плебеевъ являлось необходимымъ слѣдствіемъ исключительной природы древней организаціи.

Этотъ классъ людей мы находимъ почти во всѣхъ древнихъ гражданскихъ общинахъ, но онъ отграниченъ отъ всего прочаго населенія. Греческій городъ былъ двойнымъ: городъ въ собственномъ смыслѣ, πόλις, который возвышался обыкновенно на вершинѣ холма; онъ бывалъ всегда основанъ съ соблюденіемъ религіозныхъ обрядовъ и заключалъ въ себѣ святилище городскихъ божествъ. У подножья холма находилось собраніе домовъ, построенныхъ безо всякихъ религіозныхъ

церемоній, безъ священной ограды—это было мѣсто жительства плебеевъ, которые не могли жить въ священномъ городѣ.

Въ Римѣ первоначальное различіе между этими двумя частями народонаселенія поразительно. Городъ патриціевъ и ихъ кліентовъ—это тотъ городъ, который основанъ Ромуломъ на Палатинскомъ холмѣ съ соблюденіемъ всего священнаго ритуала; мѣстопребываніе плебеевъ—это убѣжище (*asylum*), нѣчто вродѣ огороженнаго пространства на склонѣ Капитолійскаго холма, куда помѣстилъ первый римскій царь пришедшихъ къ нему людей безъ роду и племени, тѣхъ людей, которымъ онъ не могъ дозволить войти въ его священный городъ. Позже, когда въ Римъ пришли новые плебеи, то, такъ какъ они были чужды римской гражданской общинѣ, ихъ поселили на Авентинскомъ холмѣ, т.-е. внѣ священной ограды (pomoerium) и религіознаго города.

Плебеевъ характеризуетъ одно опредѣленіе: у нихъ нѣтъ культа; по крайней мѣрѣ патриціи упрекаютъ ихъ въ неимѣніи его. „У нихъ нѣтъ предковъ", это значитъ по понятіямъ ихъ противниковъ, что у нихъ нѣтъ извѣстныхъ, законно признаваемыхъ предковъ, „у нихъ нѣтъ отцовъ", т.-е. напрасно стали бы они искать въ восходящемъ ряду предка, бывшаго главою религіозной семьи, имѣвшаго званіе *pater*. „У нихъ нѣтъ семьи, *gentem non habent*", т.-е. у нихъ есть только естественная семья; что же касается той, которую образуетъ религія, настоящаго рода (*gens*), у нихъ нѣтъ.

Для плебеевъ не существуетъ священнаго брака, они не знаютъ его обрядовъ. Не имѣя очага, они лишены и того союза, который устанавливается очагомъ. Вотъ почему патриціи, для которыхъ существовалъ только одинъ законный союзъ, тотъ, который передъ лицомъ домашняго божества соединялъ двухъ супруговъ, говоря о плебеяхъ, выражались: *Connubia promiscua habent more ferarum.*

Для нихъ нѣтъ семьи и нѣтъ отцовской власти; они могли имѣть власть надъ своими дѣтьми, но только такую, какая дается силой или естественнымъ чувствомъ, но у нихъ нѣтъ той священной власти, какою облекаетъ отца религія.

Для нихъ не существуетъ и права собственности, потому что всякая собственность должна быть основана и утверждена очагомъ, могилою предковъ, богами термами, т.-е. всѣми элементами домашняго культа. Если плебей и владѣетъ землею, то земля эта не имѣетъ священнаго характера, она простая, обыкновенная земля безъ священныхъ границъ. Но можетъ ли онъ даже владѣть землею въ первые вѣка? Извѣстно, что въ Римѣ никто не имѣетъ права быть собственникомъ, если онъ не гражданинъ; плебей же въ первыя времена существованія Рима гражданиномъ не былъ. Законодатель говоритъ, что собственникомъ можно быть только по праву квиритовъ, но плебей въ началѣ не считается въ числѣ квиритовъ.

При возникновеніи Рима ager romanus былъ раздѣленъ между трибами, куріями и родами; слѣдовательно, плебеи, не принадлежавшіе ни къ одной изъ этихъ группъ, само собой не могли принять участія и въ раздѣлѣ земли. Плебеи, не имѣвшіе религіи, не владѣли тѣмъ, что даетъ человѣку возможность наложить свой отпечатокъ на часть земли и сдѣлать ее своею. Извѣстно, что они жили очень долго на Авентинскомъ холмѣ и строили тамъ дома; но лишь по прошествіи трехъ вѣковъ, послѣ долгой и усиленной борьбы добились они, наконецъ, права собственности на эту землю.

Для плебея нѣтъ ни закона, ни правосудія, такъ какъ законъ есть религіозное постановленіе, а судебная процедура—собраніе обрядовъ. Кліентъ имѣетъ преимущество пользоваться правами гражданской общины черезъ посредство своего патрона, для плебея не существуетъ и этого права. Одинъ древній историкъ говоритъ совершенно опредѣленно, что шестой римскій царь впервые издалъ законы для плебеевъ, тогда какъ патриціи уже долгое время имѣли свои законы. Кажется даже, что эти законы были впослѣдствіи отняты у плебеевъ или же, такъ какъ они не были основаны на религіи, патриціи отказались считаться съ ними и исполнять ихъ, потому что мы видимъ далѣе у того же историка, что когда была установлена должность трибуновъ, то понадобилось издать спеціальный законъ для охраны ихъ жизни и свободы, и законъ этотъ

былъ формулированъ слѣдующимъ образомъ: „пусть никто не осмѣлится ударить или убить трибуна, какъ онъ сдѣлалъ бы съ простымъ плебеемъ“. Такимъ образомъ, плебея, повидимому, можно было по праву ударить или убить, или, по крайней мѣрѣ, подобный проступокъ по отношенію человѣка, стоящаго внѣ закона, не наказывался законнымъ порядкомъ.

Для плебеевъ не существуетъ политическихъ правъ. Прежде всего они не граждане, и ни одинъ изъ нихъ не можетъ быть избранъ на общественную должность. Въ Римѣ въ теченіе двухъ вѣковъ не существуетъ другихъ народныхъ собраній кромѣ куріальныхъ; въ теченіе же первыхъ трехъ вѣковъ послѣ основанія Рима куріи заключаютъ въ себѣ только патриціевъ и ихъ кліентовъ. Плебеи не входили даже въ составъ войска, пока оно распредѣлялось по куріямъ.

Но самымъ очевиднымъ образомъ отдѣлялъ патриція отъ плебея тотъ фактъ, что у плебея не было религіи гражданской общины; онъ совершенно не могъ быть облеченъ въ какую-нибудь священную должность. Можно даже допустить, что въ первые вѣка ему запрещено было даже молиться, такъ какъ религія не дозволяла открывать ему священные обряды. То же самое въ Индіи: „Шудра никогда не имѣетъ права знать священныя формулы“. Онъ чужеземецъ, и вслѣдствіе этого одно его присутствіе оскверняетъ жертвоприношеніе. Боги отвергаютъ его. Между нимъ и патриціемъ все то огромное разстояніе, какое можетъ только положить религія между двумя людьми. Плебеи есть часть народонаселенія презираемая, низкая, не имѣющая ни религіи, ни законовъ, стоящая внѣ общества и внѣ семьи. Патрицій можетъ сравнивать такое состояніе только съ состояніемъ животныхъ, *more ferarum*. Соприкосновеніе съ плебеемъ нечисто, оскверняетъ. Децемвиры въ своихъ первыхъ десяти таблицахъ забыли внести запрещеніе брака между этими двумя классами; но это потому, что эти первые децемвиры были всѣ патриціи, и ни одному изъ нихъ не могла придти даже въ голову мысль о возможности подобнаго брака.

Мы видимъ, какъ въ первое время существованія гражданской общины расположены были одинъ надъ другимъ общественные классы. Во главѣ была аристократія, главы семей, родовъ, тѣ, кого оффиціальный языкъ Рима называлъ *patres*, а кліенты называли *reges*, въ Одиссеѣ они носятъ названіе βασιλεῖς или ἄνακτες. Ниже стояли младшія линіи семей; еще ниже кліенты; затѣмъ еще гораздо ниже и уже внѣ гражданской общины—плебеи.

Такое различіе классовъ произошло изъ религіи, потому что еще въ тѣ времена, когда предки грековъ, италійцевъ и индусовъ жили вмѣстѣ въ центральной Азіи, тогда еще религія изрекла: „Старшій да совершаетъ молитву“. Отсюда произошло преимущество старшаго и во всемъ прочемъ. Старшая линія каждой семьи была линіей священной и господствующей. Тѣмъ не менѣе религія придавала важное значеніе и младшимъ линіямъ, которыя являлись какъ бы резервомъ и могли, когда понадобится, замѣнить угасшую старшую вѣтвь и спасти культъ. Она придавала нѣкоторое значеніе и кліенту, даже рабу, потому что они присутствовали при совершеніи религіозныхъ священнодѣйствій; но плебеевъ, не принимавшихъ никакого участія въ культѣ, она не ставила абсолютно ни во что. Такимъ образомъ установились въ обществѣ классовыя различія.

Но ни одна соціальная форма, которую человѣкъ изобрѣтаетъ и установляетъ, не остается неизмѣнной; данная же форма носила уже въ самой себѣ зародыши болѣзни и смерти; этими зародышами было слишкомъ большое неравенство между людьми. Слишкомъ многіе были заинтересованы въ томъ, чтобы разрушить соціальную организацію, не доставлявшую имъ ни малѣйшаго благополучія.

Глава III.

Первый переворотъ.

I. Цари лишаются политической власти.

Мы говорили, что въ началѣ царь являлся религіознымъ главою гражданской общины, верховнымъ жрецомъ общественнаго очага, что съ этой священническою властью онъ соединялъ и власть политическую, такъ какъ казалось совершенно естественнымъ, чтобы человѣкъ, бывшій религіознымъ представителемъ гражданской общины, являлся въ то же время и руководителемъ народныхъ собраній, судьею и главнымъ начальникомъ войска. Этотъ принципъ имѣлъ своимъ слѣдствіемъ то, что вся государственная власть сосредоточилась въ рукахъ царя.

Но главы семей, *patres*, и выше ихъ главы фратрій и трибъ составляли очень сильную аристократію вокругъ царя. Кромѣ того, царь не былъ единственнымъ царемъ; каждый *pater* былъ подобно ему царемъ въ своемъ родѣ; въ Римѣ существовалъ даже древній обычай называть всякаго могущественнаго патрона царемъ; въ Аѳинахъ у каждой фратріи и у каждой трибы былъ свой глава, и наряду съ царемъ гражданской общины были цари трибъ, φυλοβασιλεῖ. Это была іерархія начальствующихъ вождей, изъ которыхъ каждый имѣлъ въ своей болѣе или менѣе обширной области тѣ же самыя преимущества и ту же неприкосновенность. Власть царя гражданской общины не простиралась на все населеніе. Весь внутренній укладъ семьи и всѣ кліенты ускользали отъ этой власти. Подобно феодальнымъ царямъ, имѣвшимъ въ своемъ подданствѣ только нѣсколькихъ могущественныхъ вассаловъ, цари древней гражданской общины повелѣвали только главами трибъ и родовъ, и каждый изъ этихъ главъ могъ быть лично такъ же могущественъ, какъ и царь, а всѣ вмѣстѣ они были гораздо сильнѣе его. Можно представить себѣ вполнѣ, что ему было не легко заставить ихъ повиноваться себѣ. Люди

должны были питать къ нему большое почтеніе, такъ какъ онъ былъ главою культа и хранителемъ очага, но они, безъ сомнѣнія, были весьма мало склонны подчиняться ему, такъ какъ онъ совершенно не обладалъ большой силой.

И правящіе, и управляемые замѣтили довольно скоро, что они расходятся въ пониманіи границъ должнаго повиновенія. Цари желали быть могущественными, *отцы* этого совершенно не хотѣли. И такимъ образомъ во всѣхъ гражданскихъ общинахъ возгорѣлась борьба между царемъ и аристократіей.

Всюду исходъ борьбы былъ одинъ и тотъ же: всюду царская власть была побѣждена. Но не надо упускать изъ виду, что эта первобытная царская власть была священна. Царь былъ человѣкъ, произносившій молитвы и совершавшій жертвоприношенія, человѣкъ, обладавшій, по праву наслѣдованія властью призывать на городъ благоволеніе и покровительство боговъ. Поэтому нечего было и думать обойтись безъ царя; царь былъ необходимъ для религіи, онъ былъ необходимъ еще и для благополучія гражданской общины. Поэтому мы видимъ во всѣхъ гражданскихъ общинахъ, религія которыхъ намъ извѣстна, что сначала священной власти царя совершенно не касались и довольствовались отнятіемъ у него власти политической, которую цари присоединили какъ бы въ дополненіе къ религіозной власти и которая не считалась священною и неприкосновенною подобно первой. Политическую власть можно было отнять у царя, не подвергая этимъ религіи никакой опасности.

Такимъ образомъ, царская власть была сохранена, но лишенная своего политическаго могущества она обратилась лишь въ достоинство жреца. „Въ очень древнія времена", говоритъ Аристотель, „цари имѣли абсолютную власть въ вопросахъ войны и мира; но впослѣдствіи одни сами отказались отъ этой власти, у другихъ она была отнята силою, и царямъ была оставлена только забота о жертвоприношеніяхъ". То же говоритъ и Плутархъ: „Такъ какъ цари выказывали себя гордыми и жестокими въ управленіи людьми, то большая часть

грековъ отняла у нихъ власть и оставила имъ только религіозныя обязанности". Геродотъ разсказываетъ о городѣ Киренѣ и говоритъ: „Батту, потомку царей, оставили заботу о культѣ и обладаніе священными землями, но у него отняли всю ту власть, которою пользовались его отцы".

Эта царская власть, сведенная такимъ образомъ къ исполненію чисто жреческихъ обязанностей, продолжала большую часть времени быть наслѣдственной въ священныхъ семьяхъ, которыя воздвигли нѣкогда очагъ и положили начало національному культу.

Во времена римской имперіи, т.-е. спустя семь или восемь вѣковъ послѣ этого переворота, въ Эфесѣ, Марсели и Өесніяхъ существовали еще семьи, сохранявшія титулъ и внѣшніе знаки древняго царскаго достоинства и руководившія религіозными церемоніями. Въ другихъ городахъ священныя семьи уже угасли, и царскій санъ сдѣлался выборнымъ; избраніе происходило обыкновенно на годичный срокъ.

2. *Исторія этого переворота въ Спартѣ.*

Спарта всегда имѣла царей, и тѣмъ не менѣе переворотъ, о которомъ мы говоримъ здѣсь, совершился и въ ней точно такъ же какъ и въ другихъ гражданскихъ общинахъ.

Кажется, что первые дорійскіе цари пользовались неограниченною властью, но начиная съ третьяго поколѣнія возникаютъ распри между царями и аристократіей. Въ теченіе двухъ вѣковъ происходитъ постоянная борьба, сдѣлавшая Спарту одною изъ наиболѣе безпокойныхъ гражданскихъ общинъ Греціи; извѣстно, что одинъ изъ ея царей, именно отецъ Ликурга, погибъ, сраженный въ гражданской войнѣ.

Нѣтъ ничего болѣе неяснаго, чѣмъ исторія самого Ликурга; разсказъ о немъ его древній біографъ начинаетъ такими словами: „О немъ нельзя сказать ничего, что не вызвало бы спора". Достовѣрно по крайней мѣрѣ то, что Ликургъ появился въ эпоху раздоровъ и междуусобій, „въ то время, когда правительство колебалось постоянными смутами". Изъ всѣхъ свѣдѣній о немъ, которыя дошли до насъ, наиболѣе очевидно

то, что его реформа нанесла царской власти ударъ, отъ котораго она не могла уже болѣе оправиться. „Въ царствованіе Харилая", говоритъ Аристотель, „монархія уступила мѣсто аристократіи". Этотъ самый Харилай былъ царемъ, когда Ликургъ проводилъ свою реформу. Отъ Плутарха мы знаемъ къ тому же, что на Ликурга были возложены обязанности законодателя среди разгорѣвшейся смуты, когда самъ царь Харилай долженъ былъ искать убѣжища въ храмѣ. Былъ моментъ, когда во власти Ликурга было уничтожить совершенно царское достоинство, но онъ этого не сдѣлалъ; Ликургъ считалъ, что царская власть необходима, а царская семья неприкосновенна. Но онъ устроилъ такимъ образомъ, что съ этого времени цари были подчинены сенату во всемъ, что касалось управленія, сами же были не болѣе какъ предсѣдателями этого собранія и исполнителями его рѣшеній. Спустя столѣтіе царская власть была еще болѣе ослаблена, и у нея была отнята исполнительная власть, которая была ввѣрена особымъ должностнымъ лицамъ, избираемымъ на годъ; они назывались эфорами.

Легко судить по тѣмъ правамъ, которыя были предоставлены эфорамъ, какъ мало власти было оставлено царямъ. Эфоры судили гражданскія дѣла, въ то время какъ сенатъ судилъ дѣла уголовныя. Эфоры, по порученію сената объявляли войну или же устанавливали статьи мирнаго договора. Во время войны два эфора сопровождали царя и наблюдали за нимъ; они установляли планъ кампаніи и распоряжались всѣми военными операціями. Что же оставалось у царей, если у нихъ было отнято право суда, внѣшнія сношенія, военныя операціи? Имъ было оставлено священнослуженіе. Геродотъ описываетъ ихъ прерогативы: „Когда гражданская община совершаетъ жертвоприношеніе, то они занимаютъ первое мѣсто за священнымъ обѣдомъ; имъ первымъ подаютъ кушанья и всего въ двойномъ количествѣ; они первые совершаютъ возліянія, и имъ принадлежатъ шкуры жертвенныхъ животныхъ. Каждому изъ нихъ даютъ два раза въ мѣсяцъ жертву, которую цари приносятъ въ честь бога Аполлона". „Цари", го-

воритъ Ксенофонтъ, „совершаютъ общественныя жертвоприношенія, и имъ принадлежатъ лучшія части жертвеннаго мяса“. Если они не являлись судьями ни по гражданскимъ, ни по уголовнымъ дѣламъ, то имъ предоставлялось, по крайней мѣрѣ, право суда по нѣкоторымъ дѣламъ, касающимся религіи. Во время войны одинъ изъ двухъ царей шествуетъ во главѣ войска, совершая ежедневныя жертвоприношенія и справляясь съ предзнаменованіями. Въ виду непріятеля приноситъ онъ жертву и, если знаменія благопріятны, то царь даетъ знакъ къ битвѣ. Во время сраженія онъ окруженъ прорицателями, которые указываютъ ему волю боговъ, и музыкантами, играющими на флейтахъ священные гимны. Спартанцы говорятъ, что начальствуетъ царь, потому что онъ держитъ въ своихъ рукахъ религію и ауспиціи, но эфоры и полемархъ управляютъ всѣми движеніями войска.

Слѣдовательно, можно сказать совершенно утвердительно, что царское достоинство въ Спартѣ есть, главнымъ образомъ, наслѣдственное священство. Тотъ же самый государственный переворотъ, который уничтожилъ политическую власть царей во всѣхъ гражданскихъ общинахъ, уничтожилъ ее также и въ Спартѣ. Власть въ дѣйствительности принадлежитъ сенату, который управляетъ, и эфорамъ, которые исполняютъ его повелѣнія. Цари во всемъ, что не касается религіи, подчинены эфорамъ. Поэтому Геродотъ говоритъ съ полнымъ правомъ, что Спарта не знаетъ монархическаго образа правленія, а Аристотель, что образъ правленія въ Спартѣ—аристократическій.

3. Тотъ же переворотъ въ Аѳинахъ.

Выше мы видѣли, каковъ былъ общественный строй первобытнаго народонаселенія Аттики. Страной владѣло нѣкоторое число семей вполнѣ независимыхъ и ничѣмъ между собою не связанныхъ; каждая составляла небольшую общественную группу, управляемую своимъ наслѣдственнымъ главою. Позже эти группы вступили между собою въ союзъ, и изъ такой ассоціаціи произошла аѳинская гражданская община. Тезею

приписываютъ завершеніе огромнаго дѣла объединенія Аттики. Но преданіе прибавляетъ, и мы этому безъ труда вѣримъ, что Тезею пришлось побѣдить много препятствій. Не кліенты и не бѣдняки, разсѣянные по мѣстечкамъ и по γένη, оказывали ему сопротивленіе. Эти люди, наоборотъ, могли скорѣе радоваться перемѣнѣ, которая давала высшаго главу ихъ вождямъ и обезпечивала имъ, такимъ образомъ, прибѣжище и покровительство. Отъ перемѣны страдали главы семей, родовъ, вожди мѣстечекъ и трибъ—βασιλεῖς, φυλο βασιλεῖς,—тѣ эвпатриды, которые по наслѣдственному праву имѣли высшую власть въ своихъ родахъ или въ своихъ трибахъ. Они защищали насколько было силъ свою независимость, а потерявъ ее, они объ ней сожалѣли.

Они постарались, по крайней мѣрѣ, удержать отъ своей старинной власти все, что только могли. Каждый изъ нихъ остался всесильнымъ вождемъ, главою своей трибы или своего рода (γένος). Тезей не могъ разрушить власть, которую установила и сдѣлала неприкосновенной религія. Болѣе того: если мы станемъ разсматривать преданія, относящіяся къ этой эпохѣ, то замѣтимъ, что эти могущественные эвпатриды согласились соединиться вмѣстѣ для образованія гражданской общины только лишь подъ тѣмъ условіемъ, что управленіе будетъ дѣйствительно федеративное и что каждый изъ нихъ будетъ принимать въ немъ участіе. Хотя и существовалъ верховный царь, но лишь только въ чемъ-нибудь были затронуты общіе интересы, какъ требовалось обязательно созвать собраніе вождей, и ничто важное не могло быть совершено иначе, какъ съ согласія этого собранія, бывшаго какъ бы подобіемъ сената.

Эти древнія преданія на языкѣ послѣдующихъ поколѣній приняли приблизительно такую форму: Тезей измѣнилъ образъ правленія въ Аѳинахъ и изъ монархическаго сдѣлалъ его республиканскимъ. Такъ говорятъ Аристотель, Исократъ, Демосѳенъ, Плутархъ. Подъ этой нѣсколько ложной формой есть истинное основаніе. Тезей, дѣйствительно, какъ говоритъ преданіе, „передалъ верховную власть въ руки народа“. Только

слово народъ, δῆμος, которое сохранилось въ преданіи, не имѣло во времена Тезея того широкаго приложенія, какъ во времена Демосѳена. Этотъ народъ, или политическое цѣлое, не могъ быть въ то время ничѣмъ инымъ, какъ только аристократіей, т.-е. собраніемъ главъ отдѣльныхъ родовъ (γένη).

Устанавливая эти собранія, Тезей не былъ добровольнымъ новаторомъ. Образованіе великаго аѳинскаго единства измѣнило, помимо его воли, условія управленія. Съ тѣхъ поръ какъ тѣ же самые эвпатриды, власть которыхъ оставалась нетронутой въ предѣлахъ семьи, соединились въ одну гражданскую общину, они образовали могущественное цѣлое, имѣвшее свои права и предъявлявшее свои требованія. Царь небольшого утеса Кекропса сталъ царемъ всей Аттики; но зато раньше въ своемъ маленькомъ владѣніи онъ былъ абсолютнымъ владыкой, теперь же онъ только сдѣлался главою федеративнаго государства, т.-е. первымъ между равными.

И между царской властью и такого рода аристократіей не могло не произойти столкновенія. „Эвпатриды сожалѣли о своемъ истинно царскомъ могуществѣ, какимъ пользовался до сихъ поръ каждый изъ нихъ въ своемъ владѣніи". Эти воины-жрецы, какъ кажется, прикрываясь религіею, стали утверждать, что власть мѣстныхъ культовъ была уменьшена. Если вѣрно, какъ говоритъ Ѳукидидъ, что Тезей пытался разрушать пританеи мѣстечекъ, то не удивительно, что противъ него возстало и возмутилось религіозное чувство. Нельзя сказать, сколько пришлось ему выдержать борьбы, и какое число возстаній долженъ былъ онъ подавить хитростью или силой, но достовѣрно одно, что въ концѣ концовъ онъ былъ побѣжденъ, былъ изгнанъ изъ Аттики и умеръ въ изгнаніи.

Такимъ образомъ, эвпатриды одержали верхъ; они не уничтожили царскую власть, но они поставили себѣ царя по своему выбору—Менесѳея. Послѣ него родъ Тезея снова захватилъ въ свои руки власть и сохранялъ ее въ теченіе трехъ поколѣній, а послѣ него власть перешла къ роду Мелантидовъ. Вся эта эпоха была, безъ сомнѣнія, полна борьбы и волненій, но у

насъ не сохранилось ясныхъ воспоминаній о гражданскихъ войнахъ того времени.

Смерть Кодра совпадаетъ съ окончательной побѣдою эвпатридовъ; но они всетаки и на этотъ разъ не уничтожили царской власти, потому что это имъ запрещала ихъ религія; но они отняли у царей власть политическую. Путешественникъ Павзаній, жившій много позже этихъ событій, но изслѣдовавшій весьма тщательно древнія преданія, говоритъ, что царская власть потеряла въ тѣ времена большую часть своихъ правъ и „стала зависимой"; это означаетъ, безъ сомнѣнія, что съ этого времени она была подчинена сенату и эвпатридамъ. Современные историки называютъ этотъ періодъ аѳинской исторіи—архонтствомъ и не забываютъ сказать при этомъ, что царская власть была въ то время уничтожена. Это не вполнѣ вѣрно: потомки Кодра еще въ теченіе тринадцати поколѣній наслѣдовали отъ отца къ сыну. Они всѣ носили званіе архонтовъ, но есть древніе документы, которые придаютъ имъ также титулъ царя, а выше мы говорили, что эти два титула были полными синонимами. Слѣдовательно, въ Аѳинахъ, въ теченіе этого длиннаго періода времени, были еще наслѣдственные цари, но гражданская община отняла у нихъ политическую власть и оставила имъ только религіозныя обязанности. Это—то же самое, что было сдѣлано и въ Спартѣ.

По прошествіи трехъ столѣтій эвпатриды нашли, что религіозная царская власть все еще сильнѣе, чѣмъ бы имъ того хотѣлось, и они ее ослабили. Было рѣшено, что одинъ и тотъ же человѣкъ не можетъ быть облеченъ этимъ высокимъ религіознымъ саномъ дольше, чѣмъ въ теченіе десяти лѣтъ; но въ прочемъ продолжали держаться того мнѣнія, что только древній царскій родъ одинъ правоспособенъ исполнять обязанности архонта.

Такимъ образомъ прошло около сорока лѣтъ. Но однажды царскій родъ осквернилъ себя преступленіемъ; тогда, на основаніи древняго закона, онъ былъ лишенъ права исполнять священническія обязанности, и тутъ же было постановлено, что впредь, на будущее время, архонты будутъ избираться внѣ

царскаго рода, и что званіе это будетъ доступно всѣмъ эвпатридамъ. Спустя еще сорокъ лѣтъ, чтобы ослабить и эту царскую власть или чтобы раздѣлить ее между бо̀льшимъ количествомъ людей, избраніе стало совершаться только на годичный срокъ, и въ то же время власть эта была раздѣлена на двѣ различныя должности. До этихъ поръ архонтъ былъ въ то же время и царемъ, теперь эти два титула были раздѣлены: одно должностное лицо, подъ именемъ архонта, и другое—подъ именемъ царя—раздѣлили между собою права древней религіозной царской власти. Обязанность блюсти, чтобы семьи не прекращались, разрѣшать или запрещать усыновленія, принимать духовныя завѣщанія, судить по дѣламъ, касающимся недвижимой собственности, однимъ словомъ—всѣ тѣ вопросы, въ которыхъ была заинтересована религія, были предоставлены архонту. Обязанность совершать торжественныя жертвоприношенія и судить по дѣламъ, касающимся нечестія— были предоставлены царю. Такимъ образомъ, титулъ царя, титулъ священный и необходимый для религіи, продолжалъ существовать въ гражданской общинѣ вмѣстѣ съ жертвоприношеніями и національнымъ культомъ. Царь и архонтъ вмѣстѣ съ полемархомъ и шестью тесмотетами, которые существовали, быть можетъ, уже съ давнихъ поръ, составляли девять, избираемыхъ ежегодно, должностныхъ лицъ; ихъ привыкли называть архонтами по имени перваго изъ нихъ.

Переворотъ, отнявшій у царскаго сана его политическую власть, въ различныхъ гражданскихъ общинахъ совершился подъ различными формами. Въ Аргосѣ, уже со второго поколѣнія дорійскихъ царей, царская власть была ослаблена до такой степени, „что потомкамъ Темена оставлено было только названіе царя безъ всякой власти“; но эта царская власть все же оставалась наслѣдственной въ теченіе многихъ вѣковъ. Въ Киренѣ потомки Батта сначала сосредоточили въ своихъ рукахъ и жреческую и царскую власть; но начиная съ четвертаго поколѣнія, имъ была оставлена только власть религіозная. Въ Коринѳѣ царская власть передавалась сначала наслѣдственно въ родѣ Баккіадовъ; слѣдствіемъ переворота

явилось то, что власть эта сдѣлалась выборною, срокомъ на годъ, но она не выходила изъ предѣловъ рода, и члены его пользовались ею по-очереди въ теченіе цѣлаго столѣтія.

4. *Тотъ же переворотъ въ Римѣ.*

Царская власть была вначалѣ въ Римѣ тѣмъ же, чѣмъ она была и въ Греціи. Царь былъ верховнымъ жрецомъ гражданской общины; онъ былъ въ то же время и верховнымъ судьею, а во время войны онъ предводительствовалъ арміей гражданъ. Рядомъ съ нимъ стояли главы отдѣльныхъ семей, patres, которые составляли сенатъ. Царь былъ только одинъ, потому что религія предписывала единство въ культѣ и единство въ управленіи, но разумѣлось само собою, что во всѣхъ важныхъ дѣлахъ царь долженъ былъ совѣщаться съ вождями, главами семей, входившихъ въ федеративный союзъ.

Историки, начиная уже съ этой эпохи, упоминаютъ о народныхъ собраніяхъ, но нужно спросить себя, что могло подразумѣваться тогда подъ словомъ народъ (*populus*), т.-е. какое это было политическое тѣло во времена первыхъ царей. Всѣ историческія свидѣтельства сообщаютъ намъ въ полномъ согласіи другъ съ другомъ, что народъ собирался по куріямъ; куріи же были союзомъ родовъ; каждый родъ являлся туда въ полномъ составѣ и имѣлъ только одинъ голосъ. Тамъ же находились и кліенты, сгруппированные вокругъ своего главы, *pater;* съ ними, быть можетъ, совѣщались, у нихъ, быть можетъ, спрашивали мнѣнія, и они принимали, такимъ образомъ, участіе въ составленіи того единаго голоса, который подавалъ родъ, но они не имѣли права быть иного мнѣнія, чѣмъ ихъ глава, *pater*. Это собраніе по куріямъ было, такимъ образомъ, не что иное, какъ община патриціевъ, собранная въ присутствіи царя.

Изъ сказаннаго мы видимъ, что Римъ находился въ тѣхъ же условіяхъ, какъ и другія гражданскія общины. Царь поставленъ лицомъ къ лицу съ прочно установленной аристократической организаціей, черпающей свои силы въ религіи; и

тѣ же самыя столкновенія, которыя мы видѣли въ Греціи, произошли также и въ Римѣ.

Исторія семи римскихъ царей есть исторія этихъ долгихъ распрей. Первый царь хочетъ увеличить свое могущество и освободиться изъ-подъ власти сената. Онъ привлекаетъ къ себѣ расположеніе и любовь низшихъ классовъ, но *отцы* относятся къ нему враждебно, и онъ погибаетъ, убитый въ одномъ изъ засѣданій сената.

Аристократія пытается тотчасъ же уничтожить царскую власть, и *отцы* исполняютъ по-очереди обязанности царя. Низшіе классы, правда, волнуются, они не хотятъ, чтобы ими управляли главы родовъ, они требуютъ возстановленія царской власти. Но патриціи, въ утѣшеніе себѣ, постановляютъ, что отнынѣ власть эта будетъ выборная, и затѣмъ, съ необычайной ловкостью, устанавливаютъ порядокъ избранія: сенатъ долженъ будетъ избирать кандидатовъ, патриціанское собраніе по куріямъ—утверждать это избраніе, и, наконецъ, патриціанскіе авгуры скажутъ, угоденъ ли вновь избранный царь богамъ.

Нума былъ первымъ царемъ, избраннымъ по этимъ правиламъ. Онъ выказалъ себя въ высшей степени религіознымъ, болѣе жрецомъ, чѣмъ воиномъ; онъ исполнялъ самымъ тщательнымъ образомъ всѣ священные обряды культа и вслѣдствіе этого былъ весьма преданъ религіозному строю семьи и гражданской общины. Онъ пришелся вполнѣ по сердцу патриціямъ и умеръ спокойно на своемъ ложѣ.

Кажется, что въ царствованіе Нумы царская власть была сведена къ исполненію обязанностей жреца, такъ же точно, какъ это было и въ греческихъ гражданскихъ общинахъ. По крайней мѣрѣ, достовѣрно извѣстно, что религіозная власть царя была совершенно отлична отъ его власти политической, и что одна изъ нихъ не влекла за собою необходимымъ образомъ другую. Доказательствомъ этому служитъ то, что происходило двойное избраніе. Въ силу перваго избранія, царь былъ только религіознымъ главою; если къ этому сану онъ желаетъ присоединить и политическую власть, *imperium*, то для этого требовалось, чтобы гражданская община вручила ему

эту власть спеціальнымъ декретомъ. Этотъ пунктъ вытекаетъ совершенно ясно изъ того, что говоритъ намъ Цицеронъ о древнемъ строѣ государства. Такимъ образомъ, власть религіозная и политическая были различны; онѣ обѣ могли быть соединены въ однѣхъ рукахъ, но для этого требовалось двойное народное собраніе, комиціи и двойное избраніе.

Третій царь соединилъ, дѣйствительно, эти обѣ власти въ своемъ лицѣ,—въ его рукахъ была и религіозная и политическая власть; онъ былъ даже болѣе воинъ, чѣмъ жрецъ; онъ пренебрегалъ религіей и желалъ уменьшить ея значеніе, которое составляло силу аристократіи. Мы видимъ, что онъ принялъ въ Римъ цѣлую толпу чужеземцевъ вопреки религіозному принципу, который ихъ исключалъ; онъ доходитъ даже до того, что осмѣливается даже жить среди нихъ на холмѣ Целійскомъ. Онъ раздаетъ плебеямъ нѣкоторыя земли, доходы съ которыхъ употреблялись до тѣхъ поръ на издержки жертвоприношеній. Патриціи обвиняютъ его въ томъ, что онъ пренебрегаетъ обрядами и даже, вещь еще болѣе серьезная, что онъ ихъ измѣняетъ и искажаетъ. И онъ умираетъ подобно Ромулу: боги патриціевъ поражаютъ его молніей, а съ нимъ и его сыновей.

Это событіе возвращаетъ сенату его власть, и онъ назначаетъ царя по своему выбору. Анкъ Марцій тщательно соблюдаетъ всѣ постановленія религіи, ведетъ возможно меньше войнъ и проводитъ свою жизнь въ храмахъ. Вполнѣ угодный патриціямъ, онъ умираетъ спокойно, своею смертью.

Пятый царь, Тарквиній, получилъ власть вопреки сенату, опираясь на низшіе классы. Онъ не особенно религіозенъ, мало склоненъ вѣрить; требуется, по меньшей мѣрѣ, чудо, чтобы убѣдить его въ знаніяхъ авгуровъ. Онъ врагъ древнихъ родовъ; онъ своею властью создаетъ патриціевъ и нарушаетъ, насколько можетъ, древній религіозный строй гражданской общины. Тарквиній убитъ.

Шестой царь добылъ себѣ царскую власть хитростью; кажется даже, что сенатъ такъ и не призналъ его законнымъ царемъ. Онъ покровительствуетъ низшимъ классамъ и раздаетъ

имъ земли, не признавая, такимъ образомъ, древняго основанія права собственности; онъ даетъ имъ даже мѣсто въ войскѣ и въ гражданской общинѣ. Сервій убитъ на ступеняхъ сената.

Распри между царями и сенатомъ принимали характеръ соціальной борьбы. Цари привлекали къ себѣ народъ; изъ кліентовъ и плебеевъ они создавали себѣ поддержку. Могущественной организаціи патриціевъ они противопоставляли низшіе классы, многочисленные уже тогда въ Римѣ. Тогда аристократія очутилась въ двойной опасности, и необходимость смириться передъ царской властью не была худшей изъ нихъ. Аристократія видѣла, что сзади нея поднимаются низшіе, презираемые ею классы; она видѣла, что поднимаются плебеи, классъ безъ религіи и безъ очага; быть можетъ, она видѣла даже, что на нее внутри самой семьи нападаютъ кліенты, и строй этой семьи, право, религія—все было подвергнуто критикѣ и все находилось въ опасности. Цари были, слѣдовательно, для аристократіи ненавистными врагами, которые для увеличенія своей власти стремились разрушить священную организацію семьи и гражданской общины.

Сервію наслѣдовалъ второй Тарквиній; онъ обманываетъ ожиданія избравшихъ его сенаторовъ; онъ хочетъ быть властелиномъ, *de rege dominus exstitit*. Онъ причиняетъ патриціату столько зла, сколько можетъ; онъ уничтожаетъ наиболѣе знатныхъ; онъ царствуетъ, не спрашивая совѣта у *отцовъ*, начинаетъ войну и заключаетъ миръ безъ ихъ разрѣшенія. Патриціи, повидимому, совершенно побѣждены.

Но тутъ представляется удобный случай: Тарквиній далеко отъ Рима; не только онъ, но и войско, т.-е. то, что составляетъ его силу. Городъ находится временно въ рукахъ патриціевъ. Префектъ города, т.-е. тотъ, въ чьихъ рукахъ находится гражданская власть въ отсутствіе царя—патрицій Лукреціи. Начальникъ конницы, т.-е тотъ, кому послѣ царя ввѣрена военная власть, тоже патрицій—Юній. Эти два человѣка подготовляютъ возстаніе. Сообщниками ихъ являются другіе патриціи,—Валерій и Тарквиній Коллатинъ. Мѣстомъ собранія назначенъ не Римъ, но небольшой городокъ Коллацій, который составляетъ собственность одного изъ заговорщиковъ. Тамъ они показываютъ народу трупъ женщины и говорятъ, что эта женщина убила сама себя изъ-за преступленія, совершеннаго надъ нею однимъ изъ сыновей царя. Народъ въ Коллаціи возстаетъ; идутъ въ Римъ; тамъ повторяется та же сцена, умы взволнованы, сторонники царя въ смущеніи, къ тому же въ это именно время законная власть въ Римѣ принадлежитъ Юнію и Лукрецію.

Заговорщики остерегаются созвать народное собраніе; они отправляются въ сенатъ. Сенатъ объявляетъ низложеніе Тарквинія и уничтоженіе царской власти. Но постановленіе сената должно быть еще утверждено гражданскою общиною. Лукрецій, въ качествѣ префекта города, имѣетъ право созывать собранія. Куріи собираются, они думаютъ такъ же, какъ и заговорщики; они объявляютъ низложеніе Тарквинія и создаютъ на мѣсто царской власти должности двухъ консуловъ.

Когда этотъ главный вопросъ разрѣшенъ, то собранію центурій предоставляется назначить консуловъ. Но не будетъ ли это собраніе, въ которое входятъ также нѣкоторые плебеи, протестовать противъ того, что сдѣлали патриціи въ сенатѣ и въ куріяхъ? Оно не можетъ этого сдѣлать. Потому что въ каждомъ римскомъ народномъ собраніи предсѣдательствуетъ должностное лицо, которое обозначаетъ вопросъ, подлежащій голосованію, и никто не имѣетъ права поставить на обсужденіе какой-нибудь другой вопросъ. Болѣе того: никто иной кромѣ предсѣдателя не имѣлъ права, въ тѣ времена, говорить. Идетъ ли дѣло объ изданіи закона, центуріи имѣютъ право вотировать только да или нѣтъ. Идетъ ли дѣло о выборахъ, предсѣдатель предъявляетъ списокъ кандидатовъ, и подавать голосъ можно только за предложенныхъ кандидатовъ. Въ данномъ случаѣ предсѣдатель, назначенный сенатомъ Лукрецій, одинъ изъ заговорщиковъ. Онъ обозначаетъ единственнымъ предметомъ голосованія—избраніе двухъ консуловъ; затѣмъ онъ предлагаетъ центуріямъ двухъ лицъ—Юнія и Тарквинія Коллатина. Оба эти человѣка по необходимости избраны.

Сенатъ утверждаетъ избраніе, а авгуры со своей стороны утверждаютъ его отъ имени боговъ.

Но не всѣ въ Римѣ сочувствовали этому перевороту. Многіе плебеи присоединились къ царю и раздѣлили съ нимъ его судьбу. Зато новое правительство настолько пришлось по душѣ и настолько согласовалось со взглядами богатаго сабинскаго патриція, главы могущественнаго и многочисленнаго рода, Атта Клауза, что онъ переселился въ Римъ.

Впрочемъ, упразднена была только одна политическая власть, религіозная царская власть была священна и должна была существовать и дальше. Поэтому поторопились назначить поскорѣе царя; но это былъ царь только лишь для жертвоприношеній, *rex sacrorum*. Были приняты всѣ возможныя предосторожности, чтобы этотъ царь-жрецъ не могъ никогда злоупотребить тѣмъ огромнымъ вліяніемъ, какое давали ему его обязанности, для захвата политической власти.

Глава IV.

Аристократія управляетъ гражданской общиной.

Тотъ же переворотъ, только въ нѣсколько измѣненной формѣ, совершился въ Аѳинахъ, въ Спартѣ, въ Римѣ, во всѣхъ, наконецъ, гражданскихъ общинахъ, исторія которыхъ намъ извѣстна. Всюду онъ былъ дѣломъ аристократіи, всюду слѣдствіемъ его было уничтоженіе политической власти царей, за которыми была оставлена только власть религіозная. Начиная съ этой эпохи и въ теченіе извѣстнаго періода времени, продолжительность котораго весьма неодинакова для различныхъ городовъ, управленіе гражданской общиной находится въ рукахъ аристократіи. Эта аристократія основывалась одновременно и на рожденіи, и на религіи. Ея начало лежало въ религіозномъ строѣ семьи. Источникомъ ея происхожденія были тѣ же самые законы, которые мы видѣли выше въ домашнемъ культѣ и въ частномъ правѣ, т.-е. законъ наслѣдственной передачи очага,

преимущество старшаго совершать молитву, соединенное съ рожденіемъ. Наслѣдственная религія была правомъ аристократіи на неограниченное господство; она давала права, казавшіяся священными. По древнимъ вѣрованіямъ, только тотъ могъ быть собственникомъ земли, у кого былъ домашній культъ; только тотъ былъ членомъ гражданской общины, кто былъ облеченъ священнымъ характеромъ, дѣлавшимъ человѣка гражданиномъ; только тотъ могъ быть священникомъ, кто происходилъ изъ семьи, имѣвшей культъ; только тотъ могъ быть должностнымъ лицомъ гражданской общины, кто имѣлъ право совершать жертвоприношенія. Человѣкъ, у котораго не было наслѣдственнаго культа, долженъ былъ стать кліентомъ другого человѣка или же, если онъ этого не хотѣлъ, долженъ былъ оставаться внѣ общества. Въ теченіе многихъ поколѣній людямъ не приходило въ голову, что подобное неравенство не справедливо; у нихъ не являлось мысли построить человѣческое общество на иныхъ законахъ.

Въ Аѳинахъ отъ смерти Кодра и до Солона вся власть находилась въ рукахъ эвпатридовъ. Они были единственными жрецами и единственными архонтами; они одни творили судъ и знали законы, которые тогда не были еще записаны, а передавались въ видѣ священныхъ формулъ отъ отца къ сыну.

Эти семьи сохраняли, насколько это было въ ихъ силахъ, древнія формы патріархальнаго строя. Онѣ не селились вмѣстѣ въ городахъ, но продолжали жить въ различныхъ областяхъ Аттики, каждая въ своемъ обширномъ владѣніи, окруженная многочисленными слугами, подъ управленіемъ своего главы эвпатрида, исполняя въ полной независимости свой наслѣдственный культъ. Аѳинская гражданская община была въ теченіе четырехъ вѣковъ только союзомъ, федераціей этихъ могущественныхъ главъ семей, которые собирались въ извѣстные дни для торжественнаго совершенія обрядовъ культа гражданской общины или для обсужденія общихъ дѣлъ.

Часто обращали вниманіе на то, какъ мало имѣемъ мы свѣдѣній объ этомъ долгомъ періодѣ существованія Аѳинъ, а также вообще о существованіи другихъ греческихъ граждан-

скихъ общинъ. Удивлялись тому, что, сохранивъ воспоминанія о многихъ событіяхъ изъ временъ древнихъ царей, исторія не отмѣтила почти ни одного изъ временъ правленія аристократіи. Это объясняется, безъ сомнѣнія, тѣмъ, что въ это время совершилось мало событій, имѣющихъ общій интересъ. Возвращеніе къ патріархальному строю пріостановило почти повсюду національную жизнь. Люди жили отдѣльно, и у нихъ было мало общихъ интересовъ. Кругозоръ каждаго изъ нихъ замыкался той тѣсной группой, тѣмъ маленькимъ мѣстечкомъ, гдѣ онъ жилъ на положеніи эвпатрида или же въ качествѣ слуги.

Въ Римѣ также каждая патриціанская семья жила въ своихъ владѣніяхъ, окруженная своими кліентами. Въ городъ являлись только на празднества общественнаго культа или же на собранія. Въ годы, послѣдовавшіе за изгнаніемъ царей, власть аристократіи была неограниченна. Никто иной кромѣ патриція не могъ исполнять обязанности жреца въ гражданской общинѣ; исключительно только лишь въ этой священной кастѣ нужно было выбирать весталокъ, понтифексовъ, саліевъ, фламиновъ, авгуровъ. Только одни патриціи могли быть консулами, изъ нихъ однихъ состоялъ сенатъ. Если собранія по центуріямъ, куда имѣли доступъ и плебеи, не были уничтожены, то собранія по куріямъ считались зато единственными законными и священными. Центуріямъ было предоставлено, повидимому, избраніе консуловъ, но мы видѣли, что они могли подавать голосъ только за тѣ имена, которыя представляли имъ патриціи, и сверхъ того рѣшеніе центурій подвергалось еще тройному утвержденію: сената, курій и авгуровъ. Только одни патриціи могли отправлять правосудіе, и только одни они знали формулы законовъ.

Этотъ политическій строй существовалъ въ Римѣ не долго. Въ Греціи, напротивъ того, аристократія господствовала въ теченіе очень долгаго времени.

Одиссей представляетъ намъ вѣрную картину этого соціальнаго строя въ западной части Греціи. Мы видимъ тамъ, дѣйствительно, патріархальный бытъ, весьма аналогичный тому,

какой мы уже видѣли въ Аттикѣ. Нѣсколько знатныхъ и богатыхъ семей владѣли страной; многочисленные слуги воздѣлывали землю и заботились о стадахъ. Жизнь тамъ очень проста; за однимъ и тѣмъ же столомъ собираются глава семьи и его слуги. Имя, которымъ называются эти главы, сдѣлалось въ другихъ обществахъ торжественнымъ титуломъ, ἄνακτες, βασιλεῖς. Точно такъ же, какъ аѳиняне первобытной эпохи называли βασιλεύς главу рода (γένος), кліенты въ Римѣ сохранили обычай называть главу рода—*rex*. Главы семей носятъ священный характеръ; поэтъ называетъ ихъ божественными царями. Итака очень мала, но тѣмъ не менѣе въ ней большое количество царей. Среди нихъ есть одинъ высшій верховный царь, но онъ не имѣетъ никакого значенія, и его единственнымъ преимуществомъ является, какъ кажется, предсѣдательство въ совѣтѣ семейныхъ вождей. По нѣкоторымъ признакамъ кажется даже, что этотъ царь былъ выборный: такъ мы видимъ, что Телемакъ не можетъ сдѣлаться царемъ острова иначе, какъ если другіе цари, равные ему по значенію и власти, захотятъ избрать его. Одиссей, возвращаясь въ свое отечество, не имѣетъ, повидимому, другихъ подданныхъ кромѣ слугъ, принадлежащихъ ему какъ собственность. Когда онъ убилъ нѣкоторыхъ изъ вождей, то слуги этихъ вождей берутся за оружіе, и начинается война, которую поэтъ отнюдь не порицаетъ. У феаковъ верховная власть принадлежитъ Алкиною; мы видимъ его являющимся въ собраніе вождей, но мы замѣчаемъ, что не онъ созвалъ этотъ совѣтъ, но что собравшійся совѣтъ призвалъ къ себѣ царя. Поэтъ описываетъ народное собраніе феакской гражданской общины, но оно очень далеко отъ того, чтобы быть собраніемъ всей массы народа; здѣсь собрались только главы семей, лично приглашенные черезъ вѣстниковъ, какъ это дѣлалось и въ Римѣ для *comitia calata*; они возсѣдаютъ на каменныхъ сѣдалищахъ, царь открываетъ собраніе рѣчью, въ которой называетъ членовъ собранія царями скипетроносцами.

Въ родномъ городѣ Гезіода, въ каменистой Аскрѣ, мы находимъ классъ людей, которыхъ поэтъ называетъ вождями

или царями,—они именно и творятъ судъ надъ народомъ. Пиндаръ указываетъ намъ еще на существованіе класса вождей у кадмейцевъ; въ Ѳивахъ онъ восхваляетъ священный родъ Спартовъ, отъ котораго впослѣдствіи Эпаминондъ выводилъ свое происхожденіе. Читая Пиндара, поражаешься невольно тѣмъ аристократическимъ духомъ, который царитъ еще въ греческихъ обществахъ во времена персидскихъ войнъ, и по этому можно себѣ представить, какъ могущественна была эта аристократія одинъ или два вѣка раньше. Поэтъ восхваляетъ въ своихъ герояхъ болѣе всего ихъ родъ, происхожденіе, и мы должны предположить, что такого рода похвала имѣла въ то время большую цѣну, и что знатное происхожденіе казалось высшимъ благомъ. Пиндаръ показываетъ намъ знатныя семьи, блиставшія тогда въ каждой гражданской общинѣ; въ одной только гражданской общинѣ Эгины онъ называетъ Мидилидовъ, Теандридовъ, Эвксенидовъ, Блепсіадовъ, Хоріадовъ, Балихидовъ. Въ Сиракузахъ онъ восхваляетъ жреческую семью Іамидовъ, въ Арминтѣ—семью Эмменидовъ, и то же оказывается въ каждомъ городѣ, о которомъ онъ имѣетъ только случай говорить.

Въ Эпидаврѣ все сословіе гражданъ, т.-е. тѣхъ, кто имѣлъ политическія права, состояло долгое время только изъ ста восьмидесяти членовъ; всѣ же остальные „были внѣ гражданской общины". Въ Гераклеѣ число настоящихъ гражданъ было еще меньше; тамъ младшіе члены знатныхъ родовъ не имѣли политическихъ правъ. Точно такъ же было долгое время и въ Книдѣ, въ Истрѣ, въ Марсели. На Ѳерѣ вся власть была сосредоточена въ рукахъ нѣсколькихъ семей, которыя почитались священными. То же самое было и въ Аполлоніи. Въ Эриѳрахъ существовалъ аристократическій классъ, называвшійся Басилидами. Въ городахъ острова Эвбеи господствующій классъ назывался всадниками. Можно замѣтить по этому поводу, что въ древности точно такъ же, какъ и въ средніе вѣка, сражаться на лошади считалось привилегіей.

Въ Коринѳѣ не существовало уже болѣе монархіи, когда оттуда вышла колонія для основанія Сиракузъ. Поэтому и

новая гражданская община не знала царской власти и управлялась съ самаго начала аристократіей. Этотъ господствующій классъ назывался геоморами, т.-е. землевладѣльцами. Онъ состоялъ только изъ тѣхъ семей, между которыми въ день основанія города были распредѣлены священные участки земли съ соблюденіемъ всѣхъ религіозныхъ обрядовъ. Эта аристократія въ теченіе многихъ поколѣній держала въ своихъ рукахъ неограниченную власть правленія и сохраняла названіе *землевладѣльцевъ*; это указываетъ, повидимому, на то, что низшіе классы не имѣли права собственности на землю. Подобная же аристократія господствовала долгое время въ Милетѣ и въ Самосѣ.

Глава V.

Второй переворотъ; измѣненія въ строѣ семьи; право старшинства исчезаетъ; родъ распадается.

Переворотъ, ниспровергшій царскую власть, измѣнилъ скорѣе внѣшній видъ управленія, чѣмъ самый строй общества. Онъ не былъ дѣломъ рукъ низшихъ классовъ, для которыхъ являлось бы выгоднымъ разрушить древнія учрежденія. Переворотъ этотъ совершила аристократія, которая хотѣла во чтобы то ни стало удержать ихъ; слѣдовательно, онъ былъ сдѣланъ не для того, чтобы разрушить древнюю организацію семьи, но, наоборотъ, для того, чтобы сохранить ее. Цари дѣлали часто попытки поднять низшіе классы и ослабить роды, и за это именно цари были низвержены. Аристократія совершила политическую революцію для того, чтобы воспрепятствовать революціи соціальной и перемѣнѣ семейнаго строя. Она захватила въ свои руки власть не столько изъ стремленія къ господству, сколько для того, чтобы защитить отъ нападеній свои древнія учрежденія, свои старинныя начала, свой домашній культъ, свою отеческую власть, родовой строй и, наконецъ, все частное право, которое установила первобытная религія.

Это общее и громадное усиліе аристократіи было вызвано, слѣдовательно, опасностью. Но, какъ мы видимъ, вопреки всѣмъ ея усиліямъ и даже самой побѣдѣ опасность продолжала существовать: древнія учрежденія начали колебаться, и въ самомъ внутреннемъ строѣ семьи предстояло совершиться важнымъ перемѣнамъ.

Древній родовой строй, основанный семейной религіей, не уничтожился въ тотъ день, когда люди перешли къ строю гражданской общины. Отказаться отъ него тотчасъ же не хотѣли или, вѣрнѣе, не могли. Главы семей стремились сохранить свою власть, а низшіе классы не сразу пришли къ мысли освободиться отъ нея. Такимъ образомъ, древній родовой строй помирили со строемъ гражданской общины. Но по существу это были два совершенно противоположныхъ другъ другу строя, и соединить ихъ вмѣстѣ навсегда нечего было надѣяться; раньше или позже между ними должна была возгорѣться борьба. Семья многочисленная и недѣлимая была слишкомъ сильна и слишкомъ независима, чтобы общественная власть не почувствовала желанія или даже необходимости ослабить ее. Гражданская община должна была или распасться, или уничтожить семью.

Древній родъ со своимъ единымъ очагомъ, своимъ верховнымъ главою, своимъ недѣлимымъ владѣніемъ вполнѣ понятенъ, пока продолжается состояніе обособленности и пока не существуетъ другого общества кромѣ рода; но какъ только люди соединились въ гражданскую общину, въ ту же минуту, неизбѣжно, должна была уменьшиться власть главы рода, такъ какъ, въ то самое время, какъ онъ являлся неограниченнымъ владыкою у себя, онъ былъ, вмѣстѣ съ тѣмъ, и членомъ общины и, какъ таковой, обязанъ былъ приносить нѣкоторыя жертвы во имя общихъ интересовъ, а общіе для всей общины законы требовали отъ него повиновенія. Въ его собственныхъ глазахъ, а главное въ глазахъ подчиненныхъ, его власть была уменьшена. Затѣмъ въ этой общинѣ, какъ бы ни была она аристократически построена, низшіе классы все же имѣли

нѣкоторое значеніе, хотя бы даже въ силу своей многочисленности.

Родъ, имѣющій нѣсколько отраслей, который является въ комиціи, окруженный толпою кліентовъ, естественно имѣетъ болѣе значенія при обсужденіи общественныхъ дѣлъ, чѣмъ малочисленная семья, насчитывающая въ своей средѣ мало рабочихъ рукъ и мало воиновъ. Поэтому и низшіе классы не замедлили понять свое значеніе и силу,—у нихъ явилось извѣстное чувство гордости и стремленіе къ лучшей участи. Прибавьте къ этому соперничество главъ отдѣльныхъ семей, боровшихся за вліяніе и старавшихся взаимно ослабить другъ друга. Прибавьте еще жадное исканіе общественныхъ должностей гражданской общины, для достиженія которыхъ они ищутъ популярности; а для выполненія должностей главы семей пренебрегаютъ или даже вовсе забрасываютъ свои собственныя мелкія мѣстныя владѣнія. Эти причины произвели мало-по-малу какъ бы нѣкоторое ослабленіе въ строѣ рода; тѣ, въ чьихъ интересахъ было поддерживать это учрежденіе, стали меньше объ этомъ заботиться, тѣ же, въ чьихъ интересахъ было его измѣнить, сдѣлались болѣе смѣлы и сильны.

Законъ недѣлимости, составлявшій силу древней семьи, мало-по-малу пересталъ соблюдаться. Право старшинства— условіе единства семьи—исчезло. Нечего, конечно, ожидать, чтобы какой-нибудь изъ древнихъ писателей сообщилъ намъ въ точности время этой великой перемѣны. Дня такого, по всей вѣроятности, и не было; перемѣна эта произошла не въ одинъ годъ, она совершилась медленно; сначала въ одной семьѣ, потомъ въ другой и, наконецъ, мало-по-малу во всѣхъ. Она закончилась, а какъ это случилось никто этого и не замѣтилъ.

Вполнѣ понятно, что люди не перешли сразу, однимъ скачкомъ, отъ недѣлимости отцовскаго наслѣдія къ его ровному раздѣлу между братьями. Между этими двумя порядками должна была образоваться переходная ступень. Быть можетъ, въ Греціи и въ Италіи дѣла шли такимъ же образомъ, какъ и въ древнемъ индусскомъ обществѣ, гдѣ религіозный законъ, предписавъ

недѣлимость родового наслѣдія, предоставилъ отцу свободу дать по своему усмотрѣнію нѣкоторую часть изъ этого имущества его младшимъ сыновьямъ; затѣмъ потребовавъ, чтобы старшій имѣлъ по крайней мѣрѣ двойную часть, законъ тутъ же разрѣшаетъ равный раздѣлъ и кончаетъ тѣмъ, что даже совѣтуетъ его.

Но у насъ нѣтъ никакого указанія на счетъ подобнаго хода вещей. Одно вполнѣ достовѣрно, что право старшинства и недѣлимость (имущества и семьи) были въ древности закономъ, а затѣмъ и то и другое исчезло.

Такая перемѣна совершилась неодновременно и не одинаковымъ образомъ во всѣхъ гражданскихъ общинахъ. Въ нѣкоторыхъ изъ нихъ законъ довольно долго удержалъ нераздѣльность наслѣдственнаго имущества. Въ Ѳивахъ и въ Коринѳѣ эта нераздѣльность была въ полной силѣ еще въ восьмомъ вѣкѣ. Въ Аѳинахъ законодательство Солона указываетъ еще на нѣкоторое преимущество старшаго. Есть города, гдѣ право старшинства исчезло только вслѣдствіе возстанія. Въ Гераклеѣ, въ Книдѣ, въ Истріи, въ Марсели младшія отрасли семей взялись за оружіе, чтобы уничтожить одновременно отцовскую власть и привилегію старшаго. Начиная съ этого времени, иная греческая гражданская община, состоявшая до тѣхъ поръ изъ какой-нибудь сотни людей, пользовавшихся правами гражданъ, насчитывала ихъ теперь пятьсотъ и шестьсотъ. Всѣ члены аристократическихъ семей сдѣлались гражданами, и всѣмъ имъ былъ открытъ доступъ въ сенатъ и къ общественнымъ должностямъ гражданской общины.

Невозможно опредѣлить, въ какую эпоху исчезло въ Римѣ преимущество старшаго. Очень вѣроятно, что цари среди своей борьбы противъ аристократіи сдѣлали все, что только могли, чтобы уничтожить его и такимъ образомъ разрушить родовой строй. При самомъ началѣ республики мы видимъ сто сорокъ новыхъ членовъ, вошедшихъ въ сенатъ. Они происходили, говоритъ Титъ Ливій, изъ первыхъ рядовъ сословія всадниковъ. А мы знаемъ, что первыя шесть центурій всадниковъ состояли изъ патриціевъ.

Такимъ образомъ, патриціи замѣстили пустыя мѣста въ сенатѣ. Но Титъ Ливій прибавляетъ одну очень многозначительную подробность: начиная съ этого времени, стали различать двѣ категоріи сенаторовъ: одни сенаторы назывались *patres*, а другіе *conscripti*. Всѣ они были равно патриціями, но *patres* были главами ста шестидесяти родовъ, которые еще существовали, а *conscripti* были избраны изъ младшихъ отраслей родовъ. Въ самомъ дѣлѣ, можно вполнѣ допустить, что этотъ многочисленный и энергичный классъ согласился помочь дѣлу Брута и *patres* только съ тѣмъ условіемъ, чтобы ему были даны права гражданскія и политическія. Онъ пріобрѣлъ такимъ образомъ, благодаря тому, что въ его помощи нуждались, тѣ права, которыя этотъ же классъ завоевалъ себѣ оружіемъ въ Гераклеѣ, Книдѣ и въ Марсели.

Итакъ, право старшинства исчезло всюду. Это былъ великій переворотъ, начавшій собою преобразованіе общества. Италійскій и эллинскій роды потеряли свое первобытное единство. Отдѣльныя отрасли рода раздѣлились; у каждой изъ нихъ была своя собственность, свое особое владѣніе, свои особые интересы, своя независимость. *Singuli singulas familias incipiunt habere*, говоритъ законовѣдъ. Въ латинскомъ языкѣ существуетъ старинное выраженіе, которое происходитъ, какъ кажется, изъ этой эпохи: *familiam ducere* говорилось о томъ, кто отдѣлялся отъ своего рода и становился самъ родоначальникомъ новой семьи, какъ говорилось *ducere coloniam* о томъ, кто покидалъ метрополію и отправлялся въ даль, чтобы основать колонію. Братъ, который отдѣлился такимъ образомъ отъ старшаго брата, имѣлъ съ тѣхъ поръ свой собственный очагъ, который онъ зажегъ, безъ сомнѣнія, отъ общаго очага всего рода, какъ зажигала свой очагъ колонія въ пританеѣ метрополіи. Родъ сохранялъ съ тѣхъ поръ только извѣстную религіозную власть по отношенію къ различнымъ семьямъ, которыя отдѣлились отъ него. Его культъ занималъ первое мѣсто среди всѣхъ другихъ культовъ семей; семьи не имѣли права забывать, что онѣ произошли отъ даннаго рода; онѣ продолжали носить его имя; въ опредѣленные дни онѣ соби-

рались вокругъ общаго очага, чтобы воздать почести древнему предку или божеству покровителю. Онѣ продолжали имѣть даже общаго религіознаго главу; очень возможно, что старшій сохранилъ за собою привилегію жреческаго сана, который долгое время оставался наслѣдственнымъ. Во всемъ же прочемъ онѣ были совершенно независимы.

Это распаденіе рода имѣло важныя послѣдствія. Древняя священная семья, которая образовала такъ тѣсно связанное, прочно построенное и могущественное цѣлое, была навсегда ослаблена. Этотъ переворотъ подготовилъ всѣ другія перемѣны и сдѣлалъ путь для нихъ болѣе легкимъ.

Глава VI.

Кліенты освобождаются.

1. Что такое была кліентела вначалѣ и какъ она преобразовалась.

Вотъ еще одинъ переворотъ, время котораго невозможно точно обозначить, но который безусловно измѣнилъ строй семьи и самаго общества. Древняя семья заключала въ себѣ подъ властью единаго главы два неравные класса людей: съ одной стороны, младшія отрасли семьи, т.-е. людей естественно свободныхъ, съ другой, слугъ или кліентовъ, т.-е. людей стоящихъ гораздо ниже по своему рожденію, но связанныхъ съ главою семьи своимъ участіемъ въ домашнемъ культѣ. Изъ этихъ двухъ классовъ первый, какъ мы уже видѣли, вышелъ изъ своего подчиненнаго состоянія, второй же съ раннихъ поръ начиналъ стремиться къ своему освобожденію. Постепенно онъ достигъ этого; кліентство видоизмѣнилось и, наконецъ, совершенно исчезло.

Древніе писатели ничего не разсказываютъ намъ объ этой громадной перемѣнѣ. Точно такъ же, какъ составители хроникъ въ средніе вѣка не сообщили намъ ничего о томъ, какимъ путемъ преобразовалось мало-по-малу сельское населеніе. Въ жизни человѣческихъ обществъ было очень много переворотовъ, воспоминаніе о которыхъ не сохранилось ни въ одномъ писанномъ документѣ. Писатели не замѣчали ихъ, потому что эти перевороты происходили медленно и нечувствительно, безъ очевидной борьбы; это были глубокіе, но скрытые перевороты, которые колебали самыя основы человѣческаго общества, не проявляясь ничѣмъ на поверхности, и тѣ же самыя поколѣнія, которыя работали надъ ними, не замѣчали ихъ. Исторія можетъ замѣтить эти перемѣны лишь долго спустя послѣ того, какъ онѣ совершились, когда, сравнивая двѣ эпохи жизни какого-нибудь народа, она находитъ между ними такія огромныя различія, что становится очевиднымъ фактъ громадной революціи, совершившейся въ промежутокъ между этими эпохами.

Если обратиться къ тому изображенію древней кліентелы въ Римѣ, какое намъ рисуютъ писатели, то передъ нами будетъ поистинѣ учрежденіе золотого вѣка. Что можетъ быть болѣе гуманнаго, человѣчнаго, чѣмъ этотъ патронъ, который защищаетъ своего кліента передъ судомъ, который помогаетъ ему своими деньгами, если онъ бѣденъ, который заботится о воспитаніи его дѣтей? Что можетъ быть трогательнѣе кліента, который, въ свою очередь, поддерживаетъ патрона, впавшаго въ нужду, платитъ его долги и отдаетъ все, что имѣетъ, чтобы заплатить за него выкупъ. Но въ законахъ древнихъ нѣтъ такого обилія чувствъ, а безкорыстная привязанность и преданность никогда не были установленіями закона. Намъ нужно составить себѣ другое понятіе и о кліентелѣ, и о патронатѣ.

На счетъ кліентовъ мы знаемъ самымъ достовѣрнымъ образомъ, что кліентъ не могъ ни уйти отъ своего патрона, ни выбрать себѣ другого, и что онъ былъ наслѣдственно отъ отца къ сыну прикрѣпленъ къ одной и той же семьѣ. Если бы мы знали только это, то и этого было бы достаточно, чтобы составить себѣ представленіе о положеніи кліента, которое не могло быть особенно сладкимъ. Прибавимъ еще, что кліентъ не былъ собственникомъ земли; земля принадлежала патрону, который, какъ глава домашняго культа и также какъ членъ

гражданской общины, имѣетъ одинъ право быть собственникомъ земли. Если клiентъ и обрабатываетъ ее, то только отъ имени своего господина и въ его пользу. Онъ не владѣетъ вполнѣ даже своею движимостью, своими деньгами, своимъ имуществомъ. Доказательствомъ является то, что патронъ можетъ взять это все у него для уплаты своихъ собственныхъ долговъ или своего выкупа. Такимъ образомъ, у клiента нѣтъ ничего своего. Правда, патронъ обязанъ заботиться о его пропитанiи и о пропитанiи его дѣтей, но клiентъ обязанъ работать для патрона. Нельзя сказать, чтобы онъ былъ рабомъ въ точномъ смыслѣ; но у него есть господинъ, которому онъ принадлежитъ и волѣ котораго онъ подчиненъ рѣшительно во всемъ. Всю свою жизнь онъ остается клiентомъ, а послѣ него и его сыновья.

Есть нѣкоторая аналогiя между древнимъ клiентомъ и крѣпостнымъ среднихъ вѣковъ. Въ сущности принципъ, обязывающiй ихъ къ повиновенiю, не одинъ и тотъ же. Для крѣпостного этимъ принципомъ является право собственности, осуществляемое одновременно и на землю и на человѣка; для клiента этотъ принципъ лежитъ въ законахъ домашней религiи, съ которой онъ связанъ подъ властью патрона, ея жреца. Помимо же этого, какъ для клiента, такъ и для крѣпостного зависимость была одна и та же: одинъ связанъ со своимъ патрономъ такъ же, какъ другой со своимъ господиномъ; клiентъ точно такъ же не можетъ покинуть родъ, какъ крѣпостной—свой участокъ земли. Клiентъ, какъ и крѣпостной, остается со своимъ потомствомъ въ наслѣдственной зависимости отъ господина. Одно мѣсто у Тита Ливiя заставляетъ предполагать, что клiенту было запрещено жениться внѣ рода, точно такъ же, какъ крѣпостному было запрещено жениться внѣ своей деревни. Но фактъ вполнѣ достовѣрный, что клiентъ не имѣлъ права жениться безъ разрѣшенiя своего патрона. Патронъ можетъ отобрать себѣ землю, которую обрабатываетъ клiентъ, и взять у него его деньги, такъ же, какъ господинъ имѣетъ право это сдѣлать по отношенiю къ своему крѣпостному. Если клiентъ умираетъ, то все то, чѣмъ онъ пользовался, переходитъ по праву къ патрону такъ же, какъ наслѣдство крѣпостного принадлежитъ его господину.

Патронъ не только господинъ, онъ въ то же время и судья; онъ можетъ осудить на смерть клiента. Болѣе того, онъ религiозный глава. Клiентъ склоняется передъ этой двойной властью, одновременно и физической и духовной, которая овладѣваетъ его тѣломъ и душой. Правда, религiя предписываетъ извѣстныя обязанности и патрону, но судьей этихъ обязанностей является единственно онъ же самъ, и кромѣ того эти обязанности ничѣмъ не санкцiонированы. Клiентъ ни въ чемъ не видитъ себѣ покровительства; онъ не является гражданиномъ самъ по себѣ; если онъ хочетъ явиться передъ судомъ гражданской общины, то его долженъ вести туда патронъ и самъ долженъ за него говорить. Можетъ ли клiентъ сослаться на законъ? Но онъ не знаетъ его священныхъ формулъ, а если бы и зналъ, то первый законъ для него—никогда не свидѣтельствовать и не говорить противъ своего патрона. Безъ патрона для него нѣтъ правосудiя; противъ патрона—нѣтъ защиты.

Клiенты существуютъ не только въ Римѣ; они существуютъ также у сабинянъ и у этрусковъ, гдѣ они составляютъ часть *manus* каждаго начальника. Клiенты встрѣчались въ древнемъ эллинскомъ родѣ точно такъ же, какъ и въ родѣ италiйскомъ. Правда, въ дорiйскихъ гражданскихъ общинахъ, гдѣ родовой строй исчезъ рано и гдѣ побѣжденные были прикрѣплены не къ семьѣ господина, а къ участку земли, нечего искать клiентелы. Въ Аѳинахъ и въ гражданскихъ общинахъ iонiйскихъ и эолiйскихъ мы находимъ клiентовъ подъ именемъ тетовъ или пелатовъ. Пока господствуетъ аристократическiй строй, теты не составляютъ части гражданской общины; замкнутый въ семьѣ, изъ которой онъ не можетъ выйти, тетъ находится въ подчиненiи у эвпатрида, который имѣетъ тотъ же характеръ и ту же власть, какъ и римскiй патронъ.

Можно вполнѣ предположить, что еще съ ранняго времени между патрицiями и клiентами возникла ненависть. Легко

вообразить себѣ, какова была жизнь въ семьѣ, гдѣ одинъ имѣлъ всю власть, а другой никакихъ правъ, гдѣ повиновеніе, безнадежное и безграничное, было бокъ о бокъ съ ничѣмъ не сдерживаемымъ полновластіемъ, гдѣ у самаго лучшаго господина являлись вспышки горячности и капризы, и у самаго сдержаннаго слуги являлась горечь, злоба и гнѣвъ. Одиссей— добрый господинъ; посмотрите, съ какою отеческою нѣжностью относится онъ къ Эвмею и Филетію. Но онъ же приказываетъ умертвить слугу, который оскорбилъ его, не узнавъ, и предать смерти служанокъ, впавшихъ въ вину, которая явилась вслѣдствіе его же отсутствія. Въ смерти жениховъ онъ отвѣтственъ передъ гражданской общиной, но въ смерти его слугъ никто не спрашиваетъ у него отчета.

Въ томъ состояніи обособленности, въ которомъ долгое время жила семья, кліентела могла сложиться и держаться. Домашняя религія была тогда всемогуща надъ душою человѣка; человѣкъ, бывшій жрецомъ этой религіи по праву наслѣдованія, казался низшимъ классамъ какимъ-то священнымъ существомъ. Онъ былъ болѣе, чѣмъ человѣкъ, онъ былъ посредникъ между людьми и Богомъ. Его уста произносили могущественныя молитвы, священныя формулы, которымъ боги не могли противиться и которыя привлекали или благоволеніе, или гнѣвъ божества. Передъ подобной силой нужно было преклониться; повиновеніе предписывалось здѣсь вѣрою и религіей. Кромѣ того, какимъ образомъ могла явиться у кліента мысль объ освобожденіи? Весь его кругозоръ замыкался той семьей, съ которой онъ былъ связанъ. Въ ней одной онъ находилъ спокойную жизнь, обезпеченное существованіе; въ ней одной у него былъ господинъ, но зато въ ней же одной онъ находилъ себѣ и покровителя, въ ней одной былъ для него алтарь, къ которому онъ могъ приближаться, боги, которымъ онъ имѣлъ право молиться. Покинуть эту семью, это значило стать внѣ всякой соціальной организаціи и внѣ всякаго права, это значило потерять своихъ боговъ и отказаться отъ права молитвы.

Но съ тѣхъ поръ какъ была основана гражданская община,

кліенты различныхъ семей могли видѣться другъ съ другомъ, говорить, сообщать взаимно другъ другу свои желанія, разсказывать о своихъ обидахъ, сравнивать различныхъ господъ и предвидѣть для себя лучшую участь. Взглядъ ихъ затѣмъ началъ проникать дальше тѣсныхъ границъ семьи; они видѣли, что и внѣ ея существовало общество, правила, законы, алтари, храмы, боги; выйти изъ семьи не представлялось имъ болѣе непоправимымъ несчастіемъ. Стремленіе это становилось съ каждымъ днемъ все сильнѣе, положеніе кліента стало представляться все болѣе и болѣе тяжкимъ бременемъ, и понемногу перестали вѣрить въ то, что власть господина была законна и свята. Тогда въ сердца этихъ людей проникло горячее, страстное желаніе свободы.

Безъ сомнѣнія, ни въ одной гражданской общинѣ исторія не сохранила воспоминанія объ общемъ возстаніи класса кліентовъ. Если гдѣ-нибудь и происходила борьба съ оружіемъ въ рукахъ, то она была замкнута и скрыта въ нѣдрахъ каждой семьи. Въ семьѣ можно было видѣть въ теченіе нѣсколькихъ поколѣній, съ одной стороны, энергичную борьбу за независимость, съ другой—непреклонное подавленіе этихъ попытокъ. Въ каждомъ домѣ разыгрывалась длинная драма, которую изобразить теперь нѣтъ возможности. Одно можно только сказать, что усилія низшаго класса не остались безъ результата; непреодолимая необходимость принудила мало-по-малу господъ поступиться кое-чѣмъ изъ своего полновластія. Послѣ того, какъ власть перестаетъ уже казаться справедливою подчиненнымъ, требуется еще время, чтобы она перестала казаться такою же и властителямъ; но это совершается постепенно, и тогда господинъ, который не вѣритъ болѣе въ законность своей власти, плохо ее защищаетъ или же въ концѣ концовъ отказывается отъ нея. Прибавьте къ этому, что низшій классъ былъ полезенъ, что его руками воздѣлывалась земля и создавалось, такимъ образомъ, богатство господина, и что съ оружіемъ въ рукахъ этотъ классъ составлялъ силу господина среди взаимныхъ столкновеній семей, что поэтому даже благоразуміе требовало удовлетворить его требованія, что личный интересъ

соединялся тутъ съ гуманностью и совѣтовалъ дѣлать уступки.

Весьма вѣроятно, что положеніе кліентовъ улучшалось постепенно. Вначалѣ они жили въ домѣ господина и обрабатывали вмѣстѣ общую собственность. Позже каждому изъ нихъ былъ отведенъ особый участокъ земли. Кліентъ долженъ былъ чувствовать себя счастливѣе отъ такой перемѣны. Онъ работалъ еще, безъ сомнѣнія, въ пользу господина; земля не принадлежала ему, скорѣе онъ ей принадлежалъ. Но все равно, онъ воздѣлывалъ ее долгіе годы подъ-рядъ, и онъ любилъ ее. Между нимъ и ею установилась связь, не та связь, какую религія собственности установила между землею и ея собственникомъ, но другая связь, та, которую трудъ и даже страданіе могутъ образовать между человѣкомъ, отдающимъ свои силы землѣ, и землею, дающею ему свои плоды.

Далѣе наступаетъ новое улучшеніе. Кліентъ воздѣлываетъ землю уже не для господина, но для себя лично. Подъ условіемъ уплаты оброка, размѣръ котораго могъ быть измѣняемъ вначалѣ, но впослѣдствіи сдѣлался опредѣленнымъ, кліентъ сталъ самъ пользоваться жатвою. Его тяжелые труды начали, такимъ образомъ, до извѣстной степени вознаграждаться, и онъ почувствовалъ себя болѣе свободнымъ и гордымъ. „Главы семей“, говоритъ одинъ древній, „отводили участки земли своимъ подвластнымъ, какъ если бы они были ихъ собственными дѣтьми“. Въ Одиссеѣ читаемъ также: „Благосклонный господинъ даетъ своему слугѣ домъ и землю“, а Эвмей прибавляетъ: „и желанную супругу“, потому что кліентъ не имѣетъ еще права жениться безъ воли своего господина, и господинъ выбираетъ ему подругу жизни.

Но все же поле, гдѣ протекала съ тѣхъ поръ его жизнь, гдѣ сосредоточились всѣ его труды и всѣ его радости, все же оно не было еще его собственностью, потому что кліентъ не имѣлъ тѣхъ священныхъ правъ, того священнаго характера, въ силу котораго земля могла сдѣлаться собственностью человѣка. Занятый имъ участокъ земли продолжалъ сохранять священный межевой знакъ бога Терма, который водрузила

нѣкогда семья его господина. Этотъ неприкосновенный межевой знакъ свидѣтельствовалъ, что поле прикрѣплено къ семьѣ господина священными узами и не можетъ никогда стать собственностью освобожденнаго кліента. Въ Италіи поле и домъ, которые занималъ *villicus*, кліентъ патрона, заключали въ себѣ очагъ *Lar familiaris*; но очагъ этотъ не принадлежалъ землевладѣльцу, это былъ очагъ господина. Это устанавливало одновременно право собственности патрона и религіозную подчиненность кліента, который, какъ бы далеко ни былъ отъ своего патрона, продолжалъ слѣдовать его культу.

Кліентъ, получившій землю въ свое владѣніе, страдалъ отъ того, что онъ не могъ быть ея собственникомъ, и стремился стать имъ. Онъ сталъ добиваться всѣми силами, чтобы съ этого поля, которое, казалось, должно принадлежать ему по праву труда, исчезъ священный межевой знакъ, который дѣлалъ поле на-вѣки собственностью прежняго господина.

Мы ясно видимъ, что въ Греціи кліенты достигли своей цѣли; какими средствами, мы этого не знаемъ. Сколько понадобилось для этого времени и усилій, о томъ мы можемъ только догадываться. Быть можетъ, въ древности произошелъ тотъ же рядъ соціальныхъ перемѣнъ, какія произошли въ Европѣ въ средніе вѣка, гдѣ сельскіе рабы сначала сдѣлались земельными крѣпостными, и размѣры оброка назначались имъ произвольно, затѣмъ они сдѣлались крѣпостными, платящими опредѣленный оброкъ, и, наконецъ, крестьянами собственниками.

2. Кліентство исчезаетъ въ Аѳинахъ; дѣло Солона.

Такого рода переворотъ ясно отмѣченъ въ исторіи Аѳинъ. Ниспроверженіе царской власти повело за собою оживленіе родового строя. Семьи снова возвратились къ своей обособленной жизни; каждая изъ нихъ начала образовывать маленькое государство, главою котораго являлся эвпатридъ, а подданными толпа кліентовъ или слугъ, которые на древнемъ языкѣ назывались тетами. Этотъ строй легъ, повидимому, тяжелымъ бременемъ на аѳинское населеніе, потому что оно

сохранило о немъ дурную память. Народъ считалъ себя настолько несчастнымъ, что предшествующая эпоха казалась ему золотымъ вѣкомъ; онъ сожалѣлъ о царяхъ; онъ сталъ представлять себѣ, что въ періодъ монархіи онъ былъ счастливъ и свободенъ, что онъ пользовался тогда равенствомъ, и что только со времени паденія царей началось неравенство и страданіе.

Во всемъ этомъ была иллюзія, какія часто бываютъ у народовъ. Народное преданіе отнесло начало неравенства къ тому времени, когда народъ впервые почувствовалъ къ нему ненависть. Кліентела, бывшая однимъ изъ видовъ рабства, была учрежденіе столь же древнее, какъ и сама семья, но его пріурочили къ той эпохѣ, когда люди впервые почувствовали его тягость и поняли его несправедливость. Къ тому же извѣстно вполнѣ достовѣрно, что не въ седьмомъ вѣкѣ установили эвпатриды суровые законы кліентелы; они ихъ только сохранили; въ этомъ единственно ихъ вина; они удерживали законы долѣе того времени, когда народъ принималъ ихъ безъ жалобъ и протеста; они удерживали ихъ вопреки желанію людей. Эвпатриды этой эпохи были, быть можетъ, господами болѣе мягкими, чѣмъ ихъ предки; тѣмъ не менѣе ихъ ненавидѣли гораздо сильнѣе.

Кажется даже, что подъ властью этой аристократіи улучшились условія существованія низшаго класса, потому что тогда именно, какъ это ясно видно, онъ получилъ во владѣніе участки земли подъ единственнымъ условіемъ выплачивать оброкъ, опредѣленный въ размѣрѣ шестой части жатвы. Эти люди были, такимъ образомъ, почти освобождены; имѣя свой домъ, не находясь болѣе на глазахъ у господина, подъ его постояннымъ надзоромъ, они могли свободнѣе дышать и работать въ свою пользу.

Но такова ужъ природа человѣка, что эти самые люди, по мѣрѣ того какъ улучшалась ихъ участь, чувствовали съ большею горечью то неравенство, которое еще надъ ними тяготѣло. Не быть гражданиномъ, не имѣть права участвовать въ управленіи гражданской общиной—все это безпокоило ихъ,

навѣрно, мало; но не имѣть права стать собственникомъ той земли, на которой они рождались и умирали, это касалось ихъ гораздо чувствительнѣе. Прибавимъ еще и слѣдующее: все, что было сноснаго въ ихъ теперешнемъ положеніи, все это было непрочно, потому что если они и были дѣйствительными владѣльцами земли, то все же никакой опредѣленный законъ не обезпечивалъ имъ ни этого владѣнія, ни той независимости, которая отсюда слѣдовала. У Плутарха мы видимъ, что древній патронъ могъ взять къ себѣ обратно своего слугу, вслѣдствіе того, что не былъ уплаченъ годичный оброкъ или по какой-нибудь другой причинѣ, но эти люди могли попадать снова въ положеніе, похожее на рабство.

Важные вопросы рѣшались, такимъ образомъ, въ Аѳинахъ въ теченіе четырехъ или пяти поколѣній. Являлось совершенно невозможнымъ, чтобы люди низшихъ классовъ могли оставаться въ томъ неустойчивомъ и неопредѣленномъ положеніи, къ которому привело ихъ нечувствительно движеніе впередъ. Должно было произойти одно изъ двухъ: или низшіе классы должны были утратить это положеніе и попасть снова въ узы суровой кліентелы, или же новымъ шагомъ впередъ они должны были освободиться окончательно и подняться въ разрядъ собственниковъ земли и свободныхъ людей.

Можно себѣ представить, сколько было сдѣлано усилій со стороны землевладѣльцевъ, прежнихъ кліентовъ, сколько было оказано сопротивленія со стороны собственниковъ—прежнихъ патроновъ. Это не была гражданская война, поэтому въ аѳинскихъ лѣтописяхъ и не сохранилось воспоминанія ни объ одномъ сраженіи; это была война домашняя, въ каждомъ селеніи, въ каждомъ домѣ, и война эта была наслѣдственная.

Борьба имѣла различный исходъ въ зависимости отъ природнаго качества почвы различныхъ частей Аттики. Въ равнинѣ, гдѣ у эвпатридовъ были главныя владѣнія и гдѣ они находились постоянно сами, власть ихъ сохранилась почти въ полной неприкосновенности надъ небольшой группой слугъ, бывшихъ у нихъ всегда на глазахъ, и жители равнинъ, педіеи, оказались вообще преданными прежнему строю. Но

тѣ, кто обрабатывалъ съ тяжкимъ трудомъ склоны горъ, діакріи, люди, жившіе дальше отъ своихъ господъ, болѣе привыкшіе къ независимости, болѣе смѣлые и храбрые,—тѣ затаили въ глубинѣ души глубокую ненависть къ эвпатридамъ вмѣстѣ съ твердымъ желаніемъ освободиться. Именно эта часть населенія особенно возмущалась тѣмъ, что на ихъ поляхъ стояли „священные межевые знаки" господина, что они чувствовали свою землю—рабою. Что же касается до жителей областей приморскихъ, параліевъ, то владѣніе землей ихъ не особенно привлекало; передъ ними было море, а вмѣстѣ съ нимъ и торговля и промышленность. Нѣкоторые изъ нихъ разбогатѣли, и вмѣстѣ съ тѣмъ стали почти свободными, а потому и не раздѣляли страстныхъ стремленій и желаній горныхъ жителей, діакріевъ, и не чувствовали особенной ненависти къ эвпатридамъ, но въ то же время у нихъ не было и безсильной покорности педіеевъ; они требовали большей устойчивости въ своемъ положеніи и большей обезпеченности въ правахъ.

И Солонъ удовлетворилъ ихъ требованіямъ, насколько это представлялось въ то время возможнымъ. Есть одна часть твореній этого законодателя, которая извѣстна намъ очень мало изъ древнихъ писателей, но часть эта, какъ кажется, была самою главною. До Солона большая часть жителей Аттики владѣла землею временно, обладаніе это было случайно, непрочно, и земледѣлецъ могъ даже попасть въ личное рабство. Послѣ него этотъ многочисленный классъ людей исчезаетъ, мы не видимъ болѣе ни временныхъ владѣльцевъ, обязанныхъ платить оброкъ, ни „земли-рабыни", и право собственности является для всѣхъ доступнымъ. Въ этомъ есть громадная перемѣна, и творцомъ ея могъ быть только Солонъ.

Правда, если мы будемъ придерживаться словъ Плутарха, то все дѣло Солона, окажется, состояло въ томъ, что онъ смягчилъ законы о долгахъ, отнялъ съ этого времени у кредитора власть обращать въ рабство несостоятельнаго должника. Но нужно внимательно присмотрѣться къ тому, что говоритъ намъ писатель, жившій значительно позднѣе этой эпохи, о

тѣхъ долгахъ, которые такъ волновали аѳинскую гражданскую общину, а также и другія гражданскія общины Греціи и Италіи. Трудно повѣрить, чтобы во время, предшествовавшее Солону, было уже такое обширное денежное обращеніе, что могло бы оказаться уже много и должниковъ и заимодавцевъ. Не будемъ судить объ этихъ временахъ по той эпохѣ, которая слѣдовала за ними. Во времена до Солона торговля была развита мало, долговыя обязательства были неизвѣстны, и займы должны были происходить довольно рѣдко. Подъ какой залогъ могъ занимать человѣкъ, не владѣющій ничѣмъ? Ни въ какомъ обществѣ не существуетъ обычая давать въ долгъ тѣмъ, у кого ничего нѣтъ. Правда, говорятъ, основываясь больше на словахъ переводчиковъ Плутарха, чѣмъ на самомъ Плутархѣ, что должникъ закладывалъ свою землю. Но, допустивъ даже, что земля эта была его собственностью, онъ все же не могъ бы заложить ее, потому что въ тѣ времена залогъ недвижимаго имущества не былъ еще извѣстенъ, и, кромѣ того, онъ противорѣчилъ самой природѣ права собственности. Въ должникахъ, о которыхъ говоритъ намъ Плутархъ, надо видѣть прежнихъ слугъ или клиентовъ, въ ихъ долгахъ—тѣ годовые оброки, подати, которые они обязаны были уплачивать своимъ прежнимъ господамъ; а въ случаѣ, если они ихъ не уплачивали, то снова попадали въ прежнее состояніе клиентства; вотъ какъ надо понимать то рабство, о которомъ говоритъ Плутархъ.

Солонъ, быть можетъ, уничтожилъ эти подати или понизилъ ихъ размѣры настолько, что выкупъ земли сдѣлался вполнѣ легкимъ; кромѣ того, онъ добавилъ, что на будущее время неуплата оброка не влечетъ за собою рабства должника.

Онъ сдѣлалъ еще больше. До него древніе клиенты, ставшіе владѣльцами земли, все-таки не могли сдѣлаться ея полными собственниками, такъ какъ на ихъ полѣ продолжалъ возвышаться священный и неприкосновенный межевой знакъ прежняго патрона. И для того, чтобы освободить вполнѣ землю и земледѣльца, надо было уничтожить этотъ знакъ. Солонъ ниспровергъ его. У насъ есть свидѣтельство объ этой великой

реформѣ въ нѣсколькихъ стихахъ самого Солона: „Это было дѣло нежданное; я исполнилъ его съ помощью боговъ“, говоритъ онъ, „призываю въ свидѣтельницы этого богиню-мать, черную Землю, изъ которой я во многихъ мѣстахъ вырвалъ межевые знаки, ту Землю, которая была рабыней, а теперь стала свободна“. Дѣлая это, Солонъ произвелъ крупный переворотъ. Онъ устранилъ древнюю религiю собственности, которая во имя недвижнаго бога Терма удерживала землю въ рукахъ немногихъ лицъ. Онъ вырвалъ землю изъ рукъ религiи, чтобы передать ее въ руки труда. Вмѣстѣ съ уничтоженiемъ власти эвпатрида на землю онъ уничтожилъ также его власть надъ человѣкомъ, и Солонъ могъ сказать въ своихъ собственныхъ стихахъ: „Я сдѣлалъ свободными тѣхъ, кто терпѣлъ жестокое рабство на этой землѣ, кто трепеталъ передъ господиномъ“.

Это и было, по всей вѣроятности, то освобожденiе, которое современники Солона назвали σεισαχθεία (сверженiе бремени). Послѣдующiя поколѣнiя, привыкшiя уже къ свободѣ, не хотѣли или не могли вѣрить, что ихъ отцы были крѣпостными; они объясняли это слово такъ, будто оно значило только уничтоженiе долговъ, но въ словѣ этомъ кроется смыслъ, указывающiй на важный переворотъ. Прибавимъ сюда еще одну фразу Аристотеля, который, не сообщая подробностей о дѣлѣ Солона, говоритъ просто: „Онъ уничтожилъ рабство народа“.

3. *Преобразованiе клiентелы въ Римѣ.*

Борьба между клiентами и патронами наполнила также длинный перiодъ римской исторiи. Титъ Ливiй, правда, ничего объ ней не говоритъ, потому что онъ не имѣетъ привычки наблюдать въ подробностяхъ измѣненiя учрежденiй; къ тому же лѣтописи жрецовъ и аналогичные документы, откуда черпали свои свѣдѣнiя древнiе историки, на которыхъ основывался и Титъ Ливiй, не сообщаютъ ничего объ этой домашней семейной борьбѣ.

Одно, по крайней мѣрѣ, достовѣрно извѣстно: при началѣ

Рима существовали клiенты; у насъ есть совершенно точное свидѣтельство о той зависимости, въ которой ихъ держали патрицiи; если же мы станемъ искать тѣхъ же самыхъ клiентовъ нѣсколько вѣковъ спустя, то мы ихъ болѣе не найдемъ. Имя продолжаетъ еще существовать, но самая клiентела уже исчезла, и нѣтъ двухъ вещей болѣе различныхъ между собою, чѣмъ клiенты первобытной эпохи и тѣ плебеи временъ Цицерона, которые называли себя клiентами богачей для того, чтобы имѣть право на подачки отъ нихъ.

Гораздо болѣе подходитъ къ древнему клiенту отпущенникъ. Въ концѣ республики, какъ и въ первыя времена существованiя Рима, человѣкъ, выходя изъ рабства, не дѣлался сейчасъ же непосредственно свободнымъ и гражданиномъ, онъ оставался еще въ подчиненiи у господина. Нѣкогда его звали клiентомъ, теперь его стали звать отпущенникомъ; измѣнилось только названiе. Что же касается господина, то имя его не измѣнилось; какъ прежде его звали патрономъ, такъ продолжали звать и теперь.

Отпущенникъ, какъ нѣкогда клiентъ, остается прикрѣпленнымъ къ семьѣ; онъ носитъ ея имя такъ же, какъ носилъ его прежде клiентъ. Онъ въ зависимости отъ своего патрона, онъ обязанъ оказывать ему не только признательность, но и нести настоящую службу, размѣры которой опредѣляетъ единственно самъ господинъ. Патронъ имѣетъ право суда надъ своимъ отпущенникомъ, какъ онъ имѣлъ его раньше надъ своимъ клiентомъ; за неблагодарность, являвшуюся преступленiемъ, онъ могъ обратить его снова въ рабство. Отпущенникъ напоминалъ собою вполнѣ древняго клiента. Между ними одна только разница: прежняя клiентела была наслѣдственной отъ отца къ сыну, теперь же зависимость отпущенника прекращалась во второмъ или, самое большее, въ третьемъ поколѣнiи. Клiентела, такимъ образомъ, еще не исчезла, она захватываетъ человѣка въ ту минуту, когда онъ освобождается отъ рабства, но только клiентела эта болѣе не наслѣдственна. Это одно уже является весьма значительной перемѣной; нельзя только сказать, въ какую эпоху она совершилась.

Мы можемъ легко различить тѣ смягченія, которыя вво-
дились постепенно въ положеніе клiентовъ, и тотъ путь, какимъ
они дошли до права собственности. Вначалѣ глава рода
отводилъ клiенту участокъ земли для обработки. Клiентъ скоро
сдѣлался пожизненнымъ владѣльцемъ этого участка, при усло-
віи, что онъ долженъ былъ участвовать во всѣхъ расходахъ,
которые падали на его прежняго господина. Тяжкія постано-
вленія древняго закона, который обязывалъ клiента платить
выкупъ за патрона, давать приданое его дочери или же
уплачивать наложенные на него судомъ штрафы, доказываютъ,
по меньшей мѣрѣ, что въ тѣ времена, когда былъ изданъ
этотъ законъ, клiенты обладали уже собственнымъ имуществомъ.
Затѣмъ клiентъ дѣлаетъ еще шагъ впередъ: онъ получаетъ
право передать все по смерти своему сыну; правда, въ случаѣ
неимѣнія сына его имущество переходитъ еще къ патрону;
но вотъ и дальнѣйшій прогрессъ: клiентъ, не имѣющій сына,
получаетъ право дѣлать духовное завѣщаніе. Здѣсь обычай
колеблется и мѣняется; иногда патронъ беретъ себѣ половину
имущества, иногда воля завѣщателя исполняется всецѣло;
во всякомъ случаѣ завѣщаніе всегда имѣетъ силу. Такимъ
образомъ, клiентъ, если и не можетъ назвать себя еще соб-
ственникомъ, все же обладаетъ, по крайней мѣрѣ, правомъ
пользованія, настолько широкимъ, насколько это возможно.

Конечно, это еще не есть полное освобожденіе. Но никакой
документъ не даетъ намъ возможности установить точно эпоху,
когда клiенты окончательно отдѣлились отъ патриціанскихъ
семей. У Тита Ливія мы находимъ нѣкоторыя мѣста, указы-
вающія, если мы будемъ понимать ихъ буквально, что клiенты,
начиная уже съ первыхъ временъ республики, имѣли права
гражданства. Очень вѣроятно, что они получили эти права
уже во времена царя Сервія Тулія; быть можетъ, они пода-
вали уже свои голоса въ куріальныхъ комиціяхъ съ самаго
начала Рима; но изъ этого все же нельзя заключить, что
они освободились съ тѣхъ самыхъ поръ, такъ какъ возможно,
что патриціи нашли выгоднымъ для себя дать клiентамъ по-
литическія права и предоставить имъ голосованіе въ коми-

ціяхъ, не согласившись все же дать имъ одновременно съ
тѣмъ и гражданскія права, т.-е. освободить ихъ отъ своей
власти.

Въ Римѣ, повидимому, не было такого переворота, кото-
рый бы сразу освободилъ клiентовъ, какъ это произошло въ
Аѳинахъ. Переворотъ этотъ совершался очень медленно и
почти незамѣтно, и ни одинъ опредѣленный законъ ни разу
не освятилъ его собою. Узы клiентелы ослабѣвали постепенно,
мало-по-малу, и клiентъ нечувствительно отдалялся отъ своего
патрона.

Царь Сервій произвелъ крупную реформу въ пользу клiен-
товъ: онъ измѣнилъ организацію войска. До него войско въ
походѣ дѣлилось на трибы, куріи, роды; это было патриціан-
ское дѣленіе; каждый родоначальникъ предводительствовалъ
своими клiентами. Сервій раздѣлилъ войско на центуріи, и
каждый занималъ въ нихъ мѣсто по своему имущественному
положенію. Въ результатѣ этого клiентъ не шелъ болѣе бокъ
о бокъ со своимъ патрономъ; послѣдній не былъ для него
вождемъ во время сраженія, и клiентъ привыкъ къ незави-
симости.

Эта перемѣна повела за собою другую, въ самомъ строѣ
комицій. Раньше собраніе дѣлилось на куріи и роды, и клi-
ентъ подавалъ голосъ въ присутствіи и подъ надзоромъ своего
господина. Теперь же въ комиціяхъ, какъ и въ войскахъ,
было установлено дѣленіе на центуріи, и клiентъ не находился
болѣе въ одной группѣ со своимъ патрономъ. Древній законъ
приказывалъ ему, правда, голосовать одинаково со своимъ
патрономъ, но какъ было провѣрить, за что онъ голосовалъ?

Отдѣлить клiента отъ патрона въ наиболѣе важныя минуты
жизни, въ тѣ минуты, когда шла борьба, когда они оба по-
давали свои голоса за то или другое ея рѣшеніе,—значило
очень много. Власть патриціевъ оказалась сильно уменьшенной,
а то, что отъ нея оставалось у нихъ, начинало все болѣе и
болѣе оспариваться; какъ только клiентъ узналъ, хотя немного,
свободу, онъ захотѣлъ получить ее всю. Онъ началъ стремиться
уйти изъ рода и войти въ составъ плебеевъ, которые были

совершенно свободны. И случаевъ представлялось ему для того не мало. При царяхъ онъ былъ увѣренъ, что найдетъ въ нихъ себѣ пособниковъ, такъ какъ цари всецѣло стремились къ тому, чтобы ослабить роды; во время республики онъ находилъ себѣ покровителей въ самихъ плебеяхъ и ихъ трибунахъ. Очень много кліентовъ освободилось такимъ образомъ, и родъ не могъ захватить ихъ снова. Въ 472 г. до Р. Х. число кліентовъ было еще очень значительно, такъ какъ плебеи даже жаловались, что кліенты своими голосами въ центуріальныхъ комиціяхъ даютъ рѣшительный перевѣсъ патриціямъ. Около того же времени, когда плебеи отказались вступать въ ряды войска, патриціи имѣли возможность сформировать войско изъ своихъ кліентовъ. Тѣмъ не менѣе, кліенты эти не были, повидимому, достаточно многочисленны, чтобы однѣми своими силами воздѣлывать земли патриціевъ, и тѣмъ приходилось заимствовать рабочія руки изъ среды плебеевъ. Вполнѣ вѣроятно, что созданіе должности трибуна, обезпечивая ушедшимъ кліентамъ покровительство противъ ихъ прежнихъ патроновъ и дѣлая въ то же время положеніе плебеевъ болѣе прочнымъ и завиднымъ, ускорило процессъ постепеннаго движенія къ освобожденію. Въ 372 г. не существовало болѣе кліентовъ, и Манлій могъ сказать плебеямъ: „Сколько было васъ раньше кліентами вокругъ каждаго патрона, столько стало теперь противниковъ противъ одного общаго врага“. Съ тѣхъ поръ мы не встрѣчаемъ болѣе въ исторіи Рима древнихъ кліентовъ, наслѣдственно прикрѣпленныхъ къ роду. Первобытная кліентела уступила мѣсто кліентелѣ новаго рода, добровольнымъ, почти фиктивнымъ узамъ, которыя не влекли за собою болѣе тѣхъ же обязательствъ, что раньше. Съ тѣхъ поръ мы уже болѣе не видимъ въ Римѣ трехъ классовъ: патриціевъ, кліентовъ и плебеевъ, остаются только два изъ нихъ; кліенты слились вполнѣ съ плебеями.

Марцеллы были, повидимому, именно такой отраслью, отдѣлившеюся отъ рода Клавдіевъ. Имя ихъ было тоже Клавдіи, но такъ какъ они не были патриціями, то, значитъ, они могли входить въ составъ рода только въ качествѣ кліентовъ. Они

очень рано освободились и разбогатѣли; какими средствами, это намъ неизвѣстно, они достигли сначала плебейскихъ должностей, а потомъ возвысились и до должностей гражданской общины. Въ теченіе нѣсколькихъ вѣковъ родъ Клавдіевъ, казалось, забылъ свои старинныя права на нихъ. Но въ одинъ прекрасный день, однако, во времена Цицерона, онъ неожиданно о нихъ вспомнилъ. Одинъ отпущенникъ или кліентъ Марцелловъ умеръ, оставивъ послѣ себя наслѣдство, которое, по закону, должно было перейти къ патрону. Клавдіи-патриціи утверждали, что такъ какъ сами Марцеллы кліенты, то они не могли имѣть своихъ кліентовъ, а потому какъ ихъ отпущенники, такъ и наслѣдство этихъ отпущенниковъ должно переходить къ главѣ патриціанскаго рода, который одинъ имѣлъ право патроната. Этотъ судебный процессъ весьма удивилъ общество и поставилъ въ затрудненіе юристовъ; самъ Цицеронъ находитъ вопросъ темнымъ. Четыре вѣка назадъ вопросъ этотъ не казался бы темнымъ, и Клавдіи выиграли бы свою тяжбу. Но во времена Цицерона право, на которомъ они основывали свои притязанія, было настолько древне, что его уже позабыли, и судъ нашелъ возможнымъ рѣшить дѣло въ пользу Марцелловъ. Древней кліентелы болѣе не существовало.

Глава VII.

Третій переворотъ; плебеи входятъ въ гражданскую общину.

1. Общая исторія этого переворота.

Перемѣны, происшедшія съ теченіемъ времени во внутреннемъ строѣ семьи, повели за собою перемѣны и въ строѣ гражданской общины. Древняя аристократическая и священная семья оказалась ослабленной; съ исчезновеніемъ права старшинства она потеряла свое единство и силу; съ освобожденіемъ большинства кліентовъ она потеряла большую часть

своихъ подданныхъ. Люди низшихъ классовъ не распредѣлялись болѣе по родамъ; живя внѣ рода, они образовали изъ себя нѣчто цѣлое; вслѣдствіе этого измѣнился видъ гражданской общины: вмѣсто того, чтобы представлять изъ себя собраніе столькихъ слабо связанныхъ между собою отдѣльныхъ государствъ, сколько было семей, теперь образовался союзъ, съ одной стороны, между членами патриціанскихъ родовъ, съ другой стороны, между людьми низшихъ классовъ. Такимъ образомъ, стали лицомъ къ лицу два сословія, два враждебныхъ другъ другу общества. Теперь не было болѣе скрытой борьбы въ нѣдрахъ каждой семьи, какъ въ предыдущую эпоху; теперь въ каждомъ городѣ шла открытая война. Изъ двухъ борющихся классовъ одинъ хотѣлъ удержать религіозный строй гражданской общины и оставить управленіе, равно какъ и жречество, въ рукахъ священныхъ семей; другой же стремился разрушить древнія преграды, ставившія его внѣ права, внѣ религіи, внѣ политическаго сообщества.

Въ первую половину борьбы перевѣсъ былъ на сторонѣ родовой аристократіи. Правда, у нея не было болѣе ея прежнихъ подданныхъ, и ея матеріальная сила пала, но у нея оставалось обаяніе ея религіи, правильная организація, привычка управлять, традиціи и наслѣдственная гордость. Аристократія не сомнѣвалась въ своемъ правѣ; защищаясь, она считала, что защищаетъ религію. На сторонѣ народа была только его многочисленность. Его стѣсняло еще привычное уваженіе, отъ котораго онъ не могъ отдѣлаться. Къ тому же у него не было предводителей; всякія начала организаціи у него отсутствовали; онъ былъ вначалѣ скорѣе массой, ничѣмъ между собою не связанной, чѣмъ стройно сложеннымъ и сильнымъ цѣлымъ.

Еще мы вспомнимъ, что у людей того времени не было другого принципа ассоціаціи, кромѣ наслѣдственной религіи семьи, что у нихъ не было понятія о какой-либо иной власти, кромѣ той, которая проистекаетъ изъ культа, то мы легко поймемъ, что плебеи, стоявшіе внѣ культа и религіи, не могли образовать сначала правильнаго общества, и что имъ

потребовалось много времени для того, чтобы найти въ самихъ себѣ начала дисциплины и правила управленія.

Этотъ низшій классъ въ своей слабости не видѣлъ вначалѣ другого средства борьбы съ аристократіей, какъ противопоставить ей монархію.

Въ городахъ, гдѣ народный классъ образовался уже во времена древнихъ царей, онъ ихъ поддерживалъ всѣми силами, какія только были у него въ распоряженіи и поощрялъ ихъ увеличивать свою власть. Въ Римѣ онъ потребовалъ возстановленія царской власти послѣ Ромула, онъ провозгласилъ царемъ Гостилія, сдѣлалъ царемъ Тарквинія Древняго, любилъ Сервія и сожалѣлъ о сверженіи Тарквинія Гордаго.

Когда цари были повсюду побѣждены, и наступило господство аристократіи, то народъ не ограничился однимъ сожалѣніемъ о монархіи; онъ стремился возстановить ее въ новой формѣ. Въ Греціи въ теченіе шестого вѣка ему удалось вообще ставить во главѣ гражданской общины вождей; не имѣя возможности называть ихъ царями, такъ какъ этотъ титулъ совмѣщалъ въ себѣ понятіе о религіозныхъ обязанностяхъ и его могли носить только жреческія семьи, онъ называлъ своихъ вождей тиранами.

Каковъ бы ни былъ первоначальный смыслъ этого слова, достовѣрно одно, что оно не было заимствовано изъ религіознаго языка; его нельзя было прилагать къ богамъ, какъ это дѣлалось со словомъ царь; его не произносили въ молитвѣ. Дѣйствительно, оно означало нѣчто совершенно новое для людей, оно означало власть, которая не вытекала изъ культа, могущество, которое не было установлено религіей. Появленіе этого слова въ греческомъ языкѣ означаетъ собою появленіе новаго принципа, неизвѣстнаго предыдущимъ поколѣніямъ, принципа повиновенія человѣка человѣку. До сихъ поръ у государствъ не было другого главы, кромѣ того, который былъ одновременно съ тѣмъ и религіознымъ главою; только тотъ начальникъ могъ управлять гражданской общиной, который имѣлъ право совершать жертвоприношенія и призывать боговъ; повинуясь ему, повиновались лишь религіозному закону

и подчинялись божеству. Повиновеніе человѣку, власть, данная человѣку другими людьми,—эта по своему происхожденію и по природѣ совершенно человѣческая власть была неизвѣстна древнимъ эвпатридамъ, и она стала понятна только въ тотъ день, когда низшіе классы сбросили съ себя ярмо аристократіи и стали искать новаго образа правленія.

Приведемъ нѣсколько примѣровъ. Въ Коринѳѣ „народъ съ трудомъ выносилъ владычество Бакхіадовъ; Кипселъ, свидѣтель всеобщей къ нимъ ненависти, видя, что народъ искалъ вождя, который бы повелъ его къ освобожденію“, предложилъ быть этимъ вождемъ; народъ принялъ предложеніе, сдѣлалъ его тираномъ, изгналъ Бакхіадовъ и сталъ повиноваться Кипселу. Въ Милетѣ былъ тираномъ нѣкій Тразибулъ; Митилена была подъ властью Питтака, Самосъ—Поликрата. Мы встрѣчаемъ тирановъ въ Аргосѣ, въ Эпидаврѣ, въ Мегарѣ, въ Халкидѣ въ теченіе шестого вѣка; въ Сикіонѣ они были въ теченіе ста тридцати лѣтъ безъ перерыва. Среди греческихъ колоній въ Италіи мы находимъ тирановъ въ Кумахъ, въ Кротонѣ, въ Сибарисѣ, повсюду. Въ Сиракузахъ въ 485 г. низшій классъ захватилъ въ свои руки власть въ городѣ и изгналъ аристократію, но онъ не могъ ни удержаться, ни управлять и къ концу года долженъ былъ избрать себѣ тирана.

Всюду тираны съ большей или меньшей жестокостью вели одну и ту же политику. Коринѳскій тиранъ спросилъ однажды у тирана Милетскаго, какъ ему управлять; тотъ вмѣсто всякаго отвѣта срѣзалъ колосья хлѣба, которые возвышались надъ другими. Такимъ образомъ, правиломъ ихъ поведенія было рубить головы, возвышавшіяся надъ общимъ уровнемъ, и поражать аристократію, опираясь на народъ.

Римскіе плебеи составляли сначала заговоры для возстановленія Тарквинія. Затѣмъ они пытались создать тирановъ и обращали свои взоры поочередно на Публиколу, Спурія-Кассія и на Манлія. Обвиненія, съ которыми обращались часто патриціи къ тѣмъ изъ своихъ, кто становился очень популяренъ, не были одной клеветой. Опасенія высшихъ классовъ свидѣтельствуютъ о стремленіяхъ и желаніяхъ плебеевъ.

Но надо при этомъ замѣтить, что если народъ въ Греціи и въ Римѣ и стремился возстановить монархію, то совсѣмъ не изъ истинной преданности этому строю. Его ненависть къ аристократіи была сильнѣе любви къ тиранамъ; монархія была для него при этомъ средствомъ побѣды и мести, но никогда этотъ образъ правленія, вытекавшій только изъ одного права силы, не опиравшійся ни на какія священныя традиціи, не имѣлъ прочныхъ корней въ сердцѣ народовъ. Тирана ставили во главѣ, потому что онъ былъ нуженъ на время борьбы, ему оставляли послѣ того власть изъ благодарности или по необходимости; но зато, когда проходило нѣсколько лѣтъ, и воспоминаніе о жестокостяхъ олигархіи понемногу сглаживалось, то тирана свергали. Никогда этотъ образъ правленія не пользовался симпатіями грековъ; онъ былъ принятъ только какъ временное средство въ ожиданіи того, что народная партія найдетъ лучшій порядокъ или почувствуетъ въ себѣ силу управляться сама собой.

Низшій классъ росъ мало-по-малу. Есть прогрессъ, движеніе впередъ, которое совершается незамѣтно и тѣмъ не менѣе опредѣляетъ будущность цѣлаго класса и преобразуетъ собою общество. Около шестого вѣка до нашей эры Греція и Италія увидѣли передъ собою новый источникъ богатства. Земля не могла болѣе доставить человѣку всего необходимаго, развился вкусъ къ прекрасному, явилось стремленіе къ роскоши, зародились искусства; промышленность и торговля стали необходимыми. Мало-по-малу образовалось движимое богатство; стали чеканить монету; появились деньги. Появленіе же денегъ произвело великій переворотъ. Деньги не были подчинены тѣмъ же условіямъ собственности, какъ земля. Онѣ, по выраженію юриста, были *res nec mancipi*; онѣ могли переходить изъ рукъ въ руки безъ всякихъ религіозныхъ формальностей и могли попадать безпрепятственно къ плебеямъ. Религія, наложившая свою печать на землю, была безсильна надъ деньгами.

Люди низшихъ классовъ узнали тогда иныя занятія кромѣ обработки земли; появились ремесленники, мореплаватели,

промышленники, торговцы; среди нихъ не замедлили появиться и богатые. Обстоятельство странное и новое! Раньше только главы родовъ одни могли быть собственниками, но вотъ прежніе кліенты и плебеи богатѣютъ и выставляютъ на видъ свой достатокъ. Затѣмъ роскошь, которая обогащала человѣка изъ народа, разоряла эвпатрида; во многихъ гражданскихъ общинахъ, особенно въ Аѳинахъ, часть членовъ аристократическаго сословія впала въ нищету. А въ обществѣ, гдѣ перемѣстилось богатство, должны скоро пасть и сословныя различія.

Другимъ слѣдствіемъ этой перемѣны было то, что въ средѣ самого народа установились степени и различія, какъ это и должно случиться во всякомъ человѣческомъ обществѣ. Нѣкоторыя семьи стали пользоваться большею извѣстностью, нѣкоторыя имена пріобрѣли большее значеніе. Среди плебеевъ образовалось нѣчто вродѣ аристократіи; въ этомъ не было ничего дурного, никакой бѣды; плебеи переставали быть безпорядочной массой, они принимали видъ организованнаго сословія. Имѣя среди самихъ себя различные ряды своихъ членовъ, они могли изъ нихъ избирать себѣ вождей, не имѣя болѣе необходимости обращаться къ патриціямъ и брать перваго встрѣчнаго честолюбца, который бы пожелалъ захватить въ свои руки власть. У плебейской аристократіи скоро появились тѣ качества, которыя сопровождаютъ обыкновенно нажитое личнымъ трудомъ богатство,—чувство своего личнаго достоинства, любовь къ спокойной свободѣ и тотъ духъ мудрости, который, желая улучшеній, относится съ опаской къ рискованнымъ предпріятіямъ. Плебеи предоставили этимъ избранникамъ руководить собою, гордясь тѣмъ, что они имѣютъ ихъ въ своей средѣ; они отказались отъ правленія тирановъ, какъ только почувствовали, что имѣютъ въ средѣ своего собственнаго сословія элементы лучшаго образа правленія. Наконецъ, богатство, какъ мы это сейчасъ увидимъ, стало на нѣкоторое время принципомъ соціальной организаціи.

Надо сказать еще объ одномъ измѣненіи, потому что оно сильно способствовало возвышенію низшаго класса. Въ первые вѣка исторіи гражданскихъ общинъ главная сила войска

была въ конницѣ. Настоящимъ воиномъ былъ тотъ, кто сражался на колесницѣ или на лошади. Пѣхотинецъ мало былъ полезенъ въ сраженіи и мало цѣнился. Поэтому древняя аристократія всюду сохранила за собой право сражаться на лошади; въ нѣкоторыхъ городахъ благородные присвоили себѣ званіе всадниковъ. *Celeres* Ромула, эти римскіе рыцари первыхъ вѣковъ, всѣ были патриціи. У древнихъ конница всегда считалась благороднымъ войскомъ. Но мало-по-малу и пѣхота тоже пріобрѣла нѣкоторое значеніе. Успѣхи въ выдѣлкѣ оружія и появленіе дисциплины помогли ей сопротивляться конницѣ. Достигнувъ этого, она тотчасъ же заняла первое мѣсто въ сраженіяхъ благодаря своей большей гибкости и подвижности; съ этихъ поръ легіонеры и гоплиты начали составлять главную силу войска; а легіонеры и гоплиты были плебеи. Прибавьте къ этому, что флотъ увеличился, особенно въ Греціи, что происходили морскія сраженія, и участь гражданской общины зависѣла не разъ отъ ея гребцовъ, т.-е. отъ тѣхъ же плебеевъ. А классъ, который является достаточно сильнымъ, чтобы защитить общество, имѣетъ довольно силы также и для того, чтобы завоевать въ немъ себѣ права и пользоваться законнымъ вліяніемъ. Общественный и политическій строй націи находится всегда въ соотвѣтствіи съ природой и составомъ ея войска.

Наконецъ, низшему классу удалось создать себѣ также и религію. У этихъ людей въ глубинѣ сердца было то же самое религіозное чувство, которое нераздѣльно съ нашей природой и которое создаетъ въ насъ потребность поклоненія и молитвы. Они, слѣдовательно, страдали, видя, что они устранены отъ религіи тѣмъ древнимъ принципомъ, который требовалъ, чтобы каждый богъ принадлежалъ только одной семьѣ и чтобы право молиться передавалось вмѣстѣ съ кровью. Они стремились пріобрѣсти и себѣ также культъ.

Мы не можемъ входить тутъ въ подробности всѣхъ тѣхъ усилій, которыя они дѣлали, тѣхъ средствъ, которыя были ими придуманы, тѣхъ трудностей или же благопріятныхъ обстоятельствъ, которыя имъ встрѣчались. Эта работа была

долгое время индивидуальной и долго оставалась тайной каждаго индивидуальнаго сознанія; мы можемъ видѣть только ея результаты. Иногда какая-нибудь плебейская семья воздвигала себѣ очагъ; она или сама рѣшалась возжечь его, или доставала себѣ гдѣ-нибудь священный огонь; тогда у нея являлся свой культъ, свое святилище, свой богъ-покровитель, свое жречество по образцу патриціанскихъ семей. Иногда плебей, не имѣя своего домашняго культа, получалъ доступъ въ храмы гражданской общины; въ Римѣ тѣ, у кого не было собственнаго очага, а вслѣдствіе этого и домашнихъ праздниковъ, совершали годовыя жертвоприношенія богу Кворину. Когда высшіе классы упорствовали и не допускали въ свои храмы низшій классъ, то послѣдній воздвигъ себѣ собственные храмы; въ Римѣ на Авентинскомъ холмѣ у плебеевъ былъ храмъ, посвященный Діанѣ, былъ также храмъ плебейскаго цѣломудрія. Восточные культы, которые, начиная съ шестого вѣка, вторглись въ Грецію и Италію, имѣли большой успѣхъ среди плебеевъ. Это были культы, которые, какъ буддизмъ, не дѣлали различія ни для кастъ, ни для народовъ. Часто, наконецъ, плебеи создавали себѣ святыни по аналогіи съ богами патриціанскихъ курій и трибъ. Такъ царь Сервій Тулій воздвигъ алтарь въ каждомъ кварталѣ города, чтобы народъ имѣлъ возможность совершать тамъ жертвоприношенія; точно также Пизистратиды воздвигли *гермы* на улицахъ и площадяхъ Аѳинъ. Это были боги демократіи. У плебеевъ, которые были раньше толпою, не имѣвшей культа, явились теперь свои религіозныя церемоніи и свои праздники. Плебеи получили право молиться, а это значило много въ обществѣ, гдѣ религія опредѣляла достоинство и положеніе человѣка.

Но какъ только низшій классъ прошелъ рядъ послѣдовательныхъ стадій, и въ его средѣ явились и богачи, и воины, и жрецы, когда онъ получилъ все, что даетъ человѣку чувство собственнаго достоинства и силы, когда, наконецъ, онъ принудилъ высшіе классы считаться съ собою, то стало уже невозможнымъ удержать его внѣ соціальной и политической

жизни, и доступъ въ гражданскую общину не могъ болѣе оставаться для него надолго закрытымъ.

Вступленіе низшихъ классовъ въ гражданскую общину было переворотомъ, наполнившимъ собою въ исторіи Греціи и Италіи періодъ отъ седьмого до пятаго вѣка. Всюду усилія народа увѣнчались побѣдой, но не вездѣ шла борьба однимъ и тѣмъ же путемъ и при помощи однихъ и тѣхъ же средствъ.

Въ одномъ мѣстѣ народъ, какъ только онъ почувствовалъ свою силу, тотчасъ же возсталъ; съ оружіемъ въ рукахъ онъ открылъ себѣ ворота того города, гдѣ ему было запрещено жить. А ставъ господиномъ, онъ или изгонялъ аристократію и занималъ ея дома, или же довольствовался провозглашеніемъ равенства правъ. Такъ было въ Сиракузахъ, Эритреѣ, Милетѣ.

Въ другихъ мѣстахъ, наоборотъ, народъ пользовался средствами менѣе жестокими. Безъ вооруженной борьбы, одной только нравственной силой, которую ему дали его послѣдніе успѣхи, принудилъ онъ аристократію сдѣлать себѣ уступки. Въ такихъ случаяхъ избирали законодателя, и государственный строй подвергался измѣненію. Такъ было въ Аѳинахъ.

Въ иныхъ мѣстахъ низшій классъ достигалъ постепенно своей цѣли безъ потрясеній и переворотовъ. Такъ въ Кумахъ число гражданъ, сначала весьма ограниченное, было увеличено принятіемъ тѣхъ лицъ изъ народа, которыя имѣли достаточно средствъ, чтобы содержать лошадь. Позже число гражданъ было увеличено до тысячи, и, наконецъ, постепенно дошли до демократическаго образа правленія.

Въ нѣкоторыхъ городахъ принятіе плебеевъ въ среду гражданъ было дѣломъ царей. Такъ было въ Римѣ. Въ другихъ городахъ оно было дѣломъ народныхъ тирановъ; это имѣло мѣсто въ Коринѳѣ, Сикіонѣ, Аргосѣ. Когда аристократія брала верхъ, она имѣла обыкновенно благоразуміе оставлять низшимъ классамъ званіе гражданъ, которое уже было имъ однажды дано царями или тиранами. Въ Самосѣ аристократія могла закончить свою борьбу съ тиранами, только освободивъ низшіе классы. Было бы очень долго перечислять всѣ тѣ раз-

личныя формы, въ которыхъ совершился этотъ великій переворотъ. Результатъ его былъ повсюду одинъ тотъ же: низшій классъ проникъ въ гражданскую общину и вошелъ въ составъ политическаго цѣлаго.

Поэтъ Θеогнидъ даетъ намъ довольно ясное представленіе объ этомъ переворотѣ и его послѣдствіяхъ. Онъ говоритъ намъ, что въ его отечествѣ, Мегарѣ, есть два разряда людей. Однихъ онъ называетъ классомъ людей *добрыхъ*, ἀγαθοί, они называли себя дѣйствительно такъ въ большинствѣ греческихъ городовъ; другихъ онъ называетъ классомъ людей *худыхъ*, κακοί, этимъ названіемъ, опять-таки обыкновенно, обозначался низшій классъ. Поэтъ описываетъ намъ прежнее положеніе этого класса: „онъ не зналъ нѣкогда ни суда, ни законовъ"; это значитъ, что онъ не имѣлъ правъ гражданина. Этимъ людямъ не разрѣшалось даже приближаться къ городу; „они жили внѣ города, подобно дикимъ животнымъ". Они не присутствовали на священныхъ обѣдахъ, они не имѣли права вступать въ бракъ съ членами семействъ *добрыхъ*.

Но какъ все это измѣнилось! Сословныя различія ниспровергнуты, „худые поставлены выше добрыхъ". Правосудіе разрушено, древніе законы болѣе не существуютъ, ихъ замѣнили странные новые законы. Богатство стало единственнымъ предметомъ человѣческихъ стремленій, потому что оно даетъ силу. Человѣкъ знатнаго рода женится на дочери богатаго плебея, и „бракъ перемѣшиваетъ роды".

Θеогнидъ, происходящій самъ изъ аристократической семьи, напрасно пытался противостоять теченію вещей; осужденный на изгнаніе, лишенный своего имущества, онъ имѣлъ только одно средство протеста и борьбы—это свои стихи. Но если онъ и не надѣялся на успѣхъ, то во всякомъ случаѣ онъ не сомнѣвался въ правотѣ своего дѣла; онъ принималъ пораженіе, но сохранялъ при этомъ чувство своего права. Въ его глазахъ происшедшій переворотъ былъ нравственное зло, преступленіе. Сыну аристократіи, ему кажется, что эта революція не имѣетъ за себя ни справедливости, ни боговъ, что она посягаетъ на религію. „Боги",—говоритъ онъ,—„покинули

землю; нѣтъ болѣе страха передъ ними. Благочестивый человѣческій родъ исчезъ; никому нѣтъ болѣе дѣла до безсмертныхъ".

Эти сѣтованія безполезны, и онъ самъ это знаетъ. Если онъ и ужасается такимъ образомъ, то какъ бы изъ благочестивой обязанности, потому что отъ предковъ перешла къ нему „священная традиція", которую онъ обязанъ продолжать. Но напрасно: сама эта традиція блекнетъ, сыновья благородныхъ забудутъ скоро свое благородство, и скоро увидятъ, какъ всѣ они соединены узами брака съ плебейскими семьями, „они будутъ пить на ихъ празднествахъ и ѣсть за ихъ столомъ"; скоро усвоятъ они себѣ и ихъ чувства. Сожалѣніе—это все, что еще оставалось греческой аристократіи во времена Θеогнида; но и само это сожалѣніе должно было скоро исчезнуть.

Дѣйствительно, послѣ Θеогнида родовая знатность была только воспоминаніемъ. Благородныя семьи продолжали благочестиво сохранять домашній культъ и память о предкахъ, но это и все. Были еще люди, которымъ доставляло удовольствіе считать своихъ предковъ, но надъ такими личностями уже смѣялись. Сохранилось еще обыкновеніе дѣлать надписи на нѣкоторыхъ могилахъ, что умершій былъ благородной семьи, но не произошло ни одной попытки возстановить рушившійся навсегда порядокъ. Исократъ говоритъ вполнѣ справедливо, что въ его время знатныя аѳинскія семьи существовали только въ своихъ гробницахъ.

Такимъ образомъ, древняя гражданская община преобразовалась постепенно. Вначалѣ это былъ союзъ какой-нибудь сотни родоначальниковъ; позже число гражданъ увеличилось, потому что младшія отрасли добились для себя равенства; еще позже освобожденные кліенты, плебеи, весь тотъ народъ, который въ теченіе вѣковъ оставался внѣ религіозной и политической ассоціаціи, иногда даже внѣ священной городской ограды, разрушилъ преграды, которыя ему ставились, и проникъ въ гражданскую общину, гдѣ занялъ скоро господствующее положеніе.

2. *Исторія этого переворота въ Аѳинахъ.*

Послѣ сверженія царской власти эвпатриды въ теченіе четырехъ вѣковъ управляли Аѳинами. Исторія хранитъ молчаніе объ этомъ долгомъ періодѣ; извѣстно только одно, что власть эвпатридовъ была ненавистна низшимъ классамъ, и что народъ дѣлалъ усилія, чтобы выйти изъ этого положенія.

Около 612 года всеобщее очевидное недовольство и нѣкоторые признаки, возвѣщавшіе близость переворота, подѣйствовали на честолюбіе одного изъ эвпатридовъ, Килона, который возымѣлъ мысль разрушить владычество своей касты и сдѣлаться народнымъ тираномъ. Энергія архонтовъ помѣшала исполненію этого плана, но волненіе продолжалось и послѣ того. Напрасно эвпатриды прибѣгли ко всѣмъ религіознымъ средствамъ, имѣющимся только у нихъ въ распоряженіи. Напрасно говорили они, что боги разгнѣваны и что появляются призраки. Тщетно устроили они очищеніе города и народа отъ всѣхъ преступленій и воздвигли два алтаря— Насилію и Дерзости, чтобы умилостивить эти два божества, пагубное вліяніе которыхъ взволновало умы. Все это ни къ чему не послужило. Чувства ненависти нисколько не смягчились. Съ острова Крита призвали благочестиваго Эпименида, таинственную личность, слывшую сыномъ богини, и поручили ему совершить рядъ очистительныхъ церемоній; въ данномъ случаѣ надѣялись, поразивъ такимъ образомъ воображеніе народа, оживить религію и укрѣпить вслѣдствіе этого аристократію. Но это не произвело впечатлѣнія на народъ; религія эвпатридовъ не имѣла болѣе вліянія на его душу, онъ продолжалъ упорно требовать реформъ.

Въ теченіе еще шестнадцати лѣтъ противъ эвпатридовъ вели жестокую войну и суровые нетерпѣливые жители горъ и терпѣливые, но упорные богатые жители приморскихъ областей. Наконецъ, все, что было благоразумнаго во всѣхъ трехъ партіяхъ, согласилось поручить Солону окончить эти распри и предупредить еще болѣе крупныя несчастія. Солонъ, по рѣдкой

и счастливой случайности принадлежалъ одновременно и къ эвпатридамъ по своему происхожденію, и къ торговому классу по занятіямъ своей юности. Въ своихъ поэтическихъ произведеніяхъ онъ является человѣкомъ вполнѣ свободнымъ отъ предразсудковъ своей касты; духъ примирительный, вкусъ къ роскоши и богатству, любовь къ удовольствіямъ—все это дѣлало его непохожимъ на эвпатридовъ, онъ принадлежалъ уже къ новымъ Аѳинамъ.

Выше мы говорили, что Солонъ началъ свою реформу освобожденіемъ земли отъ древняго владычества религіи эвпатридовъ. Онъ разбилъ цѣпи кліентелы. Такой переворотъ въ соціальномъ строѣ повелъ за собою измѣненіе и въ строѣ политическомъ. Потребовалось, чтобы низшіе классы имѣли съ этого времени щитъ, по выраженію самого Солона, для защиты своей недавно пріобрѣтенной свободы. Такимъ щитомъ являлись политическія права.

Наши свѣдѣнія о соціальномъ строѣ, созданномъ Солономъ, очень недостаточны, но кажется, по крайней мѣрѣ, что съ тѣхъ поръ всѣ аѳиняне стали участвовать въ народныхъ собраніяхъ и что сенатъ былъ составленъ не изъ однихъ только эвпатридовъ; кажется даже, что и архонты могли избираться внѣ древней жреческой касты. Такія важныя нововведенія разрушили всѣ древнія правила гражданской общины. Подача голосовъ, магистратура, жречество, управленіе обществомъ—все это отнынѣ должно было дѣлиться эвпатридами съ людьми низшей касты. Въ новомъ общественномъ строѣ права по рожденію ничего не значили, классы общества еще существовали, но они различались только по своему матеріальному богатству. Съ этого времени исчезаетъ владычество эвпатридовъ. Эвпатридъ не значитъ болѣе ничего, если только онъ не былъ богатъ; онъ могъ имѣть вѣсъ въ силу своего богатства, но не въ силу своего происхожденія. Съ этого времени поэтъ могъ говорить: „Въ бѣдности благородный человѣкъ не значитъ ничего“; и публика въ театрѣ рукоплескала комической выходкѣ актера: „Какого происхожденія

этотъ человѣкъ?—Богатаго: нынче только богатые благородны".

Основанный такимъ образомъ порядокъ имѣлъ два рода враговъ: эвпатридовъ, которые сожалѣли объ утратѣ привилегій, и бѣдняковъ, которые продолжали страдать отъ неравенства.

Едва Солонъ успѣлъ закончить свое дѣло, какъ начались снова волненія. „Бѣдные явились", говоритъ Плутархъ, „ярыми врагами богатыхъ". Новый образъ правленія былъ имъ, быть можетъ, настолько же непріятенъ, какъ и правленіе эвпатридовъ. Сверхъ того, видя, что эвпатриды все еще могли быть и архонтами, и сенаторами, многіе вообразили, что переворотъ не доведенъ до конца. Солонъ удержалъ республиканскія формы правленія, народъ же все еще продолжалъ питать безотчетную злобу противъ нихъ; въ теченіе четырехъ столѣтій онъ не видѣлъ въ республикѣ ничего иного кромѣ владычества аристократіи. По примѣру многихъ греческихъ гражданскихъ общинъ онъ захотѣлъ имѣть тирана.

Пизистратъ, эвпатридъ по происхожденію, преслѣдуя свои личныя честолюбивыя цѣли, обѣщалъ бѣднымъ раздѣлъ земель и тѣмъ привлекъ ихъ на свою сторону. Въ одинъ прекрасный день онъ явился въ народное собраніе и, заявивъ, что онъ раненъ, потребовалъ, чтобы ему дали стражу. Члены собранія изъ высшихъ классовъ хотѣли ему отвѣчать и обличить его ложь, но „народъ былъ готовъ вступить въ рукопашную, чтобы поддержать Пизистрата; видя то, богатые разбѣжались въ безпорядкѣ". Такимъ образомъ, однимъ изъ первыхъ актовъ недавно установленнаго народнаго собранія была помощь человѣку, захотѣвшему сдѣлаться владыкою отечества.

Впрочемъ, правленіе Пизистрата не помѣшало, повидимому, дальнѣйшему развитію судебъ аѳинской гражданской общины. Главнымъ результатомъ этого правленія было, наоборотъ, укрѣпленіе и обезпеченіе отъ реакціи великой соціальной реформы, которая только-что совершилась.

Народъ не проявлялъ никакого желанія получить обратно

свою свободу; дважды союзъ знати и богатыхъ свергалъ Пизистрата, и дважды онъ снова овладѣвалъ властью. Послѣ него въ Аѳинахъ владычествовалъ его старшій сынъ. Понадобилось вмѣшательство спартанской военной силы въ дѣла Аттики, чтобы прекратить господство этой семьи.

Аѳинская аристократія надѣялась одну минуту воспользоваться паденіемъ Пизистратидовъ и вернуть себѣ снова всѣ привилегіи. Но она не только не успѣла въ этомъ, но даже получила наиболѣе жестокій ударъ изъ всѣхъ тѣхъ, какіе ей приходилось переносить. Нѣкто Клисѳенъ, происходившій изъ рода эвпатридовъ, но изъ семьи, которую этотъ классъ презиралъ и не признавалъ, повидимому, въ теченіе уже трехъ поколѣній, нашелъ наиболѣе вѣрное средство отнять у нея навсегда послѣдній остатокъ ея могущества. Солонъ, измѣнивъ политическій строй, оставилъ существовать всю древнюю религіозную организацію аѳинскаго общества. Народонаселеніе было раздѣлено на двѣсти или триста родовъ, на двѣнадцать фратрій и четыре трибы. Въ каждой изъ этихъ группъ былъ, какъ и въ предшествовавшую эпоху, свой наслѣдственный культъ, свой особый жрецъ изъ эвпатридовъ, свой особый глава, который отправлялъ тоже обязанности жреца. Все это были остатки прошедшаго, которое исчезало съ такимъ трудомъ, а вслѣдствіе этого продолжали существовать обычаи, традиціи, правила, различія между людьми, господствовавшіе при древнемъ соціальномъ строѣ.

Упомянутыя группы были установлены религіей и въ свою очередь поддерживали религію, т.-е. въ данномъ случаѣ власть знатныхъ семей. Въ каждой изъ этихъ группъ было два класса людей: съ одной стороны, эвпатриды, владѣвшіе наслѣдственно жречествомъ и властью, съ другой стороны, люди, находившіеся въ подчиненномъ положеніи; это не были теперь болѣе ни слуги, ни кліенты, но религіозная власть эвпатридовъ держала ихъ еще въ своей зависимости. Напрасно законъ Солона провозглашалъ, что всѣ аѳиняне свободны. Древняя религія овладѣвала человѣкомъ при выходѣ его изъ народнаго собранія, гдѣ онъ свободно подавалъ свой голосъ, и говорила: „Ты куль-

томъ связанъ съ эвпатридомъ, ты обязанъ воздавать ему уваженіе, почтеніе и послушаніе; тебя освободилъ Солонъ, какъ члена гражданской общины, но, какъ членъ трибы, ты долженъ повиноваться эвпатриду; какъ членъ фратріи, ты имѣешь своимъ главою опять-таки эвпатрида; даже въ семьѣ, въ родѣ, гдѣ родились твои предки и откуда ты не можешь выйти, ты опять-таки находишь власть эвпатрида". Что было пользы въ томъ, что политическій законъ сдѣлалъ этого человѣка гражданиномъ, если религія и обычаи продолжали дѣлать его кліентомъ? Правда, что уже въ теченіе нѣсколькихъ поколѣній очень много людей находилось внѣ этихъ группъ, одни потому, что они переселились сюда изъ чужой страны, другіе потому, что они ушли изъ рода или трибы, чтобы стать свободными. Но эти люди страдали въ другомъ отношеніи; находясь вдали отъ трибъ, они занимали положеніе нравственно болѣе низкое сравнительно съ другими людьми, и къ ихъ независимости примѣшивалось какъ бы нѣчто позорное.

Итакъ, послѣ политической реформы Солона надо было совершить еще реформу въ области религіозной. Клисѳенъ исполнилъ эту задачу, замѣнивъ четыре древнихъ религіозныхъ трибы десятью новыми, которыя раздѣлялись на извѣстное количество демовъ.

Эти трибы и демы по внѣшности были похожи на древніе трибы и роды. Въ каждой ихъ этихъ группъ былъ свой культъ, свой жрецъ, свой судья, свои собранія для совершенія религіозныхъ церемоній, свои собранія для обсужденія общихъ дѣлъ. Но новыя группы отличались отъ древнихъ въ двухъ существенныхъ отношеніяхъ: во-первыхъ, всѣ свободные люди въ Аѳинахъ, даже тѣ, которые не входили въ составъ древнихъ трибъ или родовъ, вошли въ разряды, установленные Клисѳеномъ,—это было великое преобразованіе, давшее культъ тѣмъ, у кого этого культа до тѣхъ поръ не было, и вводившее въ религіозную ассоціацію тѣхъ, кто раньше былъ исключенъ изъ всякой ассоціаціи. Во-вторыхъ, распредѣленіе по трибамъ и демамъ было произведено не на основаніи происхожденія, какъ прежде, а по мѣсту жительства. Происхо-

жденіе не играло тутъ никакой роли; всѣ члены трибъ были равны, тутъ не было никакихъ привилегій. Культъ, для отправленія котораго собирались всѣ члены новой трибы или дема, не былъ болѣе наслѣдственнымъ культомъ древней семьи; собранія не происходили болѣе вокругъ очага какого-нибудь эвпатрида. И чтила теперь триба или демъ не древняго эвпатрида; у трибъ были теперь новые герои эпонимы, избранные среди людей древности, о которыхъ въ народѣ сохранилась добрая память; что же касается демовъ, то они приняли всюду одинаково боговъ-покровителей Зевса Оградохранителя и Аполлона. Съ этихъ поръ не было болѣе основанія для наслѣдственности жреческаго сана въ демахъ, подобно тому какъ онъ былъ наслѣдственнымъ въ родѣ; точно также не было болѣе основанія и для того, чтобы жрецомъ былъ всегда эвпатридъ. И въ новыхъ группахъ санъ жреца и главы сдѣлался выборнымъ на годичный срокъ, и каждый членъ группы могъ быть въ свою очередь облеченъ этимъ саномъ.

Эта реформа окончательно ниспровергла аристократію эвпатридовъ. Съ этого момента уничтожилась религіозная каста, исчезли привилегіи рожденія и въ религіи, и въ политикѣ. Аѳинское общество окончательно преобразовалось.

Но это уничтоженіе древнихъ трибъ, замѣненныхъ трибами новыми, куда всѣ люди имѣли доступъ и гдѣ они всѣ были равны, не есть явленіе исключительное одной только исторіи Аѳинъ. Та же самая перемѣна произошла въ Киренахъ, въ Сикіонѣ, въ Элидѣ, въ Спартѣ и, вѣроятно, во многихъ другихъ греческихъ гражданскихъ общинахъ.

Изъ всѣхъ средствъ, могущихъ ослабить древнюю аристократію, Аристотель не видѣлъ болѣе дѣйствительнаго, какъ слѣдующее: „Если желаютъ установить демократическій образъ правленія", говоритъ онъ, „то надо сдѣлать то, что сдѣлалъ Клисѳенъ въ Аѳинахъ: надо основать новыя трибы и новыя фратріи; наслѣдственныя жертвоприношенія семей надо замѣнить такими жертвоприношеніями, въ которыхъ всѣ могутъ принимать участіе, надо, насколько возможно, пере-

мѣшать всѣ отношенія людей между собой, позаботившись о томъ, чтобы разрушить всѣ прежнія ассоціаціи".

Когда эта реформа закончилась во всѣхъ гражданскихъ общинахъ, тогда можно сказать, что древняя форма общественной организаціи разрушена, и что съ этого момента образуется новое соціальное цѣлое. Эта перемѣна въ общественныхъ группахъ, установленныхъ древней наслѣдственной религіей и ею же провозглашенныхъ ненарушимыми, означаетъ собою конецъ религіознаго режима гражданской общины.

3. Исторія этого переворота въ Римѣ.

Плебеи имѣли съ давнихъ поръ большое значеніе въ Римѣ. Положеніе Рима между латинами, сабинянами и этрусками обрекало его на вѣчныя войны, а войны требовали многочисленнаго населенія. Поэтому цари принимали и призывали всѣхъ иностранцевъ, не обращая вниманія на ихъ происхожденіе. Войны слѣдовали безпрерывно одна за другой, а такъ какъ въ людяхъ была постоянная необходимость, то самымъ обыкновеннымъ результатомъ побѣды являлось то, что у побѣжденнаго города брали его населеніе и переводили въ Римъ. Какова же была участь тѣхъ, кого уводили вмѣстѣ съ добычей? Если среди нихъ находились жреческія или патриціанскія семьи, то патриціи спѣшили присоединить ихъ къ себѣ; что уже касается простого народа, то часть его входила въ число кліентовъ знати или царя, а другая часть въ составъ плебеевъ.

Въ составъ этого класса входили еще и другіе элементы. Въ Римъ, какъ городъ, удобный по своему положенію для торговли, стекалась масса иностранцевъ, туда же сходились всѣ недовольные изъ сабинской земли, Этруріи и Лаціума и находили себѣ тамъ прибѣжище. Всѣ они входили въ составъ плебеевъ. Кліентъ, которому удалось уйти изъ рода, тоже становился плебеемъ; патрицій, вступившій въ неравный, недозволенный бракъ или совершившій одинъ изъ тѣхъ проступковъ, которые влекли за собою лишеніе правъ, попадалъ въ

низшій классъ. Всѣ незаконнорожденные исключались религіей изъ чистыхъ семей и причислялись къ плебеямъ.

Вслѣдствіе всѣхъ этихъ причинъ численность плебеевъ постоянно возрастала. Борьба, возгорѣвшаяся между патриціями и царями, усилила еще ихъ значеніе. Царская власть и плебеи рано почувствовали, что у нихъ общіе враги. Цари поставили себѣ задачей избавиться отъ тѣхъ древнихъ принциповъ управленія, которые мѣшали имъ пользоваться своею властью. Стремленіемъ плебеевъ было разрушить тѣ старинныя преграды, которыя исключали ихъ изъ религіозной и политической ассоціаціи. Образовалось безмолвное соглашеніе: цари покровительствовали плебеямъ, плебеи поддерживали царей.

Преданія и свидѣтельства древнихъ относятъ первые успѣхи плебеевъ къ царствованію Сервія Туллія. Ненависть, какую сохранили патриціи къ этому царю, показываетъ достаточно ясно, какова была его политика. Его первой реформой было надѣлить плебеевъ землею, правда не на *ager romanus*, но на территоріяхъ, отнятыхъ у непріятеля; тѣмъ не менѣе это было очень важное нововведеніе—даровать такимъ образомъ права собственности тѣмъ семьямъ, которыя до тѣхъ поръ могли обрабатывать только чужую землю.

Еще важнѣе было то, что Сервій издалъ законы для плебеевъ, которые ихъ раньше никогда не имѣли. Эти законы относились по большей части къ тѣмъ договорамъ, которые плебеи могли заключать съ патриціями. Это было началомъ общаго права для обоихъ классовъ, а для плебеевъ началомъ равенства.

Затѣмъ тотъ же царь установилъ новое дѣленіе въ гражданской общинѣ. Не разрушая трехъ древнихъ трибъ, на которыя дѣлились по происхожденію патриціанскія семьи и ихъ кліенты, онъ образовалъ четыре новыхъ трибы, въ которыхъ все населеніе было распредѣлено по мѣсту жительства. Мы видѣли уже подобную реформу въ Аѳинахъ и говорили объ ея послѣдствіяхъ; тѣ же самые результаты получились и въ Римѣ. Плебеи, не входившіе въ древнія трибы, были приняты въ составъ новыхъ трибъ. Эта масса, до тѣхъ поръ вѣчно дви-

жущаяся, нѣчто вродѣ кочевого населенія, не имѣвшая до тѣхъ поръ никакой связи съ гражданской общиной, получила съ того времени свое опредѣленное дѣленіе и свою правильную организацію. Образованіе этихъ трибъ, гдѣ были смѣшаны два класса, обозначаетъ дѣйствительное вступленіе плебеевъ въ гражданскую общину.

Каждая триба имѣла свой очагъ и свои жертвоприношенія; Сервій установилъ боговъ Ларовъ въ каждомъ кварталѣ города, въ каждомъ сельскомъ округѣ. Они были божествами тѣхъ, у кого ихъ не было отъ рожденія. Плебей праздновалъ религіозные праздники своего квартала и своего селенія (*compitalia*, *paganalia*), точно такъ же, какъ праздновалъ патрицій жертвоприношенія своего рода или своей куріи. У плебея явилась религія.

Въ то же время произошло важное измѣненіе и въ священной церемоніи очищенія. Народъ не становился болѣе въ ряды по куріямъ, съ исключеніемъ всѣхъ тѣхъ, кого куріи не принимали въ свою среду. Всѣ свободные жители Рима, всѣ тѣ, кто входилъ въ составъ новыхъ трибъ, присутствовали при этомъ священномъ актѣ. Здѣсь въ первый разъ собрались всѣ люди безъ различія—патриціи, кліенты, плебеи. Царь обошелъ вокругъ это смѣшанное собраніе съ пѣніемъ священныхъ гимновъ, гоня передъ собою жертвенныхъ животныхъ. По окончаніи церемоніи всѣ присутствующіе явились одинаково гражданами.

До Сервія въ Римѣ различали только два разряда людей: жреческую касту патриціевъ съ ихъ кліентами и классъ плебеевъ. Никакого различія, кромѣ того, которое установила древняя наслѣдственная религія, люди не знали. Сервій установилъ новое дѣленіе, положивъ въ его основаніе имущественный принципъ. Онъ раздѣлилъ жителей Рима на двѣ большія категоріи: въ одной были тѣ, которые владѣли какимъ-нибудь имуществомъ, въ другой тѣ, у кого ничего не было. Первая категорія дѣлилась на пять классовъ, и люди распредѣлялись въ нихъ сообразно степени своей состоятельности. Сервій ввелъ, такимъ образомъ совершенно новое начало въ римское общество; съ этого времени общественный классъ опредѣлялся богатствомъ такъ же, какъ раньше онъ опредѣлялся религіей.

Сервій приложилъ это дѣленіе римскаго народонаселенія и къ военной службѣ. До него если плебеи и сражались, то не въ рядахъ легіоновъ. Но, подобно тому, какъ Сервій сдѣлалъ изъ нихъ собственниковъ и гражданъ, онъ могъ сдѣлать ихъ и легіонерами. Съ этого времени войско состояло не только изъ членовъ курій: всѣ свободные люди, всѣ тѣ, по меньшей мѣрѣ, кто владѣлъ чѣмъ-нибудь, входили въ его составъ; только пролетаріи продолжали быть исключенными изъ него. Съ этого времени вооруженіе каждаго воина и его мѣсто въ битвѣ не стояло въ зависимости отъ того, патрицій онъ или плебей, войско было раздѣлено на разряды совершенно такъ же, какъ и все населеніе, т.-е. сообразно своему имущественному положенію. Первый классъ, имѣвшій полное вооруженіе, и два слѣдующихъ, которые имѣли по меньшей мѣрѣ щитъ, шлемъ и мечъ, составляли три первые ряда легіона, четвертый и пятый классъ, легко вооруженные, составляли отряды велитовъ и пращниковъ. Каждый классъ дѣлился на группы, которыя назывались центуріями. Въ первомъ классѣ ихъ было, говорятъ, восемьдесятъ, въ четырехъ другихъ по двадцать или тридцать въ каждомъ. Конница въ это дѣленіе не входила; и въ этомъ отношеніи Сервій сдѣлалъ важное нововведеніе: до тѣхъ поръ центуріи всадниковъ состояли исключительно изъ молодыхъ патриціевъ,—Сервій выбралъ извѣстное число плебеевъ среди наиболѣе богатыхъ, которымъ разрѣшилъ сражаться на лошади, и образовалъ изъ нихъ двѣнадцать новыхъ центурій.

Но нельзя было касаться войска, не касаясь въ то же время и политическаго строя. Плебеи чувствовали, что ихъ значеніе въ государствѣ увеличилось; у нихъ было оружіе, дисциплина, вожди, у каждой центуріи былъ свой центуріонъ и свое священное знамя. Эта военная организація была постоянной, войско въ мирное время не распускалось. Правда, что по возвращеніи изъ похода воины покидали свои ряды: законъ воспрещалъ имъ входить въ городъ военнымъ строемъ.

Но затѣмъ по первому сигналу граждане съ оружіемъ въ рукахъ отправлялись на Марсово поле, и здѣсь каждый находилъ свою центурію, своего центуріона и свое знамя. Однажды, спустя 25 лѣтъ послѣ Сервія Туллія, явилась мысль созвать войско не для военной цѣли. Когда войско собралось, и всѣ заняли свои мѣста, когда каждая центурія стала со своимъ центуріономъ во главѣ и со знаменемъ въ серединѣ, должностное лицо заговорило, стало спрашивать мнѣнія и велѣло подавать голоса.

Шесть патриціанскихъ центурій и двѣнадцать центурій плебейскихъ всадниковъ подавали первыми свои голоса, за ними пѣшія центуріи перваго класса и затѣмъ всѣ прочіе. Такимъ образомъ, спустя немного времени установились центуріальныя собранія, гдѣ каждый, разъ онъ былъ воиномъ, имѣлъ право голоса и гдѣ плебей почти не отличался болѣе отъ патриція.

Всѣ эти реформы сильно измѣнили видъ римской гражданской общины. Сословіе патриціевъ продолжало по прежнему существовать со своимъ наслѣдственнымъ культомъ, своими куріями, своимъ сенатомъ, но плебеи привыкли уже къ независимости, они пріобрѣли богатство, доступъ въ войско, религію. Плебеи не смѣшивались съ патриціями, но сословіе это росло на-ряду съ патриціанскимъ.

Патриціи, правда, отомстили за себя: сначала они убили Сервія, позже изгнали Тарквинія. Вмѣстѣ съ царской властью были побѣждены и плебеи.

Патриціи постарались отнять у нихъ все, что имъ удалось только пріобрѣсти подъ властью царей. Однимъ изъ первыхъ актовъ было отнятіе у плебеевъ земель, которыя имъ далъ Сервій Туллій, и мы видимъ, что единственнымъ мотивомъ, который приводился для того, чтобы обобрать ихъ такимъ образомъ, было то, что они плебеи! Слѣдовательно, патриціи вводили снова въ силу древній законъ, требовавшій, чтобы право собственности основывалось только на наслѣдственной религіи и не дозволявшій человѣку безъ религіи и предковъ имѣть какое бы то ни было право на землю.

Законы, которые Сервій издалъ для плебеевъ, были у нихъ также отняты. Если же не уничтожили систему классовъ и собранія по центуріямъ, то, во-первыхъ, потому, что военное время не позволяло вносить дезорганизацію въ войско, а во-вторыхъ, эти комиціи сумѣли обставить такими формальностями, что патриціи были вполнѣ господами выборовъ. У плебеевъ не посмѣли отнять званія гражданъ; ихъ оставили участвовать въ переписи. Но совершенно ясно, что патриціи, позволяя плебеямъ входить въ составъ гражданской общины, не допускали ихъ до участія ни въ правахъ политическихъ, ни въ религіи, ни въ законахъ. По имени плебеи оставались въ гражданской общинѣ, фактически они были изъ нея исключены.

Не будемъ обвинять патриціевъ болѣе, чѣмъ на то есть основанія, и не станемъ предполагать, что у нихъ былъ холодно обдуманный планъ притѣснять и раздавить плебеевъ. Патрицій, происходившій изъ священной семьи и чувствовавшій себя наслѣдникомъ культа, не понималъ другого соціальнаго строя, кромѣ того, который былъ установленъ правилами древней религіи. Въ его глазахъ элементомъ для созданія всякаго общества былъ родъ со своимъ культомъ, своимъ наслѣдственнымъ главою, своей кліентелой. Для него гражданская община не могла быть ничѣмъ инымъ, какъ только собраніемъ вождей родовъ. Ему и въ умъ не приходило, что можетъ существовать другая политическая система, кромѣ той, которая опиралась на культъ, другія должностныя лица, кромѣ тѣхъ, которыя совершали общественныя жертвоприношенія, другіе законы, кромѣ тѣхъ, священныя формулы которыхъ диктовала религія. Ему нечего было даже возражать, что у плебеевъ тоже есть съ нѣкотораго времени религія, что и они совершаютъ жертвоприношенія Ларамъ перекрестковъ; онъ отвѣтилъ бы на это, что культъ плебеевъ не имѣетъ въ себѣ существеннаго признака истинной религіи, что онъ не наслѣдственный, что эти очаги не есть древніе огни, и боги Лары не истинные предки. Онъ добавилъ бы еще, что плебеи, создавая себѣ такимъ образомъ культъ, сдѣлали то, на что они не имѣли права, что, создавая себѣ культъ, они нарушили

всѣ религіозные принципы, что они взяли только внѣшнюю сторону культа и отняли у него самое существенное—его наслѣдственность, что, наконецъ, ихъ подобіе религіи есть полная ея противоположность.

Разъ только патрицій сталъ упорно на той мысли, что одна только наслѣдственная религія должна управлять людьми, то отсюда вытекало, что онъ не видѣлъ возможности управленія для плебеевъ; онъ не допускалъ, чтобы общественная власть могла распространяться вполнѣ правильно и на этотъ классъ людей. Священный законъ не могъ быть къ нимъ приложимъ, правосудіе было священною областью, запретною для нихъ. Пока существовали цари, они брали на себя обязанность управлять плебеями, они дѣлали это по извѣстнымъ правиламъ, не имѣвшимъ ничего общаго съ древней религіей; правила эти имъ подсказывала выгода или общественная польза. Но когда совершился переворотъ, цари были изгнаны, и религія снова захватила свою власть, тогда силою вещей весь плебейскій классъ былъ отброшенъ во-внѣ соціальныхъ законовъ.

Патриціи создали тогда себѣ правленіе, соотвѣтствующее ихъ собственнымъ принципамъ, но они и не подумали создать то же самое и для плебеевъ. У патриціевъ не хватило рѣшимости изгнать плебеевъ изъ Рима, но они въ то же время не находили возможности устроить ихъ въ видѣ правильнаго общества. Такимъ образомъ, въ Римѣ находились тысячи семей, для которыхъ не существовало ни опредѣленныхъ законовъ, ни общественнаго порядка, ни государственныхъ должностей. Гражданская община, *populus*, т.-е. общество патриціевъ съ ихъ кліентами, которые еще у нихъ оставались, возвышалась могущественная, организованная, величественная; а вокругъ нея жила масса плебеевъ, которые не были народомъ и не составляли политическаго цѣлаго. Консулы, главы патриціанской гражданской общины, поддерживали внѣшній порядокъ въ этомъ смѣшанномъ населеніи; плебеи повиновались; слабые, обыкновенно бѣдные, они покорялись силѣ патриціанскаго сословія.

Задача, отъ рѣшенія которой зависѣло будущее Рима, состояла въ слѣдующемъ: какимъ путемъ предстоитъ плебеямъ образовать изъ себя правильное общество?

Патриціи, находившіеся во власти строгихъ принциповъ своей религіи, видѣли только одно средство разрѣшить эту задачу, именно—ввести плебеевъ черезъ кліентство въ священный родовой строй. Можно предположить, что попытка въ этомъ родѣ была сдѣлана. Вопросъ о долгахъ, волновавшій въ то время Римъ, возможно будетъ объяснить, только если видѣть въ немъ другой болѣе важный вопросъ—о кліентелѣ и крѣпостной зависимости.

Римскіе плебеи, лишенные своихъ земель, не имѣли средствъ къ существованію; патриціи разсчитывали, что, пожертвовавъ извѣстнымъ количествомъ денегъ, они смогутъ привести плебеевъ въ полную зависимость отъ себя. Плебей занималъ. Дѣлая заемъ, онъ отдавалъ себя кредитору, прикрѣплялся къ нему особаго рода дѣйствіемъ, которое римляне называли *nexum*. Это былъ родъ продажи, которая совершалась *per aes et libram*, т.-е. съ соблюденіемъ торжественныхъ формальностей, которыя употреблялись обыкновенно при передачѣ человѣку права собственности на какую-нибудь вещь. Правда, плебеи принимали свои мѣры предосторожности противъ крѣпостной зависимости; чтобы обезпечить себя отъ нея, они заключали нѣчто вродѣ основаннаго на вѣрѣ договора, выговаривая въ немъ себѣ право сохранять свое положеніе свободнаго человѣка до срока уплаты, а въ этотъ день, заплативъ свой долгъ, должникъ освобождался отъ всякой зависимости. Но если съ наступленіемъ этого дня долгъ не былъ погашенъ, то плебей терялъ всѣ преимущества своего договора. Ставъ *addictus*, онъ попадалъ въ полное распоряженіе своего кредитора, который уводилъ его къ себѣ въ домъ и дѣлалъ изъ него слугу. Во всемъ этомъ патриціи не видѣли ничего безчеловѣчнаго; идеаломъ общества въ ихъ глазахъ былъ родовой строй, и для нихъ казалось самымъ законнымъ и прекраснымъ ввести въ него человѣка какими бы то ни было средствами. Если бы этотъ планъ удался, то плебеи въ ско-

ромъ времени исчезли бы, а римская гражданская община сдѣлалась бы лишь союзомъ патриціанскихъ родовъ, которые подѣлили бы между собою толпу кліентовъ.

Но цѣпи кліентелы внушали ужасъ плебеямъ. Плебей боролся противъ патриція, когда тотъ, вооруженный долговымъ обязательствомъ, хотѣлъ наложить на него эти цѣпи. Кліентела была для плебея равносильна рабству, патриціанскій домъ былъ въ его глазахъ тюрьмою *(argastulum)*. Не разъ плебей, схваченный рукою патриція, взывалъ о помощи къ своимъ собратіямъ и возбуждалъ плебеевъ, крича, что онъ свободный человѣкъ, показывая, какъ свидѣтельство, слѣды ранъ, полученныхъ въ битвахъ для защиты Рима. Разсчетъ патриціевъ только раздражилъ плебеевъ. Они увидѣли опасность и со всей силой своей энергіи стали стремиться выйти изъ того случайнаго положенія, въ которое ихъ поставило паденіе царской власти. Плебеи желали имѣть законы и права.

Но, повидимому, у нихъ не было вначалѣ стремленія пользоваться тѣми законами и правами, какъ патриціи. Быть можетъ, и сами плебеи думали такъ же, какъ патриціи, что между этими двумя классами не можетъ быть ничего общаго. Никто и не мечталъ о равенствѣ гражданскомъ и политическомъ. Плебеямъ первыхъ вѣковъ точно такъ же, какъ и патриціямъ, совершенно не приходила въ голову мысль о возможности для нихъ подняться до уровня патриціевъ. Плебеи далеки были отъ того, чтобы требовать равенства правъ и законовъ, они предпочитали, повидимому, даже полную раздѣльность. Въ Римѣ они не находили средства улучшить свое тяжелое положеніе, они видѣли только одинъ путь выйти изъ этой подчиненности, именно—уйти изъ Рима.

Древній историкъ вполнѣ вѣрно передаетъ ихъ мысль, влагая имъ въ уста слѣдующую рѣчь: „Такъ какъ патриціи желаютъ одни владѣть городомъ, то пусть они и пользуются имъ сколько хотятъ. Для насъ Римъ—ничто. У насъ нѣтъ въ немъ ни очаговъ, ни жертвоприношеній, ни отечества. Мы покидаемъ только чужой намъ городъ; никакая наслѣдственная религія не связываетъ насъ съ этимъ мѣстомъ. Всякая страна

будетъ хороша для насъ; тамъ, гдѣ мы найдемъ свободу, тамъ будетъ наше отечество". И они ушли и поселились на Священной горѣ, внѣ предѣловъ *ager romanus*.

Передъ лицомъ такого факта мнѣнія сената раздѣлились. Одни изъ патриціевъ, наиболѣе крайніе, открыто высказывали, что уходъ плебеевъ ихъ нисколько не огорчаетъ; отнынѣ патриціи могли бы жить въ Римѣ одни со своими кліентами, которые у нихъ еще остались. Римъ долженъ былъ бы отречься отъ своего будущаго величія, но зато патриціи были бы въ немъ господами. Не надо было бы заниматься болѣе плебеями, къ которымъ обыкновенныя правила управленія непримѣнимы и которые представляютъ поэтому большое неудобство для гражданской общины. Быть можетъ, ихъ слѣдовало бы изгнать тогда же вмѣстѣ съ царями; но такъ какъ они теперь сами рѣшили уйти, то надо было не мѣшать имъ и радоваться.

Но другіе члены сената, менѣе преданные древнимъ началамъ, тѣ, которыхъ болѣе заботило величіе Рима, огорчались уходомъ плебеевъ. Римъ терялъ половину своихъ воиновъ; что станетъ съ нимъ среди враждебныхъ народовъ: латиновъ, сабинянъ, этрусковъ? Плебеи были полезны; почему не сумѣли заставить ихъ служить интересамъ гражданской общины? Эти сенаторы желали цѣною нѣкоторыхъ жертвъ, всѣхъ послѣдствій которыхъ они, быть можетъ, не предвидѣли, возвратить въ городъ тысячи людей, которые составляли силу легіоновъ.

Съ другой стороны, и плебеи замѣтили по прошествіи нѣсколькихъ мѣсяцевъ, что они не могутъ жить на Священной горѣ. Они могли добывать себѣ все, необходимое для ихъ существованія, но у нихъ отсутствовало то, что составляетъ общественную организацію. Они не могли основать города, потому что у нихъ не было жреца, который бы могъ исполнить религіозныя церемоніи основанія, они не могли избрать себѣ должностныхъ лицъ, потому что у нихъ не было пританея, правильно вожженнаго и гдѣ бы должностное лицо могло совершать жертвоприношенія; они не могли найти основанія для своихъ соціальныхъ законовъ, потому что единственные законы,

о которыхъ имѣлъ тогда понятіе человѣкъ, вытекали изъ патриціанской религіи. Однимъ словомъ, плебеи не имѣли въ себѣ необходимыхъ элементовъ для образованія гражданской общины. Они увидѣли, что, ставъ независимыми, они не стали оттого болѣе счастливыми, что они и здѣсь не образовали изъ себя правильно устроеннаго общества, что они оставались тѣмъ же, чѣмъ были и въ Римѣ, что, такимъ образомъ, задача, разрѣшеніе которой было для нихъ такъ важно, разрѣшена не была. Плебеямъ не помогло удаленіе изъ Рима, и тѣхъ законовъ и правъ, къ которымъ они стремились, они не могли найти, обособившись на Священной горѣ.

Оказалось, что патриціи и плебеи, не имѣя почти ничего общаго между собою, не могли, тѣмъ не менѣе, жить другъ безъ друга. Они сблизились и заключили союзный договоръ. Этотъ договоръ былъ, кажется, заключенъ въ такой же формѣ, въ какой заключались договоры, заканчивавшіе войну между двумя различными народами; патриціи и плебеи дѣйствительно не составляли ни одного и того же народа, ни одной и той же гражданской общины. По этому договору патриціи не дали еще права плебеямъ войти въ составъ религіозной и политической гражданской общины; кажется, плебеи этого даже и не добивались. Было рѣшено только, что на будущее время плебеи, организованные почти-что въ правовое общество, будутъ имѣть вождей изъ своей среды. Здѣсь лежитъ начало плебейскаго трибуната, совершенно новаго учрежденія, совершенно непохожаго ни на что ранѣе извѣстное гражданской общинѣ.

Власть трибуновъ была по своей природѣ иная, чѣмъ власть магистратовъ; эта власть не вытекала изъ культа гражданской общины. Трибунъ не совершалъ никакихъ религіозныхъ обрядовъ: онъ избирался безъ ауспицій и для его назначенія не требовалось соизволенія боговъ. У него не было ни курульнаго кресла, ни пурпурной тоги, ни вѣнка изъ листвы, ни одного изъ тѣхъ внѣшнихъ знаковъ, какими отличала древняя гражданская община своего магистрата—жреца для воздаянія ему общаго почтенія. И трибунъ не считался въ числѣ истинныхъ римскихъ магистратовъ.

Какова же была природа и принципъ его власти? Намъ нужно будетъ отрѣшиться отъ всѣхъ современныхъ идей и привычекъ и перенестись, насколько это возможно, въ среду древнихъ вѣрованій. До тѣхъ поръ люди не понимали иной власти, кромѣ той, которая составляла принадлежность жреческаго сана; когда же они захотѣли установить власть, не связанную совершенно съ культомъ, избрать вождей, которые не были бы жрецами, то имъ пришлось изобрѣсти для этого чрезвычайное средство. Для этого въ тотъ день, когда были избраны и назначены первые трибуны, была совершена совершенно особая религіозная церемонія. Историки не описываютъ намъ ея обрядовъ, они говорятъ только, что дѣйствіемъ ея первые трибуны сдѣлались *sacrosancti*, священными. Не будемъ принимать этого слова въ неопредѣленномъ или переносномъ смыслѣ. Слово *sacrosanctus* обозначало нѣчто совершенно опредѣленное на религіозномъ языкѣ древнихъ. Оно прилагалось къ предметамъ, посвященнымъ богамъ, къ которымъ вслѣдствіе этого человѣкъ не могъ прикасаться. Не званіе трибуна объявлялось почетнымъ и святымъ, а самая его личность, самое тѣло трибуна, поставленное въ такое отношеніе къ богамъ, что отнынѣ оно переставало быть обыкновеннымъ предметомъ, а становилось предметомъ священнымъ. Съ этихъ поръ никто не могъ толкнуть трибуна, не нарушивъ тѣмъ закона и не осквернивъ себя нечестіемъ, ἄγει ἔνοχυς εἶναι.

Плутархъ передаетъ намъ по этому поводу странный обычай: кажется, что если кто-нибудь встрѣчалъ въ общественномъ мѣстѣ трибуна, то религіозныя правила требовали, чтобы онъ послѣ этого очищался, какъ будто бы самое его тѣло было осквернено этой встрѣчей. Этотъ обычай нѣкоторые благочестивые люди соблюдали еще во времена Плутарха, и онъ даетъ намъ понятіе о томъ, какъ смотрѣли на должность трибуна за пять вѣковъ до того.

Этотъ священный характеръ былъ присвоенъ личности трибуна, его тѣлу, во все время, пока онъ отправлялъ свои обязанности. Затѣмъ, избирая своего преемника, онъ передавалъ ему это священное свойство совершенно такъ же, какъ

консулы, избирая слѣдующихъ консуловъ, передавали имъ ауспиціи и право совершать священные обряды. Когда на два года было прервано существованіе должности трибуновъ, то при возстановленіи ея въ 449 году для новыхъ трибуновъ понадобилось возобновить религіозную церемонію, которая и была совершена на Священной горѣ.

Мы не знаемъ въ достаточной полнотѣ понятій древнихъ, чтобы сказать, дѣлалъ ли этотъ священный характеръ личность трибуна почетною также и въ глазахъ патриція или же, обратно, она была для послѣдняго предметомъ ужаса и проклятія. Послѣднее предположеніе имѣетъ за себя достаточно вѣроятности, особенно для первыхъ временъ. Достовѣрно одно, что личность трибуна была во всякомъ случаѣ неприкосновенна и что рука патриція не могла дотронуться до него, не совершивъ великаго нечестія.

Законъ утвердилъ и гарантировалъ эту неприкосновенность; онъ провозгласилъ: „Никто не можетъ совершить насилія надъ трибуномъ, ни ударить его, ни убить“. Законъ добавлялъ: „Тотъ, кто позволитъ себѣ одно изъ этихъ дѣйствій по отношенію трибуна, осквернитъ себя этимъ, имущество его будетъ конфисковано въ пользу храма Цереры и его можно будетъ убить безнаказанно“. Законъ заканчивался слѣдующею формулой, неясный смыслъ которой много способствовалъ будущимъ успѣхамъ трибуновъ: „Ни магистратъ, ни частное лицо не имѣютъ права совершить что-нибудь противъ трибуна“. Всѣ граждане клялись „священными предметами“, и въ своей клятвѣ они обязывались соблюдать всегда этотъ чрезвычайный законъ; они произносили формулу молитвы, въ которой призывали на себя гнѣвъ боговъ, если они нарушатъ этотъ законъ, прибавляя, что, кто окажется виновнымъ въ посягательствѣ на трибуна, тотъ „будетъ запятнанъ величайшимъ нечестіемъ“.

Эта привилегія неприкосновенности простиралась настолько же далеко, насколько могло простираться непосредственное дѣйствіе самой личности трибуна. Если консулъ обижалъ плебея, присуждалъ его къ тюрьмѣ, или если заимодавецъ налагалъ на него руку, то трибунъ являлся, становился между ними (*intercessio*) и останавливалъ руку патриція. Кто посмѣлъ бы „совершить что-нибудь противъ трибуна“ или подвергнуть себя его прикосновенію?

Но только тамъ трибунъ имѣлъ эту чрезвычайную власть, гдѣ онъ самъ лично присутствовалъ. Вдали отъ него плебеевъ можно было притѣснять; онъ не могъ оказывать никакого дѣйствія на то, что происходило внѣ того пространства, куда могла достать его рука, достигнуть его взглядъ, его рѣчь.

Патриціи не дали плебеямъ правъ, они согласились только, чтобы личность нѣкоторыхъ изъ нихъ была неприкосновенна. Однако, уже и этого было достаточно, чтобы создать нѣкоторую безопасность для всѣхъ. Трибунъ былъ нѣчто вродѣ живого алтаря, которому было присвоено право убѣжища.

Трибуны сдѣлались вполнѣ естественно вождями плебеевъ и присвоили себѣ право суда. Въ сущности, они не имѣли права призывать къ себѣ на судъ никого, даже плебеевъ, но они могли брать подъ стражу; и, разъ попавъ въ ихъ руки, человѣкъ долженъ былъ имъ повиноваться. Достаточно было даже находиться въ предѣлахъ того пространства, куда достигалъ звукъ ихъ рѣчи: сопротивляться словамъ трибуна нельзя было; всякій долженъ былъ имъ подчиниться, будь то патрицій или консулъ.

Трибунъ въ первое время не имѣлъ никакой политической власти. Не будучи магистратомъ, онъ не могъ созывать ни курій, ни центурій. Онъ не могъ дѣлать предложеній въ сенатѣ; въ началѣ не предполагалось даже, что онъ можетъ туда являться. У него не было ничего общаго съ настоящей гражданской общиной, т.-е. съ гражданской общиной патриціевъ, гдѣ за нимъ не признавалось никакой власти. Онъ не былъ трибуномъ народа, онъ былъ трибуномъ плебеевъ.

Въ Римѣ было по-прежнему два общества: гражданская община и плебеи; первая, сильно организованная, имѣющая свои законы, своихъ магистратовъ, свой сенатъ; вторые же, по-прежнему — масса безъ правъ, безъ законовъ, но имѣющая

въ своихъ неприкосновенныхъ трибунахъ защитниковъ себѣ и судей.

Въ послѣдующіе годы можно видѣть, насколько смѣлы становятся трибуны, и какую непредвидѣнную свободу дѣйствій позволяютъ они себѣ. Ничто не уполномочивало ихъ созывать плебейскія собранія,—они ихъ созываютъ; ничто не призывало ихъ въ сенатъ,—они туда являются, сначала садятся у дверей залы собранія, а потомъ и въ серединѣ; ничто не давало имъ права судить патриціевъ,—они ихъ судятъ и осуждаютъ. Все это было слѣдствіемъ той неприкосновенности, которая была присвоена ихъ священной личности. Всякая сила уступала передъ ними. Патриціи обезоружили себя въ тотъ день, когда они съ торжественными обрядами произнесли, что, кто прикоснется къ трибуну,—будетъ оскверненъ. Законъ гласилъ: никто не можетъ совершить ничего противъ трибуна. Слѣдовательно, если этотъ трибунъ созывалъ плебеевъ, и плебеи собирались, то никто не имѣлъ права распустить это собраніе, которое присутствіе трибуна ставило внѣ власти патриціевъ и закона. Если трибунъ являлся въ сенатъ, никто не могъ его оттуда удалить. Если онъ схватывалъ консула, то никто не могъ освободить послѣдняго изъ его рукъ. Ничто не могло противустоять смѣлости трибуна. Противъ трибуна никто не имѣлъ силы кромѣ только другого трибуна.

Какъ только плебеи пріобрѣли себѣ такимъ образомъ своихъ собственныхъ вождей, они не замедлили устроить и свои совѣщательныя собранія. Эти послѣднія нисколько не походили на собранія патриціанской гражданской общины. Плебеи въ этихъ комиціяхъ распредѣлялись по трибамъ: мѣсто жительства опредѣляло тутъ для каждаго его мѣсто въ собраніи, а не религія и не имущественное положеніе. Собраніе не начиналось жертвоприношеніемъ: религія не принимала тутъ никакого участія. Тутъ не знали предзнаменованій, и голосъ авгура или понтифекса не могъ принудить людей разойтись. Это были дѣйствительно комиціи плебеевъ, и въ нихъ не было слѣда древнихъ правилъ или патриціанской религіи.

Правда, собранія эти вначалѣ не занимались общими

дѣлами гражданской общины, они не назначали магистратовъ и не издавали законовъ. Они обсуждали только интересы плебеевъ, назначали только плебейскихъ вождей и постановляли только плебисциты.

Въ Римѣ долгое время издавался двойной рядъ декретовъ: опредѣленія сената (сенатусконсульты) для патриціевъ и плебисциты для плебеевъ. Ни плебеи не подчинялись сенатскимъ постановленіямъ, ни патриціи не подчинялись плебисцитамъ. Въ Римѣ было два отдѣльныхъ народа.

Эти два народа, находившіеся постоянно вмѣстѣ, живущіе въ однѣхъ и тѣхъ же стѣнахъ, не имѣли между собою почти ничего общаго: ни плебей не могъ быть консуломъ гражданской общины, ни патрицій плебейскимъ трибуномъ; ни плебей не участвовалъ въ собраніяхъ по куріямъ, ни патрицій—въ собраніяхъ трибъ.

Это были два народа, которые даже не понимали другъ друга, не имѣя, такъ сказать, общихъ идей. Если патрицій говорилъ отъ имени религіи и законовъ, то плебей отвѣчалъ, что онъ не знаетъ ни этой наслѣдственной религіи, ни законовъ, вытекающихъ изъ нея; если патрицій ссылался на священный обычай, то плебей приводилъ въ отвѣтъ естественное право. Они упрекали взаимно другъ друга въ несправедливости; каждый изъ нихъ былъ справедливъ съ точки зрѣнія своихъ принциповъ и несправедливъ съ точки зрѣнія принциповъ и вѣрованій другого. Собранія по куріямъ и собранія *отцовъ*, *patres*, казались плебеямъ ненавистными привилегіями; въ собраніяхъ трибъ патрицій видѣлъ незаконное сборище, осуждаемое религіей. Консульство было для плебеевъ произвольной и тиранической властью; трибунатъ былъ въ глазахъ патриція чѣмъ-то нечестивымъ, ненормальнымъ, противорѣчащимъ всѣмъ принципамъ; онъ не могъ понять такого начальника, который не былъ въ то же время жрецомъ и который былъ избранъ безъ ауспицій. Трибунатъ разстраивалъ священный порядокъ гражданской общины; онъ былъ тѣмъ, чѣмъ являлась бы ересь въ религіи; общественный культъ былъ запятнанъ имъ: „Боги будутъ противъ насъ“, говорилъ

одинъ патрицій, „доколѣ въ нашей средѣ будетъ эта язва, которая насъ разъѣдаетъ и вноситъ разложеніе во все соціальное тѣло.“ Исторія Рима въ теченіе цѣлаго вѣка была наполнена подобными недоразумѣніями между этими двумя народами, которые, казалось, говорили на разныхъ языкахъ. Патриціи упорно старались держать плебеевъ внѣ политическаго строя общины, плебеи создавали себѣ собственныя учрежденія. Двойственность римскаго народонаселенія становилась съ каждымъ днемъ все болѣе и болѣе очевидной.

Однако, было нѣчто, связывающее эти два народа; это была война. Патриціи позаботились о томъ, чтобы не лишиться воиновъ: они оставили плебеямъ званіе гражданъ, хотя бы только затѣмъ, чтобы имѣть право зачислять ихъ въ легіоны; кромѣ того позаботились, чтобы неприкосновенность трибуновъ не простиралась внѣ предѣловъ Рима, и для этого сдѣлано было постановленіе, что трибуны не могутъ никогда выходить изъ города. Въ войскѣ плебеи являлись подчиненными; тутъ не было двойной власти,—передъ лицомъ врага Римъ снова становился единымъ.

Затѣмъ благодаря обыкновенію, образовавшемуся послѣ изгнанія царей, созывать войско для совѣщанія объ общественныхъ дѣлахъ или для избранія магистратовъ, существовали смѣшанныя собранія, гдѣ плебеи являлись наряду съ патриціями. И въ исторіи мы видимъ ясно, какъ эти центуріальныя комиціи пріобрѣтаютъ все болѣе и болѣе значенія и незамѣтно дѣлаются тѣмъ, что называлось большими комиціями. Дѣйствительно, въ той борьбѣ, которая шла между собраніями курій и собраніями трибъ, являлось вполнѣ естественнымъ, что собранія центуріальныя были какъ бы нейтральной почвой, гдѣ преимущественно и обсуждались общіе интересы и дѣла.

Плебей не всегда былъ бѣденъ; часто онъ принадлежалъ къ семьѣ, происходившей изъ другого города, гдѣ она была богата и уважаема, и откуда судьбы войны перенесли ее въ Римъ, не лишивъ ни богатства, ни того чувства собственнаго достоинства, которое обыкновенно сопровождаетъ богатство. Иногда плебей могъ обогатиться собственнымъ трудомъ, особенно во времена царей. Когда Сервій Туллій раздѣлилъ все населеніе на классы сообразно имущественному положенію, то нѣкоторые плебеи вошли въ первый классъ. Патриціи не рѣшились или не смѣли уничтожить это дѣленіе на классы. Слѣдовательно, было достаточно плебеевъ, которые сражались рядомъ съ патриціями въ первыхъ рядахъ легіоновъ и которые подавали вмѣстѣ съ ними свои голоса въ первыхъ центуріяхъ.

Этотъ богатый классъ, гордый и вмѣстѣ съ тѣмъ осторожный, который не могъ любить смутъ и долженъ былъ ихъ опасаться, который могъ очень многое потерять съ паденіемъ Рима и много выиграть съ его возвышеніемъ,—былъ естественнымъ посредникомъ между двумя враждующими классами.

Плебеи повидимому ничего не имѣли противъ установленія въ своей собственной средѣ имущественныхъ различій. Спустя тридцать шесть лѣтъ послѣ созданія должности трибуновъ, число ихъ было увеличено до десяти, для того чтобы въ каждомъ классѣ ихъ было по два. Плебеи, такимъ образомъ, приняли и стремились сохранить дѣленіе, установленное Сервіемъ, и даже бѣднѣйшая часть, которая не входила въ составъ этихъ классовъ, не выражала протеста; она предоставила болѣе состоятельнымъ пользоваться ихъ привилегіями и не требовала избранія трибуновъ также и изъ своей среды.

Что же касается патриціевъ, то ихъ мало страшило то вліяніе, которое пріобрѣтало богатство, потому что они были сами богаты. Болѣе благоразумные или болѣе счастливые, чѣмъ аѳинскіе эвпатриды, которые впали въ ничтожество въ тотъ день, когда управленіе обществомъ перешло въ руки богатыхъ, римскіе патриціи не пренебрегали никогда ни земледѣліемъ, ни торговлей, ни даже промышленностью. Ихъ всегдашней заботой было увеличеніе своего состоянія. Трудъ, умѣренность и разсчетливость были ихъ всегдашними добродѣтелями. Къ тому же каждая побѣда надъ врагомъ, каждое завоеваніе увеличивало ихъ владѣнія. Вотъ почему они и не видѣли большой бѣды въ томъ, что власть присвоивалась богатству.

Привычки и характеръ патриціевъ были таковы, что они не могли чувствовать презрѣнія къ богатому, хотя бы то былъ и плебей. Богатый плебей имѣлъ къ нимъ доступъ, жилъ съ ними; между ними завязывались разнообразныя отношенія взаимной выгоды и дружбы. Постоянное общеніе вело за собою и обмѣнъ идей. Плебей разъяснялъ мало-по-малу патрицію стремленія и права плебеевъ; эти разъясненія дѣйствовали на патриція; онъ убѣждался въ концѣ концовъ, и его мнѣніе о своемъ превосходствѣ стало нечувствительно менѣе твердымъ и высокомѣрнымъ; онъ не такъ ужъ былъ увѣренъ въ своемъ правѣ. А когда аристократія доходитъ до сомнѣнія въ законности своего владычества, то у нея или нѣтъ болѣе мужества защищать его, или она защищаетъ его плохо. Какъ только прерогативы патриціевъ перестали быть для нихъ самихъ догматомъ вѣры, можно было сказать, что патриціатъ наполовину побѣжденъ.

На плебеевъ, изъ которыхъ вышелъ этотъ богатый классъ и отъ которыхъ онъ не отдѣлился, онъ оказывалъ вліяніе другого рода. Такъ какъ усиленіе римскаго могущества было въ его интересахъ, то онъ и желалъ единенія двухъ враждебныхъ сословій; къ тому же классъ этотъ былъ честолюбивъ; онъ разсчиталъ, что полное раздѣленіе двухъ сословій навсегда ограничитъ его карьеру, приковавъ его навѣки къ низшему классу, въ то время какъ ихъ единеніе откроетъ передъ нимъ широкій путь, предѣла которому не было видно. И онъ употребилъ всѣ усилія, чтобы дать желаніямъ и идеямъ плебеевъ другое направленіе. Вмѣсто того, чтобы упорно стремиться образовать отдѣльное сословіе, вмѣсто того, чтобы вырабатывать себѣ съ трудомъ особенные, отдѣльные законы, которые другія сословія никогда не признаютъ, вмѣсто того, чтобы медленно работать и своими плебисцитами создавать себѣ нѣчто вродѣ законовъ для собственнаго употребленія, вырабатывать кодексъ, который никогда не можетъ имѣть оффиціальнаго значенія, богатый классъ внушилъ плебеямъ стремленіе проникнуть въ гражданскую общину патриціевъ и тамъ принять участіе въ пользованіи тѣми же законами и установленіями и тѣмъ же положеніемъ, что и патриціи. Тогда желанія плебеевъ направились въ сторону единенія обоихъ сословій подъ условіемъ равенства.

Однажды вступивъ на этотъ путь, плебеи начали требовать изданія собранія законовъ. Въ Римѣ, какъ и во всѣхъ другихъ городахъ, существовали священные и неизмѣняемые законы, которые были записаны и текстъ которыхъ хранился жрецами. Но эти законы, составлявшіе часть религіи, примѣнялись только къ членамъ религіозной гражданской общины. Плебей не имѣлъ права ихъ знать, и можно думать, что онъ не имѣлъ также права на нихъ ссылаться. Эти законы существовали для курій, для родовъ, для патриціевъ и ихъ кліентовъ, но не для прочихъ людей. Они не признавали права собственности за тѣмъ, у кого не было *sacra*, они не давали правосудія тому, у кого не было патрона. И вотъ этотъ-то исключительно религіозный характеръ законовъ плебеи хотѣли уничтожить. Они требовали не только того, чтобы законы были письменно изложены и обнародованы, но также того, чтобы изданы были законы, равно приложимые и къ патриціямъ и къ плебеямъ.

Кажется, трибуны хотѣли сначала, чтобы эти законы были составлены плебеями. Патриціи отвѣтили, что трибуны, повидимому, не знаютъ, что такое законъ, потому что иначе они не выразили бы такой мысли. „Вещь совершенно невозможная“, говорили они, „чтобы плебеи составляли законы. Вы, у которыхъ нѣтъ ауспицій, вы, не совершающіе никакихъ религіозныхъ актовъ, что есть у васъ общаго со всѣми священными предметами, среди которыхъ нужно считать и законъ?“ Притязанія плебеевъ казались патриціямъ чудовищными и нечестивыми. Вотъ почему древнія лѣтописи, которыя изучали Титъ Ливій и Діонисій, въ этомъ мѣстѣ своего повѣствованія говорятъ о появленіи ужасныхъ чудищъ, объ огненномъ небѣ, летающихъ по воздуху привидѣніяхъ, кровавомъ дождѣ. Истиннымъ чудищемъ была мысль плебеевъ создавать законы. Восемь лѣтъ находилась республика въ нерѣшимости между этими двумя классами, изъ которыхъ каждый удивлялся

настойчивости другого; затѣмъ трибуны предложили компромиссъ: „Такъ какъ вы не хотите, чтобы законы писались плебеями“, сказали они, „то выберемъ по два законодателя отъ каждаго класса“. Они думали, что дѣлаютъ, такимъ образомъ, большую уступку; это было слишкомъ мало съ точки зрѣнія строгихъ правилъ патриціанской религіи. Сенатъ возразилъ, что онъ совершенно не противится изданію свода законовъ, но что этотъ сводъ законовъ можетъ быть составленъ только патриціями. Кончилось тѣмъ, что нашли средство примирить интересы плебеевъ съ религіозною необходимостью, на которую ссылались патриціи: было рѣшено, что всѣ законодатели будутъ патриціи, но что раньше, чѣмъ сводъ законовъ будетъ обнародованъ и войдетъ въ силу, онъ будетъ всенародно выставленъ и подвергнутъ предварительному одобренію всѣхъ классовъ.

Здѣсь не мѣсто разбирать собраніе законовъ децемвировъ; важно только указать теперь же, что трудъ законодателей, выставленный предварительно на форумѣ, свободно обсуждался всѣми гражданами и былъ затѣмъ принятъ центуріальными комиціями, т.-е. тѣмъ собраніемъ, въ которомъ были слиты вмѣстѣ оба сословія. Въ этомъ было великое нововведеніе, и законъ, принятый всѣми классами, примѣнялся съ тѣхъ поръ одинаково ко всѣмъ. Въ томъ, что сохранилось у насъ отъ этого кодекса, нельзя найти ни одного слова, которое бы указывало на неравенство между патриціями и плебеями, будь то въ правѣ собственности или въ договорахъ, или въ обязательствахъ, или въ судопроизводствѣ.

Начиная съ этого времени, плебей являлся передъ тѣмъ же самымъ судилищемъ, что и патрицій, велъ въ судѣ дѣла такъ же, какъ и онъ, былъ судимъ по тѣмъ же самымъ законамъ. Не могло быть переворота болѣе радикальнаго: повседневныя привычки, нравы, чувства человѣка къ человѣку, понятіе о личномъ достоинствѣ, принципъ права,—все измѣнилось въ Римѣ.

Такъ какъ надо было составить еще нѣкоторые законы, то избрали новыхъ децемвировъ, и среди нихъ было три плебея. И вотъ послѣ того какъ было провозглашено столь энергично, что право писать законы принадлежитъ только патриціямъ, прогрессъ идей совершился такъ быстро, что всего черезъ годъ плебеи были допущены въ число законодателей.

Въ нравахъ сказывалось стремленіе къ равенству. Общество стояло на наклонной плоскости и не могло уже остановиться. Явилась необходимость издать законъ, запрещающій брачные союзы между двумя сословіями; это было вѣрное доказательство того, что религія и нравы не въ силахъ были воспрепятствовать подобнымъ союзамъ. Но едва успѣли выработать этотъ законъ, какъ его пришлось отмѣнить въ виду всеобщаго неодобренія. Нѣкоторые патриціи упорствовали въ своихъ ссылкахъ на религію: „Наша кровь осквернится, наслѣдственный культъ каждой семьи будетъ запятнанъ; никто не будетъ знать болѣе, отъ какой крови онъ родился и какія жертвоприношенія долженъ онъ совершать; это будетъ ниспроверженіемъ всѣхъ установленій божественныхъ и человѣческихъ“. Плебеи совершенно не понимали этихъ доводовъ; они казались имъ мелочными и не имѣющими значенія. Разсуждать о догматахъ вѣры съ людьми, у которыхъ нѣтъ религіи,—напрасный трудъ. Къ тому же трибуны возражали весьма справедливо: „Если правда, что ваша религія говоритъ такъ повелительно, то зачѣмъ вамъ этотъ законъ? Онъ вамъ ни къ чему не нуженъ; уничтожьте его, и вы будете такъ же свободны, какъ и раньше, не вступать въ союзы съ плебейскими семьями.“ Законъ былъ уничтоженъ. И сразу браки между двумя сословіями стали весьма часты.

Союзовъ съ богатыми плебеями искали; назовемъ хотя бы только Лициніевъ, которые вступили въ родственный союзъ съ тремя патриціанскими родами, съ Фабіями, Корнеліями и Манліями. Тогда стало очевиднымъ, что законъ былъ одно время единственной преградой, раздѣляющей два сословія. Съ этого времени кровь патриціевъ и кровь плебеевъ смѣшивается.

Какъ только было завоевано равенство въ частной жизни,

самое трудное было уже сдѣлано, и казалось вполнѣ естественнымъ, что должно существовать равенство и въ жизни политической. Плебеи спросили себя, почему же имъ нѣтъ доступа къ консульской должности, и они не нашли никакого основанія быть навсегда устраненными отъ консульства.

Однако, для подобнаго устраненія существовало довольно серьзное основаніе. Консульство было не только управленіемъ, оно было въ то же время и жречествомъ. Для того, чтобы стать консуломъ, недостаточно было представить ручательство въ своихъ способностяхъ, мужествѣ, честности, нужно было главнымъ образомъ быть способнымъ совершать обряды общественнаго культа. Необходимо было, чтобы ритуалъ тщательно наблюдался и боги были удовлетворены. Патриціи же только въ себѣ имѣли священныя свойства, дававшія имъ возможность и право произносить молитвы и призывать покровительство божества на гражданскую общину. Плебей не имѣлъ ничего общаго съ культомъ, поэтому религія противилась тому, чтобы онъ былъ консуломъ, *nefas plebeium consulem fieri*.

Можно представить себѣ удивленіе и негодованіе патриціевъ, когда плебеи впервые выразили притязанія на консульскую должность. Казалось, что самой религіи угрожаетъ опасность. Употреблено было много усилій, чтобы объяснить это плебеямъ; имъ говорили, какое важное значеніе имѣетъ религія въ гражданской общинѣ, что она основала городъ, что она руководила всѣми общественными дѣйствіями, управляла совѣщательными собраніями, давала республикѣ ея магистратовъ; къ этому добавляли, что религія эта согласно древнему правилу *(more majorum)* была родовымъ наслѣдіемъ патриціевъ, что только они одни могли знать и исполнять ея обряды и, наконецъ, что боги не принимаютъ жертвоприношеній отъ плебеевъ. Предложить избрать консуловъ изъ среды плебеевъ, это равносильно желанію уничтожить религію гражданской общины; съ этихъ поръ культъ былъ бы оскверненъ, и гражданская община не могла бы оставаться болѣе въ мирѣ со своими богами.

Патриціи употребили всю свою силу и всю свою ловкость,

чтобы отстранить плебеевъ отъ этихъ должностей. Они защищали въ этомъ случаѣ одновременно и свою религію и свою власть. Какъ только они увидѣли, что должность консуловъ подвергается опасности стать доступной плебеямъ, они отдѣлили отъ нея ту религіозную обязанность, которая являлась наиболѣе важной изъ всѣхъ и состояла въ совершеніи обряда очищенія *(lustratio)* гражданъ; такимъ образомъ была установлена должность цензоровъ. Въ ту минуту, когда имъ казалось слишкомъ труднымъ противустоять домогательствамъ плебеевъ, они замѣнили консуловъ военными трибунами. Впрочемъ, плебеи выказали очень большое терпѣніе: они ожидали семьдесятъ пять лѣтъ, пока исполнилось ихъ желаніе. Очевидно, они съ меньшимъ жаромъ добивались этихъ высшихъ государственныхъ должностей, чѣмъ нѣкогда завоеванія трибуната и собранія законовъ.

Но если плебеи въ своей массѣ и были довольно равнодушны къ такимъ вопросамъ, то существовала плебейская аристократія, обладавшая значительнымъ честолюбіемъ. Вотъ легенда, относящаяся къ этой эпохѣ: „Фабій Амбустъ, одинъ изъ наиболѣе уважаемыхъ патриціевъ, выдалъ замужъ двухъ своихъ дочерей, одну за патриція, который получилъ должность военнаго трибуна, другую—за Лицинія Столона, человѣка очень извѣстнаго, но плебея. Эта послѣдняя находилась однажды въ гостяхъ у сестры, когда ликторы, провожая военнаго трибуна домой, постучали въ двери своими связками. Такъ какъ она не знала этого обыкновенія, то и испугалась. Насмѣшки и ироническіе вопросы сестры показали ей, насколько ее унизилъ бракъ съ плебеемъ, помѣстивъ ее въ домъ, куда не будетъ никогда доступа ни высокимъ званіямъ, ни почестямъ. Отецъ угадалъ ея огорченіе и утѣшилъ ее, обѣщавъ, что настанетъ день, когда она и въ своемъ собственномъ домѣ увидитъ то же, что видѣла въ домѣ сестры. Онъ сговорился со своимъ зятемъ, и оба начали работать надъ приведеніемъ въ исполненіе этого плана“. Легенда эта, среди ребяческихъ и неправдоподобныхъ подробностей, сообщаетъ намъ, по крайней мѣрѣ, двѣ вещи: первая, что плебейская

аристократія, живя вмѣстѣ съ патриціями, проникласъ вслѣдствіе этого ихъ честолюбіемъ и стремилась къ тѣмъ почестямъ, которыми и они пользовались; вторая, что были патриціи, которые поощряли и возбуждали честолюбіе этой новой аристократіи, соединенной съ ними самыми тѣсными узами

Повидимому, Лициній и соединившійся съ ними Секстій не разсчитывали, что плебеи станутъ добиваться для нихъ усиленно консульскаго званія, потому что они сочли нужнымъ предложить одновременно три закона. И тому закону, который требовалъ, чтобы одинъ изъ консуловъ избирался обязательно изъ среды плебеевъ, они предпослали два другихъ; въ первомъ изъ нихъ уменьшались долги, во второмъ—народу раздавались земли. Очевидно, два первыхъ закона должны были расположить плебеевъ и побудить ихъ поддержать ревностно и третій. Но плебеи оказались какъ разъ очень проницательны: они приняли въ предложеніяхъ Лицинія то, что было полезно для нихъ, т.-е. уменьшеніе долговъ и раздачу земель, и оставили въ сторонѣ проектъ о консульствѣ. Но Лициній возразилъ, что всѣ три закона были нераздѣльны, и потому нужно было или всѣ вмѣстѣ принять, или же всѣ ихъ отвергнуть. Римская конституція разрѣшала подобный пріемъ. Легко понять, что плебеи предпочли все принять, чѣмъ все потерять.

Но принятіе законовъ плебеями было еще недостаточно; въ ту эпоху требовалось еще, чтобы сенатъ созвалъ большія комиціи и затѣмъ чтобы онъ утвердилъ ихъ постановленіе. Въ теченіе десяти лѣтъ сенатъ въ этомъ отказывалъ. Въ концѣ концовъ произошло событіе, которое Титъ Ливій оставляетъ слишкомъ въ тѣни; кажется, что плебеи взялись за оружіе, и гражданская война обагрила кровью улицы Рима. Побѣжденные патриціи издали сенатское постановленіе, заранѣе одобрявшее всѣ декреты, которые народъ издастъ въ этомъ году. Послѣ этого ничто уже не мѣшало трибунамъ провести свои три закона и, начиная съ этого времени, одного изъ двухъ консуловъ избирали ежегодно плебеи, а затѣмъ они не замедлили достигнуть и другихъ государственныхъ должно-

стей. Плебей сталъ носить пурпурную одежду, ему предшествовали ликторы со связками; онъ отправлялъ правосудіе, былъ сенаторомъ, управлялъ гражданской общиной, командовалъ легіонами.

Оставались только жреческія должности; ихъ, повидимому, уже нельзя было отнять у патриціевъ, потому что ненарушимымъ догматомъ древней религіи было то, что право произносить молитвы и прикасаться къ священнымъ предметамъ передавалось только съ кровью. Знаніе обрядовъ, какъ и боги, было наслѣдственно. Подобно тому, какъ домашній культъ былъ родовымъ наслѣдіемъ, въ которомъ не могъ принимать участіе никто посторонній, такъ же и государственный культъ принадлежалъ тѣмъ семьямъ, которыя образовали изъ себя первоначальную гражданскую общину. Въ первые вѣка Рима никому, конечно, и въ голову не могло прійти, будто плебей могъ быть верховнымъ жрецомъ.

Но понятія измѣнились. Плебеи, устранивъ изъ религіи правило ея наслѣдственности, стали пользоваться религіей въ своихъ интересахъ. Они создали себѣ домашнихъ ларовъ, алтари на перекресткахъ, очаги трибъ. Патриціи относились сначала только лишь съ презрѣніемъ къ этому подобію религіи. Но съ теченіемъ времени дѣло приняло серьезный оборотъ, и плебеи пришли къ тому убѣжденію, что даже съ точки зрѣнія культа и по отношенію къ богамъ—они равны патриціямъ.

Два принципа стали лицомъ къ лицу. Патриціи упорно поддерживали тотъ взглядъ, что санъ жреца и право поклоняться божеству—наслѣдственны. Плебеи же стремились освободить религію и жречество отъ этого древняго закона наслѣдственности; они утверждали, что каждый человѣкъ правоспособенъ произносить молитвы; разъ только онъ гражданинъ, онъ имѣетъ право совершать и обряды культа гражданской общины; отсюда они приходили къ тому выводу, что плебей можетъ точно также быть жрецомъ.

Если бы жречество было вполнѣ отдѣлено отъ управленія и отъ политики, то возможно, что плебеи не стремились бы къ

нему такъ страстно и съ такимъ жаромъ, но и жречество, и управленіе, и политика все это было слито вмѣстѣ: жрецъ былъ магистратомъ, понтифексъ былъ судьей, авгуръ могъ распустить народное собраніе. Плебеи скоро поняли, что безъ жречества у нихъ не было ни истиннаго гражданскаго, ни политическаго равенства. И они поэтому потребовали раздѣленія жречества между двумя классами такъ же, какъ они требовали раньше раздѣленія консульства.

Плебеямъ трудно было выставить въ видѣ возраженія ихъ религіозную неправоспособность, потому что вотъ уже шестьдесятъ лѣтъ, какъ они въ качествѣ консуловъ совершали жертвоприношенія, какъ цензоры—обрядъ очищенія гражданъ, какъ побѣдители враговъ—священные обряды тріумфа, плебеи уже овладѣли черезъ магистратуру частью жречества, и трудно было уберечь отъ нихъ остальное. Вѣра въ принципъ религіозной наслѣдственности была поколеблена и въ средѣ самихъ патриціевъ. Тщетно нѣкоторые изъ нихъ ссылались на древнія правила и говорили: „Культъ будетъ искаженъ и оскверненъ недостойными руками. Вы посягаете на самихъ боговъ; берегитесь, чтобы ихъ гнѣвъ не обрушился на нашъ городъ“. Но эти аргументы оказывали, повидимому, мало вліянія на плебеевъ, да и на большинство патриціевъ они не производили впечатлѣнія. Новые нравы дали побѣду плебейскимъ принципамъ, и вслѣдствіе этого было рѣшено, что отнынѣ половина жрецовъ и авгуровъ будетъ избираться изъ среды плебеевъ.

Это была послѣдняя побѣда низшаго сословія; ему нечего было больше добиваться. Патриціи потеряли все, даже свою высшую религіозную власть. Ничто не отличало ихъ больше отъ плебеевъ; патриціатъ былъ теперь только однимъ именемъ, воспоминаніемъ. Древніе принципы, на которыхъ была основана римская гражданская община, какъ и всѣ древнія гражданскія общины, исчезли. Отъ древней наслѣдственной религіи, которая такъ долго управляла людьми и создала сословныя различія между ними, остались только внѣшнія формы. Въ теченіе четырехъ столѣтій боролись противъ нея плебеи и подъ властью царей, и во время республики, и они побѣдили.

Глава VIII.

Измѣненія въ частномъ правѣ; законы Двѣнадцати Таблицъ; законы Солона.

Право по своей природѣ не можетъ быть абсолютнымъ и неизмѣннымъ; оно, какъ и всякое человѣческое созданіе, мѣняется и преобразовывается. У каждаго общества есть свое право, которое слагается вмѣстѣ съ нимъ, съ нимъ же вмѣстѣ развивается, подчиняется всѣмъ тѣмъ же измѣненіямъ, какъ и оно, и, наконецъ, отражаетъ на себѣ всѣ движенія въ его учрежденіяхъ, нравахъ и вѣрованіяхъ.

Люди древнихъ временъ были подчинены религіи, которая тѣмъ болѣе имѣла власть надъ ихъ душою, чѣмъ она была грубѣе; эта религія дала имъ ихъ право точно такъ же, какъ она создала и ихъ политическія учрежденія.

Но вотъ общество преобразовалось. Патріархальный строй, родившійся въ нѣдрахъ этой патріархальной религіи, перешелъ съ теченіемъ времени въ строй гражданской общины. Родъ нечувствительно распался, младшій отдѣлился отъ старшаго, слуга отъ господина; низшій классъ выросъ, онъ вооружился и кончилъ тѣмъ, что побѣдилъ аристократію и завоевалъ себѣ равенство. Такія перемѣны въ соціальномъ строѣ должны были повести за собою измѣненія также и въ правѣ. Ибо насколько эвпатриды и патриціи были преданы древней семейной религіи и, вслѣдствіе этого, древнему праву, постольку же низшіе классы ненавидѣли и эту наслѣдственную религію, которая ставила ихъ такъ долго въ подчиненное положеніе, и это древнее право, которое ихъ угнетало. Они не только его ненавидѣли, но они его даже и не понимали. Такъ какъ у нихъ не было тѣхъ вѣрованій, на которыхъ было основано это право, то они считали его лишеннымъ всякаго основанія. Они считали его несправедливымъ, а вслѣдствіе этого и дальнѣйшее существованіе этого права являлось невозможнымъ.

Если перенестись мысленно въ ту эпоху, когда плебейскій классъ уже выросъ и вошелъ въ составъ политическаго тѣ-

лаго, и сравнить право этого времени съ правомъ первобытнымъ, то сразу бросятся въ глаза важныя измѣненія. Первое и самое крупное состоитъ въ томъ, что право сдѣлалось всенароднымъ и стало всѣмъ извѣстно. Это уже не есть то священное и таинственное пѣснопѣніе, которое пѣлось съ глубокимъ благоговѣніемъ изъ вѣка въ вѣкъ, которое записывалось только жрецами и знать которое имѣли право лишь члены религіозныхъ семей. Право вышло изъ области обрядовъ и обрядовыхъ книгъ, оно потеряло свою религіозную таинственность, оно стало языкомъ, который для каждаго понятенъ и на которомъ каждый можетъ говорить.

Нѣчто еще болѣе важное обнаруживается въ собраніяхъ этихъ узаконеній: самая природа закона и его принципъ теперь уже иные, уже не тѣ, что въ предшествующую эпоху. Раньше законъ былъ религіознымъ постановленіемъ, онъ считался откровеніемъ, даннымъ богами предкамъ, божественному основателю, священнымъ царямъ, магистратамъ-жрецамъ. Въ новыхъ же собраніяхъ узаконеній, наоборотъ, законодатель не говоритъ уже отъ имени боговъ. Римскіе децемвиры получили свою власть отъ народа, и тотъ же народъ вручилъ Солону право создать законы. И законодатель поэтому не является болѣе представителемъ религіознаго преданія, онъ — представитель воли народа. Принципомъ закона является съ этихъ поръ польза гражданъ, а основаніемъ — одобреніе большинства.

Отсюда вытекаютъ два слѣдствія: первое, что законъ не является болѣе неизмѣняемой и неоспоримой формулой; ставъ дѣломъ человѣческихъ рукъ, онъ признается подверженнымъ измѣненіямъ. Законъ Двѣнадцати Таблицъ гласитъ: „То, что было постановлено народнымъ голосованіемъ въ послѣдній разъ, то есть законъ."

Изъ всѣхъ текстовъ, которые намъ остались отъ упомянутаго собранія узаконеній, нѣтъ болѣе важнаго, какъ этотъ,— онъ лучше всего обозначаетъ характеръ происшедшаго въ правѣ переворота. Законъ уже болѣе не священное преданіе,

mos, онъ просто текстъ—*lex*, и такъ какъ онъ созданъ волею людей, то эта же самая воля можетъ и измѣнить его.

Другимъ слѣдствіемъ было то, что законъ, бывшій прежде частью религіи и въ силу этого родовымъ наслѣдіемъ священныхъ семей, съ этихъ поръ сталъ общимъ достояніемъ всѣхъ гражданъ. Плебей могъ ссылаться на него и вести дѣло въ судѣ. Самое большое, что римскій патрицій, болѣе упорный или болѣе хитрый, чѣмъ аѳинскій эвпатридъ, постарался скрыть отъ толпы, это—самыя формы судопроизводства; но и самыя эти формы скоро были обнародованы.

Такимъ образомъ, право измѣнилось въ своей природѣ. Съ этихъ поръ оно не могло заключать въ себѣ тѣхъ же предписаній, что и въ предшествовавшую эпоху. Пока надъ нимъ властвовала религія, и правила взаимныхъ отношеній людей между собою основывались на этой религіи. Но низшій классъ, внесшій въ гражданскую общину другія начала, не понималъ ничего ни въ древнихъ законахъ частнаго права, ни въ древнемъ правѣ наслѣдованія, ни въ абсолютной власти отца, ни въ родствѣ агнатовъ. Онъ желалъ, чтобы все это исчезло.

Въ сущности, такое преобразованіе права не могло совершиться сразу. Если для человѣка бываетъ иногда возможно измѣнить сразу свои политическія учрежденія, то свои законы и право онъ можетъ измѣнять только медленно и постепенно. Это именно и доказываетъ одинаково какъ римское, такъ и аѳинское право.

Двѣнадцать Таблицъ были, какъ мы это видѣли, составлены въ то время, когда общественный строй преобразовывался; патриціи составляли ихъ, но они созданы были по требованію плебеевъ и для ихъ употребленія. Это законодательство не есть первобытное право Рима, но въ то же время оно и не преторіанское право, это — переходная ступень между ними обоими.

Вотъ тѣ пункты, въ которыхъ оно еще удаляется отъ древняго права:

Оно удерживаетъ власть отца, оно оставляетъ ему право судить и даже осуждать на смерть своего сына, продавать

его. При жизни отца сынъ не можетъ быть никогда совершеннолѣтнимъ.

Что касается права наслѣдованія, то и тутъ законодательство удерживаетъ еще древнія правила: наслѣдство переходитъ къ агнатамъ, а въ случаѣ отсутствія ихъ къ *gentiles*. Что же касается когнатовъ, т.-е. родственниковъ по женской линіи, то законъ ихъ еще не признаетъ; они не слѣдуютъ другъ послѣ друга, ни мать не наслѣдуетъ сыну, ни сынъ матери.

Законодательство это сохраняетъ еще за эмансипаціей и усыновленіемъ тѣ существенныя черты и тѣ слѣдствія, которыя эти оба акта имѣли въ античномъ правѣ. Выдѣленный сынъ не участвуетъ болѣе въ семейномъ культѣ, а вслѣдствіе этого не имѣетъ также болѣе права и на наслѣдованіе.

Въ слѣдующихъ же пунктахъ это законодательство уклоняется отъ первобытнаго права: оно формально допускаетъ раздѣлъ отцовскаго наслѣдства между братьями, ибо оно допускаетъ *actio familiae eriscundae*.

Оно гласитъ, что отецъ не можетъ располагать личностью своего сына болѣе трехъ разъ, что послѣ троекратной продажи сынъ становится свободнымъ. Тутъ римское право впервые пытается ограничить отцовскую власть.

Другое, еще болѣе важное измѣненіе заключалось въ томъ, что человѣкъ получилъ право завѣщать. Раньше сынъ являлся *собственнымъ и необходимымъ наслѣдникомъ;* за отсутствіемъ сына наслѣдовалъ ближайшій агнатъ, если не было агната, то имущество возвращалось въ родъ, въ воспоминаніе тѣхъ временъ, когда нераздѣльный родъ былъ единственнымъ собственникомъ владѣнія, которое съ тѣхъ поръ раздѣлилось. Двѣнадцать Таблицъ оставили въ сторонѣ эти устарѣлые принципы; онѣ разсматривали собственность уже не какъ принадлежащую роду, но отдѣльному лицу, а слѣдовательно, и признавали за человѣкомъ право распоряжаться своимъ имуществомъ по завѣщанію.

Нельзя сказать, чтобы въ первобытномъ правѣ завѣщаніе было совершенно неизвѣстно. Человѣкъ могъ себѣ уже и тогда избирать наслѣдника внѣ своего рода, но съ условіемъ, чтобы его выборъ былъ утвержденъ собраніемъ курій, такъ что только воля всей гражданской общины могла отмѣнить порядокъ, установленный религіей. Новое право освобождаетъ завѣщаніе отъ этого стѣснительнаго правила и придаетъ ему болѣе удобную форму, а именно, форму фиктивной продажи. Человѣкъ дѣлаетъ видъ, будто онъ продаетъ свое имущество тому, кого онъ избралъ себѣ въ наслѣдники, въ дѣйствительности онъ сдѣлалъ завѣщаніе, не имѣя для этого надобности являться передъ народнымъ собраніемъ.

Такая форма завѣщанія имѣла большое преимущество, будучи доступна и плебеямъ. Плебеи, не имѣвшіе ничего общаго съ куріями, были до тѣхъ поръ совершенно лишены возможности составлять завѣщанія. Съ этихъ же поръ они имѣли возможность, пользуясь формой фиктивной продажи, располагать своимъ имуществомъ. Но самымъ замѣчательнымъ въ этомъ періодѣ исторіи римскаго законодательства является то, что въ силу введенія извѣстныхъ новыхъ формъ право могло простирать свое дѣйствіе и свои благодѣянія также и на низшіе классы. Древнія правила и древнія формальности могли по-прежнему примѣняться надлежащимъ образомъ только къ религіознымъ семьямъ, но теперь были придуманы новыя правила, новыя формы судопроизводства, которыя были примѣнимы и къ плебеямъ.

На томъ же основаніи и вслѣдствіе тѣхъ же потребностей были сдѣланы нововведенія и въ той части права, которая относилась къ браку. Совершенно очевидно, что плебейскія семьи не пользовались священнымъ бракомъ, и можно думать, что для нихъ брачный союзъ опирался единственно на взаимное согласіе сторонъ (*mutuus consensus*) и на ту привязанность, которую онѣ другъ другу обѣщали (*affectio maritalis*). Никакихъ ни гражданскихъ, ни религіозныхъ обрядностей при этомъ не исполнялось. Съ теченіемъ времени этотъ плебейскій бракъ получилъ рѣшительный перевѣсъ и въ нравахъ и въ правѣ, но въ началѣ законы патриціанской гражданской общины не признавали за нимъ никакой силы. А это имѣло очень важныя послѣдствія: такъ какъ супружеская и отцовская власть по-

лучали въ глазахъ патриціевъ свое начало только отъ того религіознаго обряда, который присоединялъ жену къ культу ея мужа, то отсюда слѣдовало, что плебей не имѣлъ такой власти. Законъ не признавалъ за нимъ семьи, и частнаго права для него не существовало. Теперь же найденъ былъ способъ, которымъ могли пользоваться и плебеи, и который, въ гражданскомъ отношеніи, велъ за собою тѣ же слѣдствія, что и священный бракъ. Въ данномъ случаѣ, такъ же, какъ и въ вопросѣ о завѣщаніи, прибѣгли къ фиктивной продажѣ. Мужъ покупалъ свою жену *(coemptio)*, и съ этой минуты она считалась по праву какъ бы частью его собственности (*familia*), она была *у него въ рукѣ* и находилась, по отношенію къ нему, на положеніи дочери совершенно такъ же, какъ если бы совершенъ былъ религіозный обрядъ.

Мы не будемъ утверждать, что такого рода процедура не являлась болѣе древней, чѣмъ законы Двѣнадцати Таблицъ; достовѣрно только одно, что новое законодательство признало ее законной и даровало, такимъ образомъ, плебеямъ частное право, которое было аналогично патриціанскому праву, хотя значительно отличалось отъ него по своимъ принципамъ.

Coemptio соотвѣтствовалъ *usus*; это были двѣ формы одного и того же акта. Каждый предметъ могъ быть пріобрѣтенъ безразлично двумя способами: покупкой или пользованіемъ. Точно то же было и относительно фиктивной собственности—жены. *Пользованіе* въ этомъ случаѣ означало сожитіе въ теченіе одного года; оно устанавливало между супругами тѣ же правовыя отношенія, какъ и купля или религіозный обрядъ. Намъ, конечно, не нужно прибавлять, что такому сожительству долженъ былъ предшествовать бракъ, по крайней мѣрѣ плебейскій бракъ, который заключался вслѣдствіе согласія и взаимной склонности сторонъ. Ни *coemptio*, ни *usus* не создавали нравственной связи между супругами; они являлись только послѣ брака и устанавливали правовую связь. Это не были, какъ то повторялось очень часто, виды брака; это были только средства пріобрѣсти супружескую и отцовскую власть.

Но супружеская власть древнихъ временъ имѣла такія слѣдствія, которыя въ ту эпоху, къ которой мы теперь подошли, начинали казаться чрезмѣрными. Мы видѣли уже, что жена была безусловно подчинена мужу и что права послѣдняго простирались до того, что онъ могъ отчуждать ее и продавать. Съ другой стороны, эта власть имѣла такія слѣдствія, которыя съ трудомъ могъ понимать здравый смыслъ плебеевъ: такъ, жена, перешедшая *въ руку* своего мужа, отдѣлялась всецѣло отъ родной семьи; она не могла болѣе наслѣдовать въ ней и не сохраняла съ ней болѣе никакихъ родственныхъ связей въ глазахъ закона. Это еще имѣло смыслъ при господствѣ первобытнаго права, когда религія запрещала одному и тому же человѣку входить въ составъ двухъ родовъ, приносить жертвы двумъ очагамъ и наслѣдовать въ двухъ семьяхъ, но власть мужа теперь уже не понималась такъ строго, и могло явиться много серьезныхъ основаній, чтобы пожелать уклониться отъ ея тяжелыхъ послѣдствій. Поэтому законъ Двѣнадцати Таблицъ, установивъ, что сожительство въ теченіе года ставило жену во власть мужа, принужденъ былъ предоставить супругамъ свободу и не заключать столь суроваго союза. Для этого достаточно было, чтобы жена прерывала ежегодно сожительство отсутствіемъ хотя бы на три ночи, и супружеская власть въ такомъ случаѣ не могла быть установлена надъ нею. Съ этихъ поръ жена сохраняла связь съ своей семьею и могла въ ней наслѣдовать.

Не входя въ дальнѣйшія подробности, мы видимъ ясно, что законы Двѣнадцати Таблицъ значительно разнятся отъ первобытнаго права. Римское законодательство преобразовывается такъ же, какъ и управленіе и соціальный строй. Постепенно, мало-по-малу, почти съ каждымъ поколѣніемъ происходитъ какая-нибудь новая перемѣна. По мѣрѣ того какъ низшіе классы пріобрѣтаютъ себѣ все больше политическихъ правъ, вводятся новыя видоизмѣненія въ законахъ. Прежде всего разрѣшаются браки между патриціями и плебеями; затѣмъ законъ Папилія запрещаетъ должнику отдавать себя лично въ залогъ кредитору; затѣмъ самое судопроизводство

упрощается къ большой выгодѣ плебеевъ уничтоженiемъ древнихъ формъ судебной процедуры. Наконецъ, преторъ, продолжая шествовать впередъ по тому же пути, который открыли законы Двѣнадцати Таблицъ, впишетъ рядомъ съ древнимъ правомъ право совершенное новое, непродиктованное религiей, которое все болѣе и болѣе будетъ приближаться къ естественному праву.

Совершенно аналогичный переворотъ видимъ мы и въ аѳинскомъ правѣ. Мы знаемъ, что въ Аѳинахъ на разстоянiи тридцати лѣтъ одно отъ другого было издано два собранiя законовъ: законы Дракона и законы Солона. Законы Дракона были написаны въ самый разгаръ борьбы между двумя классами и раньше еще, чѣмъ эвпатриды были побѣждены. Солонъ составлялъ свои законы въ тотъ моментъ, когда побѣда была на сторонѣ низшаго класса. Поэтому и разница между этими двумя законодательствами очень велика.

Драконъ былъ эвпатридъ, онъ былъ проникнутъ всѣми чувствами своей касты и „былъ свѣдущъ въ религiозномъ правѣ". Онъ, повидимому, сдѣлалъ только одно: именно—записалъ древнiе обычаи, ничего въ нихъ не измѣняя. Его первымъ закономъ было слѣдующее: „Должно чтить боговъ и героевъ страны и приносить имъ годовыя жертвы, не уклоняясь ни въ чемъ отъ обрядовъ предковъ". Сохранилось воспоминанiе о его законахъ на счетъ убiйствъ: требовалось, чтобы виновный былъ отлученъ отъ храмовъ; онъ не имѣлъ права прикасаться къ очистительной водѣ и къ священнымъ сосудамъ.

Законы эти казались слѣдующимъ поколѣнiямъ жестокими. Ихъ диктовала дѣйствительно неумолимая религiя, которая видѣла во всякомъ проступкѣ оскорбленiе божества, а во всякомъ оскорбленiи божества преступленiе, ничѣмъ неискупаемое. Воровство наказывалось смертью, потому что воровство было посягательствомъ на религiю собственности.

Отъ этого законодательства сохранилась у насъ одна любопытная статья закона, показывающая, въ какомъ духѣ было оно все составлено. Законъ Дракона разрѣшалъ преслѣдовать

за убiйство по суду исключительно только родственникамъ убитаго или членамъ его рода. Изъ этого мы видимъ, насколько родъ былъ еще могущественъ въ эту эпоху, онъ не позволялъ гражданской общинѣ вмѣшиваться по долгу въ его дѣла, хотя бы даже для того, чтобы за него отомстить. Человѣкъ принадлежалъ еще семьѣ болѣе, чѣмъ гражданской общинѣ.

Изъ всего, что дошло до насъ отъ этого законодательства, мы видимъ, что оно только воспроизводило древнее право. Въ немъ была суровость и строгость древняго не-писаннаго закона. Можно думать, что оно установило болѣе рѣзкую границу между классами, потому что низшiй классъ всегда его ненавидѣлъ и по прошествiи тридцати лѣтъ потребовалъ выработки новаго закодательства.

Законы Солона совершенно въ другомъ родѣ: видно, что они соотвѣтствуютъ великому социальному перевороту. Первое, что бросается въ нихъ въ глаза,—это, что новые законы для всѣхъ. Они не устанавливаютъ различiя между эвпатридомъ, простымъ свободнымъ человѣкомъ и тетомъ; эти слова даже не встрѣчаются ни въ одной изъ тѣхъ статей его, которыя сохранились до насъ. Солонъ хвалится въ своихъ стихахъ, что онъ написалъ одни и тѣ же законы какъ для великихъ, такъ и для малыхъ.

Подобно римскимъ Двѣнадцати Таблицамъ, законы Солона тоже разнятся во многомъ отъ древняго права, но въ нѣкоторыхъ пунктахъ они остаются ему вѣрны. Тутъ нельзя сказать, чтобы римскiе децемвиры копировали аѳинскiе законы, но оба законодательства, какъ произведенiя одной и той же эпохи, какъ слѣдствiя одного и того же соцiальнаго переворота, должны были обязательно имѣть сходныя черты. Сходство это являлось, къ тому же, только въ духѣ обоихъ законодательствъ, сравненiе же отдѣльныхъ статей покажетъ очень большое различiе между ними. Есть вопросы, въ которыхъ законы Солона стоятъ ближе къ древнему первобытному праву, чѣмъ законы Двѣнадцати Таблицъ; есть, наоборотъ, другiе, въ которыхъ эти законы удаляются гораздо дальше Двѣнадцати Таблицъ отъ первобытнаго права.

Наиболѣе древнее право требовало, чтобы старшій сынъ былъ единственнымъ наслѣдникомъ. Законъ Солона отступаетъ отъ этого и говоритъ въ совершенно опредѣленныхъ выраженіяхъ: „Братья должны раздѣлить между собою отцовское наслѣдство“. Но законодатель не настолько еще отступаетъ отъ первобытнаго права, чтобы дать и сестрѣ часть въ наслѣдствѣ: „Раздѣлъ,“ говоритъ онъ, „долженъ быть совершенъ между сыновьями.“

Болѣе того: если отецъ имѣетъ единственную дочь, то эта единственная дочь не можетъ быть наслѣдницей; наслѣдуетъ всегда ближайшій агнатъ. Въ этомъ Солонъ примѣняется къ древнему праву; ему, однако, удается доставить дочери, по крайней мѣрѣ, пользованіе наслѣдствомъ, обязывая наслѣдника жениться на ней.

Родство черезъ женщинъ было неизвѣстно древнему праву; Солонъ включаетъ его въ новое право, но ставитъ гораздо ниже родства черезъ мужчинъ. Вотъ этотъ законъ: „Если отецъ умретъ безъ завѣщанія и оставитъ только одну дочь послѣ себя, то ему наслѣдуетъ ближайшій агнатъ, женясь на его дочери. Если онъ не оставитъ послѣ себя дѣтей, то наслѣдуетъ его братъ, но не сестра,—единокровный, но не единоутробный. Въ случаѣ, если нѣтъ ни братьевъ, ни сыновей братьевъ,—наслѣдство переходитъ къ сестрѣ. Если нѣтъ ни братьевъ, ни сестеръ, ни племянниковъ,—то наслѣдуютъ двоюродные братья и племянники съ отцовской стороны. Если нѣтъ двоюродныхъ братьевъ съ отцовской стороны (т.-е. между агнатами), то наслѣдство переходитъ къ побочнымъ родственникамъ по женской линіи (т.-е. къ когнатамъ).“

Такимъ образомъ, женщины начинаютъ имѣть права по наслѣдству, но ниже тѣхъ, какія имѣютъ мужчины; законъ устанавливаетъ совершенно опредѣленно слѣдующій принципъ: „Мужчины и мужское потомство исключаютъ изъ наслѣдованія женщинъ и ихъ потомство“. Но по крайней мѣрѣ родство такого рода все-таки уже признано и завоевало себѣ мѣсто въ законодательствѣ—вѣрное доказательство того, что естественное право начинаетъ говорить почти такъ же громко, какъ и древняя религія.

Солонъ ввелъ также еще нѣчто весьма новое въ аѳинское законодательство, а именно—завѣщаніе. До него имущество переходило обязательно къ ближайшему агнату или за неимѣніемъ его къ геннетамъ (*gentiles*); это происходило отъ того, что на имущество смотрѣли, какъ на нѣчто принадлежащее не личности, но семьѣ. Но во времена Солона право собственности начали понимать уже иначе: распаденіе древняго рода сдѣлало изъ каждаго владѣнія личную собственность даннаго человѣка; поэтому законодатель и разрѣшилъ каждому располагать своимъ имуществомъ и избирать себѣ наслѣдника. Однако, уничтожая право рода на имущество каждаго изъ своихъ членовъ, онъ не уничтожилъ права естественной семьи на это имущество: сынъ остался необходимымъ наслѣдникомъ; если умершій оставлялъ послѣ себя только дочь, то онъ могъ избрать себѣ наслѣдника, но съ условіемъ, чтобы этотъ наслѣдникъ женился на его дочери; человѣкъ бездѣтный могъ свободно завѣщать свое имущество кому угодно. Послѣдній законъ былъ абсолютно новымъ въ аѳинскомъ правѣ, и мы поэтому можемъ судить, сколько новыхъ понятій явилось тогда о семьѣ и насколько начали отличать ее отъ древняго рода.

Первобытная религія давала отцу верховную власть въ домѣ. Древнее аѳинское право позволяло ему даже продать или убить своего сына. Солонъ, согласуясь съ новыми взглядами, установилъ границы для этой власти: достовѣрно извѣстно, что онъ запретилъ отцу продавать свою дочь, развѣ если она повинна въ тяжкомъ проступкѣ; есть вѣроятіе, что такое же запрещеніе ограждало и личность сына. Отцовская власть постепенно уменьшалась по мѣрѣ того, какъ древняя религія теряла свое могущество, и въ Аѳинахъ это случилось раньше, чѣмъ въ Римѣ. Поэтому аѳинское право и не удовольствовалось тѣмъ, чтобы заявить, подобно законамъ Двѣнадцати Таблицъ: „Послѣ троекратной продажи сынъ дѣлается свободнымъ.“ Оно позволило также сыну, достигшему извѣст-

наго возраста, освободиться совершенно отъ власти отца. Нравы, если не законы, незамѣтно дошли до того, чтобы установить совершеннолѣтіе сына даже еще при жизни отца. Намъ извѣстенъ одинъ аѳинскій законъ, повелѣвающій сыну кормить своего престарѣлаго и немощнаго отца. Такой законъ обязательно предполагаетъ, что сынъ этотъ можетъ владѣть имуществомъ, и, слѣдовательно, онъ освобожденъ отъ отцовской власти. Подобнаго закона не существовало въ Римѣ, потому что тамъ сынъ никогда ничѣмъ не могъ владѣть и оставался всегда во власти отца.

Что же касается женщинъ, то тутъ законы Солона, придерживаясь еще къ древнему праву, запрещаютъ имъ дѣлать завѣщанія, потому что женщина никогда не можетъ быть дѣйствительной собственницей, она можетъ имѣть только право пользованія имуществомъ; но эти законы отступаютъ отъ древняго права, позволяя женщинѣ брать назадъ свое приданое.

Были еще и другія нововведенія въ этомъ законодательствѣ. Въ противоположность законамъ Дракона, которые не разрѣшали преслѣдовать за убійство по суду никому, кромѣ семьи убитаго, Солонъ далъ это право каждому гражданину. Такимъ образомъ, исчезло ещеодно правило древняго патріархальнаго права.

И вотъ мы видимъ, что въ Римѣ, какъ и въ Аѳинахъ, право начало преобразовываться. Для новаго соціальнаго строя нарождалось и новое право. Измѣнились вѣрованія, нравы, учрежденія, а потому и законы, которые раньше казались справедливыми и хорошими, перестали казаться таковыми и мало-по-малу были уничтожены.

Глава IX.

Новый принципъ управленія; общественная польза и подача голосовъ.

Переворотъ, который ниспровергъ владычество жреческаго класса и поднялъ низшіе классы до уровня древнихъ родоначальниковъ, знаменуетъ собою начало новаго періода въ исторіи гражданскихъ общинъ. Произошло нѣчто вродѣ общественнаго обновленія. Тутъ не только власть перешла отъ одного класса къ другому, но тутъ были отвергнуты древніе принципы, и явились новыя правила, которымъ предстояло управлять человѣческимъ обществомъ.

Правда, гражданская община сохранила тѣ же внѣшнія формы, которыя были у нея и въ предшествующую эпоху. Республиканскій строй продолжалъ существовать, и магистраты почти повсюду сохранили свои прежнія названія. Въ Аѳинахъ по прежнему были архонты, въ Римѣ—консулы. Точно также ничто не измѣнилось и въ церемоніяхъ общественной религіи: трапезы въ пританеяхъ, жертвоприношенія при началѣ собраній, ауспиціи и молитвы—все это было сохранено. Вещь вполнѣ обычная: когда человѣкъ отбрасываетъ какія-нибудь старыя учрежденія, то онъ хочетъ сохранить, по крайней мѣрѣ, ихъ внѣшности.

Но по существу все измѣнилось. Учрежденія, права, вѣрованія, нравы—были въ этотъ новый періодъ иными, чѣмъ они были въ эпоху предыдущую. Древній строй исчезъ, увлекая за собою и тѣ суровыя правила, которыя онъ во всемъ установилъ; былъ созданъ новый строй, и человѣческая жизнь измѣнилась.

Въ продолженіе долгихъ вѣковъ религія была единственнымъ принципомъ управленія. Нужно было найти другой принципъ, который былъ бы способенъ замѣнить ее и могъ бы, какъ и она, управлять обществомъ, охраняя его насколько возможно отъ колебаній и столкновеній. Принципомъ этимъ,

на которомъ отнынѣ было основано управленіе гражданскихъ общинъ, сдѣлалось общественное благо, общественная польза.

Нужно обратить вниманіе на этотъ новый догматъ, появившійся тогда въ умахъ людей и въ исторіи. Раньше высшимъ закономъ, изъ котораго вытекалъ весь общественный порядокъ, была религія, но не польза общества. Общественной связью являлась обязанность совершать обряды культа; изъ этой религіозной обязанности для однихъ вытекало право повелѣвать, для другихъ обязанность повиноваться; отсюда же произошли законы правосудія, порядокъ судопроизводства, правила общественныхъ совѣщаній и войны. Гражданскія общины не задавались вопросомъ, полезны ли устраиваемыя ими учрежденія; эти учрежденія создавались потому что такъ требовала религія. Ни общественная польза, ни удобство не были побудительными причинами при ихъ установленій, и если жреческій классъ боролся, защищая ихъ, то не во имя общественной пользы, а во имя священныхъ традицій.

Но въ тотъ періодъ, къ которому мы теперь подходимъ, священная традиція уже не имѣетъ власти, и религія уже больше не управляетъ. Единственнымъ регулирующимъ началомъ, откуда должны съ этого времени всѣ учрежденія черпать свою силу, которое является выше индивидуальной воли и можетъ обязать ее подчиниться себѣ,—является принципъ общественной пользы; древнюю религію замѣняетъ теперь то, что латины называютъ *res publica*, а греки λαόν. Вотъ что опредѣляетъ отнынѣ учрежденія и законы, вотъ къ чему относяться всѣ важныя мѣропріятія гражданской общины. Теперь при обсужденіи дѣлъ въ сенатѣ или въ народныхъ собраніяхъ будетъ ли обсуждаться какой-нибудь законъ или форма правленія: какой-нибудь пунктъ частнаго права или политическое учрежденіе—собраніе не задается болѣе вопросомъ, что предписываетъ религія, но спрашиваетъ себя, чего требуетъ общественная польза.

Солону приписываютъ слова, которыя очень хорошо характеризуютъ новый строй. Нѣкто спросилъ его, думаетъ ли онъ, что далъ своему отечеству наилучшее устройство: „Нѣтъ,—

отвѣтилъ онъ,—но наиболѣе для него подходящее". А такое требованіе—только относительнаго достоинства отъ формы правленія и отъ закона—было фактомъ совершенно новымъ. Древнія формы государственнаго устройства, древнія конституціи, основанныя на правилахъ культа, провозглашали себя непогрѣшимыми и неизмѣнными, въ нихъ была строгость и непреклонность религіи. Солонъ же указалъ своими словами, что на будущее время полическій строй долженъ согласоваться съ потребностями, нравами и интересами людей каждой эпохи. Дѣло было теперь болѣе не въ абсолютной истинѣ, съ этого времени правила управленія должны были стать подвижными и измѣняемыми. Говорятъ, что Солонъ желалъ, чтобы его законы соблюдались самое большее въ теченіе ста лѣтъ.

Требованія общественной пользы не такъ абсолютны, ясны и опредѣленны, какъ требованія религіи; ихъ можно всегда оспаривать, они сначала не замѣчаются. Наиболѣе простой и вѣрный способъ узнать, чего требуетъ общественная польза, представлялся въ томъ, чтобы созвать людей и спросить ихъ, посовѣтоваться съ ними. Такой образъ дѣйствія считался необходимымъ и практиковался почти ежедневно. Въ предшествовавшую эпоху почти вся сущность совѣщательныхъ собраній заключалась въ диспиціяхъ: мнѣніе царя, жреца, священнаго магистрата—было всемогуще; голосовали мало и больше для исполненія формальности, чѣмъ для того, чтобы узнать мнѣніе каждаго. Но съ этихъ поръ каждый вопросъ сталъ подвергаться голосованію, надо было знать мнѣніе всѣхъ для того, чтобы понять, въ чемъ состоятъ общіе интересы. Подача голосовъ сдѣлалась важнымъ факторомъ управленія. Она была источникомъ учрежденій, закономъ права; подача голосовъ рѣшала, что полезно и даже справедливо; она стояла выше магистратовъ, даже выше самихъ законовъ, она была верховной властью гражданской общины.

Образъ правленія измѣнился, такимъ образомъ, по самой своей природѣ; теперь уже его главною обязанностью не являлось точное и правильное выполненіе религіозныхъ обрядовъ, онъ былъ установленъ, главнымъ образомъ, для того, чтобы

поддерживать порядокъ и миръ внутри, достоинство и могущество гражданской общины во-внѣ. То, что стояло нѣкогда на второмъ планѣ, перешло теперь на первый. Политика стала впереди религіи, и управленіе людьми стало дѣломъ человѣческимъ. Вслѣдствіе этого или были созданы новые магистраты, или же старые получили, по меньшей мѣрѣ, новый характеръ. Это можно видѣть, напримѣръ, въ Аѳинахъ и въ Римѣ.

Въ Аѳинахъ, во время владычества аристократіи, архонты были, главнымъ образомъ, жрецами; обязанности судить, управлять, вести войны, сводились къ столь немногому, что могли безъ неудобства быть присоединены къ жречеству. Когда аѳинская гражданская община отказалась отъ старыхъ религіозныхъ пріемовъ и способовъ управленія, то она не уничтожила должности архонта, потому что аѳиняне особенно не любили уничтожать что-либо древнее. Но рядомъ съ архонтами они установили зато другихъ магистратовъ, которые по самому свойству своихъ обязанностей лучше отвѣчали потребностямъ эпохи. То были *стратеги*. Слово это означаетъ полководца, но власть ихъ была не исключительно военная; на ихъ обязанности лежали сношенія съ другими гражданскими общинами, управленіе финансами и все, что касалось порядка и благоустройства въ городѣ.

Можно сказать, что въ рукахъ архонтовъ была религія и все, что къ ней относилось, вмѣстѣ съ отправленіемъ правосудія, въ то время какъ стратеги имѣли политическую власть. Архонты сохранили ту власть, которая была создана въ древніе вѣка и такъ, какъ она тогда понималась; власть же стратеговъ была новая, установленная новыми потребностями. Мало-по-малу у архонтовъ остался только внѣшній видъ власти, вся же она, въ дѣйствительности, перешла къ стратегамъ. Эти новыя должностныя лица не были болѣе жрецами, они исполняли развѣ только самые необходимые обряды во время войны. Управленіе все болѣе и болѣе стремилось отдѣлиться отъ религіи.

Стратеги могли быть избираемы и внѣ класса эвпатридовъ; при томъ испытаніи, которому ихъ подвергали раньше чѣмъ назначить (δοκιμασία), ихъ не спрашивали, какъ спрашивали архонтовъ, есть ли у нихъ домашній культъ, и происходятъ ли они изъ незапятнанной семьи; достаточно было того, чтобы они исполняли всегда свои гражданскія обязанности и имѣли земельную собственность въ Аттикѣ. Архонты назначались по жребію, т.-е. волею самихъ боговъ; иначе было со стратегами. Такъ какъ управленіе становилось все болѣе труднымъ и сложнымъ, и благочестіе не являлось уже главнымъ качествомъ, а требовалась ловкость, осмотрительность, мужество, умѣнье повелѣвать, то и голосъ судьбы не считался болѣе достаточнымъ для того, чтобы создать хорошаго магистрата. Гражданская община не хотѣла болѣе оставаться связанной мнимою волей боговъ, она стремилась къ тому, чтобы имѣть свободный выборъ своихъ вождей. Являлось естественнымъ, чтобы архонтъ, какъ жрецъ, избирался волею боговъ; но стратегъ, въ рукахъ котораго находились матеріальные интересы гражданской общины, долженъ былъ избираться людьми.

Если мы будемъ подробно разсматривать учрежденія Рима, то увидимъ, что и тамъ совершались перемѣны въ томъ же родѣ. Съ одной стороны, плебейскіе трибуны усилили до такой степени свою власть, что управленіе республикой, по крайней мѣрѣ, во всемъ, что касалось внутреннихъ дѣлъ, перешло въ концѣ концовъ въ ихъ руки; сами же трибуны, не облеченные совершенно жреческимъ характеромъ, весьма походили на стратеговъ. Съ другой стороны, и консульство не могло существовать, не измѣнившись по существу; все, что было въ немъ жреческаго, мало-по-малу постепенно исчезло. Правда, уваженіе римлянъ къ священнымъ традиціямъ и формамъ прошедшаго требовало, чтобы консулъ продолжалъ совершать религіозные обряды, установленные предками; но совершенно понятно, что въ тотъ день, когда консулами сдѣлались плебеи, обряды эти обратились въ пустую формальность. Консульская должность становилась все менѣе и менѣе жречествомъ и все болѣе и болѣе властью. Эта перемѣна была медленная, незамѣтная, нечувствительная, но тѣмъ не менѣе она была полная.

Консульство, во времена Сципiоновъ, конечно, не было тѣмъ же, чѣмъ оно было во времена Публиколы. Военные трибуны, которыхъ установилъ сенатъ въ 443 г. и о которыхъ древнiе сообщаютъ намъ слишкомъ мало свѣдѣнiй, были, быть можетъ, переходной ступенью между консульствомъ первой эпохи и консульствомъ послѣдующей.

Можно замѣтить, что произошла также перемѣна и въ самомъ способѣ избранiя консуловъ. Въ первые вѣка подача голосовъ по центурiямъ была, дѣйствительно, какъ мы это видѣли, только простой формальностью. Въ сущности же консулъ каждаго года избирался консуломъ предыдущаго года, передававшимъ ему ауспицiи, испросивъ на то предварительно соизволенiя боговъ. Центурiи голосовали только за двухъ или трехъ кандидатовъ, предложенныхъ имъ консуломъ, находящимся при должности; никакихъ пренiй при этомъ не происходило. Народъ могъ ненавидѣть предложеннаго кандидата, и тѣмъ не менѣе онъ принужденъ былъ подавать за него голоса. Въ ту эпоху, о которой мы говоримъ теперь, избранiе происходило уже совершенно иначе, хотя формы его и оставались еще прежними; какъ и прежде, при началѣ собранiя совершался религiозный обрядъ, и затѣмъ шла подача голосовъ; но религiозная церемонiя теперь только формальность, а сущностью является голосованiе. Кандидатъ долженъ быть еще представленъ предсѣдательствующимъ консуломъ, но этотъ консулъ теперь обязанъ, если не по закону, то въ силу обычая, принимать всѣхъ кандидатовъ и относительно всѣхъ ихъ объявлять, что ауспицiи равно имъ всѣмъ благопрiятны.

Такимъ образомъ, центурiи избираютъ того, кого они хотятъ. Избранiе не принадлежитъ болѣе богамъ, оно въ рукахъ народа. Къ богамъ и ауспицiямъ обращаются только съ тѣмъ условiемъ, что они должны быть безпристрастны относительно всѣхъ кандидатовъ. Избираютъ же люди.

Глава X.

Попытки образованiя аристократiи богатства; установленiе демократiи; четвертый переворотъ.

Государственный строй, который смѣнилъ собою господство религiозной аристократiи, не былъ въ самомъ началѣ демократическимъ. Въ Аѳинахъ и въ Римѣ мы видимъ, напримѣръ, что совершившiйся переворотъ не является дѣломъ самыхъ низшихъ классовъ. Были, правда, нѣкоторые города, гдѣ эти классы возставали, но они не могли основать ничего прочнаго; примѣромъ тому служитъ долгiй перiодъ неустройства, въ который повергнуты были Сиракузы, Милетъ, Самосъ. Новый строй установился прочно только тамъ, гдѣ при самомъ его возникновенiи уже существовали высшiе классы, могущiе взять въ свои руки на нѣкоторое время власть и нравственное влiянiе, ускользнувшiя отъ эвпатридовъ и патрицiевъ.

Какова же могла быть эта новая аристократiя? Наслѣдственная религiя была устранена, и не было другого основанiя для общественнаго различiя, кромѣ богатства. Поэтому отъ богатства потребовалось установленiе сословныхъ различiй,—люди не дошли еще до того понятiя, что равенство должно быть полнымъ и безусловнымъ.

Такъ Солонъ полагалъ, что нельзя иначе заставить забыть различiя, основанныя на наслѣдственной религiи, какъ установивъ новое дѣленiе, основанное на богатствѣ. Онъ раздѣлилъ все населенiе на четыре класса и далъ имъ неравныя права; требовалось быть богатымъ, чтобы достигнуть высшихъ должностей, требовалось принадлежать къ одному изъ среднихъ классовъ, чтобы имѣть доступъ въ сенатъ или къ судебнымъ должностямъ.

То же самое было и въ Римѣ. Мы видѣли, что Сервiю Туллiю удалось уменьшить власть патрицiевъ, только основавъ новую соперничающую аристократiю. Онъ основалъ двѣнадцать центурiй всадниковъ, избравъ ихъ среди наиболѣе богатыхъ

плебеевъ. Это было началомъ сословія всадниковъ, которое стало съ тѣхъ поръ римскимъ богатымъ сословіемъ. Плебеи, не имѣвшіе установленнаго имущественнаго ценза, были раздѣлены на пять классовъ, сообразно размѣрамъ своего состоянія. Пролетаріи находились внѣ всѣхъ классовъ. Они не имѣли политическихъ правъ и если и появлялись въ центуріальныхъ комиціяхъ, то достовѣрно, по крайней мѣрѣ, что они не подавали тамъ голосовъ. Республиканскій строй сохранилъ различія, установленныя царемъ, и плебеи не выказывали въ началѣ никакого желанія установить равенство между своими членами.

То, что мы видимъ такъ ясно въ Римѣ и въ Аѳинахъ, встрѣчается также почти и во всѣхъ другихъ гражданскихъ общинахъ. Въ Кумахъ, напримѣръ, политическія права сперва даны были только тѣмъ, кто, владѣя лошадьми, составлялъ нѣчто вродѣ всадниковъ; потомъ тѣмъ, кто слѣдовалъ за ними по размѣрамъ своего имущества; дарованіе политическихъ правъ этимъ последнимъ увеличило число гражданъ всего на тысячу. Въ Регіумѣ все управленіе находилось долго въ рукахъ тысячи наиболѣе богатыхъ членовъ гражданской общины. Въ Туріяхъ требовался очень высокій цензъ, чтобы войти въ составъ политическаго цѣлаго. Мы ясно видимъ изъ произведеній Ѳеогнида, что въ Мегарѣ послѣ паденія благородныхъ властвовало богатство. Въ Ѳивахъ желавшіе пользоваться правами гражданъ не могли быть ни ремесленниками, ни купцами.

Такимъ образомъ, политическія права, которыя въ предшествующую эпоху были нераздѣльны съ происхожденіемъ, стали на нѣкоторое время нераздѣльны съ богатствомъ. Такая имущественная аристократія образовалась во всѣхъ гражданскихъ общинахъ не вслѣдствіе какого бы то ни было разсчета, но по самой природѣ человѣческаго духа, который по выходѣ изъ строя глубокаго неравенства не могъ сразу перейти къ понятію о полномъ равенствѣ.

Надо замѣтить еще и слѣдующее, что эта аристократія основывала свое первенство не на одномъ только богатствѣ;

всюду она стремилась стать военнымъ классомъ. Берясь управлять гражданскими общинами, она брала въ то же время на себя обязанность и защищать ихъ. Она оставляла за собою лучшій родъ оружія и наибольшую долю опасностей въ битвѣ, желая тѣмъ подражать классу благородныхъ, который она собою замѣнила. Во всѣхъ гражданскихъ общинахъ наиболѣе богатые составляли конницу, достаточные классы образовывали гоплитовъ или легіонеровъ; бѣдные были исключены изъ военной службы, самое большее, что ихъ употребляли какъ застрѣльщиковъ или какъ пелтастовъ, или же гребцами во флотѣ. Военная организація соотвѣтствовала съ величайшей точностью политической организаціи гражданской общины. Опасности были пропорціональны привилегіямъ, и матеріальная сила находилась въ тѣхъ же рукахъ, что и богатство.

Такимъ образомъ, почти во всѣхъ гражданскихъ общинахъ, исторія которыхъ намъ извѣстна, былъ періодъ времени, въ теченіе котораго богатый или, по крайней мѣрѣ, достаточный классъ держалъ въ своихъ рукахъ управленіе. Этотъ политическій строй имѣлъ свои хорошія стороны, какъ можетъ ихъ имѣть всякій строй, когда онъ находится въ согласіи съ нравами и вѣрованіями эпохи.

Жреческая аристократія предыдущей эпохи оказала, безъ сомнѣнія, большія услуги, потому что она-то и установила впервые законы и основала правильное управленіе. Она дала возможность человѣческому обществу жить въ теченіе многихъ поколѣній съ достоинствомъ и спокойно. Имущественная аристократія имѣла за собою другія заслуги: она дала обществу и человѣческому сознанію новый импульсъ; трудъ создалъ ее во всѣхъ ея видахъ, и она уважала его и способствовала его развитію. Созданный ею новый государственный строй давалъ болѣе политическаго значенія тому, кто былъ болѣе трудолюбивъ, болѣе дѣятеленъ, болѣе ловокъ; строй этотъ благопріятствовалъ развитію промышленности и торговли; онъ содѣйствовалъ также и умственному развитію, умственному прогрессу, потому что пріобрѣтеніе богатства, которое наживалось или терялось обыкновенно сообразно способностямъ каждаго, дѣ-

лало образованіе первою потребностью, а духовныя способности—наиболѣе могущественнымъ двигателемъ въ человѣческихъ дѣлахъ. Поэтому неудивительно, что при господствѣ этого строя Грецiя и Римъ расширили границы своей духовной культуры и двинули впередъ свою цивилизацію.

Но богатый классъ не сохранилъ такъ же долго въ своихъ рукахъ власти, какъ сохраняла ее древняя наслѣдственная аристократія. Ихъ права на господство не были одинаково цѣнны. Богатый классъ не имѣлъ въ себѣ того священнаго характера, какимъ были облечены древніе эвпатриды; онъ не господствовалъ въ силу вѣрованій и волею боговъ; въ немъ не было ничего вліяющаго на совѣсть и принуждающаго человѣка подчиниться. Человѣкъ преклоняется только передъ тѣмъ, что онъ считаетъ за право или что, по его понятіямъ, является значительно выше его самого. Онъ могъ долго покоряться верховной религіозной власти эвпатридовъ, которые произносили молитвы и владѣли богами; но богатство не производило на него того же впечатлѣнія. Передъ богатствомъ наиболѣе обычнымъ чувствомъ является зависть, но не уваженіе. Политическое неравенство, какъ результатъ въ различіи имущественнаго положенія, начало очень скоро казаться несправедливостью, и люди стали стараться уничтожить его.

Сверхъ того начавшійся рядъ переворотовъ не могъ уже прекратиться. Старыя начала были разрушены, и не оставалось болѣе ни традицій, ни опредѣленныхъ правилъ. Было общее чувство непрочности всего существующаго, вслѣдствіе чего никакое государственное устройство не могло долго держаться. Новая аристократія подверглась нападенію такъ же, какъ въ свое время старая; бѣдные хотѣли быть гражданами и употребляли всѣ усилія, чтобы проникнуть въ свою очередь въ составъ политическаго цѣлаго.

Невозможно входить во всѣ подробности этой новой борьбы; исторія гражданскихъ общинъ, по мѣрѣ того какъ она удаляется отъ своего начала, становится все болѣе и болѣе разнообразной. Гражданскія общины проходятъ черезъ этотъ рядъ переворотовъ, но перевороты эти являются въ чрезвычайно разнообразныхъ формахъ. Однако, одно замѣчаніе, по крайней мѣрѣ, можно сдѣлать, именно: въ городахъ, гдѣ главнымъ элементомъ богатства являлась земельная собственность, богатый классъ дольше пользовался уваженіемъ и властью, и наоборотъ, въ тѣхъ гражданскихъ общинахъ, гдѣ, какъ, напримѣръ, въ Аѳинахъ, богатыхъ земельныхъ владѣній было мало, гдѣ обогащались главнымъ образомъ промышленностью и торговлей, тамъ непрочность имущественнаго положенія возбудила очень рано алчныя желанія и надежды низшихъ классовъ, и аристократія скоро подверглась нападенію.

Въ Римѣ богатый классъ сопротивлялся гораздо лучше, чѣмъ въ Греціи; мы укажемъ дальше на причины этого. Но читая греческую исторію, замѣчаемъ съ нѣкоторымъ удивленіемъ, насколько новая аристократія защищается слабо. Она не могла, подобно эвпатридамъ, противопоставить своимъ противникамъ великій и могущественный аргументъ священной традиціи и благочестія; она не могла призвать къ себѣ на помощь предковъ и боговъ; у нея не было точки опоры въ ея собственныхъ вѣрованіяхъ; у нея не было вѣры въ законность своихъ привилегій.

У нея была, правда, въ рукахъ военная сила, но и это преимущество въ концѣ концовъ исчезло у нея. Конституціи, созданныя государствами, существовали бы, безъ сомнѣнія, дольше, если бы каждое государство могло жить совершенно обособленно или, по крайней мѣрѣ, въ состояніи вѣчнаго мира. Но война разстраиваетъ государственный порядокъ и ускоряетъ перемѣны. Среди же гражданскихъ общинъ Греціи и Италіи господствовали почти безпрерывныя войны. Военная служба ложилась главной своей тяжестью на богатый классъ, потому что онъ именно занималъ главное мѣсто въ битвахъ; часто онъ возвращался изъ похода, потерпѣвъ громадныя потери, обезсилѣвъ и не будучи вслѣдствіе этого въ состояніи сопротивляться народной партіи. Въ Тарентѣ, напримѣръ, когда высшій классъ потерялъ большую часть своихъ членовъ въ войнѣ противъ япиговъ, демократія тотчасъ же овладѣла гражданской общиной. То же самое случилось и въ Аргосѣ

тридцать лѣтъ раньше: вслѣдствіе несчастной войны со спартанцами количество настоящихъ гражданъ стало такъ мало, что пришлось дать права гражданства множеству *періэковъ*. Чтобы не впасть въ подобную крайность, Спарта и относилась такъ бережно къ жизни истинныхъ спартанцевъ. Что касается Рима, то его постоянныя войны объясняютъ значительную часть его переворотовъ. Войны разрушили сначала его патриціанское сословіе: изъ трехсотъ семей, которыя эта каста насчитывала при царяхъ, осталась едва третья часть послѣ завоеванія Самніума; затѣмъ война скосила первыхъ плебеевъ, тѣхъ богатыхъ и храбрыхъ плебеевъ, которые наполняли пять классовъ и составляли легіоны.

Однимъ изъ послѣдствій войны было то, что гражданскія общины почти всегда принуждены были давать оружіе низшимъ классамъ. Вотъ почему въ Аѳинахъ и во всѣхъ приморскихъ городахъ необходимость во флотѣ и морскія сраженія дали низшему классу то значеніе, въ которомъ ему отказывалъ государственный строй. Теты, возвысившись до званія гребцовъ, матросовъ и даже воиновъ и держа въ своихъ рукахъ спасеніе отечества, почувствовали, что они нужны, и сдѣлались смѣлы. Таково было начало аѳинской демократіи. Спарта боялась войны: можно видѣть у Ѳукидида, съ какой медленностью и неохотой выступаетъ она въ походъ. Помимо воли она была втянута въ пелопонесскую войну и сколько она дѣлала усилій, чтобы отъ нея избавиться! Дѣло въ томъ, что Спарта принуждена была вооружить своихъ ὑπομείονες, своихъ неодамодовъ, мотаковъ, лаконцевъ и даже илотовъ; она знала очень хорошо, что всякая война, давая оружіе въ руки угнетаемымъ классамъ, подвергала ее опасности переворота и что ей придется по возвращеніи войска или подпасть подъ власть своихъ же илотовъ, или найти средство перебить ихъ безъ шума. Плебеи клеветали на римскій сенатъ, упрекая его въ томъ, что онъ ищетъ все новыхъ войнъ. Сенатъ слишкомъ хорошо понималъ обстоятельства, онъ зналъ, что эти войны стоятъ ему уступокъ и потерь на форумѣ. Но онъ не могъ ихъ избѣжать, такъ какъ Римъ былъ окруженъ врагами.

Такимъ образомъ, является внѣ всякаго сомнѣнія тотъ фактъ, что войны мало-по-малу уничтожили разстояніе, которое имущественная аристократія установила между собою и низшими классами; а въ силу этого государственный строй оказался въ скоромъ времени въ полномъ несоотвѣтствіи съ соціальнымъ строемъ и его пришлось измѣнить. Кромѣ того надо признать, что всякія привилегіи находились обязательно въ противорѣчіи съ тѣмъ принципомъ, который управлялъ тогда людьми. Принципъ общественной пользы по самому существу своему не могъ допускать и удерживать долго неравенство: онъ неизбѣжно велъ общества къ демократическому строю.

Это настолько вѣрно, что пришлось повсюду, раньше или позже, дать всѣмъ свободнымъ людямъ политическія права. Какъ только римскіе плебеи захотѣли устроить собственныя комиціи, они должны были допустить туда и пролетаріевъ и не могли уже болѣе провести дѣленіе на классы. Въ большей части гражданскихъ общинъ установились, такимъ образомъ, истинно-народныя собранія и всеобщая подача голосовъ.

А въ то время право голоса имѣло несравненно большее значеніе, чѣмъ оно можетъ имѣть теперь, въ современныхъ государствахъ. Въ силу этого права послѣдній изъ гражданъ принималъ участіе во всѣхъ дѣлахъ: назначалъ должностныхъ лицъ, создавалъ законы, судилъ, рѣшалъ вопросы войны и мира, вырабатывалъ союзные договоры; значитъ, достаточно было только расширенія круга лицъ, имѣющихъ право голоса, чтобы управленіе сдѣлалось истинно-демократическимъ.

Слѣдуетъ сдѣлать еще послѣднее замѣчаніе: быть можетъ удалось бы избѣгнуть воцаренія демократіи, если бы можно было основать то, что Ѳукидидъ называетъ ὀλιγαρχία ἰσόνομος, т.-е. управленіе для немногихъ и свобода для всѣхъ. Но греки не имѣли яснаго представленія о свободѣ; права личности у нихъ никогда не были обезпечены. Мы знаемъ отъ Ѳукидида, котораго нельзя заподозрить въ слишкомъ большомъ пристрастіи къ демократическому строю, что во время владычества олигархіи народъ подвергался многимъ притѣсненіямъ, произ-

волу, неправильнымъ осужденіямъ, жестокимъ наказаніямъ. Мы читаемъ у этого историка, что „потребовался демократическій строй государства для того, чтобы бѣднымъ дать защиту, а на богатыхъ наложить узду".

Греки никогда не умѣли примирить гражданскаго равенства съ политическимъ неравенствомъ. Для того, чтобы бѣдный не терпѣлъ ущерба въ своихъ личныхъ интересахъ, имъ представлялось необходимымъ для него имѣть право голоса, быть судьею въ судахъ и имѣть доступъ къ государственнымъ должностямъ. Если мы припомнимъ кромѣ того, что у грековъ государство представляло собой абсолютную власть, и никакое личное право не могло противустоять этой власти, то мы поймемъ всю громадность того значенія, какое имѣло для каждаго человѣка, даже для самаго незамѣтнаго, обладаніе политическими правами, т.-е. возможность составлять часть правительства, принимать участіе въ управленіи. Верховный коллективъ былъ столь всемогущъ, что человѣкъ могъ представлять изъ себя что-нибудь, лишь будучи частью этого сувереннаго цѣлаго. Политическихъ правъ добивались не для того, чтобы обладать истинной свободой, но чтобы получить по крайней мѣрѣ то, что могло ее замѣнить.

Глава XI.

Правила демократическаго управленія; примѣръ аѳинской демократіи.

По мѣрѣ того, какъ совершались перевороты и общество все больше и больше удалялось отъ древняго строя, управленіе людьми становилось все труднѣе; требовались болѣе подробныя правила, болѣе сложный и чувствительный механизмъ. Мы можемъ это видѣть на примѣрѣ аѳинскаго управленія.

Въ Аѳинахъ насчитывалось очень большое количество должностныхъ лицъ. Во-первыхъ, Аѳины сохранили всѣхъ магистратовъ предшествующей эпохи: архонта, по имени котораго

назывался годъ, и который обязанъ былъ блюсти за непрерывностью домашнихъ культовъ; царя, который совершалъ жертвоприношенія; полемарха, который являлся вождемъ войска и въ то же время судилъ иностранцевъ; шесть тесмотетовъ, которые, повидимому, должны были производить судъ, а въ дѣйствительности только предсѣдательствовали въ судахъ. Въ Аѳинахъ были еще десять ἱεροποιοί, которые вопрошали оракуловъ и совершали нѣкоторыя жертвоприношенія, παράσιτοι, которые сопровождали архонта и царя во время религіозныхъ церемоній; десять атлотетовъ, которые оставались въ должности четыре года для того, чтобы сдѣлать всѣ приготовленія къ празднику въ честь богини Аѳины; наконецъ, пританы, числомъ пятьдесятъ, которые засѣдали непрерывно, чтобы наблюдать за священнымъ огнемъ очага и обязательнымъ совершеніемъ священныхъ обѣдовъ. Изъ этого перечисленія мы видимъ, что Аѳины вѣрно хранили традиціи древнихъ временъ и что рядъ совершившихся переворотовъ не могъ уничтожить этого суевѣрнаго благоговѣнія. Никто не осмѣливался порвать съ древними формами національной религіи; демократія продолжала культъ, установленный эвпатридами.

Затѣмъ слѣдовали должностныя лица, установленныя исключительно для демократіи; они не были жрецами и заботились о матеріальныхъ интересахъ гражданской общины. Это были: во-первыхъ, десять стратеговъ, которые вѣдали военныя и политическія дѣла; затѣмъ десять астиномовъ, которые наблюдали за порядкомъ и благоустройствомъ въ городѣ: десять агораномовъ, надзиравшихъ за рынками въ городѣ и въ Пиреѣ; пятнадцать ситофилаковъ, смотрѣвшихъ за продажею зернового хлѣба; пятнадцать метрономовъ, которые провѣряли вѣсы и мѣры; десять хранителей общественныхъ сокровищъ; десять получателей доходовъ; *„одиннадцать"*, на обязанности которыхъ лежало исполненіе приговоровъ. Прибавьте еще, что большая часть этихъ должностей повторялась въ каждой трибѣ и въ каждомъ домѣ. Самая небольшая группа населенія въ Аттикѣ имѣла своего архонта, своего жреца, своего секретаря, своего сборщика доходовъ и своего военнаго вождя. Нельзя

было сдѣлать почти ни шагу ни въ городѣ, ни внѣ города, чтобы не встрѣтить магистрата.

Должности эти были годичныя, а вслѣдствіе этого не было почти человѣка, который не могъ надѣяться исполнять какую-нибудь изъ нихъ въ свою очередь. Магистраты-жрецы избирались по жребію. Магистраты, исполнявшіе только обязанности общественнаго порядка, избирались народомъ. Но во всякомъ случаѣ принимались предосторожности и противъ прихоти жребія, и противъ прихоти всеобщаго голосованія: каждый вновь избранный долженъ былъ подвергнуться экзамену или передъ сенатомъ, или передъ магистратами, сдающими свою должность, или, наконецъ, передъ ареопагомъ; тутъ у него не требовали доказательствъ ни его способностей, ни таланта, но освѣдомлялись о его честности и о его семьѣ; каждое должностное лицо должно было обязательно имѣть родовую земельную собственность.

Казалось бы, что эти магистраты, избранные голосами своихъ же согражданъ и назначенные всего только на одинъ годъ, отвѣтственные и даже смѣняемые, должны были бы пользоваться весьма ограниченнымъ вліяніемъ и властью. Но достаточно, однако, почитать Өукидида и Ксенофонта, чтобы убѣдиться, насколько ихъ уважали и какъ имъ повиновались. Въ характерѣ древнихъ, даже аѳинянъ, была всегда большая способность къ подчиненію и дисциплинѣ; она была, быть можетъ, слѣдствіемъ той привычки къ повиновенію, которую создало правленіе жречества. Они привыкли уважать государство и всѣхъ тѣхъ, кто въ какой бы то ни было степени являлся его представителемъ. Имъ и въ голову не приходило отнестись съ неуваженіемъ къ магистрату, потому что онъ ими же самими избранъ; народное голосованіе считалось однимъ изъ самыхъ священныхъ источниковъ власти.

Выше магистратовъ, на обязанности которыхъ лежало наблюденіе за исполненіемъ законовъ, стоялъ сенатъ; это было только совѣщательное собраніе, нѣчто вродѣ государственнаго совѣта. Онъ не судилъ, не издавалъ законовъ, не пользовался никакою верховною властью. Составъ его возобновлялся ежегодно, и въ этомъ не находили никакого неудобства, потому что отъ членовъ сената не требовалось ни особенныхъ способностей, ни большой опытности. Сенатъ состоялъ изъ пятидесяти притановъ каждой трибы, которые исполняли по-очереди священныя обязанности и обсуждали въ теченіе всего года политическія и религіозныя дѣла города. Сенаторы избирались по жребію, по всей вѣроятности потому, что сенатъ вначалѣ былъ собраніемъ притановъ, т.-е. избираемыхъ ежегодно жрецовъ общественнаго очага. Справедливость требуетъ замѣтить, что послѣ избранія по жребію каждый подвергался еще испытанію, и если его находили недостаточно почтеннымъ и подходящимъ, то и устраняли.

Но выше даже сената стояло народное собраніе. Это была истинная верховная власть. Но подобно тому, какъ въ правильно устроенныхъ монархіяхъ, монархъ принимаетъ мѣры предосторожности противъ собственнаго каприза и ошибокъ, такъ и демократія имѣла свои неизмѣнныя правила, которымъ она подчинялась.

Собраніе созывалось пританами или стратегами. Оно происходило въ оградѣ, освященной религіей. Уже съ утра жрецы совершали обходъ кругомъ холма Пникса, принося жертвы и призывая покровительство боговъ. Народъ сидѣлъ на каменныхъ скамьяхъ; на возвышеніи вродѣ эстрады помѣщались пританы или проедры, предсѣдатели народнаго собранія. Когда всѣ уже заняли свои мѣста, то одинъ изъ жрецовъ (κήρυξ) возвышалъ голосъ и произносилъ: „Храните молчаніе, молчаніе благоговѣнія (εὐφημία), молите боговъ и богинь (здѣсь онъ называлъ главныя божества страны), чтобы все совершилось какъ можно лучше въ этомъ собраніи для большей пользы Аѳинъ и благоденствія ихъ гражданъ". Затѣмъ народъ или кто-нибудь отъ его имени отвѣчалъ: „Молимъ боговъ, да явятъ они свою милость гражданской общинѣ. Да восторжествуетъ мнѣніе самаго мудраго. Да будетъ проклятъ тотъ, кто сталъ бы давать намъ дурные совѣты, кто захотѣлъ бы измѣнить постановленія и законы или кто открылъ бы наши тайны врагамъ".

Затѣмъ герольдъ, по приказанію предсѣдателя, объявлялъ,

какими вопросами должно заниматься собранiе. То, что представлялось народу, должно было заранѣе быть разсмотрѣно и обсуждено въ сенатѣ. У народа не было того, что называется на современномъ языкѣ иницiативой; сенатъ представлялъ ему готовый проектъ декрета; онъ могъ отвергнуть его или принять, но онъ не могъ обсуждать никакого другого вопроса.

Послѣ того какъ герольдъ прочитывалъ проектъ декрета, открывались пренiя. Герольдъ возглашалъ: „Кто желаетъ имѣть слово?" И ораторы, по старшинству лѣтъ, всходили на трибуну. Говорить имѣлъ право всякiй человѣкъ безъ различiя состоянiя и професciи, но подъ тѣмъ только условiемъ, что онъ долженъ былъ привести доказательство своихъ политическихъ правъ, чистоты своихъ нравовъ, того, что онъ не состоитъ должникомъ государства, женатъ законнымъ бракомъ, владѣетъ земельною собственностью въ Аттикѣ, исполняетъ всѣ свои обязанности по отношенiю къ своимъ родителямъ, участвовалъ во всѣхъ военныхъ походахъ, куда его посылали, и не бросилъ своего щита ни въ одномъ сраженiи.

Послѣ того какъ были приняты эти предосторожности противъ краснорѣчiя, народъ предавался ему затѣмъ всецѣло. Аѳиняне, какъ говоритъ Ѳукидидъ, думали, что слово никогда не можетъ повредить дѣлу. Они чувствовали, наоборотъ, потребность, чтобы все имъ было разъяснено. Политика теперь не была уже болѣе, какъ въ прежнiя времена, дѣломъ священнаго преданiя и вѣры: необходимо было размышлять и взвѣшивать всѣ обстоятельства; пренiя являлись необходимыми, потому что каждый вопросъ являлся болѣе или менѣе темнымъ, и только живая рѣчь могла его освѣтить и выяснить истину. Аѳинскiй народъ желалъ, чтобы ему представили всякое дѣло со всѣхъ сторонъ и чтобы были указаны всѣ доводы за и противъ. Онъ очень дорожилъ своими ораторами; говорятъ, будто онъ награждалъ ихъ деньгами за каждую произнесенную съ трибуны рѣчь. Онъ поступалъ лучше того: онъ слушалъ ихъ. Мы не должны представлять себѣ аѳинскiй народъ, какъ буйную, шумную толпу; онъ держалъ себя совершенно обратно. Комическiй поэтъ изображаетъ его намъ сидящимъ неподвижно съ

разинутымъ ртомъ на своихъ каменныхъ скамьяхъ. Историки и ораторы очень часто описываютъ намъ эти народныя собранiя, и мы почти никогда не видимъ, чтобы оратора прервали: будь то Периклъ или Клеонъ, Эсхинъ или Демосѳенъ—народъ всегда внимателенъ; говорятъ ли ему прiятное или дѣлаютъ упреки—онъ слушаетъ. Съ похвальнымъ терпѣнiемъ позволяетъ онъ высказывать самыя противоположныя мнѣнiя; иногда слышится ропотъ, но никогда нѣтъ крика или рева. Что бы ни говорилъ ораторъ, онъ всегда можетъ закончить свою рѣчь.

Въ Спартѣ краснорѣчiе не было извѣстно, потому что принципы управленiя тамъ были другiе. Тамъ еще управляетъ аристократiя, а она имѣетъ свои опредѣленныя традицiи, которыя освобождаютъ ее отъ долгихъ пренiй за и противъ по поводу всякаго вопроса. Въ Аѳинахъ народъ желаетъ быть освѣдомленъ, онъ рѣшается на что-нибудь только послѣ разностороннихъ пренiй; онъ дѣйствуетъ лишь постольку, поскольку онъ убѣжденъ или считаетъ себя убѣжденнымъ. Чтобы механизмъ всеобщаго голосованiя началъ работать, нужно слово; краснорѣчiе есть пружина демократическаго образа правленiя. Поэтому ораторы очень рано получаютъ названiе *демагоговъ*, т.-е. вожаковъ гражданской общины; дѣйствительно, они заставляютъ ее дѣйствовать и побуждаютъ принимать всѣ ея рѣшенiя.

Былъ предусмотрѣнъ случай, когда ораторъ можетъ внести предложенiе, противное существующимъ законамъ. Аѳины имѣли спецiальныхъ магистратовъ, которыхъ называли блюстителями закона. Въ числѣ семи, они наблюдали за собранiемъ и, сидя на возвышенныхъ сѣдалищахъ, представляли собою, казалось, законъ, который выше даже самого народа. Если они видѣли, что совершается посягательство на законъ, они останавливали оратора даже среди его рѣчи и немедленно распускали собранiе. Народъ расходился, не имѣя права приступить къ голосованiю.

Существовалъ еще законъ, правда мало примѣнимый, который наказывалъ каждаго оратора, уличеннаго въ томъ, что онъ подалъ дурной совѣтъ народу. Существовалъ также законъ, запрещавшiй оратору, который трижды предложилъ

постановленія, противныя существующимъ законамъ, всходить на трибуну.

Аѳины знали очень хорошо, что демократія можетъ держаться только уваженіемъ къ законамъ. Обязанность находить тѣ измѣненія, которыя было бы полезно внести въ законодательство, принадлежала исключительно тесмотетамъ. Ихъ предположенія вносились въ сенатъ, который имѣлъ право отвергнуть ихъ, но ни въ коемъ случаѣ не обратить въ законъ; въ случаѣ же одобренія, сенатъ созывалъ народное собраніе и сообщалъ ему проектъ тесмотетовъ. Но народъ не могъ ничего рѣшать непосредственно; онъ откладывалъ обсужденіе до другого дня, а въ ожиданіи этого назначалъ пять ораторовъ со спеціальной обязанностью защищать старый законъ и указывать на всѣ неудобства предложеннаго нововведенія. Въ назначенный день народъ снова собирался и выслушивалъ сначала ораторовъ, облеченныхъ миссіей защиты стараго закона, затѣмъ тѣхъ, кто поддерживалъ проектъ нового. Выслушавъ пренія, народъ ничего еще не постановлялъ; онъ ограничивался тѣмъ, что назначалъ комиссію, очень многочисленную, но назначенную исключительно изъ людей, которые исполняли обязанности судьи. Эта комиссія пересматривала на-ново все дѣло, выслушивала снова ораторовъ, обсуждала и совѣщалась. Если она отвергала предложенный законъ, то рѣшеніе ея было безапелляціонно; если же она одобряла его, то народъ собирался снова, и въ этотъ третій разъ онъ долженъ былъ уже голосовать; принятый голосованіемъ, проектъ обращался въ законъ.

Но могло случиться, что даже вопреки столькимъ предосторожностямъ могло быть принято неправильное или вредное предложеніе. Но новый законъ носилъ всегда имя своего автора, который и могъ позже подвергнуться преслѣдованію по суду и наказанію. Народъ въ качествѣ истиннаго верховнаго повелителя считался непогрѣшимымъ, но каждый ораторъ всегда оставался отвѣтственнымъ за данный имъ совѣтъ.

Таковы были правила, которымъ повиновалась демократія. Отсюда не слѣдуетъ, однако, заключать, будто она никогда не

ошибалась. Какова бы ни была форма правленія: монархія, аристократія, демократія,—бываютъ дни, когда господствуетъ разумъ, въ другіе же дни управляютъ страсти. Никакой государственный строй не уничтожалъ никогда слабостей и пороковъ человѣческой природы. Чѣмъ подробнѣе выработаны правила, тѣмъ сильнѣе они обличаютъ тотъ фактъ, что управленіе обществомъ трудно и полно опасностей. Демократія могла держаться только силой своей осторожности и благоразумія.

Приходится удивляться тому количеству труда, котораго она требовала отъ человѣка; это было весьма трудолюбивое правленіе. Посмотрите, въ чемъ проходитъ жизнь аѳинянина. Одинъ день его призываютъ въ собраніе его демы, и онъ долженъ обсуждать религіозныя и финансовыя дѣла этой маленькой ассоціаціи; завтра его призываютъ на собраніе трибы, и здѣсь обсуждается вопросъ объ устройствѣ религіознаго празднества, или разсматриваются расходы, или вырабатывается постановленіе, или избираются начальники и судьи; регулярно три раза въ мѣсяцъ онъ долженъ присутствовать на общихъ народныхъ собраніяхъ, онъ не имѣетъ права пропускать ихъ. Собранія же эти длятся очень долго. Онъ является туда не затѣмъ только, чтобы подать свой голосъ: придя съ утра, онъ долженъ оставаться до поздняго часа, выслушивая ораторовъ. Онъ можетъ подавать свой голосъ только въ томъ случаѣ, если присутствовалъ съ самаго открытія собранія и выслушалъ всѣ рѣчи. Голосованіе для него—дѣло очень серьезное; вопросъ идетъ: то объ избраніи политическихъ и военныхъ вождей, т.-е. тѣхъ лицъ, которымъ будутъ ввѣрены на цѣлый годъ его жизнь и его матеріальные интересы; то надо установить налогъ или измѣнить законъ, то онъ долженъ подавать свой голосъ въ вопросѣ о войнѣ, зная очень хорошо, что въ этой войнѣ онъ долженъ будетъ самъ проливать кровь или же послать туда своего сына. Личные интересы связаны неразрывно съ интересами государственными; человѣкъ не можетъ относиться къ нимъ безразлично или легкомысленно. Если онъ ошибется, то знаетъ, что будетъ за это наказанъ и

что при каждомъ голосованіи онъ рискуетъ и своимъ имуществомъ и своею жизнью. Въ тотъ день, когда была рѣшена несчастная экспедиція въ Сицилію, не было ни одного гражданина, который бы не былъ убѣжденъ, что кто-нибудь изъ его близкихъ долженъ будетъ принимать въ ней участіе; не было человѣка, который не сознавалъ бы, что онъ долженъ будетъ приложить всѣ способности своего ума, чтобы взвѣсить, какія выгоды и какія опасности представляетъ подобная война. Было въ высшей степени важно обдумать все серьезно и все уяснить, потому что всякій ущербъ, нанесенный отечеству, былъ для каждаго гражданина уменьшеніемъ его личнаго достоинства, его безопасности, его богатства.

Обязанности гражданина не ограничивались однимъ голосованіемъ; онъ долженъ былъ, когда наступалъ его чередъ, исполнять общественныя должности въ своемъ домѣ или въ своей трибѣ. Черезъ два года въ третій, въ среднемъ, онъ былъ геліастомъ, т.-е. судьей; весь этотъ годъ онъ проводилъ въ судѣ, занятый выслушиваніемъ истцовъ и примѣненіемъ законовъ. Не было гражданина, который не былъ бы дважды въ теченіе своей жизни призванъ въ члены „сената пятисотъ"; тогда ему приходилось засѣдать ежедневно въ теченіе цѣлаго года, ежедневно съ утра до вечера, принимая донесенія магистратовъ, отбирая отъ нихъ отчеты, отвѣчая иностраннымъ посланникамъ, составляя инструкціи для аѳинскихъ посланниковъ, разсматривая всѣ дѣла, которыя должны были представляться на народное собраніе, и подготовляя всѣ постановленія. Мы видимъ, что быть гражданиномъ демократическаго государства было тяжелою обязанностью, что тутъ было чѣмъ заполнить свое существованіе и оставалось очень мало времени для личнаго труда и домашней жизни. Поэтому Аристотель и сказалъ вполнѣ справедливо, что тотъ, кто нуждается въ личномъ трудѣ для своего существованія, не можетъ быть гражданиномъ. Таковы были требованія демократіи. Гражданинъ, подобно чиновнику нашихъ дней, принадлежалъ всецѣло государству: онъ отдавалъ ему свою кровь на войнѣ и все свое время въ дни мира. Онъ не имѣлъ права отложить въ сторону общественныя дѣла, чтобы заняться болѣе старательно своими; онъ долженъ былъ скорѣе пренебречь своими личными дѣлами, чтобы работать на пользу гражданской общины. Люди проводили свою жизнь въ управленіи собой. Демократія могла существовать только при условіи безпрерывнаго труда всѣхъ своихъ гражданъ; но при нѣкоторомъ даже ослабленіи ревностнаго усердія она должна была подвергнуться разложенію и погибнуть.

Глава XII.

Богатые и бѣдные; демократія гибнетъ; народные тираны.

Когда рядъ переворотовъ ввелъ политическое равенство среди людей и не было болѣе мѣста борьбѣ за принципы и за права, то люди стали бороться за свои матеріальные интересы. Этотъ новый переворотъ въ исторіи гражданской общины не всюду начался одновременно. Въ однѣхъ гражданскихъ общинахъ онъ послѣдовалъ очень скоро за установленіемъ демократіи, въ другихъ лишь спустя нѣсколько поколѣній, которыя успѣли управлять собою съ полнымъ спокойствіемъ. Но всѣ гражданскія общины рано или поздно стали жертвой этой печальной борьбы.

По мѣрѣ того какъ общество удалялось отъ древняго строя, формировался постепенно классъ бѣдняковъ. Прежде, когда каждый человѣкъ составлялъ часть рода и имѣлъ своего господина, нищета была почти неизвѣстна; о пропитаніи человѣка долженъ былъ заботиться его господинъ: тотъ, кому человѣкъ повиновался, въ чьемъ распоряженіи онъ былъ, тотъ и долженъ былъ заботиться въ воздаяніе о всѣхъ его нуждахъ. Но перевороты, разрушившіе родъ, измѣнили также и условія жизни людей. И вотъ въ тотъ день, когда кліентъ освободился отъ своей зависимости, онъ увидѣлъ, какъ передъ нимъ встали нужда и трудности существованія. Жизнь сдѣлалась

болѣе независимой, но она требовала большаго труда и была подчинена большему количеству случайностей. Каждый долженъ былъ съ этихъ поръ самъ заботиться о своемъ благосостояніи, у каждаго былъ свой кругъ дѣятельности и свои обязанности. Одинъ вслѣдствіе своей дѣятельности или счастья обогащался, другой оставался бѣднымъ. Имущественное неравенство должно неизбѣжно установиться во всякомъ обществѣ, которое не захочетъ сохранять патріархальный или родовой бытъ.

Демократія не уничтожила бѣдность, она, наоборотъ, сдѣлала ее болѣе ощутительной. Равенство политическихъ правъ заставило выступить еще ярче неравенство имущественнаго положенія.

Такъ какъ не существовало власти, которая бы, стоя одновременно выше и богатыхъ и бѣдныхъ, могла заставить ихъ жить въ мирѣ между собой, то требовалось найти такіе экономическіе принципы и условія труда, чтобы оба класса принуждены были жить въ добромъ согласіи другъ съ другомъ; чтобы богатый не могъ обогащаться иначе, какъ обращаясь къ бѣдному за его трудомъ, и чтобы бѣдный находилъ себѣ средства къ жизни, отдавая свой трудъ богатому. Тогда неравенство имущественнаго положенія возбуждало бы человѣческую дѣятельность, развивало бы его способности и не влекло бы за собою ни общественнаго разложенія, ни гражданской войны.

Но во многихъ гражданскихъ общинахъ отсутствовали абсолютно и промышленность, и торговля: онѣ не имѣли, значитъ, никакихъ источниковъ для увеличенія суммы общественныхъ богатствъ, чтобы удѣлить затѣмъ изъ нихъ часть бѣднымъ, ничего ни у кого не отнимая. Тамъ же, гдѣ существовала торговля, почти всѣ выгоды ея доставались богатымъ вслѣдствіе чрезмѣрно высокой цѣны денегъ. Если же существовала промышленность, то рабочими были по большей части рабы. Извѣстно, что римскіе и аѳинскіе богачи имѣли въ своихъ домахъ мастерскія ткачей, рѣзчиковъ, выдѣлки оружія, и всѣ рабочіе въ этихъ мастерскихъ были рабы. Даже свободныя профессіи и тѣ были по большей части закрыты для

гражданъ. Врачомъ былъ часто рабъ, который лѣчилъ больныхъ въ пользу своего господина; приказчики торговыхъ заведеній, много архитекторовъ, судостроителей, низшихъ государственныхъ чиновниковъ—были рабы. Рабство было бичомъ, отъ котораго страдало само свободное общество. Гражданинъ не находилъ, куда приложить свои силы, не находилъ работы. Недостатокъ занятій развивалъ лѣность; видя, что работаютъ одни только рабы, онъ начиналъ презирать трудъ. Такимъ образомъ, экономическія привычки, нравственныя склонности, предразсудки—все соединилось вмѣстѣ, чтобы помѣшать бѣдному выйти изъ своей нищеты и жить приличнымъ образомъ. Не такъ были поставлены взаимно богатство и бѣдность, чтобы ужиться въ мирѣ другъ съ другомъ.

Бѣдный пользовался равенствомъ политическихъ правъ. Но ежедневныя страданія заставляли его, безусловно, думать, что равенство имущественнаго положенія было бы много предпочтительнѣе; а потому онъ очень скоро замѣтилъ, что равенство, которымъ онъ обладалъ, могло послужить ему для достиженія того, котораго у него еще не было, и что владѣя голосованіемъ, онъ могъ стать также и господиномъ богатствъ.

Онъ началъ съ того, что пожелалъ извлекать средства къ существованію изъ своего права голоса: онъ потребовалъ платы за свое присутствіе въ народныхъ собраніяхъ или за исполненіе обязанностей судьи. Если гражданская община не была достаточно богата, чтобы располагать средствами для подобныхъ расходовъ, то бѣдный находилъ возможность иначе добывать себѣ деньги: онъ продавалъ свой голосъ; а такъ какъ случаи голосованія были очень часты, то онъ и могъ жить. Въ Римѣ подобная торговля производилась правильно и совершенно открыто; въ Аѳинахъ предпочитали скрывать ее; въ Римѣ, гдѣ бѣдные не входили въ составъ суда, они продавали себя какъ свидѣтелей, въ Аѳинахъ—какъ судей. Все это не извлекало бѣдныхъ изъ нищеты, но заставляло ихъ только падать все ниже.

Когда эти средства оказались недостаточными, то бѣдные прибѣгли къ болѣе энергичнымъ дѣйствіямъ: они организовали

правильную войну противъ богатства. Сначала эта война была облечена въ законныя формы; на богатыхъ были возложены всѣ общественные расходы, они были обременены налогами, они должны были строить триремы, отъ нихъ требовали устройства празднествъ для народа. Затѣмъ были увеличены денежные штрафы въ судахъ; за самые незначительные проступки объявлялась конфискація имущества. Можно ли сосчитать, сколько людей были подвергнуты изгнанію только потому, что они были богаты? Имущество изгнаннаго поступало въ общественную сокровищницу, откуда оно потомъ, въ формѣ платы трехъ оболовъ, дѣлилось между бѣдными. Но всего этого было еще недостаточно, такъ какъ количество бѣдняковъ увеличивалось постоянно. Тогда бѣдные начали во многихъ городахъ пользоваться своимъ правомъ голосованія, чтобы постановлять то уничтоженіе долговъ, то массовую конфискацію и всеобщія ниспроверженія.

Въ предыдущую эпоху право собственности уважалось, потому что основаніемъ его было религіозное вѣрованіе. Пока каждое владѣніе было связано съ культомъ и считалось нераздѣльнымъ отъ домашнихъ боговъ семьи, никому и въ голову не приходило, чтобы возможно было лишить человѣка его поля. Но въ эпоху, къ которой привели насъ теперь революціи, эти древнія вѣрованія были уже оставлены, и религія собственности исчезла. Богатство не есть уже болѣе священная и ненарушимая область. Оно не кажется уже болѣе даромъ боговъ, но даромъ случая. Является желаніе овладѣть имъ, отнявъ это богатство у того, кто владѣлъ имъ до сихъ поръ, и это желаніе, которое въ другое время казалось бы нечестіемъ, начинаетъ теперь казаться законнымъ. Нѣтъ болѣе высшаго принципа, который освящалъ бы право собственности; каждый чувствуетъ только собственныя потребности и ими измѣряетъ свое право.

Мы уже говорили, что гражданская община, особенно у грековъ, имѣла безграничную власть, что свобода была неизвѣстна, и личное право было ничто передъ волей государства. Отсюда слѣдовало, что большинство голосовъ могло постановить конфискацію имущества богатыхъ и что греки не видѣли въ этомъ ничего незаконнаго или несправедливаго. То, что требовало государство, то было правомъ. Это отсутствіе индивидуальной свободы было причиной несчастій и неустройствъ въ Греціи. Римъ нѣсколько болѣе чтилъ права человѣка, а потому и пострадалъ меньше.

Плутархъ разсказываетъ, что въ Мегарѣ послѣ одного возстанія было постановлено уничтоженіе всѣхъ долговъ, и заимодавцы, кромѣ потери своего капитала, обязаны были возвратить всѣ уже полученные ими проценты.

„Въ Мегарѣ, какъ и въ другихъ городахъ“, говоритъ Аристотель, „народная партія, захвативъ власть въ свои руки, начала съ того, что объявила конфискацію имущества нѣсколькихъ богатыхъ семей. Но, вступивъ однажды на этотъ путь, она не могла уже остановиться. Каждый день требовалось нѣсколько новыхъ жертвъ, и, наконецъ, количество богатыхъ, у которыхъ отняли все и которыхъ изгнали, стало такъ велико, что они образовали цѣлое войско“.

Въ 412 году „народъ въ Самосѣ умертвилъ двѣсти своихъ противниковъ, изгналъ четыреста другихъ и раздѣлилъ между собою ихъ земли и дома“.

Въ Сиракузахъ, едва освободившись отъ тиранна Діонисія, народъ въ первомъ же собраніи постановилъ раздѣлъ земель.

Въ этомъ періодѣ греческой исторіи, каждый разъ когда происходитъ гражданская война, богатые стоятъ въ одной партіи, а бѣдные въ другой. Бѣдные хотятъ овладѣть богатствомъ, богатые хотятъ его сохранить или взять его обратно. „Во всѣхъ гражданскихъ войнахъ“, говоритъ одинъ греческій историкъ, „дѣло идетъ о перемѣщеніи богатствъ“. Каждый демагогъ поступалъ такъ же, какъ и Мольпагоръ Хіосскій, который отдалъ въ руки массы состоятельныхъ людей, однихъ перебилъ, другихъ изгналъ и раздѣлилъ ихъ имущество между бѣдными. Въ Мессенѣ, какъ только народная партія одержала верхъ, она изгнала богатыхъ и раздѣлила между собою ихъ земли.

Высшіе классы въ древности никогда не имѣли ни до-

статочно ума, ни ловкости, чтобы направить бѣдные классы къ труду и помочь имъ, такимъ образомъ, выйти честно изъ нищеты и паденья. Были личности, которыя пытались сдѣлать это, но онѣ не имѣли успѣха. Въ результатѣ получилось такое положеніе вещей, что гражданскія общины вѣчно колебались между двумя переворотами: одинъ лишалъ всего богатыхъ, другой возвращалъ имъ обладаніе ихъ имуществомъ. Это продолжалось отъ пелопонесской войны вплоть до завоеванія Греціи римлянами.

Въ каждой гражданской общинѣ богатый и бѣдный были двумя врагами, которые жили рядомъ другъ съ другомъ, причемъ одинъ алчно и съ завистью смотрѣлъ на богатство другого, а тотъ видѣлъ эту алчность къ своему достоянію. Между ними не было никакихъ сношеній, никакихъ взаимныхъ услугъ, никакой общей работы, ничего, что бы ихъ соединяло. Бѣдный не могъ пріобрѣсти богатства иначе, какъ отнявъ его у богатаго, богатый могъ защищать свое имущество только особою ловкостью или силой. Они смотрѣли другъ на друга съ ненавистью. Въ каждомъ городѣ были какъ бы двѣ партіи заговорщиковъ: бѣдные составляли заговоръ изъ алчности, богатые изъ страха. Аристотель говоритъ, что богатые произносили между собою слѣдующую клятву: „Клянусь быть всегда врагомъ народа и сдѣлать ему столько зла, сколько буду въ силахъ".

Невозможно рѣшить, которая изъ двухъ партій сдѣлала больше преступленій и жестокостей. Ненависть другъ къ другу уничтожила въ сердцѣ всѣ человѣческія чувства. „Въ Милетѣ произошла война между богатыми и бѣдными. Сначала одержали верхъ бѣдные и принудили богатыхъ бѣжать изъ города. Но затѣмъ, сожалѣя, что они не могли ихъ всѣхъ перерѣзать, они захватили ихъ дѣтей, собрали въ сараяхъ и нагнали туда быковъ, чтобы тѣ растоптали ихъ ногами. Но богатые возвратились въ городъ и снова овладѣли властью; тогда они въ свою очередь взяли дѣтей бѣдныхъ, обмазали ихъ смолою и сожгли живыми".

Что же дѣлала въ то время демократія? Она, въ сущности, не могла отвѣчать за всѣ эти насилія и злодѣйства, но она первая же страдала отъ нихъ. Не было болѣе законовъ; а демократія могла существовать только среди наиболѣе строгаго и точно опредѣленнаго соблюденія законовъ. Не было больше истиннаго управленія, были только партіи у власти. Магистраты пользовались теперь своею властью не для созданія мира и спокойствія, но въ пользу интересовъ и жадныхъ стремленій какой-нибудь партіи. Начальствованіе не имѣло болѣе ни законныхъ правъ, ни священнаго характера, въ повиновеніи не было болѣе ничего добровольнаго; всегда подчиняясь только силѣ, люди стремились въ свою очередь отомстить угнетателямъ. Гражданская община была, по словамъ Платона, лишь собраніемъ людей, среди которыхъ одна партія властвовала, а другая была рабою. Правленіе называлось аристократическимъ, когда богатые стояли у власти, и демократическимъ, когда властью овладѣвали бѣдные. Но въ дѣйствительности истинной демократіи не существовало болѣе.

Демократія была искажена и измѣнена съ того самаго дня, какъ въ нее вторглись матеріальные интересы и нужды. Демократія съ богатыми у власти сдѣлалась жестокой олигархіей, съ бѣдными у власти—она стала тираніей. Отъ пятаго и до второго вѣка до нашей эры мы видимъ во всѣхъ гражданскихъ общинахъ Греціи и Италіи, пока за исключеніемъ Рима, что республиканскія формы правленія находятся въ опасности, что онѣ сдѣлались ненавистны одной части народа. И мы можемъ легко различить и тѣхъ, кто желаетъ разрушить эти формы, и тѣхъ, кто желаетъ ихъ сохранить.

Богатые, болѣе просвѣщенные, болѣе гордые, остались вѣрны республиканскому строю, въ то время какъ бѣдные, для которыхъ политическія права имѣли меньше цѣны, охотно избирали себѣ главою тирана. Когда, послѣ многихъ гражданскихъ войнъ, бѣдный классъ увидалъ, что его побѣды не привели ни къ чему, что противная партія всегда снова возвращается къ власти, и что, послѣ длиннаго ряда взаимныхъ конфискацій и обратнаго возстановленія въ правахъ, борьбу приходится постоянно начинать сызнова, бѣдный классъ при-

шелъ къ мысли установить монархическій строй, болѣе согласный съ его интересами, тотъ строй, который, подавивъ навсегда аристократическую партію, обезпечилъ бы на будущее время бѣдному классу пользованіе выгодами его побѣды. Ради этой цѣли демократическая партія и создала тирановъ.

Начиная съ этого времени, партіи мѣняютъ свои названія: нѣтъ болѣе аристократовъ или демократовъ, партіи борятся за свободу или за тиранію. Подъ этими двумя названіями все еще боролись между собою богатство и бѣдность. Свободой назывался такой строй, при которомъ власть находилась въ рукахъ богатыхъ, защищавшихъ свое положеніе, тираніей называлось совершенно противоположное.

Фактъ общій и почти не имѣющій исключенія въ исторіи Греціи и Италіи, что тираны выходятъ изъ народной партіи, и врагомъ ихъ является аристократія. „Единственнымъ назначеніемъ тирана", говоритъ Аристотель, „является покровительство народу противъ богатыхъ; онъ всегда начинаетъ тѣмъ, что является демагогомъ, и тиранія по самой своей сущности борется съ аристократіей".—„Средствомъ для достиженія тираніи", говоритъ онъ еще, „является пріобрѣтеніе довѣрія толпы; а довѣріе это можно пріобрѣсти, объявивъ себя врагомъ богатыхъ. Такъ поступали Пизистратъ въ Аѳинахъ, Ѳеагенъ въ Мегарѣ, Діонисій въ Сиракузахъ".

Тиранъ ведетъ постоянную борьбу съ богатыми. Въ Мегарѣ Ѳеагенъ захватилъ внезапно стада богатыхъ и всѣ ихъ перерѣзалъ. Въ Кумахъ Аристодемъ уничтожаетъ долги и отнимаетъ у богатыхъ земли затѣмъ, чтобы отдать ихъ бѣднымъ. Также поступаетъ Никоклесъ въ Сикіонѣ и Аристомахъ въ Аргосѣ. Всѣхъ этихъ тирановъ писатели изображаютъ намъ крайне жестокими; но едва ли вѣроятно, чтобы они были всѣ таковы по природѣ; они были жестокими подъ давленіемъ крайней необходимости—раздавать постоянно бѣднымъ земли или деньги. Они могли удерживать власть въ своихъ рукахъ только до тѣхъ поръ, пока удовлетворяли жадности толпы и питали ея страсти.

Ничто въ настоящее время не можетъ дать намъ понятія

о томъ, что такое была личность тирана греческой гражданской общины. Это былъ человѣкъ, живущій среди своихъ подданныхъ, безо всякихъ посредниковъ и безъ министровъ управляющій ими своей непосредственной властью. У него не было того высокаго и независимаго положенія, какимъ пользуются властители большихъ государствъ. Въ немъ были всѣ мелкія страсти частнаго человѣка; онъ готовъ извлечь себѣ выгоду изъ конфискаціи; онъ доступенъ гнѣву и чувству личной мести; онъ всегда боится; онъ знаетъ, что тутъ совсѣмъ близко около него враги и что общественное мнѣніе одобряетъ убійство, когда жертвою его является тиранъ. Можно себѣ представить, каково должно быть правленіе подобнаго человѣка. За исключеніемъ двухъ или трехъ достойныхъ уваженія личностей, всѣ тираны, достигавшіе власти во всѣхъ греческихъ городахъ въ четвертомъ и третьемъ вѣкѣ, царили, только льстя самымъ низменнымъ инстинктамъ толпы и насильственно истребляя все, что возвышалось надъ общимъ уровнемъ какимъ бы то ни было образомъ, своимъ ли происхожденіемъ, богатствомъ или заслугами. Власть ихъ была безгранична; греки могли тутъ убѣдиться, какъ легко переходитъ въ деспотизмъ республиканскій образъ правленія, если только онъ не признаетъ уваженія къ правамъ личности. Древніе дали такую власть государству, что въ тотъ день, когда эту власть захватилъ въ свои руки тиранъ, у населенія не оказалось никакой гарантіи противъ него, и онъ сдѣлался законнымъ властителемъ жизни и имущества всѣхъ гражданъ.

Глава XIII.

Перевороты въ Спартѣ.

Не слѣдуетъ думать, чтобы Спарта, просуществовавъ десять вѣковъ, не пережила ни одного переворота. Ѳукидидъ, наоборотъ, говоритъ намъ, что „она страдала отъ раздоровъ

больше, чѣмъ какая-нибудь другая греческая гражданская община". Правда, исторія этихъ внутреннихъ распрей намъ мало извѣстна, но это потому, что правительство Спарты держалось того обыкновенія и правила, чтобы окружать себя глубочайшей тайной. Большая часть волновавшихъ ее смутъ были скрыты и забылись, но мы все-таки знаемъ достаточно и имѣемъ возможность сказать, что если исторія Спарты и отличалась во многомъ отъ исторіи другихъ городовъ, то она, тѣмъ не менѣе, пережила тотъ же рядъ переворотовъ.

Дорійцы были уже сложившимся народомъ, когда они вторглись въ Пелопонесъ. Какія причины заставили ихъ уйти со своей родины? Было ли то нашествіе чуждаго народа или внутренняя революція? Мы этого не знаемъ. Представляется достовѣрнымъ одно лишь, что въ этотъ періодъ жизни дорійскаго народа родовой строй уже исчезъ. Мы не видимъ у него болѣе древней семейной организаціи, мы не встрѣчаемъ ни слѣдовъ патріархальнаго быта, ни остатковъ религіозной знати, благородныхъ, ни наслѣдственной клиентелы. Мы видимъ только воиновъ, совершенно равныхъ между собою, подъ властью царя. Такимъ образомъ, вполнѣ вѣроятно, что первый соціальный переворотъ уже совершился или въ Доридѣ, или на пути, приведшемъ этотъ народъ въ Спарту. Если мы сравнимъ дорійское общество девятаго вѣка съ обществомъ іонійскимъ той же эпохи, то увидимъ, что первое стоитъ значительно впереди второго въ ряду совершившихся перемѣнъ. Іонійское племя вступило позже на путь переворотовъ, но оно прошло его гораздо быстрѣе.

Если у дорійцевъ ко времени ихъ прибытія въ Спарту уже не существовало родового строя, то все же они еще не могли отрѣшиться отъ него вполнѣ, и у нихъ сохранились нѣкоторыя учрежденія этого строя, напр., нераздѣльность и неотчуждаемость родового имущества. Эти учрежденія не замедлили создать въ спартанскомъ обществѣ аристократію.

Всѣ преданія говорятъ намъ, что въ ту эпоху, когда появился Ликургъ, въ средѣ спартанцевъ было два класса, и эти два класса боролись между собою. Царская власть естественно стремилась взять сторону низшихъ классовъ. Ликургъ, который не былъ царемъ, „сталъ во главѣ лучшихъ", принудилъ царя произнести клятву, уменьшавшую его власть, установилъ олигархическій сенатъ и сдѣлалъ, наконецъ, то, что, по выраженію Аристотеля, тиранія была замѣнена аристократіей.

Краснорѣчивыя разсужденія нѣкоторыхъ древнихъ и многихъ новѣйшихъ писателей о мудрости спартанскихъ учрежденій, о неизмѣнномъ счастьи, которымъ пользовались граждане подъ ихъ сѣнью, о равенствѣ, объ общинной жизни— все это не должно вводить насъ въ заблужденіе. Изъ всѣхъ городовъ, существовавшихъ на землѣ, Спарта была, быть можетъ, единственнымъ, гдѣ аристократія царствовала самымъ суровымъ образомъ и гдѣ менѣе всего знали равенство. Нечего говорить о равномъ раздѣлѣ земель; если подобное равенство и было когда-либо установлено, то вполнѣ достовѣрно, что оно не удержалось, потому что, во времена Аристотеля, „одни владѣли большими помѣстьями, а у другихъ не было ничего или почти-что ничего; во всей Лаконіи едва насчитывалась тысяча собственниковъ".

Оставимъ въ сторонѣ илотовъ и лаконцевъ и будемъ разсматривать только спартанское общество: мы видимъ тутъ цѣлую іерархію классовъ, помѣщенныхъ другъ надъ другомъ. Тутъ, во-первыхъ, неодамоды, повидимому, древніе освобожденные рабы; затѣмъ эпевнакты, которые принимались въ войско для пополненія убыли, произведенной войною среди спартанцевъ; нѣсколько выше ихъ стояли мотаки, которые походили въ значительной степени на домашнихъ клиентовъ, жили въ домѣ господина, сопровождали его всюду, раздѣляли его занятія, труды, празднества и сражались рядомъ съ нимъ. Затѣмъ слѣдовалъ классъ незаконнорожденныхъ, νόθοι, которые происходили отъ настоящихъ спартанцевъ, но религіей и закономъ были удалены отъ нихъ; затѣмъ еще одинъ классъ, который назывался классомъ низшихъ, ὑπομείονες; быть можетъ, это были младшіе и лишенные наслѣдства члены семей. Наконецъ, выше всѣхъ ихъ поднимался классъ аристократи-

ческій; онъ состоялъ изъ людей, называвшихся *„равными“*, ὅμοιοι. Эти люди были, дѣйствительно, равны между собою, но они стояли значительно выше всѣхъ прочихъ. Намъ неизвѣстно число членовъ этого класса; мы знаемъ только, что оно было очень ограниченно. Однажды одинъ изъ ихъ противниковъ сосчиталъ ихъ на общественной площади и нашелъ только шестьдесятъ человѣкъ среди толпы въ четыре тысячи Эти *„равные“* одни только принимали участіе въ управленіи гражданской общиной. „Быть внѣ этого класса“, говоритъ Ксенофонтъ, „это значитъ быть внѣ политическаго тѣла“. Демосѳенъ говоритъ, что человѣкъ, входящій въ составъ класса *„равныхъ“*, въ силу одного этого становится „однимъ изъ хозяевъ управленія“. „Ихъ называютъ *„равными“*, говоритъ онъ, „потому что равенство должно царить между чинами олигархіи“.

Эти *„равные“* одни пользовались полными правами гражданъ; они одни составляли въ Спартѣ то, что называлось народомъ, т.-е. политическое тѣло. Изъ этого класса назначалось по выбору двадцать восемь сенаторовъ. Войти въ сенатъ называлось на офиціальномъ языкѣ Спарты получить *награду за добродѣтель*. Мы не знаемъ, какого рода заслуги, происхожденіе, богатство требовались для того, чтобы составить эту *добродѣтель*. Вполнѣ очевидно, что одного происхожденія было недостаточно, потому что дѣлалось нѣчто вродѣ подобія выборовъ; можно думать, что богатство имѣло очень большое значеніе въ городѣ, „который въ высшей степени любилъ деньги и гдѣ все было дозволено богатымъ“.

Какъ бы тамъ ни было, но эти пожизненные несмѣняемые сенаторы пользовались очень большою властью; недаромъ Демосѳенъ говоритъ, что въ тотъ день, когда человѣкъ входитъ въ сенатъ, онъ становится владыкою толпы. Сенатъ этотъ, въ которомъ цари являлись лишь простыми его членами, управлялъ государствомъ тѣми обычными способами и средствами, какими всегда управляло аристократическое сословіе: ежегодно избирались магистраты; выборъ ихъ зависѣлъ косвенно отъ аристократіи; они управляли народомъ отъ ея имени и

съ неограниченною властью. Мы видимъ, что Спарта имѣла республиканскій образъ правленія, у нея были всѣ внѣшніе признаки демократіи: цари-жрецы, ежегодно избираемые магистраты, сенатъ, обсуждающій дѣла, и народное собраніе. Но весь этотъ народъ состоялъ всего лишь изъ двухсотъ или трехсотъ человѣкъ.

Таково было со времени Ликурга, а особенно со времени учрежденія должности эфоровъ правленіе въ Спартѣ. Аристократія, состоящая изъ нѣсколькихъ богачей, давила желѣзнымъ ярмомъ илотовъ, лаконцевъ и даже большую часть спартанцевъ. Съ помощью своей ловкости, энергіи, не стѣсняясь въ средствахъ, мало заботясь о правилахъ морали, она сумѣла сохранить свою власть въ теченіе пяти вѣковъ; но она возбудила страшную ненависть къ себѣ, и ей пришлось подавлять большое количество возстаній.

Намъ нечего говорить здѣсь о заговорѣ илотовъ. Хотя далеко не всѣ заговоры спартанцевъ намъ извѣстны, правительство дѣйствовало слишкомъ ловко, и, подавляя возмущенія, оно старалось заглушить даже самыя воспоминанія о нихъ; но, тѣмъ не менѣе, нѣкоторыхъ заговоровъ исторія забыть не могла. Извѣстно, что колоны, основавшіе Тарентъ, были спартанцами, желавшими ниспровергнуть правительство. Нескромность поэта Тиртея открыла Греціи, что во время мессенскихъ войнъ образовалась тайная партія, желавшая добиться раздѣла земель.

Спарту спасала только та крайняя разрозненность, которую она сумѣла внести въ отношенія низшихъ классовъ между собою: илоты враждовали съ лаконцами, мотаки презирали неодамодовъ, никакой союзъ не былъ возможенъ между ними, и аристократія, благодаря своему военному воспитанію и тѣсной связи между своими членами, была всегда достаточно сильна, чтобы сопротивляться каждому изъ этихъ враждебныхъ классовъ.

Цари пытались сдѣлать то, чего не могъ осуществить ни одинъ изъ классовъ; и всѣ стремившіеся выйти изъ зависимаго положенія, въ которомъ ихъ держала аристократія,

искали поддержки себѣ у низшихъ классовъ. Во время персидской войны Павзаній задумалъ усилить царскую власть и одновременно съ тѣмъ поднять низшій классъ, ниспровергнувъ олигархію. Спартанцы умертвили его, обвинивъ въ томъ, что онъ будто бы завелъ сношенія съ персидскимъ царемъ: но истиннымъ его преступленіемъ, быть можетъ, было желаніе освободить илотовъ.

Можно сосчитать, какъ велико въ исторіи количество царей, изгнанныхъ эфорами, и не трудно догадаться о причинахъ такихъ приговоровъ. Аристотель прямо говоритъ: „Спартанскіе цари, чтобы имѣть возможность сопротивляться сенату и эфорамъ, дѣлались демагогами“.

Въ 397 году заговоръ едва не уничтожилъ правленіе олигархіи. Нѣкто Кинадонъ, не принадлежавшій къ классу *„равныхъ“*, явился главою этого заговора. Когда онъ желалъ привлечь кого-нибудь въ свою партію, то велъ его на общественную площадь и заставлялъ пересчитывать всѣхъ гражданъ, считая въ этомъ числѣ царей, эфоровъ, сенаторовъ. Ихъ было всѣхъ около семидесяти. Тогда Кинадонъ говорилъ своему спутнику: „Эти люди наши враги, всѣ же другіе, всѣ тѣ, кто наполняетъ эту площадь, свыше четырехъ тысячъ человѣкъ—все это наши союзники“. И затѣмъ добавлялъ: „Если ты встрѣтишь внѣ города спартанца, смотри на него, какъ на врага и господина, всѣ же остальные люди—наши друзья“. Илоты, лаконцы, неодамоды, ὑπομείονες,—всѣ они были на этотъ разъ союзниками между собою и сообщниками Кинадона: „Потому что всѣ“, говоритъ историкъ, „чувствовали такую ненависть къ своимъ господамъ, что среди нихъ не было ни одного, который не признался бы, что готовъ проглотить ихъ съ удовольствіемъ живьемъ“. Но спартанское правительство замѣчательно было устроено; для него не существовало тайнъ. Эфоры объявили, что внутренности жертвенныхъ животныхъ открыли имъ заговоръ; заговорщиковъ схватили и всѣхъ умертвили тайно. Олигархія была спасена еще разъ!

Благодаря такого рода правительству, неравенство постоянно возрастало. Пелопонесская война и походы въ Азію привлекли потокъ денегъ въ Спарту, но деньги эти распредѣлялись весьма неравномѣрно и обогащали лишь тѣхъ, кто былъ и безъ того богатъ. Одновременно съ этимъ мелкая собственность совершенно исчезаетъ. Количество земельныхъ собственниковъ, которое еще во времена Аристотеля равнялось тысячѣ, сократилось черезъ одно столѣтіе до сотни. Въ рукахъ нѣскольких владѣльцевъ находилась рѣшительно вся земля, и это въ то время, когда не существовало ни промышленности, ни торговли, могущихъ дать заработокъ бѣдному классу, и когда, кромѣ того, богачи обрабатывали всѣ свои огромныя владѣнія при помощи рабскаго труда. Съ одной стороны, было, такимъ образомъ, небольшое число людей, которые обладали всѣмъ, съ другой же стороны—массы народа, не имѣвшія рѣшительно ничего. Плутархъ рисуетъ намъ въ жизнеописаніяхъ Агиса и Клеомена картину спартанскаго общества; мы видимъ тамъ безумную страсть къ богатству, которая все себѣ подчиняетъ; затѣмъ среди однихъ господствуетъ роскошь, изнѣженность, стремленіе увеличивать безконечно свое состояніе, а внѣ этого круга жалкая толпа бѣдняковъ, лишенная всякихъ средствъ къ существованію, безъ политическихъ правъ, безъ малѣйшаго значенія въ гражданской общинѣ, завистливая, полная ненависти, обреченная всѣмъ соціальнымъ строемъ на стремленіе къ перевороту.

Когда олигархія довела, такимъ образомъ, порядокъ вещей до послѣднихъ предѣловъ возможнаго, то обязательно долженъ былъ совершиться переворотъ, и демократія, которую такъ долго держали въ тискахъ, должна была прорвать плотину. Легко представить себѣ, что, послѣ такого долгаго гнета, демократія не могла остановиться на однѣхъ только политическихъ реформахъ; она должна была приступить прежде всего къ реформамъ соціальнымъ.

Небольшое число природныхъ спартанцевъ (ихъ было не болѣе семисотъ человѣкъ, включая сюда всѣ ихъ различные классы) и упадокъ нравовъ, какъ слѣдствіе долгаго угнетенія, были причиною того, что первый сигналъ къ перемѣнамъ

былъ данъ не низшими классами. Онъ данъ былъ царемъ. Агисъ пытался совершить этотъ неизбѣжный переворотъ законными средствами, что еще болѣе увеличило трудности его задачи. Онъ представилъ въ сенатъ, т.-е. тому же самому богатому классу, два проекта: законъ объ уничтоженіи долговъ и затѣмъ раздѣленіе земель. Не надо слишкомъ удивляться тому, что сенатъ не отвергъ этихъ предложеній; Агисъ, быть можетъ, принялъ заранѣе свои мѣры къ тому, чтобы его предложенія были приняты. Но, хотя законы и были приняты, оставалось еще привести ихъ въ исполненіе, реформы же такого рода настолько трудно выполнимы, что наиболѣе смѣлые люди терпятъ тутъ неудачи. Остановленный сопротивленіемъ эфоровъ, Агисъ принужденъ былъ сойти съ этого легальнаго пути; онъ низложилъ эфоровъ и назначилъ другихъ своею собственною властью; затѣмъ онъ вооружилъ своихъ сторонниковъ и установилъ въ теченіе года господство террора. За это время ему удалось провести законъ о долгахъ и сжечь всѣ долговыя обязательства на общественной площади. Но онъ не успѣлъ произвести раздѣла земель. Неизвѣстно, сталъ ли Агисъ колебаться въ этомъ пунктѣ, испугавшись собственнаго предпріятія, или же олигархія распространяла противъ него ловко обвиненія, но только извѣстно, что народъ во всякомъ случаѣ отступилъ отъ него и тѣмъ обрекъ его на гибель. Онъ былъ убитъ эфорами, и аристократическій образъ правленія былъ снова возстановленъ.

Клеоменъ взялся осуществить проектъ Агиса, но онъ сталъ дѣйствовать болѣе ловко и менѣе стѣснялся средствами. Клеоменъ началъ съ того, что перебилъ эфоровъ и смѣло отмѣнилъ эти должности, которыя были ненавистны и царямъ, и народной партіи, а затѣмъ изгналъ богатыхъ. Вслѣдъ за этимъ государственнымъ переворотомъ онъ совершилъ переворотъ другого рода, а именно: объявилъ раздѣлъ земель и даровалъ права гражданства четыремъ тысячамъ лаконцевъ. Весьма замѣчательно, что ни Агисъ, ни Клеоменъ не признавали, что они совершаютъ революцію, и оба, ссылаясь на древняго законодателя Ликурга, утверждали, что они возвращаютъ Спарту къ древнимъ обычаямъ. Но государственное устройство Клеомена было безусловно очень далеко отъ нихъ. Царь былъ неограниченнымъ владыкой, и никакая власть не являлась ему противовѣсомъ; онъ царствовалъ на подобіе тѣхъ тирановъ, которые господствовали тогда въ большинствѣ греческихъ городовъ; а спартанскій народъ, удовлетворившись полученіемъ земель, безпокоился, казалось, очень мало о своихъ политическихъ правахъ. Но такое положеніе дѣлъ продолжалось недолго. Клеоменъ хотѣлъ распространить владычество демократіи на весь Пелопонесъ, гдѣ какъ разъ въ это самое время Аратъ пытался установить господство свободы и мудрой аристократіи. Во всѣхъ городахъ народная партія заволновалась, и волненія эти были соединены съ именемъ Клеомена; всюду народъ надѣялся получить, какъ и въ Спартѣ, уничтоженіе долговъ и раздѣлъ земель. Вотъ это неожиданное возстаніе низшихъ классовъ и заставило Арата измѣнить всѣ свои планы; онъ полагалъ, что можетъ разсчитывать на Македонію. Македонскій царь Антигонъ Досонъ проводилъ въ то время повсюду политику уничтоженія тирановъ и народной партіи. Аратъ призвалъ его въ Пелопонесъ. Антигонъ и ахейцы побѣдили Клеомена при Селазіи. Спартанская демократія была побѣждена еще разъ, и македонцы возстановили въ Спартѣ прежній государственный строй (въ 222 г. до Р. X.).

Но олигархія уже не могла болѣе держаться; начались долгія смуты: однажды три эфора, стоявшіе на сторонѣ народной партіи, убили своихъ двухъ товарищей; въ слѣдующемъ году всѣ эфоры принадлежали къ партіи олигархической; тогда народъ взялся за оружіе и умертвилъ ихъ всѣхъ. Олигархія не хотѣла имѣть царей, народъ же обязательно хотѣлъ ихъ имѣть. Царь былъ избранъ и на этотъ разъ не изъ членовъ царскаго рода, чего никогда еще не случалось въ Спартѣ. Этотъ царь, по имени Ликургъ, былъ дважды свергнутъ съ престола: въ первый разъ народомъ, потому что онъ

отказалъ въ раздѣлѣ земель, и во второй разъ аристократiей, потому что она подозрѣвала его въ желанiи устроить этотъ раздѣлъ. Неизвѣстно, чѣмъ онъ окончилъ; но послѣ него мы видимъ тирана Маханида: доказательство того, что народная партiя одержала верхъ.

Филопеменъ, который во главѣ Ахейскаго союза велъ всюду войну съ демократическими тиранами, побѣдилъ и убилъ Маханида. Спартанская демократiя избрала тотчасъ же другого тирана Набида. Онъ далъ права гражданства всѣмъ свободнымъ жителямъ Спарты и возвысилъ лаконцевъ до званiя спартанцевъ; онъ пошелъ еще далѣе и освободилъ илотовъ. По обыкновенiю всѣхъ тирановъ греческихъ городовъ онъ сдѣлался вождемъ бѣдныхъ противъ богатыхъ; „онъ изгонялъ или умерщвлялъ тѣхъ, кого богатство ставило выше другихъ гражданъ".

Эта новая демократическая Спарта не лишена была величiя; Набидъ ввелъ въ Лаконiи порядокъ, котораго она уже давно не видала; онъ подчинилъ Спартѣ Мессенiю, часть Аркадiи и Элиду и овладѣлъ Аргосомъ. Набидъ построилъ флотъ, что совсѣмъ не согласовалось съ древними традицiями спартанской аристократiи; при помощи этого флота онъ утвердилъ свое господство на всѣхъ островахъ, окружающихъ Пелопонесъ, и простеръ свое влiянiе до самаго Крита. Всюду онъ поднималъ демократiю; овладѣвъ Аргосомъ, онъ первымъ дѣломъ конфисковалъ имущество богатыхъ, уничтожилъ долги и произвелъ раздѣлъ земель. У Полибiя мы можемъ видѣть, какую ненависть чувствовалъ ахейскiй союзъ къ этому демократическому тирану. Союзъ склонилъ Фламинина объявить ему отъ имени Рима войну. Десять тысячъ лаконцевъ, не считая наемниковъ, взялись за оружiе, чтобы защищать Набида. Потерпѣвъ пораженiе, онъ хотѣлъ заключить миръ, но народъ воспротивился этому; настолько дѣло тирана было дѣломъ всей демократiи! Побѣдивъ Набида, Фламининъ лишилъ его части его прежней силы, но оставилъ царствовать въ Лаконiи, или потому, что слишкомъ ужъ очевидна была

невозможность возстановить тамъ древнiй образъ правленiя, или же для Рима являлось выгоднымъ оставить нѣкоторыхъ тирановъ какъ противовѣсъ Ахейскому союзу. Набидъ погибъ впослѣдствiи отъ руки одного этолянина, но его смерть не возстановила олигархiю; тѣ перемѣны, которыя онъ ввелъ въ соцiальномъ строѣ, удержались и послѣ него, и даже самый Римъ отказался вернуть Спарту снова въ ея прежнее положенiе.

КНИГА ПЯТАЯ.

Муниципальный порядокъ исчезаетъ.

Глава I.

Новыя вѣрованія; философія измѣняетъ правила политики.

Изъ предыдущаго мы видѣли, какъ сложился у древнихъ муниципальный строй. Очень древняя религія основала сначала семью, потомъ гражданскую общину; она установила сначала домашнее право и управленіе рода, потомъ гражданскіе законы и муниципальное управленіе. Государство было тѣсно связано съ религіей, оно происходило изъ нея и сливалось съ нею. Вотъ почему въ первобытной гражданской общинѣ всѣ политическія учрежденія были въ то же время и учрежденіями религіозными: праздники были церемоніями культа, законы—священными формулами, цари и магистраты—жрецами. Поэтому также и личная, индивидуальная свобода была неизвѣстна; даже свою совѣсть человѣкъ не могъ освободить отъ всевластія гражданской общины. Поэтому также государство было ограничено предѣлами одного города и никогда не могло переступить границу, начертанную ему вначалѣ его національною религіей, его богами. Каждая гражданская община обладала не только полной политической независимостью, но у нея былъ также свой культъ и свои законы. Религія, право, управленіе—все было муниципальное. Гражданская община была единствен-

ною живой силой; ничего выше ея, ничего ниже ея; ни національнаго единства, ни личной свободы.

Намъ остается теперь сообщить, какъ исчезъ этотъ строй, т.-е. какимъ образомъ, послѣ того какъ измѣнились принципы человѣческой ассоціаціи, управленіе, религія, право сбросили съ себя тотъ муниципальный характеръ, который былъ у нихъ въ древности.

Двѣ главныя причины повліяли на паденіе политическаго строя, созданнаго Греціей и Италіей. Одна принадлежала къ порядку явленій нравственныхъ и интеллектуальныхъ, другая относилась къ разряду матеріальныхъ фактовъ; первая есть измѣненіе въ вѣрованіяхъ, вторая—римское завоеваніе. Оба эти великія событія принадлежатъ одной и той же эпохѣ, оба они развились и совершились одновременно, въ періодъ пяти вѣковъ, предшествовавшихъ христіанской эрѣ.

Первобытная религія, символомъ которой былъ неподвижный камень очага и могила предковъ, религія, которая установила древнюю семью, а затѣмъ организовала гражданскую общину, эта религія съ теченіемъ времени измѣнилась и устарѣла. Человѣческій духъ росъ въ своей силѣ и создавалъ себѣ новыя вѣрованія. Появилось представленіе о не-матеріальной природѣ, яснѣе опредѣлилось понятіе о человѣческой душѣ, и почти одновременно съ этимъ въ ушахъ людей возникло понятіе о божественномъ разумѣ.

Что же должны были тогда начать думать о божествахъ первыхъ временъ, объ этихъ мертвецахъ, живущихъ въ своихъ могилахъ, о богахъ Ларахъ, которые были прежде людьми, о священныхъ предкахъ, которыхъ надо было постоянно питать приношеніями различныхъ яствъ. Вѣра такого рода стала теперь невозможна, такія понятія и вѣрованія оказались ниже уровня человѣческаго разума. Правда, подобные предразсудки, при всей ихъ грубости, все-таки не легко было вырвать изъ сознанія толпы; они еще долго царили тамъ; но начиная съ пятаго вѣка до нашей эры, мыслящіе люди стали освобождаться отъ такихъ заблужденій. Они иначе уже понимали фактъ смерти: одни вѣрили въ полное уничтоженіе, другіе во вто-

ричное существованіе, но всецѣло духовное, въ мірѣ душъ; во всякомъ случаѣ ни тѣ, ни другіе не допускали болѣе, чтобы умершіе продолжали жить въ могилахъ, питаясь приношеніями. Далѣе, понятіе о божествѣ становилось слишкомъ высокимъ для того, чтобы возможно было далѣе вѣрить въ божественность умершихъ. Теперь, наоборотъ, представляли себѣ, что человѣческая душа послѣ смерти или идетъ въ Елисейскія поля за наградой, или же подвергается наказанію за содѣянное при жизни; и вслѣдствіе замѣтнаго прогресса теперь обоготворяли только тѣхъ людей, которыхъ благодарность или лесть ставили выше всего человѣчества.

Понятіе о божественномъ преобразовывалось мало-по-малу, естественно, въ силу возрастающаго могущества ума. То понятіе, которое человѣкъ прилагалъ вначалѣ къ невидимой силѣ, которую онъ чувствовалъ въ самомъ себѣ, онъ перенесъ теперь на силы несравненно болѣе могущественныя, которыя онъ видѣлъ въ природѣ, пока не приблизилось то время, когда онъ смогъ подняться до созданія идеи о высшемъ существѣ, находящемся внѣ и выше всей природы. Тогда боги Лары и герои лишились поклоненія всѣхъ мыслящихъ людей.

Что касается очага, который имѣлъ смыслъ, повидимому, лишь постольку, поскольку онъ былъ связанъ съ культомъ мертвыхъ, то и онъ потерялъ свое обаяніе. Въ домахъ продолжали имѣть домашній очагъ, ему продолжали поклоняться, молиться, совершать возліянія; но это былъ только культъ по привычкѣ, совершенно лишенный живой вѣры.

Такъ же незамѣтно, какъ исчезла вѣра въ домашній очагъ, исчезла и вѣра въ очагъ городовъ или пританей. Люди болѣе не знали, какое значеніе имѣетъ этотъ очагъ; они позабыли, что вѣчно живой огонь пританея представляетъ собою невидимую жизнь предковъ, основателей, національныхъ героевъ. Огонь продолжали поддерживать по-прежнему, продолжали совершать священныя трапезы, пѣть древніе гимны, но все это были уже пустыя, лишенныя внутренняго смысла церемоніи, отъ которыхъ не хватало смѣлости отречься, но смысла которыхъ никто уже не понималъ.

Измѣнили свой характеръ даже божества внѣшней природы, присоединенныя къ очагу. Являясь первоначально божествами домашними и затѣмъ сдѣлавшись божествами гражданской общины, они подверглись еще дальнѣйшему измѣненію: люди замѣтили, наконецъ, что различныя существа, которыхъ они называли именемъ Юпитера, могли быть просто однимъ и тѣмъ же существомъ; то же самое и по отношенію къ другимъ богамъ. Человѣческій умъ былъ загроможденъ множествомъ божествъ и чувствовалъ потребность уменьшить ихъ количество. Поняли, что боги не являлись каждый порознь собственностью семьи или города, но что они принадлежали всему человѣческому роду и простирали свое попеченіе на всю вселенную. Поэты ходили изъ города въ городъ и обучали вмѣсто древнихъ религіозныхъ гимновъ гражданской общины новымъ пѣснямъ, гдѣ не говорилось болѣе ни о богахъ Ларахъ, ни о городскихъ божествахъ—поліадахъ, но гдѣ разсказывались легенды о великихъ богахъ земли и неба; и греческій народъ забывалъ свои древніе домашніе и національные гимны для этой новой поэзіи, которая не родилась уже изъ нѣдръ религіи, но была дочерью искусства и свободной фантазіи. Одновременно съ этимъ нѣкоторыя большія святилища, какъ Дельфы и Делосъ, привлекали людей и заставляли ихъ забывать мѣстные культы. Мистеріи и содержавшееся въ нихъ ученіе пріучили людей относиться съ пренебреженіемъ къ мелкой и безсодержательной религіи гражданской общины.

Такимъ образомъ, медленно и незамѣтно совершился умственный переворотъ. Сами жрецы не оказывали ему никакого сопротивленія, потому что, пока продолжали совершаться установленныя жертвоприношенія въ опредѣленные дни, до тѣхъ поръ имъ казалось, что древняя религія невредима; понятія могли мѣняться, могла погибнуть вѣра, лишь бы на обряды не было сдѣлано ни малѣйшаго посягательства. Случилось, однако, что безъ всякаго измѣненія внѣшнихъ формъ вѣрованія совершенно преобразовались, и домашняя и муниципальная религія потеряла всю свою власть надъ умами.

Затѣмъ появилась философія, и она ниспровергла всѣ пра-

вила древней политики. Невозможно было коснуться человѣческихъ мнѣній, не затрагивая въ то же время и основныхъ принциповъ ихъ управленія. Пиѳагоръ, имѣя нѣкоторое смутное представленіе о Высочайшемъ Существѣ, относился съ презрѣніемъ къ мѣстнымъ культамъ, и этого было достаточно, чтобы онъ отвергъ старинные способы управленія и попытался основать новое общество.

Анаксагоръ постигъ Бога—Разумъ, царящій надъ всѣми людьми и надъ всѣми существами. Отвергнувъ древнія вѣрованія, онъ отвергъ также и древнюю политику. Такъ какъ онъ не вѣрилъ въ боговъ пританея, то онъ и не исполнялъ болѣе всѣхъ своихъ обязанностей гражданина, онъ уклонялся отъ народныхъ собраній и не желалъ быть магистратомъ. Его ученіе несло въ себѣ посягательство на гражданскую общину, и аѳиняне изрекли надъ нимъ смертный приговоръ.

Затѣмъ явились софисты, которые оказали болѣе вліянія, чѣмъ Пиѳагоръ и Анаксагоръ, эти два великіе ума. Софисты горячо стремились побороть старинныя заблужденія; въ борьбѣ, которую они начали противъ всего, что стремилось поддерживать прошлое, они не щадили ни учрежденій гражданской общины, ни религіозныхъ предразсудковъ. Они смѣло разбирали и обсуждали законы, которыми управлялось еще государство и семья. Они ходили изъ города въ городъ, распространяя ученіе о новыхъ принципахъ; это не была проповѣдь безразличнаго отношенія къ справедливому и несправедливому, это было ученіе о новой справедливости, не такой узкой, не такой исключительной, какъ была древняя, но болѣе человѣчной, болѣе разумной и отрѣшенной отъ формулъ прошедшихъ вѣковъ. Это было смѣлое предпріятіе; оно подняло бурю ненависти и злобы. Софистовъ обвинили въ томъ, что у нихъ нѣтъ ни религіи, ни нравственности, ни патріотизма. Правда, у нихъ не было точно установленнаго ученія относительно всѣхъ этихъ вопросовъ и они считали достаточнымъ со своей стороны борьбу съ предразсудками. Они привели въ движеніе, какъ говоритъ Платонъ, то, что до тѣхъ поръ было неподвижно. Софисты заявили, что основаніе религіознаго чувства и политики находится въ человѣческомъ сознаніи, а не въ обычаяхъ предковъ или неизмѣнныхъ преданіяхъ; они учили грековъ, что для управленія государствомъ не достаточно ссылаться на древніе обычаи и священные законы, но что надо убѣждать людей и дѣйствовать на ихъ свободную волю. Знаніе древнихъ обычаевъ они замѣнили искусствомъ разсуждать и говорить, діалектикой и реторикой. На сторонѣ ихъ противниковъ были традиціи, на ихъ же сторонѣ—краснорѣчіе и умъ.

Разъ только была пробуждена такимъ образомъ способность размышлять, человѣкъ не хотѣлъ уже болѣе вѣрить, не отдавая себѣ отчета въ своихъ вѣрованіяхъ, онъ не хотѣлъ болѣе подчиняться управленію, не размышляя, не обсуждая своихъ учрежденій. Онъ усомнился въ справедливости прежнихъ соціальныхъ законовъ, и передъ нимъ предстали иные принципы. Платонъ влагаетъ въ уста одного изъ софистовъ слѣдующія прекрасныя слова: „Вы всѣ, собравшіеся здѣсь, я смотрю на васъ, какъ на родныхъ между собой; природа за отсутствіемъ закона сдѣлала васъ согражданами. Но законъ, этотъ тиранъ человѣка, насилуетъ природу во многихъ случаяхъ“. Противопоставить, такимъ образомъ, природу закону и обычаямъ, это значитъ напасть на самое основаніе древней политики. Напрасно аѳиняне изгнали Протагора и сожгли его сочиненія; ударъ былъ нанесенъ, и результаты ученія софистовъ были громадны. Авторитетъ учрежденій исчезъ вмѣстѣ съ исчезновеніемъ авторитета національныхъ боговъ; въ домахъ и на общественныхъ площадяхъ установилась привычка обсуждать все свободно.

Сократъ, не одобряя той крайности, въ какую впадали софисты въ своемъ скептицизмѣ, принадлежалъ, тѣмъ не менѣе, къ ихъ школѣ. Какъ и они, онъ отвергалъ власть преданія и считалъ, что правила поведенія должны быть начертаны въ человѣческомъ сознаніи. Онъ отличался отъ нихъ только тѣмъ, что изучалъ это сознаніе благоговѣйно и съ твердымъ желаніемъ найти въ немъ обязательство быть справедливымъ и дѣлать добро. Онъ ставилъ правду выше обычая, справедливость выше закона; онъ освобождалъ нравственность отъ ре-

лигіи. До него долгъ понимали только какъ постановленіе древнихъ боговъ; онъ показалъ, что начало чувства долга лежитъ въ душѣ человѣка, и всѣмъ этимъ, хотѣлъ ли онъ того или нѣтъ, онъ боролся, велъ войну съ культами гражданской общины. Напрасно заботился онъ о томъ, чтобы присутствовать на всѣхъ праздникахъ и принимать участіе въ жертвоприношеніяхъ, его вѣрованія и его слова опровергали его поступки. Онъ основалъ новую религію, которая была противоположностью религіи гражданской общины. Его справедливо обвиняли въ томъ, что онъ „не чтилъ боговъ, которыхъ чтило государство". Его осудили на смерть за оскорбленіе обычаевъ и вѣрованій предковъ или, какъ тогда выражались, за развращеніе современнаго ему поколѣнія. Непопулярность Сократа и ожесточенная злоба его согражданъ объяснимы, если мы подумаемъ о религіозныхъ обычаяхъ аѳинянъ, объ этомъ обществѣ, гдѣ было столько жрецовъ и гдѣ они были такъ могущественны. Но переворотъ, который начали софисты и который Сократъ продолжалъ въ болѣе умѣренномъ духѣ, не могъ быть остановленъ смертью одного старика. Греческое общество со дня на день все болѣе освобождалось отъ власти древнихъ вѣрованій и древнихъ учрежденій.

Послѣ Сократа философы начали обуждать уже свободно принципы и правила человѣческой ассоціаціи. Платонъ, Критонъ, Антисѳенъ, Спевсиппъ, Аристотель, Теофрастъ и многіе другіе писали трактаты о политикѣ; начались исканія и изслѣдованія; человѣческому уму предстали великія задачи организаціи государства, власти и повиновенія, обязанностей и правъ.

Мысль, безъ сомнѣнія, не легко освободилась отъ узъ привычки. Платонъ въ нѣкоторыхъ вопросахъ былъ еще подъ властью древнихъ идей. Государство, которое онъ себѣ представлялъ, все еще есть древняя гражданская община; оно очень небольшихъ размѣровъ и не должно содержать въ себѣ болѣе пяти тысячъ членовъ; управленіе въ немъ основывается еще на древнихъ принципахъ; свобода тамъ неизвѣстна; цѣль, которую ставитъ себѣ тамъ законодатель, заключается не столько въ совершенствованіи и развитіи человѣка, сколько

въ безопасности и величіи ассоціаціи. Семья тамъ почти уничтожена для того, чтобы она не могла явиться соперницею гражданской общинѣ. Государство является единственнымъ собственникомъ, оно одно свободно, оно одно имѣетъ волю, одно имѣетъ религію и вѣрованія, и каждый, кто думаетъ не такъ, какъ думаетъ государство, долженъ погибнуть. Тѣмъ не менѣе среди всего этого проглядываютъ и новыя идеи. Платонъ провозглашаетъ, подобно Сократу и софистамъ, что правила морали и политики находятся внутри насъ; что преданіе—ничто; что обращаться надо къ разуму и что законы справедливы лишь постольку, поскольку они сообразны съ природою человѣка.

У Аристотеля эти идеи еще опредѣленнѣе. „Законы", говоритъ онъ, „это—разумъ!" Онъ учитъ, что надо искать не того, что согласно съ обычаями отцовъ, но того, что хорошо само по себѣ. Онъ прибавляетъ, что, по мѣрѣ того какъ время идетъ впередъ, надо измѣнять и учрежденія. Онъ устраняетъ почтеніе къ предкамъ: „Наши первые предки", говоритъ онъ, „были ль они рождены изъ лона земли, пережили ль они какой-нибудь потопъ—походили, по всей вѣроятности, на то, что есть теперь самаго грубаго и невѣжественнаго; и было бы очевидной нелѣпостью держаться мнѣнія подобныхъ людей". Аристотель, какъ и всѣ философы, безусловно не признавалъ религіознаго происхожденія человѣческаго общества; онъ не говорилъ о пританеѣ; онъ не зналъ даже, что мѣстные культы были основаны государствомъ. „Государство", говоритъ онъ, „не что иное, какъ ассоціація равныхъ между собою существъ, ищущихъ сообща счастливаго и легкаго существованія". Такимъ образомъ философія отвергаетъ древній принципъ общежитія и ищетъ новыхъ основаній, на которыхъ бы она могла основать соціальные законы и идею отечества.

Школа циниковъ идетъ дальше. Она отрицаетъ самое отечество. Діогенъ хвалился тѣмъ, что онъ нигдѣ не владѣетъ правами гражданина, а Кратесъ говорилъ, что его отечество это—презрѣніе къ мнѣніямъ другихъ. Циники провозгласили совершенно новую для того времени истину, что человѣкъ

естъ гражданинъ вселенной, и что отечество не есть узкіе пре-
дѣлы одного города. Они считали муниципальный патріотизмъ
предразсудкомъ и любовь къ гражданской общинѣ исключали
изъ числа чувствъ. Вслѣдствіе ли отвращенія или презрѣнія,
но только философы удалялись все болѣе и болѣе отъ участія
въ общественныхъ дѣлахъ. Сократъ исполнялъ еще свои обя-
занности гражданина, Платонъ пытался работать на пользу
государства, внося преобразованія. Аристотель, болѣе инди-
ферентный, ограничивался ролью наблюдателя и сдѣлалъ го-
сударство предметомъ научныхъ изслѣдованій. Эпикуръ совсѣмъ
оставилъ въ сторонѣ общественныя дѣла. „Не вмѣшивайтесь
въ нихъ“, говорилъ Эпикуръ, „если только какая-нибудь высшая
власть васъ къ тому не принудитъ“. Циники не хотѣли быть
даже гражданами.

Стоики возвратились къ занятіямъ политикой. Зенонъ,
Клеанѳъ, Хризиппъ писали многочисленные трактаты объ упра-
вленіи государствомъ. Но ихъ принципы были очень далеки
отъ древней муниципальной политики. Вотъ въ какихъ выра-
женіяхъ древній писатель разъясняетъ намъ ученіе, которое
они проводили въ своихъ произведеніяхъ: „Зенонъ въ своемъ
трактатѣ объ управленіи задался цѣлью показать намъ, что
мы не являемся жителями такого-то дема или такого-то го-
рода, отдѣленными другъ отъ друга особымъ правомъ и исклю-
чительными законами, но что мы должны смотрѣть на всѣхъ
людей, какъ на согражданъ, какъ будто бы мы всѣ принадле-
жимъ къ одному дему, къ одной гражданской общинѣ“. Изъ
сказаннаго мы видимъ, какъ далеко впередъ ушли идеи отъ вре-
менъ Сократа и до Зенона. Сократъ считалъ себя еще обязан-
нымъ, насколько онъ могъ, чтить боговъ государства. Платонъ
не постигалъ еще другой формы правленія кромѣ гражданской
общины. Зенонъ выходитъ изъ этихъ узкихъ рамокъ человѣ-
ческой ассоціаціи. Онъ не признаетъ дѣленій, которыя уста-
новила религія древнихъ вѣковъ; а такъ какъ у него есть
представленіе о Богѣ вселенной, то у него есть также
представленіе и о государствѣ, въ которое могъ бы войти
весь человѣческій родъ.

Но вотъ еще болѣе новый принципъ: стоицизмъ, расши-
ряя человѣческую ассоціацію, освобождаетъ индивидуальную
личность. Отвергая религію гражданской общины, онъ отвер-
гаетъ въ то же время и рабство гражданъ. Онъ не хочетъ
болѣе, чтобы человѣческая личность приносилась въ жертву
государству. Онъ различаетъ и отдѣляетъ совершенно опредѣ-
ленно то, что должно оставаться свободнымъ въ человѣкѣ;
онъ освобождаетъ по крайней мѣрѣ совѣсть. Стоицизмъ гово-
рилъ человѣку, что онъ долженъ замкнуться въ себѣ и въ
себѣ самомъ найти долгъ, добродѣтель и награду за нихъ;
онъ не запрещалъ ему заниматься общественными дѣлами, онъ
даже совѣтовалъ ему это, но предупреждалъ въ то же время,
что предметомъ его главныхъ усилій должно быть личное
совершенствованіе, и что каково бы ни было государственное
управленіе, совѣсть его должна оставаться независимой. Это—
великій принципъ, котораго никогда не знала древняя граж-
данская община, но который долженъ былъ со-временемъ стать
однимъ изъ самыхъ священныхъ правилъ политики.

Тогда начинаютъ понимать, что существуютъ еще иныя
обязательства, кромѣ обязательствъ къ государству, другія
добродѣтели, кромѣ гражданскихъ. Душа человѣка привязалась
къ другимъ предметамъ помимо отечества. Древняя граждан-
ская община была настолько могущественна и такъ тира-
нична, что человѣкъ сдѣлалъ ее цѣлью всѣхъ своихъ трудовъ
и всѣхъ своихъ добродѣтелей; она была закономъ добраго и
прекраснаго, и только ради нея существовалъ героизмъ. Но
вотъ Зенонъ учитъ человѣка, что есть достоинство не только
гражданина, но и человѣка; что кромѣ обязанностей по отно-
шенію къ закону есть еще обязанности по отношенію къ себѣ
самому, и что высшая заслуга заключается не въ томъ, чтобы
жить и умереть за государство, но въ томъ, чтобы быть
добродѣтельнымъ и угоднымъ божеству.

Добродѣтели эти нѣсколько эгоистичны, онѣ допустили
пасть національную свободу и независимость, но онѣ же воз-
высили индивидуальную личность. Общественныя добродѣтели
исчезаютъ все болѣе и болѣе, но зато личныя добродѣтели

развиваются и появляются въ человѣческомъ обществѣ. Имъ приходилось вначалѣ бороться то противъ общей испорченности нравовъ, то противъ деспотизма. Но мало-по-малу онѣ укоренились въ человѣкѣ и съ теченіемъ времени стали такой могущественной силой, съ которой должно было считаться всякое правительство; правила политики должны были тоже измѣниться, для того, чтобы эти новыя правила морали могли найти себѣ мѣсто.

Такимъ образомъ мало-по-малу измѣнились вѣрованія; муниципальная религія, основа гражданской общины, угасла; муниципальный строй, такой, какимъ его понимали древніе, долженъ былъ пасть вмѣстѣ съ ней. Люди незамѣтно отрѣшились отъ этихъ суровыхъ правилъ и узкихъ формъ управленія. Болѣе высокія идеи побуждали создавать болѣе обширныя общества. Людей влекло къ единенію; таково было общее стремленіе двухъ вѣковъ, предшествовавшихъ христіанской эрѣ. Правда, плоды, приносимые подобнымъ духовнымъ переворотомъ, зрѣютъ очень медленно; но мы увидимъ, изучая римское завоеваніе, что событія развивались въ томъ же направленіи, какъ и идеи, что у нихъ была та же тенденція къ разрушенію древняго муниципальнаго строя и что они подготовляли новые способы управленія.

Глава II.

Римское завоеваніе.

На первый взглядъ кажется страннымъ, что среди тысячи гражданскихъ общинъ Греціи и Италіи нашлась одна, которая оказалась способною подчинить себѣ всѣ другія. Это великое событіе объяснимо тѣмъ не менѣе обыкновенными причинами, опредѣляющими ходъ человѣческихъ дѣлъ. Мудрость Рима заключалась, какъ и всякая мудрость, въ томъ, чтобы умѣть пользоваться тѣми благопріятными обстоятельствами, которыя встрѣчались.

Въ дѣлѣ римскаго завоеванія можно различить два періода: одинъ совпадаетъ съ тѣмъ временемъ, когда старинный муниципальный духъ былъ еще очень силенъ; въ это именно время Римъ долженъ былъ преодолѣть наибольшее количество препятствій. Второй періодъ относится къ тому времени, когда муниципальный духъ уже значительно ослабѣлъ, завоеваніе сдѣлалось тогда болѣе легкимъ и завершилось очень быстро.

1. Нѣсколько словъ о происхожденіи и населеніи Рима.

Происхожденіе Рима и составъ его населенія достойны замѣчанія. Они объясняютъ особенный характеръ его политики и ту исключительную роль, которая ему досталась съ самаго начала среди другихъ гражданскихъ общинъ.

Римское населеніе было крайне смѣшанное. Главнымъ основаніемъ его были латины, уроженцы Альбы; но сами эти альбанцы, судя по преданію, которое мы не имѣемъ никакого основанія отрицать, состояли изъ двухъ соединившихся, но не слившихся народностей: одна была раса коренная, настоящіе латины, а другая—чужеземнаго происхожденія. Про послѣднюю преданіе говоритъ, что ее составляли выходцы изъ Трои вмѣстѣ съ Энеемъ, жрецомъ-основателемъ; она была, по всей видимости, немногочисленна, но значительна своимъ культомъ и тѣми учрежденіями, которыя она принесла съ собою.

Эти альбанцы, смѣсь двухъ расъ, основали Римъ въ томъ мѣстѣ, гдѣ уже возвышался другой городъ—Палланціумъ, основанный греками. Населеніе Палланціума продолжало существовать въ новомъ городѣ, и въ немъ сохранились обряды греческаго культа. На томъ мѣстѣ, гдѣ позже возвышался Капитолій, существовалъ тоже городъ подъ названіемъ Сатурнія, про который разсказывали, что онъ былъ основанъ тоже греками.

Такимъ образомъ въ Римѣ соединились и смѣшались всѣ расы: тамъ были латины, троянцы, греки; въ скоромъ времени

должны были прибавиться еще сабины и этруски. Обратите вниманіе на различные холмы: Палатинъ—латинскій городъ, прежде онъ былъ городомъ Эвандра; Капитолій, бывшій прежде жилищемъ спутниковъ Геркулеса, потомъ становится жилищемъ сабинянъ Тація. Квириналъ получаетъ свое названіе отъ сабинскихъ квиритовъ или отъ сабинскаго бога Квирина. Холмъ Целійскій, кажется, съ самаго начала былъ населенъ этрусками. Римъ представляется не однимъ городомъ, онъ является какъ бы федераціей нѣсколькихъ городовъ, изъ которыхъ каждый по своему происхожденію принадлежитъ къ иной федераціи. Римъ былъ центромъ, гдѣ встрѣчались латины, этруски, сабины и греки.

Первымъ римскимъ царемъ былъ латинъ; вторымъ, по преданію, сабинянинъ; пятый, какъ говорятъ, былъ сынъ грека; шестой былъ родомъ этрускъ.

Языкъ Рима состоялъ изъ самыхъ различныхъ элементовъ, но преобладалъ латинскій; было также много корней сабинскихъ, а греческихъ корней въ немъ встрѣчается болѣе, чѣмъ въ какомъ-либо другомъ изъ нарѣчій средней Италіи. Что касается самаго названія города, то было неизвѣстно, какому языку оно принадлежитъ. По мнѣнію однихъ, Римъ—слово троянское, по мнѣнію другихъ—оно греческое; есть основаніе считать его латинскимъ, но нѣкоторые древніе думали, что оно этрусское.

Имена римскихъ семей свидѣтельствовали также о большомъ разнообразіи ихъ происхожденія. Еще во времена Августа было около пятидесяти семей, которыя, восходя въ ряду своихъ предковъ, доходили до спутниковъ Энея. Другіе считали себя потомками выходцевъ изъ Аркадіи, ушедшихъ вмѣстѣ съ Эвандромъ, и члены этихъ семей съ незапамятныхъ временъ носили на своей обуви особый отличительный знакъ: маленькій серебряный полумѣсяцъ. Семьи Потиціевъ и Пинаріевъ происходили отъ лицъ, считавшихся спутниками Геркулеса, и происхожденіе ихъ доказывается наслѣдственнымъ культомъ этого бога. Тулліи, Квинкціи, Сервиліи пришли изъ Альбы послѣ завоеванія этого города. Многія семьи присоединяли къ своимъ именамъ еще прозвища, указывающія на ихъ иноземное происхожденіе; такимъ образомъ были Сульпиціи Камерины, Коминіи Аврунки, Сициніи Сабины, Клавдіи Регилленсы, Аквиліи Туски. Семья Навціевъ была троянскаго происхожденія; Авреліи были сабины; Цециліи были родомъ изъ Пренеста; Октавіи происходили изъ Велитръ.

Слѣдствіемъ этого смѣшенія самыхъ различныхъ народностей было то, что Римъ по своему происхожденію былъ связанъ узами родства со всѣми извѣстными ему народами. Онъ могъ назвать себя латинскимъ съ латинами, сабинскимъ съ сабинами, этрусскимъ съ этрусками и греческимъ съ греками.

Его національный культъ былъ тоже соединеніемъ нѣсколькихъ безконечно различныхъ культовъ, изъ которыхъ каждый соединялъ его съ какимъ-нибудь народомъ. Въ Римѣ были греческіе культы Эвандра и Геркулеса; онъ съ гордостью говорилъ о томъ, что владѣетъ троянскимъ палладіумомъ. Его собственные пенаты находились въ латинскомъ городѣ Лавиніумѣ. Онъ съ самаго начала принялъ сабинскій культъ бога Конса. Другой сабинскій богъ Квиринъ укоренился въ немъ такъ прочно, что римляне присоединили его къ своему основателю Ромулу; были еще кромѣ того боги этрусскіе и ихъ праздники, ихъ авгуры, вплоть до ихъ священныхъ знаковъ.

Въ то время, когда никто не имѣлъ права присутствовать на религіозномъ праздникѣ какой бы то ни было націи, если онъ только не принадлежалъ къ ней по своему рожденію, римляне имѣли то несравненное преимущество, что они могли принимать участіе и въ латинскихъ празднествахъ, и въ празднествахъ сабинскихъ, этрусскихъ, и въ олимпійскихъ играхъ. Религія составляла могущественныя узы. Когда два города имѣли общій культъ, то они назывались родственными городами; они должны были смотрѣть другъ на друга какъ на союзниковъ и взаимно другъ другу помогать; въ эти древнія времена не знали другого союза, кромѣ того, который устанавливала религія. Поэтому Римъ и сохранялъ такъ тщательно все, что могло служить свидѣтельствомъ этого драгоцѣннаго родства съ другими народами. Латинамъ онъ

представлялъ свои преданія объ Ромулѣ; сабинамъ—легенду о Тарпеѣ и Таціи; грекамъ онъ указывалъ на древніе гимны, которые у него были сложены въ честь матери Эвандра; онъ не понималъ болѣе этихъ гимновъ, но тѣмъ не менѣе продолжалъ ихъ пѣть. Онъ заботливо хранилъ всѣ воспоминанія объ Энеѣ, потому что если черезъ Эвандра онъ могъ считаться въ родствѣ съ пелопонесцами, то черезъ Энея онъ былъ родственникомъ болѣе тридцати городовъ, разсѣянныхъ въ Италіи, въ Сициліи, въ Греціи и въ Малой Азіи; всѣ они считали Энея своимъ основателемъ или же были колоніями основанныхъ имъ городовъ, и у всѣхъ у нихъ былъ вслѣдствіе этого общій съ Римомъ культъ. Какую выгоду извлекалъ себѣ Римъ изъ этого древняго родства, можно видѣть во время его войнъ въ Сициліи противъ Карѳагена и въ Греціи противъ Филиппа.

Римское населеніе было, такимъ образомъ, смѣсью нѣсколькихъ племенъ, его культъ былъ собраніемъ нѣсколькихъ культовъ, его національный очагъ—собраніемъ нѣсколькихъ очаговъ. Римъ былъ почти единственною гражданской общиной, которую ея муниципальная религія не обособила отъ всѣхъ остальныхъ; она соприкасалась почти со всей Италіей и со всей Греціей. Не было почти ни одного народа, котораго бы она не могла допустить къ своему очагу.

2. *Первыя римскія завоеванія (753—350 г. до Рождества Христова).*

Въ теченіе тѣхъ вѣковъ, когда муниципальная религія была всюду въ полной силѣ, Римъ сообразовалъ съ ней свою политику.

Разсказываютъ, что первымъ актомъ новой гражданской общины было похищеніе сабинскихъ женщинъ; легенда эта кажется очень невѣроятной, если подумать о святости брака у древнихъ. Но выше мы видѣли, что муниципальная религія запрещала браки между членами различныхъ гражданскихъ

общинъ, если эти общины не были связаны между собою, по меньшей мѣрѣ, узами происхожденія или общаго культа. Первые римляне имѣли право заключать браки съ жителями Альбы, но не имѣли того же права по отношенію къ своимъ другимъ сосѣдямъ—сабинамъ. И Ромулъ хотѣлъ добыть прежде всего не нѣсколько женщинъ, но право брака, т.-е. право вступать въ правильныя сношенія съ сабинскимъ населеніемъ, и для этого надо было установить религіозную связь между Римомъ и этимъ населеніемъ. Поэтому Ромулъ принимаетъ культъ сабинскаго бога Конса и устраиваетъ въ честь его празднество. Преданіе добавляетъ, что во время этого празднества и были похищены женщины. Если бы Ромулъ такъ сдѣлалъ, то браки нельзя было бы совершить согласно обрядамъ, потому что первымъ и самымъ необходимымъ актомъ брачной церемоніи было *traditio in manum*, т.-е. передача дочери отцомъ; Ромулъ, такимъ образомъ, не достигъ бы своей цѣли. Но присутствіе сабинянъ и ихъ семействъ на религіозномъ празднествѣ, ихъ участіе въ жертвоприношеніи устанавливали между этими двумя народами такого рода связь, что для *connubium* не было болѣе препятствій. Тутъ не было необходимости въ дѣйствительномъ похищеніи; вождь римлянъ умѣлъ добыть права на бракъ. Поэтому историкъ Діонисій, изучавшій древніе тексты и гимны, увѣряетъ, что браки сабинянокъ были совершены съ соблюденіемъ самыхъ торжественныхъ обрядовъ; это же подтверждаютъ Плутархъ и Цицеронъ. Достойно замѣчанія, что самое первое усиліе, сдѣланное римлянами, вело къ ниспроверженію тѣхъ преградъ, которыя муниципальная религія ставила между ними и сосѣднимъ народомъ. До насъ не дошло аналогичной легенды по отношенію къ Этруріи; но представляется вполнѣ вѣроятнымъ, что съ этой страной у Рима были тѣ же отношенія, что и съ Лаціумомъ и Сабинской землей. Онъ сумѣлъ, такимъ образомъ, соединиться узами культа и крови со всѣми своими сосѣдями; для него было важно имѣть право *connubium* со всѣми гражданскими общинами, и онъ очень хорошо понималъ значеніе этого права; это доказывается тѣмъ, что Римъ не желалъ допу-

стить, чтобы другія гражданскія общины, подвластныя ему, вступали между собою въ такую же связь.

Затѣмъ для Рима начинается длинный рядъ войнъ. Первая была противъ сабинянъ Тація; она закончилась религіознымъ и политическимъ союзомъ двухъ маленькихъ народовъ. Затѣмъ послѣдовала война съ Альбою; историки говорятъ, что Римъ осмѣлился напасть на этотъ городъ, несмотря на то, что былъ его колоніей. Можетъ быть, именно потому, что онъ былъ его колоніей, Римъ и счелъ нужнымъ разрушить его ради своего будущаго величія. Дѣйствительно, каждая метрополія пользовалась правами религіознаго главенства надъ своими колоніями, а религія имѣла въ тѣ времена такую большую власть, что, пока Альба стояла непоколебимо, Римъ не могъ стать независимой гражданской общиной, и его дальнѣйшей судьбѣ была поставлена преграда.

Разрушивъ Альбу, Римъ не удовлетворился тѣмъ, что перестал быть колоніей, онъ захотѣлъ подняться самъ до степени метрополіи и унаслѣдовать всѣ тѣ права религіознаго главенства, которыя имѣла до тѣхъ поръ Альба надъ своими тридцатью колоніями въ Лаціумѣ. Римъ велъ длинный рядъ войнъ, чтобы добиться главенства при жертвоприношеніяхъ на латинскихъ праздникахъ. Это было средство пріобрѣсти тотъ единственный видъ преобладанія и превосходства, который былъ тогда извѣстенъ.

Римъ воздвигъ у себя храмъ Діанѣ и принудилъ латинянъ являться туда и совершать жертвоприношенія; онъ привлекъ туда даже сабинянъ. Этимъ онъ пріучалъ два народа раздѣлять съ собою и подъ своимъ верховнымъ руководительствомъ праздники, молитвы, мясо жертвенныхъ животныхъ; онъ соединялъ ихъ подъ своей верховной религіозной властью.

Римъ—единственная гражданская община, умѣвшая войною увеличить свое народонаселеніе. У него была своя политика, неизвѣстная прочему греко-италійскому міру; онъ присоединялъ къ себѣ все, что завоевывалъ; онъ уводилъ къ себѣ обитателей покоренныхъ городовъ и побѣжденныхъ обращалъ мало-по-малу въ римлянъ. Въ то же время онъ посылалъ колонистовъ въ завоеванныя страны и повсюду сѣялъ, такимъ образомъ, Римъ, потому что эти колонисты, образовывая отдѣльныя гражданскія общины съ политической точки зрѣнія, сохраняли религіозную общность со своей метрополіей, а этого было уже вполнѣ достаточно, чтобы они были принуждены подчинять свою политику политикѣ Рима, повиноваться ему и помогать во всѣхъ его войнахъ.

Одной изъ замѣчательныхъ чертъ римской политики было то, что онъ привлекалъ къ себѣ всѣ культы сосѣднихъ гражданскихъ общинъ. Онъ настолько же стремился завоевывать боговъ, какъ и города. Онъ овладѣлъ Юноной изъ Вей, Юпитеромъ изъ Пренеста, Минервою изъ Фалисковъ, Юноною изъ Ланувіума, Венерою изъ Самніума и многими другими, которыхъ мы не знаемъ. „Потому что у Рима былъ обычай", говоритъ одинъ древній, „вводить къ себѣ религіи побѣжденныхъ городовъ; иногда онъ распредѣлялъ ихъ среди своихъ родовъ, иногда онъ отводилъ имъ мѣсто въ національной религіи".

Монтескье хвалитъ римлянъ, какъ за ловкій политическій пріемъ, за то, что они не навязывали своихъ боговъ побѣжденнымъ народамъ. Но это было бы совершенно противно ихъ понятіямъ, а также и вообще понятіямъ древнихъ. Римъ завоевывалъ боговъ побѣжденныхъ народовъ, а не давалъ имъ своихъ. Онъ хранилъ для себя своихъ покровителей и старался даже увеличить ихъ количество. Онъ дорожилъ тѣмъ, чтобы владѣть большимъ количествомъ культовъ и большимъ количествомъ боговъ-покровителей, чѣмъ какая-либо другая гражданская община.

Такъ какъ эти культы и боги были по большей части взяты у побѣжденныхъ, то черезъ нихъ Римъ вошелъ въ религіозное общеніе со всѣми этими народами. Узы общаго происхожденія, завоеваніе права *connubium*, права предсѣдательства на латинскихъ праздникахъ, завоеваніе боговъ побѣжденныхъ народовъ, притязанія на право приносить жертвы въ Олимпіи и Дельфахъ—все это были средства, ко-

торыми Римъ подготовлялъ свое владычество. У Рима, какъ и у каждаго города, была своя муниципальная религія, источникъ его патріотизма, но это былъ единственный городъ, который заставилъ религію служить увеличенію своего могущества. Въ то время, какъ религія обособляла, изолировала другіе города, Римъ имѣлъ ловкость или счастье употребить ее на то, чтобы все привлечь къ себѣ и надо всѣмъ господствовать.

3. *Какимъ образомъ Римъ пріобрѣлъ владычество (350—140 л. до Рождества Христова).*

Въ то время какъ Римъ возрасталъ, такимъ образомъ, медленно, пользуясь тѣми средствами, которыя ему давали религія и понятія того времени, произошелъ цѣлый рядъ политическихъ и гражданскихъ перемѣнъ въ гражданскихъ общинахъ и даже въ самомъ Римѣ; онѣ видоизмѣнили одновременно управленіе людьми и ихъ образъ мыслей.

Выше мы описали уже этотъ переворотъ; здѣсь важно замѣтить, что онъ совпадаетъ съ развитіемъ римскаго могущества. Эти два факта, происшедшіе одновременно, не остались безъ вліянія другъ на друга. Римскія завоеванія не совершились бы такъ легко, если бы не угасъ повсюду прежній муниципальный духъ, и можно думать, что муниципальный порядокъ не палъ бы такъ рано, если бы римскія завоеванія не нанесли ему послѣдняго удара.

Среди тѣхъ перемѣнъ, которыя произошли въ учрежденіяхъ, нравахъ, вѣрованіяхъ, правѣ, измѣнился также по существу и самый патріотизмъ, и это одна изъ тѣхъ причинъ, которыя больше всего способствовали успѣхамъ Рима. Выше мы говорили, чѣмъ было это чувство въ первые вѣка гражданской общины. Патріотизмъ составлялъ часть религіи: человѣкъ любилъ отечество, потому что онъ любилъ боговъ-покровителей, потому что въ отечествѣ онъ находилъ пританей, божественный огонь, праздники, молитвы, гимны и потому что внѣ отечества у него не было ни боговъ, ни культа. Этотъ патріотизмъ

былъ вѣрой и благочестіемъ. Но когда у жреческой касты было отнято ея владычество, то вмѣстѣ со всѣми древними вѣрованіями исчезъ и такого рода патріотизмъ. Любовь къ гражданской общинѣ не погибла еще, но она приняла другую форму.

Отечество любили теперь не за религію или боговъ, его любили только за его законы и учрежденія, за тѣ права и безопасность, которую оно давало своимъ членамъ. Обратите вниманіе въ надгробной рѣчи, которую Ѳукидидъ влагаетъ въ уста Перикла, каковы были основанія, заставлявшія любить Аѳины: это городъ, который „стремится къ тому, чтобы всѣ были равны передъ закономъ“; „онъ даетъ людямъ свободу и открываетъ всѣмъ путь къ почестямъ, онъ поддерживаетъ общественный порядокъ, обезпечиваетъ должностнымъ лицамъ ихъ власть, покровительствуетъ слабымъ, устраиваетъ для народа зрѣлища и праздники, воспитывающіе душу“. И ораторъ заканчиваетъ свою рѣчь такими словами: „Вотъ почему наши воины предпочли лучше погибнуть геройской смертью, чѣмъ позволить отнять у себя это отечество; вотъ почему тѣ, кто остался живъ, готовы страдать и жертвовать собою для него“.

Итакъ, у человѣка есть еще обязанности по отношенію къ гражданской общинѣ, но обязанности эти не вытекаютъ болѣе изъ того же самаго принципа, какъ нѣкогда. Человѣкъ жертвуетъ по-прежнему своей кровью и жизнью, но уже теперь не ради защиты своего національнаго божества или очага своихъ отцовъ, а ради защиты учрежденій, которыми онъ пользуется, и тѣхъ преимуществъ, которыя ему даетъ гражданская община.

И этотъ новый патріотизмъ имѣлъ нѣсколько иныя слѣдствія, чѣмъ прежній. Человѣкъ привязывался теперь не къ пританею, не къ богамъ-покровителямъ, не къ священной землѣ, но лишь къ учрежденіямъ и законамъ, а эти учрежденія и законы при томъ неустройствѣ, въ которомъ находились всѣ гражданскія общины того времени, часто мѣнялись, и патріотизмъ сталъ тоже чувствомъ непостояннымъ, измѣнчивымъ, онъ зависѣлъ отъ обстоятельствъ и былъ подчиненъ тѣмъ же колебаніямъ, какъ и само управленіе. Отечество любили лишь

постольку, поскольку любили господствующій въ немъ въ данное время строй, и того, кто находилъ законы отечества дурными, ничто уже болѣе съ нимъ не связывало.

Такимъ образомъ, муниципальный патріотизмъ ослабѣлъ въ душѣ и исчезъ. Мнѣніе каждаго человѣка было для него священнѣе отечества, и тріумфъ его сообщниковъ сталъ ему болѣе дорогъ, чѣмъ величіе и слава гражданской общины. Каждый сталъ предпочитать родному городу, если тамъ не было только симпатичныхъ ему учрежденій, тотъ городъ, гдѣ эти учрежденія были въ силѣ. Стали также болѣе охотно переселяться, менѣе боялись уже изгнанія. Что значило подвергнуться отлученію отъ пританея и быть лишеннымъ очистительной воды? О богахъ-покровителяхъ болѣе совсѣмъ не думали и привыкли легко обходиться безъ отечества.

Отсюда было недалеко и до того, чтобы возстать противъ него съ оружіемъ въ рукахъ. Начали заключать союзы съ враждебными городами, чтобы доставить торжество своей партіи. Изъ двухъ аргивянъ одинъ желалъ управленія аристократическаго и предпочиталъ Спарту Аргосу, другой предпочиталъ демократію и больше любилъ Аѳины. Ни тотъ, ни другой не дорожили очень независимостью своей гражданской общины и готовы были отдаться подъ власть другого города, лишь бы только этотъ городъ поддержалъ ихъ партію въ Аргосѣ. Изъ Ѳукидида и Ксенофонта мы видимъ ясно, что именно подобное настроеніе умовъ и было причиной такого долгаго продолженія пелопонесской войны. Въ Платеѣ богатые принадлежали къ партіи Ѳивъ и лакедемонянъ, бѣдные къ партіи Аѳинъ. Въ Корцирѣ народная партія была за Аѳины, а аристократія за Спарту. У аѳинянъ были союзники во всѣхъ городахъ Пелопонесса, а у Спарты во всѣхъ іонійскихъ городахъ. Ѳукидидъ и Ксенофонтъ говорятъ согласно другъ съ другомъ, что не было ни одной гражданской общины, гдѣ бы народная партія не благопріятствовала аѳинянамъ, а аристократія спартанцамъ. Эта война является тѣмъ общимъ усиліемъ, которое сдѣлали греки, чтобы установить повсюду одинаковый образъ правленія подъ гегемоніей одного

города; но одни желали аристократическаго правленія подъ покровительствомъ Спарты, другіе демократическаго съ поддержкою Аѳинъ. То же самое было и во времена Филиппа: аристократическая партія во всѣхъ городахъ горячо желала владычества Македоніи. Во времена Филопемена роли перемѣнились, но чувства остались тѣ же: народная партія желала владычества Македоніи, а все, что стояло за аристократію, присоединилось къ Ахейскому союзу. Гражданская община не является, такимъ образомъ, болѣе предметомъ желаній и привязанности людей. Мало было грековъ, которые отказались бы пожертвовать муниципальной независимостью ради того, чтобы пріобрѣсти тѣ учрежденія, которыя они предпочитали имѣть.

Что же касается людей честныхъ и съ чуткой совѣстью, то тѣ безпрерывныя распри и смуты, свидѣтелями которыхъ они были, внушали имъ отвращеніе къ муниципальному порядку. Они не могли любить той формы общественнаго устройства, при которой бѣдные и богатые вели безпрерывныя войны, гдѣ они видѣли безконечную смѣну народныхъ насилій и мести аристократовъ. Люди эти хотѣли избавиться отъ режима, который, создавъ сначала истинное величіе, порождалъ теперь только страданія и ненависть. Начинали чувствовать необходимость выйти изъ муниципальной системы и найти другую форму управленія гражданской общиной., Многіе мечтали о томъ, по крайней мѣрѣ, чтобы установить нѣчто вродѣ высшей власти надъ гражданской общиной и чтобы власть эта заботилась о поддержаніи общаго порядка и заставляла бы жить въ мирѣ между собой маленькія безпокойныя общества. Ради этого Фокіонъ, истинный гражданинъ, совѣтовалъ своимъ соотечественникамъ отдаться подъ власть Филиппа, обѣщая имъ въ такомъ случаѣ миръ и безопасность.

Въ Италіи дѣла шли такимъ же точно порядкомъ, какъ и въ Греціи. Тѣ же самыя революціи и та же самая борьба волновали города Лаціума, Сабинской земли, Этруріи, и любовь къ гражданской общинѣ исчезала. И здѣсь, какъ и въ Греціи, каждый охотно присоединялся къ чужому городу,

чтобы доставить въ родномъ городѣ перевѣсъ своимъ мнѣніямъ и своимъ интересамъ.

Такое расположеніе умовъ создало успѣхъ Рима; онъ повсюду поддерживалъ аристократическую партію, и повсюду аристократія была его союзницею. Приведемъ нѣсколько примѣровъ: родъ Клавдіевъ покинулъ Сабинскую землю вслѣдствіе междуусобныхъ раздоровъ и переселился въ Римъ, потому что римскія учрежденія нравились ему больше, чѣмъ учрежденія его родины. Въ то же самое время много латинскихъ семей также выселились въ Римъ, потому что имъ не нравился демократическій строй Лаціума, а Римъ только-что возстановилъ владычество патриціата. Въ Ардеѣ шла война между плебеями и аристократіей; плебеи призвали на помощь вольсковъ, аристократія же отдала городъ римлянамъ. Этрурія была полна раздоровъ; Веіи ниспровергли свое аристократическое правленіе; римляне напали на нихъ, и другіе этрусскіе города, гдѣ господствовала еще жреческая аристократія, отказали Веіямъ въ своей помощи. Легенда добавляетъ, что во время этой войны римляне захватили одного вейскаго жреца и вынудили у него предсказаніе, обезпечившее имъ побѣду. Не даетъ ли эта легенда указаній на то, что этрусскіе жрецы помогли римлянамъ завоевать городъ?

Позже, когда Капуя возмутилась противъ Рима, замѣчено было, что всадники, т.-е. сословіе аристократическое, не приняли участія въ этомъ возстаніи. Въ 313 году города Авсона, Сора, Минтурнъ и Весція были выданы римлянамъ аристократической партіей. Когда этруски заключили между собою союзъ противъ Рима, это означало, что у нихъ установился народный образъ правленія; единственный городъ Арацiумъ отказался войти въ этотъ союзъ, и это потому, что тамъ преобладала аристократическая партія. Когда Аннибалъ явился въ Италію, то всѣ города заволновались, но не о независимости шло тутъ дѣло: въ каждомъ городѣ аристократія стояла за Римъ, а плебеи за Карѳагенъ.

Образъ правленія въ Римѣ можетъ намъ пояснить, почему аристократія отдавала ему постоянное предпочтеніе. И

въ немъ, какъ и во всѣхъ другихъ городахъ, совершался рядъ переворотовъ, но только они шли медленнѣе. Въ 509 г., когда въ другихъ гражданскихъ общинахъ Лаціума были уже тираны, въ Римѣ имѣла успѣхъ патриціанская реакція. Демократія впослѣдствіи возвысилась, но весь ходъ этого возвышенія былъ медленный и очень умѣренный. Римское правленіе было, такимъ образомъ, дольше, чѣмъ какое бы то ни было другое, аристократичнымъ, и оно могло быть надеждой аристократической партіи.

Правда, въ концѣ концовъ въ Римѣ взяла верхъ демократія; но даже и тогда всѣ пріемы и способы управленія оставались аристократическими. Въ комиціяхъ по центуріямъ голоса раздѣлялись сообразно богатству, и почти то же самое было въ комиціяхъ трибъ Въ правѣ не было допущено никакого отличія для богатыхъ, на дѣлѣ же бѣдный классъ былъ заключенъ въ четыре городскія трибы и имѣлъ только четыре голоса противъ тридцати одного класса собственниковъ. Къ тому же ничего не могло быть обыкновенно спокойнѣе этихъ собраній; никто кромѣ предсѣдателя или того, кому онъ давалъ слово, на нихъ не говорилъ; ораторовъ совершенно не было, ничего не обсуждали, все сводилось чаще всего къ подачѣ голоса, къ простому да или нѣтъ и къ счету голосовъ. Послѣднее дѣло было очень сложнымъ и требовало много времени и много спокойствія. Къ этому нужно прибавить, что сенатъ не возобновлялся ежегодно, какъ это дѣлалось въ демократическихъ гражданскихъ общинахъ Греціи. По закону его составъ назначался цензорами при каждой новой люстраціи, въ дѣйствительности же списки сенаторовъ мало измѣнялись отъ одной люстраціи до другой, и вычеркнутые члены представляли исключеніе. Сенатъ былъ, такимъ образомъ, пожизненной корпораціей, набиравшей почти-что самостоятельно своихъ членовъ; повидимому, нерѣдко сыновья наслѣдовали отцамъ. Онъ былъ истиннымъ олигархическимъ учрежденіемъ.

Нравы были еще болѣе аристократичны, чѣмъ учрежденія. У сенаторовъ были свои особыя мѣста въ театрѣ. Только одни богатые служили въ конницѣ. Военныя должности предо-

ставлялись по большей части молодымъ людямъ изъ знатныхъ семей; Сципіону не было еще шестнадцати лѣтъ, когда онъ уже командовалъ отрядомъ конницы.

Господство богатаго класса удержалось въ Римѣ дольше, чѣмъ въ какомъ бы то ни было другомъ городѣ. Этому были двѣ причины: первая та, что совершились великія завоеванія, и выгоды ихъ достались классу и безъ того богатому; всѣ земли, отнятыя у побѣжденныхъ, достались ему, онъ же овладѣлъ торговлей побѣжденныхъ странъ и соединилъ съ этимъ огромныя выгоды сбора податей и управленія провинціями. Такъ обогащаясь съ каждымъ поколѣніемъ, эти семьи становились чрезмѣрно богатыми, и каждая изъ нихъ являлась по отношенію къ народу большой силой. Вторая причина была та, что римлянинъ, даже самый бѣдный, чувствовалъ внутреннее уваженіе къ богатству. И въ то время, когда настоящей кліентелы уже давно не существовало, она какъ бы возродилась подъ видомъ почтенія, воздаваемаго большимъ состояніямъ; установилось обыкновеніе, чтобы пролетаріи являлись каждое утро привѣтствовать богатыхъ и просить у нихъ дневного пропитанія.

Это не значитъ, чтобы въ Римѣ не существовало такъ же, какъ и въ другихъ гражданскихъ общинахъ, борьбы между богатыми и бѣдными. Но она началась только во времена Гракховъ, т.-е. послѣ того, какъ завоеванія были почти окончены. Кромѣ того эта борьба не имѣла никогда въ Римѣ того свирѣпаго характера, который она носила повсюду. Низшіе слои въ Римѣ не стремились такъ алчно къ богатству; они слабо поддерживали Гракховъ, не хотѣли вѣрить, чтобы реформаторы работали ради нихъ, и въ рѣшительную минуту ихъ покинули. Аграрные законы, являвшіеся такъ часто угрозой для богатыхъ, волновали народъ только на поверхности, вообще же онъ оставался къ нимъ равнодуш енъ. Ясно нидно, что онъ не слишкомъ горячо стремился об адать земвей; къ тому же, если ему и предлагали раздѣлъ общественныхъ земель, т.-е. государственнаго имущества, онъ не думалъ по крайней мѣрѣ никогда лишать богатыхъ ихъ собственности. Частью вслѣдствіе укоренившагося уваженія, частью по привычкѣ ничего не дѣлать, онъ предпочиталъ жить въ сторонѣ и какъ бы подъ сѣнью богатыхъ.

Этотъ классъ имѣлъ мудрость принять въ свою среду наиболѣе знатныя семьи покоренныхъ или союзныхъ городовъ. Все, что было богатаго въ Италіи, вошло мало-по-малу въ составъ римскаго богатаго класса. Это сословіе постояно возрастало въ своемъ значеніи и сдѣлалось господиномъ государства. Оно одно занимало всѣ государственныя должности, потому что покупка этихъ должностей стоила очень дорого. Оно одно составляло сенатъ, потому что требовался очень высокій цензъ для того, чтобы стать сенаторомъ. Такимъ образомъ, мы видимъ то странное явленіе, что вопреки демократическимъ законамъ образовался классъ знати, и что народъ, всемогущій въ своей власти, допустилъ ее подняться выше себя и никогда не оказывалъ ей настоящаго сопротивленія.

Слѣдовательно, въ третьемъ и второмъ вѣкѣ до нашей эры Римъ былъ городомъ, управленіе котораго было наиболѣе аристократичнымъ среди городовъ Италіи и Греціи. Замѣтимъ наконецъ, что если во внутреннихъ дѣлахъ сенатъ былъ принужденъ сообразоваться съ народомъ, то во всемъ, что касалось внѣшней политики, онъ являлся абсолютнымъ владыкой. Онъ принималъ посланниковъ, заключалъ союзы, раздавалъ провинціи и легіоны, утверждалъ распоряженія военачальниковъ, опредѣлялъ условія для побѣжденныхъ—все то, что въ другихъ мѣстахъ было въ вѣдѣніи народнаго собранія. Иностранцы при своихъ сношеніяхъ съ Римомъ никогда не имѣли дѣла съ народомъ; они слышали только о сенатѣ, и ихъ поддерживали въ томъ мнѣніи, что народъ не имѣлъ никакой власти. Такое именно мнѣніе выражалъ одинъ грекъ Фламинину. „Въ вашей странѣ“, говорилъ онъ, „управляетъ богатство, и все остальное ему подчинено“.

Результатомъ этого было то, что во всѣхъ гражданскихъ общинахъ аристократія обращала свои взоры къ Риму, разсчитывала на него, принимала его своимъ покровителемъ и соединяла свою судьбу съ его судьбою. Это казалось тѣмъ

болѣе дозволеннымъ, что Римъ ни для кого не былъ чужимъ городомъ: сабины, латины, этруски видѣли въ немъ сабинскій, латинскій, этрусскій городъ, а греки считали его Греціей.

Какъ только Римъ столкнулся съ Греціей (въ 199 г. до Р. Х.), аристократія стала на его сторону. Почти никто тогда не думалъ, что тутъ дѣло идетъ о самостоятельности, независимости и о подчиненіи, о выборѣ между этими двумя вещами; для большей части людей весь вопросъ состоялъ въ выборѣ между аристократіей и народной партіей. Во всѣхъ городахъ народная партія стояла за Филиппа, Антіоха или Персея, аристократическая партія—за Римъ. У Полибія и у Тита Ливія мы можемъ видѣть, что если въ 198 г. Аргосъ отворилъ свои ворота македонцамъ, то потому, что тамъ господствовала народная партія; въ слѣдующемъ году партія богатыхъ отдаетъ Опунтъ римлянамъ; у акарнанянъ аристократія заключаетъ союзный договоръ съ Римомъ, но, спустя годъ, этотъ договоръ былъ нарушенъ, и причина была та, что въ теченіе этого года демократія снова захватила въ свои руки власть; Ѳивы до тѣхъ поръ остаются въ союзѣ съ Филиппомъ, пока тамъ господствуетъ народная партія, и какъ только власть переходитъ въ руки аристократіи, они тотчасъ же сближаются съ Римомъ; въ Аѳинахъ, въ Деметріадѣ, въ Фокеѣ народъ враждебенъ римлянамъ; Набидъ, демократическій тиранъ, ведетъ съ ними войну; Ахейскій союзъ, пока имъ управляетъ аристократія, сочувствуетъ Риму; люди, подобные Филопемену и Полибію, желаютъ національной независимости, но они все же предпочитаютъ римское владычество владычеству демократіи; въ Ахейскомъ союзѣ наступаетъ моментъ, когда верхъ беретъ въ свою очередь народная партія, и начиная съ этого момента, союзъ является врагомъ Рима; Діэй и Критолай являются одновременно вождями народной партіи и военачальниками союза противъ римлянъ; они мужественно сражаются при Скарфеѣ и Левкопетрѣ, можетъ быть, не столько за независимость Греціи, сколько за торжество демократіи.

Подобные факты говорятъ достаточно ясно, какимъ образомъ Римъ безъ особыхъ усилій могъ получить владычество. Муниципальный духъ исчезалъ мало-по-малу. Любовь къ независимости становилась чувствомъ очень рѣдкимъ, люди отдавались всецѣло интересамъ и страстямъ партій. Гражданская община стала незамѣтно забываться. Преграды, которыя раздѣляли нѣкогда города и дѣлали изъ нихъ различные маленькіе міры, тѣсные горизонты которыхъ ограничивали мысли и желанія каждаго, теперь эти преграды падали одна за другой. Во всей Италіи и Греціи различали только два разряда людей: съ одной стороны, аристократическій классъ, съ другой—народную партію; одинъ призывалъ владычество Рима, другая его отвергала. Аристократія взяла верхъ, и Римъ завоевалъ владычество.

4. Римъ разрушаетъ повсюду муниципальный порядокъ.

Учрежденія древней гражданской общины были ослаблены и какъ бы обезсилены цѣлымъ рядомъ переворотовъ. Первымъ результатомъ римскаго владычества было ихъ окончательное разрушеніе; было уничтожено все, что отъ нихъ еще оставалось. Это мы можемъ видѣть всюду, наблюдая тѣ условія, въ которыя попадали народы по мѣрѣ того, какъ Римъ подчинялъ ихъ себѣ.

Прежде всего мы должны отрѣшиться отъ всѣхъ обычаевъ современной политики; мы не должны представлять себѣ, что народы входили одинъ за другимъ въ составъ римскаго государства, подобно тому, какъ въ наши дни завоеванныя области присоединяются къ государству, и оно, принимая въ свой составъ этихъ новыхъ членовъ, расширяетъ, такимъ образомъ, свои границы. Римское государство, *civitas romana*, не увеличивалось вслѣдствіе завоеваній, оно заключало въ себѣ всегда только сто семей, которыя появлялись въ религіозной церемоніи ценза. Римская территорія, *ager romanus*, тоже не расширялась; она по-прежнему была заключена въ неизмѣнные предѣлы, которые обозначили для нея цари и освящали

ежегодно обряды Амбарвалій. Увеличивалось при каждомъ завоеваніи, во-первыхъ, владычество Рима, *imperium romanum*, во-вторыхъ, территорія, принадлежащая государству—*ager publicus*.

Пока существовала республика, никому не приходило въ голову, чтобы римляне вмѣстѣ съ другими народами могли образовать одну націю. Римъ могъ, конечно, принять къ себѣ нѣкоторыхъ побѣжденныхъ, отдѣльныхъ личностей, поселить ихъ въ своихъ стѣнахъ и обратить съ теченіемъ времени въ римлянъ, но онъ не могъ ассимилировать чужую національность со своей и присоединить къ своей ея территорію. Причина этого лежала не въ особенной политикѣ Рима, но въ принципѣ, который твердо держался въ древности и отъ котораго Римъ отступилъ бы охотнѣе всякаго другого города; но онъ не могъ освободиться отъ него вполнѣ. Поэтому подчиненный народъ не входилъ въ составъ римскаго государства—*in civitatem*, но онъ становился только подъ власть римлянъ—*in imperium*. Онъ не былъ соединенъ съ Римомъ такъ, какъ соединены въ настоящее время области съ своей столицей; Римъ не зналъ другихъ отношеній между собой и побѣжденными народами, какъ только подчиненіе или союзъ [*dedititii, socii*].

Казалось бы, вслѣдствіе всего изложеннаго, у покоренныхъ народовъ должны были остаться муниципальныя учрежденія, и міръ долженъ былъ обратиться въ обширное собраніе гражданскихъ общинъ, различныхъ между собою, но имѣющихъ всѣ во главѣ одну гражданскую общину. Ничего подобнаго не было. Римское завоеваніе произвело полную перемѣну во внутреннемъ строѣ каждаго города.

Съ одной стороны, были подчиненные, *dedititii*, это были тѣ, кто произнеся установленную формулу *deditio*, отдали въ руки римскаго народа „себя самихъ, свои стѣны, свои земли, свои воды, свои дома, свои храмы, своихъ боговъ“. Они отказались, значитъ, не только отъ своего муниципальнаго управленія, но и отъ всего, что было связано съ нимъ въ древности, т.-е. отъ своей религіи и своего частнаго права. Начиная съ этого времени, люди эти не составляли болѣе политическаго цѣлаго, у нихъ не оставалось болѣе никакихъ элементовъ правильнаго общественнаго устройства. Ихъ городъ могъ стоять по-прежнему, но ихъ гражданская община погибла. Если они и продолжали жить вмѣстѣ, то у нихъ не было больше ни учрежденій, ни законовъ, ни магистратовъ. Произвольная власть присланнаго изъ Рима префекта (*praefectus*) поддерживала среди нихъ внѣшній порядокъ.

Съ другой стороны, были союзники, *foederati*, или *socii*. Съ ними поступали лучше. Вступая подъ римское владычество, они выговаривали себѣ право сохраненія муниципальнаго строя и организаціи гражданской общины; поэтому они продолжали имѣть въ каждомъ городѣ собственное государственное устройство, своихъ магистратовъ, сенатъ, пританей, законы, судей. Городъ считался независимымъ и имѣлъ, казалось, къ Риму только отношеніе союзника къ союзнику. Однако, въ условіе договора, заключаемаго при завоеваніи, Римъ включалъ слѣдующую формулу: *majestatem populi romani comiter conservato*. Эти слова устанавливали зависимость союзной гражданской общины по отношенію къ общинѣ-госпожѣ, а такъ какъ они были очень неясны, то вслѣдствіе этого и мѣра этой зависимости была всегда въ рукахъ сильнѣйшаго. Эти такъ называемые свободные города получали приказанія изъ Рима, повиновались проконсуламъ и платили налоги его сборщикамъ; ихъ магистраты отдавали отчетъ правителю провинціи, который принималъ также жалобы на ихъ судей. Но самая природа муниципальнаго строя древнихъ была такова, что для него требовалась или полная независимость, или же онъ переставалъ существовать. Между сохраненіемъ учрежденій гражданской общины и подчиненіемъ чужеземному владычеству существовало противорѣчіе, которое, быть можетъ, не такъ ясно представляется въ настоящее время, но которое должно было бросаться въ глаза людямъ той эпохи. Муниципальная свобода и владычество Рима были несовмѣстимы; подобная свобода могла быть только призракомъ, ложью, обманомъ для толпы. Каждый изъ этихъ городовъ по-

сылалъ почти каждый годъ депутацію въ Римъ, и здѣсь въ сенатѣ рѣшались ихъ самыя близкія и самыя мелкія дѣла. Города имѣли еще своихъ муниципальныхъ магистратовъ, архонтовъ и стратеговъ, свободно избранныхъ ими самими; но единственною обязанностью архонта оставалось вносить свое имя въ общественные списки для обозначенія года, а стратегъ, нѣкогда вождь арміи и государства, завѣдывалъ теперь только путями сообщенія и надзиралъ за городскими рынками.

Такимъ образомъ, муниципальныя учрежденія погибали равно и у тѣхъ народовъ, которыхъ называли союзниками, и у тѣхъ, которыхъ называли подчиненными; была только та единственная разница, что у первыхъ сохранялись еще внѣшнія формы муниципальныхъ учрежденій. По правдѣ сказать, гражданской общины, такой, какъ ее понимали древніе, мы больше нигдѣ не видимъ за исключеніемъ только стѣнъ самаго Рима.

Къ тому же Римъ, разрушая повсюду строй гражданской общины, не ставилъ ничего на его мѣсто; и народамъ, у которыхъ онъ отнималъ ихъ учрежденія, онъ не давалъ взамѣнъ своихъ; онъ не думалъ даже о томъ, чтобы создать для нихъ новыя учрежденія для ихъ пользованія. Онъ никогда не создалъ опредѣленнаго государственнаго устройства для подвластныхъ ему народовъ и не сумѣлъ установить точныхъ правилъ для управленія ими. Даже та власть, которою онъ пользовался по отношенію къ нимъ, не имѣла въ себѣ ничего правильнаго; такъ какъ они не составляли части его государства, его гражданской общины, онъ и не могъ оказывать на нихъ никакого законнаго воздѣйствія; подданные были для него чужеземцами, вслѣдствіе этого по отношенію къ нимъ у него была та неупорядоченная безграничная власть, какую древнее муниципальное право давало гражданину надъ иностранцемъ или врагомъ. Этимъ принципомъ долго руководилась римская администрація, и вотъ какъ она вела дѣло.

Римъ посылалъ одного изъ своихъ гражданъ въ завоеванную страну; онъ дѣлалъ эту страну провинціей даннаго человѣка, т.-е. она составляла предметъ его должности, его заботы, его личнаго дѣла; таковъ былъ смыслъ слова *provincia* на древнемъ языкѣ. Въ то же время Римъ ввѣрялъ этому гражданину *imperium*, это означало, что онъ отказывается въ его пользу на неопредѣленное время отъ верховной власти въ странѣ. Съ этихъ поръ данный гражданинъ представлялъ въ своей особѣ всѣ права республики и въ силу этого являлся абсолютнымъ владыкою. Онъ опредѣлялъ размѣры налоговъ, онъ пользовался властью надъ всѣми военными силами, онъ судилъ. Никакой государственный правопорядокъ не опредѣлялъ его отношеній къ его подданнымъ или союзникамъ. Возсѣдая на судейскомъ мѣстѣ, онъ судилъ по своей собственной волѣ. Никакой законъ не былъ для него обязателенъ, ни законъ провинцій, потому что онъ былъ римляниномъ, ни римскій законъ, потому что онъ судилъ жителей провинціи. Для того, чтобы существовали какіе - нибудь законы между нимъ и управляемымъ имъ населеніемъ, онъ долженъ былъ самъ ихъ создать, потому что только онъ одинъ могъ связать себя. Поэтому та власть, которою онъ былъ облеченъ, *imperium*, включала въ себя также власть законодательную. Отсюда произошло, что правители имѣли право и усвоили себѣ обычай при своемъ вступленіи въ должность обнародывать собраніе законовъ, которое они называли своимъ эдиктомъ и съ которымъ обязывались нравственно сообразоваться. Но такъ какъ правители мѣнялись ежегодно, то и кодексы также мѣнялись ежегодно, въ силу той простой причины, что единственнымъ источникомъ закона являлась воля человѣка, облеченнаго въ данное время властью, *imperium*. Это правило наблюдалось столь строго, что если произнесенный правителемъ приговоръ не былъ еще приведенъ въ исполненіе въ моментъ его отъѣзда изъ провинціи, то прибытіе его преемника уничтожало по праву его постановленіе, и дѣло разбиралось снова.

Такъ неограниченна была власть правителя. Онъ былъ воплощеннымъ закономъ. Призвать римское правосудіе противъ его насилій или преступленій жители провинціи могли только въ томъ случаѣ, если они могли найти римскаго гражданина, который соглашался быть ихъ патрономъ, потому что сами по

себѣ они не имѣли права ни ссылаться на законъ гражданской общины, ни обращаться къ ея судамъ. Они были иностранцами; юридическій и оффиціальный языкъ называлъ ихъ *peregrini*; все, что гласилъ законъ относительно *hostis*, продолжало примѣняться и къ нимъ.

Законное положеніе жителей имперіи обрисовывается передъ нами ясно въ произведеніяхъ римскихъ юристовъ. Мы видимъ тамъ, что народы считались не имѣющими уже своихъ законовъ и не получившими еще законовъ римскихъ. Для нихъ, значитъ, ни въ какой формѣ не существовало права. Въ глазахъ римскаго юриста житель провинціи не можетъ быть ни супругомъ, ни отцомъ, т.-е. это значитъ, что законъ не признаетъ за нимъ ни супружеской, ни отеческой власти. Собственности не существуетъ для него; для него существуетъ даже двойная невозможность стать собственникомъ: во-первыхъ, въ силу его личнаго положенія, потому что онъ не римскій гражданинъ; во-вторыхъ, въ силу положенія его земли, такъ какъ земля эта не римская, а законъ допускаетъ право полной собственности только въ предѣлахъ *ager romanus*. Поэтому римскіе юристы и говорятъ, что провинціальная земля никогда не бываетъ частной собственностью, и что люди могутъ имѣть на нее только права временнаго владѣнія и пользованія. То, что они говорятъ во второмъ вѣкѣ нашей эры о провинціальной землѣ, относилось вполнѣ къ италіанской землѣ до того дня, когда вся Италія получила права римской гражданской общины, какъ мы это сейчасъ увидимъ.

Итакъ, вполнѣ доказано, что народы, по мѣрѣ того какъ они вступали подъ власть Рима, теряли свою муниципальную религію, свое управленіе, свое частное право. Можно думать, что Римъ смягчалъ на практикѣ то, что было разрушительнаго въ этомъ подчиненіи ему. Поэтому мы видимъ, что если римскій законъ и не признавалъ за подданными отеческой власти, то онъ во всякомъ случаѣ оставлялъ эту власть существовать въ нравахъ и обычаяхъ. Если данному человѣку не разрѣшалось называть себя собственникомъ земли, то ему

все-таки предоставлялось владѣніе ею; онъ обрабатывалъ свою землю, продавалъ ее, завѣщалъ. Въ такомъ случаѣ не говорилось, что эта земля—его, но говорили, что она какъ бы его, *pro suo*. Она не была его собственностью, *dominium*, но она была въ числѣ его имущества, *in bonis*. Такимъ образомъ, Римъ изобрѣлъ для выгоды подданнаго цѣлую массу обходовъ и особыхъ выраженій въ языкѣ. Конечно, муниципальныя традиціи мѣшали римскому генію создать законы для побѣжденныхъ, но онъ не могъ все же допустить, чтобы общества совершенно распались. Въ принципѣ онъ ставилъ ихъ внѣ закона, внѣ права; въ дѣйствительности они жили такъ, какъ будто имѣли законы, право. Но кромѣ этого и терпимости побѣдителя у нихъ не было ничего; всѣ учрежденія побѣжденныхъ должны были пасть, всѣ законы ихъ—погибнуть. *Imperium romanum* представляла, особенно при республиканскомъ и сенаторскомъ режимѣ, исключительное зрѣлище: единственная гражданская община возвышалась, сохраняя свои учрежденія и право; все же остальное, т.-е. восемьдесятъ милліоновъ душъ, или не имѣли болѣе никакихъ законовъ, или, во всякомъ случаѣ, не имѣли такихъ, которые бы признавались господствующей гражданской общиной. Міръ не былъ въ точномъ смыслѣ хаосомъ, но грубая сила, произволъ, условность—одни поддерживали общество за отсутствіемъ законовъ и принциповъ.

Таково было слѣдствіе побѣды римлянъ надъ народами, которые сдѣлались постепенно ихъ добычей. Все, составлявшее гражданскую общину, погибло: сначала религія, потомъ управленіе и, наконецъ, частное право; всѣ муниципальныя учрежденія, поколебленныя уже съ давнихъ поръ, были вырваны съ корнемъ и уничтожены. Но никакое общественное устройство, никакая система управленія не замѣнили тотчасъ же исчезнувшаго. Былъ нѣкоторый промежутокъ времени между тѣмъ моментомъ, когда распался муниципальный строй, и тѣмъ, когда начали нарождаться другія формы общежитія. Нація не смѣнила непосредственно гражданскую общину, такъ какъ *imperium romanum* не походила никоимъ образомъ

на націю. Это была нестройная масса; истинный порядокъ былъ только въ центрѣ, все же остальное имѣло лишь временный, искусственный строй и то лишь цѣною покорности. Покоренные народы могли достигнуть возможности сорганизоваться въ политическое цѣлое, только завоевавъ въ свою очередь тѣ права и учрежденія, которыя Римъ хотѣлъ сохранить лишь для себя; для этого имъ нужно было войти въ римскую гражданскую общину, занять тамъ мѣсто, тѣсно сблизиться съ ней и преобразовать ее такъ, чтобы создать изъ себя и Рима одно цѣлое. Это было трудное дѣло, и на него требовалось много времени.

5. *Покоренные народы входятъ послѣдовательно въ составъ римской гражданской общины.*

Мы только-что видѣли, насколько плачевно было положеніе подданныхъ Рима и насколько судьба гражданина должна была казаться завидной. Страдало не одно тщеславіе; тутъ дѣло шло объ интересахъ болѣе реальныхъ и болѣе дорогихъ. Человѣкъ, не бывшій римскимъ гражданиномъ, не считался ни супругомъ, ни отцомъ; онъ не могъ быть по закону ни собственникомъ, ни наслѣдникомъ. Званіе римскаго гражданина было такъ важно, что не имѣвшій его оставался внѣ права, и только тотъ, кто его имѣлъ, входилъ въ правильно устроенное общество. Званіе это сдѣлалось, слѣдовательно, предметомъ самыхъ горячихъ желаній людей. Латины, италійцы, греки и позже испанцы и галлы стремились стать римскими гражданами, это было единственное средство получить права и имѣть какое-нибудь значеніе. Всѣ эти народы, одинъ за другимъ, приблизительно въ томъ же порядкѣ, въ которомъ они подпадали подъ владычество Рима, начали добиваться того, чтобы войти въ составъ римской гражданской общины, и послѣ долгихъ усилій имъ это удалось.

Это медленное вступленіе народовъ въ составъ римскаго государства является послѣднимъ актомъ длинной исторіи преобразованія соціальнаго строя древнихъ. Для того, чтобы из-

слѣдовать это великое событіе во всѣхъ его послѣдовательныхъ фазисахъ, нужно обратиться къ его началу въ четвертомъ вѣкѣ до нашей эры.

Лаціумъ давно уже покоренъ; изъ сорока населявшихъ его мелкихъ народовъ Римъ половину истребилъ, у нѣкоторыхъ отнялъ ихъ земли, остальнымъ же оставилъ званіе союзниковъ. Въ 340 году они замѣтили, что союзъ этотъ приноситъ имъ только вредъ, что они должны во всемъ повиноваться, что они обречены проливать ежегодно кровь и тратить свои деньги единственно ради выгоды Рима. Они составили союзъ, и вождь ихъ Анній такимъ образомъ формулировалъ ихъ требованія римскому сенату: „Пусть у насъ будетъ равенство, пусть намъ дадутъ одни и тѣ же законы, пусть мы будемъ составлять съ вами единое государство, *una civitas*, чтобы у насъ было одно только имя и чтобы мы всѣ назывались равно римлянами“. Такъ уже въ 340 г. Анній высказалъ пожеланія, которыя стали потомъ постепенно общими для всѣхъ народовъ, но которыя должны были вполнѣ осуществиться только спустя пять съ половиною вѣковъ. Въ четвертомъ же вѣкѣ подобная мысль была очень нова и вполнѣ неожиданна. Римляне объявили ее чудовищной и преступной; она, дѣйствительно, противорѣчила древней религіи и древнему праву гражданскихъ общинъ. Консулъ Манлій отвѣтилъ, что если бы даже случилось, что подобное предложеніе было бы принято, то онъ, консулъ, убилъ бы собственной рукою перваго латина, который явился бы засѣдать въ сенатъ; затѣмъ, обращаясь къ алтарю, онъ призвалъ бога во свидѣтели: „Ты слышалъ, о Юпитеръ, нечестивыя рѣчи, которыя исходили изъ устъ этого человѣка! Можешь ли потерпѣть, о богъ, чтобы въ твоемъ священномъ храмѣ, какъ сенаторъ, какъ консулъ, засѣдалъ чужеземецъ“? Манлій выражалъ, такимъ образомъ, то старинное чувство отвращенія, которое удаляло гражданина отъ чужеземца; это былъ голосъ древняго религіознаго закона, который предписывалъ, чтобы люди ненавидѣли чужеземца, потому что онъ ненавистенъ богамъ гражданской общины. Манлію казалось невозможнымъ, чтобы латинъ былъ сенаторомъ, потому

что мѣстомъ собранія сената былъ храмъ, а римскіе боги не могли допустить присутствія чужеземца въ своемъ святилищѣ.

За этимъ послѣдовала война; побѣжденные латины принуждены были къ *deditio*, т.-е. они отдали римлянамъ свои города, свои культы, свои законы, свои земли. Ихъ положеніе стало ужасно. Одинъ изъ консуловъ сказалъ въ сенатѣ, что если государство не желаетъ создать кругомъ Рима обширную пустыню, то необходимо съ нѣкоторымъ милосердіемъ урегулировать положеніе латиновъ. Титъ Ливій говоритъ неясно о томъ, что было сдѣлано; если ему вѣрить, то латинамъ было дано право римскаго гражданства, но за исключеніемъ изъ области политическихъ правъ права голоса, а изъ гражданскихъ правъ—брака; кромѣ того надо замѣтить, что эти новые граждане не включались въ цензъ,—совершенно очевидно, что сенатъ обманывалъ латиновъ, давая имъ названіе римскихъ гражданъ; подъ этимъ названіемъ скрывалось настоящее подчиненіе, такъ какъ тѣ, кто назывались гражданами, должны были нести всѣ обязанности, не имѣя никакихъ гражданскихъ правъ. Это настолько вѣрно, что многіе латинскіе города возстали, требуя, чтобы у нихъ взяли назадъ это мнимое право гражданской общины.

Прошло около ста лѣтъ, и хотя Титъ Ливій ничего намъ объ этомъ не сообщаетъ, но видно совершенно ясно, что политика Рима измѣнилась. Положеніе латиновъ теперь уже другое, право гражданства безъ права голоса и *connubium* теперь уже не существуетъ болѣе. Римъ отнялъ у нихъ это имя или, вѣрнѣе, онъ уничтожилъ эту ложь и рѣшился возвратить различнымъ городамъ ихъ муниципальное устройство, ихъ законы, ихъ магистратуры.

Но въ силу очень ловкаго пріема Римъ открылъ дверь, хотя бы и очень узкую, но все же позволяющую подданнымъ войти въ составъ римской гражданской общины. Онъ далъ право каждому латину, который исполнялъ какую-либо должность въ своемъ родномъ городѣ, сдѣлаться по окончаніи срока его службы римскимъ гражданиномъ. На этотъ разъ право римскаго гражданства давалось полное и безъ ограниченій: право голоса, магистратуры, внесеніе въ цензъ, право брака, частное право—все въ немъ заключалось. Римъ рѣшился подѣлиться съ чужеземцемъ своей религіей, своимъ управленіемъ, своими законами, только милости его были личныя и относились не къ цѣлымъ городамъ, но къ отдѣльнымъ личностямъ въ каждомъ изъ этихъ городовъ. Римъ принялъ въ свою среду только то, что было самаго лучшаго, самаго богатаго, самаго выдающагося въ Лаціумѣ.

Право гражданства стало цѣниться тогда чрезвычайно высоко, во-первыхъ, потому, что оно было полнымъ, затѣмъ потому еще, что являлось привилегіей. Въ силу его человѣкъ являлся членомъ комицій самаго могущественнаго въ Италіи города; онъ могъ сдѣлаться консуломъ и начальствовать надъ легіонами. Въ этомъ же правѣ лежала возможность удовлетворенія и болѣе скромныхъ притязаній: благодаря ему можно было посредствомъ брака вступить въ союзъ съ римской семьей, можно было поселиться въ Римѣ и сдѣлаться тамъ собственникомъ, можно было заняться торговлей въ Римѣ, который началъ уже занимать первое мѣсто среди торговыхъ городовъ тогдашняго міра. Можно было войти въ компанію сборщиковъ податей, т.-е. принять участіе въ тѣхъ огромнѣйшихъ барышахъ, которые давало взиманіе податей или спекуляціи на общественныя земли, *ager publicus*. Гдѣ бы человѣкъ ни жилъ, онъ пользовался сильнымъ покровительствомъ, онъ могъ уклониться отъ власти муниципальныхъ магистратовъ и онъ былъ защищенъ отъ произвола даже самихъ римскихъ магистратовъ. Вмѣстѣ съ правами римскаго гражданина пріобрѣтались почести, богатство и безопасность.

Латины горячо добивались этого званія и употребляли всѣ средства для достиженія его. Въ одинъ прекрасный день, когда Римъ пожелалъ отнестись нѣсколько строже къ этому дѣлу, оказалось, что двѣнадцать тысячъ латиновъ получили обманомъ право римскаго гражданства.

Римъ смотрѣлъ на это обыкновенно сквозь пальцы, находя, что такимъ образомъ его населеніе увеличивается, и пополняется убыль отъ войнъ. Но латинскіе города страдали:

ихъ наиболѣе богатые жители становились римскими гражданами, и Лаціумъ бѣднѣлъ. Налоги, отъ которыхъ богатые освобождались въ качествѣ римскихъ гражданъ, становились все болѣе и болѣе тяжкими, и количество воиновъ, которыхъ нужно было ежегодно выставлять Риму, становилось все труднѣе набирать. Чѣмъ болѣе возрастало число тѣхъ, кто получалъ права римскаго гражданства, тѣмъ тяжелѣе было положеніе тѣхъ, кто не имѣлъ этихъ правъ. И вотъ настало время, когда латинскіе города потребовали, чтобы право римскаго гражданства перестало быть привилегіей.

Италійскіе города, покоренные уже около двухъ вѣковъ, находились почти въ томъ же положеніи, какъ и латинскіе; они также видѣли, что ихъ наиболѣе богатые граждане покидаютъ ихъ и дѣлаются римлянами, и италійскіе города потребовали тоже и для себя правъ римскаго гражданства. Участь подданныхъ или союзниковъ становилась тѣмъ невыносимѣе, что какъ разъ въ эту эпоху римская демократія возбудила великій вопросъ объ аграрныхъ законахъ. Основаніемъ всѣхъ этихъ законовъ было то, что ни подданный, ни союзникъ не могли быть собственниками земли безъ формальнаго акта гражданской общины, и затѣмъ большая часть италійскихъ земель должна была принадлежать республикѣ; одна партія требовала, чтобы всѣ эти земли, которыя почти сплошь были населены италійцами, были отобраны государствомъ и подѣлены между бѣдными Рима. Италійцамъ угрожало, такимъ образомъ, всеобщее разореніе; они живо чувствовали необходимость имѣть гражданскія права, а получить ихъ они могли, только ставъ римскими гражданами.

Война, которая возгорѣлась вслѣдъ за этимъ, получила названіе *войны союзнической;* дѣйствительно, римскіе союзники взялись за оружіе, чтобы перестать быть союзниками и сдѣлаться римлянами. Побѣдоносный Римъ былъ тѣмъ не менѣе принужденъ дать то, чего отъ него требовали, и народы италійскіе получили права римскаго гражданства. Слившись отнынѣ съ римлянами, они могли голосовать на форумѣ; въ частной жизни они управлялись римскими законами; ихъ права

на землю были признаны, и земля италійская могла наравнѣ съ римской землею дѣлаться собственностью. Тогда установилось *jus italicum*; это право касалось не лично италійца, потому что италіецъ сдѣлался уже римляниномъ, но италійской земли, на которую могло теперь распространяться право собственности такъ же, какъ это было по отношенію къ *ager romanus*.

Начиная съ этого времени, вся Италія составляетъ одно государство; оставалось только включить въ это единство и провинціи.

Нужно дѣлать различіе между провинціями Запада и Греціей. На Западѣ была Галлія и Испанія, которыя до завоеванія ихъ римлянами не знали истиннаго муниципальнаго строя. Римъ постарался создать муниципальный порядокъ у этихъ народовъ; потому ли, что онъ считалъ невозможнымъ управлять ими иначе, или же для того, чтобы ихъ ассимилировать съ италійскими народностями, надо было заставить ихъ пройти тотъ же путь, который прошли уже эти народы. Отсюда произошло то, что императоры, подавлявшіе всякую политическую жизнь въ Римѣ, старательно поддерживали формы свободнаго муниципальнаго строя въ провинціи. Такимъ образомъ сложились гражданскія общины въ Галліи; въ каждой изъ нихъ былъ свой сенатъ, свое аристократическое сословіе, свои выборныя должностныя лица; у каждой былъ даже свой мѣстный культъ, свой геній, свое городское божество, на подобіе того, что было въ древней Греціи и въ Италіи. Но вводимый такимъ образомъ муниципальный строй не препятствовалъ людямъ достигнуть римскаго гражданства; онъ ихъ къ этому, наоборотъ, подготовлялъ. Искусно установленная между этими городами іерархія обозначала тѣ ступени, которыя должны были они пройти, чтобы незамѣтно приблизиться къ Риму и, наконецъ, слиться съ нимъ совершенно. Различались, во-первыхъ, союзники, которые имѣли управленіе и собственные законы, но никакой правовой связи съ римскими гражданами; во-вторыхъ—колоніи, которыя пользовались гражданскимъ правомъ римлянъ, но не имѣли ихъ

политическихъ правъ; въ-третьихъ—города, имѣвшіе италійское право, т.-е. тѣ, которымъ милость Рима дала права полной собственности на ихъ земли, какъ будто бы эти земли находились въ Италіи; въ четвертыхъ—города, имѣвшіе латинское право, т.-е. обитатели которыхъ могли согласно нѣкогда существовавшему въ Лаціумѣ обычаю стать римскими гражданами, послѣ того какъ они исполняли у себя какую-нибудь муниципальную должность. Эти различія были такъ глубоки, что между жителями городовъ двухъ различныхъ категорій невозможны были ни бракъ, ни иныя какія-либо основанныя на законѣ отношенія. Но императоры позаботились о томъ, чтобы города могли подниматься со ступени на ступень и переходить постепенно изъ состоянія подданнаго или союзника къ италійскому праву и отъ италійскаго выше—къ латинскому. Когда городъ достигалъ этого положенія, то его наиболѣе вліятельныя и извѣстныя семьи становились одна за другою римскими.

Греція вошла также постепенно въ составъ римскаго государства. Каждый городъ сохранялъ вначалѣ формы и весь механизмъ муниципальнаго управленія. Въ моментъ завоеванія Греція высказала желаніе сохранить свою автономію, и автономія была ей предоставлена, быть можетъ, даже на болѣе долгое время, чѣмъ она сама того желала. Послѣ смѣны нѣсколькихъ поколѣній она стала стремиться къ тому, чтобы сдѣлаться римской; тщеславіе, честолюбіе, интересъ—все побуждало ее къ этому.

Греки не питали къ Риму той ненависти, какую обыкновенно чувствуютъ къ чуждому владыкѣ; они восторгались имъ, относились къ нему съ благоговѣйнымъ почтеніемъ; по собственному желанію они установили ему культъ и воздвигали храмы, какъ богу. Каждый городъ забывалъ свое городское божество и поклонялся вмѣсто него богу—Риму и богу—Цезарю; имъ посвящены были самые великолѣпные праздники; самою высшею обязанностью первѣйшихъ магистратовъ было справлять съ величайшей пышностью Августовы игры. Люди привыкали, такимъ образомъ, смотрѣть поверхъ своей гражданской общины; Римъ представлялся имъ гражданской общиной по преимуществу, тамъ было истинное отечество, пританей всѣхъ народовъ. Родной городъ представлялся маленькимъ, тѣснымъ, его интересы не занимали больше ума, почести, которыя онъ предоставлялъ, не удовлетворяли болѣе самолюбія. Уважать можно было только римскаго гражданина. Правда, во времена императоровъ это званіе не заключало въ себѣ болѣе никакихъ политическихъ правъ, но оно предоставляло зато болѣе солидныя преимущества; человѣкъ, облеченный имъ, пріобрѣталъ въ то же время полное право собственности, право брака, отеческую власть и все частное право Рима. Тѣ законы, которые каждый находилъ въ своемъ родномъ городѣ, были измѣнчивы, лишены прочнаго основанія; ихъ только временно терпѣли; римляне ихъ презирали, и сами греки уважали мало. Чтобы имѣть законы, твердо установленные, всѣми признаваемые, поистинѣ священные, нужно было имѣть римскіе законы.

Мы не только не видимъ, чтобы вся Греція, но даже чтобы какой-нибудь изъ греческихъ городовъ формально потребовалъ себѣ такъ страстно желаемаго права римскаго гражданства, но греки, каждый отдѣльно, лично стремились его пріобрѣсти, и Римъ охотно его давалъ. Одни получали его по милости императора; другіе покупали его; право это давалось тому, у кого было трое дѣтей или кто служилъ въ извѣстномъ отрядѣ войска; иногда для пріобрѣтенія его достаточно было выстроить торговое судно извѣстной грузовой емкости или же привезти хлѣба въ Римъ. Самымъ быстрымъ и легкимъ способомъ пріобрѣтенія этихъ правъ было продать себя въ качествѣ раба римскому гражданину; потому что освобожденіе раба съ соблюденіемъ всѣхъ законныхъ формъ давало ему права римскаго гражданства.

Человѣкъ, имѣвшій званіе римскаго гражданина, не принадлежалъ болѣе ни въ гражданскомъ, ни въ политическомъ отношеніи своему родному городу. Онъ могъ продолжать въ немъ жить, но онъ считался уже иностранцемъ; онъ не былъ болѣе подчиненъ законамъ этого города, не повиновался болѣе

его властямъ, не участвовалъ болѣе въ несеніи денежныхъ повинностей. Это было слѣдствіе древняго принципа, не разрѣшавшаго человѣку принадлежать одновременно къ двумъ гражданскимъ общинамъ. Произошло совершенно естественно, что черезъ нѣсколько поколѣній въ каждомъ греческомъ городѣ образовалось значительное количество людей, обыкновенно наиболѣе богатыхъ, которые не признавали ни управленія, ни права этого города. Такимъ образомъ, муниципальный строй погибалъ медленно; онъ умеръ какъ бы естественной смертью. Настал день, когда гражданская община представляла изъ себя рамки, въ которыхъ ничего уже болѣе не заключалось, гдѣ мѣстные законы почти ни къ кому уже болѣе не примѣнялись, гдѣ муниципальнымъ судьямъ некого уже было судить.

Наконецъ, послѣ того какъ восемь или десять поколѣній горячо добивались права римскаго гражданства, послѣ того какъ все, что имѣло какое-нибудь значеніе, получило его, появился декретъ императора, даровавшій его всѣмъ свободнымъ людямъ безъ исключенія.

Странно здѣсь то обстоятельство, что нельзя указать достовѣрно ни времени, когда былъ изданъ этотъ декретъ, ни имени императора, его издавшаго. Честь его изданія приписываютъ съ нѣкоторой вѣроятностью Каракалѣ, т.-е. тому именно государю, который никогда не отличался возвышенными взглядами; впрочемъ, ему и приписываютъ это только какъ чисто фискальную мѣру. Мы не встрѣчаемъ въ исторіи болѣе важнаго декрета, чѣмъ этотъ: онъ уничтожалъ различіе, существовавшее со времени римскаго завоеванія между народомъ господствующимъ и народомъ подвластнымъ; онъ уничтожалъ различіе еще болѣе древнее, то, которое религія и право установили между гражданскими общинами. Между тѣмъ историки того времени совершенно его не отмѣтили, и мы знаемъ о немъ только изъ двухъ неясныхъ текстовъ юристовъ и затѣмъ изъ краткаго указанія Діона Кассія. Если этотъ декретъ не поразилъ современниковъ и не обратилъ на себя вниманія тѣхъ, кто писалъ тогда исторію, то это произошло

вслѣдствіе того, что самая перемѣна, законнымъ выраженіемъ которой онъ явился, произошла уже давно. Неравенство между гражданами и подданными ослабѣвало съ каждымъ поколѣніемъ и мало-по-малу исчезло. Декретъ могъ пройти незамѣченнымъ подъ видомъ простой фискальной мѣры; онъ провозглашалъ и переносилъ въ область права то, что было уже совершившимся фактомъ.

Званіе гражданина начало выходить тогда изъ употребленія, если же и употреблялось, то лишь для обозначенія положенія свободнаго человѣка, въ противоположность положенію раба. Начиная съ этого времени, все, что входило въ составъ римской имперіи отъ Испаніи и до Эфрата, образовало дѣйствительно одинъ народъ и одно государство. Различіе между гражданскими общинами исчезло; различіе между націями обнаруживалось еще очень слабо. Всѣ жители этой громадной имперіи были равно римлянами. Галлъ оставилъ свое имя галла и охотно поспѣшилъ назваться римляниномъ; такъ же поступилъ испанецъ, такъ же сдѣлалъ и обитатель Ѳракіи или Сиріи. Существовало одно только имя, одно только отечество, одно только правительство и одно только право.

Мы видимъ, какъ сильно развивалась изъ вѣка въ вѣкъ римская гражданская община. Вначалѣ въ ея составъ входили только патриціи и кліенты; затѣмъ въ нее проникъ классъ плебеевъ, затѣмъ латины, потомъ италійцы и, наконецъ, жители провинцій. Однако, завоеванія было недостаточно, чтобы совершилась такая великая перемѣна; потребовалось еще медленное преобразованіе идей, осторожныя, но безпрерывныя уступки императоровъ и побужденіе личнаго интереса. Тогда мало-по-малу исчезли всѣ гражданскія общины. Римская гражданская община, послѣдняя устоявшая отъ разрушенія, преобразовалась сама настолько, что обратилась въ соединеніе многихъ народовъ подъ властью единаго верховнаго главы. Такъ палъ муниципальный строй.

Въ нашу задачу не входитъ говорить теперь о томъ, какой системой управленія былъ замѣненъ этотъ строй, а также изслѣдовать, была ли эта перемѣна прежде всего выгодна или

гибельна для народовъ. Мы должны остановиться на томъ моментѣ, когда старинныя формы общественной жизни, установленныя древностью, исчезаютъ навсегда.

Глава III.

Христіанство измѣняетъ условія управленія.

Побѣда христіанства знаменуетъ собою конецъ древняго общества. Вмѣстѣ съ побѣдой новой религіи заканчивается то соціальное преобразованіе, начало котораго мы видѣли шесть или семь вѣковъ до этого.

Для того, чтобы понять, до какой степени измѣнились въ то время принципы и главныя правила политики, достаточно будетъ припомнить, что древнее общество было установлено древнею религіей, основнымъ догматомъ которой было вѣрованіе, что каждый богъ покровительствуетъ исключительно одной только семьѣ или одной гражданской общинѣ и для одной только существуетъ. То было время домашнихъ и городскихъ боговъ. Эта религія породила право: отношенія между людьми, собственность, наслѣдованіе, судопроизводство, все это опредѣлялось не началами естественной справедливости, но догматами религіи и требованіями ея культа. Религія же установила и управленіе людьми: власть отца въ семьѣ, власть царя или магистрата въ гражданской общинѣ. Все проистекало изъ религіи, т.-е. изъ того понятія, какое создалъ себѣ человѣкъ о божествѣ. Религія, право, управленіе— все было смѣшано, слито и являлось одною и тою же сущностью въ трехъ видахъ.

Мы старались освѣтить этотъ соціальный строй древнихъ, гдѣ религія являлась абсолютной повелительницей, какъ въ частной, такъ и въ общественной жизни; гдѣ государство являлось религіозной общиной, царь—верховнымъ жрецомъ, магистратъ—священнослужителемъ, законъ—священной формулой; гдѣ патріотизмъ былъ благочестіемъ, изгнаніе—отлученіемъ отъ религіи; гдѣ индивидуальная свобода была неизвѣстна; гдѣ человѣкъ былъ порабощенъ государству душою, тѣломъ и всѣмъ своимъ достояніемъ; гдѣ ненависть къ чужеземцу была обязательна; гдѣ понятіе права и долга, справедливости и привязанности останавливались у предѣловъ гражданской общины; гдѣ человѣческая ассоціація необходимо ограничивалась извѣстнымъ кругомъ вокругъ пританея и гдѣ не было возможности основать болѣе обширнаго общества. Таковы были отличительныя черты греческихъ и итальянскихъ гражданскихъ общинъ въ теченіе перваго періода ихъ исторіи.

Но мало-по-малу, какъ мы это видѣли, общество видоизмѣнилось. Одновременно съ тѣмъ, какъ произошли перемѣны въ вѣрованіяхъ, онѣ произошли также въ управленіи и въ правѣ. Уже въ теченіе пяти вѣковъ, предшествовавшихъ христіанству, ослабла связь между религіей, съ одной стороны, правомъ и политикой, съ другой. Усилія классовъ угнетенныхъ, ниспроверженіе жреческой касты, труды философовъ, прогрессъ мысли поколебали древніе принципы человѣческой ассоціаціи. Люди дѣлали безпрестанныя усилія, чтобы освободиться отъ древней религіи, въ которую человѣкъ не могъ болѣе вѣрить; право, политика, какъ и мораль, мало-по-малу освободились отъ ея узъ.

Только причина этого отдѣленія лежала въ томъ, что древняя религія постепенно исчезала; если право и политика стали болѣе независимыми, то это произошло потому, что люди теряли вѣрованія; если общества перестали управляться религіей, то главнымъ образомъ потому, что религія не имѣла болѣе силы. Но насталъ день, когда религіозное чувство ожило съ новою силой, и, въ формѣ христіанства, вѣра снова овладѣла душой человѣка. Не должно ли было тогда появиться снова древнее смѣшеніе управленія и священства, вѣры и закона?

Религіозное чувство не только ожило вмѣстѣ съ христіанствомъ, но оно получило сверхъ того болѣе возвышенное и духовное выраженіе. Тогда какъ въ прежнія времена боговъ создавали себѣ изъ человѣческой души или изъ великихъ

силъ физической природы, теперь явилось понятіе о Богѣ, какъ о существѣ отличномъ по своей сущности и отъ человѣческой природы съ одной стороны, и отъ прочаго міра съ другой. Божественное было поставлено рѣшительно внѣ и выше всей видимой природы. Тогда какъ нѣкогда каждый человѣкъ создавалъ себѣ собственнаго бога, и боговъ было столько же, сколько семействъ и гражданскихъ общинъ, теперь Богъ явился какъ существо единое, безконечное, всеобъемлющее, единое оживляющее міръ, единое удовлетворяющее потребность человѣческой души въ поклоненіи.

Вмѣсто того, чтобы, какъ это было раньше у народовъ Греціи и Италіи, религія являлась только собраніемъ обычаевъ и обрядовъ, которые продолжали совершать, не понимая ихъ внутренняго смысла,—рядомъ формулъ, смыслъ которыхъ былъ уже непонятенъ, такъ какъ языкъ ихъ устарѣлъ, преданіемъ, которое передавалось изъ вѣка въ вѣкъ и считалось священнымъ только потому, что было древне, — вмѣсто всего этого религія стала теперь собраніемъ догматовъ и великимъ предметомъ вѣры. Религія перестала быть внѣшней; она коренилась, главнымъ образомъ, въ мысли человѣка. Она перестала быть матеріей, она стала духомъ. Христіанство измѣнило и сущность и форму поклоненія: человѣкъ не приносилъ Богу болѣе пищи и питія; молитва перестала быть чародѣйскимъ заклинаніемъ; она являлась актомъ вѣры и смиренной мольбы. Душа человѣка находилась теперь въ иныхъ отношеніяхъ къ божеству: страхъ передъ богами замѣнился любовью къ Богу.

Христіанство принесло и кромѣ этого много новаго. Оно не было ни домашней религіей какой бы то ни было семьи, ни національной религіей какой бы то ни было гражданской общины или народа. Она не принадлежала ни къ какой кастѣ, ни къ какой корпораціи. Съ самаго начала она призывала къ себѣ все человѣчество. Іисусъ Христосъ сказалъ своимъ ученикамъ: „Идите и научите *всѣ народы*“.

Этотъ принципъ былъ столь необыкновененъ и неожиданъ, что у первыхъ учениковъ явилось даже нѣкоторое сомнѣніе и колебаніе; въ Дѣяніяхъ Апостоловъ мы видимъ, что нѣкоторые

ученики вначалѣ отказываются идти проповѣдывать новое ученіе внѣ того народа, гдѣ оно родилось. Ученики эти думали такъ же, какъ думали древніе евреи, что Богъ евреевъ не желалъ принимать поклоненія отъ чужеземцевъ; подобно грекамъ и римлянамъ древнихъ временъ, они вѣрили, что у каждаго народа былъ свой богъ и что распространять, проповѣдывать имя и культъ этого бога значило лишать себя собственнаго достоянія и спеціальнаго покровителя, и что подобная проповѣдь была одновременно противна и долгу, и интересамъ. Но Петръ возражалъ этимъ ученикамъ: „Богъ не дѣлаетъ различія между язычниками и нами“. Святой Павелъ любилъ повторять этотъ великій принципъ при всякомъ случаѣ и во всевозможной формѣ. „Богъ“, говоритъ онъ, „открываетъ язычникамъ врата вѣры. Развѣ Богъ не есть Богъ однихъ евреевъ? Нѣтъ, конечно, онъ есть также Богъ и всѣхъ язычниковъ... язычники призваны къ тому же наслѣдію, какъ и евреи“.

Во всемъ этомъ было нѣчто чрезвычайно новое, такъ какъ повсюду въ первые вѣка человѣчества божество понималось какъ принадлежащее особенно именно данному племени. Евреи вѣрили въ Бога евреевъ, аѳиняне въ Палладу аѳинянъ, римляне въ Юпитера Капитолійскаго. Право исполнять обряды культа было привилегіей. Чужеземецъ не допускался въ храмы; не-еврей не имѣлъ права войти въ храмъ евреевъ; лакедемонянинъ не имѣлъ права обращаться съ молитвой къ Палладѣ аѳинской. Справедливость требуетъ сказать, что въ теченіе пяти вѣковъ, которые предшествовали христіанству, всѣ мыслящіе люди возставали противъ этихъ узкихъ правилъ. Философы, начиная съ Анаксагора, множество разъ говорили и учили, что Богъ всего міра принимаетъ безъ различія поклоненіе всѣхъ людей. Религія Элевзина принимала посвященныхъ изо всѣхъ городовъ. Культы Кибелы, Сераписа и нѣкоторыхъ другихъ принимали безразлично поклонниковъ всѣхъ націй. Евреи также начали принимать чужеземцевъ въ свою религію, греки и римляне принимали ихъ въ свои гражданскія общины. Христіанство, пришедшее послѣ всѣхъ этихъ

прогрессовъ мысли и учрежденій, явило поклоненію всѣхъ людей Бога единаго, Бога вселенной, Бога всѣхъ людей, у котораго не было избраннаго народа и который не дѣлалъ различія ни между племенами, ни между народами, ни между семьями, ни между государствами.

Для этого Бога не было чужеземцевъ. Чужеземецъ не осквернялъ болѣе храма или жертвоприношенія своимъ присутствіемъ. Храмъ былъ открытъ для каждаго, кто вѣрилъ въ Бога. Жреческое достоинство перестало быть наслѣдственнымъ, потому что религія тоже перестала быть родовымъ достояніемъ. Культъ пересталъ быть тайнымъ; ни обряды, ни молитвы, ни догматы болѣе не скрывались; напротивъ, съ этихъ поръ появилось религіозное обученіе; оно не только давалось желающимъ, оно предлагалось, оно шло навстрѣчу самыхъ дальнихъ, оно искало самыхъ равнодушныхъ. Духъ проповѣди, пропаганды замѣнилъ собою законъ исключительности.

Это имѣло огромныя послѣдствія какъ для отношеній народовъ между собою, такъ и для управленія государствами.

Религія не требовала болѣе взаимной ненависти между народами, она не ставила болѣе въ обязанность гражданину относиться враждебно къ чужеземцу; наоборотъ, она, по самой своей сущности, учила его, что у него есть долгъ справедливости и даже любви къ чужеземцу, къ врагу. Преграды между народами и племенами, такимъ образомъ, пали; *pomoerium*—исчезло. „Іисусъ Христосъ“, говоритъ апостолъ, „разорилъ преграду разобщенія и вражды“.—„Членовъ много“, говоритъ онъ еще, „но тѣло едино. Нѣтъ болѣе ни язычника, ни еврея, ни обрѣзаннаго, ни необрѣзаннаго, ни варвара, ни скиѳа. Весь родъ человѣческій — одно цѣлое“. Народы учили даже тому, что всѣ они происходятъ отъ одного общаго отца. Вмѣстѣ съ единствомъ Бога человѣческому уму предстало также понятіе объ единствѣ человѣческаго рода; и съ этого времени стало обязанностью религіи запрещать человѣку ненависть къ другимъ людямъ.

Что касается управленія государствомъ, то можно сказать, что христіанство преобразовало его въ самой сущности именно

потому, что оно имъ совершенно не занималось. Въ древніе вѣка религія и государство составляли одно: каждый народъ поклонялся своему богу, и каждый богъ управлялъ своимъ народомъ. Одинъ и тотъ же кодексъ опредѣлялъ отношенія между людьми и ихъ обязанности къ богамъ гражданской общины. Религія повелѣвала тогда государствомъ и указывала ему его вождей или жребіемъ, или посредствомъ ауспицій; государство въ свою очередь вступало въ область вѣрованій, совѣсти и наказывало всякое отступленіе отъ обрядовъ культа гражданской общины. Вмѣсто этого Христосъ учитъ, что царство его не отъ міра сего. Онъ отдѣляетъ религію отъ управленія; религія, переставъ быть земною, касается, насколько возможно меньше, земныхъ предметовъ. Христосъ учитъ: „Отдавайте Кесарево—Кесарю, а Божіе—Богу“. Впервые такъ ясно было раздѣлено: Богъ и управленіе. Цезарь въ эту эпоху былъ еще главнымъ жрецомъ, главою и представителемъ римской религіи; онъ былъ хранитель и истолкователь ея вѣрованій; онъ держалъ въ своихъ рукахъ культъ и догматы. Самая его личность считалась священной и божественной. Это было какъ разъ одной изъ существенныхъ чертъ политики императоровъ; они, желая получить всѣ права и атрибуты древней царской власти, позаботились и не позабыли также о божественномъ характерѣ, который древніе придавали царямъ - первосвященникамъ и основателямъ - жрецамъ. Но Христосъ разрушаетъ ту связь, которую хотѣли возстановить язычество и имперія; онъ провозглашаетъ, что религія не есть государство и что повиноваться цезарю не то же самое, что повиноваться Богу.

Христіанство завершаетъ ниспроверженіе мѣстныхъ культовъ; оно гаситъ огонь пританеевъ и окончательно уничтожаетъ городскія божества. Оно дѣлаетъ болѣе того: оно не беретъ себѣ той власти, которую эти культы проявляли надъ гражданскимъ обществомъ. Оно исповѣдуетъ то убѣжденіе, что между государствомъ и религіей нѣтъ ничего общаго; оно раздѣляетъ то, что сливала во-едино вся древность. Мы можемъ къ тому же замѣтить, что въ теченіе трехъ вѣковъ новая религія живетъ совершенно внѣ сферы дѣятельности

государства; она умѣла обходиться безъ его покровительства и даже боролась съ нимъ. Эти три вѣка создали цѣлую пропасть между областью управленія и областью религіи. Воспоминаніе о великой и славной эпохѣ не могло изгладиться, различіе между властью государства и религіей стало общедоступной и непререкаемой истиной, и убѣжденіе въ ней не могла искоренить даже нѣкоторая часть членовъ церкви.

Принципъ этотъ былъ обиленъ великими послѣдствіями. Съ одной стороны, политика совершенно освободилась отъ тѣхъ строгихъ правилъ, которыя начертала для нея древняя религія. Теперь людьми возможно было управлять, не покоряясь священнымъ обычаямъ, не справляясь съ ауспиціями или оракулами, не примѣняясь въ каждомъ дѣйствіи къ вѣрованіямъ или потребностямъ культа. Политика стала свободнѣе въ своихъ дѣйствіяхъ, и никакая иная власть, кромѣ власти нравственнаго закона, ее болѣе не стѣсняла. Съ другой же стороны, если государство и могло болѣе самостоятельно, по своей волѣ, распоряжаться въ нѣкоторыхъ вопросахъ, то власть его стала въ то же время и болѣе ограниченной. Цѣлая половина человѣка ускользнула отъ него. Христіанство учило, что человѣкъ принадлежалъ обществу только одною частью самого себя, что онъ находился въ зависимости отъ него только своимъ тѣломъ и своими матеріальными интересами, что, будучи подданнымъ тирана, онъ долженъ былъ подчиняться ему; какъ гражданинъ республики, онъ обязанъ былъ жертвовать за нее жизнью, но что касается его души, тутъ онъ свободенъ и подвластенъ одному только Богу.

Стоицизмъ уже намѣтилъ это раздѣленіе; онъ возвратилъ человѣка самому себѣ и положилъ основаніе внутренней свободѣ. Но изъ того, что являлось лишь усиліемъ одной мужественной секты, христіанство сдѣлало всеобщее и непоколебимое правило для послѣдующихъ поколѣній; изъ того, что составляло утѣшеніе только для отдѣльныхъ лицъ, оно создало благо всего человѣчества.

Если мы теперь припомнимъ, что было говорено выше о безграничной единой власти государства у древнихъ; если мы

подумаемъ о томъ, до какой степени гражданская община во имя своего священнаго характера и нераздѣльно слитой съ нею религіи абсолютно властвовала, то мы увидимъ, что новыя начала были источникомъ, откуда могла явиться свобода личности. Разъ только душа была освобождена, то самое трудное было сдѣлано, и свобода стала возможна въ соціальномъ строѣ.

И тогда измѣнились, подобно политикѣ, также чувствованія и нравы. Понятія объ обязанностяхъ гражданина, которыя сложились раньше, ослабѣли. Теперь важнѣйшій долгъ не состоялъ уже въ томъ, чтобы отдавать свое время, свои силы и свою жизнь государству; политика и война не заполняли болѣе всего человѣка; въ патріотизмѣ не заключались уже всѣ добродѣтели, потому что у души нѣтъ отечества. Человѣкъ почувствовалъ, что у него есть и другія обязанности, кромѣ того, чтобы жить и умереть за гражданскую общину, за государство. Христіанство различало частныя добродѣтели отъ добродѣтелей общественныхъ. Уменьшая значеніе однѣхъ, оно возвысило другія; оно поставило Бога, семью, человѣческую личность выше отечества и ближняго, выше согражданина.

Право тоже измѣнилось въ своей сущности. У всѣхъ древнихъ народовъ право было подчинено религіи и отъ нея получило всѣ свои законы. У персовъ и у индусовъ, у евреевъ, у грековъ, у италійцевъ и у галловъ законъ содержался въ священныхъ книгахъ или въ религіозныхъ преданіяхъ. Поэтому каждая религія и создала право по своему подобію. Христіанство являлось первой религіей, которая не претендовала на то, чтобы право отъ нея зависѣло. Оно занялось выясненіемъ обязанностей людей, но не соотношеніемъ ихъ интересовъ. Мы не видимъ, чтобы христіанство устанавливало право собственности или порядокъ наслѣдованія, или договоры, или судопроизводство. Оно стало внѣ права, какъ внѣ всякой чисто земной области. Право было, слѣдовательно, независимо, оно могло черпать свои правила изъ природы, изъ человѣческаго сознанія, изъ живущей въ насъ мощной идеи справедливости. Оно могло развиваться вполнѣ свободно,

преобразовываться и улучшаться безъ малѣйшаго препятствія, слѣдовать за движеніемъ впередъ нравственныхъ понятій, подчиняться потребностямъ и общественнымъ интересамъ каждаго поколѣнія.

Благотворное вліяніе новыхъ идей очевидно въ исторіи римскаго права. Въ продолженіе нѣсколькихъ вѣковъ, которые предшествовали торжеству христіанства, римское право стремилось уже освободиться отъ религіи и приблизиться къ естественной справедливости, къ природѣ, но оно дѣйствовало только обходами и тонкостями, которые ослабляли его и роняли его нравственный авторитетъ. Дѣло перерожденія права, возвѣщенное стоической философіей, дѣло, которому были посвящены благородныя усилія римскихъ юристовъ, которое было намѣчено искусственными построеніями и тонкостями преторовъ, могло имѣть полный успѣхъ только благодаря той независимости, которую новая религія предоставила праву. Можно было видѣть, что по мѣрѣ того какъ христіанство завоевывало римское общество, въ римскомъ кодексѣ вводились новыя правила и на этотъ разъ уже не въ видѣ скрытыхъ уловокъ, но совершенно прямо и безъ колебанія. Такъ какъ пенаты были ниспровергнуты, очаги угасли, то древній строй семьи исчезъ навѣки, а вмѣстѣ съ нимъ и всѣ законы, которые изъ него вытекали. Отецъ потерялъ ту безграничную власть, которую ему давало нѣкогда его жреческое достоинство, у него осталась только власть, данная ему самой природой для пользы ребенка. Жена, которую древній культъ ставилъ по отношенію къ мужу въ подчиненное положеніе, стала нравственно равна ему. Право собственности было преобразовано въ самой сущности своей: священныя границы полей исчезли; собственность имѣла своимъ источникомъ уже не религію, но трудъ; пріобрѣтеніе ея стало болѣе легкимъ, и формальности древняго права были окончательно устранены.

Такимъ образомъ, въ силу того одного факта, что семья не имѣла болѣе своей домашней религіи, измѣнился весь ея строй и ея право; точно также въ силу того, что государство не имѣло болѣе своей официальной религіи, правила управленія людьми преобразовались окончательно.

Наше изслѣдованіе должно остановиться на той границѣ, которая отдѣляетъ древнюю политику отъ современной. Мы представили исторію древняго вѣрованія. Оно устанавливается— и создается человѣческое общество. Оно измѣняется—общество проходитъ черезъ рядъ переворотовъ. Оно исчезаетъ—общество совершенно мѣняетъ свой видъ. Таковъ былъ законъ древнихъ временъ.